

И.В. Зиньковская

Готланд Эрманариха: остроготы в Восточной Европе на рубеже Древности и Средневековья

Irina Zinkovskaya

**Ermanaric's Gothland:
Ostrogoths
in Eastern Europe
at the Boundary
between Antiquity
and Middle Ages**

Center for humanitarian initiatives
Moscow – Saint-Petersburg
2018

И.В. Зиньковская

Готланд Эрманариха:
остроготы в Восточной Европе
на рубеже Древности
и Средневековья

Центр гуманитарных инициатив
Москва – Санкт-Петербург
2018

УДК 94(100-87)(09)

ББК 63.3(0)4

363

Серия MEDIAEVALIA
СРЕДНЕВЕКОВЬЕ КАК ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫЙ ФЕНОМЕН.

Основана в 2015 г.

Составитель и главный редактор А.К. Гладков

Рецензенты:

д.и.н., проф., заведующий кафедрой
археологии и истории древнего мира Воронежского государственного
университета А.П. Медведев

д.и.н., заведующий отделом археологии эпохи Великого переселения
народов и раннего Средневековья Института археологии РАН
А.М. Обломский

Зиньковская И.В.

363 Готланд Эрманариха: остроготы в Восточной Европе на рубеже Древности и Средневековья / И.В. Зиньковская. — М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2018. — 464 с. — (MEDIAEVALIA)

ISBN 978-5-98712-866-4

Книга является первым монографическим исследованием королевства Эрманариха IV в. На основе анализа всего корпуса нарративных, лингвистических и археологических источников, а также изучения богатого историографического наследия впервые реконструируется процесс формирования остроготской государственности, уточняется ее место во всемирной и отечественной истории. Выявлены и осмыслены глубокие изменения в жизни населения юга Восточной Европы в эпоху Великого переселения народов. Исследование проливает свет на истоки европейской цивилизации, когда на рубеже Древности и Средневековья формировались этническая карта современной Европы, «варварская» государственность, письменность и право.

Книга адресована историкам, политологам, культурологам, а также широкому кругу читателей, интересующемуся истоками европейской цивилизации рубежа Древности и Средневековья.

ISBN 978-5-98712-866-4

© Зиньковская И.В., 2018

© Гладков А.К., составление серии, 2018

© Центр гуманитарных инициатив, оформление, 2018

Оглавление

Введение	7
Глава I. Нарративные источники о готах и Эрманарихе	
§ 1. «Римская история» Аммиана Марцеллина	19
§ 2. Ранневизантийские историки Евнапий и Зосим	25
§ 3. «Гетика» Иордана	31
§ 4. «Готская Библия» Вульфилы	43
§ 5. «Страсти св. Саввы Готского»	48
§ 6. Германская эпическая традиция	51
§ 7. Раннесредневековые исторические хроники	70
Глава II. Королевство Эрманариха в европейской и американской историографии	
§ 1. Готицизм XVI—XVIII вв.	80
§ 2. Остроготское государство Эрманариха в исследованиях европейских ученых XIX—первой трети XX в.	83
§ 3. Готский вопрос в Германии накануне и в годы Второй мировой войны	92
§ 4. Проблемы истории и археологии «державы» Эрманариха в исследованиях второй половины XX—начала XXI в.	95
Глава III. Королевство Эрманариха в отечественной историографии	
§ 1. Труды историков XIX—начала XX в.	120
§ 2. Разработка готской проблемы в советской археологической науке 1920-х—середины 1950-х гг.	128
§ 3. Готская проблематика в СССР второй половины 1950-х—1980-х гг.	133
§ 4. Исследования современных российских ученых	144
Глава IV. Готы и черняховская культура	
§ 1. Основные этапы истории остроготов в свете исследования черняховской культуры	161
§ 2. Территория остроготов	174
§ 3. Этнический аспект готской проблемы III—IV вв.	181
§ 4. Переселение готов и вопрос о субстрате	189
§ 5. Основные этнические компоненты черняховской культуры	194

Глава V. Социальная организация	
§ 1. Поселенческие структуры	211
§ 2. Вопрос о городах	219
§ 3. Дом и семья	222
§ 4. Погребальные памятники	229
Глава VI. Уровень экономического развития	
§ 1. Сельское хозяйство	249
§ 2. Ремесленные производства	255
§ 3. Торговля и денежное обращение	263
Глава VII. Культура и религия	
§ 1. Руны и зарождение письменной традиции	275
§ 2. Языческая религия	281
§ 3. Начало христианизации готов	290
Глава VIII. Войны Эрманариха	
§ 1. «Северные народы»	299
§ 2. Герулы и вандалы	315
§ 3. Венеты	319
§ 4. Гунны, аланы и анты	321
Глава IX. «Заговор» росомонов	
§ 1. Свидетельство Иордана о росомонах	335
§ 2. Росомоны — «роксоланы»	338
§ 3. Росомоны — «славяне-росы»	343
§ 4. Росомоны — германцы	345
§ 5. Росомоны — придворные короля Эрманариха	353
Глава X. Королевство Эрманариха как раннее «варварское государство»	
§ 1. “Regnum” Эрманариха	359
§ 2. Королевство Эрманариха в свете современных концепций потестарности	374
Заключение	384
Приложение. Источники, содержащие сведения о готах Эрманариха	387
Библиография	408
Список сокращений	447
Указатель имен	449
Summary	452
Contents	461

Исследование процесса становления государственности в различных регионах Европы относится к числу проблем, наиболее активно разрабатываемых в современной исторической науке¹. Изучение ее древних корней, выявление типов ранних государств может пролить свет на истоки того исторического и культурного своеобразия, с которого начинался путь европейских народов в историю, в том числе и на территории современной России и Украины. Данная тема весьма актуальна, т.к. исторические традиции первых потестарных образований еще долго проявляли себя в последующей истории Восточной Европы. В немалой степени это было обусловлено особенностями вмещающих восточноевропейских ландшафтов, способствовавших этническому и хозяйственному разнообразию, а также сложным процессам взаимодействия с цивилизациями Средиземноморья и Причерноморья, народами европейского Запада и кочевым миром Степной Евразии.

На рубеже Древности и Средневековья на юге Восточной Европы появилось одно из самых крупных варварских потестарных образований, известное как Остроготское королевство Эрманариха. История его взлета, кратковременного расцвета и падения необычна и во многом еще не познана. Для этого времени археологи отмечают на юге Восточной Европы феномен черняховской культуры, которая по ряду объективных показателей перешагнула тот рубеж, который отделяет варварство от цивилизации². Возникшее в IV в. в эпоху Великого переселения народов королевство Эрманариха во многом предвосхитило образование раннесредневековых варварских государств Западной Европы V—VI вв. (рис. 1). После гибели этого королевства в 375 г. под ударами гуннских орд остроготы не канули в лету.

Их потомки, известные как остготы, отступили под натиском гуннов в Центральную и Юго-Западную Европу, где неоднократно предпринимали попытки возрождения своей государственности уже на территории погибающей Римской империи. В этом смысле история “regnum” Эрманариха, безусловно, представляет интерес не только для антиковедов, но и для медиевистов, обычно изучавших истоки западноевропейской государственности Раннего Средневековья как бы с «чистого листа», без учета того бо-

¹ Ранние формы политической организации: от первобытности к государственности. М., 1995; Раннее государство, его альтернативы и аналогии. Волгоград, 2006.

Щукин М.Б. Феномен черняховской культуры эпохи Константина-Констанция, или что такое черняховская культура // Stratum: время “Ч”. 1999. № 3. С. 66—101.

Рис. 1. Остроготское королевство и Великое переселение народов на рубеже IV—V вв. (реконструкция В. Менгин)

гатого наследия, которое появилось у готов в причерноморскую эпоху их истории. Не меньше, а может быть даже больше «эра Эрманариха» важна для историков России, т.к. именно тогда в Восточной Европе складывается наиболее крупное потестарное образование из всех предшествующих Киевской Руси. Поэтому по-прежнему актуальной остается задача изучения остроготской государственности в истории России и Украины как важного этапа в историческом развитии Восточной Европы.

Историография, посвященная готам в Восточной Европе, обширна и многообразна. Однако до сих пор ни в зарубежной, ни в отечественной науке по данному сюжету нет монографического исследования, которое содержало бы целостный анализ остроготского феномена IV в. В России этой теме не везло до самого последнего времени в силу ряда причин, весьма далеких от науки. Если до 20-х гг. XX в. готская проблема активно изучалась русскими учеными, то в советской исторической науке практически с самого ее начала она оказалась в числе закрытых или, в лучшем случае, полузакрытых тем. До конца 80-х гг. XX в. плодотворно изучался лишь ее археологический аспект на уровне анализа и интерпретации памятников черняховской культуры. Но и археологи были вынуждены высказываться по готской тематике крайне осторожно, при этом их мнение, как правило, не разделялось большинством ведущих советских историков. В результате королевство Эрманариха фактически оказалось вычеркнутым со страниц

не только школьных, но и вузовских учебников по отечественной истории. В лучшем случае ему отводилось две-три строки, где упоминалась лишь война Эрманариха против венетов и расправа Венетария с антами Боза. На исторических картах Северного Причерноморья позднеантичной эпохи на месте Остроготского королевства обычно зияло большое «белое пятно». Официальная советская наука вплоть до 80-х гг. XX в., если и упоминала готов и Эрманариха, то подспудно стремилась преуменьшить масштабы и роль его королевства в истории нашей страны, ограничить его владения узкой прибрежной полосой в Причерноморье и Приазовье. Уровень исторического развития остроготов IV в. оценивался не выше примитивного «союза племен»³. При этом акцентировалось внимание на неопределенности сведений античной и византийской нарративной традиции о королевстве Эрманариха, а также на неоднозначности интерпретации вещественных источников в трудах археологов. Подобная тенденция ощущается и в единственном специальном исследовании о готах в Причерноморье, изданном в 1990 г.⁴ В известной степени она действительно проистекает из характера исторической информации об Эрманарихе и его королевстве, содержащейся в литературных источниках⁵. В зависимости от убеждений, а иногда и весьма далеких от науки пристрастий (националистических, политических, личных и т.п.), они позволяли исследователям делать прямо противоположные выводы о масштабах Остроготского королевства и его роли в политической и культурной жизни Северного Причерноморья⁶. Поэтому назрела необходимость верификации и осмысления всего круга источников о королевстве Эрманариха, включая многочисленные данные современной археологии.

В изучении готской проблематики в нашей стране ситуация стала кардинально меняться в 80—90-е гг. XX в., прежде всего, благодаря смене идеологических установок и прогрессу в изучении черняховской культуры. Под давлением новых весьма надежных фактов среди большинства российских и украинских археологов утверждается мнение о хронологическом и территориальном ее соответствии культуре потестарного образования, известного в источниках под названием «королевство Эрманариха». В последнее десятилетие увидели свет фундаментальные исследования по черняховской культуре, написанные в связи с готской

³ Рыбаков Б.А. Язычество Древней Руси. М., 1987. С. 25—40.

⁴ Буданова В.П. Готы в эпоху Великого переселения народов. М., 1990. С. 121—136, 155—156; Она же. Варварский мир эпохи Великого переселения народов. М., 2000. С. 36—37.

Иордан. О происхождении и деяниях гетов (Getica) / Вступ. ст., пер. и коммент. Е.Ч. Скржинской. СПб., 2000.

⁶ Топоров В.Н. Древние германцы в Северном Причерноморье: результаты и перспективы // Балто-славянские исследования. М., 1983. С. 227—263.

проблематикой. Среди них, прежде всего, следует назвать многочисленные статьи М.Б. Шукина⁷, вылившиеся в его итоговую монографию⁸, фундаментальное исследование по черняховской культуре Б.В. Магомедова⁹, работы А.М. Обломского¹⁰, А.В. Гудковой¹¹, М.М. Казанского¹², а также других российских и украинских археологов. Они ярко продемонстрировали практически неограниченные познавательные возможности археологических источников в изучении этой проблемы. По меткому выражению одного из исследователей, в осмыслении черняховской проблематики «наступило время “Ч”»¹³. Несомненно, к концу XX в. весомый вклад в разработку готской тематики внесли немецкие, австрийские, скандинавские, английские, американские, польские, словацкие ученые. Им принадлежит приоритет в изучении литературной и эпической традиции о готах и Эрманарихе. Среди зарубежных исследований готской проблемы следует в первую очередь назвать работы Р. Хахмана¹⁴, Ф. Бирбрауэра¹⁵, П. Хизера¹⁶, Я. Тейрала¹⁷, А. Коковского¹⁸, М. Мачинской¹⁹, Р. Санц-Серрано²⁰ и др. Кажется, для нынешнего поколения ученых вышеназванные публикации вместе с недавно изданным в России капиталь-

⁷ Шукин М.Б. К предыстории черняховской культуры. Тринадцать секвенций // АСГЭ. 1976. Вып. 20. С. 66—89; *Он же*. На рубеже эр: опыт историко-археологической реконструкции политических событий I в. до н.э. — I в. н.э. в Восточной и Центральной Европе. СПб., 1994; *Он же*. Время “Ч” — рубеж тысячелетий // *Stratum plus: время «Ч»*. 1999. № 3. С. 5—7; *Он же*. Феномен черняховской культуры... С. 66—101.

⁸ Шукин М.Б. Готский путь (готы, Рим и черняховская культура). СПб., 2005.

⁹ Магомедов Б. Черняховская культура. Проблема этноса. (*Monumenta Studia Gothica*. Т. 1). Lublin, 2001.

¹⁰ Обломский А.М. Днепровское лесостепное Левобережье в позднеримское и гуннское время (сер. III—перв. пол. V в. н.э.). М., 2002.

¹¹ Гудкова А.В. I—IV вв. в Северо-Западном Причерноморье // *Stratum*. 1999. № 4. С. 235—404.

¹² Kazanski M. Les Goths (Ier—VIIe siècles après J.-C.). P., 1991; Казанский М.М. Остроготские королевства в гуннскую эпоху: рассказ Иордана и археологические данные // *Stratum plus* ПАВ. 1997. С.181—193.

¹³ Шукин М.Б. Время “Ч” — рубеж тысячелетий... С. 5.

¹⁴ *Nachmann R. Die Goten und Skandinavier*. B., 1970.

¹⁵ *Bierbrauer V. Archäologie und Geschichte der Goten vom 1.—7. Jahrhundert. Versuch einer Bilanz // Frühmittelalterliche Studien*. B.;N.Y., 1994. Bd. 28. S. 51—171.

¹⁶ *Heather P. The Goths*. Oxford, 1996.

¹⁷ *Tejral J. Einige Bemerkungen zur Chronologie der späten römischen Kaiserzeit in Mitteleuropa // Probleme der relativen und absoluten Chronologie ab Latenezeit bis zum Frühmittelalter*. Krakow, 1992. S. 227—248.

¹⁸ *Kokowski A. Archäologie der Goten. Goten im Hrubieszow-Becken*. Lublin, 1999; *Idem. Goci — od Skandzy do Campi Gothorum*. Lublin, 2007.

¹⁹ *Maczynska M. Die Völkerwanderung: Geschichte einer ruhelosen Epoche im 4. und 5. Jahrhundert*. Zürich, 1993.

²⁰ *Sanz Serrano R. Historia de Los Godos: una Epopea Historica de Escandianavia a Toledo*. Madrid, 2009.

ным трудом о готах Хервига Вольфрама²¹ подвели определенную черту в готоведении. Но остается еще во многом непознанным сам феномен “*regnum*” Эрманариха. Нам представляется, что требуется иной подход и, прежде всего, более высокий уровень исторического анализа всего комплекса источников и накопленного за два века историографического наследия для осмысления этого неординарного потестарного образования²².

Хронологические рамки исследования охватывают преимущественно IV в., когда на юге Восточной Европы сформировалось и достигло своего расцвета королевство Эрманариха. Оно возникло на дальних северо-восточных окраинах позднеантичной ойкумены в начале эпохи, которую в широком смысле можно определить как рубеж Древности и Средневековья (IV—VI вв.). Отнесение его еще к «Поздней Античности» или уже к «Раннему Средневековью» весьма затруднительно в силу переходного характера той эпохи²³. По мере необходимости в книге затрагиваются вопросы, связанные с более ранней миграцией готов в Северное Причерноморье, «Готскими» («Скифскими») войнами III в. и судьбой остроготов в начале гуннской эпохи (конец IV—начало V в.). Рассматриваемый период соответствует ступеням С2, С3, D1 хронологии европейского Барбарикума, т.е. позднеримскому и раннегуннскому времени в истории Западной и Центральной Европы.

Территориально-географические рамки работы включают не только собственно “*regnum*” Эрманариха между Днестром и Северским Донцом (в пределах ареала черняховской культуры), но также весь юг и отчасти центр Восточной Европы, где осуществлялось взаимодействие остроготов с другими народами этого обширного геополитического региона.

Хронологически и по ряду использованных источников («Римская история» Аммиана Марцеллина и др.) наше исследование еще принадлежит к проблематике современного антиковедения. Однако по другим источникам («Гетика» Иордана, раннесредневековый эпос и др.), а главное по тематике (готы, «варварское королевство») оно уже входит в область изучения медиевистики. Источниковая база включает античную и средневековую нарративную традицию о готах и королевстве Эрманариха, а также данные современной археологии²⁴. Сочинения греческих, римских и готских авторов позволили реконструировать в основных чертах событийную канву исто-

²¹ *Wolfram H. Die Goten. Von den Anfängen bis zur Mitte des sechsten Jahrhunderts. Entwurf einer historischen Ethnographie.* München, 1990; Рус. изд.: *Вольфрам Х. Готы. От истоков до середины VI века (опыт исторической этнографии).* СПб., 2003.

²² *Зиньковская И.В. Королевство Эрманариха: источники и историография.* Воронеж, 2010.

²³ О проблеме рубежа Древности и Средневековья см. обстоятельный историографический обзор в книге: *Циркин Ю.Б. Испания от Античности к Средневековью.* СПб., 2010. С. 3—9.

²⁴ Более подробный обзор источников о королевстве Эрманариха см. в книге: *Зиньковская И.В. Указ. соч. С. 13—104.*

рии Остроготского королевства на юге Восточной Европы. «Библия» Вульфилы, по существу являющаяся греко-готской билингвой, дает ключ для понимания многих реалий из жизни готского общества IV в., позволяющих определить уровень его исторического развития. Раннесредневековый германский героический эпос, веками сохранявший память о могущественном остроготском короле, помогает оценить масштабы этой исторической личности. Кроме традиционных письменных источников широко использовались многочисленные археологические данные, прежде всего, материалы черняховской культуры, оставленной подданными короля Эрманариха.

Благодаря археологии мы получаем массовый, ежегодно пополняемый, а главное, совершенно независимый от древних нарративов источник, раскрывающий те стороны жизни подданных остроготского короля, которые в силу разных причин не попадали на страницы исторических сочинений. Это тем более важно, т.к. свидетельства Аммиана Марцеллина, Иордана и других авторов о «державе» Эрманариха в прямом смысле слова уникальны, что в большинстве случаев делает почти невозможным их верификацию данными других нарративов. С другой стороны, новые, подчас неожиданные результаты изучения вещественных источников все чаще вынуждают исследователей обращаться к старым свидетельствам — задавать новые вопросы историческим текстам, причем такие, которые из их традиционного историко-филологического анализа никогда бы и не возникли. Подобное перекрестное сопоставление результатов изучения нарративных и вещественных источников в конечном итоге может дать новое знание, которое нельзя было бы извлечь из тех же источников при их анализе порознь²⁵. При этом нам представляется, что в XXI в. междисциплинарный синтез будет приобретать все более ассиметричный характер в сторону повышения удельного веса археологических источников не только в силу их многочисленности, но, прежде всего, потому, что именно они будут выступать в роли «нарушителя спокойствия» при изучении интересующей нас проблематики. В этой диалектике мы видим перспективы изучения истории королевства Эрманариха, стоявшего между уходящим в прошлое Древним миром и нарождающейся в муках Великого переселения народов средневековой Европой.

В основу исследования положен междисциплинарный анализ различных видов источников — письменных, лингвистических, археологических, а также эпической традиции с последующим сопоставлением полученных результатов. При изучении археологических источников использовались не только традиционные для этой дисциплины методы, но и цивилизационный подход, позволяющий более объективно определить уровень развития черняховской культуры, оставленной полиэтничным населением королев-

²⁵ *Haidle M.N. Interdisziplinarität in der Archäologie: eine Notwendigkeit? // Archäologische Informationen. 1998. № 21/1. S.10—11.*

ства Эрманариха. В основу датировки археологического материала положена система хронологии центральноевропейских древностей позднеримской и гуннской эпох²⁶. На источниковом уровне применялись современные методы критического анализа литературных, эпических, лингвистических и вещественных источников с целью обнаружения в них, прежде всего, своего рода «изоглосс» (точек пересечения) содержащейся в них информации об одном и том же явлении. Полученные результаты интерпретировались с помощью историко-сравнительного метода, с учетом последних достижений в разработке проблем политогенеза и становления потестарности²⁷.

Историку всегда приходится оперировать двумя несовпадающими рядами понятий — современными научными терминами и понятиями, которыми пользовались люди изучаемой им эпохи²⁸. Как известно, среди базовых элементов позднеантичных и раннесредневековых дискурсов главную роль играли концепты “*regnum*”, “*gens*”, “*natio*” и “*populus*” в том виде, в каком они понимались современниками²⁹. Эти политонимы и этнонимы, касающиеся политического статуса и этнических различий внутри ранних варварских потестарных образований имеют мало общего с современными представлениями об этничности и государственности³⁰. Поэтому для понимания природы королевства Эрманариха нами использовались подходы и методы современной Венской школы историко-этнографических исследований. Они открывают новые возможности в понимании механизма готского этногенеза и политогенеза на самых начальных его стадиях в связи с политической интеграцией общества и эволюцией институтов власти³¹.

²⁶ Bierbrauer V. Op. cit. S. 51—171; Шукин М.Б. Готский путь... С. 161—162, 235—254.

²⁷ Куббель Л.Е. Очерки потестарно-политической этнографии. М., 1988; Крадин Н.Н. Вождество: современное состояние и проблемы изучения // Ранние формы политической организации. М., 1995; Гринин Л.Е. Политогенез: генеральная и боковые линии. Волгоград, 2000; Карнейро Р. Процесс или стадия: ложная дихотомия в исследовании истории возникновения государства // Альтернативные пути к цивилизации. М., 2000; Крадин Н.Н. Политическая антропология. М., 2001; Классен Х. Дж.М. Было ли неизбежным появление государства? // Раннее государство, его альтернативы и аналогии. Волгоград, 2006. С. 7—12; Гринин Л.А., Коротаев А.В. Социальная макроэволюция. Генезис и трансформации Мир-Системы. М., 2008.

²⁸ Гуревич А.Я. Еще несколько замечаний к дискуссии о личности и индивидуальности в истории культуры // Одиссей. Человек в истории. М., 1990. С. 76—89.

²⁹ Regna et Gentes. The Relationship between Late Antique and Early Medieval Peoples and Kingdoms in the Transformation of the Roman World. Leiden; Boston, 2003.

³⁰ Дмитриев М.В. Проблематика исследовательского проекта «Confessiones et nationes. Конфессиональные традиции и протонациональные дискурсы в истории Европы» // Религиозные и этнические традиции в формировании национальных идентичностей в Европе. Средние века — Новое время. М., 2008. С. 15—42.

³¹ Pohl W. Readings of Ethnicity in Early Medieval Studies // Debating the Middle Ages: Issues and Readings. New Jersey, 1998; Strategies of Distinctions. The Construction of Ethnic Communities, 300—800. Leiden; Boston; Köln, 1998. P. 300—301; Gillett A. Was Ethnicity Politicized in the Early Middle Ages // On Barbarian Identity: Critical Approaches to Ethnicity in the Early Middle Ages. Turnhout, 2002. P. 85—121.

В источниках встречается различное написание имени остроготского короля: у Аммиана Марцеллина — “Ermenrich” (XXXI.3.1), в «Гетике» Иордана один раз — “Hermenerig” (§ 79), в остальных случаях он использует латинизированную форму “Hermanaricus” (§ 116, 119, 120, 129, 247, 250)³². Ниже, следуя написанию его современника — Аммиана Марцеллина и устоявшейся традиции, видимо, наиболее близкой восточногерманскому звучанию, мы будем называть его Эрманарих, за исключением тех случаев, когда цитируется источник или современное исследование — здесь сохраняется написание оригинала (Германарих, Эрменрик и др.).

В современной литературе можно встретить широкий спектр названий подвластного Эрманариху образования: «королевство», «государство», «вожество», «союз племен», «держава», «империя»³³. Учитывая то, что большинство из перечисленных названий уже имманентно содержит в себе его оценку, до уточнения его реального содержания мы предпочитаем использовать термин «королевство», поскольку он наиболее адекватно соответствует латинскому “regnum”, встречающемуся в позднеантичных раннесредневековых источниках (Amm. Marc., XXXI.3.1; Iord., Get., 116). Соответственно и латинский титул Эрманариха тогда будет “rex”, что адекватно аутентичному готскому “reiks” — король. Может быть, употребление последнего титула в отношении готского правителя IV в. и содержит некоторый налет модернизации, но обычно именно так это слово переводят в литературе о древних германцах и других народах Барбарикума, начиная с первых веков н.э. В германской эпической традиции государство Эрманариха получило название “Gotaland” — «Страна готов» или “Reiðgotaland” — «Страна хрейдготов».

При использовании названий «гревтунги» — «остроготы» — «остготы» и, соответственно, «тервинги» — «везиготы» — «вестготы» мы придерживаемся хронологического разграничения, хорошо обоснованного в книге Х. Вольфрама³⁴. Для IV в. готские этнонимы «гревтунги» и «остроготы», как, впрочем, соответственно «тервинги» и «везиготы», можно рассматривать в качестве синонимов. В этом смысле их нужно отличать от более поздних «остготов» и «вестготов» — эти этнонимы отражают последующую стадию готского этногенеза, завершившегося уже на территории Римской империи.

³² Анфертьев А.Н. Иордан. Комментарии // Свод древнейших письменных известий о славянах (I—IV вв.). М., 1994. Т. 1. С. 148.

³³ Зиньковская И.В. “Regnum” Эрманариха: лингвистический и исторический анализ // Вестник ВГУ. Сер.: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2010. № 1. С. 215—219.

³⁴ Вольфрам Х. Указ. соч. С. 42—47, 353—368; См. также: Scardigli B. Greutungen // RGA. 1999. Bd. 13. S. 18; Greule A. Ostgoten § 1. Sprachliches // RGA. 2003. Bd. 23. S. 344.

Глава I

Нарративные источники о готах и Эрманарихе

На первый взгляд может показаться, что история остроготов и королевства Эрманариха нашла весьма скромное отражение в нарративных источниках эпохи Великого переселения народов. При обращении к ним сразу бросается в глаза небольшое число позднеантичных и византийских авторов, которые оставили какие-либо свидетельства по истории готов в Северном Причерноморье. Вероятно, этому были свои причины. В силу известного прагматизма римлян, а затем и их преемников-византийцев варвары интересовали последних только в тех случаях, когда они вступали в непосредственное соприкосновение с их интересами. А т.к. в IV в. остроготы были отделены от нижнедунайских римских провинций владениями везиготов, да к тому же после 332 г. не проявляли особой активности в отношении к Империи, то они практически не входили в сферу актуальных военно-политических интересов Рима вплоть до событий 375—376 гг. Римские историки стали писать о готах Эрманариха лишь после того, как его «держава» рухнула под натиском гуннов, и готы стали представлять непосредственную опасность для Империи. Если так можно сказать, гунны сильно «актуализировали» готскую тему в позднеантичной историографии, особенно после переселения сотен тысяч воинственных готов в дунайские провинции. Не случайно в эти годы один из отцов церкви, Амвросий Медиоланский, утверждал: “Gog iste Gothus est”, т.е. библейский «Гог есть Гот».

С другой стороны, на степень отражения в источниках интересующей нас варварской «державы», безусловно, повлиял характер эпохи, которая по существу открывала «темные века» не только в истории Западной, но еще в большей мере Восточной Европы¹. Для этого времени характерно сужение этнографического кругозора римлян, в котором все более заметную роль играла старая книжная традиция о Северном Причерноморье, еще не знавшая готов. Наконец, была и третья причина весьма слабого отображения эпохи Эрманариха в нарративных источниках. Ее история интересовала готских историков, но они обратились к ней тогда, когда «держава» готов на юге Восточной Европы уже давно перестала существовать как историческая реальность. Этот разрыв во времени протяженностью в 4—6 поколений также сказался не только на качестве, но и количестве достоверной информации, которой могли располагать готские историки о времени Эрманариха.

В современной научной литературе сложилось устойчивое представление о своеобразной иерархии источников по степени их достоверно-

¹ О специфике римских источников о населении европейского Барбарикума см.: *Новаковский В.* Проблема присутствия славян на землях в бассейне Одера и Вислы в римский период и в эпоху Великого переселения народов (на основании античных письменных источников и археологических находок) // *Germania-Sarmatia II.* 2010. С. 33—34.

сти и авторитетности для раннесредневековых историков². Наибольшим доверием в глазах последних обладали зрительные свидетельства (“*visa*”) — увиденное лично или услышанное непосредственно от очевидцев. Затем следует устная традиция (“*audita*”) — наследие бесписьменного варварского прошлого и, наконец, сведения, содержащиеся в текстах (“*lecta*”, “*scripta*”)³. Если исходить из этой классификации, то исследователи готской проблемы имеют дело с двумя последними видами источников.

По жанру нарративные источники о государстве Эрманариха можно разделить на следующие группы:

1. Произведения греческих и римских авторов, писавших для своих соотечественников (Аммиан Марцеллин, Евнапий, Зосим, Кассиодор, Исидор Севильский и др.).
2. Сочинения «готских» историков (Аблабий, Иордан). Они предназначались для романизированной придворной элиты.
3. «Готская Библия» Вульфилы, в лексике которой нашли отражение многие реалии из жизни готского общества в середине IV в.
4. Христианские агиографические источники, прежде всего «Страсти св. Саввы Готского», облеченные в форму писем братьев по вере.
5. Раннесредневековый героический эпос, сохранивший историческую память о могущественном остроготском короле Эрманарихе, его борьбе с гуннами и собственным окружением⁴.
6. Средневековые исторические хроники.

Эти весьма разнообразные по видам источники с различных сторон и в разной степени освещают историю готов и их королевства в Восточной Европе. Одни источники (1) написаны в духе античной классической историографии, другие (2—6) уже принадлежат традиции, которая получит развитие в эпоху Средневековья. Одни из них обнаруживают очевидную взаимозависимость (1 и 2; 5 и 6), другие отражают те стороны жизни готского общества, которые не попадали в поле зрения историков (3 и 4). Но при всей неполноте и лакунарности данных каждого вида из вышеперечисленных источников в своей совокупно-

² *Lacroix B. L'historien au Moyen Âge. Montréal, 1971. P. 45—69; Guenée B. Histoire et culture historique dans l'Occident médiéval. P., 1980. P. 132.*

Сидоров А.И. Отзвук настоящего. Историческая мысль в эпоху Каролингского возрождения. СПб., 2006. С. 46—47.

⁴ Мы вынуждены были исключить из числа эпических источников по теме древнерусское «Слово о полку Игореве», где упоминаются «готскія красныя дѣвы», которые «поютъ время Бусово», прежде всего, из-за неоднозначности переводов и трудностей в понимании этого места. Все попытки осмысления этой строфы применительно к интересующей нас эпохе связаны с правкой текста современными исследователями. См. обзор точек зрения: *Салмина М.А. Время Бусово // Энциклопедия «Слова о полку Игореве»: в 5 т. СПб., 1995. Т. 1. С. 242—245.*

сти они создают вполне определенное информационное поле, позволяющее осветить основные вопросы истории готов в IV в.

Сочинения позднеантичных и раннесредневековых историков по интересующей нас теме немногочисленны, но весьма информативны⁵. Именно из них умирающий античный мир узнал о существовании в Причерноморье “regnum Gothorum” во главе с Эрманарихом. Эти источники отражают со всеми достоинствами и недостатками «римский взгляд» на готскую историю. Среди них важнейшим является «Римская история» Аммиана Марцеллина.

§ 1. «Римская история» Аммиана Марцеллина

Аммиан Марцеллин (ок. 330—400 гг.) — последний выдающийся римский историк, создавший грандиозную по объему и содержанию «Римскую историю» (в латинском оригинале — “Res gestae”, т.е. «Деяния»)⁶. Его биография и история создания основного труда весьма детально изучены в современной науке⁷. Аммиан сумел сделать политическую карьеру в свите императора Константина II и особенно Юлиана. Он много путешествовал по Империи, не раз бывал на римском лимесе (Amm. Marc., XV.5.21), где имел возможность воочию познакомиться с германскими племенами, принимал участие в последнем Персидском походе императора Юлиана.

К истории Аммиан обратился уже в зрелом возрасте. Как известно, его труд был задуман как продолжение «Анналов» и «Истории» Тацита. Он охватывал большую часть истории императорской эпохи, начиная от правления императора Нервы (96 г.) и кончая смертью Валента в день страшного поражения при Адрианополе (378 г.), нанесенного римлянам готами. Такой изначально задуманный как «анналистический» характер его труда

⁵ Более подробный обзор нарративных источников о королевстве Эрманариха см. в книге: Зиньковская И.В. Королевство Эрманариха: источники и историография. Воронеж, 2010. С. 13—104.

⁶ Из почти необозримой литературы об Аммиане Марцеллине и его сочинении выделим фундаментальное исследование Д.Т. Барнса. См.: Barnes D.T. Ammianus Marcellinus and the Representation of Historical Reality. N.Y., 1998.

Seeck O. Ammianus Marcellinus // PW RE. Bd. I, 2. Stuttgart, 1894. Coll. 1845—1852; Ensslin W. Zur Geschichtsschreibung und Weltanschauung des Ammianus Marcellinus. Wiesbaden, 1963; Seyfarth W. Ammianus Marcellinus. Römische Geschichte, lat. und deut. und mit einem Kommentar versehen. B., 1971. Teil 1. S. 10—27; Rosen K. Ammianus Marcellinus. Darmstadt, 1982; Matthews J. The Roman Empire of Ammianus Marcellinus. L., 1989; Gärtner H. Ammianus Marcellinus // RGA. 1973. Bd. 1. S. 253—256; Barnes D.T. Op. cit. В последней работе явно ощущается постмодернистский подход автора к творчеству Аммиана с позиций «репрезентации исторической реальности» (Р. 11—19).

обусловил высокую степень его достоверности как исторического источника. Но, к сожалению, от «Римской истории» сохранились лишь книги XIV—XXXI. Для нашей темы важно, что они как раз освещают основные события в Империи и на ее границах с 353 по 378 гг., т.е. в то самое время, когда в Причерноморье возникло и достигло расцвета королевство Эрманариха.

Использование трудов предшественников и собранный во время путешествий огромный фактический материал позволили Аммиану детально осветить историю Римской империи как единого государства. В последних книгах своего грандиозного труда он подробно изложил историю взаимоотношений Империи с северными варварами в третьей четверти IV в. Ему принадлежит первое историческое описание вторжения гуннов в Европу, которое сыграло определяющую роль в Великом переселении народов. Именно в связи с этим судьбоносным не только для Империи, но и для многих варварских народов событием в труде Аммиана содержится знаменитый пассаж об Эрманарихе и разгроме гуннами его владений около 375 г., о подчинении ими уцелевших остроготов и бегстве везиготов в римскую провинцию Мезия, в общем, о начале той цепи исторических событий, которая привела к гибели Западную Римскую империю и в конечном итоге завершилась образованием на ее территории ряда варварских королевств. Поэтому для оценки степени достоверности сообщаемой Аммианом исторической информации весьма важен вопрос о времени сочинения последней XXXI книги, и особенно о тех источниках, которые он собрал и использовал для ее написания.

К сожалению, в отличие от книг XIV—XXI⁸ в современной науке еще нет критических изданий текста последней книги «Римской истории», сопровождающихся надлежащими научными комментариями и справочным аппаратом. Не издан и конкорданс этой части труда Аммиана Марцеллина, который, несомненно, облегчил бы работу с его текстом. Мы имели возможность учесть лишь отдельные источниковедческие аспекты XXXI книги, в частности аланского и гуннского экскурсов, ранее анализировавшиеся исследователями⁹.

В современной науке нет существенных расхождений в отношении времени написания заключительной книги «Римской истории». Аммиан завершил работу над ней в самые последние годы своей жизни. Не-

⁸ *Szidad J.* Historischer Kommentar zu Ammianus Marcellinus. Buch XX—XXI. Teil I. (Historia: Einzelschriften. N. 31). Wiesbaden, 1977; Teil II, 1981; Teil III, 1996.

Richter W. Die Darstellung der Hunnen bei Ammianus Marcellinus // *Historia*. 1974. № 23. S. 343—377; *Maenchen-Helfen O.J.* Die Welt der Hunnen. Wien; Köln; Graz, 1978. S. 7—15; *King S.* The Veracity of Ammianus Marcellinus' Description of the Huns // *AJAH*. 1987. № 12. P. 77—98; *Wiedemann T.E.J.* Between Men and Beasts: Barbarians in Ammianus Marcellinus // *Past Perspectives. Studies in the Greek and Roman Historical Writhing*. Cambridge, 1986. P. 189—201.

которые исследователи приводят более конкретные даты: в промежутке 392—397 гг.¹⁰, после 397 г., но чаще всего 392—393 гг., 392—394 гг.¹¹ или 392—395 гг.¹². Скорее всего, труд Аммиана Марцеллина был закончен до смерти императора Феодосия в 395 г., которого историк еще называет «нынешним Цезарем». По существу в XXXI книге Аммиан изложил события недавнего прошлого, отделенного от времени ее написания не более чем полутора — двумя десятилетиями. Более того, в известной мере последняя книга более чем другие части его труда носит характер политического и военного наставления современникам¹³. Тревожные последствия описанных историком событий были еще более актуальны ко времени издания его труда. Трагические для римлян и готов события 375—378 гг. Аммиан описывал спустя всего полтора — два десятилетия. Для него это была еще не история, а часть живой современности, то, что в немецкой историографии называется “Zeitgeschichte”¹⁴.

Для оценки степени достоверности этого источника важно то, что события 375—376 гг. на далекой причерноморской окраине Империи освещались писателем непосредственно, по свежим следам. Но, к сожалению, в отличие, например, от его современника — Евнапия Аммиан Марцеллин уделил истории готов до их «вхождения» в Империю очень мало места. Здесь проявился традиционный для римской историографии прагматизм — освещать лишь то, что непосредственно касалось римлян и их интересов.

Прежде чем анализировать конкретные исторические свидетельства Аммиана о готах и Эрманарихе, целесообразно рассмотреть основные мировоззренческие принципы, представления и взгляды писателя, так или иначе повлиявшие на отбор и манеру изложения исторического и этнографического материала. Они неплохо изучены в современной науке¹⁵.

¹⁰ *Naudé C.P.T.* The Date of the Lather Books of Ammianus Marcellinus // *AJAH*. 1984. № 9. P. 70—94.

¹¹ *Maenchen-Helfen O.J.* The Date of Ammianus Marcellinus' Last Books // *AJPh*. 1955. № 76. P. 384; *Hartke W.* Römische Kinderkaiser. Eine Strukturanalyse des römischen Denkens und Daseins. B., 1951. S. 65—71; *Seyfarth W.* Op. cit. S. 26.

¹² *Wolfram H.* Geschichte der Goten. Von den Anfängen bis zur Mitte des sechsten Jahrhunderts. Entwurf einer historischen Ethnographie. München, 1979. S.14.

¹³ *Rosen K.* Op. cit. S. 85—90; *Ермолова И.Е.* Аммиан Марцеллин о современности: проблемы восприятия // Восточная Европа в Древности и Средневековье. Автор и его источник: восприятие, отношение, интерпретация: мат-лы конф. М., 2009. С. 113—116.

¹⁴ *Demand A.* Zeitkritik und Geschichtsbild im Werk Ammians. (Habelts. Diss. Reihe Alte Geschichte, Heft 5). Bonn, 1965. S. 31.

¹⁵ *Соколов В.С.* Аммиан Марцеллин как последний представитель античной историографии // *ВДИ*. 1959. № 4. С. 43—62; *Удальцова З.В.* Мировоззрение Аммиана Марцеллина // *ВВ*. 1968. Вып. XXVIII. С. 38—59; *Ensslin W.* Op. cit.; *Blockly R.S.* Ammianus Marcellinus. A Study of His Historiography and Political Thought // *Collection Latomus*. Brüssel, 1975. Bd. 141; *Sabbah G.* La méthode d'Ammien Marcel-

Аммиану в высшей степени свойственен римский патриотизм и обычное для образованных людей его круга чувство превосходства над другими народами, прежде всего варварами, унаследованное от многих поколений предков¹⁶. Он выражает явное недовольство резко возросшей ролью и влиянием варваров-германцев в римской армии (Amm. Marc., XIV.10.7) и при дворе императора (Amm. Marc., XV.5.11). Недальновидное решение императора Валента, позволившего везиготам, переселиться на территорию римской провинции, Аммиан рассматривает как важнейшую предпосылку грядущей катастрофы под Адрианоподем (Amm. Marc., XXXI.4.6).

В то же время в отношении подбора сведений о германских племенах Аммиан более практичен и объективен. На выбор информации о конкретных германских племенах влияла сама историческая обстановка 2-ой половины IV в. С одной стороны, северные варвары представляли постоянную угрозу для римлян, но с другой стороны, не только отдельные их представители, но и целые племена играли все более важную роль во внутривосточной истории Поздней Римской империи¹⁷. Его, прежде всего, интересует конкретная информация, что в полной мере проявилось в экскурсах, посвященных аланам и гуннам (Amm. Marc., XXXI.2.8-9). Но, к сожалению, готы в дошедших до нас книгах «Римской истории» не удостоились отдельного этнографического раздела или даже экскурса. Видимо, в отличие от алан и тем более гуннов, только что оказавшихся в поле зрения римлян, готы слишком хорошо были им уже известны.

Установлено, что Аммиан Марцеллин не посещал Северного Причерноморья, которое тогда было далекой северо-восточной окраиной Римской империи. Но отсутствие аутопсии он компенсировал активным использованием сообщений своих предшественников и другими источниками¹⁸. В своем труде Аммиан неоднократно обращался к этногеографии Северного Причерноморья. В первый раз мы встречаемся с ней в XXII книге, где речь зашла о сарматских племенах язигов и роксоланов, постоянно угрожавших Дунайским провинциям Империи¹⁹. В полном согласии с более

lin. P., 1978; *Idem.* Ammianus Marcellinus // Greek and Roman Historiography in Late Antiquity: Fourth to Sixth Century A.D. Leiden, 2003. P. 43—84; *Barnes D.T.* Op. cit.

¹⁶ *Catus P.-M.* Témoin des courants culturels et religieux à la fin du IV siècle. P., 1967. P.118—119; *Неронова В.Д.* Аммиан о варварах // Уч. зап. ПГУ. Пермь, 1966. С. 65—69.

¹⁷ *Рубцова М.В.* Аммиан Марцеллин и античная географическая традиция о Европе // Европа. Международный альманах. Тюмень, 2002. Ч. 2. С. 5—10; *Ермолова И.Е.* Аммиан Марцеллин о современности... С. 115.

¹⁸ Современный взгляд на источниковедческий аспект труда Аммиана представлен в статье *Ермолова И.Е.* Источники «Деяний» Аммиана Марцеллина // Восточная Европа в Древности и Средневековье. М., 2010. С. 106—110.

¹⁹ *Dittrich U.-B.* Die Beziehungen Roms zu den Sarmaten und Quaden im vierten Jahrhundert n. Chr. (Habelts. Diss. Reihe Alte Geschichte, Heft 21). Bonn, 1984. S. 2—25.

ранней античной географической традицией (но не современной ему реальностью!) он локализует эти сарматские народы западнее и севернее Метиды (XXII.8.31). Однако ко времени вторжения гуннов здесь уже давно господствовали остроготы-гревтунги, а к востоку от них — аланы-танаиты (XXXI.3.1). Названные же Аммианом сарматские племена еще несколько столетий назад откочевали далеко на Запад, на Средний Дунай, где и представляли постоянную угрозу Империи (XVII.12.1-7; 13.1-33; XIX.11.1-16). В XXII книге Аммиан некритически использовал устаревшие к его времени данные Клавдия Птолемея, отражавшие этнографические реалии первых веков н.э., на что обратил внимание еще Т. Моммзен²⁰.

Такой же далекой от исторической реальности нарочитой ученостью и книжностью грешит описание Причерноморья в аланском экскурсе Аммиана (XXXI.2.13-16). В нем изложены традиционные для позднеантичной географии сведения о народах, некогда обитавших на просторах южнорусских степей. В массе своей они восходят к Геродоту, а иногда к сочинениям Плиния Старшего, Помпония Мелы, Клавдия Птолемея²¹. Поэтому и рассматриваемая этнокарта Причерноморья у Аммиана Марцеллина, написанная по давно выработанной в античной географии схеме, носит чисто ученый, «антикварный» характер, на что, впрочем, указывает и сам писатель, обронивший при упоминании меланхленов и антропофагов характерную фразу: «как я читал» (XXXI.2.15)²². Но весьма важно, что никаких анахронизмов уже нет в интересующем нас пассаже Аммиана о вторжении гуннов и разгроме «владений» Эрманариха (XXXI.3.1—3). В нем описана совсем другая этнополитическая ситуация, нежели в книге XXII.8. Она относится к самому началу гуннского вторжения в Европу, т.е. примерно к 375 г. Совершенно очевидно, что в основе этого рассказа Аммиана лежат иные, современные автору источники.

В описании 375—378 гг. ощущается, что Аммиан использовал те ужасные слухи о драматичных событиях в Причерноморье и на Дунае, которые доходили до римлян²³. Однако основные сведения о готах и их короле Эрманариха историк мог получить не от римлян, а из устных рассказов самих участников событий — готов, особенно после их переселения в 376 г. за Дунай в провинцию Мезия²⁴. Вполне определенный, если так можно

²⁰ *Mommsen Th. Ammians Geographica // Gesammelte Schriften. B., 1909. Bd. 7. S. 402—408.*

²¹ *Maenchen-Helfen O.J. Op. cit. S. 15; Matthews J. Op. cit. P. 334—341; Ермолова И.Е. Северное Причерноморье в представлениях римлян первых веков н.э.: автореф. дис. канд. ист. наук. М., 1985.*

²² Здесь и далее фрагменты из «Римской истории» Аммиана Марцеллина даются в переводе Ю.А. Кулаковского и А.И. Сонни по изданию: *Аммиан Марцеллин. Римская история. СПб., 1994.*

²³ *Rosen K. Op. cit. S. 72.*

²⁴ *Heather P. Goths and Romans 332—489. Oxford, 1991. P. 61—67.*

сказать, «готский взгляд» явственно просматривается у Аммиана в образе воинственного короля Эрманариха, «которого страшились соседние народы из-за его многочисленных и разнообразных военных подвигов» (XXXI.3.1), а возможно, и в изложении самого хода событий гунно-готской войны 375 г. К тем же устным источникам, скорее всего, восходят имена десяти готских королей и вождей, которых упоминает писатель в разных частях своего труда (“Viderich”, “Vithimir”, “Alatheus”, “Saphrax”, “Athanarich”, “Munderich”, “Lagarimanus”, “Alaviv”, “Fritigern”, “Farnobius”). Одним из весьма компетентных информаторов Аммиана вполне мог быть готский военачальник Мундерих, который участвовал в походе готов Атанариха на помощь узурпатору Прокопию в 367 г., а затем дослужился в римской армии до довольно высокого поста “dux limitis per Arabias” (XXXI.3.5). В 380-е гг. Аммиан имел возможность получить информацию о готах непосредственно и от других военачальников римской армии — готов по происхождению Ботериха, Эриульфа, Фравитты, Гайны, Руиморида²⁵.

Ценные сведения о народах Северного Причерноморья Аммиан мог услышать от участников боспорского посольства к императору Юлиану в 359 г. Историк сообщает, что «с севера и пустынных пространств, по которым впадает в море Фасис, ехали посольства боспорцев и других неведомых ранее народов с мольбой о том, чтобы за внесение ежегодной дани им позволено было мирно жить в пределах родной им земли» (XXII.8.13). По существу, здесь речь идет об одном из самых последних событий в истории Северного Причерноморья, непосредственно предшествовавших гуннскому вторжению.

Есть данные, что Аммиан мог использовать и документальный материал. Так, одним из его источников о войне готов на стороне Прокопия в 367 г. были донесения послов Виктора и Аринфея, на что прямо указал сам историк: “cum propositis condicionibus adsentiri Gothos docuissent litteris veris...” — «когда они подтвердили в своих донесениях, что готы согласились на предложенные условия...» (XXVII.5.9). Здесь “littera” — специальный термин для обозначения военного донесения, рапорта (XIV.9.1; XXI.7.6; XXX. 1.4; XXXI.1.6).

Подведем итоги анализа «Римской истории» Аммиана Марцеллина как источника по истории готов до их вынужденного переселения на Запад. По существу он открыл миру не только имя готов-гревтунгов²⁶, но и важнейший этап их собственной истории. Ранее римляне имели дело или с готами вообще, или с готами-тервингами, проживавшими по соседству с римским лимесом на Дунае. Данные Аммиана о причерноморском периоде исто-

²⁵ *Menchen-Helfen O.J.* Op. cit. S. 23; *Albert G. Goten in Konstantinopel: Untersuchungen zur oströmischen Geschichte um d. Jahr 400 n. Chr.* Padeborn, 1984.

²⁶ *Wolfram H.* Op. cit. S. 14.

рии готов и королевстве Эрманариха весьма немногочисленны, но в целом представляются достоверными. Они во многом аутентичны, т.к. были собраны историком по живым свидетельствам участников и современников событий гибели готской государственности. Поэтому обрисованная им ситуация в Северном Причерноморье накануне и в самом начале гуннского вторжения, на наш взгляд, в целом весьма близка исторической реальности. Упрекать же Аммиана в некоторой односторонности в освещении истории остроготов или гуннов на том основании, что он не упомянул о судьбе Боспорского царства или других народов, которые входили в «державу» Эрманариха²⁷, было бы исторически неправомерно. Нельзя забывать, что экскурс о государстве Эрманариха играл в «Римской истории» Аммиана необходимую, но все-таки второстепенную, служебную роль. Без него читателю было бы непонятно, почему годом спустя на римлян обрушились бедствия, фактически ознаменовавшие начало конца их Империи. Для изучения интересующей нас темы важно, что для Аммиана королевство Эрманариха — историческая реальность совсем недавнего прошлого. В то же время непредвзятое свидетельство римского историка не оставляет сомнений в эфемерности остроготской государственности в Причерноморье, которая стремительно рухнула под ударами гуннов и покоренных ими аланов.

§ 2. Ранневизантийские историки Евнапий и Зосим

Среди историков IV—V вв., писавших о готах, особого внимания заслуживают Евнапий и Зосим. Мы их рассматриваем в одном параграфе, потому что последний широко использовал труд первого.

Евнапий (345—после 414 гг.), малоазийский грек из древнего лидийского города Сарды. Выходец из достаточно состоятельной греческой семьи, Евнапий получил превосходное образование в Афинах — последнем центре античной науки и философии. Обладая богатыми знаниями в различных сферах науки, он прослыл среди своих современников ученым мужем и приобрел известность как философ, ритор и историк²⁸. Известны два сочинения Евнапия: «Жизнеописания философов и софистов» и «Продолжение истории Дексиппа»²⁹. Нас будет интересовать лишь последнее.

²⁷ *Maenchen-Helfen O.J.* Op. cit. S. 20.

²⁸ *Eunapios* // PW RE. Stuttgart, 1907. Bd. 6. Coll. 1121—1127; *Удальцова З.В.* Евнапий из Сард — идеолог угасающего язычества // *Античная Древность и Средние века.* Свердловск, 1973. Вып. 10. С. 70—71.

²⁹ *Евнапий.* Продолжение истории Дексиппа // *Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе / Собр. и изд. с рус. пер. В.В. Латышев.* СПб., 1890. Т. 1. С. 725—731; *Эвнапия продолжение истории Дексипповой* // *Византийские историки.* Дексипп, Эвнапий, Олимпиодор, Малх, Петр Патриций,

Его 14 книг освещали историю Поздней Римской империи от времени императора Клавдия Готского до Юлиана Отступника (270—355).

Большая часть произведения Евнапия посвящена современной ему истории. Историк придерживается исследовательского принципа Геродота — записывать то, что рассказывалось до него, включая и неправдоподобные сведения. Но вместе с тем он намерен показывать в своем сочинении и другое, то, что «более соответствует истине»: первое — легенды — он собирается оставлять как некое «историческое предположение», а второе — правдоподобные сообщения — хочет привлечь, как «истину» (Eunap., 41)³⁰.

Являясь современником начала Великого переселения народов, Евнапий оставил ряд ценных сообщений о готах. Следует напомнить, что по традиции, восходящей к Дексиппу и другим историкам III в., он именует готов на старый манер «скифами». У Евнапия сохранилось свидетельство об участии готов в войне на стороне узурпатора Прокопия, пытавшегося захватить власть в Империи в 356 г. При этом готы описываются им весьма негативно как высокомерные и дерзкие варвары, склонные к бесчинствам и обидам. Он приводит описание внешнего вида готов, при этом обращает внимание на их высокий рост, что может свидетельствовать об аутопсии: «Вид их тела, вытянутого в безобразную длину, слишком тяжелого для их ног, а в поясице перехваченного, как Аристотель описывает насекомых, внушал к ним презрение» (Eunap., 38). Ему бросались в глаза длинные волосы готских воинов. Как известно, длинные волосы у германцев считались признаком свободного человека³¹. Но для римлян длинные волосы в сочетании с гладко выбритым лицом служили важным этнографическим признаком варваров-готов, что нашло отражение и в позднеантичной иконографии, в частности, в манере изображения готских телохранителей императора Феодосия на серебряном блюде из Мадрида³².

У Евнапия мы находим краткое, но исключительно емкое изложение судьбоносных для Империи и варваров событий: «При Феодосии, в первые годы его царствования, когда скифский народ (здесь и далее готы — И.З.) был изгнан унами из своей страны, переправились к римлянам начальники племен, отличавшиеся достоинством и родом» (Eunap., 61). Из этого свидетельства становится очевидно, что готы переселялись в Империю со всем своим имуществом: оружием (упоминаются мечи), коврами, льняными тканями. При этом Евнапий обратил внимание на то, что

Менандр, Кандид, Ноннос и Феофан Византиец / Подгот. А.И. Цепковым. Рязань, 2003. С. 75—143.

³⁰ Здесь и далее свидетельства Евнапия цитируются по изданию: *Евнапий. Продолжение истории Дексиппа // Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе / Собр. и изд. с рус. пер. В.В. Латышев. СПб., 1890. Т. 1. С. 725—731.*

³¹ *Вольфрам Х.* Указ. соч. С. 152—153.

³² *Шукин М.Б.* Готский путь... Рис. 62.

готские беженцы были вовсе не такие уж и бедные — они были в состоянии подкупать римлян деньгами и подарками (Еупар., 56). Для интересующей нас темы важно, что историк упоминает «царские знаки» отличия на мужчинах и дорогую одежду готских женщин. «Женщины были одеты великолепно, нежели прилично было пленницам» (Еупар., 43). Далее он рассказывает о том, что переселившиеся готы полностью опустошили Фракию, Македонию и Фессалию, практически уничтожив местное население. Здесь же историк обратил внимание на удивительную, пугающую римлян плодовитость готов: «Едва дети скифского племени были посеяны, подобно драконовым зубам, по римским владениям, преждевременно вошли в силу и могли носить оружие, как всюду распространились действия их ярости, бешенства и кровожадности» (Еупар., 43).

В рассказе Евнапия о переходе готов через Дунай впервые упоминаются жрецы и даже готские «святотилища», которые также были переправлены варварами через реку. «Каждый род готов вывез с собой из родины отечественную святыню и служащих ей священников и священниц». Далее Евнапий описывает притворство готов, переодетых в одежду христианских монахов, но «между тем хранили они твердо и неизменно тайны отечественной веры в глубокой непроницаемости» (Еупар., 56). Из этого же интереснейшего свидетельства мы узнаем, что у части готов к моменту переселения уже существовали епископы и монахи. «Был у них и род т.н. монахов, установленных наподобие тех, которые учреждены и у римлян». Как пишет историк, римляне были твердо уверены, что эти варвары действительно являлись христианами. По-видимому, здесь речь идет о готах-арианах, принявших веру в результате проповеди епископа Вульфилы.

Труд Евнапия продолжил Зосим (около 425—518 гг.), автор произведения с весьма нехарактерным для античной историографии названием «Новая история» (“Ἰστορία νέα”). О личности историка известно очень мало³³. Из его биографии мы знаем только то, что он был «комитом и адвокатом фиска», т.е. занимал сравнительно высокую государственную должность. Но сделанная карьера несколько не отразилась на свободе суждений будущего историка. Тем более не надо забывать, что свою «Новую историю» он писал, уже в отставке (“*exadvocati fisci*”), по-видимому, добровольно отказавшись от всей дальнейшей карьеры.

«Новая история» Зосима была написана на греческом языке и состояла из шести книг. Самое полное и образцовое на сегодняшний день ее издание в трех томах на французском языке было опубликовано Ф. Пашу³⁴. В Германии «Новая история» Зосима опубликована с немец-

³³ Болгов Н.Н. Зосим — последний античный историк // ВИ. 2006. № 8. С. 165.

³⁴ Zosime. Histoire nouvelle / Texte établi et traduit par F. Paschoud. P., 1971—1979. Т. 1. 1971; Т. 2, Pt. 1. 1979; Т. 2, Pt. 2. 1979.

ким переводом и комментарием О. Феха³⁵. В России длительное время издавались лишь ее отдельные отрывки в хрестоматиях, самые обширные — в своде В.В. Латышева³⁶. В 2010 г. был опубликован полный перевод «Новой истории» на русский язык, выполненный Н.Н. Болговым³⁷.

В историографии XX в. едва ли найдется более трех десятков публикаций о Зосиме, причем в основном в виде статей. О нем кратко упоминается в общих трудах по истории ранней Византии³⁸. Ряд работ посвящен сопоставлению данных Зосима с информацией Евнапия³⁹ и Аммиана Марцеллина⁴⁰. Чаще всего внимание исследователей привлекали различные политические и социальные аспекты «Новой истории»⁴¹. Зосим как историк времени упадка римского владычества оказался в центре внимания статьи известного специалиста по раннесредневековой историографии В. Гоффарта⁴². Единственная специальная работа по существу монографического характера «Пять очерков о Зосиме», выросла из уже упомянутого комментария Ф. Пашу к изданной им «Новой истории»⁴³. В кандидатской диссертации К.В. Жукова труд Зосима стал одним из основных источников⁴⁴. Вопросу заимствований фрагментов сочинения Евнапия у Зосимы посвящена статья О.В. Смирновой⁴⁵. Новейший очерк о труде историка принадлежит Н.Н. Болгову⁴⁶.

³⁵ *Zosimos. Neue Geschichte / Übersetzt und eingeleitet von O. Veh. Stuttgart, 1990.*

³⁶ *Зосим. Новая история // Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе / Собр. и изд. с рус. пер. В.В. Латышев. СПб., 1890. Т. 1. С. 787—810.*

³⁷ *Зосим. Новая история / Пер., коммент. Н.Н. Болгова. Белгород, 2010.*

³⁸ *Удальцова З.В. Идеино-политическая борьба в ранней Византии (по данным историков IV—VII вв.). М., 1974; Она же. Из истории византийской культуры Раннего Средневековья (мировоззрение византийских историков IV—VII вв.) // Европа в Средние века: экономика, политика, культура. М., 1972. С. 260—293; Культура Византии, IV—первая половина VII в. / Ред. З.В. Удальцова и др. М., 1984. С. 145—148; *Бибиков М.В. Историческая литература Византии. СПб., 1998. С. 45—47.**

³⁹ *Ridley R.T. Eunapius and Zosimus // Helicon. 1969, 1970. Vol. 9—10.*

⁴⁰ *Chalmers W.R. Eunapius, Ammianus Marcellinus and Zosimus on Julians Persian Expedition // Classical Quarterly. 1960. № 10. P. 157—159.*

⁴¹ *Козлов А.С. Некоторые аспекты «проблемы варваров» в «Новой истории» Зосима // Античная Древность и Средние века. Свердловск, 1977. Вып. 14. С. 52—59; Он же. Социальные симпатии и антипатии Зосима // Античная Древность и Средние века. Свердловск, 1978. Вып. 15. С. 23—42; *Чекалова А.А. Эволюция представлений о знатности в Византии второй пол. V—VI вв. // ВВ. 1991. Т. 52. С. 61—63; Розенталь Н.Н. Религиозно-политическая идеология Зосима // Древний мир. М., 1962. С. 611—617.**

⁴² *Goffart W. Zosimus, the First Historian of Rome's Fall // American Historical Review. 1971. Vol. 86. P. 412—441.*

⁴³ *Paschoud F. Cinq etudes sur Zosime // Coll. d'etudes anciennes. P., 1975. Vol. VI.*

⁴⁴ *Жуков К.В. Падение Римской империи (Зосим и его североамериканские интерпретаторы): автореф. дисс. канд. ист. наук. Великий Новгород, 2000.*

⁴⁵ *Смирнова О.В. Евнапий и Зосим в Excerpta de sententiis и Excerpta de legationibus Константина Багрянородного: [Texts of Eunapios and Zosimos in Excerpta de Sententiis and Excerpta de Legationibus of Constantinus Porphyrogenitus] // ВВ. 2005. № 64. С. 61—76.*

⁴⁶ *Болгов Н.Н. Зосим — последний античный историк... С. 157—166; Он же. Зосим — последний античный историк // Зосим. Новая история / Пер., коммент. Н.Н. Болгова. Белгород, 2010. С. 4—46.*

Сам Зосим рассматривал свою «Новую историю» как своеобразное продолжение знаменитой «Всемирной истории» Полибия, описавшего становление Римской державы. Но ему пришлось быть свидетелем и летописцем ее упадка. Вслед за Полибием, он ставил главной целью своего сочинения объяснить великие перемены, происходившие в жизни народов. Сочинение Зосима содержит краткий очерк «древней истории» до 270 г. и весьма подробное изложение истории почти всей эпохи доминанта (270—410 гг.). Установлено, что Зосим черпал информацию о событиях до 270 г. из сочинения Дексиппа, с 270 по 404 гг. — из произведения Евнапия, а с 404 по 410 гг. — из работ Олимпиодора⁴⁷. Отправной точкой для любого исследователя источников Зосима, является утверждение патриарха Фотия, что этот историк «переписывает Евнапия» (Phot., Cod., 98). Известно, что константинопольский патриарх прочел весь текст произведения Евнапия⁴⁸. Тем не менее, указание Фотия все же не совсем справедливо, поскольку Евнапий описал период с 270 по 404 гг., а «Новая история» Зосимы хронологически начинается раньше и заканчивается позже⁴⁹. Его сочинение завершается описанием событий, непосредственно предшествовавших взятию Рима вестготами Алариха в 410 г. Ф. Пашу допускал, что это произведение осталось незаконченным, т.к. шестая книга по стилю и по обработке текста свидетельствует о поспешной редакции, тем более что по замыслу автора «Новая история» должна была продолжаться хотя бы до конца 410 г.

Мы не будем детально останавливаться на содержании первой книги «Новой истории» Зосимы, т.к. она не имеет прямого отношения к нашей теме. Напомним лишь, что при описании правления императора Деция (Zos., I.23) им упоминаются не только войны с персами, но и с готами, что представляет собой важный источник для изучения эпохи «Скифских» или «Готских» войн III в.⁵⁰ Важно, что здесь помимо готов, Зосим называет имена и других варварских народов, принявших участие в первом натиске на Империю (Zos., I.27,42)⁵¹. Для нашей темы важна четвертая книга «Новой истории», посвященная периоду от воцарения Валентиниана I до смерти Феодосия (март 364—январь 395 г.).

⁴⁷ Schmidt L. Geschichte der deutschen Stämme bis zum Ausgang der Völkerwanderung. Die Ostgermanen. München, 1969. S. 24.

⁴⁸ Фотий. Библиотека, 98 // Византийские историки. Дексипп, Евнапий, Олимпиодор, Малх, Петр Патриций, Менандр, Кандид, Ноннос и Феофан Византиец / Подгот. А.И. Цепковым. Рязань, 2003. С. 71—72.

⁴⁹ Болгов Н.Н. Указ. соч. С. 159—162.

⁵⁰ «Скифскими» эти войны называли грекоязычные авторы, следовавшие старой традиции именовать всех обитателей Северного Причерноморья скифами. Римским историкам они известны как «Готские», поскольку римляне точно знали, с кем они воюют.

⁵¹ Свидетельства Зосима даются по изданию: Зосим. Новая история / Пер., коммент., указатели Н.Н. Болгова. Белгород, 2010.

Именно в эти годы судьбы Римской империи впервые теснейшим образом переплелись с ходом Великого переселения народов. Описанием гибели императора Валента после поражения при Адрианополе заканчивается раздел «Новой истории» (Zos., IV.24), параллельный «Римской истории» Аммиана Марцеллина. Здесь содержится обвинение политики императора Феодосия, который, как известно, позволил готам жить в Империи и даже включил их в римскую армию. Пятая книга содержит описание событий следующих 15 лет (до осени 409 г.) и поэтому уже не представляет особого интереса для нашего исследования.

Зосим оставил яркую картину гуннского нашествия и переправы готов через Дунай. «Тем временем, племя варваров, до того неизвестное, внезапно появилось и атаковало скифов, перешедших из-за этого Данубий <...> И, придя со своими лошадьми, женами, детьми и повозками, гунны напали на скифов, которые жили за Данубием <...> Они развязали чудовищную резню скифов. Делая это непрерывно, они довели скифов до такого отчаянного состояния, что уцелевшие из них покинули свои дома, оставив их гуннам, и переправившись через Данубий, умоляли императора принять их, обещая выполнять обязанности верных и преданных союзников...» (Zos., IV.20).

Так же, как Аммиан Марцеллин и Иордан, Зосим упоминает готских предводителей Фритигерна, Алатея и Сафрака, возглавивших переселения варваров в Мезию. Однако историк ошибочно связывает их с зарейнскими германскими племенами (Zos., IV.34). Особый интерес для нас представляет упоминание Зосимом этнонима “Γροθίγγοι” (гротинги), которые идентифицируются с остроготами-гревтунами: «Примерно в то же время за Данубием появились скифы, неизвестные народам, населявшим ту территорию; варвары называли их гротингами. Будучи очень многочисленными, хорошо вооруженными и известными своей силой, они легко победили варваров, стоявших между ними и Данубием и вышли к самому берегу реки, где попросили разрешения пересечь ее» (Zos., IV.38). Важно, что, по этому свидетельству, варвары, живущие севернее Истра, называли только что пришедший народ гротингами. Кажется, на это были способны только соседи гревтунов — тервинги (везиготы), которые жили севернее Дуная⁵². Из «Новой истории» мы узнаем о некоем готе Модаре, военном магистре во Фракии (IV.25). Не менее любопытно уникальное упоминание одного из предводителей гревтунов-остроготов, Одотея, погибшего в 386 г. (Zos., IV.35).

Несомненная ценность исторических сочинений Евнапия и Зосима состоит в достоверном освещении истории готов в IV в., особенно в трагические годы гибели их королевств на юге Восточной Европы и вынужденного переселения на территорию Римской империи.

⁵² Вольфрам Х. Указ соч. С. 44.

§ 3. «Гетика» Иордана

В 551 г. историк по имени Иордан завершил книгу на латыни под названием “De origine actibusque Getarum” — «О происхождении и деяниях гетов». Со времени первого научного издания она известна под коротким названием «Гетика», предложенным Т. Моммзенем⁵³. Для большинства поздних римских авторов варвары не обладали прошлым, их не интересовало, откуда взялся тот или иной народ и что представляет собой та земля, которую населяют варвары. В этом смысле «Гетика» — первое историческое сочинение, написанное не римлянином или греком, а варваром, посвященное его «отечественной» истории (“Origo Gothica”), хотя и привязанной искусственно к славной истории более древних гетов. Поэтому не без основания некоторые исследователи рассматривают «Гетику» Иордана как свидетельство рождения «национальной истории» готов⁵⁴. В нем он сумел проследить исторические судьбы готов на протяжении нескольких веков — со времен их легендарного переселения из северной прародины Скандзы до середины VI в., когда Византией было разгромлено королевство остготов в Италии. «Гетика» предвосхитила появление подобных исторических сочинений у других европейских народов Раннего Средневековья⁵⁵.

Со времени издания сочинения Иордана начались непрекращающиеся споры как вокруг самого произведения, так и относительно личности автора. Они достаточно подробно разобраны Е.Ч. Скржинской, предложившей свою «реконструкцию» образа этого историка⁵⁶. На ее взгляд, Иордан по происхождению — острогот, по религиозным убеждениям он перешел из арианства в ортодоксальное христианство, свой труд он писал в столице Остготского королевства Равенне, а его профессия определяется как политическая публицистика, которой он занимался по заданию некой политической группировки⁵⁷. Широко распространенное мнение о готской принадлежности Иордана как будто бы базируется на его собственном признании в конце «Гетики» (Get., 316), где сказано, что он не прибавил

⁵³ *Mommsen Th.* *Jordanis Romana et Getica. Prooemium* // *MGH. Auct. Antiquis. B.*, 1882. T. V. Ps. 1. P. V—LXIII.

⁵⁴ *Teillet S.* *Des Goths a la Nation Gothique. Les Origines de l’idee de nation en Occident du Ve au VII siecle.* P., 1984. P. 305—334; *Goffard W.* *The Narrators of Barbarian History (A. D. 550—800). Jordanes, Gregory of Tours, Bede and Paul the Diakon.* Princeton, 1988. P. 20—111; *Володин Е.В.* *История готов в изображении Иордана* // *Историческая мысль и историография на рубеже Античности и Средних веков.* Иваново, 2000.

⁵⁵ *Croke B.* *Latin Historiography and the Barbarian Kingdoms* // *Greek and Roman Historiography in Late Antiquity: Fourth to Sixth Century A. D.* Leiden, 2003. P. 349—384.

⁵⁶ *Скржинская Е.Ч.* *Комментарий* // *Иордан. О происхождении и деяниях гетов (Getica).* СПб., 2000. С.10—19.

⁵⁷ Там же. С. 39—44.

ничего лишнего в пользу племени готов как ведущий свое происхождение от них (“quasi ex ipsa trahenti originem”). Но это место у Иордана не столь ясно, а главное, не может быть переведено так, как у Е.Ч. Скржинской⁵⁸. Дело в том, что в начале цитированной выше фразы Иордана о его происхождении стоит наречие “quasi”. Поэтому у некоторых исследователей нет уверенности в том, что здесь Иордан однозначно утверждал о своем готском происхождении⁵⁹. Тем более что сама эта фраза содержит признаки обычного риторического оборота, акцентирующего внимание читателя на правдивости и полноте изложения автором готской истории.

В науке высказаны и другие точки зрения по этому вопросу. В частности, Т. Моммзен, В. Ваттенбах и А. Каппельмахер склонялись к признанию Иордана скорее аланом, чем готом⁶⁰. Мнение этих ученых опиралось на другое свидетельство Иордана в § 265 о том, что его дед Пария был нотарием у аланского вождя Кандака. Чтобы уточнить происхождение автора «Гетики», ученые провели ряд лингвистических исследований: имена его деда и отца пытались объяснить, исходя из древнегерманского⁶¹, готского⁶² и аланского⁶³ языков. Нам кажется, сама множественность предлагаемых этимологии должна удержать исследователей от однозначных заключений по этому вопросу. Хорошо известно, что в эпоху Великого переселения народов имя собственное далеко не всегда определенно указывало на действительную этническую и языковую принадлежность его носителя⁶⁴. Важнее определить ту среду, в которой он рос и воспитывался, и которая не могла не наложить отпечаток на его мировоззрение как будущего историка.

Сам Иордан, скорее всего, родился в Нижней Мезии или Малой Скифии, правителем которой был полугот-полуалан Кандак. Не следует забывать, что в эпоху Иордана аланы часто считались готским племенем, а их вожди носили иногда германские имена⁶⁵. Поэтому нам представляется, что собственное признание Иордана в *Get.* § 316, сопровождаемое наречием “quasi”, не может означать, что он на самом деле действи-

⁵⁸ Там же. С. 10,121.

⁵⁹ *Wagner N. Getica: Untersuchungen zum Leben des Jordanes und zur frühen Geschichte der Goten.* B., 1967. S. 5—14.

⁶⁰ *Friedrich J. Über die kontroversen Fragen im Leben des gotischen Geschichtsschreibers Jordanes // Sitzungsberichte der philosophisch-philologischen und historischen Klasse der Academie der Wissenschaft zu München.* Jg. 1907. München, 1908. S. 379—380; *Kappelmacher A. Jordanis // PW RE.* Stuttgart, 1916. Bd. IX. Coll. 1908—1929.

⁶¹ *Grienberger Th. Die Vorfahren des Jordanes // Germania. Vierteljahrschrift für deutsche Altertumskunde (Neue Reihe. 22).* Stuttgart; Wien, 1889. Bd. 34. S. 408.

⁶² *Скржинская Е.Ч. Указ. соч. С. 13.*

⁶³ *Altheim F. Geschichte der Hunnen.* B., 1959. S. 25.

⁶⁴ *Wagner N. Op. cit. S. 13; Скржинская Е.Ч. Указ. соч. С. 340.*

⁶⁵ *Schmidt L. Op. cit. S. 86; Wagner N. Op. cit. S. 16.*

тельно считал себя готом в узком смысле этого этнонима. На страницах «Гетики» автор ни разу не отождествляет себя с готами, а наоборот, скорее обособляет себя от них. Во вступлении он пишет: «Если о чем-нибудь сказано мало, а ты сам (т.е. Касталий — И.З.), живущий в соседстве с [описываемым] племенем, припоминаешь больше, сделай свои добавления брат...». В другом месте Иордан при всей своей симпатии к готам называет их «грубыми и невежественными людьми» (Get., 133). В конце «Гетики» (Get., 253) он причисляет готов к «скифскому племени» (“gens aliqua Scythica”), что в то время было равнозначно включению в Barbaricum. Иордан был выходцем из той пестрой этнической среды Средиземноморья, которую породило Великое переселение народов. Но по своему менталитету он стоял гораздо ближе к римлянам, нежели к варварам, будь то, готы-ариане или язычники-аланы. Если он и был готом по крови, то романизированным как минимум в третьем поколении.

Иордан неравнодушен к вопросам церкви и религии (Get., 133). Из его обращения к «брату Касталию», завершающемуся словами молитвы, становится ясно, что, скорее всего, он был монахом, но не епископом или хронистом, как думают некоторые исследователи. Иордан прямо заявляет о своем переходе в монашество (Get., 266). Причем тут же он уточняет, что служил нотарием у гото-алана Гунтигиса Базы, занимавшего в Империи высокий военный ранг “magister militum”.

Итак, сначала нотариус, а затем после «обращения» скорее монах, чем священник (но не епископ равеннский, как указано на одной из рукописей «Гетики»), человек, начитанный в истории, но пишущий на латыни с ошибками и толком уже не знающий ни готского, ни аланского языка, презирующий варваров за их грубость и невежество, мог быть по духу скорее в меру образованным римлянином, чем варваром-готом. Но в латыни он сам себя скромно определяет как “agrammatus” (Get., 266). В «Гетике» Иордан действительно допустил ряд грамматических ошибок, свойственных людям той эпохи, говорящим на вульгарной латыни⁶⁶.

Иордан описывает королевство Эрманариха с исторической дистанции протяженностью почти в два века, и уже поэтому он несвободен от ретроспективного взгляда современника гибели остготской государственности преэмиников Теодориха Великого⁶⁷. В российской науке весьма распростра-

⁶⁶ Wolfflin Ed. Zur Latinität des Jordanes // Archiv für lateinische Lexicographie und Grammatik. XI. Leipzig, 1900. S. 361—368; Смирнов В.В. «Гетика» Иордана как памятник поздней латыни (фонетика и грамматика): автореф. дисс. канд. ист. наук. М., 1956. С. 16; Смирнов В.В. Готский историк Иордан // Уч. зап. КГПИ. 1956. Вып. XI. С. 149—161.

⁶⁷ Pohl W. Der Gebrauch der Vergangenheit in der Ideologie der Regna // Ideologie e pratiche del reimpiego (Settimana di Studio del Centro Italiano di Studi sull'alto Medioevo 46). Spoleto, 1999. S. 149—175.

нено представление о тенденциозности Иордана как «придворного и весьма льстивого историка готских королей»⁶⁸. Безусловно, источники вроде «Гетики» скрывают идеологический нарратив группы, идентифицирующей себя с готами. Но с «Гетикой» вопрос обстоит не так однозначно.

Иордан писал историю своего народа. Как известно, в сочинениях подобного рода другие народы всегда играют второстепенную роль. Нам представляется, что «готицизм» Иордана, его проготская позиция сильно преувеличены в современной российской науке. Уже Кассиодор писал свое сочинение не для короля, а для своей родины⁶⁹. Недавно М.Б. Щукин еще раз убедительно показал, что не в интересах Иордана было писать панегирик готам. Он обратил внимание на прямое свидетельство готского историка, указывающее, кого именно он прославлял: «Пусть никто не подумает, что я, как ведущий происхождение от вышеназванного племени, прибавил что-либо в его пользу против того, что прочел или узнал. Если я и не охватил всего, что о них пишут, то изобразил я это ведь не столько во славу их самих, сколько во славу того, кто победил» (Get., 316).

Если мы вспомним, что «Гетика» была написана всего год спустя после победы византийцев над военным флотом остготского короля Тотилы при Анконе в 550 г., то все становится на свои места. Это, прежде всего, панегирик византийцам, императору Юстиниану, но не готам, королевство которых только что потерпело крах в борьбе с Константинополем⁷⁰. Для Иордана и его современников было важно, что еще раньше последняя представительница королевского рода Амалов, Матесвента заключила брак с племянником византийского императора Германом. Так происходит легитимный переход от амало-балтской «*Origo Gothica*» к «*Historia Romana*», что было явно по душе автору «Гетики»⁷¹. Поэтому современные исследователи творчества Иордана не без основания полагают, что его «Гетика» больше испытала влияние интеллектуального и политического климата Константинополя, нежели придворной идеологии равеннских Амалов⁷².

Как бы сейчас ученые не решали вопрос о личности Иордана, его этнической принадлежности и месте написания «Гетики», нет сомнений в том, что это сочинение является важнейшим источником по истории Великого переселения народов, в том числе самого начального его

⁶⁸ Рыбаков Б.А. Язычество Древней Руси. М., 1987. С. 29.

⁶⁹ Шкаренков П.П. Мифология исторической памяти на рубеже Античности и Средневековья // История и память. Историческая культура Европы до начала Нового времени. М., 2006. С. 165.

⁷⁰ Щукин М.Б. Готский путь... С. 23.

⁷¹ Вольфрам Х. Указ. соч. С. 30.

⁷² Brather S. Ethnische Interpretationen in der frühgeschichtlichen Archäologie. В.:N.Y., 2004. S. 229.

этапа в Восточной Европе. Оно содержит наиболее подробное описание королевства Эрманариха. Поэтому крайне важно проанализировать вопрос о степени достоверности этого информативного, но весьма сложного для понимания источника.

В начале своего сочинения Иордан прямо указывает на свой непосредственный источник. Это — “Gothorum historia” или “Origo Gothica” Кассиодора Сенатора, завершенная к 533 г. Некто «брат Касталий» повелел Иордану сократить 12 томов этого труда Кассиодора до объема одной небольшой книги, т.е. просто кратко переложить весьма объемное сочинение предшественника. Причем, вся эта работа была выполнена в кратчайший срок, т.к. книги Кассиодора находились в руках у эпитоматора всего три дня (Get., 2), что не могло не сказаться на ее качестве. В связи с этим Т. Моммзен прямо, хотя, может быть, и не вполне справедливо назвал «Гетику» Иордана сокращенной и запутанной сводкой кассиодоровой истории⁷³. Уже по этой причине многие исследователи отказывали Иордану в праве считаться оригинальным историком⁷⁴. Казалось бы, перед нами классический пример реализации принципа одного источника (“Einquelleprinzip”), весьма характерного для средневековых хронистов⁷⁵. Но это никак не повлияло на популярность сочинения Иордана в древности и востребованность в современной науке. Как это не раз случалось в античной историографии, труд Кассиодора, послуживший основным источником «Гетики», не сохранился. Исчезновение оригинала резко повысило значимость дошедшего до нас сочинения Иордана как исторического источника по эпохе Великого переселения народов. Тем более что сравнительный анализ текста «Гетики» и уцелевших фрагментов «Готской истории» Кассиодора показал высокую степень аутентичности в передаче Иорданом ее содержания⁷⁶. Но с другой стороны, это обстоятельство затемнило для современных исследователей вопрос о непосредственных источниках тех сведений, которые легли в основу описания королевства Эрманариха у Иордана.

Не так давно В. Гоффарт пришел к выводу, что сочинения Иордана и других раннесредневековых историков следует читать, прежде всего, как литературные произведения, построенные с использованием классических историографических и риторических моделей⁷⁷. На его взгляд, целью Иордана и других раннесредневековых авторов была не столько

⁷³ Mommsen Th. Op. cit. S. XVIII—XX.

⁷⁴ Christensen A.S. Cassiodorus, Jordanes and the History of the Gots: Studies in a Migration Myth. Copenhagen, 2002.

⁷⁵ Косминский Е.А. Историография Средних веков. М., 1963. С. 32.

⁷⁶ Heather P.J. Goths and Romans... P. 38—52; Weissensteiner J. Cassiodor/Jordan als Geschichtsschreiber // Historiographie im frühen Mittelalter. Wien;München, 1994. S. 308—325; Christensen A.S. Op. cit.

⁷⁷ Goffart W. Op. cit. P. 20—111.

репрезентация прошлого готов, франков, лангобардов, сколько описание настоящего, удовлетворяющее требованиям современной им аудитории. В этом ключе американский историк определяет «Гетику» как литературную, аллегорическую «историю любви» между готами и римлянами⁷⁸. Отсюда его весьма пессимистический вывод, вполне закономерный для современной постмодернистской историографии — все эти тексты мало пригодны для создания традиционной «позитивистской» истории, ориентированной на реконструкцию «подлинных фактов».

Критика подобного скептического подхода к раннесредневековым источникам не так давно дана в книгах немецкого исследователя Г. Шпигеля и российского историка А.И. Сидорова⁷⁹. Мы также не можем согласиться с мнением известного медиевиста П. Гири, утверждающего, что «любой историографический текст, независимо от своих конкретных сюжетов, отражает лишь настоящее автора и его аудитории». Более того, по его мнению, «за пределы такого рода субъективной реальности выйти практически не удастся»⁸⁰. Если этот принцип последовательно применить к «Гетике» Иордана, то вслед за П. Амори придется признать, что это сочинение отражает лишь исторические реалии времени жизни его автора, т.е. середины VI в., но никак не более ранней эпохи⁸¹. А как же тогда быть с обширными «включениями» в текст сочинения готского историка более ранней исторической реальности, например с фактом проживания готов в Причерноморье в IV в.? Ведь последнее хорошо корреспондируется со свидетельствами других авторов, например, Аммиана Марцеллина и к тому же подтверждается массовым археологическим материалом.

В связи с этим следует подробнее остановиться на вопросе об источниках Иордана, которые он использовал для написания своего труда. Начать следует с сочинения его прямого предшественника Флавия Кассиодора⁸². В известном обращении короля Аталариха к римскому сенату в конце 533 г. по поводу провозглашения Кассиодора префектом претория говорилось, чтобы он занялся древним родом остроготских королей и путем розысков почти исчезнувших преданий и рассеянных по книгам сведений вывел готских королей из тьмы забвения и тем самым возродил Амалов во всем блеске их рода. Таким образом, “Origo

⁷⁸ *Ibid.* P. 27, 47—50.

⁷⁹ Spiegel G. *The Past as Text. The Theory and Practice of Medieval Historiography.* Baltimore; L., 1997; Сидоров А.И. Указ. соч. 2006. С.18—20.

⁸⁰ Geary P. *Frühmittelalterliche Historiographie // Historiographie im frühen Mittelalter.* Wien; München, 1994. S. 539—540.

⁸¹ Amory P. *People and Identity in Ostrogothic Italy, 489—554 // Cambridge Study in Medieval Life and Thought.* 1997. № 4/33. P. 292—306; Brather S. *Op. cit.* S. 228—229.

⁸² О личности Кассиодора см.: Уколова В.И. Флавий Кассиодор // ВИ. 1982. № 2. С.185—189; Шкаренков П.П. Римская традиция в варварском мире. Флавий Кассиодор и его эпоха. М., 2004. С. 33—46.

Gothorum” — начало или происхождение готов — «он превратил в римскую историю» (*Variae*, IX.25)⁸³. Надо признать, что персона Кассиодора как нельзя лучше подходила для этой цели. Он был прекрасно образован, знал не только греческий и латынь, но и готский язык, что позволяло ему обращаться не только к античной исторической, но и к готской эпической традиции⁸⁴. К тому же, как влиятельный придворный он имел немалые возможности в получении информации о готах и их прошлом⁸⁵. Из цитированного выше обращения Аталариха следует, что источниками для Кассиодора послужили:

- 1) старинные готские предания и легенды;
- 2) генеалогия остготских королей из рода Амалов;
- 3) сочинения некоторых древних авторов.

К последним относился упоминаемый Иорданом готский историк Аблабий, христианский писатель начала V в. Павел Орозий, а также другие античные авторитеты. Но какие из них были привлечены непосредственно Иорданом, а какие — попали в текст «Гетики» уже в «готовом» виде вместе с фрагментами текста Кассиодора, сейчас установить невозможно. Для нашего исследования, посвященного ранней истории готов, это не так уж и важно, т.к. Кассиодор и Иордан фактически были современниками, собиравшими сведения о причерноморском периоде готской истории спустя полтора столетия после его завершения. Известно лишь со слов самого Иордана, что он использовал не только сочинение Кассиодора, но и сведения «из некоторых историй как греческих, так и латинских, перемежая и начало, и конец, и многое в середине собственным своим рассказом» (*Get.*, 3).

Одним из источников сведений Иордана о готах (непосредственно или опосредованно через Кассиодора), несомненно, был Аблабий, которого он сам характеризует как “*descriptor Gothorum gentis egregius verissima <...> historia*” (*Get.*, 28). Помимо упоминаний Иорданом, имя Аблабия больше не встречается ни у одного из позднеантичных авторов⁸⁶. Нужно отметить, что Иордан с уважением и доверием относится к его свидетельствам, называет его труд «достовернейшей историей». Скорее всего, он жил при остготском короле Эврихе во второй половине V в.⁸⁷ Аблабий написал труд, к сожалению, не сохранившийся, посвященный ранней истории го-

⁸³ *Cassiodori Senatoris Variae* / Ed. Th. Mommsen // MGH. Auct. Antiquiss. B., 1894. Bd. XII.

⁸⁴ *Hachmann R.* Op. cit. S. 45, 55—57; *Шкаренков П.П.* Указ. соч. С. 35—36.

⁸⁵ *Callies H.* Cassiodor // RGA. 1981. Bd. 4. S. 347—350.

⁸⁶ Впрочем, возможно, оно было известно Кассиодору. В одной из рукописей его “*Variae*” оно встречается в форме “*abaui*”. См.: *Анфертьев А.Н.* Иордан. Комментарии // Свод древнейших письменных известий о славянах (I—IV вв.). М., 1994. Т. 1. С. 100.

⁸⁷ *Heather P.* Op. cit. P. 62—65.

тов⁸⁸. Но проблема состоит в том, что из текста «Гетики» практически невозможно точно установить, что заимствовал ее автор у Аблабия, а что из иных источников. Поэтому современные исследователи по-разному оценивают степень зависимости Иордана от сочинения Аблабия. Так Р. Хахман по формальным критериям выделил в тексте «Гетики» ряд фрагментов, скорее всего, восходящих к тексту сочинения Аблабия⁸⁹. С другой стороны, некоторые исследователи весьма скептически относятся к идее сведения практически всего содержания сочинения Иордана к Аблабию. Например, А. Джиллетт утверждает, что Аблабий вовсе не являлся основным источником для Иордана. Основную массу информации последний получил от самих готов в форме исторического повествования⁹⁰.

Важно, что ранние свидетельства Аблабия относились ко времени переселения готов на юг Восточной Европы на рубеже II—III вв. (Get., 28), а также содержали сведения о покорении готами приазовских герулов (Get., 117), т.е. уже ко времени Эрманариха. Скорее всего, именно ему принадлежала развиваемая Иорданом идея о трех областях расселения готов⁹¹: на прародине Скандзе (Get., 9), в крайней части Скифии (§ 28), на побережье Понта в Скифии, где произошло их разделение на остроготов и везиготов (§ 82). К нему же восходят сведения Иордана о войнах и правлении короля Остроготы (§ 91) и о племенах, живущих около Меотиды, в частности о герулах (§ 117).

Составитель «Гетики» или еще его предшественники были знакомы с историческим произведением Аммиана Марцеллина, но, скорее всего, не с оригиналом, а из вторых рук, да еще и в сильно переработанном виде⁹². Однако нам не удалось обнаружить каких-либо прямых свидетельств использования Иорданом данных из рассказа Аммиана о Эрманарихе. Он иначе излагает историю гибели последнего. Все это указывает на то, что Иордан (Кассиодор) при написании наиболее интересной для нас части «Гетики» опирался на какой-то иной источник, независимый от «Римской истории» Аммиана Марцеллина.

Рассказ Иордана о «малых готах» и их епископе Вульфиле, обратившем готов в христианскую веру и переведшем Библию на готский язык (Get., 267), скорее всего, восходит к «Церковной истории» Сократа⁹³. Использовал Иордан и «Хронику» его младшего современника

⁸⁸ Seeck O. Ablabius // PW RE. Stuttgart, 1893. Bd. I. Col. 103—104.

⁸⁹ Hachmann R. Op. cit. S. 487.

⁹⁰ Gillett A. Jordanes and Ablabius // Studies in Latin literature and Roman History. Bruxelles, 2000. № 10. P. 479—500.

⁹¹ Kappelmacher A. Op. cit. Col. 1921.

⁹² Скржинская Е. Ч. Указ. соч. С. 277; Hachmann R. Op. cit. S. 43—53, 81.

⁹³ Hachmann R. Op. cit. S. 36.

Марцеллина Комита⁹⁴, но в какой мере и объеме — сказать затруднительно. Содержащиеся в ней данные о готах и их взаимоотношениях с Империей недавно проанализированы в книге С. Тейе⁹⁵. Хорошо были ему знакомы и записи Приска Панийского — участника византийского посольства 448 г. в ставку гуннского короля Аттилы, позднее вошедшие в сочинение под названием «Готская история».

При историко-географических описаниях Иордан широко пользовался своим излюбленным сочинением — «Историей» Павла Орозия (Get., 4, 44, 58, 121). По мнению большинства исследователей, к ней он обращался непосредственно, а не через текст сочинения Кассиодора, хотя высказана и противоположная точка зрения⁹⁶. Скорее всего, именно у Орозия Иордан заимствовал идею о «мировом владычестве» готов⁹⁷. К этому автору частично восходит начало рассказа Иордана о нападении на готов гуннов (“ut refert Orosius”), хотя в его основе просматривается иной источник, восходящий к готской эпической традиции (Get., 121).

В свете современных исследований становится все более очевидным то особое место, которое занимала в «Гетике» устная легендарно-эпическая традиция, включенная в тексты сочинений Кассиодора/Иордана. Одним из источников сведений Иордана о готах и Эрманарихе, безусловно, были генеалогии, в частности королевского рода Амалов⁹⁸. Ее он полностью приводит в Get., 79-81. Причем здесь историк целиком отбрасывает изложенную им ранее псевдоисторию готов от гетов-даков и обращается к генеалогии собственно готских королей⁹⁹.

Хорошо известно, что генеалогию Амалов составил Кассиодор, который по указанию остготского короля Аталариха «направил свои усилия на [разыскания] о древнем нашем роде, изведав путем чтения все то, что едва удержалось в седых записях предков. Он вывел из долгого забвения готских королей, скрытых в убежище старины. Он восстановил Амалов со всем блеском их рода, с очевидностью показав, что мы имеем королевские корни в семнадцатом поколении. Он сделал римским происхождение истории готов» (Variae, IX.25). Но у Иордана родословная Амалов более подробная, нежели в одной из грамот Кассиодора (Variae, XI.1.19)¹⁰⁰. Тот почему-то опустил имя Эрманариха, хотя

⁹⁴ Скржинская Е. Ч. Указ. соч. С. 16.

⁹⁵ Teillet S. Op. cit. P. 257—263.

⁹⁶ Hachmann R. Op. cit. S. 36.

⁹⁷ Svennung J. Jordanes und Scandia. Stockholm, 1967. S. 230.

⁹⁸ Tonnies B. Die Amalertradition in den Quellen zur Geschichte der Ostgoten: Untersuchungen zu Cassiodor, Jordanes, Ennodius und den Excerpta Valesiana. Hildesheim, 1989.

⁹⁹ Скржинская Е. Ч. Указ. соч. С. 244.

¹⁰⁰ Cassiodori Senatoris Variae / Ed. Th. Mommsen // MGH. Auct. Antiquiss. B., 1894. Bd. XII. P. 330.

назвал имя его сына Гунимунда — предка короля Эвтариха, а также преемника Эрманариха — Винитария¹⁰¹.

Иордан в *Get.*, 78 упоминает у готов победителей-полубогов “semideos”, называемых “Ansis” (Ансами). Из излагаемой в следующем параграфе генеалогии готских королей становится очевидно, что готы называли Ансами предков рода Амалов. Р. Хахман увидел в этом сообщении заимствованный у Кассиодора фрагмент подлинной готской религиозной традиции¹⁰². Современные же исследователи считают, что др. герм. “ansuz/áss” совпадало с фонетическим значением одной из рун¹⁰³, так что в этом случае источником мог быть готский рунический алфавит, понятный и Иордану.

Эпические песни готов были использованы Иорданом при составлении рассказа об их переселении и «обретении» новой родины в крайней части Скифии, соседствующей с Понтийским морем¹⁰⁴. На такой источник сведений о миграции готов прямо указывает сам Иордан: «...как это и вспоминается в древних их песнях как бы наподобие истории и для всеобщего сведения» (*Get.*, 28). В другом месте Иордан обращается к славной древности, когда «воспевали в песнях с припевами и [в сопровождении] кифар деянния предков — Этерпамары, Ханалы, Фритигерна и Видигойи, и других» героев готской традиции (*Get.*, 43). Для нас наиболее интересны упоминания двух последних персонажей, относящихся уже к «историческим» временам. Видигойя по преданию боролся с гуннами и был убит сарматами-язигами, о чем Иордан сообщает в § 178. Фритигерн был едва ли не главным героем антиримской войны везиготов 376—378 гг., победителем императора Валента при Адрианополе.

Однако Иордан весьма критически настроен к некоторым готским легендам, в частности к «басням» (“fabulas”). Он признает приоритет источника письменного перед устным рассказом: «Ибо мы больше верны прочитанному, чем старушечьим рассказням» (*Get.*, 38). С характерной ссылкой “ut refert antiquitas” («как передает древность») Иордан приводит старую готскую легенду о происхождении гуннов от изгнанных королем Филимером женщин-колдуний и нечистых духов (*Get.*, 122-125). Засвидетельствованное им бесспорно германское название мифических прародительниц гуннов в форме “Haliugunnae” не оставляет сомнений в источнике этих сведений у Иордана или его предшественников¹⁰⁵.

¹⁰¹ Скржинская Е. Ч. Указ. соч. С. 245.

¹⁰² *Nachmann R. Op. cit. S. 46.*

¹⁰³ Мельникова Е. А. Историческая память в германской устной традиции и ее письменная фиксация // История и память. Историческая культура Европы до начала Нового времени. М., 2006. С. 185.

¹⁰⁴ *Tonnies B. Op. cit.; Christensen A.S. Op. cit.*

¹⁰⁵ *Nachmann R. Op. cit. S. 58.*

Для нашей темы особенно важно установить источники сведений Иордана об остроготской «державе». Хотя в начале рассказа об Эрманарихе Иордан обращается к авторитету предшественников — «немало древних писателей сравнивали его (т.е. Эрманариха — И.З.) по достоинству с Александром Великим...» (Get., 116), выявить его конкретный источник (или источники) не представляется возможным. Можно лишь предположить, что здесь Иордан или его предшественник распространили на Эрманариха сложившуюся при дворе Теодориха Великого традицию сравнивать этого остготского короля с Александром Македонским (Ennod. Pan. 78), на что недавно обратил внимание П.П. Шкаренков¹⁰⁶. Таким образом, остготский король включался в более широкий контекст эллинистической традиции королевской власти.

А вот описание победоносных войн Эрманариха с герулами, венедами, эстиями, а также его преемника Винитария с антами почти наверняка восходит к героическим преданиям самих готов, хотя некоторыми исследователями высказано сомнение в наличии в них какой-либо исторической основы. Так, Л. Шмидт в свое время доказывал легендарный характер личности Винитария и его подвигов¹⁰⁷. Его появление на страницах «Гетики» он объяснял выдумкой Кассиодора. Также чистой легендой он считал подробно описанный Иорданом эпизод о борьбе остроготов Винитария с антами Божа (Get., 246-247).

Опора историка при освещении причерноморской истории готов почти исключительно на их легендарно-эпическую традицию, как известно, весьма избирательно «впитывающую» исторический материал, к тому же преобразующую его по непредсказуемым законам устного народного творчества, в полной мере проявилась в истории Эрманариха. В ней заметно ощущается то, что Иордану сильно не хватало конкретных исторических сведений об этом правителе. В результате его рассказ о великом остроготском владыке получился весьма кратким и поверхностным, во всяком случае, явно несоизмеримым с общей восторженной оценкой масштаба его личности Иорданом¹⁰⁸.

Заключение об устном характере источников о готской «державе» и трагической судьбе ее правителя косвенно подтверждают более поздние германские саги о смерти короля Эрманариха/Ермунрекка. Использование традиции просматривается у Иордана в употреблении глагола “fertur”, примерно значащим «так было в предании»¹⁰⁹ или “dicitur” — «так рассказыва-

¹⁰⁶Шкаренков П.П. Образ прошлого и концепция «национальной» королевской власти в Остготской Италии (“Causus Ennodii”) // Образы времени и исторические представления: Россия – Восток – Запад. М., 2010. С. 501.

¹⁰⁷Schmidt L. Op. cit. S. 252—257.

¹⁰⁸Ibid. S. 253—255.

¹⁰⁹Скржинская Е.Ч. Указ. соч. С. 265.

ют» (Get., 259). Но на вопрос, насколько Иордан точно пересказывал эпическую традицию готов и насколько он искусственно приукрасил прошлое, в полной мере мы сейчас ответить не можем. Несомненно, что Иордан пользовался народными слухами, например, при описании занятой готами местности Ойум (Get., 27). Но примечательно, что здесь же для подкрепления своего рассказа он ссылается на некие «свидетельства путников», хотя речь идет о событии, отделенном от его времени почти четырьмя столетиями.

Завершая источниковедческий раздел о произведении Иордана необходимо несколько слов следует сказать о рукописях «Гетики»¹¹⁰. Для изучения интересующей нас темы существенное значение имеет открытый в 1927 г. Палермский кодекс (“Codice Basile”), опубликованный в Италии в 1991 г. Франческо Джунта и Антонино Грильоне¹¹¹. На сегодняшний день он является самой ранней и лучшей из сохранившихся рукописей «Гетики»¹¹². Весьма важно, что в Палермском кодексе некоторые названия покоренных Эрманарихом «северных народов», записанные слитно в других рукописях, разделены на два слова, что облегчает их понимание. Палермский и Гейдельбергский кодексы имеют и другие существенные различия, прежде всего, в написании имен готских вождей, включая имя короля Эрманариха.

Текст «Гетики» Иордана буквально насыщен конкретными историческими свидетельствами из готской истории, то лежащими на поверхности, то скрытыми в его глубине. Поэтому не в последнюю очередь именно благодаря Иордану данные по ранней истории готов оказались намного богаче, чем о прошлом любого другого варварского народа¹¹³. Более того, со страниц его произведения выступает грандиозная картина становления нового европейского мира, вырастающего из Барбарикума, и вытесняющего мир старый, римский. Поэтому при всей тенденциозности и компиляторстве труд Иордана должен быть зачислен в разряд важных исторических источников. Проблема в том, как надежнее верифицировать и очистить данные Иордана о готской «державе» Эрманариха от присутствующего в них тенденциозного налета, который их покрывает при почти полном отсутствии иных нарративных источников. Здесь весомое слово должны сказать археологические исследования восточноевропейских древностей, оставленных полиэтничным объединением, известным как королевство Эрманариха¹¹⁴.

¹¹⁰Подробная информация о них содержится в русскоязычных изданиях «Гетики» Е. Ч. Скржинской (С. 382—397), а также А. Н. Анфертьева (С. 98—104).

¹¹¹*Jordanis. De Origine Actibusque Getarum* / Ed. F. Giunta, A. Grillone. Roma, 1991.

¹¹²*Скржинская Е. Ч.* Указ. соч. С. 397.

¹¹³*Weissensteiner J.* *Jordanes* § 2. *Historisches* // RGA. 2000. Bd. 16. S. 77.

¹¹⁴*Зиньковская И. В.* «Гетика» Иордана как источник по истории готов в Восточной Европе // Проблемы всеобщей и отечественной истории: сб. статей. Воронеж, 2006. С. 99—114.

§ 4. «Готская Библия» Вульфилы

Среди письменных источников по истории готов в IV в. особое место занимает «Готская Библия» Вульфилы. Она представляет первый перевод Священного Писания на готский язык с греческого оригинала. Благодаря этому, имея под руками тот и другой тексты, исследователи фактически получают возможность работать с пространной билинговой, отражающей многие готские социальные, политические, бытовые и культурные реалии. К сожалению, в российской науке Готская Библия привлекла внимание лишь немногих специалистов¹¹⁵. Зато в Европе этому произведению посвящена почти необозримая научная литература, преимущественно на немецком и английском языках¹¹⁶.

Время жизни Вульфилы определяют в хронологическом промежутке между 311 и 382/83 гг.¹¹⁷. Большинство современных исследователей сходятся в том, что Вульфила был потомком каппадокийских христиан в третьем поколении, захваченных в плен дунайскими готами во время их набегов в Малую Азию еще во второй половине III в. Известно, что его предки были пленены готами в деревне Садагольфина в окрестностях г. Парнас в Каппадокии в 60-х гг. III в. Но он родился около 311 г. уже в Готии к северу от нижнего течения Дуная, т.е. принадлежал к третьему поколению¹¹⁸. По свидетельству его биографа Филострогия (Hist. eccl., II. 5), готы, к которым принадлежала семья Вульфилы, находились под властью императора Константина. Значит, это были везиготы, которыми тогда правил отец Атанариха.

По социальному положению родители Вульфилы, скорее всего, принадлежали к тому сословию, которое позже известно в источниках под названием «длинноволосые» или «кудрявые»¹¹⁹. Будущему проповед-

¹¹⁵Корсунский А.Р. О социальном строе вестготов в IV в. // ВДИ. 1965. № 3. С. 54—75; Рикман Э.А. Этническая история населения Поднестровья и прилегающего Подунавья в первые века нашей эры. М., 1975. С. 258—260; Лавров В.В. Готское общество в IV в. // Античный мир. Проблемы истории и культуры. СПб., 1998. С. 399—413.

¹¹⁶Bernhardt E. *Vulfila oder die gotische Bibel*. Halle, 1875; Lippold A. *Wulfila* // PW RE. 1961. Bd. IX. Coll. 512—531; Thompson E.A. *The Visigoths in the Time of Ulfila*. Oxford, 1966; Stutz E. *Gotische Literaturdenkmäler*. Stuttgart, 1966; Scardigli P. *Die Goten. Sprache und Kultur*. München, 1973; Schäferdieck K. *Wulfila. Vom Bischof der Goten zum Gotenbischof* // ZfK. 1979. № 90. S. 253—292; Rubin Z. *The Conversion of the Visigoths to Christianity* // Museum Helveticum. 1981. № 38; Schwarcz A. *Reichsangehörige Personen gotischer Herkunft. Prosopographische Studien*. Wien, 1984; Heather P. *The Crossing of the Danube and the Gothic Conversion* // Greek, Roman, and Byzantine Studies. Duce University. 1986. № 27; Wolfram H. *Op. cit.*; Вольфрам Х. Указ. соч. С. 115—129; Heather P., Matthews J. *The Goths in the Fourth Century*. Liverpool, 2004.

¹¹⁷Lippold A. *Op. cit.* S. 512—531.

¹¹⁸В 2011 г. Департамент археологии и древней истории университета Уппсала провел симпозиум, посвященный 1700-летию со дня рождения Вульфилы.

¹¹⁹Вольфрам Х. Указ. соч. С. 117, 152—153.

нику дали готское имя, которое в латинской транскрипции звучит как “Ulfila” — «Волчонок», в греческом написании — “Ούρφίλας”. Во всяком случае, так выглядит его имя, вырезанное на печати, найденной на острове Корфу¹²⁰. Вне всякого сомнения, по рождению Вульфила был готом или наполовину готом¹²¹. Помимо родного, готского языка, он знал греческий и латинский языки. Поэтому Вульфила, подобно жившим на полтысячелетия позже славянским апостолам Кириллу и Мефодию, был человеком двойной культуры: он родился в «варварской» среде готов, но получил образование и сделал карьеру в Константинополе¹²².

По свидетельству Филосторгия, между 332 и 337 гг. в составе готского посольства двадцатилетний Вульфила впервые посетил только что построенную новую столицу Империи — Константинополь (Hist. eccl., II.5). Существует предположение, что туда он попал не по своей воле, а в свите сына готского короля Ариариха, отправленного в Константинополь в качестве заложника после поражения готов в 332 г. от легионов императора Константина. В столице Вульфила проявил себя как ревностный христианин арианского толка, активно изучающий Священное Писание, но в первую очередь как выдающийся проповедник¹²³. Здесь он не только в совершенстве изучил греческий и латинский языки, но и освоил искусство риторики. В столице Вульфила приобрел такой авторитет, что даже император Констанций II называл его «Моисеем нашего времени» (Philostor., Hist. eccl., II.5)¹²⁴. По словам того же Филосторгия, Вульфилу сравнивали с ветхозаветным пророком Ильей. В Константинополе он получил те знания и тот теологический опыт, который позже позволил ему перевести Библию на родной язык.

В 341 г. Евсевием и другими церковными иерархами Вульфила в тридцатилетнем возрасте был посвящен в сан епископа Готии для задуманной императором христианской проповеди среди варваров¹²⁵. С этой миссией он направился к задунайским готам-тервингам. Вульфила прожил среди них семь лет с 341 по 348 г. Не в последнюю очередь благодаря его проповедям часть соотечественников приняла христианство в форме вероучения епископа Ария¹²⁶. Авторитет Вульфила был столь

¹²⁰Schäferdieck K. Germanenmission // RAC. 1978. № 10.

¹²¹Wolfram H. Op. cit. S. 85.

¹²²Кейдан А. «Калькированный архаизм» готского языка // Индоевропейское языкознание и классическая филология: материалы X чтений, посвящ. памяти И.М. Тронского. СПб., 2006. С. 149—156.

¹²³Marchand J.W. The Sounds and Phenomens of Wulfila's Gothic. The Hague, 1973.

¹²⁴Klein K. Gotenprimas Wulfila als Bischof und Missionär // Festschrift für Bischof F. Müller. Stuttgart, 1967. S. 94.

¹²⁵Schäferdieck K. Wulfila... S. 253—292.

¹²⁶Fridh A. Die Bekehrung der Westgoten zum Christentum // Studia Gothica. Stockholm, 1972. S. 130—143.

велик, что даже антиарианский апологет «истинной веры» Евтихий в одном из писем к Василию Великому назвал Вульфилу «апостолом готов». Но к концу этого периода сам проповедник и его многочисленная паства подверглись гонениям со стороны везиготского «судьи» — правителя-язычника, который стал жестоко преследовать соотечественников-ариан. Причина гонений скрывалась не только в религиозной нетерпимости, но прежде всего в том, что готы-христиане воспринимались готской знатью как потенциальные союзники христиан-римлян.

После бегства из Готии Вульфила со своей весьма многочисленной паствой укрылся на территории Империи в провинции Нижняя Мезия и с разрешения императора поселился в окрестностях г. Никополя. Здесь эти готы осели надолго, они засвидетельствованы Иорданом как его современники «малые готы» (“*Gothi minores*”). Вскоре Вульфила получил от императора титул сельского епископа¹²⁷. Здесь он проповедовал среди селян на трех языках. Но проповедью деятельность епископа не ограничивалась. По словам Иордана, он фактически стал церковным и светским руководителем готов Мезии — “*cum suo pontifice ipsoque primate*” (Get., 267). Его слова «были для них законом» (Socrat., Hist. eccl., IV. 33. 7). По свидетельству Авксентия, позже в 360 и 383 гг. Вульфила принимал участие в двух арианских Соборах в Константинополе (Max. Diss., 46). Во время заседания последнего он и скончался. На смертном одре он успел в последний раз провозгласить свою арианскую веру в единого Бога-Отца и был погребен при большом стечении народа (Max. Diss., 62).

Вульфила считается изобретателем готской азбуки¹²⁸. Это важнейшее событие в культурной истории готов Иордан определяет очень кратко — “*litteras instituisse*” (Get., 267). Своя письменность была необходима проповеднику, прежде всего, для перевода «Священного Писания» на готский язык¹²⁹. Он был выполнен Вульфиллой в последний, «никопольский» период его жизни и дошел до нас в составе “*Codex Gissensis*” и “*Codex Carolinus*”, но наиболее полно в изданном веком позже в Равенне т.н. «Серебряном кодексе» (“*Codex Argenteus*”) (рис. 2). Последний был записан на окрашенном пурпуром пергаменте золотыми и серебряными буквами и предназначался для королевской семьи Теодориха Великого. Но и в нем текст Готской Библии дошел до нас не полностью — ряд книг не сохранился. От первоначальных 336 листов форматом 19,5 см в длину и 25 см в высоту сохранились только 188 ли-

¹²⁷Velkov V. Wulfila und die Goti Minores in Moesien // Klio. 1989. B., 1989. Bd. 71, H. 2. S. 525—527.

¹²⁸Marschand J.M. Hatten die Goten vor Wulfila eine Schrift? // Beiträge zur Geschichte der deutschen Sprache und Literatur. 1959. № 81. S. 259—302.

¹²⁹Sède de G. Das Geheimnis der Goten: von den Runen zu den Kathedralen. Olten, 1980.

стов (один лист обнаружен в 1970 г.)¹³⁰.

Язык Библии Вульфилы отличается единообразием, отсутствием синонимических диалектных форм¹³¹. Он работал по принципу дословного перевода, с сохранением греческого порядка слов даже в ущерб готской грамматике¹³². Перевод дошедшей до нас части Священного Писания был осуществлен Вульфиллой с рукописи «Нового Завета» на греческом койне IV в., что не могло не наложить определенный отпечаток на текст Готской Библии¹³³.

Оригинал, использованный Вульфиллой для перевода, отражал жизненные реалии народа Палестины времени Христа или еще раньше. Но способ и форма, с помощью которых готский язык передавал библейский текст и таким образом адаптировал чужую реальность к своей, дает много ценного для понимания культуры готов времени Вульфилы¹³⁴. При этом он перевел Библию не на готский простонародный, а на поэтический (песенный) язык, которым пользовалась готская знать, придворные поэты, жречество¹³⁵, т.е. в Библии Вульфилы нашел отражение менталитет и образ жизни определенного социального слоя¹³⁶, что необходимо учитывать при работе с этим источником. Да иначе быть и не могло, т.к. в готском языке IV в. невозможно найти точных соответствий многим библейским реалиям, возникшим в палестинском обществе, уже много веков развивавшемся

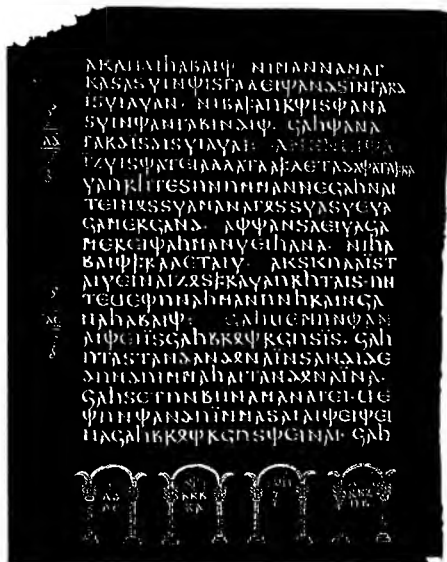

Рис. 2. «Серебряный кодекс»

¹³⁰Meuzер Б.М. Ранние переводы Нового Завета. Их источники, передача, ограничения. М., 2004. С. 405.

¹³¹Гухман М.М. Готский язык. М., 1998. С. 18; Stolzenburg H. Die Übersetzungstechnik des Wulfila untersucht auf Grund der Bibelfragmente des Codex Argenteus // ZfdPh. 1905. № 7. S. 352—392.

¹³²Meuzер Б.М. Указ. соч. С. 409.

¹³³Hansen Th. Die gotische Bibel / Ed. W. Streitberg. Heidelberg, 1965. В дошедших до нас рукописях Библии Вульфилы исследователи находят старолатинские элементы, которые, скорее всего, появились в тексте уже после того, как текст перевода вышел из рук Вульфилы. См.: Meuzер Б.М. Указ. соч. С. 413.

¹³⁴Stutz E. Op. cit.; Wolfram H. Op. cit.

¹³⁵Hansen Th. Über gewissen rhythmische Tendenzen im Codex Argenteus // Arbork for Universitåte in Bergen. Human Serie. 1961. № 3.

¹³⁶Scardigli P. Die Goten... S. 120.

в условиях цивилизации. Приведем один весьма показательный пример. В языке соплеменников Вульфилы еще не было слова «читать». Поэтому в своем переводе Библии он передавал греческий глагол “ἀναγινώσκειν” родными готскими “gakunpan” или “anakunpan” — «пропеть»¹³⁷. Как известно, этим словом у готов обозначался процесс исполнения героических сказаний. И лишь позже в Италии в их языке появилось недостающее слово “laikto”, заимствованное из латинского¹³⁸.

Готская лексика достаточно адекватно отражала уровень культурного развития готов накануне гуннского вторжения. Сам же факт перевода Библии для нужд литургии христиан-везиготов, на наш взгляд, не может служить серьезным препятствием для использования ее текста в качестве источника по истории не только везиготов-тервингов, но и остроготов-гревтунгов¹³⁹.

Дело в том, что, по словам Иордана, «в это время оба племени, остроготы и везеготы, составляли еще одно целое» (Get., 245). Поэтому мы считаем вполне допустимым привлечение лексических данных Готской Библии для установления уровня социокультурного развития обеих ветвей готов в IV в.

Исследователи пришли к заключению, что лексикон Вульфилы весьма полно, а главное вполне объективно отражает культурные и социальные реалии готского общества, т.к. по самому жанру не является историческим, риторическим, литературным или каким-либо иным произведением, где всегда в большей или меньшей степени присутствуют личные пристрастия автора, его «взгляд» как представителя того сословия, к которому он принадлежал. Весьма показательно, что даже ключевая для христиан IV в. проблема соотношения Бога-Отца, Бога-Сына и Святого Духа Вульфиллой передана не просто в духе учения Ария, а в терминах господства и подчинения, свойственных социальной организации готов того времени¹⁴⁰.

Но не следует забывать, что Вульфила долго жил и работал над переводом Священного Писания не только среди готов как таковых, а в весьма цивилизованной среде г. Никополя¹⁴¹. Это не могло не наложить некоторый «урбанистический» оттенок на социальную и культурную лексику его Готской Библии, хотя в ней в неприкосновенности сохранилось множество весьма архаических готских выражений¹⁴². Веком позднее, уже в

¹³⁷ *Ulfilas Moeso-Gothorum Episcopus*. Die Gotische Bibel / Hrsg. W. Streitberg. Heidelberg, 1928. Teil 2. Gotisch-griechisches-deutsches Wörterbuch. S. 9, 44.

¹³⁸ *Stutz E.* Op. cit. S. 55.

¹³⁹ *Gamber K.* Liturgie der Goten und der Armenier: Versuch einer Darstellung und Hinführung. Regensburg, 1988; *Dolcetti Gorazza V.* La Bibbia gotica e i bahuvrihi. Alessandria, 1997.

¹⁴⁰ *Ulrich J.* Op. cit. S. 56.

¹⁴¹ *Klein K.* Op. cit. S. 87.

¹⁴² *Кейдан А.* Указ. соч. С. 154.

остготской Италии, текст Библии Вульфила был переработан, а ее готский язык испытал определенное воздействие со стороны латыни. Но все же, по заключению специалистов, язык «Серебряного кодекса» — прежде всего эллинизированный готский с минимальными включениями латинского¹⁴³. Поэтому при работе с Готской Библией ее материалы следует постоянно корректировать данными других источников.

Хозяйственные, социальные и культурные термины, содержащиеся в «Готской Библии», дают представление не только о «мире вещей», но и о «мире идей», в котором жили готы времени Вульфила¹⁴⁴. Нам кажется весьма продуктивным сопоставить их с археологическими реалиями, оставленными остроготами и везиготами IV в.

§ 5. «Страсти св. Саввы Готского»

Для изучения социального устройства готского общества и уровня его историко-культурного развития немаловажное значение имеют агиографические сочинения о готских мучениках IV в. Они представляют не столько биографии святых, сколько описания пути к спасению души и святости через мученическую смерть. По уровню информативности для нашей темы на первое место, безусловно, нужно поставить сочинение, известное под названием «Страсти св. Саввы Готского» (греч. «Μαρτύριον του ἁγίου Σάβα Γότθου», лат. «Passio S. Sabae Gothi»). Оно дошло до нас в нескольких рукописях на греческом языке: из Ватикана (нач. X в.), библиотеки св. Марка в Венеции (X—XI вв.) и др. Первая его публикация на основе Ватиканской рукописи была осуществлена в 1675 г.¹⁴⁵, а первым критическим изданием стала работа французского исследователя Ипполита Делае, вышедшая в начале XX в.¹⁴⁶ Позже «Страсти» неоднократно переиздавались, в том числе в переводах на европейские языки¹⁴⁷. Содержащаяся в них информация была проанализирована Э. Томпсоном¹⁴⁸,

¹⁴³Stutz E. Op. cit. S. 48; Wolfram H. Op. cit. S. 93.

¹⁴⁴Зиньковская И.В. Материалы к хозяйственной и социокультурной истории готов IV в. в Библии Вульфила // Вопросы истории славян: сб. науч. трудов. Воронеж, 2007. Вып. 18. С. 56—69.

¹⁴⁵Acta Sanctorum, II. P. 966—968.

¹⁴⁶Passio S. Sabae Gothi // Delehaye H. Saints de Thrace et de Mésie // Analecta Bollandiana. 1912. № 31. P. 216—221.

¹⁴⁷Thompson E.A. The Passio S. Sabae and Early Visigothic Society // Historia. 1955. № 4. P. 331—338; Heather P., Matthews J. The Goths in the Fourth Century... P. 103—110; Strzelczyk J. Goci — rzeczywistość i legenda. W., 1984. S. 404—406 (перевод «Страстей» на польский выполнен J. Danielewicz).

¹⁴⁸Thompson E.A. The Visigoths in the Time of Ulfila... P. 64—77.

И. Стржельчиком¹⁴⁹, а также Х. Вольфрамом¹⁵⁰. В качестве исторического источника «Страсти» привлекались А.Р. Корсунским¹⁵¹ и В.В. Лавровым¹⁵². Их подробный анализ недавно проведен автором¹⁵³.

По мнению историков христианства, «Страсти св. Саввы Готского», были написаны в 372 г. представителем Готской церкви в виде послания к родственной Каппадокийской церкви¹⁵⁴. «Послание» с описанием мученичества Саввы датируется несколько более поздним временем, а именно 373—374 гг.¹⁵⁵ Его автор выступал не только на стороне преследуемых христиан, но и на стороне низших слоев готов из числа язычников. Но сам он, по всей видимости, не являлся готом, т.к. называл соплеменников Саввы «строптивым и развращенным родом» (Passio, I.29-30).

Хотя история о Савве была изначально, вероятно, записана на готской территории за Дунаем, где все и произошло, окончательно текст был составлен в рамках сложившегося канона греческой мартирологии. Он начинается и заканчивается параллелями со «Страстями св. Поликарпа» (II в.), а сам рассказ о Савве сопровождается упоминанием о возвращении его мощей «дуksom» Скифии Юнием Сораном, а также призывом праздновать 12 апреля как день мученичества св. Саввы (VII. 13-14). Необходимо отметить, что приводимая в этом источнике дата мученической смерти Саввы — четверг, 12 апреля 372 г. (VII. 6-10), вполне соответствует другим независимым данным. Вскоре после этого его прах перевезли в Кесарию Каппадокийскую.

В «Страстях» в форме писем описываются миссионерская деятельность, суд и казнь христианского проповедника Саввы Готского¹⁵⁶. Он проповедовал ортодоксальную веру (II.23) в одной из деревень «языческой страны готов» (тервингов) и, не желая отступаться от Христа, принял мученическую смерть — был утоплен язычниками в реке в возрасте 38 лет. Исследователи до сих пор спорят о местности, где Савва вел свою проповедь. В «Страстях» (VII.19) прямо называется река Музейос (“Μουσαιος”), в которой был утоплен мученик. Она довольно надежно отождествляется с современной румынской рекой Бузэу. Значит, готское селение, где происходит действие «Страстей», было расположено где-то на юго-восточной границе Карпатских гор, на территории, подчиненной Атанариху. По

¹⁴⁹Strzelczyk J. La société des Wisigoths au IVe siècle à la lumière du “Martyre de saint Sabas” // *Questiones Medii Aevi*. 1991. Vol. 4. P. 7—28.

¹⁵⁰Вольфрам Х. Указ. соч. С. 154—157.

¹⁵¹Корсунский А.Р. Указ. соч. С. 54—74.

¹⁵²Лавров В.В. Указ. соч. С. 399—413.

¹⁵³Зиньковская И.В. Королевство Эрманариха: источники и историография... С. 67—74.

¹⁵⁴Макарий, митрополит Московский. История Русской церкви. М., 1994. Кн. 1. С. 22.

¹⁵⁵Heather P., Matthews J. Op. cit.

¹⁵⁶Delehaye H. Saints de Thrace et de Mésie // *Analecta Bollandiana*. 1912. Vol. 31. P. 116—300.

мнению В.П. Будановой, село на реке Бузэу, в котором жил Савва, следует локализовать в северо-восточной части Мунтении. Здесь, по ее мнению, и находилась «языческая страна готов»¹⁵⁷. На этом основании может возникнуть сомнение в правомерности использования «Страстей св. Саввы Готского» в качестве источника для изучения социального строя остроготов — в нем вполне определено речь идет о жизни везиготской деревни начала 70-х гг. IV в. Но нам представляется, что повседневная жизнь готской сельской глубинки как под властью Атанариха, так и в королевстве Эрманариха вряд ли имела столь существенные различия, чтобы отказаться от использования этого источника. Весьма показательны, что Х. Вольфрам, ранее настаивавший на этом, в последствие отказался от отделения западной тервингской традиции от восточной гревтунгской¹⁵⁸.

В послании особое внимание обращено на то, что Савва по происхождению был готом и жителем Готии (I.29). Но само его имя “Saba” является скорее каппадокийским. Известно, что многие готские христиане, включая знаменитого епископа Вульфилу, происходили из семей римских пленников, захваченных готами в Малой Азии в III в. В готском обществе IV в. было немало полноправных членов, которые были потомками смешанных браков, т.е. римско-готского или греко-готского (“Готθουрайκοι”) происхождения¹⁵⁹.

Согласно житию св. Саввы, христиане составляли меньшинство в готской деревне, где он вел миссионерскую деятельность. Гонения против него и других готов-христиан были вызваны тем, что тервингские вожди в большинстве своем еще оставались язычниками¹⁶⁰. Их язычество было исключительно племенной религией, из-за этого тервингская знать с самого начала ополчилась против христианских проповедников, видя в них угрозу традиционному готскому укладу жизни, а значит, их влиянию на соплеменников¹⁶¹. Поэтому преследования христиан в первую очередь были направлены на пресвитеров и младших священнослужителей. Именно таким являлся и Савва, который был чтецом (“lector”) в местной церкви (II.17-18).

«Страсти св. Саввы Готского» показывают нам лишь один фрагмент из жизни готской деревни накануне гуннского нашествия, к тому же увиденной глазами христианина. Несмотря на позднейшую христиан-

¹⁵⁷ Буданова В.П. Указ. соч. С. 190.

¹⁵⁸ Вольфрам Х. Указ. соч. С. 157.

¹⁵⁹ Там же. С. 41.

¹⁶⁰ Thompson E.A. The Visigoths... P. 48; Вольфрам Х. Указ. соч. С. 127; Болгов Н.Н. К истории гонений на христиан у готов в 370-х гг. // Государство и его поданные: века сотрудничества и противостояния: мат-лы Третьей регион. конф. Воронеж, 2009. С. 192—195.

¹⁶¹ Thompson E.A. Op. cit. P. 48.

скую обработку, этот источник отражает еще весьма архаичный образ сельской жизни готов в области, которая находилась в сфере влияния некоего «скифского вождя». Безусловно, следует учитывать и сам жанр агиографий как литературного произведения и исторического источника. Современная святому историческая действительность передается в житиях в негативных, мрачных тонах, поэтому она далеко не всегда соответствует исторической реальности. Эти обстоятельства следует учитывать при работе с данным видом источников.

§ 6. Германская эпическая традиция

После гибели Остроготской державы и короля Эрманариха его образ не канул в Лету, а продолжал жить в эпической традиции германских народов Раннего Средневековья. Еще Тацит упоминал «древние песнопения» германцев об их мифических предках и вождях (Тас., Germ., 2), которые заменяли варварам историю. Ранее обращалось внимание на интересные свидетельства Иордана о древних готских песнях с припевами и в сопровождении кифар, в которых воспевались славные деяния предков “*pene storicu ritu*” — «как бы наподобие истории» (Get., 28, 43). И здесь мы сталкиваемся с проблемой исторического в эпическом — степени достоверности эпической традиции как исторического источника. Она имеет уже более чем вековую историю. К концу XX в. исследователи эпической традиции различных народов пришли к выводу, что эпос — это не несовершенная фиксация исторических событий и не фантастическое описание исторических лиц, а конструирование из исторических воспоминаний своего, эпического мира, так сказать «эпической модели истории»¹⁶².

Героический эпос действительно являлся одной из форм исторической памяти народа¹⁶³. Но он весьма избирательно «впитывал» исторический материал, часто преобразуя его по непредсказуемым канонам устного народного творчества. Хорошо известно, что отделить в эпическом произведении «факты» от «вымысла» исключительно сложно¹⁶⁴. Поэтому уже с начала прошлого века дебатировался вопрос об историческом элементе, содержащемся в эпических произведениях¹⁶⁵. Специалисты по германскому эпосу высказывают весьма полярные оценки степе-

¹⁶²Путилов Б.Н. Героический эпос и действительность. Л., 1988.

¹⁶³Мельникова Е.А. Предисловие // Древнейшие государства Восточной Европы: 2001: Историческая память и формы ее воплощения. М., 2003. С. 3.

¹⁶⁴Гуревич А.Я. Средневековый героический эпос германских народов // Старшая Эдда: эпос / Пер. с др.-исл. А. Корсуна. СПб., 2008. С. 5.

¹⁶⁵Хойслер А. Германский героический эпос и сказание о Нибелунгах. М., 1960. С. 357.

ни «историчности» эпических произведений от признания сохранности в них конкретно-исторического содержания¹⁶⁶ до полного отрицания в древних германских сказаниях моментов как политического, так и исторического характера¹⁶⁷. Временная глубина исторической памяти, как правило, оценивается исследователями примерно в три поколения¹⁶⁸. Однако для германской устной традиции характерна значительно большая длительность исторической памяти — ее древнейший общегерманский пласт восходит к временам Великого переселения народов¹⁶⁹. Попытаемся рассмотреть этот вопрос на материалах раннесредневековых героических сказаний, героем которых являлся король Эрманарих.

Уже ко времени Иордана повествование о гибели последнего остrogотского короля превратилось в героическую сагу, которую условно можно назвать «Песнь о смерти Эрманариха». По существу именно эта готская сага, а точнее ее различные варианты легли в основу раннесредневековых эпических произведений, с меньшей или большей достоверностью сохранявших память об Эрманарихе и его королевстве¹⁷⁰.

Не вызывает сомнений, что в пересказанной Иорданом «Песни о смерти Эрманариха» ключевую роль играл эпический мотив кровной мести, в конечном итоге погубившей великую Готскую державу (Get., 129-130). Исследователи склоняются к мысли, что рассказ Иордана содержит минимум исторической обработки и сохраняет оригинальный сюжет готского исторического воспоминания, которое облекается больше в форму исторической песни, чем поздние героические сказания, которые со временем все дальше отступают от исторической темы¹⁷¹. Е. Вамерс допускал, что, возможно, уже во время Кассиодора история о заговоре росомонов передавалась у готов в песенной форме¹⁷². Но, несмотря на явно эпическую оболочку, в рассказе о гибели остrogотского короля еще узнаваемы некоторые исторические факты (гуннское нашествие, недовольство окружения короля его самоуправством, сам образ одряхлевшего правителя и др.). Однако в повествовании Иордана они уже прочно спаялись с эпическим вымыслом¹⁷³.

¹⁶⁶Busse B. Sagengeschichtliches zum Hildebrandslied // Beiträge zur Geschichte der deutschen Sprache. 1901. Bd. 26. S. 83.

¹⁶⁷Хойслер А. Указ. соч. С. 360.

¹⁶⁸Гене Б. История и историческая культура средневекового Запада. М., 2002. С. 95.

¹⁶⁹Мельникова Е.А. Историческая память в германской устной традиции... С. 221.

¹⁷⁰Belzer B. Wandel und Kontinuität: zur Entstehung der ältesten Ermanarichsage und ihrer Wanderung nach dem Norden. Regensburg, 1993.

¹⁷¹Beck H. Ermanarich. §2. Sagengeschichtliches // RGA. 1989. Bd. 7. S. 512—515.

¹⁷²Wamers E. Die Völkerwanderungszeit im Spiegel der germanischen Heldensagen // Germanen, Hunnen und Awaren. Schätze der Völkerwanderungszeit. Nürnberg, 1988. S. 69—92.

¹⁷³Castritius H. Rosomonen. § 2. Historisches // RGA. 2003. Bd. 25. S. 355—358.

На наш взгляд, в иордановом рассказе мы наблюдаем весьма важную переходную стадию в развитии образа Эрманариха, позволяющую проследить как реальная история гибели короля и королевства остроготов начинает перерастать в популярный сюжет германского героического эпоса.

По мнению Е. Вамерса, Иордан знал записи Аммиана Марцеллина и использовал готское предание Кассиодора для того, чтобы объяснить темные и бесславные обстоятельства смерти Эрманариха. При этом он допускал, что восстание росомонов и покушение на короля, а также имена героев Аммия, Сара и Сунильды могут быть историческими. Он считал исходный материал саги очень древним и отмечал его живучесть, т.к. имена росомонов IV в. передавались в эпосе весьма точно вплоть до XIII в. Дальнейшее развитие образ могущественного, жестокого, но несчастного правителя остроготов получает в раннесредневековых сагах о короле Эрманарике/Хейдреке/Ёрмунрекке/Ярмерике/Арментрикен, в именах которого сохранилась историческая память об Эрманарихе¹⁷⁴. Прежде всего, это скандинавские «саги о древних временах»: «Сага о Хервер», «Речи Хамдира», «Сага о Сванхильд», «Сага о Дитрихе Бернском», а также немецкое «Сказание о Нифлунгах» («Песнь о Нибелунгах»). При этом мы придерживаемся наиболее распространенного понимания слова «сага» как понятия, которое обозначает рассказ о событиях или же сам процесс развития событий. Сагой из реальной историй всегда заимствуются лишь отдельные факты, но никогда не сохраняется вся цепь событий¹⁷⁵.

«Сага о Хервер и конунге Хейдреке» (“*Hervarar saga ok Heiðreks konungs*”) — древнеисландское прозаическое произведение, сформировавшееся как единое целое к концу XII в., но сохранившее фрагменты готского эпоса IV—V вв.¹⁷⁶ В саге выделяют четыре части, которые связаны между собой мотивом знаменитого меча “*Tyrting*” (в его названии видят отголосок исторической памяти о готах-тервингах), передаваемого по наследству на протяжении пяти поколений одной семьи. Для нас историческая ценность «Саги о Хервер» заключается в том, что в основе каждой части лежат весьма древние песни времени Эрманариха и его ближайших потомков, боровшихся с гуннами. Только в германских героических сказаниях он чаще всего носит эпическое имя Хейдрек, которое позже понималось как «Степной Король»,

¹⁷⁴Шаров О.В. Гибель Эрманариха: история и эпос // Стратум: структуры и катастрофы. 1997. С. 95—106.

¹⁷⁵Хойслер А. Указ. соч. С. 350.

¹⁷⁶Reifegerste E.M. *Hervarar saga* // RGA. 1999. Bd. 14. S. 474—477; *Idem*. *Hervörlied* // RGA. 1999. Bd. 14. S. 477—478; Мельникова Е.А. Актуализация устной традиции: германский героический эпос в средневековой Скандинавии // Восточная Европа в Древности и Средневековье. 2010. Т. 22. С. 193—198.

В первой части саги о Хервер и Хейдрекё речь идет о том, как главная героиня после смерти ее отца Ангантюра I выросла у своего деда. От своего отца она унаследовала мрачный, суровый, воинственный характер и даже пыталась получить положенный в его могилу меч Тюрвинг, приносящий смерть. Ее даже не останавливало грозное предостережение отца, что это оружие уничтожит ее потомство. Овладев при помощи колдовства заветным мечом, Хервер вышла замуж за сына короля, в результате этого брака родился сын Хейдрек (Эрманарих). Он стал одним из главных персонажей саги. В ней утверждается, что «Хейдрекком будет звать его народ и станет он самым сильным на Земле» (*Hervarar saga*, 6-7). Но еще в юности он нечаянно убил своего брата и за это был отправлен отцом в изгнание. Хейдрек ушел на восток, вначале в Гардарику, далее в Хуналанд («Страну гуннов»), пока, наконец, в результате измены и переворота не стал королем Рейдготланда (“*Reiðgotaland*” — название эпической прародины готов)¹⁷⁷.

В одной из песен саги, носящей название «Загадка Хейдрека» (“*Heiðreks gatur*”) Хейдрек вначале воспевается как король страны «блестящих готов» (эпических хрейдготов = гревтунгов)¹⁷⁸. Здесь он ведет мирную жизнь и славится как мудрый правитель. Всякий провинившийся человек может получить прощение, если загадает королю загадку, которую тот не сможет отгадать. Но в немилость к Хейдрёку попадает его приближенный Гестумблинди. Не желая рисковать своей жизнью из-за загадки, он обращается к богу Одину за помощью, принеся жертвоприношение и пообещав богатые дары. Один перевоплощается в облик Гестумблинди и задает загадки Хейдрёку¹⁷⁹:

«Скажи последнее,
если ты мудрее всех конунгов:
что сказал Один на ухо Бальдру,
прежде чем его положили на костёр?»

¹⁷⁷ Мельников Е. А. Древнегерманская эпическая топонимия в скандинавской литературе XII—XIV вв. (к истории топонима “*Reiðgotaland*”) // Скандинавские языки. Структурно-функциональные аспекты. М., 1990. Вып. 2. С. 264—277; Она же. Героико-эпическая и практическая системы географических представлений в средневековой Скандинавии: формы взаимодействия // СВ. 1989. Вып. 52. С. 146—156.

¹⁷⁸ *Die Heiðreksrätzel* // Thule. 1932. Bd. II. S. 155—156. Этот сюжет неоднократно рассматривался как отечественными, так и зарубежными исследователями. См.: Шаровольский И. Древнескандинавское сказание о битве готов с гуннами и его историческая основа // Известия Киевского университета. 1904. № 7. С. 1—37; *Reifegerste E.M.* *Hervarar saga*... S. 474—477; *Idem.* *Heiðreks gatur* // RGA. 1999. Bd. 14. S. 158—161.

¹⁷⁹ Современный анализ загадок Гестумблинди см.: Топорова Т. В. О древнеисландских космологических загадках как феномене языка и культуры. М., 2002.

Тогда узнал Хейдрек чужака и ответил:
 Стыд и срам и все плохое!
 Никто не знает твоих слов, кроме тебя самого,
 Злой негодяй, нищий!»

(Hervarar saga, 10)

В гневе из-за последнего неразрешимого вопроса король обнажает против Одина меч Тюрвинг. Но бог обернулся в сокола и улетел, так что клинок коснулся лишь перьев его хвоста. В следующей песне речь идет о том, как вскоре после этого неверные слуги (“þræla”) убивают короля Хейдрека¹⁸⁰: «Говорят, что у конунга Хейдрека были какие-то слуги, которых он захватил в походе на западе. Их было всего девять. Они были из высоких родов и ненавидели свою неволю. Одной ночью, когда конунг Хейдрек лежал в своей спальне и рядом с ним было несколько людей, слуги взяли себе оружие, пошли к комнате конунга и убили сперва наружную стражу. Затем они подошли, взломали комнату конунга и убили там конунга Хейдрека и всех тех, что были внутри»¹⁸¹. Песнь завершается описанием мести убийцам Хейдрека — их нашел и казнил его сын Ангантюр III¹⁸². Кажется, именно этот раннесредневековый эпический рассказ может пролить свет на вопрос, откуда в более раннем повествовании Иордана взялись загадочные росомоны.

В состав «Саги о Хервер» входит «Песнь о Хлёде» (“Hlöðskvida”), которую иногда называют «Песней о битве готов с гуннами» или просто «Песней о гуннской битве»¹⁸³. Она основана на готском сказании о распре между сводными братьями Хлёдом и Ангантюром, которая привела к войне между готами и гуннами¹⁸⁴. После смерти короля Хейдре-

¹⁸⁰В нем. переводе Р. Гейнца это место звучит иначе. “Den König aber ermordeten bald darauf seine ungetreuen Knechte” // Die Heidreksrätsel... S. 165.

¹⁸¹Ермолаев Т. Слага о Хервёр и Хейдреке // <http://norse.ulver.com/src/forn/hervor/ru.html>.

¹⁸²Приведем этот фрагмент саги в оригинале: “Þat er sagt, at Heiðrekr konungr átti þræla nokkura, þá er hann hafði tekit í vestríking. Þeir vǫru níu saman. Þeir vǫru af stórum ættum ok kunnu illa ófrelsi sínu. Þat var á einni nótt, þá er Heiðrekr konungr lá í svefnstofu sinni ok fát manna hjá honum, þá tóku þrælarnir sér vápn ok gengu fyrir konungs herbergi ok drápu fyrst út vörðuna. Því næst gengu þeir at ok brutu upp konungs herbergit ok drápu þar Heiðrekr konung ok alla þá, er inni vǫru” // Hervarar saga, 11.

¹⁸³Das Lied von der Hunnenschlacht // Thule. Altnordische Dichtung und Prosa. Edda. Heldendichtung / Übertragen von F. Genzmer, mit Einleitungen und Anmerkungen von A. Heusler. Jena, 1928. Bd. 1. S. 25—38; Reifegerste E.M. Hunnenschlachtlied // RGA. 1999. Bd. 14. S. 262—264; Мельникова Е.А. Актуализация устной традиции... С. 195.

¹⁸⁴Веселовский А.Н. Мелкие заметки к былинам. VII. Готы и гунны и русская местность Hervararsaga’и // ЖМНП. 1888. № 5. С.81; Rosenfeld H. Wielandslied, Lied von Frau Helchen Sohnen und Hunnenschlachtlied // Beiträge zur Geschichte der

ка в наследство вступает его законный сын Ангантюр III. Но Хейдрек имел от Сифки, похищенной им дочери гуннского короля Хумли, еще сына по имени Хлёд, который вырос бастардом при дворе своего деда в «Стране гуннов». Повзрослев, Хлёд скачет ко двору Ангантюра III:

«Хлёд с востока,
наследник **Хейдрека**,
в **Архейм**, к жилищу
готов приехал, —
наследье свое
собирался он требовать.
Тризну там Ангантюр
правил по Хейдреку».

(Hlöðskvída, 3)¹⁸⁵

Во время поминального пира в Архейме на берегу Днепра Хлёд требует свою долю наследства:

«Я хочу половину
наследия **Хейдрека**;
доспехов, мечей,
скота и приплода,
сокровищ казны,
жерновов скрипящих,
рабов и рабынь
с их ребятами вместе,
и лес знаменитый,
что **Мюрквид** зовется,
на **готской земле**
могилы священные,
камень чудесный
в излучинах **Данпа**,
кольчуг половину,
у **Хейдрека** бывших,
земель и людей,
и блестящих колец».

(Hlöðskvída, 7-8)

deutschen Sprache und Literatur. 1955. Bd. 77. S. 204—248; Pritsak O. The Origin of Ruß. Cambridge, 1981. P. 188—225.

¹⁸⁵ Здесь и далее кроме специально оговоренных случаев германский эпос дается по изданию: Старшая Эдда: Эпос / Пер. с др.-исл. А. Корсуна. СПб., 2008. Нами выделены жирным шрифтом слова, значимые для выяснения исторических корней саги.

Ангантюр отказывается от раздела «Страны готов» и предлагает взамен Хлёду несметные богатства, в том числе треть «готской земли». Но старый дружинник Хейдрека Гицур Грютингалиди (в его имени находят отголосок этнонима готов-гревтунгов), услышав, что Ангантюр предлагает слишком много, возражает:

«Щедро сулишь ты рабыни отродью,
сыну рабыни, от князя рожденному.
Этот ублюдок сидел на кургане,
в то время как конунг наследство делил».

(Hlöðskvida, 13)

Братья не пришли к согласию, и следующей весной Хлёд с полчищами гуннов подступил к владениям готов, которые начинались у «Темного Леса» (“Murgviðr”). Границу готов защищала воительница Хервер — дочь Хейдрека, сестра Ангантюра и Хлёда. Решающую битву гуннам решено дать в Донской степи (“Dunheiðr”), у аланских (“Jassarfjöll” — Ясских?) гор:

«К Дюльгье зови их,
на Дунхейд зови,
зови их в пределы
Ессурских гор;
там готов дружины
в битвах нередко
победу и славу
себе добывали».

(Hlöðskvida, 24)

После ожесточенной восьмидневной битвы Ангантюр побеждает гуннов и убивает своего сводного брата Хлёда мечом Тюрвинг, доставшимся ему в наследство. Он становится правителем Рейдготаланда.

Специалисты не без основания полагают, что «Песнь о гуннской битве» восходит к подлинной готской эпической традиции, запечатленной в героической саге эпохи Великого переселения народов (IV—V вв.)¹⁸⁶. Эта эпоха отражается не только в названиях владения готов как “Gotaland”, а гуннов как “Húnaland”. Обращает на себя внимание то, что в «Песне о гуннской битве» звучит историческая тональность, не присущая более поздним сагам: «Готы защищали от гуннов свою свободу и свою отчизну»¹⁸⁷. Известно, что одним из признаков древности

¹⁸⁶ Вольфрам Х. Указ. соч. С. 162.

¹⁸⁷ Хойслер А. Указ. соч. С. 353.

песни считается то, что в ней еще сохранилась историческая основа сказания: действуют не только отдельные герои, но и большие массы воинов, в событиях затрагиваются судьбы целых народов (готов и гуннов). Тем не менее, до сих пор не удалось однозначно установить, какие именно исторические факты отражены в этой песне.

Ряд исследователей, прежде всего филологи, считали, что в обсуждаемой саге нашла отражение знаменитая битва 451 г. на Каталаунских полях на севере Франции, в которой объединенные силы римлян, вестготов, бургундов и франков под командованием римского полководца Аэция нанесли поражение гуннским полчищам Аттилы¹⁸⁸. Однако это крайне маловероятно, т.к. в этой саге ни римляне, ни союзные им германские племена в песне вовсе не упоминаются, а сражаются только готы и гунны. По мнению Х. Розенфельда, в ней отражена ситуация того времени, когда остготы обосновались в Паннонии в качестве федератов Римской империи, а гуннские войска со стороны устья Дуная предприняли попытку привести обратно готов как своих беглых рабов¹⁸⁹. Примерно такое же толкование мы встречаем позже у Е. Вамерса¹⁹⁰. Он полагает, что такие названия, как “Dun”, “Danpar”, “Tyrfing”, “Gizur Grytingalidi”, “Myrkviðr” и “Harvaðafjöll” позволяют получить географические сведения о событиях в Паннонии сер. V в. Однако укажем, что за исключением последнего топонима “Harvaðafjöll” (Карпатские горы) остальные к Паннонии явно не имеют какого-либо отношения.

По мнению Х. Хумбаха, в «Песне о гуннской битве» следует различать три историко-географические пласта, которые в эпосе проецируются в одну плоскость: 1) предгуннско-северопричерноморско-готский; 2) паннонско-готско-немецкий; 3) скандинавский¹⁹¹. К первому он относит только Danparstaðir — в его переводе «берег Днепра»¹⁹². Наоборот, Е. Райфегерсте считает, что такие названия, как “Greutungr”, “Tervingi”, “Danparstaðir”, “Dunheiðr”, “Harvaðafjöll”, ясно свидетельствуют о происхождении и возрасте «Песни о гуннской битве». На его взгляд, эти географические названия указывают на области расселения готов еще на Черном море до вторжения гуннов¹⁹³. Близкой точки зрения придерживался и О. Прицак¹⁹⁴. По мнению исследователя скандинавских и исландских саг

¹⁸⁸ Heusler A. Das Lied von der Hunnenschlacht // Thule. Altnordische Dichtung und Prosa. Edda. Bd. 1. S. 24—25.

¹⁸⁹ Rosenfeld H. Wielandslied, Lied von Frau Helchen Sohnen... S. 243.

¹⁹⁰ Wamers E. Op. cit. S. 69—92.

¹⁹¹ Humbach H. Die geographischen Namen des altislandischen Hunnenschlachtliedes // Germania. 1969. Bd. 47. S. 145—162.

¹⁹² Ibid. S. 145—162.

¹⁹³ Reifegerste E.M. Hunnenschlachtlied... S. 262—264.

¹⁹⁴ Pritsak O. Origin of Ruß. Cambridge, 1981. P. 188—225.

М.И. Стеблин-Каменского, географические названия этой песни также скорее указывают на Восточную Европу¹⁹⁵. Поэтому рассмотрим их подробнее, опираясь на исследования специалистов по германским сагам.

Эпическая топонимия «Песни о Хледе» включает девять наименований¹⁹⁶. Ангантюр справляет поминальный пир по своему отцу Хейдреку в Архейме (“Arheimr”). Этот топоним, по-видимому, представляет собой слегка искаженное готское слово “aurahjom” (в Dat. Pl.) — могила, надмогильный памятник, земляная насыпь над могилой¹⁹⁷. Таким образом, получается, что в готской песне сын Хейдрека/Эрманариха справлял поминальный пир вместе со своим окружением на могиле отца. В более позднее время в Скандинавии и Исландии гот. “aurahjom” («на могиле»), видимо, стало восприниматься как географическое название Архейм — букв. «Речное селение». Поэтому в саге Хлёд скачет в Архейм ко двору готского правителя и требует свою долю наследства, а именно: «громадный лес», «священный надгробный памятник», «сияющий камень на берегу Днепра», «половину замков, которыми владел Хейдрек». В саге говорится о том, что «священный надгробный памятник», он же, по-видимому, «сияющий камень», стоит на берегу Днепра. Им могла быть сама могила Эрманариха, на которой справлял тризну его сын Ангантюр и которую как святыню требует Хлёд.

Итак, из «Песни о гуннской битве» следует лишь то, что, по представлениям потомков, могила великого остроготского короля могла находиться на берегу реки “Danpar” — Днепра. Какие-либо другие географические сведения, позволяющие локализовать центр его державы, в песне отсутствуют. Другой известный эпический топоним — “Danparstaðir”, в котором часто видят некое особое центральное, королевское поселение готов на Днепре, скорее всего, обозначал область, земли, которые в готской традиции осмысливались как исконно готские (он часто упоминается в форме мн. числа)¹⁹⁸. В свое время А.Н. Веселовский предложил искать его на месте современного г. Киева¹⁹⁹. О. Прицак высказал мысль о возможности идентификации “Danparstaðir” с известным Каменским городищем²⁰⁰, но сколь-нибудь

¹⁹⁵Стеблин-Каменский М.И. Комментарии // Старшая Эдда. СПб., 2008. С. 458.

¹⁹⁶Мельникова Е.А. Название Днепра в актуальной и эпической географической номенклатуре древних скандинавов // Gaudeamus igitur: сб. статей к 60-летию А.В. Подосинова. М., 2010. С. 263—267.

¹⁹⁷Ulfilas Moeso-Gothorum Episcopus. Die Gotische Bibel. Teil 2... S. 15. О современных этимологиях гот. “aurahjons*” см.: Ганина Н.А. Древнегерманский погребальный обряд: слова, понятия, реалии // Представления о смерти и локализация Иного мира у древних кельтов и германцев. М., 2002. С. 196—198.

¹⁹⁸Мельникова Е.А. Название Днепра... С. 266—267.

¹⁹⁹Веселовский А.Н. Киев — град Днепра // Записки РГОФО. СПб., 1888. Вып. 1. С. 294—301.

²⁰⁰Pritsak O. The Origin of Ruß. Cambridge, 1981. С. 210.

выразительных черняховских материалов на нем не обнаружено. В последнее время археологи неоднократно пытались локализовать “Danparstaðir” на одном из черняховских поселений. Так, Б.А. Рыбаков²⁰¹, а за ним и Б.В. Магомедов²⁰² считали возможным искать его в районе Днепровских порогов, учитывая концентрацию здесь черняховских древностей IV в., таких как городище Башмачка с подкурганскими кремациями готской знати. Ту же идею недавно высказал и М.Б. Шукин²⁰³. Однако эта археологическая идентификация вызывает обоснованное возражение других специалистов²⁰⁴. Возможно, дело заключается в том, что топоним “Danparstaðir” является мнимой «географической реальностью». По мнению Г.В. Глазыриной, ни один из вариантов написания “Danparstaðir” в рукописях не дает основания для его отождествления с «Днепровским градом»²⁰⁵.

Топоним “Myrkviðr” (темный, мрачный лес), который в анализируемой песне отделяет землю готов от владений гуннов, скорее всего, также является ни чем иным, как художественным образом, весьма распространенным в эпических произведениях²⁰⁶. Это темный, пограничный лес, лежащий на краю «Земли готов» или обитаемой земли вообще. Поэтому вряд ли его стоит идентифицировать с киевскими лесными чащами, или «лесом на Висле» из «Видсида» (см. далее), и тем более с мрачным Герцинским лесом античной традиции²⁰⁷.

Современные исследователи, хотя и с некоторыми оговорками, признают, что весьма соблазнительно было бы сопоставить персонажи и события эпической «Песни о гуннской битве» с историческими сведениями и историко-географическими реалиями²⁰⁸. По мнению ряда ученых, в ней уцелели подлинные фрагменты древнейшего слоя готского предания²⁰⁹. Такие названия и имена собственные, как “Dun” — Дон, “Dunheiðr” — Донская степь, “Danpar” — Днепр, “Danparstaðir” — Днепровский град (?), “Tyrfing” — тервинги, “Grytingalidi” — гревтунги, “Harvaðaföll” —

²⁰¹ Рыбаков Б.А. Киевская Русь и русские княжества XII—XIII вв. М., 1982. С. 44.

²⁰² Магомедов Б.В. Указ. соч. С. 21.

²⁰³ Шукин М.Б. Готский путь... С. 231.

²⁰⁴ Левада М.Е. Миф о черняховских городищах // Готы и Рим. К., 2006. С. 60—72.

²⁰⁵ Глазырина Г.В. География Восточной Европы в сагах о древних временах // Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исследования. 1986 г. М., 1988. С. 231.

²⁰⁶ Eggers M. Myrkviðr // RGA. 2002. Bd. 20. S. 460—461.

²⁰⁷ Жирмунский В.М. Примечания редактора // Хойслер А. Германский героический эпос и сказание о Нибелунгах... С. 439.

²⁰⁸ Прицак О. Походження Русі. Стародавні скандинавські джерела (крім ісландських саг). К., 1997. С. 242—276. Т. 1.

²⁰⁹ Wolfram H. Gothische Studien II. Die terwingische Stammesverfassung und das Bibelgotische // MIOG. 1975. № 83. S. 313.

Карпаты и др., сохраняют память об области расселения готов к северу от Черного моря еще до времени вторжения гуннов²¹⁰. Во всяком случае, в совокупности они довольно точно очерчивают то обширное географическое пространство, где произошло решающее событие истории готов на юге Восточной Европы, надолго лишившее их земли и по существу превратившее их в скитающийся народ-войско.

В этой саге древние наименования готов (“Gotar”, “Goththiod”, “gotneskr”) и гуннов (“hunar”, “hunskr”) еще имеют живое и дифференцирующее этническое значение²¹¹. Хорошо известно, что в других образцах эддической поэзии готы — это уже синоним героев, богатырей²¹². Напротив, наиболее древние географические названия (“Harvaðafjöll”, “Jassarfjöll”, “Danparstaðir”) выступают в ней как бессвязные и явно непонятные исполнителям реликты, что, на наш взгляд, является дополнительным свидетельством их подлинности.

«Речи Хамдира». В эддическую сагу «Речи Хамдира» (“Hamðismal”) вошла «Песнь о Сванхильд». Она считается одним из древнейших героических сказаний, представленных в «Старшей Эдде». Известно, что его историческая основа та же, что и в рассказе Иордана о заговоре росомонов против короля Эрманариха (Get., 129). Рассказ Иордана, скорее всего, является письменной фиксацией зачаточной формы сказания о Сванхильд, как оно позднее изложено в «Речах Хамдира» в «Эдде»²¹³. Другой вариант сказания о Сванхильд сохранился в песне «Подстрекательство Гудрун», которая считается еще более поздней²¹⁴. Однако возможно, что обе они восходят к одному и тому же источнику, но сохранились в разных устных традициях²¹⁵. В «Речах Хамдира» Сунильда — дочь Гудрун и Сигурда — уже становится женой короля Ёрмунрекка/Эрманариха, которую он приказал из-за супружеской измены растоптать конями.

«Гудрун сказала:
«Сванхильд — имя
вашей сестры,
что Ёрмунрекк бросил
коням под копыта,

²¹⁰ Шаровольский И. Указ. соч.; Reifegerste E.M. Op. cit. S. 262—264; Landolt Ch. Harvaðafjöll // RGA. 1999. Bd. 14. S. 22; Магомедов Б.В. Указ. соч. С. 145; Щукин М.Б. Готский путь... С. 231—232.

²¹¹ Хойслер А. Указ. соч. С. 365.

²¹² Мелетинский Е.М. «Эдда» и ранние формы эпоса. М., 1968. С. 474.

²¹³ Жирмунский В.М. Указ. соч. С. 435. Конечно, мы не можем быть абсолютно уверены, что на раннесредневековый эпический сюжет о смерти Эрманариха не мог повлиять текст «Гетики» Иордана, который активно переписывался в монастырях в VIII—IX вв.

²¹⁴ Подстрекательство Гудрун // Старшая Эдда: Эпос... С. 336—341.

²¹⁵ Стеблин-Каменский М.И. Комментарии... С. 448.

вороним и белым,
на дороге войны,
серым, объезженным
готским коням!»

(Hamðismal, 3)

Скальд Браги поет, что за это Ёрмунрекк во время пира подвергся нападению и был изувечен его приближенными Хамдиром и Сёрли (соответственно “Amnius” и “Sarus” Иордана), братьями Сванхильд, отрубившими ему руки и ноги за казнь их сестры.

«Вымолвил Хамдир,
духом отважный:
«Ждал ты нас, Ёрмунрекк,
видеть желал нас,
братьев принять
в высоких палатах:
вот ноги твои и руки твои,
Ёрмунрекк, брошены
в жаркий огонь!»

(Hamðismal, 24)

Однако Хамдиру и Сёрли не удастся завершить месть до конца, им не хватило помощи третьего брата Эрпа, убитого ими по пути²¹⁶. Смертельно раненый король Ёрмунрекк успевает призвать слуг убить братьев. Но т.к. они неуязвимы для железного оружия, он приказывает забросать их камнями²¹⁷:

«Рычаньем ответил
богами рожденный
конунг в кольчуге,
как ярый медведь:
«Бросайте в них камни, —
ни копья, ни лезвия
их не разят —
отпрысков Ионакра!»

(Hamðismal, 25)

²¹⁶Вопрос о сводном брате Хамдира и Сёрли, Эрпе недавно подробно проанализирован в работе: Данилов А.С. Skörijarpr «темные волосы», Jarpskammr «темный заморыш»: цветовые атрибуты инородцев в контексте эддических «Речей Хамдира» // Именослов: История языка и культуры. СПб., 2010. С. 99—109.

²¹⁷Побитие камнями — ритуальный способ казни у готов. См.: Wamers E. Op. cit. S. 69—92.

Сага заканчивается словами:

«Сёрли погиб
у торцовой стены,
у задней стены
был Хамдир сражен».

(Hamðismal, 31)

Людвиг Бюиссон считает, что именно эта ключевая сцена убийства Эрманариха/Ёрмунрекка высечена в верхней части надгробной стелы из Ардре VIII (рис. 3). Здесь изображены фигура мужчины с поднятым мечом, рядом фигура мужчины, лежащего на полу, и над ним возвышающиеся фигуры двух мужчин и одной женщины (Хамдир, Сёрли и Сванхильд)²¹⁸. На наш взгляд, этот сюжет дает ключ к иной интерпретации изображения на камне из Ардре VIII, нежели у Л. Бюиссона. Дело в том, что фигура мужчины, поднимающего к небу меч, находится в некотором отдалении от остальных. Она буквально отгорожена от основной сцены убийства короля. Поэтому можно предположить, что мужская фигура с мечом — это сам Ёрмунрекк, посмевавший поднять оружие на Одина, лежащая мужская фигура — Ёрмунрекк, уже сраженный заговорщиками. Если эта интерпретация верна, то изображение, высеченное на камне Ардре VIII, независимо от записанной позже эддической традиции позволяет утверждать, что обсуждаемый сюжет был весьма популярен в Восточной Скандинавии еще в VIII в.²¹⁹

По мнению А. Хойслера, сага о Сванхильд является примером перемещения сюжета древнего сказания из политической атмосферы (у Иордана) в индивидуальную (в эпосе). В ней присутствует много архаизмов, таких как искалечение Ёрмунрекка/Эрманариха или закидывание братьев камнями²²⁰. В центре песни находится кровная месть, но

²¹⁸Buisson L. Der Bildstein Ardre VIII auf Gotland. Göttermythen, Heldensagen und Jenseitsglaube der Germanen im 8. Jh n. Chr. Göttingen, 1976. S. 108—112. Другую интерпретацию см.: Nordgren I. The Well Spring of the Goths: About the Gothic Peoples in the Nordic Countries and on the Continent. N.Y., 2004. P.166—168.

²¹⁹Такая интерпретация изображения на камне из Ардре VIII хорошо согласуется со скандинавской раннесредневековой традицией высекать на рунических стелах сцены из героического эпоса. Всемирно известен шведский рунический памятник из Сёдерланда первой пол. XI в. с изображениями подвигов Сигурда, воспетых в «Эдде». Изображения других эпических сцен известны на камнях Швеции и о. Готланд. См.: Стеблин-Каменский М.И. Труды по филологии. СПб., 2003; Мельникова Е.А. Актуализация устной традиции... С. 195.

²²⁰Das alte Hamdirlied // Thule. Altnordische Dichtung und Prosa. Edda. Heldendichtung / Übertragen von F. Genzmer, mit Einleitungen und Anmerkungen von A. Heusler. Jena, 1928. Bd. 1. S. 53—57.

2

Рис. 3. Камень Ардре VIII с о. Готланд (2) со сценой гибели Эрманариха (1)

вопреки мнению Е. Вамерса в ней нет мифологических элементов, как, например, в «Загадке Хейдрека»²²¹.

Отталкиваясь от рассказа Иордана, А. Хойслер восстанавливает следующий ход событий: некий вассал, вероятно, из числа благородных, принадлежащих к королевской дружине, отпал от Эрманариха, за что жена восставшего была подвергнута жестокой казни. На его взгляд, подобная завязка трагической фабулы сама по себе выделяется своим необычным для германских условий политическим характером. Соответственно этому более позднее эпическое изложение звучит совсем по-иному: в саге карается не измена вассала, а нарушение супружеской верности самой королевы с последующей распрей между родичами. У Иордана отливка сказания в героическую форму еще не заверши-

²²¹ Wamers E. Op. cit. S. 69—92.

лась²²². Это произойдет гораздо позже в эпоху Раннего Средневековья, когда готы окончательно сойдут с исторической арены.

В «Саге о Вёльсунгах» появляются некоторые новые детали сказания о Сванхильд. Она изменяет королю уже с его сыном Рандвером. Для казни Сванхильд сажают за городские ворота, но кони ее не топчут, когда она раскрывает глаза. Тогда коварный королевский советник Бикки советует надеть ей на голову мешок, и она погибает. Затем следует месть братьев за сестру²²³.

«Сказание о Нифлунгах» («Песнь о Нибелунгах»). Более поздний вариант песни о Сванхильд и Ёрмунрекке сохранился в «Сказании о Нифлунгах», вошедшем в «Младшую Эдду». Оно южно-германского, точнее бургундско-прирейнского происхождения, его историческую канву составляют события IV—V вв., в том числе память о смерти короля Эрманариха. Это же сказание представлено в еще более поздней немецкой «Песне о Нибелунгах»²²⁴.

«У Гудрун и Ионакра было трое сыновей: Сёрли, Хамдир и Эрп. С ними воспитывалась и Сванхильд, дочь Сигурда. Прослышав о ее красоте Ёрмунреkk Могучий послал сына Рандвера просватать ее за себя. Но по дороге домой по наущению коварного ярла Бикки Рандвер и Сванхильд становятся любовниками. По доносу того же Бикки Ёрмунреkk приказал повесить Рандвера, а Сванхильд была растоптана конями. За это ее мать, Гудрун стала подстрекать сыновей отомстить за сестру. Она посоветовала им, чтобы они напали на Ёрмунреkk ночью во время сна. Сёрли и Хамдир должны были рубить ему руки и ноги, а Эрп — голову. Однако по дороге братья убили Эрпа. Напав ночью на Ёрмунреkk, они отсекали королю руки и ноги, но не сумели отрубить голову. Тогда Хамдир сказал: «Слетела бы с плеч и голова его, если бы Эрп был жив!». Люди Ёрмунреkk не смогли одолеть братьев оружием, умирающий король приказал побить их камнями. «И пали мертвыми Сёрли с Хамдиром. С ними погиб и весь род Гьюки и все его потомство»²²⁵. Как мы видим, в «Сказании о Нифлунгах» повторяется сюжет об убийстве короля Эрманариха из «Речей Хамдира», но в отличие от последних в нем появляется коварный советник Бикки и сын короля Рандвер.

«Сага о Харлунгах». Память о последнем остроготском короле сохранила и «Сага о Харлунгах». Во всех версиях этой саги речь идет о племянниках Эрманариха — двух юных братьях-Харлунгах, по имени Эмерка (“Emerica”, “Embrica”, “Imbrecke”) и Фритла (“Fritla”). Они стано-

²²²Хойслер А. Указ. соч. С. 363—364.

²²³Ярхо Б.И. Сага о Волсунгах. М.;Л., 1934. С. 239.

²²⁴Стеблин-Каменский М.И. Примечания // Младшая Эдда / Подгот. О.А. Смирницкая и М.И. Стеблин-Каменский. СПб., 2005. С. 126.

²²⁵Младшая Эдда / Подг. О.А.Смирницкая, М.И. Стеблин-Каменский. СПб., 2005. С. 77—78.

вятся жертвами клеветы его лживого советника Сифки (“Sibich”, “Sifka”, “Ribestein”). Имя Харлунгов происходит от герм. “Haria-Heer” (гот. “Harijs” — войско)²²⁶, видимо, поэтому в саге они становятся герцогами. По одной из версий саги Харлунгам приглянулась королева, жена Эрманериха. Чтобы не допустить прелюбодеяния Эрманерих «превентивно» отправляет братьев на виселицу. В позднем эпосе этот король считался владельцем «золота Харлунгов», так что и алчность к сокровищам также могла стать причиной вышеназванного злодеяния²²⁷.

«Сага о Дитрихе Бернском» (“Thidhreks saga af Bern”) — норвежское эпическое произведение, записанное в XIII в., но основанное «на рассказах и песнях мужей немецких». Она представляет северонемецкую версию германских эпических сказаний²²⁸. Одним из персонажей этой саги является старый король Арментрикен (Эрманарих), который в сказании превратился в дядю и соперника Дитриха Бернского. Под этим именем выступает известная историческая личность, остготский король Теодорих Великий (452—526). Древнейшее ядро саги, видимо, сохранилось в «Песне о Гильдебранде» (около 830 г.). Весьма показательно, что она еще не знает вражды Дитриха и Эрманариха, которая в эпосе появится несколько позднее. По одной из версий Дитрих, находясь в изгнании, пытается вновь завоевать свою страну, из которой он был изгнан королем по имени Арментрикен (Эрманарих). Вместе с одиннадцатью героями он проник в замок короля и отрубил ему голову.

По мнению Х. Бека историческое развитие этого сказания позволяет увидеть, как в эпической памяти отразилось реальное событие — сильный правитель становится жертвой мести и теряет не только королевство, но и жизнь²²⁹. При этом в эпосе образ короля Арментрикена заменил здесь реального врага Теодориха — Одоакра, объявившего себя королем Италии после падения Римской империи в 476 г., а позже оказавшего ожесточенное сопротивление Теодориху. В поздней немецкой балладе XVI в. «Смерть Эрманариха» (“Ermenrichs Tod”) речь идет о том, как Дитрих и Гильдебранд с десятью дружинниками врываются во дворец, где пирует Эрманарих, и убивают его. В этой саге Дитрих и его дружинники явно заменили братьев казненной Эрманарихом Сванхильды более древних сказаний²³⁰.

Древнеанглийская эпическая традиция. Готы и их король Эрманарих/Эрманрик оставили заметный след не только в северогерман-

²²⁶Brinker C. Harlungen // RGA. 1999. Bd. 14. S. 15—16.

²²⁷Beck H. Op. cit. S. 512—515.

²²⁸Хойслер А. Указ. соч. С. 384; Rosenfeld H. Dietrich von Bern // RGA. 1984. Bd. 5. S. 425—430.

²²⁹Beck H. Op. cit. S. 512—515.

²³⁰Хойслер А. Указ. соч. С. 423.

ской, но и в древнеанглийской эпической традиции. Впервые имя Эрманрика встречается в древнейшей англосаксонской эпической поэме «Видсид» VI—VII вв., записанной, правда, лишь в конце X в.²³¹ При этом он называется Властителем хрейдготов (Widsith, 57). Как известно, под этим эпическим именем скрывались остроготы Эрманариха. В поэме встречается его эпитет «Клятвохрани́тель» (Widsith, 9), что являлось условным раннесредневековым обозначением государя, хотя оригинальный текст дает основания и для противоположного перевода: «Враждебный нарушитель клятв», «Клятвопреступник» и т.п.²³². В начале поэмы эпический поэт Видсид (букв. «Многостранствующий») обращается к исторической памяти слушателей и перечисляет тридцать семь знаменитых королей и народов, дворы которых он якобы посетил. Причем сначала певец упоминает имя величайшего из гуннов Этлы/Аттилы, затем имя величайшего из готов Эрманрика/Эрманариха:

«Этла правил гуннами,
Эрманрик готами...

(Widsith, 18)²³³

По существу эпическая память Видсида сохранила имя интересующего нас героя и народа, которым он правил. Но весьма любопытно, что в этой древнеанглийской поэме в самом начале перечня знаменитых королей варварской Европы непосредственно перед Этлой и Эрманриком вдруг упоминается Александр Великий:

«...а самым сильным
был Александр
среди людей
и благоденствовал больше
всех на этом свете...

(Widsith, 15—17)

Напомним, что точно такая же связь Эрманарих—Александр встречается уже у Иордана: «Немало древних писателей сравнивали его по до-

²³¹Видсид // Древнеанглийская поэзия / Подг. О.А. Смирницкая, В.Г. Тихомиров. М., 1982. С. 14—22. Напомним, что ранее выдвигалась гипотеза, что изначально поэма была создана в IV—V вв., и анахронизмы представляют собой позднейшие вставки. Главный персонаж поэмы Эадгильс был исторической фигурой V в., но слишком незначительной для того чтобы подчеркивание поэтом его патронажа могло опираться на нечто реальное.

²³²Смирницкая О.А. Примечания // Древнеанглийская поэзия... С. 253.

²³³Здесь и далее перевод В.Г. Тихомирова по указанному выше изданию.

стоинству с Александром Великим» (Get., 116). Поэтому вряд ли правы исследователи, считающие упоминание имени Александра в «Видсиде» позднейшей вставкой переписчика поэмы²³⁴. Скорее всего, в обоих раннесредневековых источниках нашел отражение один и тот же фрагмент общегерманской эпической традиции, сложившейся уже к VI в., где Эрманарих по могуществу сопоставлялся с Александром Великим²³⁵.

При чтении «Видсида» складывается впечатление, что все битвы, какие когда-либо происходили между готами и гуннами, сохранившиеся в различных германских сказаниях, слились в картину одной «непрестанной» войны, которую ведет в лесах Вислы (т.е. еще на исторической прародине готов) воинство Эрманариха, обороняя свой древний престол от гуннов — «народа Этлы» (Аттилы).

«Воевало там непрестанно
войско хредов
в лесах у Вистлы,
мечами точеными
часто обороняя
древний трон свой
от народа Этлы».

(Widsith, 120—122)

Другая древнеанглийская поэма «Деор» (по времени она близка «Видсиду») дает весьма нелестную характеристику Эрманариху как сильному и волевому правителю Готской державы, которого ненавидят его подданные²³⁶. В этой элегической поэме дружинный певец Деор оплакивает свою печальную участь и вспоминает несчастья знаменитых эпических героев²³⁷.

«И эта известна
Эрманрика
волчья повадка:
был вождь всевластен,
вожатый безжалостный,
в державе готов;
часто встречались
в печали многие,

²³⁴ Мельникова Е.А. Меч и лира: Англосаксонское общество в истории и эпосе. М., 1987. С. 70.

²³⁵ На это не так давно еще раз обратил внимание А.Н. Анфертьев. См.: Анфертьев А.Н. Иордан... С. 149.

²³⁶ Deor // Anglo-Saxon Poetic Records. N.Y., 1936. Vol. III; Хойслер А. Указ. соч. С. 435.

²³⁷ Мельникова Е.А. Историческая память в германской устной традиции... С. 202.

сидели и ждали
 мужи, когда же
 сгинет невзгодное
 его могущество...

(Deor, 21—26)²³⁸.

В англосаксонской поэме «Беовульф» (около 700 г., но записана не ранее X в.) также упоминается имя Эрманрика. У этого знаменитого короля остроготов человек по имени Хама украл некое сокровище — обруч Бросинга (вариант «ожерелье Бросинга» — И.З.), но впоследствии погиб, пытаясь спастись от этого конунга²³⁹.

...Я и не видывал,
 и кто из героев
 владел, не знаю,
 подобным сокровищем,
 кроме Хамы,
 который в дом свой
 принес ларец
 с обручем Бросинга,
 а сам бежал
 от Эрманрика
 под руку Предвечного...»

(Беовульф, 1200)²⁴⁰.

Исследователи уже обращали внимание на то, что «Видсид» и «Деор» по объему и характеру фиксации исторической памяти еще существенно не отличались от рунических надписей, которые нередко называли лишь имя вождя и народ, которым он правил²⁴¹. По мнению Б. Бельцера, рунические надписи об Эрманарихе были сделаны герулами, которые при возвращении на свою родину в Скандинавию прошли земли северных германцев и передали им «неготско-герульскую» сагу об Эрманарихе²⁴². Поэтому в древнеанглийской эпической традиции налицо превращение короля Эрманариха в могущественного, но беспощадного и жестокого правителя с «волчьей повадкой», которого ненавидят его подданные. Здесь же впервые встречается сюжет о сокровище, из-за которого король хрейдготов губит людей.

²³⁸ Деор // Древнеанглийская поэзия / Подг. О.А. Смирницкая, В.Г. Тихомиров. М., 1982. С. 11—14.

²³⁹ Либерман А. Примечания // Беовульф: Эпос / Пер. с др.-англ. В. Тихомирова. СПб., 2008. С. 256—257.

²⁴⁰ Беовульф. Эпос / Пер. с др.-англ. В. Тихомирова. СПб., 2008. С. 99.

²⁴¹ Мельникова Е.А. Историческая память в германской устной традиции... С. 202, 222.

²⁴² Belzer B. Wandel und Kontinuität... S. 125.

§ 7. Раннесредневековые исторические хроники

Эпическая традиция о готском короле Эрманарихе попала в хроники и другие исторические сочинения Раннего Средневековья. При этом с самого начала ее включение в письменные тексты было сопряжено со сложными процессами отбора, переосмысления, реорганизации и репрезентации в традиционных для христианской письменной культуры формах живой исторической памяти²⁴³. В немецких хрониках X в. сохранилась краткая запись о короле по имени Херменрик, который все потомство свое предал смерти по преступным проискам своего советника (Würzburger Chronik). Он же упоминается в «Кведлинбургских Анналах», записанных на латинском языке в начале XI в.: «В это время правил всеми готами Эрманрих (Ermanric), на козни хитрый, на казну щедрый; после убийства своего единственного сына Фридерика, по его же приказу совершенному, племянников своих, Эмбрику и Фрителу, вздернул на виселице. Другого своего племянника Теодориха (Theodoric), изгнанного из Вероны (Verona) вследствие происков Одоакра (Odoacr), он вынудил искать убежища у Аттилы (Attila)» (Annales Quedlinburgenses, 6-29).

Далее сообщается о смерти Эрманриха: “Ermanrici regis Gothorum, a fratribus Hemido et Serila et Adaccaro, quorum patrem interfecerat, amputatis manibus et pedibus turpiter, uti dignus erat, occisio” (Annales Quedlinburgenses, 6-29). «Эрманарих, правитель готов, братьями Хемидой (Hemidus), Серилой (Serila) и Адаккаром (Adaccarus), отца которых он предал смерти, был убит постыдно, как того и заслуживал, — ему отрубили руки и ноги». В именах двух первых братьев явно сохраняется эпическая традиция о Хамдире и Сёрли — Аммие и Сапе Иордана²⁴⁴, имя третьего брата Adaccarus, возможно, воспроизводит имя короля Одоакра (из племени ругов).

Датский историк Саксон Грамматик в «Истории Дании» (“Gesta Danorum”), написанной на латыни в 1190—1200 гг., излагает германские исторические предания, в том числе и сюжет о короле Ярмерике (“Iarmericus” — Эрманарих)²⁴⁵. Только теперь действие происходит в Дании и на земле «русских» и «геллеспонтцев» — жителей западно-винского региона. По рассказу датского историка, Ярмерик еще ребенком попадает в плен к королю славян Исмару и постепенно становится его приближенным. Но спустя много лет он бежит из плена, прихватив золото и убив королеву, а также слуг-сторожей. Воцарившись в Дании, он мстит славянам жестокими набегами. По представлениям Саксона Грамматика, Ярмерик создал обширную империю между Черным и

²⁴³ Там же. С. 180.

²⁴⁴ Heusler A. Ermenrich // RGA von J. Hoops. Strassburg, 1911—1913. Bd. 1. S. 627—629.

²⁴⁵ Ярхо Б.И. Указ. соч. С. 9.

Балтийским морями. Он взял в жены Сванхильд «из рода геллеспонтцев», но ее и его сына, королевича Бродера оговаривает советник — ливский царевич Бикко, который мстит королю за убийство брата. Бродера вешают так, чтобы он мог еще дышать, а на Сванхильд, связанную и брошенную на землю, пускают диких лошадей. Однако при их приближении она раскрывает глаза, и кони ее не топчут (из-за ее красоты или волшебства). Тогда Бикко дает совет перевернуть ее лицом к земле, чтобы на коней не действовал ее взгляд, хотя сам Ярмерик видит в чудесном спасении знак ее невиновности (аналог с «божьем судом»). Но снова пускают коней, и королева умирает под их копытами, а сына Бродера освобождают. По наущению того же коварного Бикко «геллеспонтцы» идут мстить за Сванхильд. Пытаясь спастись, Ярмерик закрывается в городе. Против него действует волшебница Гудрун. Враги отрубают ему руки и ноги, и он умирает в страшных мучениях²⁴⁶.

Со временем из героического персонажа король Эрманарих пере рождается в антигероя. Это становится очевидным уже в «Саге о Дитрихе Бернском», но особенно в поздней германской балладе XVI в. о смерти короля Эрменриха (“Ermenrichs Tod”).

Сам факт, что в раннесредневековом эпосе и, возможно, в изображении на камне из Ардре VIII, в течении полутысячелетия сохранялась память о трагической гибели Великого короля, может расцениваться как свидетельство неординарных масштабов исторической личности Эрманариха. Поскольку наибольшее влияние на исторические судьбы народов оказывали племенные вожди и короли, то именно их деяния отлагались в коллективной памяти и в дальнейшем становились объектом мемориализации. С уходом вождя, наделенного удачей, способностью обеспечивать богатство и благополучие соплеменников, с гибелью короля-воина, храбрость и сила которого гарантировала безопасность социума, возникала угроза внешнего завоевания, ставившая под вопрос само их существование²⁴⁷.

По-видимому, именно эти глубинные исторические причины и породили феномен Эрманариха/Хейдрека/Ёрмунрека, эпический образ которого более чем на полутысячелетие пережил самого могущественного остроготского короля. По мнению исследователей, в этом немаловажную роль сыграло и последнее его деяние — необычная для германцев смерть Эрманариха²⁴⁸. Но уйдя из истории, он надолго стал персонажем средневековых героических легенд²⁴⁹.

Таковы результаты изучения образа остроготского короля Эрманариха — от вполне реальной исторической личности эпохи Великого пере-

²⁴⁶ *Saxo Grammaticus*. Danische Geschichte. B., 1900. Bd. VIII. S. 429—438.

²⁴⁷ Мельникова Е.А. Историческая память... С. 186—187, 218—219.

²⁴⁸ Вольфрам Х. Указ. соч. С. 169.

²⁴⁹ *Gschwantler O.* Op. cit. S. 187—204.

селения народов у Аммиана Марцеллина к величественному эпическому персонажу у Иордана и отрицательному герою в сагах и анналах Раннего Средневековья (табл. 1). Начиная с Эрманариха имена мифических и эпических королей из рода Амалов сменяются теми, которые носили люди из плоти и крови²⁵⁰. Если на страницах сочинений Аммиана и отчасти Иордана Эрманарих выступает еще как вполне реальная историческая личность, то со временем имя последнего остроготского короля становится своего рода концентрированным носителем исторической памяти о важнейшем событии — гибели королевства гревтунгов в результате гуннского нашествия и измены приближенных короля. По законам устного народного творчества от поколения к поколению образ готского короля обрастал новыми деталями, а его жизнь — новыми подробностями, число его подвигов (и злодеяний) существенно умножилось.

При этом в раннесредневековой эпической традиции народная память легко переносила нашего героя через века и страны, в результате вокруг Эрманариха появились новые «действующие лица», в реальности в лучшем случае жившие в другом месте и в другое время (Дитрих/Теодорих, Этла/Аттила и др.). Со временем в германском эпосе у короля Эрманариха появляется «прошлое» — родители, жена, братья, сыновья, племянники. Но вряд ли их эпические имена сохраняли память о реальном окружении последнего остроготского короля, скорее всего, они являлись плодом того же эпического творчества. Постепенно его образ приобретал все более отталкивающие черты правителя-деспота, истребившего свое потомство. Причины его «деградации» в древнегерманском эпосе установлены достаточно надежно — под именем Эрманариха/Ёрмунрекка в сагах Раннего Средневековья скрывался иной исторический персонаж — король Одоакр, враг Теодориха Великого в борьбе за власть над Западной Римской империей, о котором в готских сказаниях осталась негативная память, особенно проявившаяся в саге о Дитрихе Бернском²⁵¹. В конце концов, интересующий нас исторический персонаж со временем практически утратил какую бы то ни было связь с историей.

Анализ источников позволяет сделать следующие выводы:

1. Согласиться с теми исследователями, которые считают королевство Эрманариха исторической реальностью, нашедшей отражение в сочинениях позднеантичных и византийских авторов, а также в более позднем героическом эпосе германских народов Раннего Средневековья. Эти источники принадлежат к различным литературным жанрам и поэтому не зависят друг от друга в передаче традиции об остроготах и их короле Эрманарихе.

²⁵⁰ Вольфрам Х. Указ. соч. С. 55.

²⁵¹ Шаров О.В. Указ. соч. С. 87.

Таблица 1. ♣

Сведения	Аммиан «Римская история»	Иордан «Гетика»	Раннесредневековая эпическая традиция
Имя короля	Эрменрих ("Ermenrich")	Эрменериг ("Hermenerig"), Эрманарик ("Hermanaricus")	Ёрмунрекк (Земной король), Хейдрек (Степной король), Эорманарик, Ярмерик, Арментрикен
Характеристика владений Эрманариха	Земли гревтунгов обширные и плодородные ("late patentes et uberes pagos")	Земли всех племен Скифии и Германии	Страна Рейдготланд ("Reiðgotaland") богата обширными землями, лесами, замками, людьми, конями
Местоположение королевства и его рубежи	С востока р. Танаис, где живут аланы-танаиты, с запада р. Днестр, где живут готы-тервинги	От Меотиды до Германского океана, включая земли всех «северных народов»	Где-то на Востоке, за странами Гардарика и Хуналанд (Страна гуннов). Столица Данпарстадир ("Danparstaðir"), расположена на р. Днепр
Образ короля Эрманариха	Воинственный правитель, которого страшились соседние народы ("Bellicosissimi regis uicinis nationibus formidati")	Счастливый и удачный в военном деле король, «благороднейший из Амалов», «достойный сравнения с Александром Великим», «властвующий над всеми племенами Скифии и Германии». «Умный и доблестный». Страшный в гневе, совершающий казни. «Престарелый и одряхлевший, умерший в возрасте 110 лет»	Самый сильный король, мудрый правитель и судья, "Hrédcyning" — король блистательных готов ("Hraedgothen"). Демоническая личность с мрачным характером. Совершает убийство брата, казнит жену и сына. «Был вождь всевластен, вожатый безжалостный в державе готов»

Деятельность Эрманариха	Многочисленные и разнообразные военные подвиги (“ <i>multa uariaque fortiter facta</i> ”)	Покорил много весьма воинственных северных племен и заставил их повиноваться своим законам (“ <i>Multas et bellicosissimas atctoi gentes perdomuit suisque parere legibus fecit</i> ”). Также подчинил герулов, венетов, эстов	На Востоке он становится королем Рейдготланда и ведет многочисленные войны. Во второй половине жизни на передний план выходят его судейские полномочия, он «Клятводержатель»
Обстоятельства смерти Эрманариха	Пораженный силой этой внезапной бури, Эрменрих в течение долгого времени старался дать им (гуннам) решительный отпор и отбиться от них, но т.к. молва все более усиливала ужас надвинувшихся бедствий, то он положил конец страху перед новыми опасностями добровольной смертью	Нападение гуннов. Вероломство росомонов, вождь которых уходит от короля. Казнь его жены Сунильды. Месть братьев Сунильды — Сара и Аммия — за смерть сестры. Они поразили короля в бок мечом. Эрманарих, престарелый и одряхлевший, страдал от раны, и, не перенеся гуннских набегов, скончался на 110-м году жизни	1. Король Ёрмунрекк приказал разорвать конями за супружескую измену свою жену Сванхильду. Ее братья Хамдир и Сёрли мстят за убийство сестры. Они отрубают королю ноги и руки, бросают их в огонь. 2. Короля убивают его неверные слуги из знатного рода
Преемники короля	Витимир (“ <i>Vithimir</i> ”) избирается королем	Амал Венетарий (“ <i>Venetharius</i> ”) — внучатый племянник Эрманариха удержал все знаки своего господствования. После его смерти королем стал сын Эрманариха — Гунимунд, а потом внук Торисмуд	После смерти короля Эрманариха наследником становится его сын Ангантюр III. Наследство оспаривает его сводный брат Хлёд — внук гуннского короля

Деятельность преемников	1. Витимир ("Vithimir") оказывает сопротивление аланам, опираясь на другое племя гуннов, которых он за деньги привлёк в союз с собой. 2. Витимир погиб в сражении с аланами.	1. Венетарий двинул войско в пределы антов, распял их короля Боза с сыновьями его и 70 старейшинами для устрашения. 2. Венетарий погиб в сражении с гуннами и своим троюродным братом Гезимундом (внуком Эрманариха) у р. Эрак (Днепр).	1. Ангантюр III мстит за смерть своего отца и убивает неверных слуг. 2. Ангантюр III сражается с гуннами и своим сводным братом Хлёдом в Донской степи ("Dunheidr") у Аланских гор, где убивает Хлёда.
Судьба гревтунгов	"гех" Видерих ("Viderich") с вождями Алатеем и Сафраком ("duces Alatheus", "Safrax") покинули страну, пересекли Днестр, затем Дунай и увели народ в римские провинции Мезия, Фракия, а затем переместились в Паннонию	После смерти короля Эрманариха гревтунги подчинились власти гуннов. Они остались в той же стране и управлялись собственными князьками. Алатей и Сафрак — приматы и вожди везиготов ("primates et duces — Alatheus, Safrax")	Готы в сражении с гуннами одержали победу. Время счастливого правления Ангантюра III

2. При описании области обитания гревтунгов наиболее точны сведения современника остроготского государства Аммиана Марцеллина, который определяет обширные владения короля Эрманариха в Причерноморье и Приазовье от Дона на востоке до Днестра на западе. Но Аммиану неизвестно, как далеко они простирались на север. Иордан представлял королевство Эрманариха как огромную европейскую державу, включавшую не только приморскую полосу Причерноморья, но и внутренние районы, населенные «северными народами», проживавшими уже в лесной зоне. Германский эпос, в особенности «Песнь о гуннской битве», судя по упоминавшимся в нем древним топонимам, также сохранил историческую память об обширных владениях Эрманариха на юге Восточной Европы.

3. Аммиан, Иордан и эпическая традиция однозначно характеризуют Эрманариха как короля-завоевателя. Судя по всему, он действительно на короткое время добился немалых геополитических успехов. Остроготский король создал обширную державу путем захвата соседних земель и народов. В то же время в источниках нет намека на какие-либо союзнические отношения Эрманариха с другими народами, входившими в его державу.

4. Образ короля Эрманариха, созданный Кассиодором/Иорданом, восходит к готскому героическому эпосу. Обстоятельства смерти Эрманариха излагаются Иорданом, а позже в раннесредневековых сагах не без влияния этой традиции. Хотя Иордан мог быть знаком с трудом римского историка, при описании гибели последнего остроготского короля он предпочел истории сагу, убедительно и достойно объяснявшую соплеменникам гибель их великого вождя от рук коварных росомонов.

5. Если Аммиан однозначно утверждает об уходе гревтунгов под руководством Алатея и Сафрака из своей страны, то Кассиодор/Иордан сообщают о том, что немалая часть гревтунгов осталась в той же земле. В его изображении Алатей и Сафрак — вожди везиготов. В этом также обнаруживается, на наш взгляд, знание Кассиодором труда Аммиана и специальное «обращение» вождей гревтунгов (остроготов) в вождей везиготов, прежде всего, для устранения противоречий в созданной им концепции готской истории.

6. Германские героические сказания черпали свой материал из исторической памяти готов времени Эрманариха и его потомков. Но из нее они заимствовали лишь отдельные факты и имена, никогда не сохраняя всю цепь событий. При этом впитанный эпосом исторический материал преобразовывался по законам устного народного творчества иногда почти до неузнаваемости и опускался с исторического до семейного уровня.

Глава II

Королевство Эрманариха
в европейской
и американской
историографии

Остроготы и созданная ими «держава» оставили глубокий след не только в исторической памяти их современников, но и в европейской историографии. Она прошла долгий путь развития, который с определенными оговорками можно разделить на несколько этапов. Первый этап охватывает время собирания, а затем и критического издания источников о королевстве Эрманариха, параллельно шел процесс его осмысления в рамках национальных историографий. Второй этап в Германии приходится на время Третьего рейха, когда готская тема была поставлена на службу агрессивному германскому нацизму. Наиболее плодотворным в изучении истории королевства Эрманариха оказался третий, послевоенный этап, особенно последняя треть XX в., когда обозначились новые подходы и появились более взвешенные оценки этого потестарного образования. Поскольку зарубежная историография проблемы подробно рассмотрена нами в недавно изданной книге¹, ниже мы остановимся, прежде всего, на наиболее важных результатах ее изучения в работах германских, австрийских и скандинавских исследователей.

Со времен Античности до наших дней представления о готах были сложным историческим, социальным и духовным феноменом, тесно связанным не только с логикой развития исторической мысли, но и с актуальными для историков проблемами, далеко выходящими за рамки строгой науки². Сгорев в горниле Великого переселения народов, готы так и не стали средневековой народностью Европы, достаточно рано превратившись в миф³. Поскольку образ их короля Эрманариха продолжал развиваться в германском героическом эпосе Средневековья, то закономерно встает вопрос об истоках — с какого времени собственно начинать историографию интересующей нас проблемы? По-видимому, из нее надо исключить раннесредневековый эпический этап, когда историческая память о королевстве остроготов-гевтунгов была настолько искажена эпическим сознанием, что фактически оно оторвалось от исторических реалий и существовало в особом эпическом времени. К «донаучному» этапу явно относятся и многочисленные средневековые хроники, знавшие готов и часто возводившие именно к ним генеалогии знати и даже королей.

¹ Зиньковская И.В. Королевство Эрманариха: источники, историография. Воронеж, 2010. С. 105—188.

Буданова В.П. О трансформации «готицизма» // Славяне и их соседи. М., 1999. Вып. 9. С. 13—15; Поляков Л. Арийский миф: исследование истоков расизма. СПб., 1996. С. 21.

Вольфрам Х. Готы. От истоков до середины VI века (опыт исторической этнографии). СПб., 2003. С. 11—12.

§ 1. ГОТИЦИЗМ XVI—XVIII ВВ.

Историографию крупной проблемы европейской истории обычно начинают с эпохи Возрождения или раннего Нового времени. Действительно, в XVI—XVII вв. в западноевропейских странах наблюдается всплеск интереса к прошлому готам. Они объявляются предками многих европейских народов, иногда даже славян⁴. В странах Северной Европы всплеск интереса к готам породил феномен готицизма — влиятельного течения в шведской историографии, идейно восходящего еще к Раннему Средневековью, но получившего развитие с XVI в.⁵ Его анализу в интересующем нас аспекте посвящено монографическое исследование шведского филолога и историка Й. Свеннунга⁶ и статья В.П. Будановой⁷. Недавно «готский миф» от эпохи Античности до Романтизма был вновь проанализирован И. Стенротом⁸.

По сути готицизм представлял синтез исторического знания и псевдоисторического мифа о готах. Возникновение и расцвет готицизма был связан с определенным этапом развития скандинавского общества, когда появилась острая потребность найти национальные корни и определить свое место среди других народов. Как известно, на этой стадии становления этнического самосознания обычно начинается поиск «славных предков». И таких предков шведы нашли в лице готам. В основе готицизма лежало утверждение, что шведы — прямые потомки и наследники готам, великого народа древности. Оно встречается в шведских источниках, по меньшей мере, с конца XIII—начала XIV в. Готицизм открыто заявил о себе в выступлении посла короля Дании, Швеции и Норвегии, епископа Николауса Рагвальдссона на церковном соборе в Базеле 1434 г., где он потребовал старшинства для своего короля, т.к. его королевство было наиболее древним, а значит, и наиболее знатным⁹. В подтверждение этого епископ привел весомый аргумент историко-генеалогического характера — свидетельство Иордана о Скандинавии как «кузнице народов» и о древних готских королях. С тех пор, вторая корона в шведском королевском гербе символизирует древнее “*regnum Gothorum*”¹⁰.

⁴ *Orbini M. Origine de gli Slavi. Pesaro, 1601.* Рус. перевод: *Орбини М. Книга историография початия имене, славы и разширения народа славянского.* СПб., 1722.

Толстиков А.В. «Шведскость» как «готскость» (шведский готицизм XV—XVII вв.) // Сущность и метаморфозы шведской идентичности: программа международной конференции 16 марта 2006 г. М., 2006.

⁶ *Svennung J. Zur Geschichte des Goticismus. Stockholm, 1967.*

Буданова В.П. О трансформации «готицизма»... С. 13—33.

⁸ *Stenroth I. Myten om goterna: Från antiken till romantiken. Stockholm, 2002.*

⁹ *Поляков Л. Указ. соч. С. 89.*

¹⁰ *Вольфрам Х. Указ. соч. С. 41.*

Но настоящее «готическое движение» зародилось как реакция на антинемецкую пропаганду в Италии XVI в. в защиту римской католической церкви против выступлений германских вождей Реформации, отрекавшихся от «готического варварства»¹¹. Особую поддержку оно получило в Швеции в годы правления короля Густава Адольфа и его побед над противниками в ходе Тридцатилетней войны. Готицизм стал весьма действенным идеологическим оружием шведского великодержавия XVII—начала XVIII в. Апологетами готицизма явились шведские историки XVI в. Юханнес Магнус (1488—1544) и Олаус Магнус (1490—1557). В их сочинениях мысль о приоритете германцев в европейской истории связывалась с образом Швеции как прародины готов, с обоснованием готского происхождения шведских королей и описанием их героических деяний¹². Но наиболее полное воплощение готицизм нашел в труде профессора медицины университета в Упсале Улофа Рюдбека (1630—1702)¹³. В его произведении причудливым образом переплелись и данные античной традиции об Атлантиде и гиперборейях как предках шведов, и древняя германская мифология, и рассказ Иордана о странствиях готов. У. Рюдбек утверждал, что после Одина власть в Причерноморье перешла к «готско-шведскому королю Германариху»¹⁴. Ее он описывал, следуя Иордану, в сочинении которого можно найти основы того готцентризма, на котором строились все последующие изыскания¹⁵.

В шведской историографии готицизм сфокусировал свое внимание на великом прошлом готов как завоевателей мира и героических предках германских народов¹⁶. Колыбелью готов был объявлен юг Швеции — Гьёталанд. По сути же готицизм был одним из предтеч немецкого германоцентризма. Именно в русле готицизма два различных понятия — «готское» и «германское» — постепенно слились в одно целое. Во многом именно на основе идей готицизма скандинавскими, а затем германскими историками не только начинается изучение прошлого этих стран, но и развивается склонность к идеализации этого прошлого, во многом сохраняющаяся и в наше время.

Готицизм может быть и не приобрел бы столь большого влияния в Северной Европе, если бы он не был подкреплен авторитетами английского и французского Просвещения. С начала XVIII в., помимо скандинавских стран и Германии, готицизм стал популярен и в Англии. Английские парламентарии увидели в древних готах идеальную модель управления госу-

¹¹ *Svennung J.* Op. cit. S. 56.

¹² Толстиков А.В. Анатомия истории Улофа Рюдбека // Одиссей. 2007. С. 169—189.

¹³ *Rudbek O.* Atland eller Manheim. Uppsala, 1937.

¹⁴ *Ibid.* P. 194—199.

¹⁵ Буданова В.П. Указ. соч. С. 14.

¹⁶ Грот Л.П. Гносеологические корни норманизма // ВИ. 2008. № 8. С. 111—117.

дарством и противопоставляли ее средневековой христианской модели, из которой позднее вырос ненавистный им абсолютизм¹⁷. В том же духе к готской государственности подходили французские просветители. В частности Ж.-Ж. Руссо был убежден, что у готов сильная королевская власть зависела от благорасположения народа, а готский король избирался народом¹⁸.

Не лишне еще раз напомнить, что романтический готицизм не раз играл злую шутку с учеными, приводя их порой к весьма курьезным выводам. Один из самых ярких примеров — открытие готов в Индии¹⁹. Здесь в 1880-х гг. были найдены две индийские надписи на пракрите, в которых некоторые исследователи усмотрели этноним «гаты» (“gatāna”)²⁰. В 1912 г. вышла статья известного востоковеда Стена Конава под названием «Готы в Древней Индии», в которой аргументировалась готская языковая принадлежность упомянутых в надписях личных имен “Iṛila” и “Ciṭa”²¹. Эта гипотеза вскоре обрела сторонников не только среди шведских и немецких историков, в России ее принял русский художник и мыслитель Николай Рерих, усмотревший в некоторых гималайских петроглифах «изображения остготов и прочих великих переселенцев»²². Но эта красивая гипотеза рухнула в середине XX в., прежде всего, благодаря трудам санскритолога Вальтера Вюста, убедительно показавшего, что имена, принимаемые за готские, имеют прозрачные индоарийские этимологии, да и сами надписи по палеографии датируются более ранним временем, нежели время выхода готов на историческую арену²³. Но в нашей стране в 80-х гг. XX в. устаревшей гипотезой «Готы в Индии» увлекся даже ведущий отечественный лингвист — академик В.Н. Топоров²⁴. Рецидивам готицизма в современной европейской науке посвящена статья Ф. Пауля в RGA²⁵.

Нелегко ответить на вопрос, когда в скандинавской историографии на смену готицизму приходит время подлинно научного изучения готской проблематики, т.к. его отголоски ощущаются не только в XIX, но и в XX в. Как один из вероятных рубежей можно назвать конец XVIII в., когда в по-

¹⁷ Stenroth I. Op. cit. S. 10.

¹⁸ Svennung J. Op. cit. S. 100.

¹⁹ Schmitt R. Goten in Indien // RGA. 1998. Bd. 12. S. 406—407.

²⁰ Burgess J. Bhagwānlāl Indrāji. Inscriptions from the Cave Temples of Western India. Bombay, 1881.

²¹ Konow St. Goths in Ancient India // Journal of the Royal Asiatic Society. 1912. P. 379—385.

²² Рерих Н. Сказки. Л., 1991. С. 107.

²³ Wüst W. Goten in Indien? Ein Forschungsbericht zur mittelindoarischen Epigraphik // Altheim F. Geschichte der Hunnen. B., 1961. Bd. 3. S. 141—189.

²⁴ Топоров В.Н. Древние германцы в Причерноморье: результаты и перспективы // Балто-славянские исследования. М., 1983. С. 230.

²⁵ Paul F. Gotizismus // RGA. 1998. Bd. 12. S. 461—466.

литике явственно обозначился финал «шведского великодержавия»²⁶. Именно тогда появляются первые работы о готах и их соседях, базирующиеся на научном анализе исторических источников. В 1772 г. датский ученый-антиковед Петер Фридрих Сум исследовал перечень «северных народов» у Иордана и предложил их интерпретацию²⁷. Тем самым он заложил основы всей последующей традиции изучения иорданова списка²⁸.

§ 2. Остроготское государство Эрманариха в исследованиях европейских ученых XIX—первой трети XX в.

Свидетельства о готах и государстве Эрманариха, сохранившиеся в позднеантичной и раннесредневековой литературной традиции, были изучены и отчасти критически переосмыслены германскими историками XIX в. Безусловно, этому способствовало, с одной стороны, становление в Германии истории как науки в рамках утверждавшегося в то время историко-критического метода, а с другой, — зарождение романтического направления в немецкой исторической мысли, нацеленного, прежде всего, на изучение «своего», германского первобытного прошлого²⁹. Все это было бы невозможно без критического издания письменных источников о готах на юге России, особенно в рамках грандиозного научного проекта “*Monumenta Germaniae historica*” (MGH). В процессе их текстологического и исторического анализа в германской науке начала формироваться концепция готской истории³⁰. Именно тогда сложились основные подходы к ранней этнической истории готов, оценки их роли в Великом переселении народов и уровня развития их государственности, которые во многом продолжают сохранять свою актуальность и в современной немецкой историографии. В германской историографии изучение истории готов шло в нескольких направлениях.

Первое из них — сбор данных античных авторов о готах. В этом преуспел германский историк Каспар Цойсс, составивший весьма полную сводку литературных свидетельств о готах³¹. Он подробно проанализировал античные источники о везиготах-тервингах и остро-

²⁶ Hillebrecht F. Skandinavien — die Heimat der Goten? Der Gotizismus als Gerüst eines nordisch-schwedischen Identitätsbewusstseins. B., 1997. S. 30.

²⁷ Suhm P. Fr. Historie om de fra Norden Udvandrede Folk. København, 1772.

²⁸ О П.Ф. Суме см.: Christensen A.S. Cassiodorus, Jordanes and the History of the Goths. Studies in a Migration Myth. Copenhagen, 2002. S. 167—170.

²⁹ Историография античной истории. М., 1980. С. 60—61.

³⁰ Буданова В.П. О трансформации «готицизма»... С. 15.

³¹ Zeuss K. Die Deutsche und die Nachbarstämme. München, 1837.

готах-гревтунах³², но практически не уделил внимания известиям о государстве Эрманариха.

Немалый интерес к «Гетике» Иордана проявил выдающийся германский историк Леопольд Ранке. В «Приложении» к своей многотомной истории он дал обстоятельный очерк об Иордане³³. Л. Ранке прозорливо обратил внимание на публицистический характер его сочинения, основанного на предшествующем труде Кассиодора³⁴. К сожалению, почти никто из последующих историков не развил этой мысли вплоть до 60-х гг. XX в.³⁵

Другим направлением изучения проблемы была история переселения готов в Северное Причерноморье. Одним из первых этот вопрос попытался рассмотреть историк Г. Пфалер³⁶. По его мнению, после переселения готы заняли территорию от Северного Причерноморья и Дона до юго-западных предгорий Карпат, где они разделились на две части, получившие названия по характерным природным особенностям занятых ими областей: гревтуны — в восточных песчаных (?) степях, а тервинги — в западных лесных массивах³⁷. Позже Ф. Еркерт попытался составить карту маршрута движения готов из Скандинавии к устью Вислы и далее по Днестру к побережью Черного моря. По его датировке готы находились здесь в 200—400 гг., на Таманском полуострове — до конца XV в., а в Крыму — до конца XVI в.³⁸

Различные аспекты истории готов пытался осветить знаменитый немецкий историк Карл Мюлленхоф. На страницах его «Немецких древностей» можно найти немало интересных мыслей не только о готах, но и о «северных народах», которые по рассказу Иордана якобы покорились Эрманариху³⁹. К. Мюлленхоф считал огромные размеры державы Эрманариха во многом искусственным конструктом самого Иордана для оправдания его же фразы — «Он (Эрманарих — И.3.) властвовал, таким образом, над всеми племенами Скифии и Германии как над своей собственностью» (Get., 120). Более правдоподобными ему представлялись размеры владений короля гревтунов в «Римской истории» Аммиана Марцеллина (XXXI.3.1).

³² Zeuss K. Die Deutschen und die Nachbarstämme. Heidelberg, 1925. S. 401—411, 422—429.

³³ Ranke L. Weltgeschichte. Leipzig, 1883. Bd. 4, Teil. 2. S. 313—327.

³⁴ Ibid. S. 327.

³⁵ Скржинская Е. Ч. Иордан и его «Гетика» // Иордан. О происхождении и деяниях гетов. М., 2000. С. 44.

³⁶ Pfahler G. Handbuch deutscher Altertümer. Frankfurt a/M., 1868.

³⁷ Ibid. S. 50.

³⁸ Erckert V. Wanderungen und Siedlungen der germanischen Stämme in Mittel-Europa von der ältesten Zeit bis auf Karl den Grossen. B., 1901. Abb. 7.

³⁹ Müllenhoff K. Deutsche Altertumskunde. B., 1882; Bd. 2. B., 1887. Bd. 3.

Исключительно важную роль в дальнейшей разработке интересующей нас проблематики сыграло издание Теодором Моммзенем «Гетики» Иордана⁴⁰. В 1882 г. в знаменитой серии “MGH” им был опубликован ее текст на основе изучения лучшего из известных в то время списков — Гейдельбергского кодекса. Это издание положило начало критическому подходу к источникам о «державе» короля Эрманариха. Но нельзя не отметить, что великий немецкий историк в комментариях к этому изданию дал весьма низкую оценку «Гетике» как историческому источнику⁴¹. Позже стало ясно, что Т. Моммзен явно недооценил значение этого источника⁴².

Однако несмотря на высоконаучное критическое издание текста «Гетики» Т. Моммзенем, в конце XIX—начале XX в. в Германии продолжали выходить работы о «державе» Эрманариха, слепо следовавшие ее описанию у Иордана. Именно так поступил Рудольф Кёпке (один из редакторов “MGH”) в книге о королевской власти у готов⁴³. По мнению некоторых немецких историков, Эрманарих был самым великим готским королем, чье государство простиралось от Черного до Балтийского моря⁴⁴. Напомним, что эти взгляды вполне разделял основоположник исторического материализма Карл Маркс. В «Хронологических выписках» он писал, что готы «образовали могущественную монархию»⁴⁵.

Еще дальше пошел Ф. Кауфман, писавший, что к моменту смерти Эрманариха сложилась остготская колониальная империя (“Kolonialreich”), которая распространялась от Черного до Балтийского моря и далее до Урала⁴⁶. Х. Шиллинг утверждал, что король Эрманарих впервые объединил все германские народы (кроме фризов, саксов, франков) в одну империю от р. Заале в Германии до р. Волги, от Балтийского моря до Дуная и Черного моря (рис. 4). По его оценке, наиболее значительный рост Готской империи пришелся на 350—360 гг.⁴⁷ Весьма близки ему взгляды германского «доисторика» А. Кикебуша⁴⁸.

⁴⁰ *Iordanes. Getica* / Ed. Th. Mommsen // MGH. Auct. Antiquiss. B., 1882. T. V. Ps. 1. P. 53—138.

⁴¹ *Ibid.* P. XLIV.

⁴² *Скржинская Е. Ч.* Указ. соч. С. 56.

⁴³ *Köpke R.* Die Anfänge des Königtums bei den Goten. B., 1859.

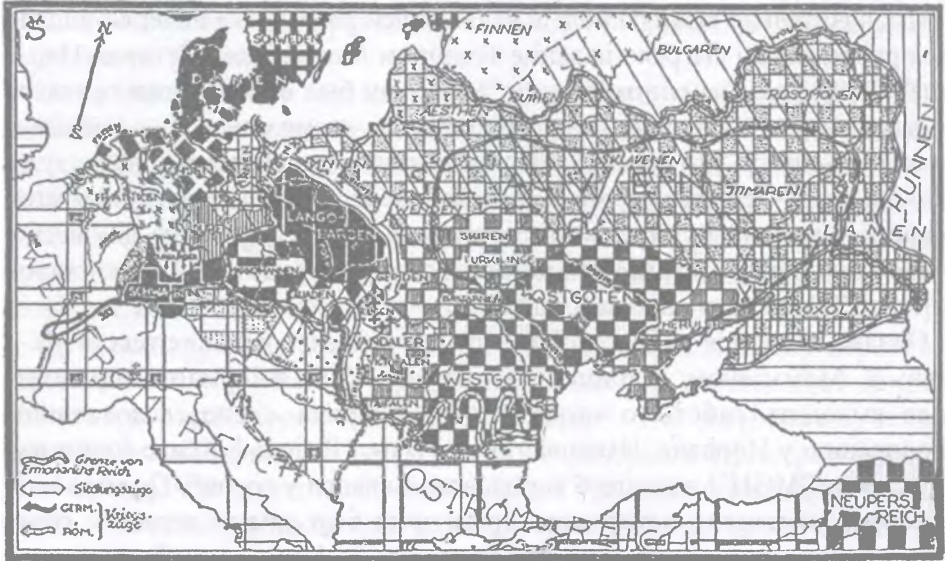
⁴⁴ *Pfahler G.* Op. cit. S. 50 *Erckert V.* Op. cit. Abb. 7; *Bremer O.* Ethnographie der germanischen Stämme. Strassburg, 1904. S. 91—92; *Dahn F.* Die Könige der Germanen. Leipzig, 1911. Bd. 2. Die kleineren gotischen Völker. Die äussere Geschichte der Ostgoten. S. 50—57.

⁴⁵ *Маркс К.* Хронологические выписки // Архив К. Маркса и Ф. Энгельса М., 1938. Т. V. С. 9.

⁴⁶ *Kauffmann F.* Deutsche Altertumskunde. München, 1923. Bd. 5. Von der Völkerwanderung bis zur Reichsgründung. S. 21.

⁴⁷ *Schilling H.* Germanische Geschichte. Von den Kimbern und Teutonen bis zu Wittekind. Leipzig, 1934. S. 496.

⁴⁸ *Kiekebusch A.* Germanische Geschichte und Kultur der Urzeit. Leipzig, 1935. S. 144.

Karte 22: Ermanarichs Reich

Рис. 4. Империя Эрманариха (реконструкция: Х. Шиллинг, 1934 г.)

Он писал, что после того, как готы около 200 г. достигли Черного моря, в междуречье Днестра и Днепра они основали германское государство, которое ко времени наивысшего расцвета простиралось до Дона, Верхней Волги на востоке, Балтийского моря и Дуная на западе. По мнению Г. Пфайльшифтера, в первой половине IV в. Вестготское и Остготское королевства занимали территории не только Южной России, но Румынии и Венгрии. Он писал, что при короле Эрменрихе, сумевшем покорить соседние славянские и финские племена, основная масса остготов была объединена в огромную империю⁴⁹. Историк даже «упрекнул» остготов и везиготов в том, что они мало заботились об укреплении политических связей друг с другом, и тем более о сохранении государственного единства. Поэтому вскоре оба королевства распались на ряд отдельных образований, власть в которых принадлежала разным правителям⁵⁰.

Напротив, О. Бремер полагал, что остготы и везиготы до 375 г. находились под властью одного короля Эрманариха, и лишь потом они стали двумя политически независимыми народами⁵¹. Этой же точки зрения еще раньше придерживался известный германский историк и писатель Феликс Дан. Он писал, что везиготы отделились от остро-

⁴⁹ Pfeilschifter G. Theodorich der Grosse. Mainz, 1910. S. 39.

⁵⁰ Ibid.

⁵¹ Bremer O. Op. cit. S. 91—92.

тов незадолго до нападения гуннов, а зависимые от них роксоланские князья (росомоны ? — И.З.) подняли оружие против короля Эрманариха⁵². Но Ф. Дан больше известен как автор двенадцатитомного издания «Короли германцев»⁵³. Этот грандиозный труд представляет подробное изложение истории развития королевской власти у различных германских народов. Естественно, историк не мог обойти личность Эрманариха, которому посвятил немало страниц во 2-м томе⁵⁴. По его мнению, остроготский король в 350—376 гг. подчинил много соседних народов и основал огромную империю. Надо отметить, что Ф. Дан идеализировал устройство «державы» Эрманариха, усматривая в нем одну из предпосылок политической истории Германии как единого государства⁵⁵.

Первую обстоятельную монографию о готах в Крыму написал Вильгельм Томашек⁵⁶. Ему удалось проследить их историю, начиная с позднеантичной эпохи и кончая Поздним Средневековьем. Он внес определенный вклад в изучение списка «северных народов» у Иордана⁵⁷.

В конце XIX в. Теодор фон Гринбергер попытался восстановить перечень «северных народов», по свидетельству Иордана покоренных Эрманарихом⁵⁸. Он одним из первых высказал плодотворную идею о том, что в основе этого перечня, вероятно, лежит фрагмент героического эпоса о деяниях могущественного остроготского короля. На этом основании ученый попытался перевести некоторые этнонимы из списка «arctoi gentes» с готского языка. Этой же теме были посвящены работы Й. Миккола⁵⁹ и Й. Маркварта⁶⁰.

Еще в первой половине XIX в. начинается изучение эпической традиции о готах Эрманариха, сохранившейся в древнегерманских сагах. Важным событием стала публикация Копенгагенским Королевским обществом северных антиквариев «Саги о Хервер»⁶¹. Одним из первых

⁵² *Dahn F. Urgeschichte der germanischen und romanischen Völker. B., 1881. Bd. 1. S. 230.*

⁵³ *Dahn F. Die Könige der Germanen. München; Leipzig. 1861—1911. Bd. 1—12.*

⁵⁴ *Dahn F. Die Könige der Germanen. Leipzig, 1911. Bd. 2. Die kleineren gotischen Völker. Die äussere Geschichte der Ostgoten.*

Гутнова Е.В. Историография истории Средних веков. М., 1985. С. 106.

⁵⁶ *Tomaschek W. Die Goten in Taurien. Wien, 1881.*

⁵⁷ *Tomaschek W. Kritik der ältesten Nachrichten über den skythischen Norden // Sitzungsberichte der philos.-histor. Classe der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften. Wien, 1889. Bd. 117.*

⁵⁸ *Grienberger T. Ermanariks Völker // ZfdA. 1895. Bd. 39. S. 151—184.*

⁵⁹ *Mikkola J. Die Namen der Völker Hermanaricus // Finnisch-Ugrischen Forschungen. 1915. № 15. S. 56—66.*

⁶⁰ *Marquart J. Osteuropäische und ostasiatische Streifzüge: Ethnologische und historisch-topographische Studien zur Geschichte des 9. und 10. Jahrhunderts (840—940). Leipzig, 1903. S. 378.*

⁶¹ *Antiquités russes d'après les monuments historiques des Islandais et des anciens Scandinaves / Ed. C. Rafn. Copenhagen, 1850. Vol. 1.*

ее проанализировал исландский исследователь Г. Вигфуссон. По его мнению, древнейшие эддические песни цикла об Эрманарихе и Аттиле (“*Hamðismál*”) указывают на первую Готскую империю (королевство Эрманариха — *И.З.*) и на ее столицу — “*Danparstaðir*” («Днепровский град»), которому соответствует г. Киев. На основе анализа эпической традиции Г. Вигфуссон пришел к выводу, что Эрманарих правил всей черноземной полосой России от Карпат (“*Harvaðafjöll*”) до восточных степей. Он полагал, что, знакомясь с этой весьма древней поэзией, можно представить себе величие, пышность двора и силу власти этого готского «басилевса»⁶². Австрийский исследователь Ричард Хайнцель также обнаружил в «Сage о Хервер» исторические свидетельства пребывания готов на юге России⁶³. Готские сюжеты в германском героическом эпосе, в частности история расправы Эрманариха с Сунильдой, привлекли внимание фольклориста Отто Иричека⁶⁴.

Серьезный вклад в изучение древнегерманской эпической традиции, где в качестве одного из главных героев выступал Эрманарих, внес швейцарский филолог Андреас Хойслер. Ему принадлежит фундаментальное исследование об историческом и мифологическом в германском эпосе⁶⁵. Ученый убедительно показал, как следует оценивать исторический элемент в раннесредневековых героических сказаниях об Эрманарихе⁶⁶. Тысячелетнюю живучесть его образа в германском эпосе А. Хойслер объяснял, с одной стороны, грандиозным масштабом исторического события, за которым последовала гибель короля и его державы, а с другой, — исключительным случаем личной судьбы — самоубийством готского властителя, что в принципе было неприемлемо для аристократического германского этноса⁶⁷. Взгляды А. Хойслера оказали большое влияние на последующую традицию изучения личности Эрманариха в истории и в эпосе.

Завершая обзор изучения интересующей нас тематики в ранней германской историографии, нельзя не отметить значение научного издания Вильгельмом Штрейтбергом «Готской Библии» Вульфилы, где он

⁶² *Vigfusson G. IV Essay: Place of the Hamtheow lay // Powell F.Y. Grimm Centenary. Sigfred-Arminius and Other Papers. Oxford;L., 1886.*

⁶³ *Heinzel R. Über die Hervararsaga // Sitzungsberichte der philos.-histor. Classe der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften. Wien, 1887. Bd. 114.*

⁶⁴ *Jiriczek O.L. Deutsche Heldensagen. Strassburg, 1898. Bd. 1. S. 61.*

⁶⁵ *Heusler A. Geschichtliches und Mythisches in der germanischen Heldensage // Sitzungsberichte der Preussischen Akademie der Wissenschaften. B., 1909. S. 920—945. Позднее оно целиком вошло в русское издание его книги в качестве раздела: Хойслер А. Германский героический эпос и сказание о Нибелунгах. М., 1960. С. 345—379.*

⁶⁶ *Heusler A. Ermenrich // RGA von J. Hoops. Strassburg, 1911—1913. Bd. I. S. 627—629.*

⁶⁷ *Хойслер А. Указ. соч. С. 349.*

впервые расположил параллельно древнегреческий и готский тексты⁶⁸. Логическим продолжением его перевода стал составленный им же параллельный «Гото-греко-немецкий словарь»⁶⁹. С тех пор «Готская Библия» стала важнейшим историческим источником по истории и культуре готов, т.к. ее лексика достаточно адекватно отражала уровень их социального и культурного развития накануне гуннского вторжения.

С начала XX в. европейскими исследователями стал привлекаться принципиально новый источник по готской тематике на юге Восточной Европы — могильники позднеимперского времени, известные сейчас как черняховские. Их раскопки в Поднепровье в 1899 г. украинским археологом Викентием Хвойкой уже через несколько лет после первых публикаций придали новое направление в разработке готской проблематики. Первооткрыватель черняховских древностей с самого начала считал их славянскими. Однако по вопросу об их этнической принадлежности практически сразу же разгорелась дискуссия между отечественными и немецкими археологами. В 1906 г. черняховские памятники были отождествлены с готами немецким археологом Паулем Райнеке, который указал на сходство могильников Черняхов и Ромашки с некрополями римского времени Восточной Германии III—IV вв. При этом он писал: «Это явление соответствует тому, что мы знаем о продвижении готов»⁷⁰. Однако следует отметить, что П. Райнеке был весьма осторожен в своих предположениях о территории, занимаемой готами в Восточной Европе⁷¹.

Но уже в 1912 г. Е. Бреннер предложил объединить среднеднепровские могильники и румынский некрополь Сынтана-де-Муреш в одну «южнороссийско-дунайскую культуру»⁷². По его представлениям эта культура возникла путем скрещивания германских и античных элементов. Ее влияние он прослеживал по находкам развитых форм двухпластинчатых фибул и декорированных пряжек, прототипами которых признал пластинчатые фибулы и простые пряжки, обнаруженные в Черняхове и Сынтана-де-Муреш. Близких взглядов на природу черняховских памятников придерживался германский археолог Макс Эберт. В начале XX в. он предпринял раскопки на Нижнем Днестре могильника

⁶⁸ *Ulfilas Moeso-Gothorum Episcopus*. Die Gotische Bibel / Hrsg. W. Streitberg. Heidelberg, 1908; 1919. Teil I. Der gotische Text und seine griechische Vorlage.

⁶⁹ *Ulfilas Moeso-Gothorum Episcopus*. Die Gotische Bibel / Hrsg. W. Streitberg. Heidelberg, 1910; 1928. Teil II. Gotisch-griechisches-deutsches Wörterbuch.

⁷⁰ *Reinecke P.* Aus der russischen archäologischen Literatur // *Mainzer Zeitschrift*. 1906. Jg. 1. S. 47.

⁷¹ *Ibid.*

⁷² *Brenner E.* Der Stand der Forschung über die Kultur der Merowingerzeit // *Berichte der RGK*. 1912. Bd. VII. S. 262—267.

Николаевка⁷³. Вместе со среднеднепровскими могильниками III—IV вв. позднее он включил его в большую культурную группу, которая охватывала Правобережную Украину, Трансильванию и смежные районы Причерноморья⁷⁴. На его взгляд, появление памятников черняховского типа свидетельствовало о проживании здесь с 200 г. германцев-готов, которые наслоились на местное население и владели этим краем до гуннского нашествия⁷⁵. Следует отметить, что М. Эберт одним из первых обратил внимание на любопытный факт — отсутствие в черняховских могилах оружия. Вслед за ним К. Такенберг проанализировал памятники зарубинецкой и черняховской культур и сопоставил последние с погребениями культуры Сынтана-де-Муреш. Он обратил внимание на богатый инвентарь черняховских погребений, отсутствие среди него оружия, а также сильное влияние готов на северных германцев⁷⁶.

Однако не следует думать, что все европейские археологи были единомышленны в вопросе этнической атрибуции черняховской культуры. Так, например, П. Райнеке, М. Эберт, К. Такенберг считали их готскими, а Э. Блюме, К. Дикулеску — гепидскими. По мнению Г. Коссины, готы в Причерноморье заимствовали местное иранское искусство и выработали новый художественный стиль⁷⁷. Он разработал концепцию «готско-понтийских влияний», которая долгое время была популярной в германской археологической науке⁷⁸.

В германской историографии первой трети XX в. концепция готской истории в Причерноморье нашла логическое завершение в многочисленных работах Людвиг Шмидта⁷⁹. Наиболее полное воплощение она нашла в многотомной «История германских племен до конца Великого переселения народов» (1934)⁸⁰. Он разработал ее на основе изучения нарративной традиции, в первую очередь, «Гетики» Иордана. Немецкий ученый-эрудит сделал ряд ценных наблюдений, особенно в области источниковой базы готской проблемы. К анализу общественного строя

⁷³ Ebert M. Ausgrabungen bei dem "Gorodok Nikolaewka" am Dnjepr // PZ. 1913. H. 1/2. S. 80—113.

⁷⁴ Ebert M. Südrussland im Altertum. Bonn; Leipzig, 1921. S. 359—361.

⁷⁵ Ebert M. Op. cit. S. 80—113.

⁷⁶ Tackenberg K. Zu den Wanderungen der Ostgermanen // Mannus. 1930. Bd. 22. S. 269—292.

⁷⁷ Kossina G. Germanische Kultur im I. Jahrtausend nach Christus. Leipzig, 1932. Bd. I. S. 92.

⁷⁸ Баран В.Д., Гороховский Е.Л., Магомедов Б.В. Черняховская культура и готская проблема // Славяне и Русь (в зарубежной историографии). К., 1990. С. 34—35.

⁷⁹ Schmidt L. Allgemeine Geschichte der germanischen Völker bis zur Mitte des sechsten Jahrhunderts: Handbuch der Mittelalterlichen und der neueren Geschichte. München; B., 1909; *Idem*. Die germanischen Reiche der Völkerwanderung. Leipzig, 1913.

⁸⁰ Schmidt L. Geschichte der deutschen Stämme bis zum Ausgang der Völkerwanderung. München, 1934. Bd. I. Ostgermanen.

остроготов и исторической оценке их государства Л. Шмидт подходил весьма осторожно. Он немало сделал для уточнения социально-экономического строя готского общества. Последние он реконструировал, прежде всего, на основе богатого лексического фонда Библии Вульфилы. При этом ученый считал, что королевство остроготов Эрманариха существенно не отличалось от подобных более ранних образований древних германцев, известных с эпохи Тацита. Он именовал его «родовым королевством» (“Stammeskönigtum”) и никогда не использовал таких распространенных в германской науке определений, как «великая империя» или «великая держава». Л. Шмидт считал готов проводниками более высокой культуры в германском мире, роль которых особенно возросла после принятия ими христианства⁸¹. Эта концепция господствовала в западной исторической науке вплоть до выхода в свет книги Х. Вольфрама «История готов» в 1979 г.⁸²

В связи с обострением политических и национальных противоречий в Европе в XIX в. история готов начинает привлекать внимание не только германских и скандинавских историков, но и ученых-славистов, особенно тех, кто жил и работал в Австро-Венгрии. Мимо истории готов не мог пройти выдающийся славист, основоположник чешского славянофильства Павел Иосиф Шафарик. Естественно, что готы интересовали его, прежде всего, в связи с вопросом о происхождении славян⁸³. О королевстве Эрманариха он писал: «...Так как эта великая монархия была основана на скорую руку и незаконным образом, то поэтому она вскоре и разрушилась»⁸⁴. Подход П.И. Шафарика к готской проблеме получил дальнейшее развитие в исследованиях историков славянских национальностей второй половины XIX в. и нашел логическое завершение в трудах выдающегося чешского слависта Любора Нидерле⁸⁵. Он допускал, что славяне могли входить в государство Эрманариха, но возражал против готской атрибуции черняховской культуры.

Подводя итог изучению готской проблемы следует еще раз отметить, что в конце XIX—первой трети XX в. в Германии зародилось готоведение как субдисциплина, изучающая историю, язык, культуру этого народа. При этом с самого начала в нем важное место занимало исследование истории королевства Эрманариха в Восточной Европе как первого крупного раннегосударственного образования, созданного германцами.

⁸¹ Ibid. S. 248—249.

⁸² *Wolfram H. Geschichte der Goten. Von den Anfängen bis zur Mitte des sechsten Jahrhunderts. Entwurf einer historischen Ethnographie.* München, 1979.

⁸³ *Шафарик П.И. Славянские древности. Часть историческая / Пер. с чеш. О. Бодянского.* М., 1837; 2-е изд. М., 1848. Т. 1. Кн. 2. С. 249—250.

⁸⁴ Там же. С. 249.

⁸⁵ *Niederle L. Slovanske starozitnosti. Zivot starych slovanu.* Praha, 1913.

§ 3. Готский вопрос в Германии накануне и в годы Второй мировой войны

На историческую мысль Германии в 1930—40-е гг. сильнейшее влияние оказывали национал-социалистические идеи, ставшие идеологическим основанием для оправдания германской агрессии на Восток в годы Второй мировой войны. Уже с самого начала существования Третьего рейха германская «преистория» стала рассматриваться не только с научной, но и с политической точки зрения⁸⁶. Неудивительно, что со второй половины 1930-х гг. большинство германских исследований по готской тематике так или иначе обслуживали грядущее великое переселение «истинных арийцев» на земли Восточной Европы, туда, где раньше находились обширные владения готского короля Эрманариха. Тогда этническая история готов по существу была поставлена на службу риторике агрессивного немецкого нацизма, а проблема принадлежности черняховской культуры окончательно вышла за рамки академической науки и стала фактором острой идеологической борьбы⁸⁷. Например, опубликованная накануне вторжения в Советский Союз карта, превратила Восточную Европу вплоть до Урала в «территорию Эрманариха»⁸⁸.

Поэтому далеко не случайно отдел археологии печально известного института СС «Аненербе» («Наследие предков») возглавлял известный специалист по культуре готов Герберт Янкун⁸⁹. В 1942 г. он во главе особой команды безуспешно искал в оккупированном Крыму следы «Готской империи». Известно, что Гитлер планировал переименовать г. Симферополь в Готенбург («Город готов»), а г. Севастополь — в Теодериксхафен («Порт Теодориха») ⁹⁰. Г. Янкун и другие немецкие археологи интересовались не только старыми музейными коллекциями, но и намеревались провести собственные раскопки готских могильников на юге Украины⁹¹.

Особенно отчетливо связь археологии с политикой нацизма подтверждается публикацией Рудольфа Штампфуса «Германцы на Украине», насыщенной фотографиями погребений и предметов инвентаря с

⁸⁶ *Леус П.М.* Археология Третьего рейха на оккупированных восточных территориях // *Germania-Sarmatia. Древности Центральной и Восточной Европы эпохи римского влияния и переселения народов.* 2008. С. 220.

⁸⁷ *Баран В.Д., Гороховский Е.Л., Магомедов Б.В.* Указ. соч. С. 35.

⁸⁸ *Altheim F.* Attila und die Hunnen. Baden-Baden, 1951. S. 73.

⁸⁹ О состоянии германской археологии в годы нацизма см. книгу: *Prähistorie und National-sozialismus. Die mittel- und osteuropäische Ur- und Frühforschung in den Jahren 1933—1945* / Hrsg. A. Leube. Heidelberg, 2002.

⁹⁰ *Gruchmann L.* Nationalsozialistische Grossraumordnung // *Schriftenreihe der Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte.* Stuttgart, 1962. № 4. S.101.

⁹¹ *Леус П.М.* Указ. соч. С. 226—227.

территории Украины, соотносимых автором с вышеназванными племенами⁹². Основной тезис работы ярко характеризуется одной фразой из нее: «Плодородные черноземные земли этого края, которые немецкий меч освободил от большевистского гнета, являлись с III тыс. до н.э. целью северных и, позднее, германских племен»⁹³. С конца 1930-х гг. существенно меняется даже историческая терминология, используемая немецкими учеными в работах по готской проблематике. Теперь исследователи называют Остроготское государство Эрманариха не иначе как «Первой германской империей»⁹⁴ или просто «Великой державой» («Grossmacht»)⁹⁵. Под пером германских историков еще более расширяются границы готской «державы» — от родины готов на Висле до Волги, и от Черного моря до Балтики⁹⁶.

Историки Третьего рейха в один голос утверждали, что готы создали не только первое германское государство, но и первую национальную церковь, первый германский героический эпос, руны, алфавит и письменность⁹⁷. По мнению профессора Франца Альтхейма, в то время активного сотрудника «Аненербе», великая Готская империя охватывала значительную часть Европейской России. «Вместе с экономической властью готов, — писал Ф. Альтхейм, — распространялась и их политическая власть». Для германской историографии начала 40-х гг. XX в. весьма показательна книга К. Глогера «Германцы в Восточной Европе», изданная во время Второй мировой войны⁹⁸. Она была написана с целью исторического обоснования территориальных притязаний немцев на земли Восточной Европы (рис. 5). К. Глогер утверждал, что освоение новых черноземных областей к северу от Причерноморья осуществлялось готами без центрального руководства, но вся территория была поделена на области, принадлежащие готским князьям с их дружинами. Он считал, что «державка» Эрманариха строилась на германском принципе дружинной верности королю.

При этом готы жили под властью королей, графов («Besitzgrafen»), родовых старейшин («Sippenhauptern»), которые более возвысились над остальной массой людей, чем у других восточногерманских племен.

⁹² *Stampfus R.* Die Germanen in Ukraine. B., 1942. S. 130—140.

⁹³ *Ibid.* S. 130.

⁹⁴ *Schneider H.* Germanische Altertumskunde. München, 1938. S. 25; *Altheim F.* Goten und Finnen im dritten und vierten Jahrhundert. B., 1944. S. 17—28.

⁹⁵ *Schütte G.* Gotthiod. Die Welt der Germanen. Jena, 1939. S. 23.

⁹⁶ *Schneider H.* Op. cit. S. 25; *Schütte G.* Op. cit. S. 23; *Güntert H.* Geschichte der germanischen Völkerschaften. Leipzig, 1943. S. 118—119; *Reinerth H.* Vorgeschichte der deutschen Stämme. Leipzig; B., 1940. Bd. III. Ostgermanen und Nordgermanen. S. 1184—1185.

⁹⁷ *Schütte G.* Op. cit. S. 23.

⁹⁸ *Gloger K.* Germanen in Osteuropa (Mannus. Bd. 71). Leipzig, 1943.

ного моря. В их сочинениях она нередко выступает своего рода предтечей Третьего рейха на Востоке.

2. С конца 1930-х гг. существенно меняется даже терминология, используемая немецкими учеными в работах по готской проблематике. Остроготское государство Эрманариха именуется не иначе как «Великой державой» и даже «Первой германской империей».

3. Хотя немецкие археологи на оккупированных территориях проявили немалый интерес к древностям, которые они считали готскими, дело не пошло дальше их использования в чисто пропагандистских целях.

§ 4. Проблемы истории и археологии «державы» Эрманариха в исследованиях второй половины XX—начала XXI в.

В послевоенный период в Западной Европе постепенно активизировались исследования, так или иначе затрагивающие готскую проблематику. В это время западногерманские, австрийские и скандинавские ученые оказались в более благоприятной научной атмосфере, позволившей им успешно продолжить изучение проблем истории и археологии готов.

Германская и австрийская историография

После окончания Второй мировой войны и денацификации Германии ученые ФРГ, ГДР и Австрии приложили много усилий к тому, чтобы пересмотреть взгляды на историю и археологию древних германцев, очистить их от ненаучных построений в духе Г. Коссины и его последователей⁹⁹. Для последующего развития науки большое значение имело совершенствование археологической методики этногенетических исследований, представленное в теоретических работах Х.-Ю. Эггерса, М. Яна, Е. Вале, Р. Хахмана, Г. Коссака и др.¹⁰⁰ В то же время не следует забывать, что в ФРГ в 1950—60-е гг. продолжали работать историки и археологи, профессионально сформировавшиеся в годы Третьего рей-

⁹⁹ Монгайт А.Л. Археология Западной Европы. Каменный век. М., 1973. С. 41—42.

¹⁰⁰ Eggers H.-J. Das Problem der ethnischen Deutung // Ur- und Frühgeschichte. Wahle-Festschrifts. Heidelberg, 1950; *Idem*. Einführung in die Vorgeschichte. München, 1959; Jahn M. Die Abgrenzung von Kulturgruppen und Völker in der Vorgeschichte // Berichte über die Verhandlung der Sächsischen Philologisch-historische Klasse. B., 1952. Bd. 99, Heft. 3; Wahle E. Tradition und Auftrag prähistorischer Forschung. B., 1964; Hachmann R., Kossack G., Kühn H. Völker zwischen Germanen und Kelten. Schriftquellen, Bodenfunde und Namengute zur Geschichte des nördlichen Westdeutschlands um Christi Geburt. Neumünster, 1962.

ха. Поэтому тогда еще встречались отголоски старого подхода к государству Эрманариха, идеализации готов как особо одаренного германского народа.

Крупным специалистом по истории варварских народов в послевоенной Германии продолжал оставаться Ф. Альтгейм¹⁰¹. По его мнению, причиной миграции готов с побережья Балтийского моря стала нехватка пахотных земель, на поиски которых они и направились в Северное Причерноморье. В «Истории гуннов» Ф. Альтгейм вновь акцентирует внимание на том, что в Южной России в середине IV в. образовывается обширная «готская империя» Эрманариха. Историк утверждал, что она обеспечивала надежную защиту экономическому и культурному обмену в центре России. Ф. Альтгейм одним из первых обратил внимание на то, что археологические памятники на Десне, Оке и в Волго-Камском междуречье свидетельствуют о широком проникновении в эти районы импорта¹⁰². Он не раз писал о восточном, деспотическом характере власти короля Эрманариха, что проявилось даже внешне в заимствовании им царских регалий, являвшихся частью раннесасанидского убора¹⁰³.

Э. Шварц посвятил специальное исследование истории древнегерманских племен, где немало места уделил готам¹⁰⁴. Он считал, что у остроготов рано образовалось «родовое королевство». С середины IV в. ими правил король Эрманарих, при котором Остроготское государство начало распространять свою власть на соседние народы. Вслед за Ф. Альтгеймом он ошибочно считал, что основой готского войска уже тогда была конница¹⁰⁵. Как видно, в книге Э. Шварца много традиционных штампов, своего рода «научного фольклора» о готах, давно бытующего в германской науке.

По мнению австрийского историка Эмиля Нака, готы покинули свою родину на юге Скандинавии вследствие перенаселенности. Историк признает, что государство остроготского короля Эрманариха включало большое число других народов. Он повторяет старую мысль, что такое огромное государство могло быть завоевано только конницей. По его мнению, Эрманарих вошел в мир саг прежде всего потому, что был тираном, выступившим против своего дома. В его эпическом об-

¹⁰¹ *Altheim F. Attila und die Hunnen. Baden-Baden, 1951; Idem. Reich gegen Mitternacht Asiens. Weg nach Europa. Hamburg, 1955; Idem. Geschichte der Hunnen. B., 1959. Bd. 1.*

¹⁰² *Altheim F. Geschichte der Hunnen... S. 319.* На деле все перечисленные Ф. Альтгеймом «товары» представляли характерные элементы аланской и гуннской культур и не имели прямого отношения к готам.

¹⁰³ *Op. cit. S. 319.*

¹⁰⁴ *Schwarz E. Germanische Stammeskunde. Heidelberg, 1956.*

¹⁰⁵ *Ibid. S. 88—90.*

разе сохранились воспоминания о трудностях, с которыми готы столкнулись в последние годы его правления¹⁰⁶.

Рассмотренные исследования немецких и австрийских историков 1950—60-х гг. во многом продолжали традиции изучения готов, сложившиеся в довоенную эпоху. Однако в 1960-е—1970-е гг. увидели свет исследования, по существу знаменовавшие начало нового этапа в развитии готоведения. Его отличает повышенный интерес к источниковедческим аспектам готской проблемы, а также поиск новых методологических подходов к ее решению, нацеленных, прежде всего, на получение достоверного исторического знания.

Важный вклад в готоведение внес австрийский ученый Рейнхард Венкус — яркий представитель «Венской школы» исторической этнографии, автор монографического исследования об образовании древнегерманских племен¹⁰⁷. Он привел веские аргументы в пользу того, что древнегерманские “gentes” были не гомогенными родовыми организациями, а представляли гетерогенные этнополитические общности, сложившиеся на основе воинской группы, сплотившиеся вокруг харизматического вождя. Р. Венкус по-новому поставил вопрос о происхождении готов, точнее того ядра (“Traditionskern”), которое являлось основным носителем готской этнической традиции. «Ядро традиции» понималось им как сохранение у варваров устойчивого представления об общности их происхождения, которое они пронесли в преданиях через все шесть столетий их истории¹⁰⁸. Исследователь писал, что тот, кто относил себя к этой традиции по рождению или в результате испытаний, тот становился частью “gens” — членом общности, имеющей общее происхождение не по крови, а по преданию¹⁰⁹. Поэтому он считал, что это постоянно приводило к изменению традиционного готского племенного устройства, т.к. помимо свободных готов последнее включало пленных, переселенцев и перебежчиков как германского, так и большей частью негерманского происхождения¹¹⁰. В книге Р. Венкуса содержалась ценная идея о принципиальной полиэтничности готов, позднее развитая Х. Вольфрамом¹¹¹. Отметим, что она хорошо согласуется с результатами независимых исследований российских и украинских археологов, большинство которых также пришли к выводу о полиэтничном характере черняховской куль-

¹⁰⁶Nack E. Germanien. Länder und Völker der Germanen. Wien; Heidelberg, 1958. S. 150—151.

¹⁰⁷Wenskus R. Stammesbildung und Verfassung. Das Werden der Frühmittelalterlichen gentes. Köln, 1961.

¹⁰⁸Ibid. S. 75.

¹⁰⁹Ibid. S. 14, 54.

¹¹⁰Ibid. S. 471.

¹¹¹Вольфрам Х. Указ. соч. С. 19—21.

туры. Такой подход представляется весьма продуктивным для исследования внутренней природы государства Эрманариха.

Важную роль в изучении готской проблематики сыграла монография западногерманского историка Норберта Вагнера «Гетика: Исследования жизни Иордана и ранней истории готов»¹¹². Основное внимание он уделил источниковедческим вопросам изучения этого произведения, в первую очередь истории его создания. Он пришел к заключению, что этнонимы «гревтуинги» и «тервинги» появились у готов еще на их прародине в Южной Швеции и лишь потом были принесены на континент¹¹³. По его мнению, в отличие от легендарной традиции, записанной Иорданом, готские племена переселялись на юг не сразу, а поэтапно, волнами: сначала тервинги, затем гревтуинги и под конец гепиды. На основе анализа текста «Гетики» Н. Вагнер пришел к заключению, что готы шли в Скифию не вслепую, а располагали какой-то достоверной информацией о тех районах, куда они направлялись. По мнению исследователя, в судьбе готов важную роль сыграли поражения, нанесенные им римлянами на исходе «Готских» войн. В результате они вынуждены были изменить направление экспансии с южного на восточное, которое достигло своей кульминации при великом завоевателе Эрманарихе¹¹⁴.

В 1970 г. вышла в свет книга известного западногерманского археолога Рольфа Хахмана «Готы и Скандинавия»¹¹⁵. На примере готской проблемы он показал преимущества синтеза исторических выводов, полученных различными дисциплинами независимо друг от друга на основе анализа разных видов источников, по сравнению с распространенным в науке «потребительским» использованием любых свидетельств о готах, вырванных из текстов. Р. Хахман обоснованно выступил против принципа «смешанной аргументации», негласно господствовавшего в науке¹¹⁶. Очень точна его характеристика состава источников по готской проблематике¹¹⁷. При этом особую ответственность в решении готской проблемы он возлагал на археологию. С тех пор этот подход успешно используется исследователями истории и культуры готов, в том числе отечественными.

Внимание Р. Хахмана, прежде всего, сосредоточено на проблеме происхождения готов. Их начальное местоположение он находил в Мазовии, где их следы археологически представлены мазовецкой группой

¹¹²Wagner N. *Getica: Untersuchungen zum Leben des Jordanes und zur frühen Geschichte der Goten*. B., 1967.

¹¹³Ibid. S. 225—253.

¹¹⁴Ibid. S. 252—253.

¹¹⁵Hachmann R. *Die Goten und Skandinavien*. B., 1970.

¹¹⁶Ibid. S. 10—11, 473.

¹¹⁷Ibid. S. 473.

пшеворской культуры¹¹⁸. Исследователь акцентировал внимание на том, что гутоны Повисленья I—II вв. не были идентичны готам Южной России III—IV вв., т.к. во время последующих войн с римлянами последние инкорпорировали много инородных германских и негерманских этнических групп. Он заметил, что у готов раньше, чем у других германцев сложилась определенная система представлений о своем происхождении (“*Origo gentis*”), независимая от античной исторической традиции. На основании анализа источников Р. Хахман пришел к выводу, что готы, всегда готовые к миграции или разбойничьему набегу, имели соответствующую социальную организацию, обеспечивавшую им военное превосходство¹¹⁹. После выхода в свет монографии Р. Хахмана наблюдается активизация исследований по готской тематике. Начинается переосмысление старых догм и концепций, которые ранее считались незыблемыми¹²⁰.

Интересующему нас аспекту готской проблемы посвятил несколько работ известный западногерманский специалист по восточноевропейской истории Готфрид Шрамм. Он вновь обратился к анализу этнонимов «северных народов» в «Гетике» Иордана и предложил свою интерпретацию¹²¹. Исследователь пришел к выводу, что Эрманарих действительно подчинил северные племена, а после этого силой навязал свою власть герулам, которые проживали в устье Дона и держали в своих руках доступ к Доно-Волжскому торговому пути. Г. Шрамм полагал, что географический костяк «державы» Эрманариха составляли великие восточноевропейские реки, служившие важнейшими торговыми артериями, связывающими север с готским югом. Но он считал недопустимым ограничивать природу Остроготской «державы» лишь торговлей: «Можно допустить легкие переходы от торговли к сбору дани, впрочем, как и сосуществование обеих форм»¹²².

В наиболее крайней форме взгляды Г. Шрамма на «державу» Эрманариха проявились в его последней книге «Начало Древней Руси», изданной уже после смерти автора¹²³. Он именует ее не иначе как «Великой восточноевропейской империей», ее восточная граница достигала Урала, где якобы обитали «золотые народы». Г. Шрамм вновь обрацает

¹¹⁸Ibid. S. 458.

¹¹⁹Ibid. S. 462.

¹²⁰Буданова В.П. Готы в эпоху Великого переселения народов... С. 40

¹²¹Schramm G. Die nordöstlichen Eroberungen der Russlandgoten („Merens, Mordens und andere Völkernamen bei Jordanes, Getika. XXIII. 116) // Frühmittelalterliche Studien. 1974. Bd. 8. S. 1—14.

¹²²Ibid. S.14.

¹²³Schramm G. Altrusslands Anfang. Historische Schlüsse aus Namen, Wörtern und Texten zum 9. und 10. Jahrhundert. Freiburg im Breigau, 2002.

ется к оценке остроготской «державы» как исторической предтече Киевской Руси на торговых путях, связывающих север и юг, считая и ту, и другую однотипными государственными образованиями¹²⁴. Он даже утверждает, что структуру и территориальный рост «державы викингов» помогает понять «остроготский образец». Нельзя не заметить, что в публикациях Г. Шрамма, несмотря на его отдельные интересные наблюдения, доминирует старый подход к королевству Эрманариха, характерный для германской науки первой половины XX в.

Крупнейшим специалистом по готской проблематике является австрийский ученый Хервиг Вольфрам, автор многочисленных работ о готах¹²⁵, в том числе фундаментального итогового исследования «История готов»¹²⁶. В дальнейшем автор дорабатывал его в течение десяти лет, за это время были опубликованы его переводы на итальянский и английский языки, а в 1990 г. вышло расширенное мюнхенское издание этой книги¹²⁷, с которого в 2003 г. сделан русский перевод¹²⁸. Далеко не случайно эта книга имеет подзаголовок «опыт исторической этнографии». Ее автор является виднейшим представителем «Венской школы» в исторической науке. По существу, монография Х. Вольфрама посвящена в первую очередь этнической истории готов, хотя в ней затрагиваются вопросы их политической и социальной истории.

Как никто другой автор прекрасно осознает, что «тот, кто сегодня пишет историю готов, замахивается на решение в принципе неразрешимой задачи»¹²⁹. Тем не менее, сразу надо сказать, что Х. Вольфрам блестяще справился с поставленной целью. Он показал, как люди различного этнического, культурного и географического происхождения становились готами, и как в процессе этого развития менялось значение того, что есть гот. По широте охвата проблематики, по глубине

¹²⁴Ibid. S. 48, 55.

¹²⁵Wolfram H. Ermanarich. §1. Historisches // RGA. 1989. Bd. 7. S. 510—512; *Idem*. Das Reich und die Germanen: Zwischen Antike und Mittelalter. B., 1990; *Idem*. Die Germanen. München, 2005. S. 96—99. *Idem*. Gotische Studien. Volk und Herrschaft im frühen Mittelalter. München, 2005.

¹²⁶Wolfram H. Geschichte der Goten. Von den Anfängen bis zur Mitte des sechsten Jahrhunderts. Entwurf einer historischen Ethnographie. München, 1979.

¹²⁷Wolfram H. Die Goten. Von den Anfängen bis zur Mitte des sechsten Jahrhunderts. Entwurf einer historischen Ethnographie. München, 1990.

¹²⁸Вольфрам Х. Готы. От истоков до середины VI века (опыт исторической этнографии). СПб., 2003. См. рец.: Шувалов П.В. Фундаментальный труд по истории готов // Мнемон. Исследования и публикации по истории античного мира. 2003. Вып. 2. С. 374—377; Зиньковская И.В. Фундаментальное исследование по истории готов (Вольфрам Х. Готы. СПб.: Ювента, 2003) // Вестник ВГУ. Серия: История. Политология. Социология. Воронеж, 2006. № 1. С. 101—103.

¹²⁹Вольфрам Х. Указ. соч. С. 14.

проникновения в сложнейшие вопросы готской истории его труд не имеет аналогов в современной историографии.

Прежде всего, импонирует общеметодический подход автора, ясно изложенный во введении — «история готов не относится, ни к понятию “история германских племен”, ни тем более к “истории взаимоотношений между немцами и внешним миром”»¹³⁰. Книга Х. Вольфрама явилась своего рода австрийским ответом немецким творцам националистического «готского» мифа, который расцвел буйным цветом в Третьем рейхе. Х. Вольфрам создал сугубо научное исследование, внесшее важный вклад в изучение истории готов на пространствах всей Европы. Он не только тщательно собрал и систематизировал практически все известное о готах, но и внес в понимание их истории много принципиально нового.

I и отчасти II глава его книги посвящены исследованию готской этнонимии¹³¹. При этом автор полагает, что разные формы этнонима «готы» указывают на различные этапы готского этногенеза. Для нас интересны два последних параграфа II главы. Один посвящен истории гревтунгов-остроготов до времени вторжения гуннов. В нем подробно освещается взлет и падение остроготской «державы» Эрманариха¹³². В завершение этой главы австрийский исследователь дал характеристику королевской власти остроготов-гревтунгов. На его взгляд, к «великой державе» Эрманариха нельзя подходить с современными мерками; скорее следует говорить о готском протекторате над «северными народами», в частности, в районе Камы. Он полагает, что иорданову информацию о размерах империи нельзя подтвердить археологически¹³³, но допускает, что гревтунги могли контролировать все торговые пути от излучины Волги вниз по течению до Дона и Черного моря. В рамках «державы» Эрманариха полиэтническое сообщество чувствовало себя в более или менее слабой от него зависимости. В интерпретации этнонимов «народов севера» Х. Вольфрам полностью следует Г. Шрамму.

Х. Вольфрам внес некоторые новые штрихи в облик Эрманариха. Им скрупулезно проанализирован институт королевской власти у остроготов, его социальная и сакральная природа¹³⁴. Но в целом австрийский исследователь все же не очень далеко ушел от традиционного для германской историографии понимания власти Эрманариха, прежде всего, как «воинского короля» (“Heerkönig”).

¹³⁰ Там же. С. 11.

¹³¹ Там же. С. 36—49.

¹³² Там же. С. 129—134.

¹³³ Там же. С. 132.

¹³⁴ Там же. С. 168—170.

Книга Х. Вольфрама дает целостную картину истории готов от мифических скандинавских истоков до падения раннесредневековых Остготского и Вестготского королевств. В отличие от своих предшественников ему удалось показать историю готов как предмет исторической этнографии, как ряд этапов их этнической истории, каждый из которых существенно отличался от предшествующих своим конкретным этническим содержанием при сохранении у готов «ядра традиции» в виде представления об общности их происхождения. Таким образом, получается, что племенное общество готов постоянно пребывало в становлении и поэтому оказалось способным принять в свой состав другие этносы¹³⁵. Поэтому мы не можем полностью согласиться с оценкой труда Х. Вольфрама, данной В.П. Будановой в русле развития «готоцентризма»¹³⁶. Уже по самой своей природе любое монографическое исследование по этнической истории привлекает внимание его автора к основному объекту изучения — конкретному этносу. На наш взгляд, труд Х. Вольфрама, вне сомнения, надолго останется настольной книгой всех исследователей, которые занимаются древнегерманской проблематикой и историей Великого переселения народов.

Существенный вклад в археологию готов внес мюнхенский ученый Фолькер Бирбрауэр¹³⁷. Он показал, что черняховская культура развивается из вельбарской и генетически с ней связана. По его мнению, для этнической атрибуции черняховской культуры важны типы вещей, керамики, поселений и хозяйственный уклад, которые тесно связаны с традициями Свободной Германии¹³⁸. На его взгляд, несмотря на выделенные локальные варианты и существующую полиэтническую интерпретацию, черняховская культура в своей основе — восточногерманская, а учитывая юго-восточное направление движения носителей вельбарской традиции и данные письменных источников — готская¹³⁹. Он считает, что собственно готские племена проживали в пределах ареала черняховской культуры. Работы Ф. Бирбрауэра внесли важный вклад в понимание тех сложнейших этнокультурных процессов, которые происходили в центрально- и восточноевропейском Барбарикуме в IV—V вв., в том числе, на территории государства Эрманариха.

¹³⁵ Там же. С. 331.

¹³⁶ Буданова В.П. Готы в эпоху Великого переселения народов... С. 57.

¹³⁷ Bierbrauer V. Archäologie und Geschichte der Goten vom 1.—7. Jh. Versuch einer Bilanz // Frühmittelalterliche Studien. 1994. Bd. 28. S. 51—171.

¹³⁸ Бирбрауэр Ф. Готи в I—VII ст.: територія розселення та просування за археологічними джерелами // Археологія. 1995. № 2. С. 32—51.

¹³⁹ Bierbrauer V. Die ethnische Interpretation der Sîntana de Mureş-Černjachov-Kulture // Sîntana de Mureş-Černjachov-Kulture. Bonn, 1999. S. 211—238.

Наряду с вышеназванными новаторскими исследованиями, в конце XX в. в Германии и Австрии продолжали выходить работы, содержащие общие исторические оценки государства Эрманариха. Западно-германский историк Х. Шрейбер рассматривал королевство Эрманариха как своего рода пережиток древнегерманской эпохи¹⁴⁰. Он считал, что в отличие от везиготского «судьи» Атанариха остроготский правитель Эрманарих был более могущественным королем, но подвластное ему образование в целом оказалось гораздо архаичнее. В. Фритце проанализировал отношения германцев и славян накануне и в период Великого переселения народов¹⁴¹. Он признает, что готы не могли полностью занимать огромную территорию, которой владели, под их властью здесь жили славяне и другие народы. А. Краузе также дал характеристику остроготам и созданному ими в Причерноморье государству¹⁴². По его мнению, королевство остроготов имело нечеткие границы, но распространяло свое влияние вплоть до Урала. Оно управлялось сильными правителями, однако по существу являлось степным образованием, в котором сильно перемешались германские и сарматские кочевнические элементы. В книге В. Гизе в традиционном для германской историографии духе рассматривается ранняя история готов до разделения народа на вези- и остроготов. Последним отведена территория степной Украины и указано направление их последующей миграции в Крым¹⁴³.

Австрийскому историку Вальтеру Полю принадлежит ряд работ по этнической истории раннесредневековой Европы. Как и Х. Вольфрам он является видным представителем «Венской школы» исторической этнографии. В последней книге он попытался суммировать представления современных европейских ученых о готах¹⁴⁴. По его мнению, к северу от Черного моря гревтунги-остроготы возглавили полиэтнические всаднические союзы («Reiterverbände»). В середине IV в. остроготский король Эрманарих создал здесь сильное государство. Исследователь полагает, что список «северных народов» у Иордана, над которыми якобы властвовал Эрманарих, скорее свидетельствует о представлениях (разведанных), нежели о действительно существовавших властных отношениях в столь далеких областях. Из итоговых исследований по истории древнегерманской, в том числе готской, государственности назовем коллективный труд ряда западноевропейских историков под ла-

¹⁴⁰Schreiber H. Auf den Spuren der Goten. München, 1977.

¹⁴¹Fritze W. Untersuchungen zur frühslawischen und frühfränkischen Geschichte bis 7. Jahrhundert. Frankfurt a/M., 1994. S. 8—9.

¹⁴²Krause A. Die Geschichte der Germanen. Frankfurt a/M., 2000. S. 154—155.

¹⁴³Giese W. Die Goten. Stuttgart, 2004.

¹⁴⁴Pohl W. Die Völkerwanderung. Eroberung und Integration. B.;Köln, 2002. S. 47—48.

тинским названием “Regna et Gentes”¹⁴⁵. В нем на богатых материалах варварских королевств V—VII вв. рассмотрены процессы их исторической трансформации от “gens” к “regnum”.

Гораздо меньше внимания готской проблематике уделяли историки и археологи ГДР. Остроготский этап истории готов изучал известный историк Ганс-Иоахим Диснер¹⁴⁶. Он весьма осторожно касается вопроса о характере и масштабах королевства остроготов на юге Восточной Европы. Исследователь лишь отмечает, что военная демократия и институт королевской власти у готов Южной России получили дальнейшее развитие. А. Хойслер одним из первых затронул вопрос о социально-экономических отношениях в обществе, оставившем черняховскую культуру¹⁴⁷. К сожалению, его заключения носят самый общий характер в духе господствовавшей тогда в ГДР концепции родоплеменного строя по Ф. Энгельсу. Остроготам, как, впрочем, и везиготам не нашлось места в фундаментальном двухтомном академическом издании «Германцы», написанном большим авторским коллективом под редакцией ведущего историка ГДР И. Херрмана¹⁴⁸. Весьма показательно, что в этом издании на карте расселения германцев в эпоху Великого переселения народов все Северное Причерноморье представляет собой большое «белое пятно», рассеянное стрелой гуннского вторжения¹⁴⁹. И это далеко не случайно. Историки и археологи ГДР, видимо, остерегались вступать в открытую конфронтацию с официальными советскими историками, низводившими готскую государственность до примитивного племенного образования на незначительной территории в Приазовье¹⁵⁰.

Отдельные аспекты проблемы королевства Эрманариха затрагивались в работах Х. Бека¹⁵¹, О. Гшвантлера¹⁵², Б. Бельцера¹⁵³, Х. Кастри-

¹⁴⁵Regna et Gentes. The Relationship Between Late Antique and Early Medieval Peoples and Kingdoms in the Transformation of the Roman World / Ed. H.-W. Goetz, J. Jarnut, W. Pohl. Leiden; Boston, 2003.

¹⁴⁶Diesner H. Die Völkerwanderung. Leipzig, 1976.

¹⁴⁷Häusler A. Zu den sozial-ökonomischen Verhältnissen in der Černjachov-Kultur // ZfA. 1979. № 3. S. 23—65.

¹⁴⁸Die Germanen. Geschichte und Kultur der germanischen Stämme in Mitteleuropa. B., 1986—1988. Bd. 1—2.

¹⁴⁹Ibid. Abb. 190.

¹⁵⁰Ср.: Гюнтер Р. Социальные проблемы перехода от Античности к Средневековью // ВДИ. 1992. № 3. С. 112—118.

¹⁵¹Beck H. Ermanarich § 2. Sagen geschichtliches // RGA. 1989. Bd. 7. S. 512—515.

¹⁵²Gschwantler O. Ermanarich, sein Selbstmord und die Hamdirsage zur Darstellung von Ermanarichs Ende in Getica 24, 129 // Die Völker an der mittleren und unteren Donau im fünften und sechsten Jahrhundert. Wien, 1980. S. 187—204; *Idem.* Zum Namen der Rosomonen und an Jonakr // Die Sprache. 1971. № 17. S. 164—176.

¹⁵³Belzer B. Wandel und Kontinuität. Zur Entstehung der ältesten Ermanarichsage und ihrer Wanderung nach dem Norden. Regensburg, 1993.

циуса¹⁵⁴, Г. Ноймана и др.¹⁵⁵ Эти и другие исследования необходимо принимать во внимание при изучении персоны последнего короля остроготов.

Скандинавская историография

Во второй половине XX в. в изучении готской проблематики помимо германских историков, наиболее плодотворно работали исследователи из скандинавских стран. Естественно, их больше всего занимали вопросы, связанные с происхождением готов и определением их прародин. Здесь весьма существенный вклад внес уже упоминавшийся шведский лингвист и историк Йозеф Свеннунг, автор книги «Иордан и Скандинавия»¹⁵⁶. Хотя она в основном посвящена «северному периоду» истории готов, в ней содержится ряд ценных наблюдений, касающихся причерноморского этапа их истории. Серьезной заслугой этого исследователя следует считать его анализ древнейшей готской этнонимии¹⁵⁷. Шведский ученый полагал, что невозможно однозначно идентифицировать остроготов с гревтунгами и везиготов с тервингами, он настаивал на самостоятельности их вторых названий¹⁵⁸. Также недоказуема, на его взгляд, связь «говорящих» готских этнонимов (гревтунгов как «жителей степей», а тервингов как «лесных жителей») с ландшафтными особенностями Северного Причерноморья¹⁵⁹. По мнению ученого, древнейшим историческим персонажем германского героического эпоса является готский король Эрманарих. Й. Свеннунг проследил его судьбу в героическом эпосе и в средневековой исторической традиции.

Финская исследовательница Ирма Коркканен в 1975 г. издала книгу, посвященную филологическому анализу списка «северных народов» Иордана¹⁶⁰. Она привела новые аргументы в пользу того, что в основе перечня “arctoi gentes” лежал прототекст на готском языке. Однако к сожалению, в качестве объекта изучения она избрала рукопись А (“Codex Mediolanensis Ambrosianus”), которая сейчас считается для этого наименее подходящей. В своих этимологиях И. Коркканен во многом придерживалась подхода, намеченного еще Т. Гринбергером, но, кажется, пошла еще дальше. Предложенные ею новые этимологии этнонимов во

¹⁵⁴Castritius H. Rosomonen § 2. Historisches // RGA. 2003. Bd. 25. S. 355—358.

¹⁵⁵Neumann G. Rosomonen §1. Der Name // RGA. 2003. Bd. 25. S. 353.

¹⁵⁶Svennung J. Jordanes und Scandia. Stockholm, 1967.

¹⁵⁷Буданова В.П. О трансформации «готицизма»... С. 19.

¹⁵⁸Svennung J. Op. cit. S. 115—129.

¹⁵⁹Svennung J. Jordanes und Gotische Stammsage // Studia Gothica. Stocholm, 1972. S. 25—26, 35.

¹⁶⁰Korkkanen I. The Peoples of Hermanaric: Jordanes, Getica 116. Helsinki, 1975.

многим являются плодом умозрительного филологического творчества и не находят соответствий в реалиях эпохи Великого переселения народов. Книга И. Коркканен существенно подорвала оптимизм исследователей в решении вопроса о соотношении «северных народов» Иордана с исторически засвидетельствованными группами¹⁶¹.

Шведский историк С. Сёдерлинд попытался возродить старую готскую теорию происхождения Руси, весьма популярную у русских историков конца XIX в.¹⁶² Однако она не получила поддержки в современной науке. Норвежский ученый Х. Станг проанализировал нарративную традицию о герулах путем сопоставления данных о них в различных источниках¹⁶³. В итоге у него получилось, что герулы — не племя, а некая привилегированная прослойка тех же готов, связанная со знанием рун.

Проблему происхождения готов на широком круге источников в начале нашего века подробно проанализировал шведский историк Ингемар Нордгрэн¹⁶⁴. В их языке и культуре он обнаружил ряд скандинавских элементов. В его книге можно найти малоизвестные свидетельства о некоторых специфических чертах королевской власти и социального строя готов.

Результаты более чем векового изучения «Гетики» Иордана как исторического источника недавно подвел датский исследователь Арне С. Христенсен¹⁶⁵. Он попытался доказать, что Кассиодор и Иордан основывали свои работы не на готской, а исключительно на античной историографической традиции, что явно противоречит источникам, особенно в отношении автора «Гетики». Немало места ученый уделил разбору иордановых свидетельств о «державе» Эрманариха, ее оценкам в историографии XX в.¹⁶⁶ Однако у него мы найдем мало оригинальных мыслей по интересующей нас проблеме — автор чаще всего ограничивался сводкой мнений авторитетных исследователей по тому или иному вопросу.

¹⁶¹ *Анфертьев А.Н.* Иордан // Свод древнейших письменных известий о славянах (I—IV вв.). М., 1994. Т. 1. С. 151. А.Н. Анфертьев принял ряд положений Т. Гринбергера — И. Коркканен.

¹⁶² *Söderlind S.* Rysernas rike. Till frågan om det Östslaviska rikets uppkomst. Stockholm, 1978.

¹⁶³ *Станг Х.* Наименование Руси (герульская версия) // *Stratum: неславянское в славянском мире.* 1999. № 5. С. 119—147.

¹⁶⁴ *Nordgren I.* The Well Spring of the Goths: about the Gothic Peoples in the Nordic Countries and on the Continent. N.Y./Lincoln/Shanghai, 2004.

¹⁶⁵ *Christensen A.S.* Cassiodorus, Jordanes and the History of the Goths. Studies in a Migration Myth. Copenhagen, 2002.

¹⁶⁶ *Ibid.* P. 117—196.

Англо-американская историография

До середины XX в. английские и американские исследователи не проявляли особого интереса к готской проблематике, если не считать литературоведческого исследования К. Брэди средневековой легендарной традиции о короле Эрманарихе¹⁶⁷. Ситуация заметно меняется после Второй мировой войны, когда в Англии и США появляются монографические работы по готской тематике. Существенный вклад в ее изучение внесли Э.А. Томпсон¹⁶⁸, Т. Барнс¹⁶⁹, Г. Брэдли и др.¹⁷⁰ Как правило, их исследования опирались на данные нарративной традиции и чаще всего освещали периоды готской истории уже после гибели королевства Эрманариха.

К вопросу о «державе» Эрманариха весьма критически подошел американский ученый австрийского происхождения Отто Менчен-Хелфен¹⁷¹. Он полагал, что прочность «державы» Эрманариха не следует переоценивать, нельзя установить и границы его государства, т.к. их и не было. Исследователь утверждал, что вокруг более или менее плотно заселенной готской территории находились области других племен. Одни из них, возможно, регулярно платили дань, другие обменивали свои товары, возможно, пушнину, на то, что готы получали из Боспорского царства и дунайских провинций, третьи объединялись с готами для грабительских походов. Стремительный крах государства Эрманариха отчетливо показал его непрочность¹⁷².

Для нашей темы значительный интерес представляют публикации Питера Хизера¹⁷³. В одной из них он, опираясь на свидетельства позднеантичных авторов, попытался учесть все известные группировки гревтунгов и в результате получил войско численностью как минимум 60 000 человек¹⁷⁴. Но здесь следует заметить, что историкам известны лишь некоторые количественные данные об отдельных группировках готов эпохи Великого переселения народов, т.е. уже после

¹⁶⁷ *Brady C. The Legends of Ermanaric. Berkley; Los Angeles, 1943.*

¹⁶⁸ *Thompson E.A. The Historical Work of Ammianus Marcellinus. Cambridge, 1947; Idem. The Passio s. Sabae and Early Visigothic Society // Historia. 1955. № 4. P. 331—338; Idem. The Visigoths in the Time of Ulfila. Oxford, 1966; Idem. The Early Germans. Oxford, 1965. Рус. пер.: Томпсон Э.А. Римляне и варвары. Падение Западной империи. СПб., 2003. С. 6.*

¹⁶⁹ *Burns Th. The Ostrogoths. Kingship and Society. Wiesbaden, 1980; Idem. A History of the Ostrogoths. Bloomington, 1984.*

¹⁷⁰ *Bradley H. The Goths from the Earliest Times to the End of the Gothic Dominion in Spain. L., 1987.*

¹⁷¹ *Maenchen-Helfen O. The World of the Huns. Berkeley; Los Angeles, 1973. Нем. изд.: Die Welt der Hunnen. Wien; Köln; Graz, 1978.*

¹⁷² *Ibid. S. 19—20.*

¹⁷³ *Heather P. Goths and Romans 332—489. Oxford, 1991; Idem. The Goths. Oxford, 1996.*

¹⁷⁴ *Heather P. The Visigoths. Woodbrige, 1999.*

распада «державы» Эрманариха. Поэтому составить по этим поздним и сильно перемешанным фрагментам представление о некогда существовавшем целом, на наш взгляд, — задача нереальная. Более ценной является книга П. Хизера, написанная в соавторстве с Дж. Мэтьюзом¹⁷⁵. В нее вошел пространный очерк о черняховской культуре. В последней соавторы, вслед за русскими учеными, видят некий археологический эквивалент «державе» Эрманариха. Весьма примечательно, что археологический очерк сопровождается иллюстрациями наиболее характерных черняховских артефактов и планами могильников, но, к сожалению, по публикациям, изданным более четверти века назад¹⁷⁶.

Современный американский историк-медиевист Патрик Гири попытался дать ретроспективную оценку королевства Эрманариха в контексте более поздней раннесредневековой государственности¹⁷⁷. Он считает, что королевство гревтунгов, несмотря на свою приверженность готской традиции, по своим обрядам, этническому составу и военной организации было степным. Государство Эрманариха контролировало традиционные торговые пути, которые связывали между собой Черное море и балтийский мир. В последних исследованиях этого автора сквозит пессимизм в отношении когнитивных возможностей таких источников, как «Гетика» Иордана¹⁷⁸.

Достижения советских археологов в изучении черняховской культуры изложила в своей книге археолог Мария Гимбутас¹⁷⁹. Она полагала, что столь унифицированная культура, как черняховская, могла развиваться только при условии единой политической власти, процветающей торговли, развитого производства, постоянной подпитки новыми элементами из Римской империи, смешения южных, западных, северных и восточных влияний¹⁸⁰. Исследовательница обратила внимание на некоторые ее существенные отличия от других европейских культур, однако не смогла дать им объяснения. Популярны на Западе работы М. Гимбутас о готах и черняховской культуре не отличаются большой оригинальностью. Ее главная заслуга состояла в том, что она доносила англоязычному читателю достижения отечественных археологов в изучении черняховской культуры.

¹⁷⁵Heather P., Matthews J. *The Goths in the Fourth Century*. Liverpool, 2004.

¹⁷⁶Ibid. P. 50—92.

¹⁷⁷Geary P. *Die Merowinger*. Europa vor Karl dem Grossen. München, 1996.

¹⁷⁸Geary P. *The Myth of Nations: the Medieval Origins of Europe*. Princeton, 2002. P. 41—62.

¹⁷⁹Gimbutas M. *The Slaves*. L., 1971. Рус. изд.: Гимбутас М. *Славяне. Сыны Перуна*. М., 2007.

¹⁸⁰Там же. С. 91.

Историк Поздней Античности Михаэль Куликовски посвятил свою монографию истории готов в III—начале V в.¹⁸¹ Автор считает недостоверными сведения Иордана о размерах государства Эрманариха. По его мнению, не следует обозначать Готскую империю IV в. как полиэтничную. Она была полиэтничной только в той степени, что никакая культура не представлена в ней полностью автономной и свободной от примеси чужих культурных влияний. На его взгляд, черняховская культура очень разнообразна: существуют параллели между артефактами, строительными традициями и погребальными обрядами черняховской культуры и более ранних культур на этой же территории, а также провинциально-римской, вельбарской и пшеворской культурами на севере и степных культур на востоке. Черняховская культура — это результат политической стабильности, указывающей на растущее политическое влияние готских вождей в IV в.¹⁸²

Польская историография

Польская наука имеет давние традиции изучения готской проблемы, прежде всего, ее археологического аспекта. Далеко не случайно именно польский археолог В. Антонец еще в 20-х гг. прошлого века первым сформулировал полиэтничную концепцию черняховской культуры¹⁸³, которую позже развили российские и украинские археологи. По его мнению, готская культура — это конгломерат культурных приобретений разных племен и цивилизаций, но готы составляли в черняховском обществе господствующую верхушку и организующую силу¹⁸⁴. На близких позициях стояли и другие польские ученые первой половины XX в.: Ю. Костржевский, Л. Козловский, В. Шиманский, Т. Рейман и др.¹⁸⁵ Известный историк, академик Х. Ловмянский высказал мнение по вопросу идентификации наиболее трудных для понимания этнонимов иорданова списка «северных народов», хотя его идентификации весьма проблематичны¹⁸⁶.

К 80-м гг. XX в. в Польше увидели свет не только археологические и исторические исследования о готах, но появились первые обобщаю-

¹⁸¹ *Kulikowski M. Rome's Gothic Wars. From the Third Century to Alaric. Cambridge, 2007.*

¹⁸² *Kulikowski M. Die Goten vor Rom. Darmstadt, 2009. S. 69—75.*

¹⁸³ *Antoniewicz W. Ślady kultury gockiej na ziemiach słowiańskich do najazdu Hunów // Słownik starożytności słowiańskich. Zeszyt próbny. Warszawa, 1934. P. 19—40.*

¹⁸⁴ *Antoniewicz W. Archeologia Polski. Warszawa, 1928.*

¹⁸⁵ *Kostrzewski J. Zagadnienie t. zw. kultury gockiej na ziemiach dawnej Polski // Tydzien o Pomorzu. 1934; Kozłowski L. Zarys pradziejow Polski południowo-wschodniej. Lwow, 1939. P. 94—103; Reyman T. Problem ceramiki siwej na kole toczzonej na tle odkryc w gornym dorzeczu Wisly // WA. 1936. №14. P. 147—175.*

¹⁸⁶ *Łowmiański H. Początki Polski. Warszawa, 1963. T. 1. P. 405.*

шие и даже научно-популярные издания. На основе анализа иорданова списка «северных народов» Е. Стржельчик подверг сомнению “państwo” Эрманариха над столь отдаленными областями, но справедливо признал уникальность этого свидетельства готского историка о народах европейского севера¹⁸⁷.

В настоящее время исследования польских археологов сосредоточены на изучении вельбарской и пшеворской культур, носители которых приняли участие в этногенезе готов на самом начальном его этапе. Известная польская исследовательница Магдалена Мачинска успешно занимается археологической проблематикой эпохи Великого переселения народов. Помимо ряда конкретных работ, ей принадлежит обобщающий труд «Переселение народов», имеющий характерный подзаголовок «История неспокойной эпохи в IV и V вв.»¹⁸⁸ Польская исследовательница допускает, что черняховская культура может быть идентифицирована с территорией, подвластной Эрманариху. По ее оценке, его королевство занимало обширную территорию от Балтики до Черного моря. Но она высказывает сомнения, что в него входили народы, жившие по Волге и Оке¹⁸⁹. М. Мачинска полагает, что готы не были в состоянии покорить такую обширную территорию и управлять ею, иначе столь огромное государство стало бы известно римлянам. Здесь надо заметить, что она упускает важное свидетельство Аммиана Марцеллина (XXXI.3.1.). Само королевство Эрманариха исследовательница оценивает как слабую федерацию, состоявшую из разноэтничных племен, которая прекратила свое существование в конце IV в. в связи с гуннским вторжением и смертью короля Эрманариха¹⁹⁰.

Работы Анджея Коковского посвящены, прежде всего, вельбарской культуре в Польше¹⁹¹. В научно-популярной форме его взгляды изложены в книге, изданной в 2007 г.¹⁹² При этом весьма показательно, что А. Коковский обращается не только к археологическому материалу, но и к другим историческим источникам. Он определяет черняховскую культуру как культуру с готскими традициями, носителями которых были в основном остrogоты. В целом автор допускает, что список «северных народов» у Иордана позволяет в общих чертах охарактеризовать политические отношения в пограничных областях готского коро-

¹⁸⁷ Strzelczyk J. Goci — rzeczywistość i legenda. Warszawa, 1984. P. 72—75.

¹⁸⁸ Maczynska M. Die Völkerwanderung. Geschichte einer ruhelosen Epoche im 4. und 5. Jahrhundert. Zürich, 1993.

¹⁸⁹ Ibid. P. 46.

¹⁹⁰ Ibid. P. 61.

¹⁹¹ Kokowski A. Die Maslomecz-Gruppe: Ihre Chronologie und Beziehungen innerhalb des gotischen Kulturkreises — Ein Beispiel für den kulturellen Wandel der Goten im Verlauf ihre Wanderungen // Berichte der RGK. 1998. Bd. 78. S. 641—833.

¹⁹² Kokowski A. Goci — od Skandzy do Campi Gothorum. Warszawa, 2007.

левства Эрманариха. На его взгляд, в этом полиэтничном союзе готы составляли только часть руководящей элиты¹⁹³. Для нашей темы важно, что А. Коковски — ведущий современный исследователь вельбарской культуры — признает, что черняховская культура по своему характеру и развитию далеко ушла от собственно готской, вельбарской традиции.

Помимо названных работ историко-археологического характера, для изучения проблемы государства Эрманариха немалый интерес представляет итоговое исследование польского историка Кароля Модзелевского «Варварская Европа»¹⁹⁴. В нем во многом по-новому ставятся и освещаются ключевые вопросы социальной структуры и политической организации, свойственные варварскому миру Центральной и Восточной Европы накануне и в начале эпохи Средневековья. Широко используя сравнительно-исторические данные, он высказался в пользу выдвинутой им идеи «варварского коллективизма», который проявлялся буквально во всех структурах древнегерманских, раннеславянских и балтских обществ¹⁹⁵. На наш взгляд, идеи К. Модзелевского могут снять некоторые существенные противоречия между описаниями могущественного королевства Эрманариха в сочинениях историков и сохранением в нем весьма архаических традиций, выявляемых в результате анализа массовых археологических источников.

Современная украинская историография

Если до начала 90-х гг. XX в. среди украинских археологов во взглядах на проблему «готы и черняховская культура» наблюдался практически тот же спектр оценок, что и среди российских исследователей, то после провозглашения независимости Украины все громче стал слышен голос сторонников готской принадлежности черняховской культуры. Неоднородность этнической структуры черняховского населения больше никем особо не оспаривалась, хотя в украинской лесостепи по-прежнему предпочитали видеть славян¹⁹⁶. Однако в дальнейшем взгляды украинских исследователей начинают существенно изменяться.

На украинских исследователей 90-х гг. XX в. определенное влияние оказали взгляды американского ученого украинского происхождения Омеляна Прицака, изложенные в книге «Происхождение Руси»¹⁹⁷.

¹⁹³Ibid. P. 136.

¹⁹⁴Modzelewski K. *Barbarzyńska Europa*. Warszawa, 2004.

¹⁹⁵Ibid. P. 431.

¹⁹⁶Баран В.Д., Магомедов Б.В. Черняховская культура // Археология Украинской ССР. К., 1986. Т. III. С. 97; Славяне Юго-Восточной Европы в предгосударственный период. К., 1990. С. 200.

¹⁹⁷Pritsak O. *The Origin of Ruß*. Cambridge, 1981. Укр. изд.: Прицак О. Походження

В первом ее томе собраны и проанализированы скандинавские источники, в том числе и те, которые, сохранили историческую память о хрейдготах и Эрманарихе¹⁹⁸. Критическая оценка этой работы дана в рецензии Е.А. Мельниковой. О возрастании интереса к готской эпохе в истории Украины свидетельствует пространная статья львовского историка Леонтия Войтовича¹⁹⁹. Он попытался подвести итоги изучения истории готов на будущих украинских землях.

И.С. Пиоро еще в 1970—80-х гг. активно исследовал вопрос о готах в Крыму, итогом этой многолетней работы стала публикация монографии²⁰⁰. Автор считает археологическим отражением проникновения племен готского союза в Северное Причерноморье памятники черняховской культуры, а одним из наиболее ярких свидетельств присутствия германцев — рунические надписи, найденные на территории Украины, Молдавии, Румынии²⁰¹. В грунтовых могильниках Юго-Западного Крыма исследователь находил признаки смешения населения из северо-западных областей, скорее всего, германцев с сармато-аланами, хотя и признает, что прямых свидетельств позднеантичных авторов о присутствии здесь именно готов не известно. Более взвешенный взгляд на соотношение памятников классической черняховской культуры и крымских древностей III—V вв. изложен им в одной из последних статей²⁰².

Один из ведущих украинских специалистов по археологии ранних славян В.Д. Баран утверждал, что черняховская культура формируется еще до обоснования готов в Северном Причерноморье²⁰³. Он связывал со славянами верхнеднестровскую группу черняховских памятников и древности типа Хлопкова-Боромли на Левобережье Днепра, а с пришлыми германцами — памятники с элементами вельбарской традиции²⁰⁴. В конце 1990-х гг. позиция исследователя несколько изменилась и сблизилась с классической модификацией готской теории М. Эберта, согласно которой готы, переселившись в Северное Причерноморье, насилились на разнородную массу местного населения и как господствующий слой во многом определили характер местной культуры²⁰⁵. По его

Русі. Стародавні скандинавські джерела (крім ісландських саг). К., 1997. Т. 1.

¹⁹⁸ Прицак О. Указ. соч. С. 242—276.

¹⁹⁹ Войтович Л. Готи на території України: результати досліджень на початок XXI століття // Ахеол. досл. Львів. ун-ту. 2008. Вип. 11. С. 35—64.

²⁰⁰ Пиоро И.С. Крымская Готия. К., 1990.

²⁰¹ Там же. С. 41.

²⁰² Пиоро И.С. Черняховская культура и Крым // Сто лет черняховской культуре. К., 1999. С. 231—241.

²⁰³ Баран В.Д. Черняхівська культура: За матеріалами Верхнього Дністра та Західного Бугу. К., 1981. С. 152—162.

²⁰⁴ Баран В.Д. Давні слов'яни. К., 1998. С. 172—182.

²⁰⁵ Там же. С. 172.

заклучению, именно готы являлись стержнем полиэтнического союза и способствовали интеграции в него разнокультурных элементов²⁰⁶.

Несколько иных взглядов придерживается Д.Н. Козак, исследовавший на Западной Украине ряд пшеворских и вельбарских памятников²⁰⁷. Он полагает, что по пути на юг готские племена осели на землях современной Волыни и Подолии, вытеснив местное население — племена зубрицкой и позднезарубинецкой культур, связываемые им с венедами²⁰⁸. Действительно в последней четверти II в. памятники названных культур внезапно прекратили свое существование и сменились поселениями и могильниками вельбарского типа. Д.Н. Козак подчеркивает, что никаких контактов между этими двумя народами по археологическим и письменным данным здесь не наблюдается²⁰⁹. В итоговой монографии «Венеды» Д.Н. Козак утверждает, что готы установили политическое господство над славянами и всеми другими племенами, населявшими Украину во II—IV вв. кроме славянских группировок Верхнего Поднестровья и Днепровского Левобережья. При этом готы отрезали венедам выход к морю и тем самым нарушили их связи с античными городами. Обладая военным преимуществом, они разоряли поселения, сжигали и топтали посевы, создавая тем самым нетерпимые условия для нормальной жизни. Впоследствии был достигнут компромисс, который базировался на признании венедами политической и вассально-даннической зависимости от готов при гарантии безопасности их жизни и торговли с античными городами. По мнению Д.Н. Козака, этот военно-политический феномен и получил название «держава» Германариха²¹⁰.

О.М. Приходнюк первым попытался применить к интересующей нас проблематике цивилизационный подход²¹¹. Он считал черняховское общество переходным к раннеклассовому, находящимся на пути к созданию собственной государственности, и на этом основании предложил отказаться от традиционного названия «черняховская культура», заменив его на «протоцивилизацию» как более соответствующее уровню его социального развития²¹². Исследователь полагал, что это поня-

²⁰⁶Там же. С.112—113.

²⁰⁷Козак Д.Н. Етнокультурна історія Волині (I ст. до н.е.— IV ст. н.е.). К., 1992; Он же. Поселення готів на Хрінницькому водоймищі (с. Хрінники, ур. Шанків Яр) // Археологія давніх слов'ян. К., 2004. С.49—90.

²⁰⁸Козак Д.Н. До проблеми співіснування слов'ян і германців в Україні у другій четверті I тис. н.е. // Старожитності Русі — України. К., 1994. С. 31—36.

²⁰⁹Там же. С. 25.

²¹⁰Козак Д.Н. Венеди. К., 2008. С. 212—214.

²¹¹Приходнюк О.М. Археологические общности периода перехода к раннеклассовым образованиям // Древнейшие общности земледельцев и скотоводов Северного Причерноморья (V тыс. до н.э.—V в. н.э.). Тирасполь, 2002. С. 321—322.

²¹²Приходнюк О.М. Про форми та зміст етнокультурних археологічних структур (фінальна стадія первісно-общинного ладу) // Старожитності Русі — України. К., 1994. С. 65—67.

тие точнее передает суть черняховского феномена, т.к. в него вошли несколько разнокультурных и разноэтнических образований на уровне отдельных моноэтнических археологических культур. Создателями этой «протоцивизизации» могли быть только готы как «единственные пассионарии» на близлежащем пространстве²¹³. Здесь явно чувствуется влияние идей Л.Н. Гумилева.

Безусловно, ведущим специалистом по черняховской культуре и связанной с ней этноисторической проблематике сейчас является Б.В. Магомедов. Ему принадлежит капитальный труд, посвященный черняховской культуре²¹⁴. Он включает не только наиболее полную сводку черняховских памятников, открытых на территории Украины, Молдовы, России, но и их археологический анализ, выполненный на современном научном уровне²¹⁵. По мнению Б.В. Магомедова, черняховская культура возникла на основе вельбарской культуры при сильном провинциально-римском влиянии. Этническую основу этой культуры создали германские племена, а основную массу ее населения составляли готы²¹⁶. Но Б.В. Магомедов допускает, что в германские общины спорадически включались представители других этносов (поздние скифы, сарматы, славяне, фракийцы). При этом формирование новой этнокультурной общности проходило при мощном воздействии провинциально-римской цивилизации²¹⁷.

Весьма показательно для современного уровня развития черняховедения то, что Б.В. Магомедов не ограничился лишь археологическим анализом черняховской культуры, но попутно рассмотрел некоторые исторические, социальные и этнографические аспекты готской проблемы. Он привел ряд новых археологических данных, еще раз подтвердивших старый тезис, что в экономическом отношении черняховское население существенно выделялось на фоне соседних варварских народов²¹⁸. Отдельный параграф монографии посвящен «эре Германариха»²¹⁹. В отличие от большинства российских и украинских ученых основное ядро его «державы» исследователь локализует в Поднепровье, где обычно размещали славян-антов. Он соглашается с теми

²¹³Приходнюк О.М. Про культурно-історичний зміст черняхівської спільності // Сто років вивчення культур полів поховань на Україні: тези доповідей семінару. К., 1999. С. 34.

²¹⁴Магомедов Б. Черняховская культура. Проблема этноса (Monumenta Studia Gothica. T. 1). Lublin, 2001.

²¹⁵См. рец.: Піоро І.С. [Рецензія] // Археологія. 2003. № 1. С. 145—149. Рец. на кн.: Магомедов Б. Черняховская культура. Проблемы этноса (Monumenta Studia Gothica. T. 1). Lublin, 2001.

²¹⁶Там же. С. 41—43, 115.

²¹⁷Там же. С. 114—113.

²¹⁸Там же. С. 89.

²¹⁹Там же. С. 141—143.

исследователями, которые видели в Германарихе прообраз могущественного эпического короля Рейдготланда Хейдрекса²²⁰.

Книга Б.В. Магомедова хотя и не решила до конца основные вопросы готской проблемы в Северном Причерноморье, тем не менее, еще раз убедительно продемонстрировала, какими большими возможностями располагает современное черняхововедение для изучения интересующей нас темы. По существу в ней в систематизированном виде представлен новый массовый источник, без учета которого сейчас невозможно продвинуться вперед в изучении истории юга Восточной Европы в целом и проблемы «державы» Эрманариха в частности²²¹.

Ведущий украинский археолог-славист Р.В. Терпиловский неоднократно обращался к проблеме взаимоотношений готов и древних славян. В завершенном виде его взгляды изложены в итоговой монографии²²². Он признает, что в начале IV в. отдельные группы носителей черняховской культуры с вельбарской традицией (готы) продвигаются на север, на территорию, ранее занятую племенами киевской культуры (венеты). Сложившуюся в лесостепи ситуацию исследователь связывает с описанной Иорданом войной готов с венетами. Археологически это подтверждается тем, что на ряде поселений киевский горизонт перекрыт черняховским.

Историографии черняховской проблематики Днепровского Левобережья посвящено исследование харьковского археолога М.В. Любичева²²³. В своей докторской диссертации он вполне обоснованно выделил здесь горизонт памятников типа Боромля, оставленный славянскими переселенцами из Верхнего Поднепровья²²⁴. Во второй четверти IV в. венеты — носители горизонта Боромля были вытеснены гревтунгами/остроготами и отошли на север к Сейму²²⁵.

Современному состоянию изучения готской проблемы и черняховской культуры посвящены несколько тематических сборников, содержащих новые материалы по интересующей нас тематике²²⁶.

²²⁰Помимо раздела в книге, этой же теме посвящена статья: *Магомедов Б.В.* К истории финального этапа черняховской культуры // Сто лет черняховской культуре. К., 1999. С. 39—47.

²²¹*Зиньковская И.В.* Готы и черняховская культура в современной украинской историографии // Вестник ВГУ. 2010. №1. С. 23—31.

²²²*Терпиловский Р.В.* Славяне Поднепровья в первой половине I тыс. н.э. (Monumenta Studia Gothica. Т. III). Lublin, 2004.

²²³*Любичев М.В.* Черняховская культура Днепро-Донецкой лесостепи: история исследования и основные проблемы изучения. Харьков, 2000.

²²⁴*Любичев М.В.* Етнокультурна історія дніпро-донецького лісостепу I—V ст. н.е. Автореф. дисс. ... докт. ист. наук. К., 2013.

²²⁵*Любичев М.В.* К вопросу о времени появления памятников черняховской культуры на Днепро-Донецком водоразделе // РА. 2003. № 3. С. 71—81.

²²⁶Готы и Рим: сб. науч. статей, посвящ. памяти И.С. Пиоро. К., 2006; Археология Центральной и Восточной Европы позднеимского времени и Эпохи Великого переселения народов ("Ostrogothica"). Харьков, 2009.

Историографический анализ проблемы показал явный прогресс в двухсотлетнем изучении королевства Эрманариха. Этот процесс имел свои взлеты (конец XIX—начало XX в., последняя треть XX в.) и свои падения (в Германии 1930—середины 1940-х гг.). Основные достижения зарубежной исторической науки в этой области сводятся к следующему. Во-первых, собраны, изданы и детально исследованы основные нарративные источники о готах и их королевствах в Восточной Европе, включая раннесредневековую эпическую традицию. Во-вторых, определены хронологические рамки и масштабы королевства Эрманариха. Правда, последние сильно варьировали в работах разных исследователей от крупного государственного образования в Северном Причерноморье (по Аммиану — между Доном и Днестром) до гигантской империи (по Иордану — охватывавшей чуть ли не всю Восточную Европу). В-третьих, учеными «Венской школы» разработана новая концепция готского этногенеза, представляющаяся нам весьма продуктивной для исследования природы королевства Эрманариха. Выявлены основные тенденции этнической истории готов в эпоху Поздней Античности, в том числе их исторической трансформации от “gens” к “regnum” при сохранении основного «ядра традиции». В-четвертых, украинскими, румынскими, молдавскими археологами исследованы многочисленные памятники черняховской культуры и создана обширная база археологических источников, более объективно отражающих этнополитическую ситуацию на юге Восточной Европы в IV в., нежели традиционные нарративные тексты.

Глава III

Королевство Эрманариха
в отечественной
историографии

В отличие от западноевропейской исторической науки отечественные исследователи обратились к изучению интересующей нас темы несколько позже, когда германские и скандинавские историки уже весьма существенно продвинулись в ее разработке. В изучении готской проблемы в российской науке можно выделить четыре этапа, существенно различающиеся отношением к письменным свидетельствам о государстве Эрманариха и уровнем его осмысления.

1) Начальный этап: XIX—начало XX в.

2) Период между двумя мировыми войнами и первое послевоенное десятилетие: 20-е—середина 50-х гг. XX в.

3) Период: вторая половина 1950—80-х гг., начавшийся с «хрущевской оттепели» и завершившийся годами перестройки.

4) Современный этап: с начала 1990-х гг. по настоящее время.

Несмотря на немалое число публикаций, история изучения готской проблемы в России еще не получила должного осмысления. Ее краткий историографический обзор в монографии В.П. Будановой составлен более двух десятилетий назад и охватывает главным образом литературу 3-го периода¹. Только в самых общих чертах освещен ее начальный дореволюционный этап², крайне немногочисленны исследования по 2-му³ и 3-му⁴ периодам, да и современный этап осмыслен далеко не полностью, чаще всего на уровне рецензий на отдельные публикации. Лишь по истории изучения готов в Крыму имеется пространный очерк В.Ю. Юрочкина, который имеет к нашей теме весьма косвенное отношение⁵. Отечественная и украинская историография королевства Эрманариха недавно подробно рассмотрена в нашей книге⁶. Поэтому здесь мы остановимся лишь на наиболее важных исследованиях по этой тематике, позволяющих выявить основные тенденции в ее изучении в России и на Украине.

¹ Буданова В.П. Готы в эпоху Великого переселения народов. М., 1990. С.18—24. Заморяхин А. Готы Северного Причерноморья в III—IV вв. в дореволюционной отечественной историографии // Исседон. Екатеринбург, 2003. Т. II. С. 171—183; Он же. Готы-тетракситы в дореволюционной отечественной историографии // Новый Гиперборей. Пермь, 2004. С. 71—73;

² Тункина И.В. К истории изучения «готской проблемы» в соватской археологии 1920-х—начала 1930-х гг. // Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале. М., 2008. С. 249—251. Т. III.

³ Щукин М.Б. Современное состояние готской проблемы и черняховская культура // АСГЭ. 1977. Вып. 18. С. 86—88.

Юрочкин В.Ю. Готия // Колтухов С.Г., Юрочкин В.Ю. От Скифии к Готии. Симферополь, 2004. С. 100—201.

⁶ Зиньковская И.В. Королевство Эрманариха: источники, историография. Воронеж, 2010. С. 189—308.

§ 1. Труды историков XIX—начала XX в.

Включение готской проблематики в российскую историческую науку началось с кратких упоминаний остроготов и их короля Эрманариха еще в сочинениях по русской истории, написанных в XVIII в.⁷ Следует заметить, что для русских ученых этот вопрос был второстепенным, производным от главной темы их научных изысканий — поисков исторических корней славян. Обычно при обращении к готскому материалу дело ограничивалось упоминанием заговора росомонов против Эрманариха или описанием войны антов Божа с остроготским «князем» Винитарием.

Несколько больше внимания готской проблематике уделяли российские историки XIX в. По мнению Н.М. Карамзина, готы основали в Причерноморье сильную империю. В IV в. при царе Эрманарихе она включала в себя Европейскую Россию от Черного до Балтийского моря⁸. Но около 377 г. гунны напали на алан и готов, столетний Эрманарих не дерзнул вступить с ними в сражение, но добровольной смертью поспешил избавиться от рабства. Его наследник Винитарий был уже данником гуннов, но он сумел завоевать страну антов, которые обитали к северу от Черного моря, и жестоким образом умертвил их князя с семьюдесятью знатнейшими «боярами». Гуннский царь Баламбер вступился за последних и, победив Винитария, освободил антов от готского ига⁹. Как мы видим, Н.М. Карамзин без какой-либо критики прямо следовал за «Гетикой» Иордана, фактически ограничившись пересказом ее соответствующих параграфов.

По мнению С.М. Соловьева, во II—начале III в. началось движение скандинаво-германских дружин под именем готов от берегов Балтийского моря к Черному, которое совершалось по тому же водному пути, по которому в IX в. спускались варяжские дружины¹⁰. В IV в. готский вождь Германарих основал государство в таких же обширных размерах, как и владения Рюриковичей. Владея тринадцатью племенами, среди которых были чудь, весь, меря и мордва, Германарих выступил против герулов и венетов. Но гунны разрушили громадное государство готов при самом его рождении¹¹.

⁷ Ломоносов М.В. Древняя Российская история от начала российского народа до кончины великого князя Ярослава Первого или до 1054 г. // Он же. Полное собрание сочинений. М.;Л., 1952. Т. VI.

⁸ Карамзин Н.М. История государства Российского. СПб., 1816. Т. 1; Цит. по: Карамзин Н.М. История государства Российского: в 3-х кн. СПб., 2003. Кн. 1. С. 28—29.

⁹ Там же. С. 30.

¹⁰ Соловьев С.М. История России с древнейших времен. М., 1851. Т. 1; Цит. по: Соловьев С.М. История России с древнейших времен: Избранные главы. М., 2004. С. 44.

¹¹ Там же. С. 44.

Автор популярной в конце XIX в. «Русской истории», К.Н. Бестужев-Рюмин утверждал, что царство готов стало первой попыткой европейского народа основать государство в нынешней России¹². В том же духе оценивал роль готов в истории Восточной Европы В.О. Ключевский¹³. Он утверждал, что в III в. отважные мореходы-готы по рекам нашей равнины проникали в Черное море и громили Римскую империю. В IV в. их вождь Германарих путем завоеваний образовал из разных народов обширное царство. Это было первое известное государство, основанное европейским народом в пределах России, в которое входили различные племена Восточной Европы¹⁴.

Однако не следует думать, что по готской проблеме среди российских историков XIX в. царило единодушие. Рассказ Иордана о королевстве Эрманариха и «северных народах» вызвал разногласия. Одни ученые его сведения принимали на веру (Ф.К. Брун, К.Н. Бестужев-Рюмин, Ф.А. Браун, С.М. Соловьев, Ю.А. Кулаковский, Ф.И. Успенский), другие ставили под сомнение (Н.И. Надеждин, И.Е. Забелин, И.И. Толстой, А.Н. Веселовский др.)¹⁵.

Так, Н.И. Надеждин весьма скептически отнесся к рассказу Иордана о Готской «державе»¹⁶. Близкие взгляды высказывал известный русский археолог и историк И.Е. Забелин. Он писал, что «Иордан изобразил историю готов такими чертами, что перед готами побледнели все другие народности»¹⁷. Ученый высказал сомнение в существовании обширной территории остроготского государства и сделал вывод, что все иордановы известия о громадных размерах «Эрманарикова царства» основываются или на ошибке, или на обмане¹⁸. Основанием для такого заключения ему послужило сопоставление перечня «северных народов» у Иордана и сведений о северных соседях Киевской Руси у летописца Нестора. «Выходит, что Эрманарик владел Чудью, Корсью, Весью, Мерею, Мордвою, даже Черемисою, а в том числе и Роксоланами <...>, т.е. таким пространством Европейской России, каким не владела и Славная Русь XI века». Последнее обстоятельство, видимо, и заставило историка усомниться в огромных размерах «Эрманарикова царства». «Но, — пишет дальше И.Е. Забелин, — как ни были славны заво-

¹² Бестужев-Рюмин К.Н. Русская история. СПб., 1872. Т. 1. С. 4.

¹³ Ключевский В.О. Курс русской истории. 2-изд. М., 1906. Ч. 1; Цит. по: Ключевский В.О. Русская история. Полный курс лекций. В 3-кн. Ростов н/Д., 1998. Кн. 1.

¹⁴ Там же. С. 96.

¹⁵ Загорякин А. Готы Северного Причерноморья... С. 174.

¹⁶ Надеждин Н.И. Опыт исторической географии русского мира // Библиотека для чтения. 1837. Т. 22. Кн. 3. С. 64.

¹⁷ Забелин И.Е. История русской жизни с древнейших времен. М., 1908. Ч. 1. Доисторическое время Руси. С. 315.

¹⁸ Там же. С. 383—385.

евания Эрманарика, и как ни было велико и обширно основанное им в нашей Русской Земле Готское царство, оно мгновенно разрушилось, как только появились унны»¹⁹.

В последней четверти XIX в. интересующая нас тематика вновь привлекает внимание российских ученых в связи с т.н. «готской теорией» происхождения Руси²⁰. К ее появлению подтолкнула публикация «Саги о Хервер» (“*Hervararsaga*”)²¹. В ней некоторые исследователи нашли упоминание о готском городе на Днестре (“*Danparstaðir*”)²². Известный востоковед, академик А.А. Куник в 1869 г. предположил, что во время передвижения готов к берегам Черного моря эпический «Днепровский град» стал столицей готских князей, а западные пределы страны готов — “*Harvaðafjöll*” счел готским названием Карпатских гор²³. Позднее взгляды А.А. Куника получили поддержку значительного числа российских ученых²⁴. Даже такой знаток скандинавских материалов, как Ф.А. Браун, писал по этому поводу: «Очень вероятно гипотеза, что упоминаемый в скандинавских сагах “град Днепра”, столица славных готов, есть не что иное, как наш Киев»²⁵. Главным недостатком такого подхода к источнику являлось то, что сведения, вырванные из его контекста, в силу специфики жанра саги не могли быть верно истолкованы²⁶.

В 1875 г. А.А. Куник указал на возможность связи названия «Русь» с эпическим прозвищем “*Hreiðhgotar*” — «славные готы». Он высказывал догадку, что победы готов были вызваны ранним утверждением у

¹⁹ Там же. С. 386.

²⁰ Куник А.А. Русский источник о походе 1043 года. Дополнения к статье Б. Дорна «Каспий. О походах древних русских в Табаристан» // Записки ИАН. СПб., 1875. Т. 26. Приложение. С. 54—55; Шмурло Е.Ф. Восьмой Археологический съезд (январь 1890 г.) // ЖМНП. 1890. Ч. 269. Май. С. 27.

²¹ *Antiquités Russes d'après les monuments historiques des Islandais et des anciens Scandinaves* / Ed. C. Rafn. Copenhagen, 1850. Vol. 1.

²² Бестужев-Рюмин К.Н. Указ. соч. С. 4; Дашкевич Н.П. Приднепровье и Киев по некоторым памятникам древнесеверной литературы // Известия Киевского университета. К., 1886. С. 6—8; Веселовский А.Н. Мелкие заметки к былинам. VII. Готы и гунны и русская местность “*Hervararsaga*” // ЖМНП. 1888. № 5. С. 85—86; Веселовский А.Н. Киев — град Днепра // Записки РГОФО. 1888. Вып. 1. С. 294—301; Он же. Из истории древних германских и славянских передвижений. СПб., 1900. С. 9—10.

²³ Куник А.А. Указ. соч. С. 55.

²⁴ Пыпин А.Н. Древний период русской литературы и образованности. Сравнительно-исторические очерки // Вестник Европы. 1875. № 11. С. 127.

²⁵ Браун Ф.А. Готы // Энциклопедический словарь Брокгауза-Ефрона. СПб., 1893. Т. 9. С. 442.

²⁶ Джексон Т.Н. К методике анализа русских известий исландских королевских саг // Методика изучения древнейших источников по истории народов СССР. М., 1978. С. 126—141; Она же. Исландские королевские саги о Восточной Европе. М., 1993. С. 27.

них королевской власти²⁷. Идею А.А. Куника развил А.С. Будилович в докладе на VIII Археологическом съезде в Москве в 1890 г. Он попытался обосновать готскую теорию происхождения «Руси»²⁸. Она опиралась на следующие положения: 1) ни один германский народ не обитал в России в эпоху, более или менее близкую к возникновению нашего государства; 2) готы жили в нашей стране довольно продолжительное время и поэтому не могли не оставить следов своего пребывания в нашем языке, быте и учреждениях. Готским по происхождению А.С. Будилович считал и само слово «Русь». Он допускал, что обозначаемая им область одно время принадлежала царю Германариху²⁹.

Известный византинист Ф.И. Успенский выступил с докладом «Вопрос о готах» на следующем IX Археологическом съезде в Вильно 1893 г.³⁰ Он весьма высоко оценил их историческую роль в судьбах Востока и Запада. Исследователь допускал существование при Эрманарихе довольно обширного государства, но считал, что в то время не могло быть и речи об объединении всех готов и тем более о существовании у них наследственной королевской власти³¹. Обращаясь к трудам Аммиана Марцеллина и Иордана, он показал, что сообщаемые в них данные находят объяснение в дружинном быте готов. По докладу Ф.И. Успенского на IX Археологическом съезде разгорелась дискуссия. С ним во многом согласился один из сторонников готской теории В.Г. Васильевский. Он утверждал: «Мы не хотим здесь проповедать новой теории происхождения Русского государства или, лучше сказать, русского имени, которую пришлось бы назвать готскою (намек на нее давно уже встречаются), но не можем обойтись без замечания, что при современном положении вопроса она была бы во многих отношениях пригоднее норманно-скандинавской»³². Но в целом надо признать, что готская теория происхождения Руси не получила особого признания в отечественной исторической науке³³.

²⁷ Куник А.А. Открытое письмо к сухопутным морякам // Куник А.А., Розен В.Г. Известия Ал-Бекри и других авторов о Руси и славянах. СПб., 1903. Ч. 2. С. 63.

²⁸ Будилович А.С. К вопросу о происхождении слова «Русь» // Труды VIII Археологического съезда в Москве 1890 г. М., 1897. Т. IV. С. 118—119. См. так же отчет об обсуждении этого доклада: Шмурло Е. Указ. соч. С. 25—29.

²⁹ Шмурло Е. Указ. соч. С. 28—29.

³⁰ Успенский Ф.И. Вопрос о готах // Труды IX археологического съезда в Вильно 1893 г. М., 1897. Т. II. С. 96—97

³¹ Успенский Ф.И. История Византийской империи. СПб., 1913: Т. 1. Цит. по: Успенский Ф.И. История Византийской империи. М., 2001. Т. 1. С. 152—155.

³² Васильевский В.Г. Введение в Житие св. Стефана Сурожского // Он же. Труды. Пг., 1915. Т. III. С. ССLXXII.

³³ Тем не менее, спустя столетие вновь предпринята попытка возродить эту старую «теорию» шведским историком С. Сёдерлиндом. См.: Söderlind S. Rysernas rike. Till frågan om det Östslaviska rikets uppkomst. Stockholm, 1978.

Весьма скептически к готскому владычеству и к попыткам отыскать его следы на юге России относился известный своим патриотическим настроением историк Д.И. Иловайский. Неудовлетворенный построениями отечественных норманистов, он, по собственному признанию, вначале искал исхода в готской теории, но, в конце концов, должен был отказать и от нее³⁴. Главную причину гибели королевства Эрманариха историк видел не в нападении гуннов, а в движении против готов роксолан («рокасов» — росомонов), которых он отождествлял с аланами³⁵.

Большинство российских историков весьма критически отнеслись к готской теории происхождения Руси. Наиболее основательно ее подверг критике известный историк-скандинавист Ф.А. Браун³⁶. Ему принадлежит первое в отечественной историографии монографическое исследование по готской проблематике³⁷. Детально проанализировав фактическое основание готской теории, он пришел к заключению, что «сделанная в последнее время попытка связать с именем готов происхождение Руси не выдерживает критики», т.к. готское “*hrothis” не могло отразиться в славянском «Русь»³⁸. В то же время он резонно заметил, что готский вопрос является одним из важнейших в истории дорюрикова периода русской жизни³⁹. В его книге впервые профессионально обозначены некоторые аспекты готской проблемы для отечественной исторической науки, хотя большая часть ее объема посвящена вопросам этнической географии Восточной Европы доготского периода. К сожалению, задуманная автором вторая часть, в которой он планировал осветить историю готов, так и не была написана. Следует отметить, что для дальнейшего изучения готского вопроса Ф.А. Браун прозорливо возлагал надежды не только на лингвистические, но и на археологические исследования, хотя и признавал, что пока еще «рано идти по пути археологии»⁴⁰.

Известные российские историки древнего искусства И.И. Толстой и Н.П. Кондаков обратили внимание на преувеличение Иорданом могущества Германариха⁴¹. Они весьма скептически отнеслись к толкованию саг, из которого родилась идея, что Германарих жил в «Граде Днепра» — Ки-

³⁴ *Иловайский Д.* Разыскания о начале Руси. Вместо введения в русскую историю. М., 1876. С. 266.

³⁵ Там же. С. 263—264.

³⁶ *Браун Ф.* Гипотеза профессора Будиловича о готском происхождении названия «Русь» // ЗНО. СПб., 1892. Вып. II. № 1. С. 45—58.

³⁷ *Браун Ф.А.* Разыскания в области гото-славянских отношений. СПб., 1899. Т. I. Готы и их соседи до V в.

³⁸ Там же. С. 6—17.

³⁹ *Браун Ф.А.* Указ. соч. С.18.

⁴⁰ Там же. С. 22.

⁴¹ *Толстой И.И., Кондаков Н.П.* Русские древности в памятниках искусства. СПб., 1890. Вып. 3. Древности времен переселения народов. С. 127—128.

еве. На их взгляд, эпическая битва готов с гуннами могла происходить на Дону или даже за Доном⁴². Список «северных народов», якобы покоренных Эрманарихом, они датировали временем самого Иордана, т.е. сер. VI в.⁴³ Русский историк-норманист А.Л. Погодин, напротив, считал этот список достоверным и, кроме того, написанным по-готски, т.к., на его взгляд, многие этнонимы у Иордана приведены в готской форме⁴⁴.

Ю.А. Кулаковский в «Истории Византии» целую главу посвятил готам. Он писал, что остроготы утвердили свое господство на широких пространствах Южной России, а славный их царь Эрманарих, оставшийся жить в германских народных сагах, покорил огромное число разных народов⁴⁵. При этом исследователь допускал, что власть готов распространялась и на Боспорское царство⁴⁶. Ю.А. Кулаковский разделял мнение ряда исследователей о локализации готского «Днепровского города» на месте Киева⁴⁷. В вопросе о судьбе Эрманариха, по-разному описанной Аммианом Марцеллином и Иорданом, он более доверял сообщению Аммиана.

Выдающийся русский антиковед М.И. Ростовцев специально не занимался готской проблематикой. Но он не мог ее полностью обойти в своих многочисленных штудиях по истории и археологии Северного Причерноморья. М.И. Ростовцев писал, что в III в. германцы докатились до Черного моря и сумели постепенно объединить в одно государство все германские племена в России. «Держава» Германариха расценивалась им как прямая предшественница Киевской Руси⁴⁸. Как проницательный археолог он одним из первых заметил, что именно готам Поднепровье было обязано большим хозяйственным оживлением, на что указывают многочисленные римские монеты II—IV вв. По его словам, они создали здесь «исключительно коммерческое и военное государство»⁴⁹. Историк полагал, что сами готы были гораздо многочисленнее, чем это обычно принято думать⁵⁰.

Кратко остановимся на точке зрения известного украинского историка начала XX в. М.С. Грушевского, автора многотомной истории

⁴² Там же. С. 128.

⁴³ Там же. С. 127—128.

⁴⁴ Погодин А.Л. Из истории славянских передвижений. СПб., 1901. С. 21.

⁴⁵ Кулаковский Ю.А. История Византии. К., 1910. Т. 1. 395—518 гг. Цит. по: Кулаковский Ю.А. История Византии. СПб., 2003. Т. 1. 395—518 гг. С. 149—157.

⁴⁶ Кулаковский Ю.А. Прошлое Тавриды. К., 1914. С. 53.

⁴⁷ Кулаковский Ю.А. Карта Европейской Сарматии по Птолемею. К., 1899. С. 31. Ср.: Дашкевич Н.П. Указ. соч. С. 20.

⁴⁸ Ростовцев М.И. Эллинство и иранство на юге России. Пг., 1918; Он же. Происхождение Киевской Руси // Современные записки. 1921. Вып. III. С. 142—149.

⁴⁹ Rostovtzeff M. *Iranians and Greeks in South Russia*. Oxford, 1922. P. 217.

⁵⁰ Ibid. P. 210—222.

Руси⁵¹. По его мнению, сведения о «северных народах» почерпнуты Иорданом из готской традиции, существовавшей еще до эпохи Германариха, когда готы продвигались на юг, а затем мигрировали в верховья Днепра. Подданными же Германариха их сделала легенда. Исследователь вновь обратил внимание на то, что такой огромной державы, как ее описал Иордан, не знают другие источники, в том числе Аммиан Марцеллин. Как видно, оценка «державы» Эрманариха у М.С. Грушевского мало чем отличается от подходов к ней большинства российских историков, стоявших на патриотических позициях.

До начала XX в. в распоряжении историков о готах на юге России были лишь нарративные источники. Однако на рубеже веков было совершено археологическое открытие, придавшее ее изучению новое направление. В 1899 г. в с. Ромашки, а в 1900 г. в с. Черняхов Киевской губ. украинский археолог В.В. Хвойко произвел раскопки древних «погребальных полей»⁵². В последнем из них был открыт большой грунтовый могильник, позже давший название новому типу памятников, теперь известных как черняховская культура. Вскоре в 1903 г. в Трансильвании И. Ковач исследовал близкий Черняховскому могильник Марошсентанна (совр. румынское название Сынтана-де-Муреш). Первооткрыватель черняховских древностей, являвшийся убежденным сторонником автохтонности славян в Поднепровье, сразу же связал их с более ранними могильниками зарубинецкого типа⁵³. Он усматривал в них два последовательных этапа в развитии культуры «полей погребений» приднепровских славян⁵⁴. С открытием черняховских древностей в готской проблеме появился новый аспект⁵⁵. Эти памятники сразу привлекли внимание не только отечественных, но и зарубежных исследователей. П. Райнеке обратил внимание на сходство могильников Черняхов и Ромашки с некрополями римского времени Восточной Германии. Он предложил связать их с готами⁵⁶. Другие германские исследователи увидели сходство их инвентаря с гепидской культурой низовьев Вислы⁵⁷. Публикации П. Райнеке сразу придали дискуссии

⁵¹ Грушевский М.С. Киевская Русь. СПб., 1911. Т. 1. С. 462.

⁵² Абашина Н. Раскопки В.В. Хвойки в Ромашках // Сто лет черняховской культуре. К., 1999. С. 6—9.

⁵³ Хвойка В.В. Поля погребений в Среднем Приднепровье // Записки ИАО. СПб., 1901. Т. 12. Вып. 1/2. С. 190. (2-е изд. Киев, 2000).

⁵⁴ Абашина Н.С. Развитие и модификация идеи славянской атрибуции черняховской культуры // Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпоху римских влияний и Великого переселения народов. Тула, 2008. С. 385.

⁵⁵ Буданова В.П. Готы в эпоху Великого переселения народов... С. 20.

⁵⁶ Reinecke P. Aus der russischen archäologischen Literatur... S. 47.

⁵⁷ Blüme E. Die germanische Stämme und die Kulturen zwischen Oder und Passarge zur römischer Kaiserzeit (Mannus. Bd. 8). Leipzig, 1912. S. 42—50; Kossina G. Das Weichsselfland, ein uralter Heimatboden der Germanen. Danzig, 1919.

об этнической принадлежности могильников черняховского типа особый накал⁵⁸. С этого времени в ней, помимо чисто научных соображений в большей или меньшей степени всегда присутствовал славянский или германский национальный фактор.

В дискуссию о черняховских древностях включились известные русские археологи. Н.Ф. Беляшевский обратил внимание на провинциально-римский облик культуры этих памятников, хотя в вопросе об их этнической принадлежности придерживался взглядов, близких В.В. Хвойке⁵⁹. А.А. Спицын в древностях черняховского типа увидел синтез местной культуры старого приднепровского населения и привнесенной западной. Он полагал, что черняховская культура Поднепровья принадлежала не готам, имевшим свои основные интересы на Черном море и впадающих в него реках, а славянам⁶⁰. Выдающийся русский археолог В.А. Городцов связал черняховские древности с заключительной фазой развития европейских полей погребальных урн, но при этом обратил внимание на их явное отличие от позднейших славянских памятников Поднепровья⁶¹. Таким образом, в начале XX в. большинство российских археологов не приняли аргументов П. Райнеке и других германских исследователей, которые обращали внимание на присутствие в культуре населения позднеримского времени юга Восточной Европы вполне определенных германских черт. Они склонялись к мысли о славянской принадлежности черняховских памятников.

Новый аспект готской проблемы казалось бы приоткрывали могильники типа Суук-Су, открытые в Горном Крыму почти одновременно с черняховскими грунтовыми некрополями в Поднепровье⁶². Первооткрыватель этих ярких памятников, Н.И. Репников сразу связал их с крымскими готами. Однако последующие исследования показали, что они относятся уже к эпохе Раннего Средневековья⁶³ и выходят за интересующие нас хронологические рамки.

⁵⁸ Баран В.Д., Гороховский В.Л., Магомедов Б.В. Черняховская культура и готская проблема // *Славяне и Русь (в зарубежной историографии)*. К., 1990. С. 33—34.

⁵⁹ Беляшевский Н.Ф. Ближайшие задачи археологии Юга России // *Археологическая летопись Южной России*. 1903. № 1. С. 12—18.

⁶⁰ Спицын А.А. К вопросу о происхождении так называемых готских фибул // *ЗПАО. Новая серия*. 1899. Т. XI. № 1—2. С. 385—387; *Он же*. Памятники латенской культуры в России // *Известия ИАК*. 1904. Вып. 12. С. 85—86. *Он же*. Поля погребальных урн // *СА*. 1948. Т. X. С. 53—72.

⁶¹ Городцов В.А. Бытовая археология. М., 1910. С. 403—406; *Он же*. *Археология*. Т. 1. Каменный период. М.;Пг., 1925. С. 52—76.

⁶² Репников Н.И. Некоторые могильники области крымских готы // *ИАК*. 1906. Вып. 19. С. 1—80.

⁶³ Кропоткин В.В. Могильник Суук-Су и его историко-археологическое значение // *СА*. 1959. № 1. С. 181—194.

Итак, российские историки XIX—начала XX в., опираясь исключительно на нарративные источники и работы западноевропейских исследователей, сумели воссоздать в основных чертах облик «державы» Эрманариха как ключевой проблемы в истории Восточной Европы до возникновения Киевской Руси. Они пришли к следующим выводам:

1. Это было государство (королевство/царство), создание которого связывали с деятельностью могущественного правителя Эрманариха.
2. Государство Эрманариха было полиэтничным, т.к. включало, помимо остроготовов, другие восточноевропейские народы.
3. Большинство историков сошлось во мнении о возможности существования центра остроготской державы на Среднем Днепре, но фактов, подтверждающих это предположение, было явно недостаточно.
4. Хотя в начале XX в. русским исследователям стали известны могильники черняховской культуры, в то время они еще не привлекались в качестве источника по истории готов и «державы» Эрманариха, т.к. почти однозначно признавались славянскими.
5. В оценке исторической роли готов в последующих судьбах народов России мнения дореволюционных отечественных историков разделились. Некоторые из них рассматривали готов как своего рода норманнов эпохи Великого переселения народов, а «державу» Эрманариха оценивали как предтечу Киевской Руси. Но большинство российских исследователей отводили готам в нашей истории более скромную роль.

§ 2. Разработка готской проблемы в советской археологической науке 1920-х—середины 1950-х гг.

- Второй период изучения готской проблематики в России приходится на время становления советской исторической науки. Он ознаменовался появлением новых подходов и привлечением нового круга источников. В 1920-е гг. еще продолжали публиковаться работы, написанные в традиционном русле с опорой на одни нарративные источники. В начале 1920-х гг. выходит монографическое исследование А.А. Васильева, посвященное истории крымских готов, написанное исключительно на основе анализа письменных источников⁶⁴. По его мнению, в IV в. большая часть

⁶⁴ Васильев А.А. Готы в Крыму. Т.1. Ранняя пора христианства и эпоха переселения народов // Известия РАИМК. 1921. Т. 1. № 26. С. 265—344; Vasilev A.A. The Goths in the Crimea. Cambridge, 1936.

Крымского полуострова уже находилась в их руках, в том числе Боспорское царство⁶⁵. А.А. Васильев подробно рассмотрел вопрос о распространении христианства среди готов, проводниками которого могли быть пленные христиане, привезенные из морских походов во время «Скифских войн»⁶⁶. Как дань старой германской историографической традиции можно рассматривать оценку «державы» Эрманариха археологом А.В. Шмидтом, который писал о «готском протекторате» в Прикамье⁶⁷. Немало внимания уделил готам в своей книге профессор Московского университета Ю.В. Готье⁶⁸. В оценке труда Иордана как исторического источника он исходил из того, что готское предание о царстве Германиариха, который якобы властвовал над многочисленными народами, почти не находит признания в современной науке. При определении характера Остроготского государства при Эрманарихе Ю.В. Готье впервые прибег к аналогии со Скифской державой, гораздо лучше известным по письменным источникам. Опираясь на исторические прецеденты, он утверждал, что готы собирали подати с подвластных им народов, требовали вспомогательных войск, водили сарматов и славян за собою в походы⁶⁹.

Если работы А.А. Васильева и Ю.В. Готье еще продолжали и развивали традиции изучения готской проблематики, заложенные российскими историками в начале XX в., то с рубежа 1920—30-х гг. в нашей стране появляется новое направление, являющееся результатом зарождения советской археологической науки, базирующейся на марксистском понимании истории. С другой стороны, оно было определенной реакцией наших ученых на миграционистские теории, отводившие германцам, в том числе и готам, особую роль в истории. С этого времени готская проблема вышла за рамки академической науки и стала важным фактором идеологической борьбы против притязаний нацистской Германии на славянские земли Восточной Европы⁷⁰.

В нашей стране это направление взяло на вооружение «новое учение о языке» Н.Я. Марра, бывшего тогда влиятельным директором ГАИМКа⁷¹. У его последователей оно развилось в стадиальную теорию, которая стала своего рода Библией для первого поколения советских историков и археологов⁷². В этой теории важное значение придавалось

⁶⁵ Васильев А.А. Указ. соч. С. 1, 23—24.

⁶⁶ Там же. С. 2—22.

⁶⁷ Schmidt A. V. Kaška. Beiträge zur Erforschung der Kulturen Ostrußlands in der Zeit der Völkerwanderung (3.— 4. Jh.) // ESA. 1927. № 1. S. 18—50.

⁶⁸ Готье Ю. Железный век в Восточной Европе. М.;Л., 1930.

⁶⁹ Там же. С. 40.

⁷⁰ Баран В.Д., Гороховский В.Л., Магомедов Б.В. Указ. соч. С. 35.

⁷¹ Аллатов В.М. История одного мифа. Марр и марризм. М., 1991. С. 115—142.

⁷² О «великом переломе» в отечественной археологии на рубежа 20—30-х гг. XX в. см.: Платонова Н.И. Панорама отечественной археологии на великом переломе // АВ. 2002. № 9. С. 261—278.

«готской стадии» в развитии языков и народов Восточной Европы⁷³. Поэтому готская проблематика приобрела особую актуальность для советских ученых рубежа 20—30-х гг. прошлого века.

Инициатором ее изучения на новый советский лад стал один из лидеров марксистской советской археологии В.И. Равдоникас⁷⁴. В 1929 г. он опубликовал программную статью⁷⁵, а в 1932 г. обстоятельный очерк о готах в Крыму в «Известиях ГАИМК», далеко не случайно имевших специальный подзаголовок «Готский сборник»⁷⁶. С конца 1930 г. В.И. Равдоникас возглавил специально созданную «Готскую группу» в составе сектора Архаической формации ГАИМК⁷⁷. Главной целью работ группа ставила «тщательный пересмотр готского вопроса заново», с помощью комплексного изучения всех материалов с упором на реконструкцию социально-хозяйственных отношений в русле теории стадиальности Н.Я. Марра. В.И. Равдоникас не без оснований утверждал, что «никто из археологов никогда не поставил вопроса, насколько компиляции Иордана во всем соответствуют действительности»⁷⁸. Наряду с критикой ученый попытался изложить новое видение готской проблемы с позиций марксистской исторической науки. Будучи археологом советской формации, для достижения поставленной цели он сформулировал задачу исследования поселений и могильников как целостного культурного комплекса для реконструкции общества крымских готов⁷⁹. В противовес миграционистской идее он утверждал, что в отличие от исторических готов Западной Европы, причерноморские готы «автохтонно и стадиально» образовались из ранее бывших здесь племен путем скрещивания в период возникновения феодализма⁸⁰.

Однако эту концепцию «Готской группе» так и не удалось воплотить в жизнь. Начиная с 1932 г. упоминания о ней отсутствуют, что было связано с арестами ученых и их обвинениями в шпионаже в пользу Германии⁸¹. Так, в 1938 г. был арестован и осужден на 8 лет крымский историк и археолог Л. Н. Эрнст за одно лишь упоминание «Великого готского царства» в Тавриде в комментариях к переводу книги Тунман-

⁷³ Марр Н.Я. Готское слово gutha «муж» // Известия АН СССР. ОГН. 1930. С. 445—453.

⁷⁴ Тункина И.В. Несколько штрихов к портрету В.И. Равдоникаса в 1920-е гг. // Невский археолого-историографический сборник. СПб., 2004. С. 193—215.

⁷⁵ Равдоникас В.И. Пещерный город Эски-Кермен. Готская проблема // Вестник знания. 1929. № 7. С. 290—295.

⁷⁶ Равдоникас В.И. Пещерные города Крыма и готская проблема в связи со стадиальным развитием Северного Причерноморья // Известия ГАИМК. 1932. Т. 12. Вып. 1—8. С. 5—105.

⁷⁷ Тункина И.В. К истории изучения «готской проблемы»... С. 249—251.

⁷⁸ Равдоникас В.И. Пещерные города Крыма и готская проблема... С. 39.

⁷⁹ Там же. С. 40, 90—91.

⁸⁰ Там же. С. 87.

⁸¹ Тункина И.В. К истории изучения «готской проблемы»... С. 250—251.

на «Крымское царство»⁸². Видимо, из-за опасения репрессий В.И. Равдоникас навсегда отказался от намерений продолжать изучение готской проблемы. Однако несмотря на ликвидацию «Готской группы» в 1930-е гг. сохранялась оценка готов в истории нашей страны, данная В.И. Равдоникасом и его сторонниками. С этого времени в советской науке все более утверждалось представление о готах как весьма примитивном племенном союзе⁸³, нередко они оценивались просто как варвары⁸⁴. Эти почти обязательные негативные «клише» оказали весьма существенное влияние на развитие отечественного готоведения, а их отголоски ощущаются и по сей день⁸⁵. Лишь М.И. Артамонов тогда попытался привлечь свидетельства византийских историков о Готском царстве Германариха⁸⁶, но тут же был обвинен А.П. Смирновым в некритическом использовании источников⁸⁷.

В 1939—1940 гг. заведующий сектором славяно-русской археологии Института археологии АН УССР В.П. Петров возглавил работы по изучению культуры «полей погребений» на Украине, как тогда называли черняховскую культуру. Этот проект получил государственную поддержку, т.к. к тому времени советское руководство уже осознало идеологическое значение археологии и посчитало необходимым ответить на пропагандистские атаки нацистской Германии работами археологов, которые были просто обязаны доказать славянство зарубинецкой и черняховской культур⁸⁸. Но завершить его так и не удалось в связи с началом Великой Отечественной войны.

В первые послевоенные годы, ознаменовавшиеся подъемом патристической волны, а затем компанией против космополитизма, в СССР возобладала идея «чистого славянства» черняховской культуры. Иного, наверное, и не могло быть, т.к. в те годы в сознании советских людей готы ассоциировались с германцами, а последние — с немецко-фашистскими захватчиками. Для обоснования славянской (антской)

⁸² Подробнее о судьбе «готского вопроса» в истории довоенного и послевоенного Крыма см. статью: Юрочкин В.Ю. «Готский» и «славянский» вопросы в послевоенном Крыму // *Нартекс. Byzantina Ucrainensis*. Харьков, 2013. Т. 2. С. 392—412.

⁸³ Рыбаков Б.А. Анты и Киевская Русь // ВДИ. 1939. № 1. С. 319—337; Рыбаков Б.А. Ранняя культура восточных славян // ИЖ. 1943. № 11/12. С. 73—80; Удальцов А.Д. Начальный период восточнославянского этногенеза // ИЖ. 1943. № 11—12. С. 72.

⁸⁴ Державин Н.С. Происхождение русского народа. М., 1944. Цит. по 2-ому изд. 2010. С. 35.

⁸⁵ Юрочкин В.Ю. Указ. соч. С. 104.

⁸⁶ Артамонов М.И. Очерки древнейшей истории хазар. М.;Л., 1937; *Он же*. Спорные вопросы древнейшей истории славян и Руси // КСИИМК. 1940. Вып. VI. С. 5.

⁸⁷ Смирнов А.П. [Рецензия] // ВДИ. 1938. № 3. С. 21. Рец. на кн. Артамонов М.И. Очерки древнейшей истории хазар. М.;Л., 1937.

⁸⁸ Магомедов Б. Черняховская культура. Проблема этноса (*Monumenta Studia Gothica*. Т. 1). Lublin, 2001. С. 13.

концепции черняховской культуры много сделал Б.А. Рыбаков, до конца жизни остававшийся убежденным сторонником ее славянской принадлежности⁸⁹. Именно тогда утверждается широкая датировка памятников черняховской культуры в пределах II—VII вв., позволившая синхронизировать их не с германцами-готами III—IV вв., а с антами Иордана и Прокопия или «росами» Захария Ритора VI в.⁹⁰ Позднее с легкой руки Б.А. Рыбакова она стала именоваться культурой «бесчисленных племен антов»⁹¹.

Для советских ученых 1930—начала 50-х гг. весьма типично отношение к Иордану П.Н. Третьякова, считавшего, что готский историк распространил владычество Эрманариха в Восточной Европе настолько, насколько ему позволяли его собственные географические познания⁹². А.М. Ременников по этому поводу писал, что «надуманные схемы о какой-то готской монархии не имеют под собой абсолютно никакой почвы»⁹³. Сведения Иордана о готских завоеваниях и готских королях он считал вымыслом.

Подведем некоторые итоги:

1. Если отечественная наука до 1917 г. в исследовании готской проблемы была частью международного научного сообщества, то с рубежа 1920—30-х гг. советская наука встала на свой собственный путь ее изучения. Был предложен новый «революционный» подход к готской проблеме на основе «стадиальной теории» Н.Я. Марра. Но, несмотря на разработанную В.И. Равдоникасом новаторскую программу изучения этой тематики на основе анализа археологических источников, стадиальный подход не способствовал ее решению, а, наоборот, на десятилетия затормозил развитие исследований о готах в нашей стране.

2. В работах советских ученых готам отводилась небольшая территория в Приазовье и в Крыму. В пылу борьбы с германской историографией и нацистской пропагандой уровень исторического и культурного развития готов стал сильно занижаться.

3. С 30-х гг. XX в. в советской историко-археологической литературе утверждается мнение о славянской принадлежности черняховской культуры, исключавшее какую-либо ее связь с готами и королевством Эрманариха.

⁸⁹ Рыбаков Б.А. Анты и Киевская Русь... С. 319—337; Он же. Ремесло Древней Руси. М., 1948. С. 46—70; Он же. Древние русы // СА. 1953. Т. XVII, С. 95—96, 100.

⁹⁰ Баран В.Д., Гороховский В.Л., Магомедов Б.В. Указ. соч. С. 36.

⁹¹ Рыбаков Б.А. Предисловие // МИА. 1960. № 82. С. 3.

⁹² Третьяков П.Н. Восточнославянские племена. М.;Л., 1953. С.146. Ср.: Середонин С.М. Историческая география. Пг., 1916. С. 68—73.

⁹³ Ременников А.М. Борьба племен Северного Причерноморья с Римом в III в. н.э. М., 1954. С. 42.

§ 3. Готская проблематика в СССР второй половины 1950-х—1980-х гг.

В работах советских историков и археологов первого послевоенного десятилетия по-прежнему превалировал взгляд на готскую проблему, утвердившийся в начале 1930-х гг.⁹⁴ Однако как сейчас становится все более очевидным, смягчение с началом «хрущевской оттепели» идеологического пресса в целом положительно сказалось на изучении этой проблематики. В 1950-60-е гг. в отечественной науке происходят события, которые существенно изменяют сложившуюся ситуацию. Здесь, прежде всего, нужно назвать научный подвиг Е.Ч. Скржинской, издавшей полный перевод «Гетики» Иордана на русском языке⁹⁵. Публикацию открывает ее большая вводная статья, обобщившая результаты изучения этого важнейшего источника и личности самого историка в науке XIX—первой половины XX в.⁹⁶ Е.Ч. Скржинская разработала подробный комментарий к «Гетике», не имеющий аналогов в европейской науке⁹⁷. Она признала историческую реальность государства Германариха, но при этом отметила его недолговечность⁹⁸. Е.Ч. Скржинская поставила важный вопрос о необходимости анализа «Гетики» в комплексе с независимыми данными археологических изысканий. С момента публикации «Гетика» стала настольной книгой отечественных ученых, занимавшихся готской проблемой⁹⁹.

Существенные сдвиги в изучении интересующей нас проблематики во второй половине 50-х гг. XX в. происходят и в отечественной археологии. Причем, как это ни парадоксально, они во многом оказались побочным результатом разработки официальной «славянской» концепции черняховской культуры. Именно это обстоятельство стало главной побудительной причиной к проведению массовых раскопок черняховских памятников в 1950—60-е гг. В годы «хрущевской оттепели» иной становилась и научная атмосфера — неприятие германского элемента в культурах юга Восточной Европы уже не было столь однозначным, как в первые послевоенные годы¹⁰⁰.

⁹⁴ Рыбаков Б.А. Ранняя культура восточных славян... С. 73—80.

⁹⁵ Иордан. О происхождении и деяниях гетов (Getica) / Вступ. ст., пер., коммент. Е. Ч. Скржинской. Л., 1960. (2-е изд. СПб., 2000).

⁹⁶ Там же. С. 11—61.

⁹⁷ Там же. С. 185—364.

⁹⁸ Скржинская Е.Ч. Комментарий // Иордан. О происхождении и деяниях гетов... С. 265.

⁹⁹ Труд Е.Ч. Скржинской сразу получил высокую оценку. См.: Неусыхин А.И. [Рецензия] // ВВ. 1963. Т. XXII. С. 304. Рец. на кн.: Иордан. О происхождении и деяниях гетов (Getica) / Вступ. ст., пер. и коммент. Е.Ч. Скржинской. М., 1960.

¹⁰⁰ Юрочкин В.Ю. Указ. соч. С.128.

Поэтому в 1957 г. в Киеве было проведено совещание по проблемам черняховской культуры и ее роли в истории ранних славян¹⁰¹. На нем возникли серьезные разногласия по вопросу об этнической принадлежности ее носителей. Одни исследователи (М.Ю. Брайчевский, В.П. Петров, Б.А. Рыбаков, Э.А. Сымонович и др.) придерживались традиционного для советской науки подхода: черняховская культура отражает определенный этап формирования восточных славян и никакого отношения к готам не имеет. Другие ученые (Ю.В. Кухаренко, Э.А. Рикман, М.А. Тиханова, П.Н. Третьяков) видели в древностях черняховского типа культуру смешанного населения, среди которого присутствовали германцы, славяне, скифы, сарматы, фракийцы. И лишь один М.И. Артамонов вполне определенно высказался тогда в пользу готской принадлежности черняховской культуры. Его главный аргумент состоял в том, что хронологически и территориально она соответствует известному по письменным сведениям Готскому царству¹⁰². Он допускал, что помимо готов среди его населения были сармато-аланы, геты и даки, балты и славяне¹⁰³. Но в отличие от других советских археологов М.И. Артамонов максимально сместил акцент в сторону готов и других восточногерманских племен, которым он отводил решающую роль в исторических процессах, завершившихся созданием черняховской культуры. Следует обратить внимание на то, что в отличие от большинства отечественных археологов М.И. Артамонов не усматривал какой-либо ее связи с достоверно славянскими раннесредневековыми культурами¹⁰⁴. Таких взглядов исследователь придерживался до конца жизни¹⁰⁵. Киевское совещание и разгоревшаяся на нем дискуссия позитивно повлияли на дальнейшее изучение готской проблемы в советской науке. Потребовалось не менее десятилетия для того, чтобы взгляды сторонников той или иной концепции приобрели более заверченный вид. В 1967 г. во Львовѐ, а затем в 1981 г. в Каменец-Подольске¹⁰⁶ были проведены еще два совещания по черняховской проблематике. Они показали еще большее размежевание взглядов советских ученых в вопросе об этнической принадлежности черняховской культуры.

¹⁰¹ Голубева Л.А. Совещание, посвященное проблемам черняховской культуры и ее роли в ранней истории славян // СА. 1957. № 4. С. 13—19.

¹⁰² Артамонов М.И. Славяне и Русь // Тез. докл. научной сессии ЛГУ 1955—1956 гг. Л., 1956.

¹⁰³ Там же. С. 3—6.

¹⁰⁴ Артамонов М.И. Вопросы расселения восточных славян и советская археология // Проблемы всеобщей истории. Л., 1967. С. 46—50.

¹⁰⁵ Артамонов М.И. Первые страницы русской истории в археологическом освещении // СА. 1990. № 3. С. 271—290.

¹⁰⁶ Винокур И.С. Симпозиум «Позднейшие судьбы черняховской культуры» // КСИА. 1984. № 178. С. 92—97.

В 1960—70-е гг. увидели свет первые монографические публикации черняховских памятников в рамках отдельных регионов или всей культуры¹⁰⁷. Начали изучаться не только отдельные поселения и некрополи, но и целые микрорайоны этой культуры, что открывало новые перспективы для исследования социально-экономического строя отставившего ее населения. М.А. Тихановой был поставлен вопрос о локальных вариантах черняховской культуры¹⁰⁸. Были получены данные о площади черняховских поселений и их планировке, типах и размерах жилищ, в том числе т.н. «большие дома», явно не имевшие истоков в местных домостроительных традициях¹⁰⁹. Под давлением фактов в 1950—60-е гг. большинство советских археологов отказались от искусственно завышенной ее датировки, ограничив время ее существования III—IV вв.

В те годы были изданы итоговые исследования, содержащие попытки осмысления интересующей нас проблемы на новых материалах, а главное — уже на несколько иной методологической основе, нежели в 1930—40-е гг. В 1960 г. Е.В. Махно опубликовала первую сводную карту памятников черняховской культуры, позволившую в основных чертах определить ее ареал¹¹⁰. Социально-экономические основы жизни черняховского населения были детально изучены в монографии М.Ю. Брайчевского¹¹¹. Исследователь не признавал присутствия готов среди племен лесостепной черняховской культуры. Позже он разработал альтернативную концепцию «Антского царства»¹¹², которое, как и Готское королевство, представляло

¹⁰⁷Федоров Г.Б. Население Прутско-Днестровского междуречья в I тыс. н.э. // МИА. 1960. № 89; Петров В.П. Черняховский могильник (по материалам раскопок В.В. Хвойки в 1900—1901 гг.) // МИА. 1964. № 116. С. 53—117; Баран В.Д. Поселення перших століть нашої ери біля села Черепин. К., 1961; Брайчевський М.Ю. Походження Русі. К., 1968; Винокур І.С. Історія та культура черняхівських племен Дністро-Дніпровського межиріччя II—V ст. н.е. К., 1972; Рикман Э.А. Этническая история населения Поднепровья и прилегающего Подунавья в первых веках нашей эры. М., 1975.

¹⁰⁸Тиханова М.А. О локальных вариантах черняховской культуры // СА. 1957. № 4. С. 190.

¹⁰⁹Махно Е.В. Ягнятинська археологічна експедиція // АП УССР. 1952. Т. III. С. 154—164; Рикман Э.А. Жилища Будештского селища (о домостроительстве в черняховскую эпоху) // МИА. 1960. № 82. С. 302—328; Он же. К вопросу о «больших домах» на селищах черняховского типа // СА. 1962. № 3. С. 121—138; Тиханова М.А. Раскопки поселения III—IV вв. н.э. у с. Лепесовка в 1957—1959 г. // СА. 1963. № 2. С. 180—183.

¹¹⁰Махно Е.В. Памятники черняховской культуры на территории УССР // МИА. 1960. № 82. С. 9—83.

¹¹¹Брайчевський М.Ю. Біля джерел слов'янської державності: Соціально-економічний розвиток черняхівських племен. К., 1964.

¹¹²Брайчевський М.Ю. Антське царство. Конспект історії України // Старожитності. К., 1991. Ч. 5. С. 4; Он же. Анти // Брайчевський М.Ю. Вибрані твори. К., 1999. С. 391—436.

собой классический образец варварских государств, когда осуществлялся переход от первобытнообщинного строя к феодализму с отчетливыми признаками рабовладения. Он рассматривал черняховскую культуру в качестве одной из цивилизаций-сателлитов Римской Империи¹¹³.

В книге В.П. Петрова, посвященной этногенезу славян, обращалось внимание на черты универсализма в черняховской культуре¹¹⁴. Отдавая дань старой советской традиции, исследователь оговаривался, что процесс становления черняховской культуры происходил независимо от появления готов в Причерноморье. Тезису об их господстве он противопоставлял список покоренных Германарихом народов, в котором не упомянуты анты, а также свидетельство Иордана, в котором нет указаний на сколько-нибудь длительное господство готов, что могло бы быть условием для создания культуры элитной верхушки¹¹⁵. По этой причине черняховскую культуру он также считал антской. Но при этом В.П. Петров обнаружил в Черняхове столь много римских влияний, что предложил рассматривать эту культуру как своего рода варварскую модификацию античной цивилизации.

П.Н. Третьяков считал вопрос о готах и их варварском государстве на Черноморском побережье одной из наиболее темных тем древней истории Восточной Европы. В его исследованиях причудливо сочетались устоявшиеся «клише» советской археологии 1930—40-х гг., существенно принижавшие историческую роль готов, и подлинно новаторские идеи, родившиеся в процессе профессионального осмысления нового археологического материала¹¹⁶. Под давлением фактов исследователь со временем вынужден был признать, что готы оказались во главе сильного варварского государства, объединившего различные племена на значительных пространствах¹¹⁷. Он дал детальную оценку уровня социально-экономического развития населения черняховской культуры¹¹⁸. П.Н. Третьяков считал, что черняховская культура, прежде всего, являлась продуктом провинциально-римского ремесла и торговли¹¹⁹. При этом ее население он охарактеризовал как «несложившуюся народность», процесс консолидации которой из разноэтничных элементов был прерван на самых начальных стадиях вторжением гуннов¹²⁰.

¹¹³Брайчевський М.Ю. Періодизація історичного розвитку Східної Європи в I тис. н.э. // Археологія. 1994. №3. С. 15.

¹¹⁴Петров В.П. Этногенез славян. К., 1972.

¹¹⁵Там же. С. 212.

¹¹⁶Третьяков П.Н. Восточнославянские племена. М., 1953.

¹¹⁷Третьяков П.Н. У истоков древнерусской народности // МИА. 1970. № 179. С. 43—52.

¹¹⁸Третьяков П.Н. Итоги археологического изучения восточнославянских племен. М., 1958. С. 23.

¹¹⁹Третьяков П.Н. У истоков древнерусской народности... С. 177.

¹²⁰Третьяков П.Н. По следам древних славянских племен... С. 18—22.

Исследователь археологических памятников Днестро-Дунайского региона Э.А. Рикман не согласился с мнением П.Н. Третьякова о формировании в рамках черняховской культуры единой народности¹²¹. Он обратил внимание на сообщение Аммиана Марцеллина о том, что готы, устремляясь в битву, «издавали шум на различных языках». Исследователь выступил в поддержку концепции полиэтничности черняховской культуры. На его взгляд, в III—IV вв. в Поднестровье сложился готский племенной союз, в период существования которого происходило оформление черняховской культуры. Он обратил внимание на распространение на черняховских поселениях наземных «больших домов», типичных для германских племен, что явилось наглядным результатом их вклада в формирование этой культуры¹²².

В 1960-е—начале 70-х гг. выходят исследования В.В. Кропоткина, посвященные находкам римских монет и римского импорта на территории черняховской культуры¹²³. Составленные им своды имели большое значение для понимания уровня экономического развития и денежного обращения в черняховском обществе, характера его торговых связей с Империей.

Как уже указывалось, Б.А. Рыбаков еще с конца 1930-х гг. неоднократно излагал свои взгляды на готскую проблему в связи с занимавшим его вопросом этногенеза и ранней историей славянства. В завершённом виде его концепция наиболее полно представлена в книге «Язычество Древней Руси», где немало страниц посвящено готам и «державе» Германариха¹²⁴. Академик принципиально не доверял описанию «державы» Германариха у Иордана. Он утверждал, что готы занимали лишь неширокую прибрежную полосу в Причерноморье и Приазовье. При этом он считал, что пространство между Днестром и Днепром не было заселено готами; этот промежуток принадлежал древним славянам-антам¹²⁵. Правда, его ссылка на сообщение Иордана (*Get.*, 35), упомянувшего антов на пространстве от «Данастра до Данапра», явно страдает анахронизмом, т.к. оно относится ко времени жизни Иордана, когда готов в этом районе давно уже не было. Б.А. Рыбаков одним из первых отечественных исследований обратился к анализу списка «северных народов» у Иордана. На его взгляд, сам по себе этот источник не имеет никакого отношения к готской империи Германариха, а значит, не может указывать на ее разме-

¹²¹Рикман Э.А. Этническая история населения Поднестровья... С. 332.

¹²²Там же. С. 323—326.

¹²³Кропоткин В.В. Клады римских монет на территории СССР // САИ. 1961. Вып. Г. 4—4; Он же. Экономические связи Восточной Европы в I тыс. н.э. М., 1967; Он же. Римские импортные изделия в Восточной Европе (II в. до н.э.—V в. н.э.) // САИ. 1970. Вып. Д1—27.

¹²⁴Рыбаков Б.А. Язычество Древней Руси. М., 1987. С. 25—38.

¹²⁵Там же. С. 26—27.

ры¹²⁶. Исследователь акцентировал внимание на том, что в перечне Иордана не упоминается ни один народ, с которым реальные готы совершали совместные походы, а вместо этого поставлены такие народы, имена которых ни в каких достоверных источниках больше не встречаются. Но это легко объяснимо, т.к. Иордан приводит сведения не времени «Готских войн» III в., а эпохи Эрманариха (IV в.).

Б.А. Рыбаков неоднократно выражал свою точку зрения по вопросу об этнической принадлежности черняховской культуры. Он выделил в ней две зоны: северную лесостепную и южную причерноморскую. Первая область черняховской культуры, по его мнению, не только не была населена готами, но и не принадлежала им¹²⁷. Только вторую, причерноморскую зону он считал допустимым связывать с гревтунгами-остроготами¹²⁸. Итоговое заключение Б.А. Рыбакова о «державе» Германариха по существу сводится к ее негативной оценке. Кажется, он совсем не случайно назвал остроготского короля готским конунгом, хотя источники однозначно именуют его риксом. Ученый ограничил его владения небольшими областями в Приазовье и на Нижнем Днепре¹²⁹. В отечественной историографии книга Б.А. Рыбакова была последним крупным исследованием, где весьма односторонне интерпретировались данные Иордана о королевстве Эрманариха.

Сторонником полиэтничной концепции черняховской культуры всегда оставался В.В. Седов¹³⁰. Он признавал, что в IV в. именно готы создали на юге Восточной Европы государственное образование во главе с Германарихом, который подчинил себе многие другие народы. Ученый полагал, что черняховская культура во многом была результатом провинциально-римской ремесленной деятельности. Он считал ее провинциально-римским образованием с полиэтничным населением¹³¹. По его мнению, основную его массу составляли потомки местных ираноязычных племен и славяне, заселявшие Днепровско-Подольский регион. Отсюда его гипотеза о черняховской культуре как зоне преимущественно славяно-иранского симбиоза, конечным результатом которого стало появление славян-антов¹³². В послед-

¹²⁶ Там же. С. 29—38.

¹²⁷ Там же. С. 28, 37—38.

¹²⁸ Рыбаков Б.А. Киевская Русь и русские княжества XII—XIII вв. М., 1982. С. 41—46. Также решал вопрос об этнической принадлежности причерноморской группы черняховских памятников и М.Ю. Брайчевский. См.: Брайчевский М.Ю. Утверждение христианства на Руси. К., 1989. С. 6.

¹²⁹ Рыбаков Б.А. Язычество Древней Руси... С. 37.

¹³⁰ Седов В.В. Происхождение и ранняя история славян. М., 1979. С. 92; Он же. Славяне в древности. М., 1994. С. 288—289.

¹³¹ Седов В.В. Славяне в римское время. М., 2003. С. 17—20.

¹³² Седов В.В. Происхождение и ранняя история славян... С. 78—100; Он же. Анты // Проблемы советской археологии. М., 1978. С. 164—173; Он же. Славяне. Историко-археологическое исследование. М., 2002. С. 150—198.

них работах В.В. Седов, как ранее М.Ю. Брайчевский, склонялся к гипотезе, что, возможно, антами было создано предгосударственное политическое объединение, типологически сопоставимое с готской «державой»¹³³. Надо заметить, что эта смелая гипотеза не нашла подтверждения в исторических источниках, да и анты впервые упоминаются в связи с событиями сразу после падения «державы» Эрманариха (Get., 246-247).

В 70—80-е гг. XX в. в отечественной науке продолжались дискуссии на тему «черняховская культура и готы». Своеобразным катализатором их возобновления послужили раскопки на Волини и в Западной Белоруссии памятников вельбарской (поморско-мазовецкой или гото-гепидской) культуры, ранее известных лишь на территории Польши. Здесь, прежде всего, надо назвать открытие Ю.В. Кухаренко могильника Брест-Тришин, которое объективно показало, с какой культурой готы пришли в Северное Причерноморье¹³⁴. М.А. Тиханова окончательно склонилась к мысли о гото-гепидском происхождении черняховской культуры¹³⁵. К 1980-м гг. завершаются исследования, посвященные анализу локальных вариантов черняховской культуры¹³⁶. К этому времени увидели свет труды по экономике и культуре черняховского общества: металлургии¹³⁷, гончарству¹³⁸, украшениям¹³⁹. Были систематизированы погребальные обряды¹⁴⁰. Эти исследования знаменовали превращение черняховских археологических памятников в первоклассный исторический источник. С конца 1960-х гг. выходят в свет первые публикации М.Б. Шукина по черняховской тематике, который в следующие десятилетия становится лидером ее изучения в отечественной науке¹⁴¹. Далекое не случайно боль-

¹³³Седов В.В. Славяне. Историко-археологическое исследование... С. 194.

¹³⁴Кухаренко Ю.В. Могильник Брест-Тришин. М., 1980.

¹³⁵Тиханова М.А. Еще раз к вопросу о происхождении черняховской культуры // КСИА. 1970. № 121. С. 89—94.

¹³⁶Баран В.Д. Черняхівська культура: За матеріалами верхнього Дністра і Західного Бугу. К., 1981; Магомедов Б.В. Черняховская культура Северо-Западного Причерноморья. К., 1987; Гудкова А.В., Фокеев М.М. Земледельцы и кочевники в низовьях Дуная I—IV вв. н.э. К., 1984; Рафалович И.А. Данчены. Могильник черняховской культуры III—IV вв. н.э. Кишинев, 1986.

¹³⁷Барцева Т.Б., Вознесенская Г.А., Черных Е.Н. Металл черняховской культуры // МИА. 1972. № 187.

¹³⁸Бобринский А.А. Гончарство Восточной Европы: Источники и методы изучения. М., 1978.

¹³⁹Гороховский Е.Л. Хронология ювелирных изделий первой половины I тыс. н.э. лесостепного Поднепровья и Южного Побужья: автореф. дисс. канд. ист. наук. К., 1988.

¹⁴⁰Сымонович Э.А., Кравченко Н.М. Погребальные обряды племен черняховской культуры // САИ. 1983. Вып. Д. 1—22; Никитина Г.Ф. Систематика погребального обряда племен черняховской культуры. М., 1985; Гей О.А. Черняховская культура и скифо-сарматский мир: автореф. дисс. ...канд. ист. наук. М., 1985.

¹⁴¹Шукин М.Б. О трех датировках черняховской культуры // КСИА АН УССР. 1967. Вып. 112. С. 8—13; Он же. Вопросы хронологии черняховской культуры

шинство из них были посвящены вопросам хронологии черняховской культуры, т.к. именно в этом направлении талантливый ленинградский археолог прозорливо увидел перспективы дальнейшего исследования готской проблемы. В вопросе изучения происхождения черняховской культуры М.Б. Шукин развивал идеи М.И. Артамонова, М.А. Тихановой и Ю.В. Кухаренко. Ему удалось убедительно показать этнокультурные истоки отдельных локальных вариантов черняховской культуры в виде т.н. «генетических секвенций»¹⁴².

В 1980-е гг. помимо работ археологов вновь появляются исследования по готской проблематике, выполненные на основе анализа письменных и лингвистических источников. А.Р. Корсунский и антиковед из ГДР Р. Пунтер в своей книге не обошли стороной и вопрос об остроготах Эрманариха, хотя их больше интересовали везиготы Атанариха¹⁴³. Соавторы пришли к заключению, что готское общество в IV в. достигло высокого уровня социального развития, возможного при родоплеменном строе, но это не означало еще появления государства¹⁴⁴. Не менее важным представляется анализ социального строя вестготов, проведенный А.Р. Корсунским¹⁴⁵. Сторонником отождествления черняховской культуры и государства Эрманариха был известный ленинградский археолог Г.С. Лебедев¹⁴⁶. Хорошее знание скандинавских материалов, в том числе и героических саг, позволило ему высказать ряд весьма интересных суждений. В перечне «северных народов» у Иордана Г.С. Лебедев усмотрел латинский перевод готской героической песни и даже попытался реконструировать ее форму¹⁴⁷.

Идею археологов о готской принадлежности черняховской культуры развил крупнейший российский лингвист В.Н. Топоров¹⁴⁸. Для ее

и находки амфор // СА. 1968. № 2. С. 41—51; *Он же*. Черняховская культура и явление кельтского ренессанса (к постановке проблемы) // КСИА. 1973. № 133; *Он же*. Современное состояние готской проблемы и черняховская культура // АСГЭ. 1977. Вып. 18. С. 79—91; *Он же*. К вопросу о верхней хронологической границе черняховской культуры // КСИА. 1979. № 158. С. 17—22.

¹⁴²Шукин М.Б. К предыстории черняховской культуры. Тринадцать секвенций // АСГЭ. 1976. Вып. 20. С. 66—89.

¹⁴³Корсунский А.Р., Пунтер Р. Упадок и гибель Западной Римской империи и возникновение германских королевств (до сер. VI в.). М., 1984.

¹⁴⁴Там же. С. 30—34.

¹⁴⁵Корсунский А.Р. О социальном строе вестготов в IV в. // ВДИ. 1965. № 3. С. 54—74.

¹⁴⁶Лебедев Г.С. Эпоха викингов в Северной Европе: историко-археологические очерки. Л., 1985. С. 165—166; *Он же*. Русь и чужд, варяги и готы (итоги и перспективы историко-археологического изучения славяно-скандинавских отношений в I тыс. н.э.) // Историко-археологическое изучение Древней Руси. Итоги и основные проблемы. Л., 1988. Вып. 1. С. 79—99.

¹⁴⁷Лебедев Г.С. Эпоха викингов в Северной Европе... С. 166.

¹⁴⁸Топоров В.Н. Древние германцы в Причерноморье: результаты и перспективы // Балто-славянские исследования. М., 1983. С. 227—263.

подтверждения он напомнил о серии рунических готских надписей, найденных на черняховских памятниках, а также некоторые гидронимические данные и лексические заимствования из готского в праславянском¹⁴⁹. По убеждению В.Н. Топорова, с готами было связано первое в Причерноморье предгосударственное объединение — «империя» Эрманариха¹⁵⁰. По его словам, готы были первыми из германских племен, кто охотно, довольно быстро и плодотворно стал осваивать античную культуру. В.Н. Топоров поддержал идею русских дореволюционных фольклористов о возможном вкладе готских героических песен в формирование древнеславянской «предбылины»¹⁵¹.

Статья В.Н. Топорова еще раз показала неисчерпаемость темы древних германцев в Причерноморье. Сразу же она вызвала резкую критику со стороны академика Б.А. Рыбакова и В.П. Будановой. Б.А. Рыбаков со свойственной ему безапелляционностью отнес В.Н. Топорова к числу тех ученых, которые «по непонятной доверчивости <...> восприняли эту державу Германариха как историческую реальность конца IV в.»¹⁵². Идеи В.Н. Топорова подвергла критике и В.П. Буданова. В 1980-х гг. выходит в свет серия ее публикаций о готах в Северном Причерноморье, завершившаяся изданием книги — первого монографического исследования по готской проблеме в советской исторической науке¹⁵³. В ней собраны и проанализированы практически все данные позднеантичной традиции об остроготах-гревтугах и везиготах-тервингах. Само понятие «государство Эрманариха» исследовательница считала крайне неопределенным из-за отсутствия конкретности в источниках. Под ним она понимала существование в Северном Причерноморье в IV в. союза племен, власть в котором была сосредоточена в руках готских вождей¹⁵⁴. Эту дефиницию вряд ли сейчас можно признать удачной. Аммиан Марцеллин, а позже и Иордан знают в Причерноморье IV в. лишь “regnum” Эрманариха и ни разу не упоминают о каком-либо «союзе племен». Между двумя этими понятиями — большая разница, так или иначе отражающая сам механизм возникновения ранних потестарных образований.

И в обсуждаемой книге, и в последнем обобщающем исследовании¹⁵⁵ Эрманарих, как ранее у Б.А. Рыбакова, безосновательно именуется «готским конунгом», возглавившим союз племен. На наш взгляд, упо-

¹⁴⁹ Там же. С. 234—235, 246—249.

¹⁵⁰ Там же. С. 232.

¹⁵¹ Топоров В.Н. Указ. соч. С. 252—253.

¹⁵² Рыбаков Б.А. Язычество Древней Руси... С. 29—30.

¹⁵³ Буданова В.П. Готы в эпоху Великого переселения народов. М., 1990.

¹⁵⁴ Там же. С. 121, 158.

¹⁵⁵ Буданова В.П. Варварский мир эпохи Великого переселения народов. М., 2000. С. 80, 205.

требление этого средневекового титула (др.-норв. “konungr”) в отношении готского правителя IV в. представляется неоправданным хотя бы потому, что этого слова не знает готский язык¹⁵⁶. Предводителя такого ранга готы, скорее всего, называли “kindins” (глава куни — «племени» или «рода»)¹⁵⁷. Для римлян же Эрманарих был определено “rex”, а для готов — “reiks”¹⁵⁸. Напомним, что эта титулатура отражена в распространившейся у готской аристократии моде на имена, заканчивавшиеся на -rix¹⁵⁹, включая и имя последнего остроготского короля.

По мнению В.П. Будановой, к появлению готов автохтонное население Восточной Европы в отличие от Империи отнеслось в целом спокойно. Она не соглашается с теми учеными, которые считают, что продвижение готов с севера на юг сопровождалось истреблением или подчинением встречавшихся на их пути племен, т.к. это не находит в письменных источниках ни прямого, ни косвенного подтверждения¹⁶⁰. Между тем археологические источники весьма красноречиво свидетельствуют об обратном. На зарубинецко-пшеворских поселениях Западной Волыни появляются слои с вельбарскими материалами¹⁶¹. В середине III в. разгрому подвергся Танаис, при этом в слое разрушения обнаружены характерные детали германского вооружения (умбоны щитов типа Конин и Хоруля ступени C1a)¹⁶². К этому времени прекращается жизнь позднескифских городищ на Нижнем Днепре и в Крыму. В их верхних слоях найдены останки последних непогребенных защитников¹⁶³. Но главное даже не в этом — в III в. весьма радикально изменяется культура разноплеменного населения Восточной Европы от Карпат до Дона — к концу века она приобретает в той или иной степени выраженный вельбарско-черняховский облик при сохранении некоторых субстратных черт. Этот археологический феномен совпадает со временем появления в Восточной Европе готов и других восточных германцев, а также с последующей эпохой «Готских» или «Скифских» войн.

В.П. Буданова не исключает исторической реальности короля остроготов Эрманариха. По ее мнению, «государство Эрманариха» существовало

¹⁵⁶ Джаксон Т.Н. Исландские королевские саги о Восточной Европе. М., 1993. С. 66.

¹⁵⁷ Бенвенист Э. Словарь индоевропейских социальных терминов. М., 1995. С. 77, 88, 201, 207.

¹⁵⁸ *Ulfilas Moeso-Gothorum Episcopus*. Die Gotische Bibel / Hrsg. W. Streitberg. Heidelberg, 1928. Т. II. Gotisch-griechisches-deutsches Wörterbuch. S. 110.

¹⁵⁹ Вольфрам Х. Указ. соч. С. 170.

¹⁶⁰ Буданова В.П. Готы в эпоху Великого переселения народов... С. 158.

¹⁶¹ Славяне Юго-Восточной Европы в предгосударственный период. К., 1990. С. 326.

¹⁶² Шукин М.Б. О военных контактах между сарматами и германцами // *Stratum*. 2011. № 4. С. 174.

¹⁶³ Высотская Т.Н. Неаполь — столица государства поздних скифов. К., 1979. С. 200—202.

в 350—376 гг. Но где жили эти готы, — замечает исследовательница, — неизвестно¹⁶⁴. Итоговый вывод В.П. Будановой звучит весьма пессимистично: «Традиционная концепция “государства Эрманариха” уже не может быть признана адекватной комплексу свидетельств древних авторов об этом «государстве». В то же время современная источниковая база еще не позволяет построить качественно новую и вполне доказуемую концепцию»¹⁶⁵.

Если исходить из данных лишь письменных источников, то с определенными поправками с этой весьма строгой оценкой и можно было бы согласиться. Тем более что пополнения корпуса нарративных источников по истории государства Эрманариха явно не предвидится, а значит и надежды на построение ожидаемой новой концепции весьма близки нулю. Однако быстро увеличивающийся фонд археологических источников по истории Восточной Европы IV в. с каждым годом внушает все больший оптимизм. С одной стороны, В.П. Буданова признает, что в отличие от письменных — это практически неисчерпаемый фонд источников, позволяющий «обеспечить историческому исследованию более материализованный характер»¹⁶⁶. В то же время она оставляет его в стороне, предпочитая оперировать ссылками на разновременную, часто устаревшую археологическую литературу. Отсюда становится понятным резюме В.П. Будановой: «Вопрос об археологических материалах, которые можно было бы связать с готами, до настоящего времени остается дискуссионным»¹⁶⁷. Однако к концу XX в. века ни у кого из специалистов не было сомнений в том, что с вельбарской культурой связаны готы на их прародине в Польше, с памятниками типа Брест-Тришин — готы времени начала их миграции на юг, а с черняховской культурой — готы времени обретения ими южной причерноморской родины.

В.П. Буданова справедливо заметила, что готская проблема относится к тем темам, которые несут большую идеологическую нагрузку¹⁶⁸. При ее изучении «всегда существовала опасность давления определенных мировоззренческих представлений на интерпретацию тех или иных событий»¹⁶⁹. В этом смысле ее работа не стала исключением. Написанная в 1980-х гг., концептуально и методически она во многом еще была выполнена в духе отечественной исторической науки предшествующего этапа и таковой осталась даже во втором издании 1999 г.¹⁷⁰ Отсюда заметная тенденция приуменьшить роль готов в истории нашей страны, как, впрочем, и масштабы госу-

¹⁶⁴Буданова В.П. Готы в эпоху Великого переселения народов... С. 135.

¹⁶⁵Там же. С. 136.

¹⁶⁶Там же. С. 19.

¹⁶⁷Там же. С. 20—21.

¹⁶⁸Там же. С. 47.

¹⁶⁹Там же. С. 15.

¹⁷⁰Буданова В.П. Готы в эпоху Великого переселения народов. М., 1999.

дарства Эрманариха, а также устаревшая историческая терминология вроде «союза племен», никак не соответствующая характеру остроготской политики. Отсюда преобладание в книге анализа источников над их синтезом, что само по себе не может привести к конструктивным результатам в изучении того или иного исторического явления. По-видимому, не случайно исследовательница даже не попыталась рассмотреть вопрос о месте "regnum" Эрманариха в истории нашей страны, не говоря уж о его соотношении с ранне-средневековыми варварскими королевствами готов в Западной Европе.

Книга В.П. Будановой показала, что в 80-е гг. XX в. изучать готскую проблематику лишь на основе анализа традиционных литературных источников — дело малопродуктивное. К этому времени стало очевидно, что не письменные, а археологические источники потенциально несут в себе информацию, позволяющую ученым по-новому взглянуть на старую проблему. Во всяком случае, они дают более надежное основания для реконструкции этно-политической ситуации на юге Восточной Европы в IV в. независимо от позднеантичной нарративной традиции.

Таким образом, смягчение в стране внутривосточной обстановки и идеологического пресса с началом «хрущевской оттепели», а также расширение источниковой базы положительно сказалось на изучении готской проблемы в нашей стране в 1960—80-е гг. Этому способствовали следующие факторы. Во-первых, более благоприятные условия для научной работы историков и археологов по столь острой проблеме, как готская. Во-вторых, критическое издание Е.Ч. Скржинской «Гетики» Иордана на русском языке. В-третьих, исчерпанность взгляда на королевство Эрманариха как на своего рода историографический миф. Он все больше вступал в непримиримое противоречие с результатами независимого анализа как письменных, так и все более умножающихся археологических источников. В-четвертых, очевидные успехи археологов в изучении черняховской культуры. Впервые массовый археологический материал стал широко использоваться для изучения этнической принадлежности и уровня исторического развития населения, входившего в «державу» Эрманариха.

§ 4. Исследования современных российских ученых

В изучении готской проблематики в целом и государства Эрманариха в частности ситуация в нашей стране стала кардинально меняться в 90-е гг. XX в., не в последнюю очередь благодаря смене идеологических установок и прогрессу в изучении черняховской культуры. Эти годы ознаменовались пробуждением новой волны интереса к фундаментальным проблемам исторического развития народов Восточной Европы. Утрата жесткой марксистской методологии и разочарование в форма-

ционной концепции истории заставили отечественных ученых заняться поисками новых подходов для изучения древних обществ, которые раньше однозначно рассматривались как позднепервобытные. В научной литературе последнего десятилетия XX в. можно найти весьма широкий спектр оценок уровня социокультурного развития народов нашей страны на рубеже Античности и Средневековья¹⁷¹. Эти перемены, так или иначе, затронули интересующую нас проблематику.

Начало 1990-х гг. ознаменовалось выходом в свет фундаментальных исследований по черняховской проблематике, ярко продемонстрировавших возможности археологических источников¹⁷². Среди них, прежде всего, следует назвать многочисленные статьи и две капитальные монографии М.Б. Щукина¹⁷³, работы А.М. Обломского¹⁷⁴, М.М. Казанского¹⁷⁵ и др. Кажется, для нынешнего поколения исследователей названные публикации действительно подвели определенную черту в черняховедении не только на археологическом уровне ее анализа. Полученная и опубликованная вышеназванными исследователями археологическая информация по существу заложила основы принципиально новой источниковой базы для разработки интересующей нас проблемы, независимо от нарративных источников. Она потребовала более высокого уровня историко-археологического анализа всего комплекса источников о королевстве Эрманариха. Поиски новых подходов к старой проблеме активизировались с начала 90-х гг. XX в.

Л.Н. Гумилев попытался применить к Остроготскому государству свою теорию пассионарности. По его мнению, в Северном Причерноморье в IV в. под управлением готских вождей рождался новый суперэт-

¹⁷¹Мельникова Е.А. К типологии предгосударственных и раннегосударственных образований в Северной и Северо-Восточной Европе (постановка проблемы) // Древнейшие государства Восточной Европы за 1992—1993 гг. М., 1995. С. 16—33; Медведев А.П. О возникновении иерархических социальных структур в обществах эпохи бронзы и раннего железного века на юге Восточной Европы (диахронный анализ) // Фундаментальные исследования в области гуманитарных наук. Екатеринбург, 2003. С. 45—48.

¹⁷²Славяне и их соседи в конце I тысячелетия до н.э.—первой половине I тысячелетия н.э. (Археология СССР). М., 1993.

¹⁷³Щукин М.Б. На рубеже эр. СПб., 1994; Он же. Время “Ч” — рубеж тысячелетий // Stratum: время Ч. 1999. № 3. С. 5—7; Он же. Феномен черняховской культуры эпохи Константина-Констанция, или что такое черняховская культура? // Stratum: время Ч. 1999. №3. С. 66—101; Он же. Готский путь (готы, Рим и черняховская культура). СПб., 2005. Он же. Готы и черняховская культура // Эпоха Мерovingов — Европа без границ. Археология и история V—VIII вв. Мюнхен, 2007. С. 56—60.

¹⁷⁴Обломский А.М. Днепровское лесостепное Левобережье в позднеримское и гуннское время (сер. III—перв. пол.V в. н.э.). М., 2002.

¹⁷⁵Kazanski M. Les Goths (I er—VII e siecles apres J.-C.). P., 1991; Казанский М.М. Остроготские королевства в гуннскую эпоху: рассказ Иордана и археологические данные // Stratum plus ПАВ. 1997. С. 181—193.

нос, который складывался из готов и некоторых иных этнических групп включая славян. Но могучее государство готов погибло из-за измены подданных и жестокости правителя, что облегчило победу гуннов¹⁷⁶.

Выдающийся российский востоковед И.М. Дьяконов в итоговой работе затронул судьбу Остроготского государства Эрманариха¹⁷⁷. В нашей стране он, кажется, первым применил к истории готов неозволюционистское понятие “chifdom” — вождество¹⁷⁸. По его оценке, первые германские государства принимали характер больших, но неустойчивых конгломератов наподобие африканских империй XIX в. В концепции И.М. Дьяконова государство Эрманариха заняло вполне определенное место во всемирной истории.

Оригинальную попытку рассмотреть ту же проблему с позиций многолинейности и альтернативности социальной и политической эволюции древних обществ можно найти в работах волгоградского исследователя Л.Е. Гринина¹⁷⁹. Он отнес Остроготское королевство Эрманариха к т.н. «аналогам раннего государства»¹⁸⁰. Однако кроме новой терминологии предложенный Л.Е. Грининым подход мало что дает для понимания природы королевства Эрманариха, т.к. по существу за его «аналогом государства» просматривается все тот же «союз племен».

Для изучения характера Остроготского королевства при Эрманарихе важна статья крупнейшего современного скандинависта Е.А. Мельниковой, нацеленная на поиск новых методологических подходов проблеме генезиса государственности у германских народов¹⁸¹. Исследовательница предложила выделить несколько последовательных типов постстарной организации Северо-Западной и Восточной Европы «вождество», «дружинное государство», «раннефеодальное государство». Несмотря на сразу же последовавшую критику¹⁸², мы считаем такой подход более корректным и соответствующим готским реалиям нежели традиционная для отечественной науки XX в. схема: «племя» — «союз племен», «конфедерация племен» и т.п.

¹⁷⁶ Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера земли. М., 1994. С. 112—113, 193, 214.

¹⁷⁷ Дьяконов И.М. Пути истории: от древнейшего человека до наших дней. М., 199

¹⁷⁸ Там же. С. 88.

¹⁷⁹ Гринин Л.Е. Раннее государство и его аналоги // Раннее государство, его альтернативы и аналогии. Волгоград, 2006. С. 94.

¹⁸⁰ Там же. С. 87—88.

¹⁸¹ Мельникова Е.А. К типологии предгосударственных и раннегосударственных образований в Северной и Северо-Восточной Европе (постановка проблемы) Древнейшие государства Восточной Европы за 1992—1993 гг. М., 1995. С. 16—3

¹⁸² Пузанов В.В. О спорных вопросах изучения генезиса восточнославянской государственности в новейшей отечественной историографии // Средневековье и новая Россия. СПб., 1996. С. 148—167.

И.А. Дворецкая рассмотрела вопрос об образовании первых варварских королевств¹⁸³. На основе данных Иордана ей удалось проследить процесс становления королевской власти у готов, начиная с IV в.¹⁸⁴ Но ею не всегда учитывалось то обстоятельство, что Иордан был склонен несколько модернизировать существовавшую у готов процедуру наследования королевской власти. На это обратил внимание С.В. Санников¹⁸⁵. В кандидатской диссертации он подробно проанализировал «Гетику» Иордана как исторический источник для изучения процесса становления королевской власти у германских народов. Интересны его наблюдения над терминологией, использованной Иорданом для обозначения ранних форм королевской власти у германских народов, а также попытка соотнести ее с современной неозволюционистской типологией ранних варварских политий. Эти положения получили развитие в недавно изданной книге¹⁸⁶. Той же теме посвящена статья С.А. Васютина, имеющая целью выявить этапы трансформации варварских обществ эпохи Великого переселения народов¹⁸⁷.

Для изучения готской проблематики Северного Причерноморья определенный интерес представляют выводы докторской диссертации филолога-германиста Н.А. Ганиной¹⁸⁸. На основе анализа старших рунических надписей Восточной Европы она пришла к заключению, что владение рунами, безусловно, указывает на германцев, языковые особенности этих надписей могут соотноситься как с готским языком, так и с другими восточногерманскими языками. Н.А. Ганина попыталась уточнить этимологию имени короля Эрманариха¹⁸⁹. Для изучения проблемы росомонов и герулов историку будут небезынтересны ее этимологические разыскания в свете древнескандинавской традиции¹⁹⁰.

¹⁸³Дворецкая И.А. Западная Европа V—IX вв.: Раннее Средневековье. М., 1990.

¹⁸⁴Там же. С. 71.

¹⁸⁵Санников С.В. Произведение Иордана «О происхождении и деянии гетов» (“Getica”) как источник для изучения процесса становления королевской власти у германских народов: автореф. дисс. канд. ист. наук. Кемерово, 2007. С. 8—9.

¹⁸⁶Санников С.В. Образы королевской власти эпохи Великого переселения народов в раннесредневековой западноевропейской историографии. Новосибирск, 2009.

¹⁸⁷Васютин С.А. Основные этапы трансформации политических структур «дофеодальных варварских обществ» в эпоху Великого переселения народов и Раннее Средневековье // СВ. 2007. Вып. 68 (4). С. 34—65.

¹⁸⁸Ганина Н.А. Готские языковые реликты: автореф. дисс. ... докт. фил. наук. М., 2008.

¹⁸⁹Ганина Н.А. К интерпретации сообщения Иордана об Эрманарихе (Getica 116—130) // Восточная Европа в Древности и Средневековье. Автор и его текст: мат-лы конф. М., 2003. С. 41.

¹⁹⁰Ганина Н.А. Росомоны, Йонакр: этимологические соотнесения в свете древнескандинавских данных // XV конференция по изучению истории, экономики, литературы и языка Скандинавских стран и Финляндии: тез. докл. М., 2004. С. 416—418; Она же. Герулы как воинская элита: к определению и этимологии термина // Восточная Европа в Древности и Средневековье: политические институты и верховная власть: мат-лы конф. М., 2007. С. 41—45.

Наконец, следует особо отметить ее последнюю книгу, посвященную изучению крымско-готского языка¹⁹¹. В ней весьма подробно освещены вопросы истории и археологии готов III—IV вв.

В 1990-е гг. В.П. Буданова продолжила изучение Барбарикума эпохи Великого переселения народов. На рубеже веков ею издан ряд статей об Иордане как историке, а также по отдельным аспектам готской проблематики Северного Причерноморья¹⁹². Для нашего изыскания представляют интерес выявленные ею виды варварских королевств в «Гетике» Иордана, а также соображения об историческом опыте готов как «несостоявшейся цивилизации»¹⁹³. Исследовательница вновь обратилась к истории готов в своем обобщающем труде «Варварский мир эпохи Великого переселения народов»¹⁹⁴. Он содержит немало новых идей в понимании эпохи Великого переселения народов как особого исторического периода, который предлагается изучать в контексте взаимодействия варварства и цивилизации. Заслуживают внимания соображения автора о сложных этнокультурных процессах внутри варварских образований у границ Империи, которые всегда находились в процессе становления, что собственно и затрудняет бесспорную этническую интерпретацию оставленных ими археологических культур. Однако предложенное В.П. Будановой рабочее понятие «этническое пространство» как инструмент анализа исторических процессов эпохи Великого переселения народов¹⁹⁵ представляется не очень удобным, т.к. на деле каждое из таких «пространств» включало не один, а ряд этносов в качестве реальных «агентов» истории. По своим гносеологическим возможностям оно заметно уступает «мирам» М.Б. Шукина — весьма продуктивному культурологическому образу-понятию, введенному в науку несколькими годами ранее¹⁹⁶.

¹⁹¹ Ганина Н.А. Крымско-готский язык. СПб., 2011.

¹⁹² Буданова В.П. Новые подходы к исследованию «Гетики» Иордана // Традиции и новации в изучении западноевропейского феодализма. М., 1995. С. 119—130; Она же. «Ойум» в судьбе германских племенных элит // Элита и этнос Средневековья. М., 1995. С. 19—27; Она же. «Государство Эрманариха» в античной и средневековой традиции // Феномены истории. М., 1996. С. 31—45; Она же. О трансформации «готтизма» // Славяне и их соседи. Средние века — раннее Новое время. М., 1999. Вып. 9. Славяне и немцы. С.13—33; Она же. «Матрица цивилизации» Иордана // Восточная Европа в Древности и Средневековье. Автор и его текст: мат-лы конф. М., 2003. С. 31—36.

¹⁹³ Буданова В.П. «Матрица цивилизации» Иордана... С. 35—36.

¹⁹⁴ Буданова В.П. Варварский мир эпохи Великого переселения народов. М., 2000. Книга получила неоднозначные оценки рецензентов. См.: Бибииков М.В. Рец. на кн.: В.П. Буданова. Варварский мир эпохи Великого переселения народов. М., 2000 // Вестник РГНФ. 2001. № 4. С. 181—184.; Перевалов С.М. Рец. на кн.: В.П. Буданова. Варварский мир эпохи Великого переселения народов. М., 2000 // ВДИ. 2002. № 4. С. 185—188.

¹⁹⁵ Там же. С. 12—14.

¹⁹⁶ Шукин М.Б. На рубеже эр... С. 15—26.

В 90-е гг. XX в. появляются работы, посвященные изучению отдельных аспектов проблемы Эрманариха. Исследование о его гибели представил О.В. Шаров¹⁹⁷. Рассматривая вопрос о личности последнего остроготского короля, он вновь обращается к толкованию первого слова “Golthescytha” в списке «северных народов» и отказывается видеть в нем титул остроготского правителя. Он присоединяется к мнению предшественников, переодивших этот псевдоэтноним как «золотые народы». О.В. Шаров считает более близким к реальности свидетельство Аммиана Марцеллина о самоубийстве Эрманариха, нежели наполненный эпическими подробностями и пронизанный библейскими ассоциациями рассказ Иордана. Обращение к исторической памяти об Эрманарихе, сохранившейся в раннесредневековой эпической традиции, позволило ему выделить два различных эпических образа этого правителя: воинственного и доблестного короля в гото-скандинавской традиции и жестокого и коварного деспота в древнегерманской континентальной традиции. Из археологических штудий О.В. Шарова по черняховской тематике следует назвать весьма интересную попытку выделить вещественные свидетельства присутствия бургундов в черняховских древностях¹⁹⁸. Другая статья О.В. Шарова затрагивает некоторые исторические сюжеты, связанные с историей готов времени Константина Великого¹⁹⁹. В его докторской диссертации на большом фактическом материале прослежена история взаимоотношений готов с античным Боспором²⁰⁰. Автор привел археологические аргументы в пользу предположения, что с 342 по 362 г. Боспор мог находиться в зависимости от «державы» Эрманариха и даже выплачивать ему дань.

В конце XX в. увидели свет статьи В.В. Лаврова о германских племенах в Северном Причерноморье по данным позднеантичной нарративной традиции²⁰¹, ставшие основой его кандидатской диссертации²⁰². Для нашей темы особый интерес представляет его статья, посвященная социальному строю готов²⁰³. В ней он пришел к заключению о двухступен-

¹⁹⁷Шаров О.В. Гибель Эрманариха: история и эпос // Стратум: структуры и катастрофы. 1997. С. 95—106.

¹⁹⁸Шаров О.В., Бажан И.А. Черняховские этюды // Stratum: время «Ч». 1999. № 4. С. 19—65.

¹⁹⁹Шаров О.В. О времени появления Т-образных шарнирных фибул в Северном Причерноморье // Stratum: скифский квадрат. 1999. № 3. С. 189—206.

²⁰⁰Шаров О.В. Боспор и варварский мир Центральной и Восточной Европы в позднеантичную эпоху (середина II—середина IV вв. н.э.): автореф. дисс. док. ист. наук. СПб., 2009.

²⁰¹Лавров В.В. Герулы в Причерноморье // Stratum plus ПАВ. 1997. С. 214—217; Он же. Восточные германцы в Приазовье // Stratum: время великих миграций. 2000. С. 331—341; Он же. Переселение готов в Причерноморье // ВДИ. 1999. № 3. С. 170—82.

²⁰²Лавров В.В. Германские племена в этнической истории Северного Причерноморья III—IV вв. н.э.: автореф. дисс. канд. ист. наук. СПб., 1997.

²⁰³Лавров В.В. Готское общество в IV в. н.э. // Античный мир. Проблемы истории и культуры. СПб., 1998. С. 399—413.

чатом устройстве готского социума и наличии в нем политической иерархии²⁰⁴.

В изучение источниковедческого аспекта готской проблемы весьма существенный вклад внес А.Н. Анфертьев. Он не только сделал новый перевод свидетельств Иордана о государстве Эрманариха, но и сопроводил его обширным научным комментарием²⁰⁵. Переводчик присоединяется к мнению тех исследователей, которые считали, что «переселенческая сага», пусть в переработанном фантазией сказителей виде отражает движение готов в Причерноморье²⁰⁶. В ряде случаев А.Н. Анфертьеву удалось удачно показать не только устные готские источники, но и степень литературной обработки рассказа Иордана об Эрманарихе в духе античной и библейской традиции²⁰⁷. Он признавал реальность государства Эрманариха, хотя и предостерег от буквального понимания описания его державы у Иордана²⁰⁸. Предложенные им новации в переводе и толковании важного свидетельства Иордана о «северных народах» будут рассмотрены в соответствующем разделе диссертации. Здесь лишь заметим, что анализ А.Н. Анфертьевым сюжета о «северных народах» окончательно убедил специалистов в том, что разрешить этот важный вопрос лишь на основе изучения единственного свидетельства Иордана без привлечения независимых данных иных источников невозможно.

Свой взгляд на интересующую нас проблему высказал известный специалист по истории древнерусской государственности В.Я. Петрухин. Сформировавшееся в Восточной Европе второй половины III в. межплеменное объединение во главе с готами, по его мнению, стало этнической основой варварского королевства, получившего в историографии наименование «державы» Германариха²⁰⁹. В связи с вопросом о его границах историк вновь обратился к непростым эпистемологическим проблемам толкования § 116 «Гетики» Иордана, от чего во многом зависит понимание природы и масштабов остроготской «державы»²¹⁰. По его мнению, большая часть этниконов из списка «северных народов» не поддается ясной интерпретации, но выборочные и, на первый взгляд, понятные этнонимы провоцируют на исторические реконструкции, раздвигающие пределы державы Германариха от Черного моря до Балтийского и от Средней Европы до Волги. Нам представляется, что сомнения и возраже-

²⁰⁴ Там же. С. 403.

²⁰⁵ Анфертьев А.Н. Иордан. Комментарии // Свод древнейших письменных известий о славянах (I—IV вв.). М., 1994. Т. 1. С. 98—161.

²⁰⁶ Там же. С. 117.

²⁰⁷ Там же. С. 116—117, 129—132, 146—160.

²⁰⁸ Там же. С. 153.

²⁰⁹ Петрухин В.Я., Раевский Д.С. Очерки истории народов России в Древности и Раннем Средневековье. М., 1998. С. 137.

²¹⁰ Там же. С. 137—138.

ния В.Я. Петрухина сторонникам реальности «северных народов», которые по Иордану входили в «державу» Эрманариха, общего, концептуального порядка²¹¹. Они не связаны с источниковедческим анализом этого свидетельства, а по существу проистекают из традиционного для нашей науки неприятия тех огромных размеров остроготской «державы», которые неизбежно получаются при признании соответствий иордановых и летописных этнонимов (вспомним аналогичный аргумент И.Е. Забелина). Итоговое заключение В.Я. Петрухина звучит так: «При всей неопределенности «этнического состава» Готской державы — неясности значения тех этниконов, которые перечислены в списке народов, — очевидно, что список включал «скифские» народы Северного Причерноморья, и власть готов едва ли распространялась в Восточной Европе за его пределы»²¹². Последнее как раз не столь очевидно, т.к. в перечне народов у Иордана нет ни одного этникона, который имел бы надежные соответствия в «скифской» этнонимии Северного Причерноморья предшествующего времени.

Этой же теме посвящена обстоятельная статья Д.А. Мачинского и В.С. Кулешова, содержащая авторский анализ и интерпретацию списка “*arctoi gentes*” у Иордана²¹³. В ней предложен новый вариант толкования этого важного для нашей темы свидетельства путем его объединения с другим сообщением Иордана о скандинавском племени суэханс, торговавшем с римлянами знаменитыми «сапфериновыми» шкурками (*Get.*, 21).

Безусловно, важным событием в науке явился выход в свет в 2005 г. фундаментальной монографии М.Б. Щукина «Готский путь» имеющей подзаголовок «готы, Рим и черняховская культура»²¹⁴. Последний выражает квинтэссенцию научных интересов этого выдающегося российского археолога и историка — постижение истории пятисотлетних блужданий готов в Европе, в которых, как известно, особое место занимают две исторические вехи — черняховская культура и Римская империя. В этой книге мы имеем дело со взглядами археолога на то, в какой мере и каким образом передвижения готов отразились в археологических материалах различных областей Восточной и Западной Европы, там, где они в разное время пытались обрести свою родину.

Мы не будем здесь подробно рассматривать взгляды М.Б. Щукина на начальный этап этногенеза готов, т.к. это выходит за рамки нашего исследования. Напомним лишь, что санкт-петербургский ученый, как и многие археологи конца XX в., связывал его с вельбарской культурой

²¹¹ Там же. С. 137.

²¹² Там же. С. 138.

²¹³ Мачинский Д.А., Кулешов В.С. Северные народы середины IV—первой половины VI в. в “*Getica*” Иордана // Ладога и Глеб Лебедев. Восьмые чтения памяти А. Мачинской. СПб., 2004. С. 26—72.

²¹⁴ Щукин М.Б. Готский путь (готы, Рим и черняховская культура). СПб., 2005.

польского Поморья («готоны» Тацита), хотя и не исключал возможности обнаружения еще более древних скандинавских корней²¹⁵. По его мнению, распространение вельбарской культуры в Западной Белоруссии и Украине объективно показывает, что это было не переселение больших масс готов, а скорее процесс постепенной «ползучей» миграции населения²¹⁶. В вопросе об этнической принадлежности населения черняховской культуры М.Б. Шукин развивает формулировку П.Н. Третьякова, предложившего считать его «несостоявшейся народностью». По его мнению, в процесс формирования нового этнокультурного явления были втянуты как выходцы из Северной Европы, так и местное восточноевропейское население. М.Б. Шукин обратил внимание на особую роль готских федератов, которые служили Римской империи и там приобщались к достижениям античной цивилизации²¹⁷.

Книга М.Б. Шукина описывает феномен «классической» черняховской культуры не только на профессиональном языке археологов. Из всех современных исследователей, кажется, именно он обратил самое пристальное внимание на признаки «цивилизованности» черняховцев, особенно заметные на фоне культуры других варваров. Ученый не без основания полагает, что выплаты серебром, одеждой и продуктами питания федератам создали то относительное благополучие и последовавший за ним демографический взрыв, который мог бы объяснить многолюдность носителей черняховской культуры при всей полиэтничности ее составляющих²¹⁸. Таким образом, М.Б. Шукин фактически вышел на новый уровень исторического анализа черняховской культуры²¹⁹. Нам представляется принципиально важным его строго научное объяснение черняховского феномена, поскольку оно позволяет обойтись без мистических ссылок на особую творческую силу или историческую миссию готов как самого одаренного германского народа эпохи Великого переселения²²⁰. Это не возрождение пресловутого готицизма, а неизбежный результат объективного и непредвзятого изучения источников.

Немалый вклад в интересующую нас тематику внес работающий во Франции археолог М.М. Казанский, посвятивший готской проблематике ряд статей и книгу «Готы»²²¹. Хотя они были написаны во Фран-

²¹⁵ Там же. С. 48—57, Рис.12.

²¹⁶ Там же. С. 95.

²¹⁷ Там же. С. 159—160.

²¹⁸ Там же. С. 219.

²¹⁹ Там же. С. 205—206.

²²⁰ Zin'kovskaya I. The Hermanarich Kingdom: Between Barbarity and Civilization // Hierarchy and Power in the History of Civilizations. Third International Conference. M., 2004. P. 84—85.

²²¹ Kazanski M. Les Goths (I-e—VII-e siècles ap. J.-C.). P., 1991. P. 34—62.

ции, нет сомнений, что этот исследователь развивает лучшие традиции Санкт-Петербургской научной школы М.Б. Щукина. По его мнению, приход готов в Восточную Европу в корне изменил здесь политическую и этническую ситуацию²²². М.М. Казанский рассматривает черняховскую культуру как результат сложного синтеза германских и негерманских составляющих при решающем вкладе носителей вельбарской культуры, хотя последние составляли меньшую часть черняховского населения²²³.

Восточную половину черняховской культуры исследователь считает археологическим отражением культуры остроготов. М.М. Казанский именует это образование «империей» Германариха, хотя и оговаривается, что ее нельзя понимать как централизованную империю²²⁴. Он высказал предположение, что походы остроготов представляли различные фазы хорошо продуманного плана с целью поставить под свой контроль торговые пути Центральной и Северной России²²⁵. Надо отметить, что для реконструкции процессов образования готского объединения, а затем и «империи» исследователь широко привлекал аналогии из жизни древних германцев и галлов, описанных Цезарем и Тацитом. Он весьма высоко оценил историческую роль «державы» Германариха. По его мнению, уже в IV в. готы обладали этническим самосознанием и дали свое имя могущественному союзу племен. Преобладание экономических и политических связей над всеми другими превратило этот союз в предгосударственное образование. По оценке этого исследователя, прекрасно знающего археологические материалы других варварских европейских народов, готское общество IV в. — единственное в варварском мире, которое достигло столь высокой стадии развития и владело столь обширной территорией²²⁶. Этим он объясняет ту исключительную роль, которую готы играли на протяжении всей эпохи Великого переселения народов²²⁷. М.М. Казанский детально осветил финал государства Германариха, судьбы его преемников и попытался локализовать поздние остроготские королевства путем картографирования денежно-вещевых кладов и находок престижных инвентарей из погребений «княжеского ранга»²²⁸.

В последнее время М.М. Казанский активно изучает вопрос о готах в Крыму. Он приложил немало усилий для того, чтобы выделить на-

²²²Ibid. P. 31.

²²³Ibid. P. 40—42.

²²⁴Ibid. P. 35.

²²⁵Kazanski M. Les arctoi gentes et "l'empire" d'Hermanaric // Germania. 1992. Bd. 70. Heft 1. S. 75—122.

²²⁶Kazanski M. Les Goths... P. 45—46, 59.

²²⁷Ibid.

²²⁸Казанский М.М. Остроготские королевства в гуннскую эпоху: рассказ Иордана и археологические данные // Stratum plus ПАВ. 1997. С. 181—193, Рис.1.

дежные археологические следы их пребывания в Таврике в III—V вв.²²⁹ В другой работе М.М. Казанский исследовал вопрос о германцах в Юго-Западном Крыму в позднееримское время и эпоху Великого переселения народов²³⁰. В коллективной монографии М.М. Казанского, М.Б. Шукина и О.В. Шарова проанализированы памятники, оставленные готами и гуннами в Северном Причерноморье²³¹.

Серьезные возражения против раннего готского присутствия на территории Боспора выдвинули А.И. Айбабин²³² и А.В. Зинько²³³.

А.М. Обломский обобщил результаты изучения черняховских памятников Днепровского лесостепного Левобережья²³⁴. Он установил, что для этого региона во второй половине III—IV вв. характерна «принципиальная этнокультурная миксация» как минимум трех этнических групп: германской, протославянской и скифо-сарматской²³⁵. Он считает, что черняховская культура отражает определенную политическую общность, которой и был упоминающийся в письменных источниках племенной союз под главенством готов («держава» Германариха).

Для дальнейшего исследования интересующей нас проблемы важно, что в лесостепи к востоку от Днепра обнаружены прямые свидетельства присутствия готов. Прежде всего, имеется в виду находка на черняховском поселении у с. Мощеное в верховьях Ворсклы костяного гребня с процарапанными рунами старшего футарка²³⁶. На сегодняшний день это древнейшая германская руническая надпись, найденная на территории России.

В конце XX в. древности, синхронные черняховским, стали известны на Нижнем Дону. Особенно информативными оказались раскопки Российско-германской экспедиции в Танаисе, в ходе которых в раскопе

²²⁹ Казанский М.М. Готы на Боспоре Киммерийском // Сто лет черняховской культуре. К., 1999. С. 277—287.

²³⁰ Казанский М.М. Германцы в Юго-Западном Крыму в позднееримское время и эпоху Великого переселения народов // Готы и Рим. К., 2006. С. 26—41.

²³¹ Kazanski M., Shchukin M., Sharov O. Des Goths aux Huns. Le Nord de la mer Noire au Bas-Empire et à l'époque des Grandes Migrations. Oxford, 2006.

²³² Айбабин А.И. Готы на Боспоре. Мифы и реалии // Боспор. Киммерийский на перекрестке греческого и варварского миров: мат-лы I, Боспорских чтений. Керчь, 2000. С. 5—7.

²³³ Зинько А.В. «Готы» в Восточном Крыму // Боспорские исследования. Керчь, 2008. Вып. XIX. С. 129—137.

²³⁴ Обломский А.М. Днепровское лесостепное Левобережье в позднееримское и гуннское время. М., 2002.

²³⁵ Там же. С. 87.

²³⁶ Ерошенко В.В., Семенов А.И. Новые поселения черняховской культуры на юго-западе Белгородчины // Поселения: среда, культура, социум: мат-лы науч. конф. СПб., 1998. С. 119—122.

XIX был открыт большой участок позднеантичного поселения²³⁷. Установлено, что к середине IV в. на месте античного города, лежавшего около века в руинах, возникает новое поселение, застроенное наземными домами, в том числе «длинными», близкими черняховским. В его керамическом комплексе встречаются миски, являющиеся местными дериватами черняховской посуды²³⁸.

Важным научным событием стало открытие древностей второй четверти I тыс. к северо-востоку от основного ареала черняховской культуры. Речь идет о памятниках типа Лбище в Среднем Поволжье²³⁹, типа Каширки-Седелок²⁴⁰, и типа Чертовичское-III-Замятино на Верхнем Дону²⁴¹. Они могут существенно изменить представления специалистов если не о масштабах Остроготского королевства, то, по крайней мере, о степени его влияния на отдаленные северные и восточные регионы.

Из последних работ по готской проблематике следует назвать монографию Ю.Б. Циркина²⁴². По мнению автора, готская монархия была не только сакральным институтом, но и вполне реальным, т.к. еще до переселения в скифские степи короли у готов наследовали власть, а не избирались «по знатности». Готский король выступал и как глава народа, и как командующий ополчением. Эрманарих создал огромную державу, охватившую чуть ли не всю Восточную Европу, но реально его власть,

²³⁷Ullrich M. Untersuchungen zur römischen handgemachten Keramik von Tanais im Bau 4, Raum 3 (Abschnitt XIX) // Eurasia Antiqua. 1998. Bd. 4. S. 411—416; Arsen'eva T.M., Böttger B. Die Grabungen in Tanais 1999 mit einem Beitrag von M. Ullrich // Eurasia Antiqua. 2000. Bd. 6. S. 487—528; Arsen'eva T.M., Böttger B., Fornasier J. Griechen am Don. Die Grabungen in Tanais 2000 mit einem Beitrag von M. Ullrich. Die spätantike Periode // Eurasia Antiqua. 2001. Bd. 7. S. 356—365.

²³⁸Зиньковская И.В. Верхний Дон и позднеантичный Танаис в IV—V вв. н.э. // Донская археология. Ростов н/Д., 2002. № 3/4. С. 67—70; Обломский А.М. Танаис и Верхнее Подонье в гуннскую эпоху // Дивногорский сборник. Воронеж, 2009. Вып. 1. С. 252—269.

²³⁹Матвеева Г.И. Этнокультурные процессы в Среднем Поволжье в I тыс. н.э. // Культуры Восточной Европы I тысячелетия. Куйбышев, 1986. С. 158—171; Она же. Памятники лбищенского типа — ранний этап именьковской культуры // Культуры евразийских степей второй половины I тысячелетия н.э. (вопросы хронологии). Самара, 1998. С. 87—95; Она же. Среднее Поволжье в IV—VII вв.: именьковская культура. Самара, 2004.

²⁴⁰Обломский А.М. Этническая ситуация в лесостепном Подонье в позднеримское время // Проблемы славянской археологии: Труды VI Международного Конгресса славянской археологии. М., 1997. Т. 1. С. 235—246; Он же. О памятниках лесостепного Подонья позднеримского времени // Верхнедонской археологический сборник. Липецк, 2001. Вып. 2. С. 122—140.

²⁴¹Медведев А.П. III Чертовичское городище (материалы 1-й половины I тыс. н.э.) // Археологические памятники Верхнего Подонья в первой половине I тысячелетия н.э. Воронеж, 1998. С. 50—84; Острая Лука Дона в Древности. Замятинский археологический комплекс гуннского времени. М., 2004. С. 5.

²⁴²Циркин Ю.Б. Испания от Античности к Средневековью. СПб., 2010.

состоявшая в требовании дани и военной помощи, распространялась на районы речных долин. Вестготы, свободно проводившие внешнюю и военную политику, также подчинялись верховной власти Эрманариха, однако еще до основного удара гуннов они отделились от “societate” готов и ушли на Запад²⁴³.

Работа С.В. Ярцева посвящена проблеме экспансии готов в Северное Причерноморье, которое отождествляется им с легендарной землей «Ойум»²⁴⁴. Здесь готы Филимера разгромили спалов в Крымской Скифии, после чего римские власти переселили их в Абхазию²⁴⁵. Расселение готов на землях Днепровской Луки также произошло с санкции римлян²⁴⁶. По мнению исследователя, готы и конфликтующая между собой варварская знать оказались рассеянными на огромном пространстве Восточной Европы и не смогли сформировать единый центр политической власти²⁴⁷. Автор также безапелляционно утверждает, что нападение гуннов на греитунгов было тайно спланировано и тщательно подготовлено императором Валентом. Сигналом к нападению послужило убийство боспорскими наемниками по приказу римлян в 376 г. остrogотского короля Эрманариха²⁴⁸. На наш взгляд, гипотезы С.В. Ярцева не находят подтверждения в письменных и археологических источниках.

Мы проследили более чем вековой путь, который прошла отечественная наука в изучении феномена королевства Эрманариха. Историографический обзор показал, как в течение XX в. в исследовании этой проблемы акцент постепенно смещался с использования данных нарративной традиции в сторону исторического анализа археологических источников. На большом временном промежутке тот же историографический анализ позволил выявить вненаучные факторы (политические, идеологические, националистические), которые не способствовали успешной этой разработке проблемы. Современный этап изучения королевства Эрманариха характеризуется очевидным прогрессом в постижении его характера при сохранении весьма широкого спектра оценок ранней готской государственности.

²⁴³ Там же. С. 77—86.

²⁴⁴ Ярцев С.В. Северное Причерноморье в римский период и проблема готской экспансии. Тула, 2014. С. 192.

²⁴⁵ Там же. С. 205, 213.

²⁴⁶ Ярцев С.В. Античная цивилизация и варвары Северного Причерноморья в условиях этнических миграций. Автореф. дисс. докт. ист. наук. Белгород, 2016. С. 20.

²⁴⁷ Ярцев С.В. Северное Причерноморье... С. 231.

²⁴⁸ Ярцев С.В. Античная цивилизация... С. 38—39.

Глава IV

Готы
и черняховская
культура

Возможности позднеантичной и раннесредневековой нарративной традиции в изучении королевства Эрманариха к настоящему времени достаточно хорошо исследованы и многое дали для понимания его истории. Однако когнитивный потенциал письменных источников по этой теме во многом уже исчерпан, что в конечном итоге обусловило кризис традиционной концепции «государства Эрманариха»¹. В сложившейся проблемной ситуации в современной науке нам видится лишь один путь выхода за пределы круга традиционных текстов к новым источникам, которые дает археология.

Одним из самых ярких явлений в истории Восточной Европы была черняховская культура III—IV вв. (рис. 6). На территории Украины, Молдовы, Румынии и России открыто не менее 3,5 тыс. черняховских памятников, при этом раскопки проводились на более чем 200 поселениях и 120 могильниках². В результате полевых исследований чер-

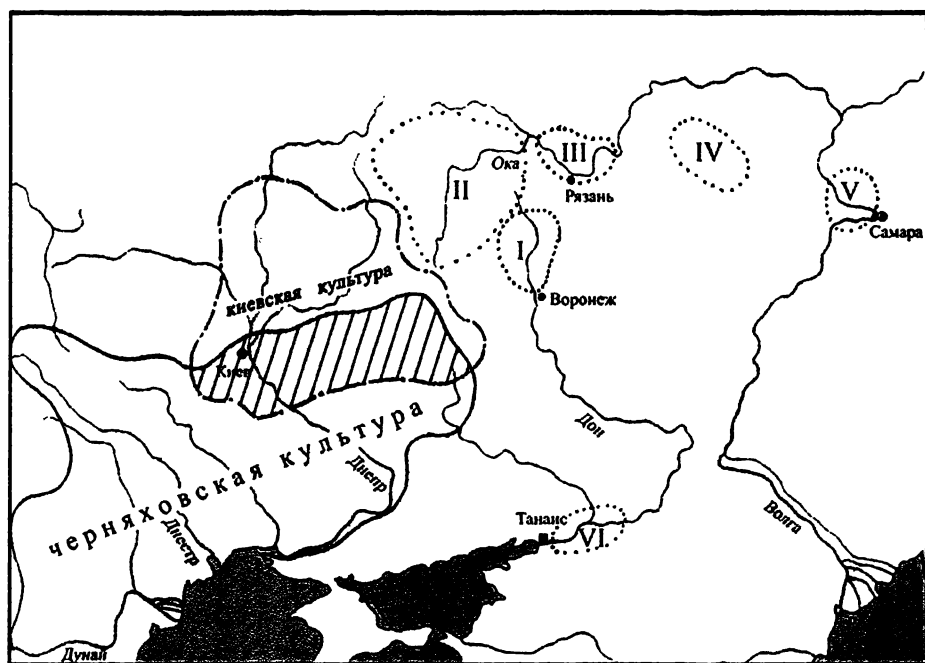

Рис. 6. Археологическая ситуация в Восточной Европе в позднеримское время (I — верхнедонские памятники типа Каширки-Седелок; II — моцинская культура; III — рязано-окские могильники; IV — памятники селиксенского типа; V — памятники типа Лбище; VI — могильники алан-танаитов).

¹ Буданова В.П. Готы в эпоху Великого переселения народов. СПб., 1999. С. 136.

² Магомедов Б. Черняховская культура. Проблема этноса (Monumenta Studia Gothica. I). Lublin, 2001. С. 11. Другие исследователи допускают, что их известно не менее 5 тыс. См.: Шукин М.Б. Готский путь (готы, Рим и Черняховская культура). СПб., 2005. С. 162.

няховских памятников накоплена богатая источниковая база, позволяющая решить ряд важных вопросов интересующей нас темы. На основании ее изучения можно попытаться определить уровень социально-экономического и культурного развития черняховского общества периода расцвета и сопоставить его с независимыми результатами анализа литературных и лингвистических источников по истории гот в Восточной Европе.

Под давлением появляющихся чуть ли не ежегодно надежных фактов среди большинства российских и украинских археологов к концу XX в. утверждается мнение о принадлежности черняховской культуры общеевропейскому горизонту культур позднеримского времени ступеней C и D1 (примерно 230—400 гг.). Хронологически и территориально ее расцвет соответствует культуре полиэтничного образования, известного в письменных источниках как “*regnum*” Эрманариха. Сейчас уже никак нельзя упрекнуть археологов в той пестроте мнений по проблеме этнического содержания черняховской культуры, как это можно было сделать пару десятилетий назад³. Конечно, некоторые расхождения остались, но теперь даже археологи-слависты при оценке черняховской этнополитической общности в той или иной степени признают особую роль в нем готов.

Нам кажется, что по аналогии с салтово-маяцкой культурой, которую С.А. Плетнева образно назвала государственной культурой Хазарского каганата⁴, классическую черняховскую культуру IV в. (разумеется, не типологически, а структурно) можно рассматривать как культуру королевства Эрманариха. Она являлась материальным отражением процессов объединения различных племен и народов в рамках формирующейся готской потестарности. На наш взгляд, сам факт образования единой археологической культуры с рядом существенных признаков, более свойственных уже ступени цивилизации, весьма показателен. Его невозможно объяснить чисто экономическими причинами без учета сильного военно-политического фактора. Может быть, в такой форме в культуре причерноморских гот, в ее своеобразии проявлялось то самое «ядро традиции», естественно, с неизбежными его модификациями в эпоху «Готских войн», о которых писал Р. Венкус и другие представители «Венской» школы.

В этом смысле весьма показательно, что в последнее время некоторые исследователи даже предлагают отказаться от традиционного археологического названия «черняховская культура» и заменить его на «черняховскую цивилизацию или протоцивилизацию» («предцивилизацию») как на понятие, более соответствующее уровню сложности и

³ Буданова В.П. Указ. соч. С. 20—23, 46.

⁴ Плетнева С.А. Очерки хазарской археологии. М.;Иерусалим, 2000. С. 206—221.

стадии исторического развития оставившего его социума⁵. Так, М.Ю. Брайчевский в одной из последних работ счел возможным назвать черняховскую культуру в качестве одной из цивилизаций-сателлитов Римской империи⁶. По ряду базовых археологических показателей черняховская культура действительно не укладывается в рамки традиционных представлений отечественных ученых о культурах первобытности.

§ 1. Основные этапы истории остроготов в свете исследования черняховской культуры

Чтобы лучше понять природу королевства Эрманариха надо хотя бы кратко остановиться на проблеме становления и эволюции черняховской культуры. На наш взгляд, ее изучение в диахронии гораздо полнее раскрывает историю возникновения, расцвета и гибели этого этнополитического образования. В ее развитии исследователи выделяют четыре основных этапа:

1) время формирования в эпоху «Скифских» («Готских») войн: 240—270 гг.;

2) этап стабилизации: 270—332 гг., завершившийся появлением классической черняховской культуры;

3) «эра Эрманариха»: 333—375 гг., ознаменовавшаяся расцветом черняховской культуры;

4) финал: 375—начало V в., приведший к упадку и исчезновению в Восточной Европе памятников черняховской культуры⁷.

Накануне формирования черняховской культуры во II—начале III в. на юге Восточной Европы, как и повсюду на периферии античного мира,

⁵ Приходнюк О.М. Про форми та зміст етнокультурних археологічних структур (фінальна стадія первісно-общинного ладу) // Старожитності Русі-Україні. К., 1994. С. 65—67; Он же. О культурно-историческом содержании археологических общностей (к проблеме интерпретации черняховской культуры) // *Stratum: время великих миграций*. 2000. № 4. С. 36—51; Он же. Археологические общности периода перехода к раннеклассовым образованиям // Древнейшие общности земледельцев и скотоводов Северного Причерноморья (V тыс. до н.э.—V в. н.э.). Тирасполь, 2002. С. 321—322. Новые аргументы в пользу понимания черняховской культуры как «протоцивилизации» недавно привел В.Н. Войнаровский. См.: Войнаровский В.Н. Проблема культурной атрибуции памятников типа Черепин III—V вв. н.э. (производственный комплекс Гряда I около Львова) // Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов. Тула, 2010. Ч. 2. С. 70.

⁶ Брайчевський М.Ю. Періодизація історичного розвитку Східної Європи в I тис. н.э. // *Археологія*. 1994. № 3. С. 15.

Магомедов Б.В. Указ. соч. С. 134—149; Шукін М.Б. Указ. соч. С. 109—254.

происходили сложные процессы взаимодействия и взаимовлияния варварства и античной цивилизации. В причерноморской полосе продолжали существовать очаги античной цивилизации — греческие города, где помимо эллинов проживало разноэтническое население, включавшее римлян, выходцев из восточных и дунайских провинций, а также осевших на землю поздних скифов и сарматов⁸. При этом Ольвия, Тира, Херсонес фактически уже стали «государствами-саттелитами» Империи и во многом зависели от администрации провинция Нижняя Мезия⁹. В Прикарпатье и в бассейне Нижнего Дуная обитали фракийские народы: карпы, даки, костобоки и др. Степные пространства от Волги до Дуная занимали кочевые племена сарматов и алан. В Буджаке (древности типа Этулии), лесостепи Молдавии, Украины (горизонт Рахны — Почеп) и Центральной России вплоть до Прихоперья (инясевский тип) появились постзарубинецкие поселения и грунтовые могильники, вполне обоснованно связываемые с расселением на восток венетов. На Волыне и Верхнем Днестре возникли близкие им по культуре селища зубрицкой группы, возможно, также оставленные венетами-праславянами¹⁰.

Первый этап 240—270-е гг. (ступень В2/С1 центральноевропейской хронологии). На рубеже II—III вв. сложившаяся на юге Восточной Европы этнополитическая ситуация была нарушена вторжением готов и других восточногерманских племен — выходцев из североευропейского Барбарикума. При этом первоначально переселенцы заняли места прежних зубрицких (раннеславянских) селищ на Волыни и в верховьях Южного Буга, где до этого располагались позднезарубинецкие поселения¹¹. Здесь появляются памятники вельбарского типа, культурные истоки которых обнаруживаются на территории Польши предшествующей ступени В2. Важно то, что время и направление их распространения в целом подтверждают рассказ Иордана о миграции готов вместе с семьями из Поморья на юг в сторону Причерноморья через территории современной Западной Белоруссии и Западной Украины (Get., 27—29).

Однако современная археология вносит существенные коррективы в картину миграции готов «в земли Скифии», которая под пером Кассиодора/Иордана, опиравшихся лишь на героические сказания, приобрела поистине эпические масштабы. Продвижение вельбарцев на

⁸ Магомедов Б.В. Указ. соч. С. 133.

⁹ Буйских С.Б. Фортификация Ольвийского государства (первые века нашей эры). К., 1991. С. 138; Крапивина В.В. Ольвия. Материальная культура I—IV вв. н.э. К., 1993. С. 148—153.

¹⁰ Козак Д.Н. Венеди. К., 2008.

¹¹ Хавлюк П.И. Вельбарские памятники на Южном Буге // KW. 1988. № 1. С. 137—144; Козак Д.Н. Етнокультурна історія Волині (I ст. до н.е.—IV ст. н.е.). К., 1992. С. 98—101.

юго-восток, число и характер оставленных ими памятников объективно демонстрируют, что это было не переселение больших масс готов, а скорее процесс постепенной «ползучей» миграции населения с последовательной колонизацией земель «заселенных слабо или заселенных слабо»¹². Вельбарские памятники оказались рассеяны отдельными островками практически по всей территории Украины¹³. При этом массовые археологические материалы свидетельствуют, что в наиболее ранних вельбарских древностях Волыни и Южного Побужья в конце II в. имелись лишь некоторые специфические этнографические признаки, которые в дальнейшем получают развитие в черняховской культуре¹⁴.

Но главное другое — сравнительный анализ вельбарских и черняховских памятников объективно указывает на то, что в начале пути мигранты находились на более низком уровне социально-экономического и культурного развития, нежели многочисленное население классической черняховской культуры, сложившейся несколькими десятилетиями позже. Иначе говоря, археология наглядно показала, с чем предки готов реально пришли в Северное Причерноморье, и кем они там стали по материалам многочисленных могильников и поселений черняховской культуры¹⁵.

По своему облику она уже тогда стала резко отличаться не только от субстратных восточноевропейских, но и от соседних германских культур центральноевропейского Барбарикума, в том числе, и это следует еще раз подчеркнуть особо, от «материнской» вельбарской. Разумеется, на черняховских поселениях проживали не только и не столько прямые потомки переселенцев — тысячи готов погибли в боях с Империей, — сколько тот сложный полиэтничный конгломерат, который сложился в ходе многолетних войн и миграций. Он и положил начало классической черняховской культуре — «народ-войско» эпохи «обретения родины» стал превращаться в новую народность. По данным археологии этот этногенез проходил при активном участии местных неготских элементов, однако высокий авторитет инициаторов «Готских войн» в немалой степени способствовал, как выразился Х. Вольфрам, их «превращению в готов»¹⁶.

Современная археология убедительно демонстрирует масштабность протекавших в римское время в Барбарикуме этнических и религиозных процессов, вызванных экспансией различных германских племен. Археологический анализ сложных и противоречивых культурных явле-

¹² Шукин М.Б. Указ. соч. С. 95.

¹³ Козак Д.Н. Венеди... С. 204.

¹⁴ Магомедов Б.В. Указ. соч. С. 134.

¹⁵ Баран В.Д. Давні слов'яни. К., 1998. С. 172.

¹⁶ Вольфрам Х. Готы. От истоков до середины VI века (опыт исторической этнографии). СПб., 2003. С. 21.

ний в Центральной и Восточной Европе на ступени В2/С1 не оставляет сомнения в том, что в процесс формирования нового восточноевропейского этнополитического пространства были втянуты как выходцы из Северной Европы, часть которых прошла через горнило событий у границ Римской Империи в годы Маркоманнских войн 70-х гг. II в., так и местное восточноевропейское население — поздние скифы, сарматы, даки, бастарны, венеты, включавшие в свой состав балто-славянских выходцев из лесной зоны Восточной Европы. Определенную роль могли сыграть и выходцы из римских провинций: перебежчики, военнопленные, ремесленники и т.п. М.Б. Щукин обратил внимание на особую роль многочисленных готских федератов, которые служили Римской империи и там приобщались к достижениям античной цивилизации. Он пишет, что при ряде обстоятельств из этих разнородных элементов сложилась некая историческая общность, шел процесс постепенного формирования новой народности. При этом, по образному сравнению того же исследователя, пришельцы с северо-запада были лишь неким «ферментом», вызвавшим процесс «брожения», «дрожжами», без которых бы не получилось «хлеба» черняховской культуры, выпеченного на огне «Скифских войн»¹⁷. Такая модель этно- и культурогенеза вполне соответствует современным концепциям о природе варварских этнополитических образований у границ Римской империи¹⁸.

Хронологически формирование черняховской культуры приходится на время ступени С1b центральноевропейской системы хронологии, что в целом совпадает с периодом «Скифских» («Готских») войн 240—270-х гг. Современным исследователям это совпадение представляется далеко не случайным. За это время готы и их союзники совершили более чем два десятка походов вглубь Римской империи¹⁹. Два поколения варваров в ходе длительных походов в римские владения на Нижнем Дунае и Балканах, в Причерноморье и Малой Азии имели возможность познакомиться с античной цивилизацией, в первую очередь, в ее материальном выражении²⁰. Так, в 263 г. при нападении на побережье Фракии готы у г. Анхялала задержались «на много дней, восхищенные банями на горячих водах» (Get., 109). По свидетельству Исидора Севильского, провинции Иллирик и Македонию они удерживали в течение 15 лет, пока их не

¹⁷ Щукин М.Б. Указ. соч. С. 160.

¹⁸ Brather S. *Ethnische Interpretationen in der frühgeschichtlichen Archäologie*. В.;N.Y., 2004.

¹⁹ Буданова В.П. Указ. соч. С. 82—103; Вольфрам Х. Указ. соч. С. 71—88; Щукин М.Б. Указ. соч. С. 134—151.

²⁰ Лавров В.В. Готские войны III в. н.э.: римское культурное влияние на восточногерманские племена Северного Причерноморья // Проблемы античной истории. СПб., 2003. С. 332—352.

разбил Клавдий (Isid., Hist., 4). В. В. Лавров обратил внимание на случаи, когда императоры после разгрома зачисляли уцелевших варваров либо в римские легионы, либо давали им землю, чтобы они занимались земледелием²¹, на что указывает и Зосим (Zos., I.46.1—2). Многие достижения античной цивилизации варвары усвоили в захваченных ими городах Северного Причерноморья (Тире, Ольвии²² и др.), но особенно в Дакии после эвакуации римлян из этой провинции в 271 г. — ее тут же заселили готы и другие германские племена. Вскоре она станет ядром “Gúþiuda” — «Страны готов» (тервингов). Не следует забывать и того, что кровопролитные войны чередовались с перемириями, за которые варвары получали денежные субсидии или даже нанимались целыми отрядами на службу к римским императорам. С этого времени начинается приток в Причерноморье богатств, в том числе многочисленных римских монет, захваченных готами в виде трофеев (Zos., I.34.1), выкупа или денег, полученных от римлян под видом субсидий «за мир» с воинственными варварами. Специалистам известна серия различных римских бытовых и культовых вещей (статуэток и символов), найденных в слоях ранних черняховских поселений²³. Хотя готы были варварами, они быстро оценили не только материальную ценность, но и превосходство многих предметов римского ремесленного производства²⁴. Приток римской монеты и военных трофеев, а затем и торговля с Империей приводили к существенным переменам в жизни готского общества, усиливали его имущественную и социальную дифференциацию.

Безусловно, свой вклад в формирование новой культуры внесли выходцы из римских провинций, часто против своей воли, оказавшиеся в стране варваров, прежде всего, римские военнопленные²⁵. По свидетельству Иордана только из дунайского похода 251 г. готский король Книва привел 10 000 пленников (Get., 90). О большом количестве пленных, уведенных готами в свои владения, сообщают и другие античные авторы (Dexip. Chron., fr. 22; Zos., I.20—24; 33.3). Недавно появились и архео-

²¹ Там же. С. 352.

²² В 1988 г. в Ольвии, в Нижнем городе открыто черняховское погребение, сопровождаемое довольно богатым инвентарем (8 сосудов, в т.ч. стеклянный и глиняный кубки). Исследователи связывают появление этого захоронения со вторым вторжением готов в Ольвию 269—270 гг. и видят в нем косвенное свидетельство того, что готы переселялись на земли Империи и античных городов Северного Причерноморья целыми семьями. См: *Лейпунская Н.А.* Детское погребение III—IV вв. из Ольвии // Северное Причерноморье в эпоху Античности и Средневековья (Труды ГИМ. Вып. 149). М., 2006. С.183—188; *Кративина В.В.* Позднеантичный период в истории Ольвии // ВДИ. 2013. № 1. С. 79.

²³ *Магомедов Б.В.* Черняховская культура... С. 139.

²⁴ *Лавров В.В.* Указ. соч. С. 340.

²⁵ Там же. С. 341.

Рис. 7. Римский воинский диплом

логические свидетельства присутствия римских военнопленных на черняховских поселениях. Возможно, одному из них принадлежал римский воинский диплом преторианца, найденный на одном из черняховских поселений Подолии в 600 км к северу от римского лимеса (рис. 7)²⁶. Он был выдан в 207 г. Септимием Севером и Каракаллой преторианцу Дрибалу, выходцу из фракийского Доростола на Нижнем Дунае.

Но не исключено его попадание к черняховцам-готам в качестве добычи. В любом случае, эта находка указывает на то, что в военные походы готов были втянуты жители самых отдаленных от побережья областей. Известны случаи массового перехода на сторону готов римских дезертиров, которые не могли не повлиять на уровень их военного дела (Zos., I.20—21; Get., 90—91). В частности, именно от них они усвоили римскую тактику и искусство осады античных городов²⁷. То же самое следует сказать об использовании варварами не только кораблей, но и целых флотилий государств Северного Причерноморья, позволивших им совершать далекие морские походы в Понт и Эгеиду (Get., 107; Zos., I.42). Более того, по свидетельству Зосима скифы (готы — И.3.) научились строить корабли при помощи военнопленных и торговцев, живших среди них (Zos., I.34).

Помимо военных в качестве пленных из римских провинций готы уводили с собой немало ремесленников, строителей и других специалистов в различных производствах, в том числе крестьян-земледельцев. В немалой степени именно их знания и навыки способствовали тем важным нововведениям в сельском хозяйстве, ремеслах, строительстве, которые

²⁶ Погорілець О. Давньоримський військовий диплом з Поділля // Нумизматика и фалеристика. 2007. № 2. С. 32—35.

²⁷ Лавров В.В. Указ. соч. С. 345—346.

придали черняховской культуре провинциально-римский характер и обусловили ее явное превосходство над другими культурами европейского Барбарикума. Известно, что в плен к готам в III в. попало большое число христиан, что, видимо, сыграло немалую роль в том, что из всех варваров именно готы раньше других приняли христианство²⁸. Таким образом, выходцы из римских провинций оказывались в глубинных районах Европейской Сарматии, где готами использовался их труд и знания²⁹.

Свой вклад в культуру-генез внесли смешанные браки варваров и пленниц, увезенных из римских провинций. Напомним, что знаменитый готский епископ Вульфилла происходил от отца-гота и матери-гречанки. Его дед по материнской линии был захвачен в Каппадокии во время одного из походов варваров 260-х гг.³⁰ Исторические последствия этого брака хорошо известны — гот по происхождению Вульфилла не только перевел Священное Писание на родной язык, но и крестил часть своих соплеменников за Дунаем, тем самым положив начало готской арианской церкви. О смешанных браках свидетельствует и антропологический материал некоторых черняховских некрополей, где мужские черепа принадлежали к «нордическому» типу, а женские — иногда к средиземноморскому, который был связан с фракийским и греко-римским этническим элементом³¹.

В результате военных действий существенные изменения произошли внутри военно-политических объединений причерноморских племен. Время «Готских» войн оказалось весьма плодотворным формативным периодом в этногенезе причерноморских готов. Это осознавали уже их современники. Так Зосим, опиравшийся на сочинение историка III в. Дексиппа, участника борьбы с готами, утверждал: «Тем временем скифы, объединившись, слились из разных племен и народов как бы в одно тело» (Zos., I.37.1). Важно и то, что к окончанию «Готских» войн в лесостепном Поднестровье, Днепро-Дунайском Правом и Левобережье появляются многочисленные поселения и могильники оригинальной археологической культуры, за которой закрепилось название черняховской.

Второй этап (270—332 гг.) в основном приходится на время ступени С2 центрально-европейской хронологической шкалы³². Он ознаме-

²⁸ Васильевский В.Г. Житие Иоанна Готского // Он же. Труды. СПб., 1912. Т. 2. Вып. 2. С. 356.

²⁹ Рикман Э.А. Этническая история населения Поднестровья и прилегающего Подунавья в первых веках нашей эры. М., 1975. С. 214.

³⁰ Вольфрам Х. Указ. соч. С.115.

³¹ Великанова М.С. Палеоантропология Прутско-Днестровского междуречья. М., 1975. С. 87—88; Antoniu S., Onofrei M. Studiul antropologic al scheletelor din necropola din secoul al IV-lea e.n. de la Letcani // Arheologia Moldovei. 1975. № 8. S. 281—285.

³² Щукин М.Б. Указ. соч. С. 19.

новался завершением процесса формирования классической черняховской культуры³³. Последнему способствовало то обстоятельство, что интеграция готов в Империю продолжалась и после окончания «Готских войн». С конца III в. римские императоры стали более активно нанимать их на военную службу. По словам Иордана, «без них (готов — И.3.) римское войско с трудом сражалось с любыми племенами» (Get., 111). Так, используя ожесточенное противоборство готов с карпами, Римской империи в 297 г. удалось заключить с готами федератский договор, который более чем на 20 лет обеспечил относительное спокойствие в Среднем и Нижнем Подунавье.

На стороне Рима готы участвовали в войне с Персией в 298 г., куда они «были отправлены императором Максимианом в помощь римлянам против парфян» (Get., 110—112). По свидетельству Лактанция, у императора Максимиана Дазы (309—313) «все его телохранители являлись выходцами из готов, которые, будучи изгнанными из своего отечества, предались Максимиану» (De mort. pers., II.38). Известно, что готские отряды успешно воевали на стороне императора Константина против его соперника Лициния и, в конечном итоге, убили последнего. Но Константину Великому между 315 и 332 гг. приходилось несколько раз отражать вторжения других готов на Дунае, за что он трижды удостоивался титула «Gothicus Maximus».

В результате его политики характер отношений между Империей и готами меняется. В 332 г. Константин наносит тяжелое поражение готам короля Гебериха, которые напали на земли союзных Риму сарматов-языгов на Среднем Дунае. После этой победы с готами короля Аориха был заключен договор («foedus»), по которому они обязывались за ежегодное вознаграждение поставлять в римскую армию 40 000 воинов на правах федератов (Get., 112)³⁴. При этом за верную службу варварам было разрешено вести на Дунае жизненно важную для них торговлю с Империей³⁵. В Рим были отправлены заложники из самых знатных готских семей, в том числе, королевской. Среди последних оказался и будущий проповедник христианства среди готов — Вульфилла. Известно, что этот договор не нарушался готами до 367 г. Договор с Константином сделал невозможным дальнейшее продвижение варваров на юг к границам богатых римских провинций. В результате неизбежно должна была произойти радикальная переориентация направления готской экспансии. Теперь она шла в основном с юга на север и северо-восток,

³³ Там же. С. 151, 161.

³⁴ Ермолова И.Е. Федераты и союзники Рима // Античность: общество и идеи. Казань, 2001. С. 151—159; Коростелин В.А. Федератство в Позднем Риме как система: к проблеме варваров-федератов // МАИЭТ. 2007. Вып. XIII. С. 421—429.

³⁵ Вольфрам Х. Указ. соч. С. 94—95.

вдоль великих восточноевропейских рек, с целью овладеть главными торговыми магистралями Восточной Европы³⁶. Одним из последствий этого договора была стабилизация жизни на дунайском лимесе, также способствовавшая расцвету черняховской культуры.

Значительными были и социальные последствия варварских войн, в ходе которых укрепилась власть военных вождей и знати. Воздействие античного мира ускоряло процесс сложения новой культурной общности. Мир с Империей, безусловно, содействовал развитию готской экономики³⁷. На это обратили внимание современники. Так, Афанасий Великий отмечал, что соседние готы «отвыкают от кровожадности и перестают думать о войнах. Они прекращают войны и переходят к земледелию» (Athanas., 51—52). Правда, он связывал эти перемены с распространением христианства³⁸. Как бы то ни было, именно в это время завершается формирование нового черняховского хозяйственно-культурного типа, обеспечившего экономическое единство готского общества.

Третий этап: «эра Эрманариха» (333—375 гг.) приходится на ступень С3 и отчасти С3/D1 центральноевропейской системы хронологии. По единодушному мнению специалистов, это было время наивысшего расцвета черняховской культуры³⁹. После почти вековой конфронтации с Империей наступает длительный мир — неперемное условие развития цивилизации. На период второй—третьей четверти IV в. приходится экономический подъем, хорошо известный всем археологам, занимавшимся изучением древностей позднеримского времени. Его показателями является очень большое число черняховских памятников ступени С3, а также максимальное разрастание площади поселений, иногда до нескольких десятков гектар, что объективно указывает на демографический взрыв в черняховском обществе ближе к середине IV в. В немалой степени, видимо, этому способствовали регулярные выплаты готам-федератам серебром, одеждой и продуктами, которые создали в их обществе относительное благополучие⁴⁰. Рост населения сопровождался захватом новых территорий, в том числе и на севере, в области расселения венетов (киевская культура)⁴¹, а, возможно, и в лесной полосе, где проживали многочисленные «северные народы» (Get., 116). Следы готского влияния, а, может быть, и присутствия, сейчас вы-

³⁶ Wagner N. *Getica: Untersuchungen zum Leben des Jordanes und zur frühen Geschichte der Goten*. В., 1967. S. 252—253; Шукин М.Б. Указ. соч. С. 200—201, 210.

³⁷ Сиротенко В.И. История международных отношений в Европе во второй половине IV—начале VI в. Пермь, 1975. С. 16.

³⁸ Там же.

³⁹ Шукин М.Б. Указ. соч. С. 162.

⁴⁰ Там же. С. 200—201.

⁴¹ Магомедов Б.В. Указ. соч. С. 127.

являются на Верхнем Дону. По мнению ряда исследователей, в период между 342 и 362 г. в зависимости от Эрманариха мог попасть позднеантичный Боспор и даже выплачивать ему некую дань⁴². Об этом свидетельствует прекращение боспорской династии Юлиев-Тибериев⁴³, прекращение чеканки монет при последнем боспорском царе Рискупориде VI, а также многочисленные находки черняховских вещей в погребениях этого времени в Пантикапее и других городах Боспора⁴⁴.

На этом этапе в полной мере проявился феномен классической черняховской культуры. Его важнейшими экономическими составляющими были: высокая агрикультура, расцвет специализированных ремесленных производств, прежде всего, гончарства, развитие металлургии и металлообработки, массовое производство бронзовых фибул, пряжек и прочих украшений, широкое использование римской монеты и др. По этим показателям носители черняховской культуры заметно превосходили всех прочих варваров Европы⁴⁵. Расцвет черняховской культуры сопровождался массовым поступлением античных импортов и римской монеты на ее территорию. Судя по ним, внешняя торговля становится одним из важных направлений политики готских правителей⁴⁶.

Не менее ярко культурный феномен «эры Эрманариха» проявил себя в духовной и интеллектуальной сфере: в использовании рунического письма, грамотности части населения, знавшего греческий и латинский алфавиты, в распространении христианства. В результате на обширных пространствах Украины, Молдавии и Юго-Запада России сложилась удивительно монолитная культура, не имеющая аналогов в догосударственный период истории Восточной Европы. По-видимому, за ней стояла совершенно иная по сравнению с предшествующей эпохой система групповой идентичности, охватывающая большее число индивидов и этносов.

Нам представляется принципиально важным такое, строго научное объяснение «черняховского феномена», которое успешно разрабатывал М.Б. Щукин. Оно дает возможность обойтись без всяких мистических ссылок на особую творческую силу или историческую миссию готов как самого одаренного германского народа эпохи Великого переселе-

⁴² Казанский М.М. Готы на Боспоре Киммерийском // Сто лет черняховской культуре. К., 1999. С. 277—297; Магомедов Б.В. Черняховская культура и Боспор // Боспорские исследования. Симферополь, 2001. Вып. 1. С. 246—249; Шаров О.В. Боспор и варварский мир Центральной и Восточной Европы в позднеримскую эпоху (середина II—середина IV вв. н.э.): автореф. дисс. докт. ист. наук. СПб., 2009. С. 30.

⁴³ Кулаковский Ю.А. Прошлое Тавриды. К., 1914. С. 53.

⁴⁴ Шаров О.В. Указ. соч. С. 30.

⁴⁵ Щукин М.Б. Указ. соч. С. 195.

⁴⁶ Магомедов Б.В. Черняховская культура. Проблема этноса... С. 141.

ния. Кажется, такой подход позволит и некоторым отечественным исследователям избавиться от старого синдрома неприятия «готского как германского», тем более что с III в. источники четко различают готов и остальных германцев⁴⁷.

Четвертый этап (375—400 гг.). Характеризуется упадком и угасанием черняховской культуры. Начало этих процессов приходится на ступень D1, т.е. на последнюю четверть IV—самое начало V в. Немногочисленные черняховские комплексы гуннского времени включают крупные варианты пластинчатых фибул, пряжки с клювовидными или сильно выступающими язычками, щитковые фибулы поздних вариантов, стеклянные кубки с каплями синего стекла и кубки конической формы, гребни Томас-III⁴⁸. К этому времени число черняховских памятников в Западной и Восточной Украине сильно сокращается (т.н. постчерняховский горизонт), но полного запустения, особенно в Среднеднепровском регионе не было⁴⁹.

В гибели черняховской культуры определенную, хотя и не решающую роль могли сыграть последствия карательных экспедиций против тервингов императора Валента 367—369 гг., затронувшие и земли гревтунгов (Amm. Marc., XXVII.5.6). За ними последовало прекращение выплаты стипендии и ограничение торговли с готами на дунайском лимесе двумя городами, а не многочисленными приграничными торжищами, как было раньше⁵⁰. Поражение в войне с Империей привело к распаду везиготского объединения — оно фактически раскололось на две части во главе с враждующими группировками: «судьей» Атанарихом, с одной стороны, и вождем Фритигерном, занявшим проримскую позицию, с другой (Socrat., IV.27; Sozom., IV.30).

Однако финал черняховской культуры в конце IV в. ощущается не только на везиготском юго-западе, а на всей обширной ее территории. Так или иначе, он был связан с масштабным историческим событием — гуннским нашествием около 375 г. и его последствиями, хотя некоторые современные исследователи пытаются найти и другие причины, в частности природно-климатические⁵¹. Как бы то ни было, после ухода на

⁴⁷ Например, в известной победной надписи персидского царя Шапура 242 г. готы и германцы, служившие в войсках разбитого им римского императора Гордиана, упомянуты раздельно. См.: Луконин В.Г. Культура Сасанидского Ирана. Иран в III—V вв. М., 1969. С. 53.

⁴⁸ Магомедов Б.В. Черняховская культура. Проблема этноса... С. 146.

⁴⁹ Гаврилухин И.О. Поздне- и постчерняховские традиции в «Большом Киевском треугольнике» // Черняхівська культура. Актуальні проблеми досліджень (до 40-річчя археологічної експедиції НПУ ім. М.П. Драгоманова). К., 2010. С. 29.

⁵⁰ Сиротенко В.И. Указ. соч. С. 18.

⁵¹ Шишкін Р.Г. Господарство та екологія населення Середнього Подніпров'я кінця I—V ст. н. е.: автореф. дисс... канд. ист. наук. К., 1996. С. 17, 21.

Запад основной массы черняховского населения (тервингов из-за страха перед гуннами, части гревтунгов в «гуннском обозе») постепенно исчезает и сама эта культура. В 376 г. большая часть везиготов-тервингов отступила за Дунай в римские провинции. Однако некоторые поселения и могильники функционировали до начала V в.⁵²

Иной была судьба остроготов. Из рассказа Иордана мы узнаем, что после гибели Эрманариха какая-то часть остроготов подчинилась и ушла с гуннами, но другие остались на своих местах под властью новых степных владык. Здесь Амал Винитарий некоторое время «удержал все знаки своего господствования» (Get., 246). По предположению М.М. Казанского, центр его королевства, судя по концентрации находок «княжеского» ранга ступени D1, мог находиться в Днепровском Левобережье, где-то между верхним течением Ворсклы и Псла в непосредственной близости от территории киевской культуры («антов Божа»)⁵³. Исследователь полагает, что перемещение центров готской королевской власти на север, практически на границу черняховской культуры, было связано скорее всего с давлением гуннов с юга. Еще раньше идею о переселении разгромленных гуннами остроготов с Нижнего Днепра в Киевское Поднепровье высказывал В.П. Яйленко⁵⁴. Но уже в первой трети V в. по данным археологии большая часть черняховского населения уходит и из Днепровского Левобережья⁵⁵. Недавно М.М. Казанский, а за ним и И.О. Гавритухин попытались связать этот уход с волной 405—409 гг., известной на Западе по нашествию Радагайса на Италию, а других варваров в Галлию или же с концентрацией сил варваров в Подунавье в формирующейся Гуннской державе⁵⁶. Однако эта гипотеза требует более солидной археологической аргументации, особенно для обоснования синхронизации этих двух явлений.

По рассказу Иордана, Винитарю пришлось вести упорную войну не только с антами и гуннами, но и с правителем другой остроготской

⁵² Gudkova A.V., Schultze E. Gräberfeld und Siedlung Nagornoe 2. Ein Fundplatz der Santana de Mures-Černjachov-Kultur an der Unteren Donau (Archäologie in Eurasien. Bd. 35). Bonn, 2017. S. 170.

⁵³ Казанский М.М. Остроготские королевства в гуннскую эпоху: рассказ Иордана и археологические данные // Stratum plus ПАВ. 1997. С. 181—193.

⁵⁴ Яйленко В.П. Готы в этногенезе славян Киевского Поднепровья // VI Международный конгресс славянской археологии. Тез. и докл. советской делегации. М., 1990. С.115—118.

⁵⁵ Обломский А.М. Днепровское лесостепное Левобережье в позднеримское и гуннское время (сер. III—перв. пол. V в. н.э.). М., 2002. С. 87.

⁵⁶ Казанский М.М. О постчерняховском горизонте на территории черняховской культуры // Черняхівська культура. Актуальні проблеми досліджень (до 40-річчя археологічної експедиції НПУ ім. М.П. Драгоманова). К., 2010. С. 43; Гавритухин И.О. Указ. соч. С. 30.

группировки — Гезимундом, оставшимся также на своей старой территории, но подчинившимся гуннам (Get., 247). С ней связывают самые поздние черняховские памятники причерноморской группы⁵⁷. Не исключено, что именно эти междоусобные войны наследников Эрманариха сохранились в эпической памяти Раннего Средневековья в «Песне о Хлёде»⁵⁸. Третья группировка во главе с Витимиром закрепилась в Восточной Украине, но после гибели Эрманариха ее вожди, Алатей и Сафрак увели своих людей на римский берег Дуная⁵⁹.

В качестве археологического аргумента этого переселения Б.В. Магомедов обратил внимание на перенос из Днепровского Левобережья на территорию Мунтении и Молдовы на ступени D1 некоторых специфических типов гончарной черняховской посуды (каннелированные кувшины типов 1 и 6, вазы «левобережного» типа)⁶⁰. Последние группы готов покинули земли Восточной Европы после 433 г.⁶¹, когда Атила перенес ставку из Северного Причерноморья в Паннонию⁶². Верхнюю условную дату доживания отдельных элементов черняховской культуры М.Б. Шукин поднимает до 455 г., т.е. до битвы при Недао, когда гунны потерпели поражение и утратили гегемонию в европейском Барбарикуме⁶³. По словам Приска Панийского, до этого времени гунны снабжались продовольствием за счет готов, «хватая его подобно волкам, так что готы находились на положении рабов и выбивались из сил, чтобы пропитать гуннов» (Prisc., 39).

По данным археологии видно, что далеко не все население, входившее в черняховскую общность, окончательно покинуло прежние места обитания. Местное лесостепное население не оставило Верхнеднепровский регион (поселения Черепин, Рипнев и др.), однако быстро утратило яркие черняховские черты, прежде всего, гончарную керамику⁶⁴. Более того, в гуннское время население Среднего Днестра (поселения Теремцы, Бакота) возрастает и распространяется к югу на правый берег р. Прут. Сходная картина наблюдается и в Днепровском Ливо-

⁵⁷ Магомедов Б.В. Черняховская культура. Проблема этноса... С. 145.

⁵⁸ Шукин М.Б. Указ. соч. С. 231—232.

⁵⁹ Магомедов Б.В. Черняховская культура. Проблема этноса... С. 144.

⁶⁰ Там же. С. 144.

⁶¹ Шукин М.Б. Указ. соч. С. 236.

⁶² Засецкая И.П. Культура кочевников южнорусских степей в гуннскую эпоху (конец IV—V вв.). СПб., 1994. С. 145—146.

⁶³ Шукин М.Б. Указ. соч. С. 252.

⁶⁴ Баран В.Д. Черняхівська культура: За матеріалами Верхнього Дністра та Західного Бугу. К., 1981. С. 147; Он же. Сложение славянской раннесредневековой культуры и проблема расселения славян // Славяне на Днестре и Дунае. К., 1983. С. 14—24. Он же. Черняхівська культура — поліетнічне утворення на території південно-східної Європи // Археологія давніх слов'ян. К., 2004. С. 91—102.

бережье. Здесь на опустевшие земли черняховской культуры из более северных лесных областей продвигается позднекиевское население (анты). С этого времени решающей силой в лесостепной зоне становятся ранние славянские племена — носители древностей типа Черепин-Теремцы и поздней киевской культуры, которые в новых исторических условиях создают корчакскую и пеньковскую культуры⁶⁵.

Финал черняховской культуры и гибель государства Эрманариха — явления одного порядка, но с той лишь разницей, что археология позволяет более детально проследить судьбу осколков его державы. Это событие имело далеко идущие исторические последствия. Часть готов ушла на Запад — в последующие века они стали едва ли не самыми активными участниками Великого переселения народов, сумевшими создать на территории распадающейся Западной Римской империи два варварских королевства. Однако в то же время, разрозненные группы готов V в. еще долго оставались в лесостепной полосе от Среднего Поднепровья до верховий Дона, где в последнее время открыты памятники с позднечерняховской традицией периодов D1/D2 «варварской» европейской хронологии, т.е. 360/370—400/410 и 380/400—440/450 гг.⁶⁶

§ 2. Территория остроготов

Данные античной литературной традиции позволяют в общих чертах определить территорию королевства Эрманариха и сопоставить ее с ареалом черняховской культуры (рис. 8). Его современник, Аммиан Марцеллин обратил внимание на то, что подвластные королю гревтунов области, куда вторглись гунны, были обширны и плодородны — “late p̄tentes et uberes pagos” (Amm. Marc., XXXI.3.1).

Анализ немногочисленных географических реалий королевства Эрманариха не дает возможности однозначно определить все его рубежи, хотя Иордан однажды упоминает их в самом общем смысле (Get., 123). Аммиан вполне определенно называет только восточную границу готов-гревтунов с аланами-танаитами где-то в районе Нижнего Дона, “quos Greuthungis confines Tanaitas consuetudo nominavit” (Amm. Marc., XXXI.3.1).

Современная археология внесла в решение этого вопроса существенные коррективы. В низовьях Дона в последнее время стала известна серия катакомбных погребений кочевнического облика второй половины III—IV в., обнаруживающих истоки в более ранних аланских

⁶⁵ Магомедов Б.В. Черняховская культура. Проблема этноса... С. 151.

⁶⁶ Радюш О.А. «Княжеская» и «вождеская» культура начала V века в Верхнем Поднепровье: новые исследования и находки // КСИА. 2014. Вып. 234. С. 245—246.

Рис. 8. Королевство Эрманариха и его окружение
(а — границы владений Эрманариха; б — границы лесостепи)

могильниках Центрального Кавказа. По месту, времени и культурной принадлежности они не могут принадлежать никому другому кроме «алан-танаитов» Аммиана⁶⁷. Правда, непосредственно к западу от Танаиса-Дона пока неизвестны черняховские памятники, которые можно было бы связать с гревтунгами. По данным археологии все степное Северо-Западное Приазовье в IV в. не имело какого-либо постоянного населения. Скорее всего, это была своего рода область «взаимного страха» между владениями готов-гревтунгов и алан-танаитов или, по терминологии М.Е. Левады, своего рода «демилитаризованная зона», через которую аланы-кочевники и попадали в Нижнее Подунавье⁶⁸.

Западной границей между владениями Эрманариха и Атанариха принято считать р. Днестр: “castris denique prope Danastris margines a Greuthungorum vallo longius opportune metatis...” (Amm. Marc., XXXI.3.5)⁶⁹. В переводе Ю. Кулаковского это звучит так: «Он (правитель тервингов

⁶⁷ Безуглов С.И. Аланы-танаиты: экскурс Аммиана Марцеллина и археологические реалии // Историко-археологические исследования в г. Азове и на Нижнем Дону в 1989 г. Азов, 1990. Вып. 9. С. 80—87; Симоненко А.В. Европейские аланы и аланы-танаиты // РА. 2001. № 4. С. 77—91.

⁶⁸ Левада М.Е. Миф о городищах черняховской культуры // Готы и Рим. К., 2006. С. 65.

⁶⁹ Ammianus Marcellinus. Römische Geschichte / Lat. und deut. von W. Seyfarth. B., 1971. Teil 4. S. 251.

Атанарих — И.3.) разбил большой лагерь на берегах Данастрия (Дне-стра — И.3.) в удобной местности поблизости от степей гревтунгов...»⁷⁰. При ознакомлении с этим пассажем в оригинале нам так и осталось не ясно, откуда в этом переводе появились «степи гревтунгов». Х. Вольфрам понимает это место у Аммиана следующим образом: «На берегу реки на достаточном удалении от долины гревтунгов Атанарих разбил свой ла-герь». В «долине гревтунгов» австрийский ученый предлагает видеть нижнее течение Днестра от окончания зоны лесов до устья, где, на его взгляд, по обоим берегам и жили гревтунги⁷¹. М.Б. Шукин также склоня-ется к тому, что в рукописи “Res Gestae” могло стоять “ac vallem” — «у до-лины гревтунгов», превратившееся в “a... vallo” из-за ошибки переписчи-ков⁷². И все же в дошедшей до нас рукописи стоит: “a Greuthungorum vallo”. На наш взгляд, В. Зейфарт дал наиболее точный перевод этого фрагмента: «Наконец он (Атанарих — И.3.) приказал разбить лагерь на удобном ме-сте вблизи берега Днестра, на большом расстоянии от укрепленной ли-нии гревтунгов»⁷³. Еще раз заметим, что в оригинале употребляется сло-восочетание “Greuthungorum vallo”, которому в этом районе можно найти достаточно близкие географические соответствия.

Полвека назад известный румынский археолог Р. Вульпе идентифи-цировал “Greuthungorum vallum” с Верхним или Северным Траяновым валом в Молдавии. Эти укрепления проходят между реками Прутом и Днестром, протяженность последнего вала составляет 138 км, а высо-та от 2,5 до 5 м. По мнению Р. Вульпе, Атанарих не случайно устроил свой лагерь недалеко от «вала гревтунгов», т.к. гуннская конница мог-ла перейти р. Днестр только у г. Бендер (“bender” — иран. «проход»)⁷⁴. По заключению Г.Б. Федорова, само название «вал гревтунгов» в рав-ной мере могло обозначать и то, что охрана этого вала была поручена гревтунгам, находившимися на службе Империи, и то, что этот вал был построен против гревтунгов, для защиты от них⁷⁵. «Траяновы валы» вполне могли быть времени черняховской культуры, т.к. подобные со-

⁷⁰ Аммиан Марцеллин. Римская история / Пер. Ю. Кулаковского и А. Сонни. СПб., 1994. С. 495.

⁷¹ Вольфрам Х. Указ. соч. С. 130, 139, прим: 23.

⁷² Шукин М.Б. Указ. соч. С. 233.

⁷³ Ammianus Marcellinus. Römische Geschichte... S. 251. Следует отметить, что “a vallo” — «от вала», “vallum” в Abl. Sing.; “a valle” — от долины, “valles” в Abl. Sing. В данном случае, если точно следовать тексту Аммиана, логично переводить «от вала гревтунгов» или «от укрепленной линии гревтунгов».

⁷⁴ Вульпе Р. Верхний вал Бессарабии и проблема гревтунгов к западу от Днестра // МИА Юго-Запада СССР и РНР. Кишинев, 1960. С. 259—270. О проблеме иденти-фикации и датировки Траяновых валов см.: Шукин М.Б. Указ. соч. С. 233—234.

⁷⁵ Федоров Г.Б. Население Прутско-Днестровского междуречья в I тыс. н.э. // МИА. 1960. № 89. С. 79—80.

оружения хорошо известны и по письменным источникам. Например, тот же Атанарих, спасаясь от гуннов, вынужден был искать убежища в высоких горах, и стал воздвигать высокую стену (“muros altius”) от берега Прута до Дуная поблизости от области тайфалов (Amm. Marc., XXXI.3.7). Недавно появилась информация о том, что Нижний Траянов вал в Буджаке может быть датирован первыми веками н.э. или даже началом III в.⁷⁶, т.е. он уже существовал до интересующей нас эпохи, но за давностью времен мог быть связан народной молвой с новыми властелинами причерноморских степей — гревтунгами.

Впрочем, для уточнения западных рубежей владений гревтунгов главным является не то, какое существительное (“vallum” или “valles”) стояло в оригинале “Res Gestae”, а определение самого топонима как “Greuthungorum”. Интересно, что Аммиан под 369 г. сообщает о карательном походе римского императора Валента против готов-тервингов, где после переправы через Дунай и продолжительного перехода он напал на «воинственное племя гревтунгов, обитавшее в отдаленных местах» (Amm. Marc., XXVII.5.6). Получается, что в то время последние занимали земли где-то поблизости от низовий Дуная и Днестра. Таким образом, в южной степной части остроготам были доступны области к западу от р. Днестра. Недавно А.А. Васильев изучил черняховские памятники в Буджаке и связал появление здесь черняховского населения с договором 332 г. между готами и Римом⁷⁷.

Основной пограничный рубеж между владениями Эрманариха и Атанариха к середине IV в. проходил по Днестру. Позже именно к этой пограничной реке отступили, а затем перешли ее гревтунги под руководством Алатея и Сафрака после разгрома гуннами «державы» Эрманариха (Amm. Marc., XXXI.3.3). Видимо, эта граница между родственными народами тервингов и гревтунгов возникла по каким-то серьезным этнополитическим причинам. Верхнее и Среднее Поднепровье в то время были заселены многочисленными неготскими племенами, оставившими памятники типа Черепин⁷⁸. Поэтому можно предположить, что гревтунги были вынуждены селиться преимущественно к востоку, а тервинги — преимущественно к западу от верхнего и среднего течения Днестра.

⁷⁶ Дзиговский А.Н. Очерки истории сарматов Карпато-Днепровских земель. Одесса, 2003. С. 128—139; Дзиговский А.Н., Лисецкий Ф.Н. Палеохронологические аспекты датировки Нижнего Траянова вала // Археология и этнология Восточной Европы. Одесса, 1997. С. 229—238.

⁷⁷ Васильев А.А. Сарматы и черняховское население Буджака во второй половины III—начала V вв. н.э.: автореф. дисс. канд. ист. наук. К., 2008. С. 16.

⁷⁸ Баран В.Д. Черняхівська культура: За матеріалами Верхнього Дністра... С. 163—177; Козак Д.Н. Венеди... С. 40—43.

Текст «Гетики» Иордана также не оставляет сомнений в том, что королевство остроготовов было весьма масштабным военно-политическим образованием, включавшем при Эрманарихе значительную часть территории Восточной Европы. По представлениям готского историка, его владения простирались между Нижним Доном и Днестром, за которым начинались земли везиготов-тервингов. В этом отношении его сведения существенно не расходятся с данными Аммиана Марцеллина. Но в отличие от римского историка Иордан помимо причерноморского юга включил в «державу» Эрманариха отдаленные северные области восточноевропейского хинтерланда, населенные различными лесостепными и лесными племенами. Среди них он называет и эстов в Прибалтике, и многочисленных венетов, живших к северу от домена остроготского короля, и средневожских “Merens” и “Mordens”, а так же другие “arctoi gentes” (Get., 116—119).

Рубежи владений Эрманариха позволяет существенно уточнить археология. Современные исследователи не сомневаются в том, что по месту и времени им может соответствовать лишь черняховская культура. Мы исходим из того, что эта очень большая по территории и монолитная по стилю культура могла возникнуть и долгое время сохранять свое единство лишь при наличии теснейших экономических, культурных и прочих связей между людьми внутри некоей надплеменной общности. Картографирование черняховских памятников показало, что в границах IV в. эта культура охватывала огромную территорию — от Северского Донца и Сейма на северо-востоке до Дуная на юго-западе, от верховьев Буга и притоков Припяти на северо-западе до нижнего Днепра на юго-востоке⁷⁹. Она занимала площадь свыше 400 000 км². Для сравнения укажем, что площадь территории современной Украины составляет чуть более 600 000 км². Следует заметить, что более масштабного территориального образования в европейском Барбарикуме мы не знаем вплоть до возникновения Франкского королевства.

*Для IV в. исследователи отмечают в Среднем Поднепровье экспансию черняховцев на север и северо-восток, с чем было связано прекращение жизнедеятельности на ряде поселений киевской культуры⁸⁰. На некоторых из них киевский слой был перекрыт черняховским. Так, например, на правобережном поселении Глеваха киевские объекты второй половины III в. были перекрыты вельбарско-черняховским слоем

⁷⁹ Гей О.А., Симонович Э.А. Черняховская культура // Славяне и их соседи в конце I тыс. до н.э.—первой половине I тыс. н.э. (Археология СССР). М., 1993. С. 125.

⁸⁰ Терпиловский Р.В. Киевская и черняховская культуры. Проблемы контактов // Stratum: время великих миграций. 2000. № 4. С. 303—311; Магомедов Б. Черняховская культура. Проблема этноса... С. 141.

IV в.⁸¹ Одновременно черняховские памятники появляются и вдоль левого берега Среднего Днепра (Переяслав, Компанийцы). Следующий натиск готов на восток последовал около второй четверти IV в., т.е. в эпоху войн Эрманариха с венетами и «северными народами». В это время черняховские памятники массово распространяются вдоль северной границы черноземов до Северского Донца и Сейма, иногда перекрывая старые киевские поселения. Напомним, что в последние годы не только элементы, но целые комплексы черняховской культуры открыты в Верхнем Подонье (памятники типа Каширки-Седелок)⁸². Их появление в той или иной мере является археологическим отражением относительной перенаселенности в черняховском ареале в IV в.

Не раз предпринимались попытки районирования огромного ареала черняховской культуры. Так, Б.А. Рыбаков выделил в ней две зоны: северную лесостепную и южную причерноморскую. По его убеждению, первая совпадает с древней прародиной славян, что позволило ему считать всю черняховскую культуру славянской, точнее антской⁸³. Только вторую степную, причерноморскую зону академик считал допустимым связывать с гревтунгами-остроготами⁸⁴. Здесь надо заметить, что как раз в этом причерноморском варианте черняховской культуры менее всего ощутимо присутствие готов при наличии здесь явного сарматского и позднескифского этнокультурных компонентов⁸⁵. В то же время в некоторых лесостепных черняховских памятниках, например, в известном могильнике Компанийцы, бесспорно, присутствуют характерные «восточногерманские» элементы: трупосожжения в урнах, посуда вельбарских и пшеворских форм, погребение с оружием (согнутый меч, умбон щита) и др.⁸⁶

М.Б. Щукин также предлагает разделить черняховскую культуру на два больших ареала, отделенных зоной пустоты: степных остроготов-гревтунгов и лесных везиготов-тервингов⁸⁷. Это широтное разделение в чем-то напоминает идею Б.А. Рыбакова о выделении памятников собственно черняховской культуры в лесостепи и «черняхойдных» памятников в степной зоне Причерноморья, но с одним существенным различием — оба ареала Санкт-петербургский исследователь связывал с готами.

⁸¹ Терпиловский Р.В. Славяне Поднепровья в первой половине I тыс. н.э. (Monumenta Studia Gothica III). Lublin, 2004. С. 94.

⁸² Обломский А.М. Острая Лука Дона в Древности. Замятинский археологический комплекс гуннского времени. М., 2004. С. 5; Терпиловский Р.В. Славяне Поднепровья... С. 93.

⁸³ Рыбаков Б.А. Язычество Древней Руси. М., 1987. С. 28, 37—38.

⁸⁴ Рыбаков Б.А. Киевская Русь и русские княжества XII—XIII вв. М., 1982. С. 41—46.

⁸⁵ Славяне и их соседи... С. 165; Магомедов Б.В. Черняховская культура... С. 15.

⁸⁶ Некрасова А.Н. Памятники черняховской культуры Днепровского Левобережья // Готы и Рим. К., 1986. С. 111—112, Рис. 71.

⁸⁷ Щукин М.Б. Указ. соч. С. 164.

На наш взгляд, обе искусственные попытки районирования черняховской культуры по зональному принципу представляются не очень удачными, особенно для выявления внутренней структуры черняховского социума, т.к. не обладают необходимой «разрешающей» способностью для выполнения интересующей нас задачи. Исходя из особенностей археологических памятников, В.Д. Баран разделил территорию черняховской культуры на три крупных региона: лесостепную зону Украины, Северо-Западное Причерноморье, междуречье Днестра, Прута и Дуная⁸⁸. Еще дальше пошел Б.В. Магомедов, выделивший внутри массива черняховских памятников девять регионов, отличающихся некоторыми особенностями в домостроении, погребальном обряде и керамическом комплексе⁸⁹. Если исключить регионы на территории современной Румынии, явно оставленные везиготами-тервингами, их останется шесть:

1. Западная Украина — памятники Западной Подолии и юга Волыни, включая север Винницкой обл. и Житомирскую обл. с черняховскими древностями «типа Пряжев» и «волынкой группы полей погребений».

2. Верхний Днестр — «верхнеднестровская группа памятников». К северу и западу от него располагаются памятники вельбарской и пшеворской культур, на правом берегу Днестра — культуры карпатских курганов.

3. Центральная Украина — Правобережье Днестра до Западной Подолии. На Волыни она непосредственно соприкасается с юго-восточной областью вельбарской культуры. На востоке включает памятники вдоль левого берега Днестра; на юге граничит с соседними регионами «Нижний Днепр» и «Северное Причерноморье».

4. Восточная Украина — включает все остальные памятники Лео-бережья, а также пункты, расположенные в Курской и Белгородской областях России. Северная граница черняховской культуры фиксируется здесь по линии между городами Нежин — Конотоп и далее по левому берегу Сейма, а восточная — по линии Льгов-Белгород и далее по реке Северский Донец. Соседние области к северу заняты поселениями киевской культуры.

5. Регион Нижний Днепр — небольшая область Днепро-вских порогов. Восточнее и южнее расстилается Приазовская степь, оставшаяся во владении кочевых племен.

6. Регион Северное Причерноморье — побережье между устьями Дуная и Днестра, где расположены т.н. памятники «причерноморского типа». Остальные три региона (Молдова, Мунтения (Валахия), Трансильвания (Семиградье) географически выходят за пределы владений гревтунгов.

⁸⁸ Баран В.Д. Черняхівська культура: За матеріалами Верхнього Дністра... С. 163—165.

⁸⁹ Магомедов Б.В. Указ. соч. С. 18.

По мнению Б. В. Магомедова, гревтунги-остроготы первоначально заняли Западную Украину и Южное Побужье. В дальнейшем они заселили практически всю территорию современной Украины от Днестра до Дона и часть юго-западных областей современной России⁹⁰. В результате наложения на местные субстраты получилась та весьма сложная этнокультурная ситуация, которая в известной мере находит отражение в локальных группах черняховской культуры. Они, видимо, отражают сложный, изначально полиэтничный характер черняховской культуры, которая, несмотря на нивелирующее воздействие позднеантичной цивилизации, так и не стала культурой единого народа.

§ 3. Этнический аспект готской проблемы III—IV вв.

Для исследования природы королевства Эрманариха весьма важной представляется этническая составляющая проблемы. Без ее детального изучения невозможно дать объективную историческую оценку этого образования. В интересующем нас аспекте наиболее продуктивный взгляд на эту проблему, кажется, лучше всего выразил Х. Вольфрам: «история готов не относится, ни к понятию «история германских племен», ни тем более к «истории взаимоотношений между немцами и внешним миром»⁹¹. Хотя готам принадлежало лидерство в варварском мире эпохи Великого переселения народов, нигде в Европе они так и не стали раннесредневековой народностью, ни в одной стране они не оставили прямых наследников. Тем не менее, борьба за т.н. «готское наследие» продолжалась полтора тысячелетия.

Из современных ученых практически никто не сомневается в принадлежности готов по языку и культуре к восточногерманской группе племен, на что вполне определенно указывают, прежде всего, рунические надписи, лексика «Готской Библии» Вульфилы, «Готского календаря» и другие источники⁹². Но, как это ни парадоксально, в отличие от гутонов Плиния и готонов Тацита, ни один позднеантичный автор не причислял готов III—IV вв. к германцам, хотя среди последних они пользовались особым авторитетом. Более того, внешнему наблюдателю готы и германцы представлялись разными народами. Об этом, в частности, свидетельствует известная надпись персидского царя Шапура из «Каабы Зороастра», в которой «гутты и германцы», служившие в римском войске, упоминаются раздельно как равные этнические

⁹⁰ Там же. С. 139—140.

⁹¹ Вольфрам Х. Указ. соч. С. 11.

⁹² Из последних работ о языке готов см.: Ганина Н. А. Крымско-готский язык. СПб., 2011.

единицы⁹³. Да, и Иордан не раз подчеркивал отличие готов от других германцев.

По заключению лингвистов, готский язык являлся, скорее, не «матерью», а «старшей сестрой» немецкого языка⁹⁴. С определенными оговорками это заключение можно распространить на соотношение древнего готского этноса и новоевропейского немецкого народа. Не следует упускать из виду и того, что в интересующую нас эпоху ни один из этносов — участников Великого переселения народов — не существовал в чистом виде, все они состояли из различных компонентов, порой самых неожиданных⁹⁵.

Мы не берем на себя смелость однозначно утверждать, на каких языках говорили люди, жившие в разных частях огромного черняховского пространства, хотя не исключаем, что именно готский, скорее всего, был языком межплеменного общения. Недавно М.Б. Щукин еще раз обратил внимание на то, что весь этот сложный конгломерат, объединенный под властью готских королей, воспринимался греками и римлянами, испытывавшими их нападения в III в., как «скифы, называемые готами» (*Dexipp., Chron., 16*)⁹⁶. Справедливости ради напомним, что еще сто лет назад В.Г. Василевский, исследуя этническую терминологию позднеантичных авторов, также полагал, что под «скифами» следует понимать готов⁹⁷. Так их именовали многие современники (*Dexipp., 22; Philostorg., XI.8*). Приведем весьма характерное выражение из биографии императора Галлиена: “*Scythae autem, hoc est pars Gothorum*” — «скифы, это часть готов» (*SHA. Gall., 6.1—2*). Судя по свидетельству Иордана, Орозий — современник начала Великого переселения народов на территории Империи — писал о готах, что «зовутся они скифами по племени, и по имени» — “*Scythas eos et natione et vocabulo aserit appellatos*” (*Get., 29*). Сам Иордан (*Get., 253*) также причисляет готов к «скифскому племени» (“*gens aliqua Scythica*”), а новой родиной готов после их переселения он называет земли в крайней части Скифии, соседствующей с Понтийским морем. Позже эту дилемму между традиционным названием жителей Северного Причерноморья и новым этнонимом ее современных насельников разрешил Прокопий Кесарий-

⁹³ *Bailey H. W. A Parthian Reference to the Goths // English and Germany Studies University of Birmingham. Cambridge, 1961. Vol. 7. P. 82—83; Лавров В.В. Готские войны III в. н.э... С. 252.*

⁹⁴ *Гухман М.М. Происхождение строя готского глагола // Труды института языка и мышления им. Н.Я. Марра. Серия Romano-Germanica. М.;Л., 1940. Вып. 14.*

⁹⁵ *Мюссс Л. Варварские нашествия на Европу: германский натиск. СПб., 2006. С. 218.*

⁹⁶ *Щукин М.Б. Готский путь... С. 161.*

⁹⁷ *Васильевский В.Г. Русско-византийские отрывки // Он же. Труды. СПб., 1912. Т. II. Вып. 2. С. 359—362.*

ский, прямо утверждавший, что скифы — это старое название готов (Procop., Bell. Goth., IV(VIII). 5.6).

Интересующий нас этноним «скифы» многие исследователи видят и в известном перечне «северных народов» Иордана (Get., 116). В Гейдельбергском кодексе «Гетики» он зафиксирован как “*Golthescytha*”, в Палермском кодексе как “*Golthescythas*”⁹⁸.

Финская исследовательница И. Коркканен вслед за Т. фон Гринбергом увидела наличие в протографе гот. “**Skybapiudōs*” — скифские народы⁹⁹. А.Н. Анфертьев в этнониме “*Golthescythas*” усмотрел имя или титул остроготского короля Эрманариха. В его переводе: «Т.к. он владел теми народами, которых подчинил Гольтескиф»¹⁰⁰. О. В. Шаров в “*Golthescythas*” видит Гольтескифа, т.е. царский род остроготов, в том социальном смысле, который может соответствовать «царским скифам» Геродота и Приска Панийского¹⁰¹.

Авторы комментария к параграфу 116 «Гетики» Иордана Л.А. Гиндин и Ф.В. Шелов-Коведьев предложили свой вариант перевода: «Он владел теми скифскими народами, которых подчинил готу (т.е. готам), и далее перечень имен «северных народов»¹⁰². С ними согласен и В.Я. Петрухин. Начало параграфа 116 «Гетики» он предлагает читать как «готы покорили скифские народы...» (далее следует их перечень — *И.З.*). По его мнению, список включал «скифские» народы Северного Причерноморья, и власть готов едва ли распространялась в Восточной Европе за его пределы¹⁰³. М.М. Казанский допускает, что иордановы “*Golthescythas*” могут быть искаженным названием «Кельтоскифия», которое некоторые древние авторы давали малоизвестным землям, расположенным где-то между Скифией и Кельтикой¹⁰⁴.

Рассмотренные выше варианты интерпретации “*Golthescythas*” представляются умозрительными и необоснованными, особенно это касается «Гольтескифа» и «Кельтоскифии». Следует отметить, что указанный этноним “*Golthescythas*” в латинском тексте «Гетики» стоит во множественном числе. При этом он вряд ли обозначает как готов, так и скифов. Необходимо вспомнить, что в параграфе 116 идет перечень «се-

⁹⁸ Зиньковская И.В. Королевство Эрманариха: источники и историография... С. 54.

⁹⁹ Korhonen I. The Peoples of Hermanaric: Jordanes, Getica 116. Helsinki, 1975. P. 33—35.

¹⁰⁰ Анфертьев А.Н. Иордан // Свод древнейших письменных известий о славянах (I—IV вв.) / Под ред. Л.А. Гиндина, Г.Г. Литаврина. М., 1994. Т. 1. С. 111, 151.

¹⁰¹ Шаров О.В. Гибель Эрманариха: история и эпос // Стратум: структуры и катастрофы. 1997. С. 95—106.

¹⁰² Там же. С. 152.

¹⁰³ Петрухин В.Я., Раевский Д.С. Очерки истории народов России в Древности и Раннем Средневековье. М., 1998. С. 138.

¹⁰⁴ Kazanski M. Les arctoi gentes et “l’empire” d’Hermanaric: Commentaire archéologique d’une source écrite // Germania. 1992. Bd. 70. Heft 1. S. 75—122.

верных народов», которых покорил остроготский король Эрманарих, куда ни скифы, ни готы входить не могли.

Разумеется, готы III—IV вв. не были скифами по крови, не являлись их потомками, но некоторые скифские черты в облике, одежде, материальной культуре они вполне могли приобрести. Поэтому не исключено, что за привычным для греко-римских писателей этнонимом «скифы» скрывается не только дань старой античной этногеографической традиции, но и нечто большее — стремление подчеркнуть какие-то особые, негерманские «скифские» черты готов, которые неизбежно должны были появиться у них в процессе «обретения родины» и аккультурации в Причерноморской Скифии. В этом смысле весьма важным представляется наблюдение Н.Н. Болгова: если Дексипп называл всех готов «скифами», то авторы SHA и Зосим применяли этот этноним особенно часто к «понтийским готам» в отличие от «готов дунайских»¹⁰⁵. Любопытно и то, что в римской иконографии, в особенности на золотых императорских медальонах IV в. готов было принято изображать на скифский манер. В этом смысле особый интерес представляет уникальный позднеримский золотой медальон, чеканенный в Константинополе и прославляющий императора Валентиана I (364—375) (рис. 9)¹⁰⁶. Он был обнаружен на правом берегу Дуная, около с. Затонье. По предположению В. Кондича, медальон представлял собой памятный знак, отчеканенный в честь Готской Виктории 369 г. и императорского триумфа, в результате чего Валентиана I и Валента стали именовать «Готскими Величайшими»¹⁰⁷. Проанализировав костюмы варваров, Е.Л. Гороховский пришел к заключению, что в их иконографии запечатлены два основных этнографических комплекса признаков — позднеримский и восточный или «скифский». А поскольку с точки зрения позднеантичной историко-литературной традиции готы относились к восточным варварам, т.е. скифам, то изображение готского «князя», покоренного римским императором, соответствует принятым изобразительным канонам¹⁰⁸.

Фигура мужчины — варвара, изображенного на реверсе медальона, может персонифицировать противника императора Валента в 367—369 гг. — везиготского судью Атанариха, которого Зосим называл «начальником всего царского рода скифов» (Zos., IV.34). По мнению Е.Л.

¹⁰⁵Зосим. Новая История / Пер., коммент. Н.Н. Болгова. Белгород, 2010. Прим. 2. С. 73.

¹⁰⁶Гороховский Е.Л., Гонкало О.В. Варвары на медальоне Валентиниана из Сербии // Археология Центральной и Восточной Европы позднеримского времени и Эпохи Великого переселения народов (Ostrogothica). Харьков, 2009. С. 243.

¹⁰⁷Там же. С. 240.

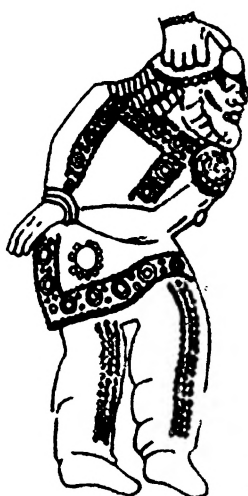
¹⁰⁸Там же. С. 243.

1

2

3

4

Рис. 9. Медальон из Затонья. По: Гороховский Е.Л., Гонкало О.В. Указ. соч. С. 245, рис. 1 (1 — аверс, 2 — реверс, 3 — костюм мужчины, 4 — костюм женщины)

Гороховского, фигура коленопреклоненной женщины передает условный образ «покоренной» варварской страны — Скифии.

Видимо, также далеко не случайно в Скифии изменяется даже готский именовослов, в котором наряду с германскими присутствуют и явно негерманские, в том числе, возможно, иранские и славянские имена¹⁰⁹. На наш взгляд, они отражают сложные и неоднозначные этногонические процес-

Шукин М.Б. Указ. соч. С. 282; Сотиров Г. Странности ономастики и лексики раннеготского языка // Арт & Факт (эл. журнал). 2006. № 2.

сы в Восточной Европе в эпоху остроготского доминирования, пик которого приходится на «эру Эрманариха». Именно в понтийском регионе появляется этноним «гот» (“*Gutans”), который здесь приобретает не только новое звучание (“Got(th)”), но и во многом новое этническое содержание по сравнению с североευропейскими «гутонами» (“Gutones”) более ранних античных авторов I—II вв.¹¹⁰ Если тогда они были, по словам Клавдия Птолемея, “ἐλάττονα ἔθνη” — «малым народом» (Geogr., III.5.8), то в Причерноморье в ходе «Скифских» войн III в. они постепенно превратились в «большой народ». Данные античной литературной традиции и археологии позволяют говорить о возникновении новой этнической общности, за которой у античных авторов далеко не случайно закрепилось новое имя, производное от старого этнонима «гутоны». Напомним, что в античной традиции впервые оно зафиксировано под 269 г. в титулатуре римского императора Клавдия II, принявшего победный титул “Gothicus”.

В Причерноморье оформляются новые готские племенные названия, вероятнее всего, связанные с географическими особенностями вмещающих их ландшафтов: «гревтунги» — «люди степей или песков» (“Greutungii” Аммиана Марцеллина, “Gruthungi” Клавдия Клавдиана ← гот. “*griutuggōs”) = «остроготы» (“Ostrogothi” — из “Austrogotae”, это название связано с востоком, солнечным восходом), а также «тервинги» — «люди лесов» (“Terwingi” ← гот. “*taírwigōs”) = «везиготы»¹¹¹. Сам факт появления и распространения этих этнонимов свидетельствует о новом этапе готского этногенеза. С другой стороны, весьма показательно, что уже к началу V в. этнонимы «гревтунги» и «тервинги» выходят из употребления, поскольку с исторической арены сходят их носители в Причерноморье. С этого времени на Западе их потомки известны как остготы и вестготы. Для понимания особенностей этногенеза готов на их второй, причерноморской «родине» представляется важным заключение Х. Вольфрама, опирающееся на более ранние разработки Р. Венкуса и Р. Хахмана — «эмигрировали и становились основателями новых этносов не целые народы, а носители тех традиций, которым сопутствовал успех»¹¹². Роль гегемона, которую готы играли в отношении восточных германцев и других народов эпохи Великого переселения, настолько очевидна, что даже спустя пару веков Прокопий Кесарийский не ставил готов в один ряд с вандалами, гепидами, ругами, скифами¹¹³. Поэтому вряд ли можно полностью согласиться с П. Хизером, утверждавшим, что готы до поселения на территорию Империи еще не были народом,

¹¹⁰ Feist S. Vergleichendes Wörterbuch der Gotischen Sprache. Mit Einschluss des Krimgotischen und sonstiger Zerstreuter Überreste des Gotischen. Leiden, 1939. S. 226—228; Вольфрам Х. Указ. соч. С. 36—37.

¹¹¹ Вольфрам Х. Указ. соч. С. 42—49.

¹¹² Там же. С. 66.

¹¹³ Кардини Ф. У истоков средневекового рыцарства. М., 1987. С. 59.

обладавшим своей «национальной» идентичностью, но лишь неоднородной массой самых разных этнических и социальных элементов¹¹⁴. Внешнему наблюдателю, каким был, например, Аммиан Марцеллин, они представлялись как “gentes Gothorum” — «племена (народы) готов» (XXXI.3.8). Весьма показательно, что при обозначении двух ветвей готов — остроготов и везиготов по отдельности — Иордан использует термины “familia” (Get., 42) и “gens”, а для всей совокупности готов — термины “populus” (Get., 98) и “societas” (Get., 130)¹¹⁵. Последние указывают, что, не смотря на разделение на две ветви, для него они представляли некую этническую общность или даже народ — “populus”. Как известно, в «Готской Библии» для ее обозначения Вульфилла использовал слово “þiuda” — народ. С другой стороны, и облик черняховской культуры IV в., несмотря на наличие в ней ряда локальных особенностей, явно свидетельствует об известной гомогенности материальной и духовной культуры восточноевропейского населения, оказавшегося под властью готов. Весьма высокая степень ее унификации и даже стандартизации в годы правления Эрманариха может рассматриваться как объективная мера этой этнополитической общности.

В современной исторической этнологии довольно хорошо изучен механизм зарождения подобных сложных этнополитических образований рубежа варварства и цивилизации¹¹⁶. Обычно их инициатором и лидером был удачливый воинственный народ, а точнее, «народ-войско» (“Volk-Heer”) по терминологии Х. Вольфрама. В связи с этим он утверждает принципиальную полиэтничность формирующихся этносов в эпоху Великого переселения. «Племя и войско» — едино, племя есть «народ при оружии»¹¹⁷. И далее — «Кто присоединялся к готским королям, тот мог стать не только готом, но и свободным мужем, если он только был хорошим бойцом и безоговорочно подчинялся дисциплине»¹¹⁸. Мы нашли в источниках прямое подтверждение этой гипотезы. Так Зосим, опиравшийся на сочинение Дексиппа, участника борьбы с готами в III в., утверждал: «Тем временем скифы, объединившись, слились из разных племен и народов как бы в одно тело» (Zos., I.37.1).

¹¹⁴Heather P. Empires and Barbarians. London, 2009. P. 4.

¹¹⁵Об употреблении Иорданом терминов “gens”, “populous”, “nation” см.: Скржинская Е. Ч. Комментарий // Иордан. О происхождении и деяниях гетов (Getica). СПб., 2001. С. 253; Циркин Ю.Б. Испания от Античности к Средневековью. СПб., 2010. С. 85.

¹¹⁶Brather S. Ethnische Identitäten als Konstrukte der frühgeschichtlichen Archäologie // Germania. 2000. Bd. 78. S. 139—177; Pohl W. Die Namen der Barbaren. Fremdbezeichnung und Identität in Spätantike und Frühmittelalter // Zentrum und Peripherie. Gesellschaftliche Phänomene in der Frühgeschichte (Mitteilungen der Prähistorischen Kommission. № 57). Wien, 2004. S. 95—104.

¹¹⁷Wolfram H. Geschichte der Goten. Von den Anfängen bis zur Mitte des sechsten Jahrhunderts. Entwurf einer historischen Ethnographie. München, 1979. S. 17.

¹¹⁸Ibid. S. 22—23.

Кажется, именно такой путь консолидации части восточноевропейского населения вокруг остроготских вождей — носителей «ядра этнической традиции» за долгие годы «Скифских» войн мог дать исходный импульс к культурному образованию, известному как черняховская культура. По практически единодушному мнению современных специалистов-археологов, формирование новой культуры и новой этнополитической общности началось в 230-е гг. и завершилось к эпохе Константина Великого. Период наивысшего ее расцвета датируется временем от конца III в. до 350—380-х гг., с пиком в 330—360-е гг.¹¹⁹ Последний как раз приходится на годы правления короля Эрманариха. В эти годы в рамках его огромного королевства шел активный процесс складывания новой народности, который так и не завершился. Скорее всего, не успел сложиться и единый язык. В связи с этим напомним, что, видимо, далеко не случайно, Аммиан Марцеллин, описывая сражение римлян с готами у г. Салиций в 377 г., обратил внимание на то, что варвары, устремляясь в битву, издавали «шум на разных языках» (XXXI.7.11). Поэтому, на наш взгляд, и сейчас в силе остается тезис П.Н. Третьякова, который характеризовал черняховскую общность как «несложившуюся народность». Процесс ее консолидации из разноэтнических элементов был прерван вторжением гуннов¹²⁰.

Имеющиеся в нашем распоряжении источники никак не позволяют согласиться с широко распространенной в германской и австрийской науке этнокультурной оценкой остроготского “regnum” Эрманариха как «скифо-германской» степной империи (“skytisch-germanische Steppenreich”), которой местный алано-сарматский компонент придал специфическую иранскую окраску¹²¹. Впервые ее предложил Ф. Альтгейм, который полагал, что готские правители заимствовали десятичную систему войска, доспехи и вооружение, а также восточный (иранский) раннесасанидский царский убор, состоящий из роскошного одеяния, обрамленного мехом и украшенного драгоценными камнями¹²². Х. Вольфрам также много внимания уделил сложнейшим проблемам аккультурации готов в Северном Причерноморье, где они надолго оказались в окружении ираноязычной сармато-аланской кочевой стихии. Исследователь, вслед за Ф. Альтгеймом, уверенно пишет о скифизации остроготов, которая якобы проявилась в заимствовании ими доспеха и копья, тактики конных

¹¹⁹Шукин М.Б. Указ. соч. С. 161—162.

¹²⁰Третьяков П.Н. По следам древних славянских племен. Л., 1982. С. 18—22.

¹²¹Altheim F. Geschichte der Hunnen. B., 1959. Bd. 1. S. 314—317; Wenskus R. Die germanische Welt am Vorabend des Hunnensturms // Handbuch der europäischen Geschichte / Hrsg. T. Schieder. Stuttgart, 1976. Bd. 1. Europa im Wandel von der Antike zum Mittelalter. S. 100; Вольфрам Х. Указ. соч. С. 169.

¹²²Altheim F. Reich gegen Mitternachts Asiens. Weg nach Europa. Hamburg, 1955. S. 40.

сражений, соколиной охоты, шаманизма, религиозной практики, фибул в виде орла и даже образа жизни ирано-тюркских степных народов¹²³.

Независимые от письменных свидетельств данные археологии не дают основания сколь-нибудь однозначно утверждать о гото-сармато-аланском синкретизме в причерноморских степях IV в. Безусловно, определенный иранский компонент входил в состав черняховской культуры, особенно в Северо-Западном Причерноморье. По мнению Б.В. Магомедова, в этом регионе поздние скифы составляли в черняховском обществе особую торгово-ремесленную прослойку¹²⁴. Однако они не оказали определяющего влияния на облик черняховской культуры. Конечно, готы как-то адаптировались к местным условиям, возможно, испытали воздействие субстрата — автохтонного населения Скифии, о чем свидетельствует антропология носителей черняховской культуры¹²⁵, но это были не степные ираноязычные сармато-аланы, а, прежде всего, оседлое население лесостепи.

Таким образом, широко распространенное у греческих и римских авторов название готов «скифами» отражало, прежде всего, устойчивую античную литературную традицию — обозначать так все народы Скифии, но никак не этнические реалии кануна Великого переселения народов.

§ 4. Переселение готов и вопрос о субстрате

Письменные источники ничего не сообщают нам об этническом составе Остроготского королевства до начала правления Эрманариха кроме того, что оно было создано остроготами-гревтунгами. Иордан лишь кратко пересказал переселенческую сагу «об обретении родины», согласно которой готы под руководством короля Филимера оставили Готискандзу (собственно “Gutiskandia” и означало «Готский берег»)¹²⁶ и пришли в практически пустую страну. Сам готский историк указывает источники осведомленности готов о переселении предков с прародины «как это и вспоминается в древних их песнях как бы наподобие истории и для всеобщего сведения; о том же свидетельствует и Аббай, выдающийся описатель готского народа, в своей достовернейшей

¹²³ Вольфрам Х. Указ. соч. С. 169. ¹

¹²⁴ Магомедов Б. Черняховская культура. Проблема этноса... С. 113—114.

¹²⁵ Рудич Т.А. Сарматы в составе черняховской культуры (по материалам антропологии) // Готы и Рим. К., 2006. С. 73—86; Она же. Антропологічний матеріал з могильника черняхівської культури Лісові Гринівці // Археологія. 2014. № 3. С. 79—91.

¹²⁶ Schmidt L. Geschichte der deutschen Stämme bis zum Ausgang der Völkerwanderung. München, 1969. Bd. 1. Ostgermanen. S. 196.

истории» (Get., 29). Скорее всего, это событие произошло весной, когда отряды воинов-германцев обычно отправлялись в походы, поскольку для них война издревле была таким же занятием в хорошую погоду, как пиры и попойки в плохую¹²⁷.

По пути на юг «в поисках удобнейших областей и подходящих мест [для поселения]» готы вступили в земли Скифии. Но здесь лишь половине войска удалось переправиться по мосту через какую-то большую реку (Днестр, Буг, Припять?) и овладеть «желанной землей» Ойум, поразившей короля Филимера «великим обилием тех краев» (Get., 27). В названии этой земли “Oium”, скорее всего, звучит готский топоним “*Auþōm” — «страна, изобилующая водой», «Речная страна»¹²⁸. Он хорошо согласуется с описанием Ойума у Иордана: «Та местность замкнута, окруженная зыбкими болотами и омутами; таким образом, сама природа сделала ее недосыгаемой...» (Get., 27).

У современных исследований нет сомнения в том, что в рассказе Иордана о переселении готов историческая реальность смешана с эпическим преданием. Они лишь спорят о том, какую конкретно область Иордан назвал готским словом “Oium”¹²⁹ или же за ним скрывается мифологический образ утопической, желанной страны¹³⁰. Сторонники ее географической реальности высказывают весьма противоречивые точки зрения: Самбия, Полесье, Среднее и Нижнее Поднепровье (Гиля), низовья Дуная, Дона, а также Приазовье, Керченский полуостров, Тамань или даже Синдика¹³¹. По географическому положению где-то в самом начале «Скифской земли», обилию рек, озер и болот «страна Ойум», скорее все-

¹²⁷Уоллес-Хедрилл Дж.-М. Варварский Запад (Раннее Средневековье 400—1000 гг.). СПб., 2002. С.103.

¹²⁸Mommsen Th. *Jordanis Romana et Getica. Prooemium* // MGH. Auct. Antiquiss. V, 1882. T. V. P. 163; Скржинская Е.Ч. Указ соч. С. 188.

¹²⁹О современных подходах к локализации страны Ойум см.: Топоров В.Н. “Oium” Иордана (Getica, 27—28) и гото-скандинавские связи в Северо-Западном Причерноморье // Этногенез народов Балкан и Северного Причерноморья. М., 1984. С. 128—142; Лавров В.В. Восточные германцы в Приазовье // *Stratum: время великих миграций*. 2000. С. 331—341; Шукин М.Б., Мачинский Д.А., Воронятов С.В. «Готский путь», плодороднейшие земли “Oium” и вельбаркско-черняховское поселение Лепесовка /4 Европейская Сарматия. СПб., 2011. С. 246—291; Шаров О.В. В поисках страны Ойум: эпос или реальность? // Древности Западного Кавказа. Краснодар, 2013. Вып. I. С. 118—155.

¹³⁰Буданова В.П. «Ойум» в судьбе германских племенных элит // Элита и этнос Средневековья. М., 1995. С. 19—27; Топорова Т.В. Древнегерманские представления об Ином мире // Представления о смерти и локализация Иного мира у древних кельтов и германцев. М., 2002. С. 395—396.

¹³¹Последнее на основе сопоставления по созвучию названия “Oium” и Синдского острова “Eop” у Плиния (NH. VI. 18). См.: Трубачев О.Н. INDOARICA в Северном Причерноморье: реконструкция реликтов языка М., 1999. С. 39, 50, 71—72, 214.

го, соответствует Волыни между верховьями Припяти и Западного Буга или Припятскому Полесью. Археологам здесь известны наиболее ранние вельбарские памятники, свидетельствующие о появлении в Восточной Европе мигрантов с территории современной Польши. Но, по словам Иордана, готы Филимера почему-то в этой «желанной земле» надолго не задержались и продолжили движение вглубь Скифии. Вскоре происходит их столкновение с единственным встретившимся по пути народом спалов — “gens Spalorum” (Get., 28). По его рассказу, восходящему к готской эпической традиции, спалы тут же были побеждены готами, которые двинулись дальше в крайнюю часть Скифии.

Еще в XIX в. имя «спалы» этимологизировали из ст.-слав. «исполин» — «великан», усматривая в них некий мифический народ¹³². Большинство исследователей, вслед за А.А. Шахматовым видели в спалах какое-то местное восточноевропейское население¹³³. По созвучию имени иордановых спалов (“spali”) нередко сопоставляли со «спалеями» (“spalaei”), упомянутыми Плинием Старшим среди племен, переправившихся через р. Танаис (Plin., NH., VI, 22)¹³⁴. На основании этого свидетельства М.Б. Щукин даже считал спалов-спалеев сарматами Среднего Поднепровья¹³⁵, а еще раньше Г.И. Вернадский видел в них часть аланского племени¹³⁶. Недавно сарматскую гипотезу попытались развить С.В. Воронятов и Д.А. Мачинский¹³⁷. Они усмотрели в сарматских знаках на германских наконечниках копий типа ковельского свидетельства победы готов над сарматами-спалами. По их мнению, готы стали использовать тамги побежденных ими сарматов-спалов не только для того, чтобы они теперь служили новым хозяевам, но и для демонстрации в качестве трофеев. Однако и эта оригинальная гипотеза во многом носит умозрительный характер — ни спалы у Иордана, ни спалеи у Плиния с сарматами никогда не отождествлялись. Есть версия, что спалеи были одним из тохарских племен, возглавивших сарматское объединение Подонья-Приазовья¹³⁸. Наконец, в спалах-спалеях иногда видят эллинское название племени, которое по-гречески означает «пещерные» (“Spalaei”, “Spelaei” —

¹³²Анфертьев А.Н. Указ. соч. С. 118.

¹³³Шахматов А.А. Споли — исконные соседи славян // Живая старина. СПб., 1911. Т. 20. С. 21—26.

¹³⁴Обзор мнений см.: Скржинская Е.Ч. Указ. соч. С. 189; Анфертьев А.Н. Указ. соч. С. 118—119.

¹³⁵Щукин М.Б. На рубеже эр. СПб., 1994. С. 248; Щукин М.Б., Мачинский Д.А., Воронятов С.В. Указ. соч. С. 255—263.

¹³⁶Vernadsky G. Ancient Russia. New Haven, 1942. P. 104—105, 114—115.

¹³⁷Воронятов С.В., Мачинский Д.А. О времени, обстоятельствах и смысле появления сарматских тамг на германских копьях // Germania-Sarmatia II. 2010. С. 66—71.

¹³⁸Здоров А.А. Откуда пришли исполины? // Донская археология. 2000, № 3—4. С. 136—141.

от греч. “Σπλήλαιοι”). На этом весьма шатком основании их ищут даже в Крыму, где известны раннесредневековые пещерные города¹³⁹.

Большинство же российских и украинских ученых без особых аргументов традиционно отождествляют их с венетами — племенами зубрицкой культуры на Волыни¹⁴⁰, или шире — носителями киевской культуры в Днепровском Левобережье, а также со «спорами» (“Σλοροι”) Прокопия Кесарийского, как он именовал предков склавинов и антов (Proc., Bell. Goth., III.14.29)¹⁴¹. Не вдаваясь в эту сложную и не обеспеченную в должной мере источниками проблему, напомним, что Иордан, знавший и спалов, и венетов, писал о них как о совершенно разных народах. Но главное, из свидетельства готского историка осталось неясно, были ли спалы покорены готами или уничтожены. Историк ограничился лишь тем, что сообщил о победе над ними: “Ad gentem Spalorum adveniunt consertoque proelio victoriam adipiscunt” — «Тотчас же без промедления подступают они к племени спалов и, завязав сражение, добиваются победы» (Get., 28). Из этого пассажа явствует, что дальнейшая судьба побежденных спалов его не занимала.

Археологические материалы весьма однозначно указывают на то, что на Волыни в последней четверти II—начале III в. происходит смена культур. На месте поселений зубрицкого типа, скорее всего, принадлежащих одной из групп венетов, появляется культурный слой с вельбарскими материалами¹⁴². При этом, не фиксируется никаких культурных контактов между старожилами и пришельцами, оставившими самые ранние вельбарские памятники в Восточной Европе¹⁴³. Относительно долговременный характер вельбарских памятников Волыни, появление на них стационарных жилищ и нового культурного комплекса, в том числе лепной посуды указывают на то, что это было переселение народа, а не поход в Скифию короля и его дружины. Да и пересказанная Иорданом сага «об обретении родины» не оставляет сомнений в том, что в переселении принимало участие войско (“exercitus”) вместе семьями готов (“cum familiis Gothorum”). В этом пассаже несомненно речь идет еще о народе-войске, состоявшем из всех мужчин, способных носить оружие, а не о королевской дружине.

С другой стороны, с самым началом миграции готов в Восточную Европу специалисты связывают появление поселений волынской зубрицкой культуры южнее на Среднем Днестре. По-видимому, основная

¹³⁹Трубачев О.Н. Указ. соч. С. 45, 105.

¹⁴⁰Магомедов Б. Черняховская культура. Проблема этноса... С. 12.

¹⁴¹Кравченко Н.М. Анти — на зламi віків. Ранньоантський період у світлі історико-археологічних аналогій // Вісник Київського інституту «Слов'янський Університет». 2001. Вип. № 11. С. 206—224.

¹⁴²Козак Д.Н. Указ. соч. С. 204, 211.

¹⁴³Там же. С. 211, 215.

масса венетов покинула Вольты и обосновалась в Поднепровье, где они позднее оставили своеобразные памятники типа Черепин — Теремцы. Другая часть ушла на Средний Днепр, на что указывает появление там поселений «горизонта Боромля».

По рассказу Иордана после победы над спалами готы Филимера продолжают движение на юг и устремляются «в крайнюю часть Скифии, соседствующую с Понтийским морем, как это и вспоминается в древних их песнях как бы наподобие истории» (Get., 28—29). Дальше он уточняет места пребывания готов: «Мы читали, что первое расселение готов было в Скифской земле, около Мэотийского озера; второе — в Мизии, Фракии и Дакии; третье — на Понтийском море, снова в Скифии» (Get., 38). Это свидетельство о пребывании готов на берегах Меотиды, хотя и широко использовалось историками для локализации остроготов в Северо-Западном Приазовье¹⁴⁴, не находит сколь-нибудь заметного отражения в археологических источниках. Как сейчас становится все более очевидным, с появлением готов и других восточногерманских племен можно связать разрушения в Танаисе середины III в., но на берегах Азовского моря до сих пор так и не удалось обнаружить памятники черняховского типа, хотя археологические следы пребывания северных варваров в низовьях Дона имеются¹⁴⁵. Наиболее ранние из них датируются временем появления готов в Восточной Европе.

Объяснить противоречие между данными нарративной традиции о первом местопребывании готов и практически полной археологической «пустотой» по берегам Меотиды в III—IV вв. можно кратковременностью пребывания здесь восточных германцев лишь во время «Готских» войн. Но может быть прав и В.В. Лавров, удачно связавший рассказ Кассиодора/Иордана о переселении готов в самую отдаленную часть Скифии с устойчивой античной традицией отождествления готов со скифами, а скифов с Меотидой¹⁴⁶. Весьма показательно, что и здесь Иордан не упоминает ни о каких столкновениях готов с местными племенами, хотя в первой половине III в. Приазовье было заселено воинственным сарматским населением. Как бы то ни было, проблема «готов на Меотиде» остается до сих пор неразрешенной. Правда, она относится к более раннему времени, чем интересующее нас королевство Эрманариха.

Скорее всего, еще на самом начальном «вольтинском» этапе миграции произошло разделение готов на две части: тервингов-везиготов и грев-

¹⁴⁴Рыбаков Б.А. Язычество Древней Руси... С. 27—28, 37; Буданова В.П. Готы... С. 76—77.

¹⁴⁵Безуглов С.И., Гудименко И.В. Подвеска с выемчатой эмалью из дельты Дона // РА. 1993. №1. С. 169—174.

¹⁴⁶Лавров В.В. Указ. соч. С. 332—333.

тунгов-остроготов¹⁴⁷, что нашло отражение в легендарном рассказе Иордана о рухнувшем мосте, навсегда разделившим родственные народы. С этого времени их пути разошлись: тервинги ушли к низовьям Дуная, а гревтунги — вглубь Скифии¹⁴⁸. Однако у того же Иордана сохранились свидетельства, явно противоречащие вышеизложенной схеме разделения готских племен. Ссылаясь на Аблабия, он сообщает, что часть готов, владевших восточной стороной, возглавил внук Амала, Острогота, по имени которого они, скорее всего, и называются остроготами (Get., 82). Но ниже готский историк свидетельствует, что «Острогота со своим племенем перешел Данубий и опустошил Мезию и Фракию» (Get., 89–91). Более того, из рассказа Иордана о подвигах Остроготы становится ясно, что во времена его балканских походов (218—250) этому королю подчинялись не только остроготы, но и везиготы (Get., 98).

§ 5. Основные этнические компоненты черняховской культуры

В отличие от нарративных источников гораздо больше информации о народах, вошедших в остроготское потестарное образование, дает археология и, прежде всего, изучение памятников черняховской, а также других синхронных ей культур Восточной Европы. К сожалению, в науке еще нет надежного инструмента, позволяющего точно определить степень реального участия каждой составляющей этого процесса, поскольку явления в области материальной культуры, улавливаемые археологами, не всегда адекватно отражают демографические, социальные и этнические процессы¹⁴⁹. Но уже сейчас пространственный анализ черняховских памятников в динамике, с учетом археологических «этномаркеров» позволяет решить некоторые вопросы этнической истории Остроготского королевства.

На протяжении целого столетия одной из самых дискутируемых тем отечественной археологической науки оставался вопрос об этнической принадлежности населения черняховской культуры. В результате бурных дискуссий к середине XX в. сформировались три основные гипотезы этнической принадлежности черняховцев: славянская, полиэтническая и готская.

Большинство советских археологов и историков были сторонниками славянской гипотезы. Они рассматривали черняховскую культуру как

¹⁴⁷ Яйленко В.П. Тервинги и гревтунги в этногенезе Восточной Европы // XI всесоюзная конференция по изучению истории, экономики, литературы и языков скандинавских стран и Финляндии. М., 1989. С. 99—101.

¹⁴⁸ Козак Д.Н. Указ. соч. С. 204.

¹⁴⁹ Щукин М.Б. Готский путь... С. 161.

важный этап этногенеза восточных славян, не имевший никакого отношения к готам. В нашей стране эта гипотеза стала официальной, общепризнанной и вошла во все школьные и вузовские учебники. В рамках этой гипотезы готы, как германский народ или целиком исключались из истории Восточной Европы (В.И. Равдоникас), или в лучшем случае им отводилась небольшая территория в Приазовье (Б.А. Рыбаков). Другие советские ученые, как правило, археологи, хорошо знавшие фактический материал, видели в древностях черняховского типа полиэтничную культуру, носителями которой были разные народы, входившие в состав государства Эрманариха: германцы, славяне, фракийцы, скифы, сарматы. В свое время в рамках этой гипотезы П.Н. Третьяков сформулировал мысль о черняховском населении как о «несложившейся народности», процесс консолидации которой был насильственно прерван вторжением гуннов. Однако он так и не решился дать ей название. В последней работе ленинградский исследователь склонялся к мысли, что именно готы оказались во главе сильного варварского государства, объединившего различные племена на значительных пространствах¹⁵⁰. По вопросу о степени монолитности и дискретности черняховской культуры, а значит и возможности выделения в ней отдельных локальных вариантов, оставленных конкретными этносами, сторонники полиэтничной гипотезы не были единодушны. Одни, как и П.Н. Третьяков, считали эту культуру однородной на всей ее огромной территории и поэтому даже не пытались выявить по археологическим материалам составляющие ее этнические компоненты. Украинские археологи В.Д. Баран, Д.Н. Козак, Б.В. Магомедов в 70—80-е гг. прошлого века приложили много усилий для того, чтобы выделить локальные варианты в черняховских древностях, которые они пытались связать с разноплеменным доготским населением юга Восточной Европы.

До последнего времени в нашей стране меньше всего было сторонников третьей гипотезы — преимущественно готской принадлежности черняховской культуры, сформулированной еще в начале XX в. германскими учеными. Наиболее последовательно с середины 1950-х гг. ее придерживался лишь М.И. Артамонов. Однако и он допускал, что в составе ее населения были не только готы, но и славяне-анты, а также другие негерманские племена. В той или иной степени к готской гипотезе склонялись М.А. Тиханова, Ю.В. Кухаренко, М.Б. Шукин, В.Н. Топоров. Недавно Б.В. Магомедов в своем итоговом исследовании пришел к заключению, что основную массу населения черняховской культуры составляли германцы-готы¹⁵¹. М.Б. Шукин также рассматривал эту

¹⁵⁰Третьяков П.Н. У истоков древнерусской народности // МИА. 1970. № 179. С. 43—52.

¹⁵¹Магомедов Б.В. Указ. соч. С.151.

культуру как важнейший этап «готского пути», хотя и не сводил ее культуругенез к вкладу одних лишь готов¹⁵².

К концу XX в. стало очевидно, что черняховскую культуру невозможно рассматривать как результат простой эволюции ни одной из предшествующих восточноевропейских или центральноевропейских групп памятников, хотя в ее состав в тех или иных пропорциях вошли некоторые позднескифские, сарматские, фракийские, киевские, пшеворские, вельбарские и другие элементы¹⁵³. Выделение последних, определение их «веса», районов концентрации этнокультурных «реликтов» дочерняховского времени позволило в общих чертах наметить картину расселения и взаимодействия изначально различных по происхождению этнических групп, вошедших в состав большого черняховского социума¹⁵⁴. Разумеется, и в настоящее время определенные разногласия между учеными остались, но они касаются в основном вопроса о том, какие племена играли доминирующую роль в процессе формирования этой культуры¹⁵⁵. Ниже мы даем краткую характеристику лишь тем этнокультурным компонентам, которые проявили себя на территории Остроготского королевства в черняховском ареале к востоку от Днестра.

Готы и другие германцы. Сейчас все отчетливее выявляются надежные археологические этноиндикаторы реального присутствия германцев на юге Восточной Европы в III—IV в., признаваемые большинством специалистов по археологии Восточной Европы позднеримского времени. В своей основе они восходят к вельбарской культуре на территории Польши, а также к другим культурам центральноевропейского Барбарикума (пшеворской, горизонт «Лейна-Хаслебен» и др.). Еще раз назовем наиболее важные из них, присутствующие и в черняховской культуре:

1. «Длинные дома». Они не имеют прототипов в восточноевропейских культурах, предшествующих черняховской. Как уже указывалось, этот этнографически самобытный тип жилища обнаруживают истоки в древнегерманской домостроительной традиции (нем. "Wohnstallhaus" — «жилой дом-хлев»). При этом наибольшее распространение «длинных домов» в Свободной Германии приходится как раз на позднеримское время и самое начало эпохи Великого переселения народов¹⁵⁶. Установ-

¹⁵²Шукин М.Б. Готский путь... С. 109, 159.

¹⁵³Шукин М.Б. К предьстории черняховской культуры. Тринадцать секвенций // АСГЭ. 1976. Вып. 20. С. 66—89.

¹⁵⁴Славяне и их соседи в конце I тысячелетия до н.э.—первой половине I тысячелетия н.э. (Археология СССР). М., 1993. С.164.

¹⁵⁵Там же. С. 162.

¹⁵⁶Die Germanen. Bd. II. Die Stämme und Stammesverbände in der Zeit vom 3. Jahrhundert bis zur Herausbildung der politischen Vorherrschaft der Franken. В., 1986. S. 84.

лено, что в Восточной Европе раньше всего такие дома появляются на западе Украины (Лепесовка и др. поселения), причем на памятниках, где массово присутствуют вельбарская керамика и другие материалы, непосредственно предшествующие формированию черняховской культуры¹⁵⁷. Позже они распространяются по всей ее территории и сейчас открыты даже на Верхнем и Нижнем Дону¹⁵⁸.

Археологи попытались связать носителей этой домостроительной традиции с отдельными восточногерманскими племенами. Так, Э.А. Рикман отмечал, что «длинные дома» исследованы на поселениях бургундов в Нижней Силезии¹⁵⁹. Б.В. Магомедов видит в таких домах традицию выходцев из Ютландии, а именно — герулов, которые одно время были союзниками готов¹⁶⁰. Большинство же без особой аргументации приписывают ее готам или просто восточным германцам. На наш взгляд, сейчас рано соотносить этот тип черняховского домостроения с конкретным германским племенем. Но для нашего исследования важно то, что его распространение в Восточной Европе, безусловно, отражало северогерманскую домостроительную традицию.

2. Биритуализм погребального обряда. В черняховской культуре с германской традицией, скорее всего, связаны ингумации с северной ориентировкой и кремации в урнах (вельбарская культура)¹⁶¹. Первые доминируют на всех этапах развития черняховских могильников и связываются с собственно готами — потомками вельбарцев, для которых был характерен обряд ингумации. Вторые, скорее всего, отражают вандальскую погребальную традицию (пшеворская культура). Известно, что еще до начала движения на юг готы покорили вандалов, «присоединив их к своим победам» (Get., 26).

3. Керамика вельбарских и реже пшеворских типов. Важно, что ее характерные формы стали со второй половины III в. воспроизводиться черняховскими гончарами. Детальный анализ этой керамической серии недавно провел Б.В. Магомедов¹⁶². По его мнению, сюда можно отнести т.н. горшки — «кумпфы», характерные трехручные чаши, некоторые типы закрытых мисок, кувшины с биконическим туловом, кружки, керамические ведра. При этом в орнаментации черняховской столо-

¹⁵⁷Шукин М.Б. Готский путь... С. 182.

¹⁵⁸Акимов Д.В., Медведев А.П. Комплекс поселений 2-ой четверти—середины I тыс. н.э. у с. Малая Трещевка // КСИА. 2008. Вып. 222. С. 76—83; Arsenèva T.M., Böttger B., Fornasier J. Griechen am Don. Die Grabungen in Tanais 2000 mit einem Beitrag von M. Ullrich. Die spätantike Periode // Eurasia Antiqua. 2001. Bd. 7. S. 356—365.

¹⁵⁹Рикман Э.А. Этническая история населения Поднестровья и прилегающего Подунавья в первых веках нашей эры. М., 1975. С. 104.

¹⁶⁰Магомедов Б.В. Указ. соч. С. 24.

¹⁶¹Там же. С. 116.

¹⁶²Там же. С. 46—56.

вой посуды специалисты находят развитие стиля оформления посуды той же вельбарской традиции¹⁶³.

4. Вооружение. В его состав входили длинные мечи типа римской сабли, проушные топоры-секиры, в том числе небольшие, использовавшиеся германцами в качестве метательных, наконечники копий и дротики а также щиты с характерными для германцев умбонами¹⁶⁴. Несмотря на немногочисленность этой категории находок на черняховских памятниках, его набор и типологическая принадлежность обнаруживают несомненную близость вооружению племен центральноевропейского Барбарикума. Оно соответствует описанию снаряжения готских воинов Аммиана: «Варвары <...>, прижав к груди щиты, поражали копьями мечами всякого, кто был на их пути» (XXXI.5.9). С другой стороны, широко распространенные у причерноморских кочевников-сарматов и аланов лук и стрелы черняховцами использовались очень редко.

5. Детали одежды, украшения, предметы туалета. Как известно, костюм является важным элементом традиционной народной культуры долго сохраняющим этническое своеобразие¹⁶⁵. По заключению специалистов, черняховский костюм во многом соответствует вельбарскому на поздней цецельской фазе¹⁶⁶. Прежде всего, это основные типы черняховских пряжек (рис. 11, 3; 12), многочисленные арбалетные (рис. 10, 1—3; 11,2), а также небольшие двупластинчатые (рис. 10, 4—5; 11, фибулы¹⁶⁷, имеющие центрально- и западноевропейские прототипы. Весьма показательны, что последние получают распространение на территории СЗ и еще чаще встречаются в комплексах заключительного этапа черняховской культуры СЗ/Д1¹⁶⁸. Установлено, что именно на основе женского черняховского костюма с парными фибулами формируется «княжеский» женский костюм эпохи Великого переселения народов (рис. 12)¹⁶⁹. Из характерных черняховских украшений выделим такие

¹⁶³ Там же. С. 58.

¹⁶⁴ Наиболее полную сводку находок черняховского оружия см.: Магомедов Б. В., Левада М. Е. Оружие черняховской культуры // МАИЭТ. 1996. Вып. 5. С. 304—323.

¹⁶⁵ Мاستыкова А. В. Женский костюм Центрального и Западного Предкавказья конце IV—VI в. н.э. М., 2009. С. 7—8. О проблемах интерпретации костюма эпохи Великого переселения народов см.: Brather S. Kleidung, Bestattung, Identität Die Präsentation sozialer Rollen im frühen Mittelalter zwischen Spätantike und Frühmittelalter // RGA. 2008. Bd. 57. S. 237—273.

¹⁶⁶ Магомедов Б. В. Указ. соч. С. 76.

¹⁶⁷ Мاستыкова А. В. Женский черняховский костюм с двупластинчатыми фибулами // Черняхівська культура. Актуальні проблеми досліджень (до 40-річчя археологічної експедиції НПУ ім. М. П. Драгоманова). К., 2010. С. 50—52.

¹⁶⁸ Милашевський О. С. Поховання черняхівської культури з двопластинчастими фібулами (етнічний аспект) // Археологія. 2014. № 3. С. 45—52.

¹⁶⁹ Мاستыкова А. В. Указ. соч. С. 52.

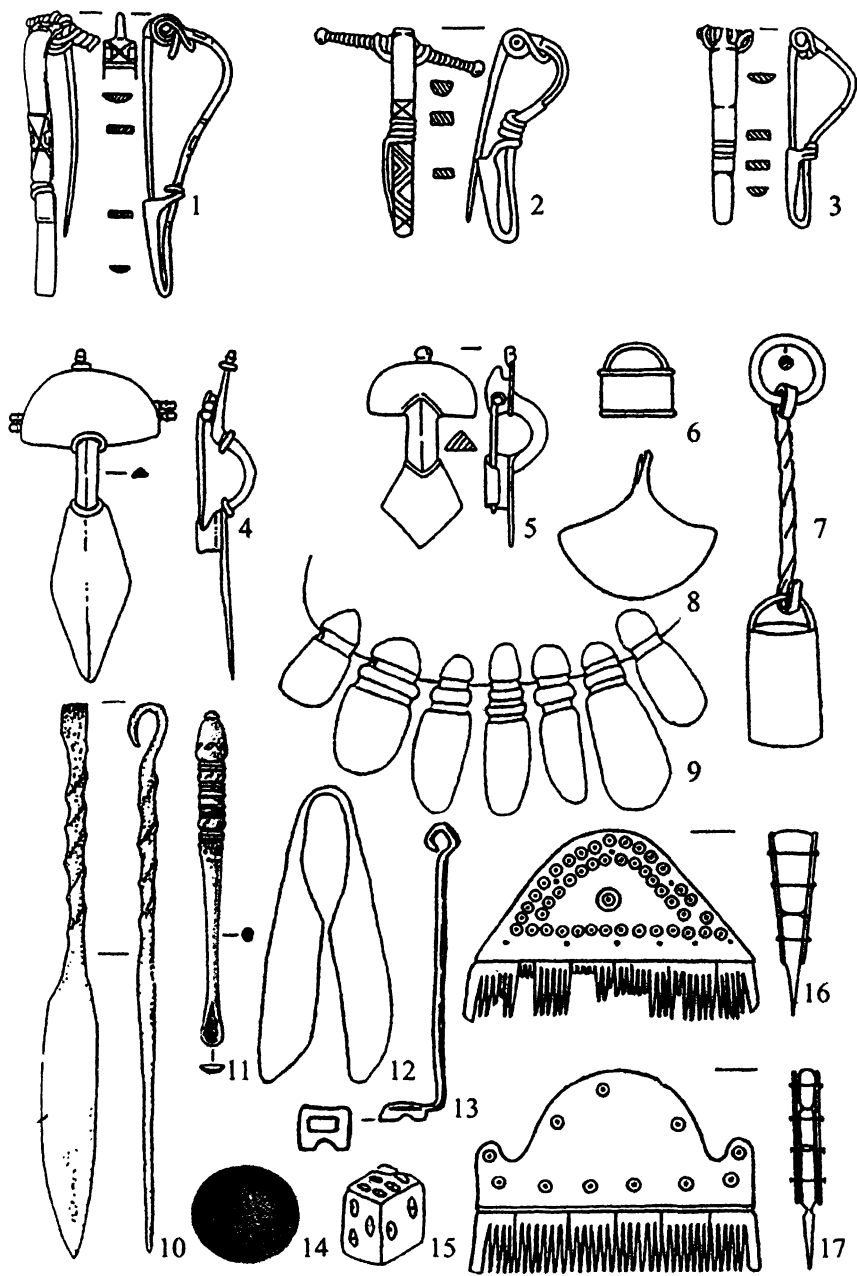

Рис. 10. Украшения, детали одежды и другие находки из погребений черняховской культуры

(1—5 — фибулы; 6, 7 — ведерковидные подвески; 8 — бронзовая подвеска; 9 — грибовидные янтарные бусы-подвески; 10 — бронзовый хирургический нож; 11 — копоушка; 12 — ножницы; 13 — ключ; 14 — игровой жетон; 15 — костяной кубик; 16, 17 — роговые гребни).

1

2

3

Рис. 11. Бусы (1), фибула (2) и пряжки (3) из погребений могильника Войтенки Харьковской обл. (фото М.В. Любичева)

Рис. 12. Костюм готской женщины IV—V вв.

(по: Attila und die Hunnen. 2007. S. 98)

металлические ведеркообразные подвески (рис. 10, 6—7), т. н. «молоточки Тора», янтарные грибовидные бусы-подвески (рис. 10, 9)¹⁷⁰. Почти неизменным атрибутом женского убранства были трехслойные односторонние гребни из рога и кости (рис. 10, 16—17), реже из железа¹⁷¹. По этому признаку черняховская культура определенно входит в ареал северо-европейских германских культур и резко отличается от автох-

¹⁷⁰ *Мастыкова А.В.* О распространении янтарных грибовидных бус-подвесок позднеримского времени на Юге Восточной Европы и в Закавказье // *Сто лет черняховской культуре.* К., 1999. С. 176; *Гонкало О.В.* Бусы и подвески черняховской культуры. К., 2008. С. 71.

¹⁷¹ *Магомедов Б.В.* Указ. соч. С. 84.

тонных древностей Восточной Европы II—IV вв.¹⁷² Важно, что косторезные мастерские для изготовления трехслойных гребней неоднократно находили на поселениях черняховской культуры, в том числе на ее далекой северо-восточной периферии на Верхнем Дону¹⁷³.

6. Элитарная субкультура, проявляющаяся, прежде всего, в наборах пирашественных сосудов, стеклянных жетонов для римской игры “calculi”, украшениях и амулетах. Безусловно, она близка комплексам из «княжеских» погребений Германии и резко отличается от синхронной культуры причерноморской сармато-аланской аристократии. Следует обратить внимание на то, что из всех драгоценных металлов черняховская знать предпочитала серебро, тогда как сарматы и аланы III—IV вв. — золото.

7. Руническая письменность старшего футарка. Найденные в черняховском ареале, в том числе на крайнем востоке, рунические надписи были разновидностью общегерманского рунического письма. В форме рун и в языковом состоянии надписей специалисты усматривают своеобразное литературное койнэ, характерное для различных германских народов II—V вв., но в особенности для герулов¹⁷⁴. Исследователи обратили внимание на то, что рунические надписи, открытые в процессе раскопок погребений, обычно происходят из ингумаций¹⁷⁵.

8. Данные антропологии. Исследования российских и украинских антропологов свидетельствуют о присутствии среди черняховцев краниологических типов, близких или аналогичных населению Северной и Центральной Европы римского времени¹⁷⁶. В последнее время это заключение нашло подтверждение в работах Т.А. Рудич, изучившей новый массовый материал из черняховских могильников¹⁷⁷. По ее наблюдениям в черня-

¹⁷²Шукин М.Б. Готский путь... С. 173—175.

¹⁷³Обломский А.М., Усачук А.Н. Технология изготовления гребней в Замятино-5 и Замятино-8 и мастерские гребенщиков // Острая Лука в древности. Замятинский археологический комплекс гунского времени (Раннеславянский мир. Вып. 6). М., 2004. С. 69—83.

¹⁷⁴Макаев Э.А. Язык древнейших рунических надписей (лингвистический и историко-филологический анализ). М., 2002. С. 49.

¹⁷⁵Ганина Н.А. Древнегерманский погребальный обряд: слова, понятия, реалии // Представления о смерти и локализация Иного мира у древних кельтов и германцев. М., 2002. С. 184—186.

¹⁷⁶Великанова П.С. Палеоантропология Прутско-Днестровского междуречья. М., 1975. С. 75, 86; Ефимова С.Г. Население Восточной Европы в эпоху железа и позднеримское время // Восточные славяне. Антропология и этническая история. М., 1999. С. 304—305.

¹⁷⁷Рудич Т.А. К вопросу об ориентации погребенных на могильниках черняховской культуры // Сто лет черняховской культуре. К., 1999. С. 126—134; Она же. Антропологічний склад населення черняхівської культури. Питання його походження та генетичні зв'язки // Зап. наук. товариства ім Т.Г. Шевченка. Львів, 2007. № ССLIII. С. 386—413; Она же. Центральноевропейское влияние в погреб-

ховских ингумациях с северной ориентацией, в том числе и Левобережья Днепра присутствует долихокранный морфотип с длинным и высоким лицом. Как оказалось, он не является базовым ни для краниологии германцев, ни для славян, зато известен в кельтских центральноевропейских популяциях, а также испытавшей их влияние вельбарской культуре¹⁷⁸.

Появление этого нового для Восточной Европы антропологического типа свидетельствует о притоке населения из районов Центральной Европы и Прибалтики. В настоящее время антропологи уверенно говорят о центральноевропейской составляющей черняховского населения, которая хорошо коррелирует с другими элементами этой культуры, в том числе с погребальной обрядностью¹⁷⁹. Но и археология, и антропология со всей определенностью указывают на то, что это пришлое с запада и северо-запада население не представляло собой единого этноисторического целого, а принадлежало к различным германским племенным группировкам¹⁸⁰.

Итак, анализ наиболее представительного германского компонента в черняховской культуре показывает его гетерогенность — принадлежность к различным центрально- и североевропейским культурным традициям. Он свидетельствует об этнической неоднородности германского суперстрата, не сводимого к одним лишь готам. Уточнить его состав в различных черняховских популяциях со временем поможет хромосомный анализ гаплогрупп.

Скифы и сарматы. Ираноязычные кочевники, сарматы и аланы, а также осевшие на землю поздние скифы были основным населением степной зоны Восточной Европы до переселения туда готов. Поэтому логично было бы считать их тем этническим субстратом, на который наложился пришлый, восточногерманский этнос, давший начало черняховской культуре. Позднеантичная литературная традиция, начиная с III в. относила готов к восточным варварам, «скифам»¹⁸¹. Вопрос о наличии в черняховских могильниках скифского и сарматского компонента впервые был поставлен Ю.В. Кухаренко более полувека назад¹⁸². Однако долгое время скифо-сарматские черты в черняхове рассматривались суммарно¹⁸³.

бальном обряде черняховской культуры // Археология Центральной и Восточной Европы позднеримского времени и Эпохи Великого переселения народов (Ostrogothica). Харьков, 2009. С. 216—221.

¹⁷⁸ Рудич Т.А. Центральноевропейское влияние в погребальном обряде... С. 217.

¹⁷⁹ Там же. С. 220.

¹⁸⁰ Магомедов Б.В. Указ. соч. С. 116.

¹⁸¹ Горюховский Е.Л., Гопкало О.В. Указ. соч. С. 243.

¹⁸² Кухаренко Ю.В. К вопросу о славяно-скифских и славяно-сарматских отношениях: по данным погребального обряда // СА. 1954. Вып. XIX. С. 111—120.

¹⁸³ Рикман Э.А. Указ. соч.; Седов В.В. Скифо-сарматские элементы в погребальной обрядности черняховской культуры // Вопросы древней и средневековой археологии Восточной Европы. М., 1978. С. 93—99.

Лишь позднее археологические свидетельства проявления этих традиций в черняховских памятниках стали изучаться дискретно, что сразу показало перспективность такого подхода в изучении вопроса о ее субстрате¹⁸⁴. В результате удельный вес скифского компонента в черняховской культуре заметно снизился, но зато приобрел более надежное обоснование:

1. В домостроительстве с культурой поздних скифов связывают каменные дома Причерноморского региона, в которых усматривают проявление варваризованной античной традиции местного оседлого населения¹⁸⁵.

2. В керамическом комплексе к скифской традиции относят некоторые формы лепных горшков, в частности типы II—1, II—2 и III классификации Б.В. Магомедова, хотя А.М. Обломский справедливо отметил, что они, являясь «скифоидными» по происхождению, использовались и сарматами¹⁸⁶.

3. По заключению антрополога Т.А. Рудич, западноориентированные черняховские погребения по краниологии более всего обнаруживают близость «поздним скифам» из могильников Николаевка-Козацкое, Золотая Балка, Неаполя Скифского¹⁸⁷.

По данным археологии сарматский компонент в черняховской культуре выглядит более весомо:

1. С сарматской традицией связывают легкие, круглые в плане жилища типа кочевнических юрт, иногда встречающиеся на причерноморских поселениях¹⁸⁸. Правда, подобные постройки известны и на позднескифских городищах Крыма первых веков н.э.

2. Погребения в ямах с заплечиками, в подбоях и катакомбах. Последних больше всего в причерноморских памятниках — до 20%, но в целом не более 1%, что, видимо, отражает реальный вес сарматов и алан среди черняховского населения южных и восточных районов¹⁸⁹.

¹⁸⁴Гей О.А. Черняховская культура и скифо-сарматский мир: автореф. дисс. канд. ист. наук. М., 1985; Магомедов Б.В. Указ. соч. С. 120—124; Обломский А.М. Днепровское лесостепное Левобережье в позднеримское и гуннское время (сер. III—перв. пол. V в. н.э.). М., 2002. С. 47—49; Любичев М.В. Позднескифский/сарматский компонент в черняховской культуре лесостепи между Днестром и Северским Донцом: особенности проявления // Варварский мир северопонтийских земель в сарматскую эпоху. К., 2013. С.64—77.

¹⁸⁵Гудкова А.В. Каменное домостроительство на черняховских поселениях Причерноморья // Днестро-Дунайское междуречье в I—начале II тыс. н.э. К., 1987. С. 6—15; Магомедов Б.В. Черняховская культура Северо-Западного Причерноморья... С. 15—25.

¹⁸⁶Обломский А.М. Указ. соч. С. 47.

¹⁸⁷Рудич Т.А. К вопросу об ориентации погребенных... С. 127—128.

¹⁸⁸Магомедов Б.В. Черняховская культура... С. 22.

¹⁸⁹Там же. С. 122—123; Любичев М.В. Сарматские элементы на могильниках черняховской культуры Днепро-Донской лесостепи // Черняхівська культура. Актуальні проблеми досліджень (до 40-річчя археологічної експедиції НПУ ім. М.П. Драгоманова). К., 2010. С. 45—48.

Правда, в последнее время появилась статья А.А. Васильева, объясняющая наличие уступов в черняховских могилах чисто технологическими особенностями выкапывания погребальных сооружений в грунте¹⁹⁰.

3. Обрядовые особенности, в частности, традиция перекрещивать в голенях ноги и класть ладонь на нижнюю часть живота. В то же время, скорченные костяки никак нельзя считать «сарматским» признаком¹⁹¹, т.к. в собственно сарматских курганных могильниках первых веков н.э. это положение встречается редко.

4. Напутственная пища в виде мяса мелкого рогатого скота в сочетании с ножом.

5. Оружие сармато-аланских типов, в частности немногочисленные кинжалы с вырезами типа Хазанов-5¹⁹² и луки «гуннского» типа с косяными накладками.

6. Искусственная деформация черепа. Это бесспорно признак позднесарматской традиции, но в черняховских могильниках скелеты с деформированными черепами встречаются весьма редко.

В целом в черняховской культуре скифский и сарматский субстрат прослеживается весьма слабо¹⁹³. На наш взгляд, большинство вышперечисленных признаков, являются свидетельством присутствия отдельных групп сарматов и алан среди носителей уже сформировавшейся черняховской культуры. Принято считать, что скифо-сарматский компонент наиболее полно представлен в северопричерноморском регионе, однако его присутствие отмечено и в лесостепи¹⁹⁴. Судя по некоторым погребениям в подбоях с деформированными черепами (Боромля, погр. 3, но остатки напутственной пищи в виде костей поросенка?; Компанийцы, погр. 124), выходцы из степного сармато-аланского мира погребались на кладбищах вместе с остальными черняховцами, что скорее отражает не этногенетические процессы, а межэтнические контакты готов с восточными и южными соседями — сарматами и аланами IV в.

Праславяне. По данным археологии славянский компонент в составе черняховской культуры, несмотря на усиленные поиски российских и украинских исследователей, археологически пока прослеживается гораздо слабее и не на всей территории ее распространения. На западе Украины это поселения типа Черепин-Теремцы на Днестре, на востоке в Днепровском Левобережье — памятники типа Боромля-2, а также

¹⁹⁰Васильев А.А. Погребения в ямах с уступами в черняховской культуре // Варварский мир северопонтийских земель в сарматскую эпоху. К., 2013. С. 96—109.

¹⁹¹Обломский А.М. Указ. соч. С. 47—48.

¹⁹²Хазанов А.М. Очерки военного дела сарматов. М., 1971. С. 17.

¹⁹³Рудич Т.А. Сарматы в составе черняховской культуры (по материалам антропологии) // Готы и Рим. К., 2006. С. 83.

¹⁹⁴Любичев М.В. Позднескифский/сарматский компонент... С. 72.

поселения с материалами киевской культуры. По практически единодушному заключению специалистов, приднестровские памятники типа Черепин-Теремцы продолжают линию развития местных древностей зубрицкой культуры, скорее всего, оставленной одной из группировок венетов Плиния Старшего и Тацита, вытесненных с Волыни в конце II в. пришлым с Запада вельбарским населением¹⁹⁵. С другой стороны, почти все археологи считают надежно доказанной генетическую связь верхне- и среднеднестровских поселений III—начала V в. с достоверно славянской пражской культурой V—VII вв.¹⁹⁶ Она массово проявляется в ряде базовых археологических признаков, характерных для культуры ранних славян начала Средневековья:

1. Постройки в виде углубленных в грунт жилищ. Выявлена основная тенденция их развития — от глубоких землянок к полуземлянкам, которые к финалу позднеримского времени приобретают характерную подквадратную форму¹⁹⁷. К тому же в полуземлянках на поселениях типа Теремцы впервые появляются отопительные устройства в виде печи-каменки¹⁹⁸. Как известно, в начале Раннего Средневековья такие полуземлянки квадратной в плане формы с печью-каменкой станут основным этнографическим типом жилища восточных славян (культура Прага-Корчак).

2. Массовый керамический материал на поселениях типа Черепин-Теремцы резко отличается от гончарной черняховской посуды, прежде всего, тем, что более половины его составляет лепная керамика. Важно то, что ряд форм лепной посуды находят соответствие в раннеславянской пражской культуре V—VII вв. В то же время, в нем отсутствуют многие характерные черняховские формы гончарной керамики, например, трехручные вазы, являющиеся своего рода «визитной карточкой» черняховской культуры¹⁹⁹.

В связи с явными отличительными признаками верхнеднестровской группы памятников черняховского времени М.Б. Шукин даже высказал сомнение в возможности включать их в состав черняховской культуры²⁰⁰. Они действительно кажутся своеобразным островом в окружении носителей черняховской культуры, возникшем в

¹⁹⁵ Магомедов Б.В. Черняховская культура... С. 125; Козак Д.Н. Указ. соч. С. 21—29.

¹⁹⁶ Баран В.Д. Черняхівська культура: За матеріалами Верхнього Дністра та Західного Бугу. К., 1981; Магомедов Б.В. Черняховская культура... С. 125; Гаври-тухин И.О. Актуальные проблемы изучения ранней истории славян и славянского расселения на юг и запад (пражская культура) // Труды II (XVII) Всероссийского археологического съезда. М., 2008. Т. II. С. 207.

¹⁹⁷ Славяне Юго-Восточной Европы в предгосударственный период. К., 1990. С. 116; Магомедов Б.В. Указ. соч. С. 124.

¹⁹⁸ Баран В.Д. Черняхівська культура... С. 54—57.

¹⁹⁹ Там же. С. 77, 178; Магомедов Б.В. Указ. соч. С. 124.

²⁰⁰ Шукин М.Б. Готский путь... С. 163.

результате трансформации в III в. зубрицкой культуры в древности типа Черепин. Однако В.Н. Войнаровский недавно привел аргументы в пользу включения памятников типа Черепин в черняховскую культуру на уровне ее локального варианта²⁰¹. Как бы то ни было, бросающиеся в глаза отличия памятников типа Черепин — Теремцы от классического черняховского комплекса (полуземляночное домостроительство, набор лепной посуды, отсутствие в могильниках ингумаций) могут рассматриваться как свидетельства определенной этнокультурной автономии потомков автохтонного населения Верхнего Поднепровья (венетов), оказавшихся в вассальной зависимости от готов еще до завоеваний Эрманариха.

Другая, восточная группа древностей, связанная со славянским этносом в составе черняховской культуры, известна в лесостепном Днепро-Донском междуречье. Это поселения и могильники киевской культуры III—IV вв., которая сложилась на основе местной позднезарубинецкой при участии пришлого населения, в частности носителей пшеворской культуры²⁰². Исследователи не без основания связывают консолидацию различных разрозненных групп венетского населения в киевскую культуру с естественной реакцией на возникшую новую опасность — появлением готов в Восточной Европе²⁰³. В южной части Среднего Поднепровья, Днепровском Левобережье и в западной части бассейна Северского Дона выделяются т.н. «черняховские древности киевской традиции»²⁰⁴ или по другой терминологии памятники «киевской этнокультурной традиции в черняхове»²⁰⁵. Это поселения с черняховским археологическим комплексом, но с характерной киевской лепной керамикой. Территориально и отчасти культурно они не позже начала IV в. оказались включены в черняховскую общность, где располагались чересполосно с черняховскими поселениями с характерной вельбарской традицией²⁰⁶. В последнее время стало известно, что это смешанное население проникает даже в верховья Дона, где им оставлены поселения типа Каширки-Седелок²⁰⁷.

²⁰¹ Войнаровский В.Н. Уаз. соч. С. 69—70.

²⁰² Обломский А.М. Этнические процессы на водоразделе Днепра и Дона в I—V вв. н.э. М.;Сумы, 1991. С. 86—89.

²⁰³ Щукин М.Б. На рубеже эр... С. 244.

²⁰⁴ Абашина Н.С., Обломский А.М., Терпиловский Р.В. К вопросу о раннеславянских элементах культуры на черняховских памятниках Среднего Поднепровья // РА. 1999. № 4. С. 49—50.

²⁰⁵ Обломский А.М. Днепровское лесостепное Левобережье... С. 49—50.

²⁰⁶ Обломский А.М. Киевская культура на фоне этнокультурных процессов в лесостепной зоне в III—V вв. // Памятники киевской культуры в лесостепной зоне России (III—начало V в. н.э.) (Раннеславянский мир. Вып. 10). М., 2007. С. 45—53.

²⁰⁷ Обломский А.М. О памятниках лесостепного Подонья позднеримского времени // Верхнедонской археологический сборник. Липецк, 2001. Вып. 2. С. 122—140.

Для решения вопроса об этнической принадлежности этой южной части киевского населения, оказавшегося на территории черняховской культуры, важно, то, что большинство сосудов, найденных на памятниках «киевской традиции в черняхове», близки набору посуды раннесредневековой пеньковской культуры²⁰⁸. Принадлежность последней славянам-антам V—VII вв. «по единству места и времени» распространения достаточно хорошо обоснована в науке²⁰⁹. Сейчас специалисты прослеживают в междуречье Днепра и Дона процесс формирования восточной ветви ранних славян, важнейшими звеньями которого были: позднезарубинецкая культура конца I—II в., киевская культура III—первой половины V в. и пеньковская культура V—VII вв.²¹⁰

В последнее время на территории формирующейся черняховской культуры стал известен новый тип памятников, скорее всего, оставленный еще одной группой праславян-венетов. Это т.н. «горизонт Боромля», датированный финалом ступени C1b—C2, т.е. второй половиной III—первыми десятилетиями IV в.²¹¹ Поселения этого горизонта открыты в лесостепном Днепро-Донецком Левобережье. Основной тип жилищ — углубленные полуземлянки с лежанками вдоль стен, отапливаемые открытыми очагами. Помимо вельбарской и пшеворской керамики они содержат немало лепной посуды, очень близкой верхнеднепровской типа Демьянов — Черепин. С этим горизонтом в Днепро-Донецком Левобережье связывают распространение светлоглиняных амфор танаисского типа D, а также фибул с высоким приемником Альмгрен — VII, появление вертикального ткацкого станка с коническими и пирамидальными грузилами, а также своеобразной традиции сооружения в постройках печей-каминов²¹². Учет этих и других находок позволил поставить вопрос о носителях этих культурных инноваций²¹³.

²⁰⁸Обломский А.М. Киевская культура... С. 51.

²⁰⁹Седов В.В. Анты // Проблемы советской археологии. М., 1978. С. 164—173; Приходнюк О.М. Анты и пеньковская культура // Древние славяне и Киевская Русь. К., 1989. С. 58—59; Винокур І.С. Анті і склавіни у світлі нових археологічних досліджень // Етнокультурні процеси в Південно-Східній Європі в I тисячолітті н.э. К.; Львів, 1999. С. 61—67.

²¹⁰Обломский А.М., Терпиловский Р.В. О происхождении восточной ветви ранних славян // Труды II (XVII) Всероссийского археологического съезда в Суздале М., 2008. Т. II. С. 257—262.

²¹¹Любичев М.В. «Горизонт Боромля» как область «праславянской» культурной провинции середины III—начала IV в. (ступени C1b—C2) // Germania-Sarmatia II. 2010. С. 149—176.

²¹²Любичев М.В. К вопросу о времени появлении памятников черняховской культуры на Днепро-Донецком водоразделе // РА. 2003. № 3. С. 71—81; Он же. Этнокультурный подтекст распространения фибул типа Альмгрей-VII восточнее Днепра // Древности 2006—2008. Харьков, 2008. С. 36—47.

²¹³Некрасова А.Н. Хронология распространения черняховской культуры в Днепро-Донецком лесостепном Левобережье // Археологические исследования в Центральном Черноземье. Белгород, 1990. С. 59—60.

Большинство исследователей объясняют их появление к востоку от Днепра миграцией части населения из Среднего и Верхнего Поднестровья, вытесненного оттуда вельбарцами второй дитиничской волны²¹⁴. Правда, А.М. Обломский настаивает на генетической преемственности группы левобережных памятников горизонта Боромля с местными киевскими типа Шишино-5 — Шмырево. Но и он признает, что отдельные группы из Поднестровья в этот регион все же проникали²¹⁵. Сейчас исследователи усматривают в носителях древностей горизонта Боромля еще одну праславянскую племенную группу, явившуюся субстратом распространения в Левобережье Днепра черняховской культуры ступени С3²¹⁶.

Таким образом, классическая черняховская культура была результатом творчества и взаимодействия, как пришлого северо- и центральноевропейского населения, так и местного восточноевропейского при сильнейшем нивелирующем влиянии провинциально-римской культуры²¹⁷. В интересующем нас аспекте она являлась материальным отражением процессов объединения восточногерманских племен и соседних народов. Огромные размеры ее территории и особенно полиэтничность населения сами по себе свидетельствуют о существовании в Восточной Европе IV в. масштабного надплеменного потестарного образования, каким по месту и времени могло быть лишь Остроготское королевство. Другие восточноевропейские объединения, например, искусственно сконструированное М.Ю. Брайчевским «Антское царство»²¹⁸, вряд ли являлись ему конкурентами, к тому же и сам этноним анты появляется в источниках уже после гибели королевства Эрманариха.

²¹⁴ Баран В.Д. Давні слов'яни. К., 1998. С. 188; Любичев М.В. К вопросу о времени появлении памятников черняховской культуры... С. 74; Шукин М.Б. Готский путь... С. 133.

²¹⁵ Обломский А.М. О времени и характере распространения черняховской культуры на территории Днепровского Левобережья // Археология Центральной и Восточной Европы поздне-римского времени и Эпохи Великого переселения народов (Ostrogothica). Харьков, 2009. С. 272.

²¹⁶ Баран В.Д. Черняхівська культура — поліетнічне утворення на території південно-східної Європи // Археологія давніх слов'ян. К., 2004. С. 98—100.

²¹⁷ Шукин М.Б. Готский путь... С.159.

²¹⁸ Брайчевський М. Антське царство. Конспект історії України // Старожитності. К., 1991. Ч. 5. С. 4; Он же. Анти // Брайчевський М. Вибрані твори. К., 1999. С. 391—436. В более «современной» форме та же мысль выражена в работах Ю.В. Павленко, развивавшем идею о становлении ранней государственности в антском обществе, которое, на его взгляд, оставило лесостепную черняховскую культуру. См.: Павленко Ю.В. Раннеклассовые общества (генезис и пути развития). К., 1989. С. 243.

Глава V

Социальная
организация

§ 1. Поселенческие структуры

Поселенческие структуры служат важным показателем уровня социально-экономического развития того или иного общества. Их пространственный анализ может дать хорошие результаты лишь при условии достаточной археологической изученности микрорайонов памятников разведками и раскопками¹. Поселения составляют не менее 90% известных черняховских памятников. Из них раскопками изучено свыше 200². Подавляющее большинство черняховских поселений имеет характер неукрепленных селищ. Уже одно это свидетельствует о том, что население, как в лесостепи, так и степи вплоть до конца IV в. не испытывало какой-либо серьезной угрозы со стороны³. В свою очередь это может служить косвенным указанием на существование надплеменной (надрегиональной) военно-политической силы, способной обеспечить относительную безопасность всему социуму на огромных пространствах, занятых черняховской культурой.

Для черняховских поселений наиболее характерны равнинно-балочные или равнинно-склоновые ландшафты⁴. Выше уже отмечалась приуроченность черняховских селищ к черноземным почвам, в первую очередь использовавшимся под пашню. В ряде случаев установлено, что черняховские поселения располагались более или менее крупными группами на небольшом расстоянии друг от друга. Как правило, селища вытянуты полосой вдоль берега: при небольшой ширине в 100—200 м они имеют протяженность от 500 м до 2 км и более. Размеры черняховских поселений различны: от 2—4 га до 15—20 га. В настоящее время невозможно точно установить количество жилых и хозяйственных построек на черняховских селищах, т.к. ни одно из них полностью не раскопано. Однако на наиболее исследованных из них открыто от 28 до 44 разнотипных жилищ и это, притом, что большая часть их площади осталась за пределами раскопов. Отталкиваясь от количества

¹ *Settlement and Society: Aspects of West European Prehistory in the First Millennium* B. C. Leichester Univ. Press, 1985; *Пространство культуры в археолого-этнографическом измерении (Западная Сибирь и сопредельные территории)*. Томск, 2001.

² *Магомедов Б.В. Черняховская культура. Проблема этноса (Monumenta Studia Gothica. Т. 1)*. Lublin, 2001. С. 19.

³ *Петрухин В.Я., Раевский Д.С. Очерки истории народов России в Древности и Раннем Средневековье*. М., 1998. С. 139—140.

⁴ *Шишкин Р.Г. Система заселения Среднего Поднепровья в I—V вв. // Тези доповідней української делегації на VI Міжнародному конгресі слов'янської археології (Новгород, Росія, 1996 р.)*. К., 1996. С. 58—60; *Обломский А.М. Днепровское лесостепное Левобережье в позднеримское и гуннское время (сер. III—перв. пол. V в. н.э.)*. М., 2002. С. 31.

исследованных жилищ, а также пятен их развалов на распашке, специалисты определяют численность обитателей таких селищ от нескольких десятков до нескольких сот человек.

Однако в лесостепи известны поселения-гиганты площадью до 40 га и более, где одновременно могло проживать несколько тысяч человек. По этим количественным показателям они не уступали некоторым античным городам, хотя собственно урбанистических структур ни на одном из исследованных черняховских памятников не выявлено. Да, скорее всего, их и не было, т.к., судя по всему, черняховская модель расселения исключала концентрацию жителей на ограниченном пространстве. В связи с отсутствием укреплений на подавляющем большинстве черняховских поселений можно вспомнить сообщение Тацита о том, что «народы Германии не живут в городах и даже не терпят, чтобы их жилища примыкали вплотную друг к другу» (Тас., Germ., 16), а также более позднее интересное свидетельство Прокопия Кесарийского о том, что крымские готы «не терпят быть заключенными в каких бы то ни было стенах, но больше всего любили они жить всегда в полях» (Procop., De Aed., III.7.16). Видимо, по этой причине Аммиан Марцеллин, Иордан и другие авторы при описании страны готов ни разу не упоминают городов и даже простых укреплений-опидумов, за исключением вала Атанариха, сооруженного в чрезвычайных обстоятельствах гуннской опасности. Эту неприязнь к городской жизни большинство готов сохранили до конца своей истории⁵.

С другой стороны, тысячи черняховских поселений, внушительные размеры многих из них, большое число жилищ указывают на весьма многочисленное население, намного превосходящее не только численность предшественников-зарубинцев, но и ранних славян VI—VII вв. Достаточно напомнить, что в некоторых районах плотность черняховских поселений лишь немногим уступала современным украинским селам⁶.

На большинстве черняховских селищ зафиксированы мощные культурные слои с остатками перекрывающих друг друга построек, свидетельствующие об их весьма длительном существовании. Для ряда черняховских поселений была характерна уличная система застройки, хотя чаще встречалось кучное расположение жилищ⁷. Усадьбы включали несколько построек: погреб, хлев, свинарник, амбар, а также двор и загон. В больших черняховских поселениях, жили люди, связанные не столько родственными связями, сколько соседством, общими интересами в хозяйстве.

⁵ Скардильи П. Готы и их культура. СПб., 2012. С. 168; Циркин Ю.Б. Испания от Античности к Средневековью. СПб., 2010. С. 89.

⁶ Шукин М.Б. Готский путь (готы, Рим и Черняховская культура). СПб., 2005. С. 162.

Баран В.Д., Магомедов Б.В. Черняховская культура // Археология Украинской ССР. К., 1986. Т. 3. С. 73.

Нельзя не заметить, что черняховские поселения конца III—IV вв. демонстрируют во многом иной тип расселения, а значит и социальной организации, нежели у германцев. Известно, что в северной части Германии и Скандинавии население предпочитало жить обособленными хуторами, а не крупными поселками. Это весьма характерное для германцев явление. А.Я. Гуревич назвал аграрным индивидуализмом⁸. Видимо, для готов с причерноморского этапа их истории, аграрный индивидуализм был уже не характерен. Возможно, в этом отступлении от старых германских «хуторских» традиций свою роль сыграл природный фактор, в первую очередь плодородные украинские земли. Их распашка позволяла прокормиться гораздо более крупным коллективам по сравнению с Германией. На существование у готов таких сельских поселений с элементами сохранившейся общинной организации указывают и письменные источники, в частности, данные о деревне, где жил Савва Готский.

Судя по имеющимся материалам, черняховские поселения отражают один из ранних видов соседской территориальной общины⁹. Она позволяла членам сообщества заниматься хозяйственной деятельностью, поддерживать обычаи, порядок, защищаться от врагов, исполнять культовые обряды¹⁰. Человека той эпохи трудно представить вне коллектива родичей, соседей и других близких ему людей. К сожалению, в отличие от территории Свободной Германии, вокруг черняховских поселений пока не обнаружены древние поля, позволяющие уточнить тип черняховской общины. Но на ее соседский характер указывают следы искусственных оград вокруг отдельных черняховских усадеб (гот. “garda” — «плетень»). В связи с этим укажем, что в готском языке IV в. имелся глагол «граничить» (“gamarko řizai”). Для изучения этого вопроса важны находки замков и ключей, причем, последние встречались не только в домах и культурном слое черняховских поселений, но и в погребениях, в составе сопровождающего инвентаря, иногда на поясе погребенных. Такие находки являются археологическим свидетельством существования у черняховцев института частной собственности или точнее движимости, ценностей, которые должны находиться под замком и запором.

Для разработки поставленной проблемы весьма показательны, что в готском языке IV в. выделяется терминология, связанная с собствен-

⁸ Гуревич А.Я. «Феодалное Средневековье»: что это такое? Размышления медиевиста на грани веков // Гуревич А.Я. История — нескончаемый спор. М., 2005. С. 734.

⁹ Рикман Э.А. Некоторые черты общественного строя племен низовьев Днестра и Дуная в первые века нашей эры // СЭ. 1970. № 6. С. 31—32.

¹⁰ Сорокина Е.А. Статус семьи у древних германцев (к проблеме семантической реконструкции) // Индоевропейское языкознание и классическая филология: материалы XIII чтений памяти И.М. Тронского. СПб., 2009. С. 485.

ностью и с защитой от посягательства на чужое имущество. Это: собственность (“aigin”, “aihts”); кража (“þiubi”); воры (“þiufs”); воровать (“stilan”). Данные «Готской Библии» не оставляют сомнений, что имущественное благосостояние являлось у готов неременным условием высокого социального статуса. При этом неимущие рассматривались как люди, которые не могут играть сколько-нибудь важной роли в общественной жизни. Так, во время преследования христиан, везиготский вождь Атарид, узнав о том, что в готской деревне проживает христианин Савва, прежде всего, осведомился о его имущественном положении и, узнав, что у Саввы нет ничего кроме одежды, успокоился, т.к. такой человек, по его представлениям, не мог принести «ни вреда, ни пользы» (Passio, III.14-15).

Но гораздо важнее, что в лексике «Готской Библии» есть готское слово “haimofli” (греч. “ἄρουός”) — «землевладение»¹¹. Этот термин особенно важен, т.к. он характеризует отношение готов к земле¹². Вторая его часть имеет ту же основу, что др.-герм. “ōdal”, др.-англ. “ōdel”, “eadele”, двн. “uodal”, “uodil”, др.-фриз. “ethel”, др.-сакс. “odil”. Известно, что в Раннем Средневековье «одадь» — это наследственное семейное владение, земля, неотчуждаемая за пределы коллектива родственников. Это слово означало, прежде всего, землю предков, а также собственность семьи, усадьбу¹³. По определению А.Я. Гуревича, «одадь» — это «вотчина», «отчизна» и в узком, и в широком смысле. Человек видел свое отечество там, где жили его отец и предки, и где проживал и трудился он сам; микромир его усадьбы идентифицировался с обитаемым миром в целом¹⁴.

Как известно, институт одаля свойственен уже не родовой, а соседской общине¹⁵. На ее существование у готов указывают слова “bisitand”

¹¹ Feist S. Vergleichendes Wörterbuch der Gotischen Sprache. Mit Einschluß des Krim-götischen und sonstiger Zerstreuter Überreste des Gotischen. Leiden, 1939; Вольфрам Х. Готы. От истоков до середины VI века (опыт исторической этнографии). СПб, 2003. С. 153. На наш взгляд, Х. Вольфрам явно ошибается, когда пишет, что существование института “haimofli” стало возможным после расселения готов в римских провинциях. Его употреблял Вульфила для перевода на родной язык соответствующего греческого термина.

¹² На этот готский термин один из первых обратил внимание П. Скардильи, но, будучи лингвистом, не оценил его значение для оценки уровня исторического развития готов. См.: Скардильи П. Указ. соч. С. 41, 287.

¹³ Гуревич А.Я. Англосаксонский фолкленд и древнорвежский одадь // СВ. 1967. Вып. 30. С. 61—83; Лебедев Г.С. Эпоха викингов в Северной Европе: историко-археологические очерки. Л., 1985. С. 49—50.

¹⁴ Гуревич А.Я. Аграрный строй варваров // История крестьянства в Европе. М., 1985. Т. I. С. 106—107. О важности этого понятия для древних германцев свидетельствует тот факт, что 23-я руна старшего футарка получила название “ōdal”.

¹⁵ Об эволюционной типологии общины см.: Неусыхин А.И. Дофеодальный период // ПИДО. М., 1968. Кн.1. С. 599.

и “garazna”, соответствующие русскому «сосед»¹⁶. Они также являются показателями развития в готском обществе уже не родо-племенных, а соседских территориальных связей¹⁷. При этом членами общины могли быть не только люди из разных родственных родов, но и выходцы из неродственных готам народов¹⁸. Возможно, на то же указывает разнотипность домостроительных традиций, проявляющаяся на одних и тех же черняховских поселениях, а также сосуществование различных обрядов погребения на одних и тех же некрополях. Социальная организация такой общины способствовала ассимиляции выходцев из различных родо-племенных групп и, как следствие, ее разрастанию и расширению ареала проживания этноса.

Типы черняховских поселений, отсутствие каких-либо археологических свидетельств их перерастания в городские структуры полностью соответствует традиционному готскому укладу жизни, который на протяжении всей их истории оставался преимущественно сельским¹⁹. О существовании у готов лишь деревень свидетельствует лексика Библии Вульфила. Для обозначения таких сельских поселений он обычно использовал слово “weihis”, реже “haims”, известное и по другим текстам²⁰. В этом источнике сохранилось готское слово для обозначения жителя такой деревни — “gauja” = греч. “περιχωρος”. В ней свободный гот чувствовал себя “*anahaims” — «дома», вне деревни (“haims”) он был изгоем — “*afhaims”²¹. Некоторые стороны повседневной жизни везиготской деревни начала 370-х гг. нашли отражение в «Страстях св. Саввы Готскогр». Его деревня располагалась на берегу реки, ее окружали леса и заросли, в соседнее селение вела дорога. В деревне были дома с деревянными кровлями и балками (Passio, V,28-29).

В этом источнике можно найти немало интересной информации о социальном устройстве и организации готской деревни IV в.²² По сво-

¹⁶ *Ulfilas Moeso-Gothorum Episcopus. Die Gotische Bibel / Hrsg. W. Streitberg. Heidelberg, 1928. Т. II. Gotisch-griechisches-deutsches Wörterbuch. S. 47.*

¹⁷ Корсунский А.Р. О социальном строе вестготов в IV в. // ВДИ. 1965. № 3. С. 61, 71.

¹⁸ Федоров Г.Б. Население Прутско-Днестровского междуречья в I тыс. н.э. // МИА. 1960. № 89. С. 160.

¹⁹ Циркин Ю.Б. Испания от Античности к Средневековью. СПб., 2010. С. 89.

²⁰ *Ulfilas Moeso-Gothorum Episcopus. Die Gotische Bibel. Т. 2... S. 172; О семантике гот. “haims” см: Сорокина Е.А. К реконструкции прагерманского *haima- // Концепт и культура: мат-лы III Междун. науч. конф., посвящ. Н.В. Феоктистовой. Кемерово, 2008. С. 119—125; Она же. К вопросу о семантической реконструкции наименований древнегерманских поселений // Известия ВГПУ. Сер. Филолог. науки. 2008. № 7 (31). С. 44—49.*

²¹ Вольфрам Х. Указ. соч. С. 154.

²² Вопрос о социальной организации везиготов, нашедшей отражение в этом источнике, специально рассмотрен в статье: *Strzelczyk J. La société des Wisigoths au IVe siècle à la lumière du “Martyre de saint Sabas” // Questiones Medii Aevi. 1991. Vol. 4. P. 7—28.*

ему социальному статусу Савва был тем, кого можно назвать «простым свободный гот»²³. Он был беден (Passio, III.14-15), но жил в своем доме (Passio, V.3). Однако бедный и с точки зрения знати не имевший особого веса Савва был все же свободным человеком, который участвовал в принятии решений односельчанами и даже мог противостоять им. Важно обратить внимание на то, что деревенские жители-язычники требовали от должностных лиц, чтобы они защищали христиан, которые приходились им родственниками (Passio, III.9-10). К ним относился и Савва — он остался бы под защитой деревенской общины, не будь столыцелеустремленным к своему «подвигу»²⁴. В деревне Саввы еще сохранялись традиции общинной организации крестьян, видимо, соответствующей готской “haims”. В источнике упоминается «собрание» деревни, известное в «Готской Библии» под названием “garuns”. На таком собрании Савва в первый раз открыто выступил против языческого обычая поедания жертвенного мяса (Passio, III.32). Правда, из текста не совсем ясен его характер (“ἐλί των δωκτων δημοσίᾳ”). В «Страстях» (III.7) встречается упоминание совета общины, который именуется греческим словом «синедрион» (“ἐν μέσῳ τῷ συνεδρίῳ ἔλεγεν”). Видимо, именно ему принадлежало право судопроизводства. Скорее всего, в совет входила группа лиц, которая доминировала на деревенской сходке, вносила предложения, руководила принятием решений и исполняла их. В частности, их обязанностью была раздача жертвенного мяса, т.е. они, видимо, были ответственны за отправление культа и ритуала. Позже этот орган упоминается у Гидация (Hydat., Chron., 243) и Иордана (Get., 147), но к тому времени он уже превратится в совет готской знати.

«Страсти св. Саввы Готского» содержат важные свидетельства о становлении властных институтов у готов в IV в. Из текста этого источника становится очевидно, что в готских деревнях появлялись риксы и мегистаны. Риксы-вожди имели свиту, состоящую из слуг и дружинников. Видимо, подобных «риксов» упоминает Евнапий при описании переправы готов через Дунай: «Когда скифский народ (готы — И.З.) был изгнан уннами из своей страны, переправились к римлянам начальники племен, отличавшиеся достоинством и родом» (Eunap., 61). «Мегистан» (“μεγιστανες”) — заимствованное из Нового Завета греческое слово для обозначения представителя местной готской знати. Таким мегистаном был Атарид, сын Ротестея, происходившего из королевского рода (“του βασιλικου”), который «с шайкой беззаконных бандитов» явился в деревню, где жил Савва (Passio, IV.36-37). Он и отдал приказ о его казни. Казнили Савву только после того, как он демонстративно

²³ Вольфрам Х. Указ. соч. С. 117.

²⁴ Там же. С. 154.

оскорбил этого вождя на глазах всей его свиты (Passio, VII. 3). По существу «Страсти» передают живую зарисовку появления в деревне готского вождя не самого высокого ранга в окружении его дружины. Но для людей из его свиты он, безусловно, является господином, они обращаются к нему: “Ο δεσπότης Ἀθάριδος” (Passio, VI.1). Из слов Саввы и последующих событий становится ясно, что он имел право пытаться и даже казнить жителей деревни без суда не только за отступление от традиционной веры в готских богов, но и за личное оскорбление.

«Страсти св. Саввы Готского» демонстрируют неравенство в распределении имущества и, следовательно, во властных отношениях. Владение землей, домом и связанная с ним власть над дружиной были теми столпами, на которых зиждилась аристократия готских риксов²⁵. Скорее всего, именно они располагали “haimoplī” — готским «одалем», о котором речь шла выше.

В готских деревнях IV в. существовал институт старейшин — “sinistans”, хорошо известный как по Библии Вульфилы, так и по другим письменным источникам. Вопросы внутренней жизни решались на деревенской сходке “gaqumþs” или “gamainþs”, которая собиралась в специальном месте “gaguns”. Но, судя по «Страстям св. Саввы Готского», на таком сходе тон задавала наиболее влиятельная часть общины. Ее представители вносили предложения, руководили принятием решений и даже исполняли их. Вероятно, это были люди, выделившиеся благодаря своему авторитету и имуществу, но весьма показательно, что они не могли принять решения без участия остальных жителей деревни. Они же отвечали за исполнение языческого культа и ритуала²⁶.

Сопоставительный анализ данных «Страстей св. Саввы Готского», Библии Вульфилы и археологии указывает на то, что черняховские поселения, скорее всего, соответствовали отдельным территориальным соседским общинам, известным как гот. “haims” или “weihs”. Отметим, что по размерам они не уступали, а часто превосходили синхронные поселения других германских народов²⁷. Несколько деревень составляли готскую “kuni” — общность более высокого ранга, восходящую к др.-герм. “*kun-” и сохранявшую в своем названии родоплеменное начало²⁸. В нее входило несколько поколений свободных, объединённых общим или фиктивным предком. Это слово родственно лат. “gens” и скорее всего имело то же значение «род», «племя».

Но античные авторы в отношении готов употребляли и латинский термин gens для обозначения всей группы племен, носивших соответ-

²⁵ Там же. С. 152.

²⁶ Там же. С. 154—155.

²⁷ Die Germanen. Bd. 2... S. 85—90.

²⁸ Вольфрам Х. Указ. соч. С. 143—144.

ствующее наименование. По отношению же к роду и племени в собственном смысле слова термин “gens” употребляется довольно редко и лишь для обозначения происхождения того или иного короля или вождя²⁹. Скорее всего, племя у готов существовало уже как этническая общность, а не как древний родоплеменной социальный организм. Библейские греческие термины, означающие то род, то племя, Вульфа всегда переводил одним словом — “kuni”. Отсюда готское название «соплеменника» — “inkunja”. Во главе “kuni” стоял “kindins” = греч. “ἡγεμών” — «глава рода»³⁰. Полноправные члены “kuni” собирались на «собрание», «высший племенной совет» — “gafaúrds”³¹.

К сожалению, пока ничего нельзя сказать определенного о том, какому рангу археологических памятников мог соответствовать “kuni”. Вряд ли это была группа близко расположенных поселений и некрополей, образующих археологический микрорайон памятников. Скорее всего, за последним закрепилось гот. “gawi” — «округа», «окрестность» (греч. “περίχωρος”).

В «Готской Библии» присутствовали лексемы, обозначавшие социальные единицы меньше чем “kuni”, но больше чем семья. Прежде всего, это “sibja” — «родня», «родство», иногда его неточно переводят как «род». Интересна этимология этого слова, восходящего к индоевр. “*suebh”, оно близко ст.-слав. “*svoжь” и “*svoboda”³². Вероятнее всего, этот термин мог означать совокупность «своих людей», родство на уровне большой семьи. В отличие от “kuni”, “sibja” была построена на принципах товарищества и существовала как определенная правовая общность³³. С ней были связаны такие институты как усыновление (гот. “frastisibja”), примирение с братом, кровная месть. Видимо, “sibja” включала несколько родственных семей и входила в состав того или иного “kuni”. Судя по этим функциям, гот. “sibja” была близка к патронимии³⁴.

•

²⁹ Корсунский А.Р. Указ. соч. С. 59—60.

³⁰ *Ulfilas Moeso-Gothorum Episcopus*. Die Gotische Bibel. T. 2... S. 75. О семантике готского “kindins” см.: Бенвенист Э. Указ. соч. С. 77, 88, 201, 209; Скардильи П. Указ. соч. С. 24, 38.

³¹ *Ulfilas Moeso-Gothorum Episcopus*. Die Gotische Bibel. T. 2... S. 41—42.

³² Трубочев О.Н. Этногенез и культура древнейших славян. М., 2003. С. 192; Кузьменко Ю.К. Самоназвание германцев и исконное значение этнонима SUĒBĪ «свевы» // Индоевропейское языкознание и классическая филология: материалы XIII чтений памяти проф. И.М. Тронского. СПб., 2009. С. 344.

³³ Вольфрам Х. Указ. соч. С. 153.

³⁴ Косвен М.О. Семейная община и патронимия. М., 1963.

§ 2. Вопрос о городах

Письменные источники хранят о них молчание. Однако помимо многочисленных неукрепленных поселений на территории черняховской культуры известны три городища³⁵. Это Башмачка вблизи Днепра³⁶, Александровка на Ингульце³⁷, Городок на Южном Буге³⁸. Как видно, все они локализируются на степной юго-восточной окраине черняховского мира, между низовьями Буга и Днепра. Иногда к ним относят поселение Собарь на Днестре, но оно явно имеет иную структуру и назначение, а главное находится уже за пределами интересующего нас региона.

Городище Башмачка расположено в Степном Приднепровье, в 3 км от реки на склоне балки. Его окружало крупное поселение с черняховским слоем протяженностью около 1 км при ширине до 0,4 км. В его центральной части находилось небольшое городище мысового типа размерами 60 x 40 м. Установлено, что его укрепленная часть неоднократно перестраивалась: сначала здесь появились деревянные оборонительные сооружения, позже их сменили каменные. Напольные укрепления состояли из двухпанцирной стены шириной около 3 м., разделенной поперечными перегородками на камеры-клетки. За ней со стороны поля был вырыт ров шириной 5 м и глубиной 1,5 м. Укрепления по краю мыса тоже состояли из такой же двухпанцирной стены, сложенной из гранитных камней и необработанных плит без применения регулярной кладки. Строительство более поздней каменной крепости в Башмачке исследователи относят к IV в. В это время площадь городища оказалась застроенной наземными жилищами. В центральной его части раскопана каркасная постройка без очага площадью 33 м². Исследователи предполагают ее неординарное общественное или административное назначение. Вокруг городища с напольной стороны располагалось большое черняховское поселение площадью до 40 га, где находились производственные мастерские³⁹. В его окрестностях раскопаны черняховские могильники⁴⁰. При этом керамика погребений представлена лепной посудой характерных вельбарских форм⁴¹.

³⁵ Магомедов Б.В. Городища черняховской культуры (к постановке проблемы) // Археологические исследования на Украине в 1978—1979 гг. Днепропетровск, 1980. С. 133—134.

³⁶ Смиленко А.Т. Городище Башмачка III—IV в. н.э. К., 1992.

³⁷ Магомедов Б.В. Черняховское городище у с. Александровка // Днепро-Дунайское междуречье в I—начале II тыс. н.э. К., 1987. С. 26—41.

³⁸ Магомедов Б.В. Могильник и городище Городок на Южном Буге // Памятники древних культур Северного Причерноморья. К., 1979. С. 105—114.

³⁹ Смиленко А.Т., Мизин В.А. Городище черняховской культуры // Славяне и Русь. К., 1979. С. 48—66.

⁴⁰ Смиленко А.Т. Погребения у с. Башмачка // Могильники черняховской культуры. М., 1979. С. 13—23.

⁴¹ Левада М.Е. Миф о черняховских городищах // Готы и Рим. К., 2006. С. 65.

Городище Александровка (Роксандровка) находилось на высоком мысу Ингульца и было отделено от плато рвом и валом. Его размеры 200 x 180 м, защищенная укреплениями площадь составляла чуть более 2 га. Городище имело систему укреплений, состоящую из каменных стен толщиной до 6 м и четырех круглых башен, построенных на стороне, обращенной к степи. Все внутреннее городищенское пространство плотно застроено длинными жилыми домами казарменного типа. Судя по каменным основаниям, их длина составляла 40—50 м, при ширине 6—7 м. Дома образовывали правильные ряды, изнутри они были разделены поперечными перегородками на отдельные камеры. В слое найдено очень много позднеантичной и черняховской тарной посуды (амфоры, зерновики-пифосы). Время существования городища приходится на IV в., не время, близкое годам правления императора Валента⁴². Крепость была построена здесь явно не случайно на уже существовавшем к тому времени культурном слое поселения. Поблизости находилась переправа через р. Днепр. Вокруг нее располагалось несколько черняховских поселений.

Городище Городок на Южном Буге занимало часть мыса размерами 0,15 м x 0,5. Во многом оно похоже на Александровское. Его защищала каменная стена, вал и ров. На его площади открыты остатки длинных каменных построек, расположенных рядами, параллельными напольной линии укреплений. В площади жилищ содержалась черняховская керамика и амфоры типа Зеест-100. Поблизости Б.В. Магомедовым исследованы два связанных с городищем черняховских могильника⁴³.

В силу своей уникальности, особенно бросающейся в глаза на фоне массы неукрепленных поселений на основной черняховской территории, вышеназванные городища неоднократно привлекали внимание исследователей, которые давали им различную интерпретацию. Так Б.А. Рыбаков видел в древнейшем деревянном укреплении Башмачка крепость росомонов-русов, сожженную готами, а затем перестроенную последними в камне по южно-причерноморским образцам⁴⁴. Б.В. Магомедов усматривал в этом и других городищах не просто крепости но также резиденции военных вождей и административные центры⁴⁵. М.Б. Шукин даже предположил, что одно из городищ Башмачка или Александровка могло быть легендарной готской крепостью, упомянутой в «Песне о Хлёде»⁴⁶. В ней говорится, что когда гунны вышли из леса Мюрквид, перед ними посреди равнины стояла великолепная «крепость с городскими воротами и башнями» (Hlödskvida, 15-16).

⁴² Магомедов Б.В. Черняховская культура Северо-Западного Причерноморья... С. 88

⁴³ Там же. С. 20.

⁴⁴ Рыбаков Б.А. Язычество Древней Руси... С. 38—39.

⁴⁵ Магомедов Б. Черняховская культура. Проблема этноса... С. 20.

⁴⁶ Шукин М.Б. Указ. соч. С. 231.

Недавно черняховские городища стали предметом специально-го исследования М.Е. Левады⁴⁷. По его мнению, городище Башмачка вполне могло представлять собой ставку военного вождя — хорошо укрепленную усадьбу, включавшую и жилье, и службы⁴⁸. Однако исследователь обратил внимание на то, что укрепления городища сделаны с использованием каменных панцирных построек в боспорской технике. Он допускает, что городище Башмачка могло быть «регулярно используемым укрепленным складом», «местом хранения грузов, перевозимых по Днепру»⁴⁹. С последним допущением трудно согласиться по той причине, что от городища до Днепра напрямую расстояние около 3 км. Вряд ли стоило по суше перетаскивать товары на столь большое расстояние от водной магистрали и строить для их хранения укрепления. Гипотеза об этом городище как резиденции местного правителя больше отвечает имеющемуся в распоряжении исследователей археологическому материалу. Но вряд ли это был племенной центр “kuni”, хотя бы потому, что таковые неизвестны даже в глубине собственно черняховской территории.

По мнению М.Е. Левады, другое городище, Александровка было военным лагерем-крепостью регулярной застройки. Он обратил внимание на то, что все его строения спланированы в едином линейном казарменном стиле, характерном для римской армии. Киевский ученый считает, что крепость была построена боспорянами (или нанятыми ими аланами?) «с целью наблюдения за приграничными областями королевства Германариха»⁵⁰. На наш взгляд такой интерпретации памятника противоречат: во-первых, многочисленные черняховские поселения, расположенные поблизости от укрепления — оно располагалось не вне, а все же внутри черняховской территории⁵¹; во-вторых, на позднеантичном Боспоре подобный тип укреплений не известен; в-третьих отсутствие у кочевников-алан традиций подобного домостроительства, как впрочем, и собственно аланских материалов на городище или в могильнике.

Скорее всего, появление названных городищ, так или иначе, было вызвано военно-политическим фактором — необходимостью прикрыть юго-восточную степную границу черняховского мира от кочевников. По предположению Б.В. Магомедова, дальнейшая их эволюция могла бы привести к появлению городов, но она была прервана гуннским нашествием⁵². Однако еще раз укажем, что нигде внутри густо за-

⁴⁷ Левада М.Е. Указ. соч. С. 60—72.

⁴⁸ Там же. С. 61.

⁴⁹ Там же. С. 66.

⁵⁰ Там же. С. 65.

⁵¹ Магомедов Б.В. Черняховская культура Северо-Западного Причерноморья... С. 99.

⁵² Магомедов Б. Черняховская культура... С. 45—46.

селенной черняховской территории мы не наблюдаем тенденции развития даже самых крупных поселенческих структур в города.

Таким образом, на основе данных археологии, эпической традиции и лексики «Готской Библии» можно заключить, что поселенческие структуры готов состояли из открытых поселений, но уже появлялись первые укрепленные пограничные резиденции правителей-риксвов, видимо, соответствующие гот. "baúrgs". В земле остроготов последние в IV в. лишь зарождались и вскоре были сметены гуннским нашествием. Настоящих городов как центров, организующих окружающую территорию, здесь так и не возникло.

Нарративная традиция сохранила память о захвате готами и их союзниками античных городов и гаваней еще в середине III в. в эпоху «Готских» войн (Zos., I.27,42). Археологические материалы указывают на проживание в IV в. варваров с культурой черняховского облика на территории античных городов Приазовья (Танаис)⁵³ и Причерноморья. Яркие свидетельства их пребывания открыты в Ольвии, в том числе, в цитадели, а также на др. укрепленных поселениях ольвийской хоры, например, в Козырке⁵⁴. В позднеантичной Тире раскопан т.н. «послеготский дом», крытый соломой. Археологические находки дают некоторые основания исследователям включать античные города Причерноморья в состав готских королевств, хотя этот вопрос требует специального изучения⁵⁵.

§ 3. Дом и семья

Важным источником по истории семьи как низовой ячейки любого общества являются жилища. Они достаточно хорошо изучены на многочисленных поселениях черняховской культуры. Все постройки делятся на три группы: 1) углубленные, 2) наземные каркасные из дерева и глины, 3) каменные. К концу XX в. открыто свыше 300 углубленных жилищ, 175 наземных глинобитных и около 40 каменных домов⁵⁶.

Наземные постройки из дерева и глины встречались повсеместно, они открыты на более чем половине черняховских поселений. На-

⁵³ Ullrich M. Untersuchungen zur römischen handgemachten Keramik von Tanais im Bau 4, Raum 3 (Abschnitt XIX) // Eurasia Antiqua. 1998. Bd. 4. S. 411—416.

⁵⁴ Магомедов Б.В. Городища-крепости Ольвийской округи в позднеримское время // Восточная археология — 2004: мат.-лы. междун. науч. конф. к 100-летию начала исследований острова Березань Э.Р. фон Штерном. Николаев, 2004. С. 112—118.

⁵⁵ Зубарь В.М., Сон Н.А. Северо-Западное Причерноморье в античную эпоху // МАИЭТ. 2007. Вып. 3. Supplementum. С. 189, 203.

⁵⁶ Славяне Юго-Восточной Европы в предгосударственный период / Отв. ред. В.Д. Баран. К., 1990. С. 115.

большим своеобразием отличаются наземные каркасные жилища — их исследовано более 200 на 120 поселениях⁵⁷. Большинство из них составляют подквадратные или прямоугольные однокамерные постройки площадью 10—50 м². Почти на сотне поселений найдены остатки т.н. «длинных домов», являющихся одним из отличительных признаков черняховской культуры⁵⁸. Это вытянутые в плане большие постройки площадью 60—160 м². Они имели каркасно-столбовую конструкцию стен и делались из плетня, обмазанного глиной с примесью рубленой соломы. Любопытно, что эта домостроительная традиция нашла прямое отражение в готском названии стены — “baurgswaddjus” от “wandus” — «прут»⁵⁹. По расчетам современных ученых каждый такой «длинный дом» мог вместить несколько десятков жителей⁶⁰. Обычно он был разделен на две камеры, иногда с небольшими сенями в середине одной из длинных сторон. Восточное помещение использовалось для жилья — на это указывает семейный очаг и концентрация находок домашней утвари; западное помещение предназначалось для стойлового содержания скота или ремесленных производств. В отдельных длинных постройках обнаружены остатки сводчатых глиняных печей⁶¹. Судя по находкам железных запоров и ключей, «длинные дома» запирались на замок (Собарь, Комаров, Черепин, Рипнев—II, Каборга—IV, Гавриловка, Ружичанка)⁶².

Специалисты единодушны в том, что большие дома не имеют прототипов в восточноевропейских культурах, предшествующих черняховской. «Длинные дома» большинство исследователей связывает с германской культурной традицией (нем. “Wohnstallhaus” — букв. «жилой дом-хлев»), берущей начало в раннем железном веке Северной Европы⁶³. Несмотря на некоторые различия в технике строительства таких домов и меньшую длину, основная их форма оставалась неизменной на протяжении веков⁶⁴. В одной части такого дома располагались жилые

⁵⁷ Магомедов Б. Черняховская культура... С. 21.

⁵⁸ Журко А.И. Жилые сооружения племен черняховской культуры: автореф. дисс. канд. ист. наук. К., 1983. С. 7—13.

⁵⁹ Скардилльи П. Указ. соч. С.26.

⁶⁰ Steuer H. Frühgeschichtliche Sozialstrukturen in Mitteleuropa. Eine Analyse der Auswertungsmethoden des archäologischen Quellenmaterials // Abhandlungen der Akademie der Wissenschaften Göttingen. Phil.-hist. Kl. 3, Folge 128. Göttingen, 1982. S. 474—494.

⁶¹ Рикман Э.А. Жилища Будештского селища: О домостроительстве в черняховскую эпоху // МИА. 1960. № 82. С. 321.

⁶² Рикман Э.А. Этническая история населения Поднестровья и прилегающего Поднавья в первых веках нашей эры. М., 1975. С. 102; Магомедов Б. Черняховская культура. Проблема этноса... С. 85.

⁶³ Тиханова М.А. Раскопки поселения у с. Лепесовка... С. 212; Шукин М.Б. Указ. соч. С. 182—185.

⁶⁴ Todd M. Варвары. Древние германцы. Быт, религия, культура. М., 2005. С. 86—92.

помещения, в другой — запасы продовольствия и скот. Их появление было вызвано развитием у древних германцев скотоводческого уклада, потребовавшего превращения значительной части пространства жилища в хлев для стойлового содержания домашних животных⁶⁵.

Лингвистический аспект изучения древнегерманских «длинных домов» недавно стал объектом внимания С.А. Сорокиной. Ею предпринята попытка сопоставить археологические данные с готским лексическим материалом⁶⁶. Она проанализировала два названия жилищ в готском: “bauains” и “salipwos”. По ее мнению, словом “bauains” могли называть построенное из дерева совместными усилиями жилище, которое, возможно, находилось на возвышении в центре поселения. Оно состояло из нескольких помещений, используемых в качестве места проживания, отдыха, еды, хранения имущества и содержания скота. Но нам представляется, что жилище, обозначаемое словом “bauains”, скорее отражает более ранние реалии времени прагерманской общности, когда сооружались большие, в том числе одиночные дома на т. н. холмах-терпах⁶⁷.

Другое готское название “salipwos” обнаруживает многочисленные соответствия в европейских, особенно славянских языках (чеш. “selo” — «село», «пашня», болг. село — «село»; укр. село, др.-рус. село — «жилище», «селение», и др.). По заключению С.А. Сорокиной, первоначально у германцев оно не являлось отдельным строением, а представляло собой просторное помещение в «длинном доме», в котором проходила ежедневная жизнь членов рода/семьи. Здесь решались хозяйственные проблемы, сюда приводили гостей и странников, возможно, в некоторых случаях выполнялись религиозные обряды⁶⁸. Однако скорее всего, гот. “salipwos” обозначало не жилище, а прежде всего, местопребывание, т.к. оно чаще всего переводилось греческим словом “μωνή”⁶⁹. На наш взгляд, большие «длинные дома» черняховской культуры могут соответствовать готскому названию дома вообще “gards” или скорее жилищу с деревянными конструкциями, которое в Библии Вульфила называлось “gazi” (греч. “οἶκος”)⁷⁰. Известно, что последнее употреблялось и остро-

⁶⁵ Donat P. Stallgröße und Viehbesitz nach Befunden germanischer Wohnstallhäuser // Schriften der Sektion für Vor- und Frühgeschichte der Deutschen Akademie der Wissenschaften zu Berlin. B., 1977. Bd. 30. S. 251—263.

⁶⁶ Сорокина Е.А. Древнегерманский «длинный дом» (к проблеме семантической реконструкции) // Вестник Чел.ГУ. Сер.: Филология. Искусствоведение. 2008. Вып. 22. (121). С. 126—134.

⁶⁷ Die Germanen. Bd. 1... S. 122—125, 322—330; Todd M. Указ. соч. С. 53—70.

⁶⁸ Сорокина Е.А. Указ. соч. С. 133.

⁶⁹ *Ulfilas Moeso-Gothorum Episcopus*. Die Gotische Bibel. Т. 2... С. 116. См.: Дворецкий И.Х. Древнегреческо-русский словарь. М., 1958. Т. 2. С. 1107.

⁷⁰ *Ulfilas Moeso-Gothorum Episcopus*. Die Gotische Bibel. Т. 2... С. 110.

готами, т.к. производное от него слово “*gazna” находят в языке крымских готов вплоть до Позднего Средневековья⁷¹.

Судя по размерам, в таком «длинном доме» проживала большая патриархальная семья во главе с домовладыкой — “frauja” (греч. “οικοδεσπότης”)⁷². По древней традиции он имел власть над всеми домоладцами. При передаче на готский язык Библии Вульфила для выражения власти хозяина над членами семьи употребил композит “heiwa-frauja”, тогда как для перевода его же власти над зависимыми людьми он использовал композит “garda-waldans”, где “gards” «дом/двор», а “waldan» «управлять, править»⁷³. Помимо “frauja” все домашние дела лежали на плечах хозяйки дома. Она следила за порядком и имуществом, отвечала за хранение продуктов и т.п.⁷⁴ Поэтому, видимо, далеко не случайно в женских черняховских погребениях нередко встречаются ключи — знаки власти домохозяйки над имуществом дома.

Кроме членов семьи под властью домовладыки находилась челядь — гот. “gasiþ(j)os”, которая могла проживать под одной крышей с хозяевами или ютиться в отдельных хижинах⁷⁵. В связи с этим отметим, что Б.А. Рыбаков, рассматривавший лесостепную черняховскую культуру исключительно в рамках «славянской линии» развития, допускал, что ее «длинные» дома-огнища предназначались для размещения челяди, т.к. они сосуществовали с обычными домами. На наш взгляд, планиграфия черняховских селищ, где «длинные дома» иногда располагались в окружении небольших жилищ, скорее указывает на то, что дело обстоит как раз на оборот.

Античные источники также говорят о рабах и семьях у готов (“servi et familiae”)⁷⁶. Вульфила использовал для обозначения зависимых от главы дома людей, не находившихся с ним в родстве, слова с основой на “þius*”, а также термин “skalks” = греч. “οικέτης” — «слуга»⁷⁷. На основании семантического анализа первого слова Е.А. Сорокина склоняется к мысли, что им обозначали человека, выполнявшего работу по

⁷¹ Топоров В.Н. Древние германцы в Причерноморье: результаты и перспективы // Балто-славянские исследования 1982. М., 1983. С. 239.

⁷² *Ulfilas Moeso-Gothorum Episcopus. Die Gotische Bibel. T. 2...* S. 38.

⁷³ *Ibid.* S. 47; Бенвенист Э. Словарь индоевропейских социальных терминов: в 2-х т. М., 1995. С. 221.

⁷⁴ Сорокина Е.А. Статус семьи у древних германцев... С. 487.

⁷⁵ Сорокина Е.А. К реконструкции древнегерманского института «свободный» ~ «зависимый» // ВЯ. 2008. № 5. С. 103—115.

⁷⁶ В готском языке также различаются два понятия дома: «дом как место проживания», включающее помимо семьи слуг и рабов, и «дом как семья в целом». См.: Бенвенист Э. Указ. соч. С. 221.

⁷⁷ *Ulfilas Moeso-Gothorum Episcopus. Die Gotische Bibel. T. 2...* S. 122, 149; Вольфрам Х. Указ. соч. С. 151.

хозяйству и дому⁷⁸. В таком случае “*rius*” — «домашний раб»; “*riwi*” — «служанка»; “*riumagus*” — «батрак», «слуга» и др. Другой социальный термин восходит к прагерм. “**skalko*” — «юноша/холостяк» и находит параллели в других германских языках для обозначения зависимых людей⁷⁹. По мнению Е.А. Сорокиной, это слово употреблялось в тех случаях, когда речь шла о большей степени зависимости, чем “*rius*”.

Археологические материалы черняховских поселений и сравнительные данные о землепользовании у древних германцев со времени Тацита указывают на то, что главной производственной ячейкой общества была семья («большая» или «малая» — однозначно сказать трудно). Основная масса населения состояла из свободных общинников (“*freis*”), полноправных участников народного собрания и военных походов. Но, как свидетельствует археология, на тех же поселениях могли проживать лица иного социального статуса.

На многих черняховских селищах наряду с наземными «длинными домами» открыты углубленные в землю жилища. Их известно больше, чем «длинных домов» — свыше 300 на 80 исследованных поселениях. По глубине они условно делятся на полуземлянки и землянки: первые врезаны в грунт на 0,4—1 м, вторые были глубже, иногда до 2 м и более⁸⁰. Они встречаются реже, преимущественно на Верхнем Днестре. Но и те, и другие отличались меньшими размерами нежели «длинные дома». Для полуземлянок наиболее характерна площадь в пределах 8—17 м², для землянок 17—29 м². Большинство из них обогревалось открытыми очагами из камня и глины. После исчезновения черняховской культуры именно полуземлянки с печью-каменкой станут основным типом жилищ у ранних славян.

Однако для интересующего нас времени, вопрос об этом типе построек не решается так просто, путем их прямолинейной этнической атрибуции с помощью ретроспективного метода. Подобный тип построек (нем. “*Grubenhäuser*”) в римское время хорошо известен у древних германцев, причем в глубине Свободной Германии они также встречались на поселениях рядом с большими «длинными домами»⁸¹. Правда, тогда в них, как правило, отсутствовали отопительные устройства. Не-

⁷⁸ Сорокина Е.А. Обозначение человека по признаку «свободный — несвободный» у древних германцев (на материале готских текстов) // Человек в коммуникации: аспекты исследований. Волгоград, 2005. С. 90—96.

⁷⁹ Сорокина Е.А. К реконструкции прагерманского **skalko-z* // Альманах современной науки и образования. Языковедение и литературоведение в синхронии и диахронии. Тамбов, 2007. Ч. 1. С. 264—267.

⁸⁰ Магомедов Б. Черняховская культура... С. 21.

⁸¹ Die Germanen. Bd. 2... S. 85, Abb. 11. Память о жилищах-полуземлянках типа «грубенхаус» долго сохранилась в древнегерманском эпосе. См.: Сорокина Е.А. Статус семьи у древних германцев... С. 488—489.

редко в таких полуземлянках находили грузила от ткацких станков, что хорошо согласуется с известным свидетельством Плиния Старшего об обычаях германцев устраивать ткацкие станы в углубленных в землю постройках (Plin., NH, XIX.2.9). Еще раньше, по наблюдению Тацита, у германцев такие «подземные ямы, поверх которых они наваливают много навоза», служили убежищами от зимних холодов, а также в качестве погребов и тайников в случае набега врага (Tac., Germ., 16). Таким образом, одни исследователи считают «грубенхаус» особым типом древнегерманского жилища, другие склоняются к мнению о его нежилом назначении. На поселениях вельбарской культуры, открытых на Среднем Днестре, полуземлянки, как правило, еще не имели печей и очагов⁸².

В рамках черняховской культуры на поселениях Верхнего и Среднего Поднестровья, а также других более восточных районов лесостепи из подобных полуземлянок постепенно вырабатывается тип жилого помещения, который сосуществует с длинными домами, а затем, пережив их, станет основным типом восточнославянского жилища. По мнению В.Д. Барана и других исследователей, Верхнее Поднестровье, где концентрируются поселения с углубленными жилищами, уже в римское время занимало раннеславянское население⁸³. Как отмечает Р.В. Терпиловский, цепочка черняховских поселений с подобной раннеславянской традицией тянется от памятников типа Черепин в верховьях Днестра и Западного Буга через Среднее Поднепровье (Журавка, Жуковцы, Новолиповское) и Левобережье (Великий Бобрин, Песчаное) до водораздела Днепра и Дона⁸⁴.

В отличие от вышеописанных типов построек каменное черняховское домостроительство сосредоточено исключительно в Причерноморском регионе. Скорее всего, оно сохраняло варваризованную античную традицию местного населения⁸⁵. Здесь на 30 поселениях открыты остатки 40 зданий, стены которых были сложены из камня. Основным типом каменной постройки являлось двухкамерное сооружение длиной 15—20 м., шириной 6—7 м. Известны также однокамерные здания и многокамерные с поперечными и продольными перегородками. В них одно-два помещения были жилыми, остальные — хозяй-

⁸² Козак Д.Н. Венеди. К., 2008. С. 205.

⁸³ Баран В.Д. Черняхівська культура: за матеріалами Верхнього Дністра та Західного Бугу. К., 1981. С. 163—177.

⁸⁴ Терпиловский Р.В. Славяне Поднепровья в первой половине I тыс. н.э. (Monumenta Studia Gothica. T. III). Lublin, 2004. С. 93.

⁸⁵ Гудкова А.В. Каменное домостроительство на черняховских поселениях Причерноморья // Днестро-Дунайское междуречье в I—начале II тыс. н.э. К., 1987. С. 6—15; Магомедов Б.В. Черняховская культура Северо-Западного Причерноморья... С. 15—25.

ственными⁸⁶. В социальном плане каменные строения причерноморского региона, видимо, было близки типу «длинных» черняховских домов. Важно, что при многих из них встречены специальные каменные кормушки для скота, не свойственные античной традиции.

Помимо каменных домов в причерноморском регионе изредка встречались жилища округлой формы типа кочевнических юрт⁸⁷. Возможно, такие легкие жилища назывались у готов “hleipra” (греч. “σκηπή”) — «шатер», «палатка»⁸⁸. Они маркируют присутствие на поселениях носителей степной, возможно, сарматской традиции.

Уже само по себе, разнообразие типов основных жилых и вспомогательных сооружений, свойственное черняховской культуре, свидетельствует о различных истоках ее домостроительных традиций, и в конечном итоге о сложном этническом составе оставившего ее социума. Сосуществование на одних и тех же поселениях различных домостроительных традиций указывает на развитие социальных отношений господства — подчинения, которые уже выходили за рамки первобытности.

Это заключение подтверждают материалы черняховского поселения Журавка Ольшанская в Среднем Поднепровье. На начальном этапе на этом поселении одновременно существовали три хутора: на двух из них проживали семьи протославянского происхождения (носители киевской культурной традиции), на третьем — готского происхождения (носители вельбарской традиции)⁸⁹. Тем не менее, и на позднем этапе, когда здесь явно обозначилось преобладание германского элемента, проживание германских и протославянских семей в одной общине сохранялось до ее финала. Нам представляется, что это еще один важный археологический аргумент в пользу существования у черняховцев соседской общины, включавшей семьи изначально различной этнической принадлежности. Сами по себе миграционные процессы, вызванные в первую очередь переселением готов, вели к образованию подобных полиэтничных общин — явления, уже выходившего за рамки позднепервобытной эпохи⁹⁰. Это заключение находит яркое подтверждение и в другом типе черняховских памятников — некрополях.

⁸⁶ Магомедов Б. Черняховская культура... С. 19—24.

⁸⁷ Там же. С. 22.

⁸⁸ *Ulfilas Moeso-Gothorum Episcopus*. Die Gotische Bibel. Т. 2... S. 58.

⁸⁹ Обломский А.М. Материалы поселения Журавка Ольшанская // Археология Восточной Европы в I тыс. н.э. Проблемы и материалы (Раннеславянский мир. Вып. 10). М., 2010. С. 166.

⁹⁰ Там же. С. 167.

§ 4. Погребальные памятники

Информация нарративных источников о социальном устройстве готв IV в. весьма фрагментарна и скудна. Античные авторы (Amm. Marc., XXXI. 12-14; Zos., V.36; Iord., Get., 40) различали в готском обществе простой народ (“plebs”, “humiles”, “mediocres”) и знатных людей (“nobiles”, “optimates”, “primates”). Гораздо более дифференцированным в социальном и профессиональном плане готское общество выглядит в свете анализа лексики Библии Вульфилы и «Страстей св. Саввы Готского». Эти сведения неоднократно анализировались специалистами⁹¹.

Мы попытаемся привлечь для разработки этого вопроса материалы черняховских могильников, которые иногда образовывали целые «поля погребений». Вероятно, готы называли их словом “*nawisr” — место, где собраны “*naweis” («покойники»)⁹². Они отличались разнообразием типов погребений при высокой степени стандартизации наборов погребального инвентаря. В них не только тип погребения, но даже состав инвентаря зависел от представлений той или иной группы о «мире мертвых». Например, установлено, что в ингумациях он каким-то образом был связан с ориентировкой погребенного: захоронения с северной ориентацией в целом отличались более богатыми наборами вещей, тогда как погребения, где покойник лежал головой на запад, часто были малоинвентарными или вообще безинвентарными⁹³. К тому же, значительная часть североориентированных погребений подвергалась намеренному разрушению, что еще более затрудняет выявление социального статуса каждого из них⁹⁴. Видимо, эта особенность находит объяснение в древнегерманской традиции обезвреживания «оживших покойников» с целью обезопасить от них живых людей⁹⁵.

⁹¹ Корсунский А.Р. Указ. соч. С. 54—74; Лавров В.В. Готское общество в IV в. н.э. // Античный мир. Проблемы истории и культуры. СПб., 1998. С. 399—413; Вольфрам Х. Указ. соч. С. 140—156; Сорокина Е.А. Семантическая реконструкция древнегерманской социальной лексики. Волгоград, 2009; Heather P. The Goths. Oxford, 1996. P. 65—75.

⁹² Ганина Н.А. Древнегерманский погребальный обряд: слова, понятия, реалии // Представления о смерти и локализация иного мира у древних кельтов и германцев. М., 2002. С.187.

⁹³ Магомедов Б. Черняховская культура... С. 38.

⁹⁴ Кияшко А.Г. Поруйновані поховання в ареалі черняхівської культури // Актуальні проблеми археології України. К., 2010. Вип. 4. С. 98—102.

⁹⁵ Манчинска М. Страх перед умершими и культ мертвых у германцев в IV—VII вв. (на основании так называемых погребений специфического обряда) // Stratum plus ПАВ. 1997. С. 207—213; Березовая Н.В. Исландские поверия об «оживших покойниках» и их связь со скандинавским погребальным культом // Представления о смерти и локализация иного мира у древних кельтов и германцев. М., 2002. С. 226—252; Гудкова А.В. Защитная магия в ингумациях черняховского мо-

Ниже суммируются основные результаты изучения социальных аспектов черняховских погребальных памятников, проливающие свет на структуру и иерархию оставившего их социума⁹⁶.

К началу XXI в. известно свыше 300 черняховских могильников из них 120 изучено раскопками⁹⁷. В результате в них открыто свыше 7000 погребений. Некоторые некрополи содержали сотни могил, например, эпонимный памятник Черняхов на Среднем Днепре — 251 исследованное захоронение, могильник Чернилив-Русский — 310. Сам по себе, это свидетельствует о наличии в III—IV вв. на юге Восточной Европы довольно крупных социальных организмов, включавших сотни, а может быть и тысячи общинников, а также лиц иного социального статуса. Но, к сожалению, ни один из больших черняховских некрополей не исследован полностью, что объективно снижает достоверность данных о социумах, их оставивших. К тому же для большинства черняховских могильников характерен биритуализм — сочетание обрядов ингумации и кремации. По этой причине они содержат мало общих признаков, что затрудняет их социальный анализ.

Для некрополей черняховской культуры с широко исследованными площадями характерна полицентрическая планиграфическая структура с отдельными гнездами, организованными не только по хронологическому, но и по социальному принципу⁹⁸. На некоторых могильниках отмечено порядное расположение погребений (Черняхов, Лохвиц Гавриловка)⁹⁹. При этом оказалось, что в одних и тех же рядах совершались погребения с соблюдением различных ритуалов¹⁰⁰. Их планир-

гильника Нагорное II // Чёрняхівська культура. Актуальні проблеми досліджень (до 40-річчя археологічної експедиції НПУ ім. М.П. Драгоманова). К., 201 С. 38.

⁹⁶ Никитина Г.Ф. Систематика погребального обряда племен черняховской культуры. М., 1985. С. 79—90; Кравченко Н.М. О методике социологического анализа погребального обряда черняховской культуры // Исследования социально-политических проблем в археологии. К., 1979. С. 223—22
⁹⁷ Симонович Э.А. Про соціальну структуру черняхівського суспільства матеріалами поховального обряду // Археологія. 1995. № 4. С. 37—49; Магомед Б. Черняховская культура... С. 31—33; Magomedov B. La stratification sociale de la population de la culture Černjahov // La noblesse Romaine et les chefs barbares du IIIe au VIIe siècles. Association Française d'Archéologie Mérovingienne. 1995. T. IX. P. 133—137; Bierbrauer V. Ostgermanische Oberschichtsgräber der römischen Kaiserzeit und des frühen Mittelalters // Peregrinatio Gothica II. Archaeologia Baltica Łódź, 1989. VIII. S. 40—106, Abb. 1—3.

⁹⁸ Магомедов Б. Черняховская культура... С. 25.

⁹⁹ Кравченко Н.М. Указ. соч. С. 223—226.

⁹⁹ Никитина Г.Ф. Анализ погребального обряда могильника Романковцы. Теоретические и методические подходы к изучению погребального обряда современной археологии. М., 2005. С. 144.

¹⁰⁰ Рикман Э.А. Этническая история... С. 291.

фический анализ показал, что социальной основой общества, оставившей эти памятники, скорее всего, была малая индивидуальная семья¹⁰¹. На территории могильников имелись участки, закрепленные за отдельными семейно-родовыми группами. Возможно, они как-то отражали внутреннюю структуру той или иной общины.

К числу археологических признаков, в которых можно искать проявление существенных социальных различий, следует, прежде всего, отнести устройство погребальных сооружений. По степени сложности их конструкций Н.М. Кравченко выделила три типа: 1) простые в неглубоких грунтовых ямах без дополнительных устройств, 2) погребальные сооружения усложненной конструкции (ямы с заплечиками, подбой и др.), 3) сложные конструкции (склепы, каменные ящики, курганы)¹⁰². По способу захоронения все черняховские погребения распределились на четыре основные обрядовые группы: 1) ингумации с северной ориентацией, 2) ингумации с западной ориентацией, 3) кремации на стороне с захоронением останков в урне, 4) кремации на стороне с захоронением останков в яме. При социологическом анализе обрядовых групп следует также учитывать погребальный инвентарь, в первую очередь его качественный и количественный состав.

Опираясь на вышеописанные критерии, Н.М. Кравченко удалось выделить три основных археолого-социологических типа черняховских погребений¹⁰³. При этом для погребений первого типа не только характерно малое количество приношений (инвентаря), но и случайный их подбор. Наоборот, для третьего типа состав приношений строго регламентирован. Картографирование погребений на площади могильника показало, что отдельные их «гнезда» включали захоронения разных типов. Это свидетельствует о том, что такое «гнездо» составляли представители разных по достатку и статусу семей, объединенных в нечто подобное патронимии (гот. "sibja"). Археологические материалы некрополей указывают на то, что между семьями существовало не только выраженное имущественное, но и социальное неравенство.

Помимо трех основных групп погребений, иногда встречались захоронения, заметно выделявшиеся размерами и сложностью погребальных сооружений. Некоторые из них совершались в погребальных камерах с деревянными конструкциями, большинство представляли кремации¹⁰⁴. От основной массы погребений они отличались большими размерами ям (2 x 2,5 м и более) и их глубиной (от 2 до 4 м)¹⁰⁵. Два

¹⁰¹ Никитина Г.Ф. Анализ погребального обряда могильника Романковцы... С. 37.

¹⁰² Кравченко Н.М. Указ. соч. С. 210.

¹⁰³ Там же. С. 226.

¹⁰⁴ Магомедов Б. Черняховская культура... С. 31.

¹⁰⁵ Magomedov B. La stratification sociale de la population de la culture Černjahov... P. 133. Исследователь справедливо обратил внимание на то, что близкие пара-

таких погребения были открыты В.В. Хвойко в Черняховском могильнике. Он попытался интерпретировать их как захоронения местной знати¹⁰⁶. Позже подобные сооружения были раскопаны в других могильниках. При этом некоторые из таких неординарных могил были перекрыты курганными насыпями (Башмачка, Войсковое).

Подобные погребальные сооружения считаются диагностическим признаком захоронений верхнего слоя черняховского общества. Погребения такого ранга появляются на территории Украины не ранее рубежа III—IV вв. Они являются показателем важных социальных сдвигов в черняховском обществе. По аналогии с центральноевропейскими Э.А. Симонович предложил называть их «княжескими»¹⁰⁷. Помимо сложных погребальных сооружений, выделяющихся размерами, их отличает количество и богатство инвентаря. Среди последнего встречаются импортные предметы, стеклянные жетоны для римской игры «*calculi*», но чаще кубки для вина (рис. 13, 1-6; 14, 1). Эпическая традиция сохранила память о значимости этого типа пиршественной посуды в престижной культуре готов. Так, сын Хейдрека/Эрманариха Ангантюр III обещает своему сводному брату Хлёду:

«Родич, тебе я
кубки вручу,
и скот, и сокровища,
сколько захочешь»

(Hlödskvida, 10)

Следует напомнить, что в вельбарской культуре известно более двух десятков погребений, обладающих признаками захоронений «княжеского» ранга¹⁰⁸. В Восточной Европе их открыто значительно меньше, к тому же они не составляют такой устойчивой серии, как на территории Свободной Германии¹⁰⁹.

У германских племен подобные сооружения, иногда в виде «домика» («*Hausgrab*») использовались для захоронений знати¹¹⁰. Возможно, готы

метры имели погребальные сооружения германской знати в могильниках Лейна (погр. 1 и 3), Хасслебен и Эмерслебен, а также в вельбарском погребении в Пильграмсдорфе.

¹⁰⁶Хвойка В.В. Поля погребений в Среднем Приднепровье // Записки ИАО. СПб, 1901. Т. 12. Вып. 1/2. С. 172—190.

¹⁰⁷Симонович Е.О. «Князівські» поховання черняхівської культури // Тез. доп. У Поділ. ист.-краєзнав. конф. Кам'янець-Подільський, 1980. С. 128—130.

¹⁰⁸Birbrauer V. Ostgermanische Oberschichtsräber der römischen Kaiserzeit... S. 55—68.

¹⁰⁹Симонович Е.О. «Князівські» поховання черняхівської культури... С. 128—130; Магомедов Б. Черняховская культура... С. 31, 37.

¹¹⁰Schlüter B.W. Versuch einer sozialen Differenzierung der jungkaiserzeitlichen Körpergräbergruppe von Hassleben — Leuna anhand einer Analyse der Grabfunde //

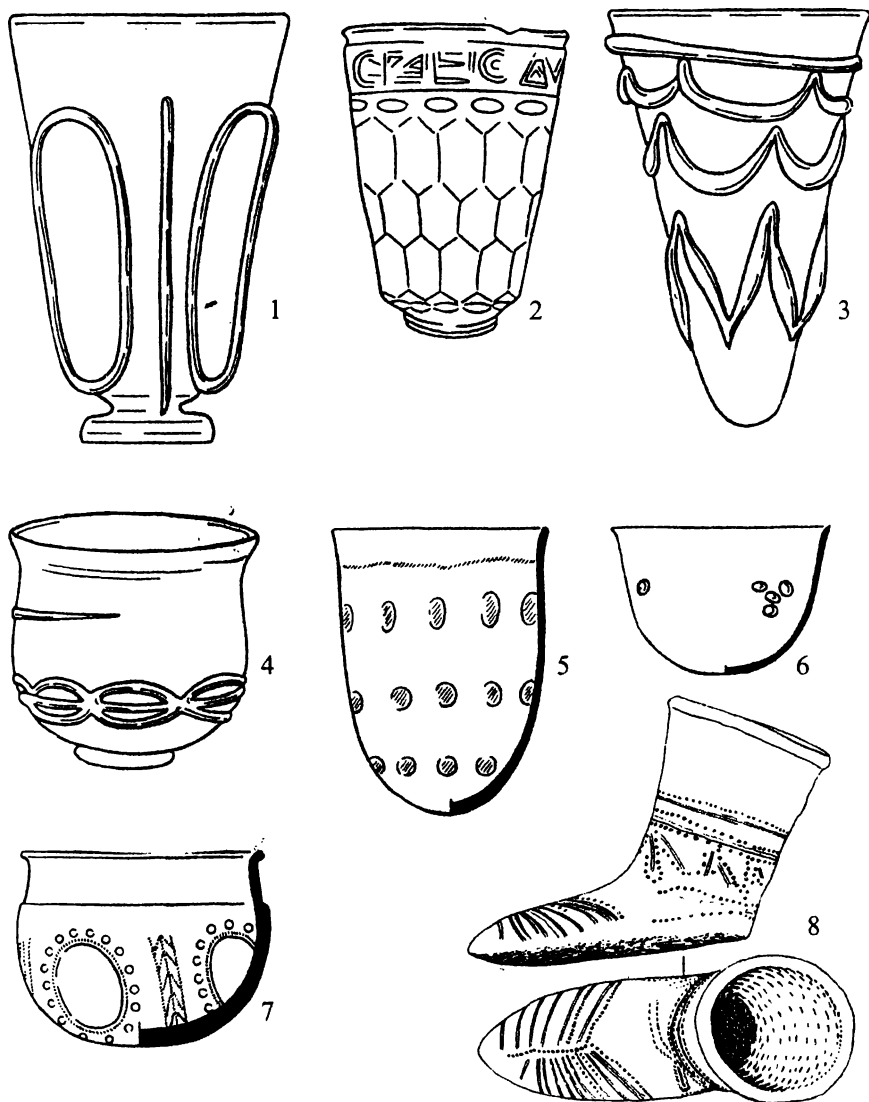

Рис. 13. Стекланные и глиняные пиришественные сосулы черняховской культуры (1-6 — стекло; 7-8 — глина)

называли такие подземные гробницы словом “hlaiw” (“hlaiwasno”)¹¹¹. В научной литературе за ними давно закрепился термин «княжеские» погребения (“Fürstengräber”)¹¹². В различных районах Свободной Герма-

Neue Ausgrabungen und Forschungen in Niedersachsen. 1970. № 6. S. 117—145; Die Germanen. Bd. 2. S. 272.

¹¹¹Танина Н.А. Древнегерманский погребальный обряд... С. 197.

¹¹²Gebuhr M. Fürstengräber. Römische Kaiserzeit // RGA. 1996. Bd. 10. S. 191.

Рис. 14. Инвентарь из погребений могильника Войтенки Харьковской обл. (фото М.В. Любичева)

нии они составляли от 10 до 20% от числа всех захоронений. Помимо обширной погребальной камеры они отличались богатым составом сопровождающего инвентаря, включавшим наборы пиршественной серебряной посуды («сервизы»), остатки игральные доски, стеклянные же-

тоны¹¹³. Специалисты считают, что появление у германцев «княжеских» погребений было связано с процессом выделения элитной, аристократической прослойки¹¹⁴.

В свое время, открытие таких «княжеских» погребений дало аргумент для обоснования концепции о господстве знати («Adelsherrschaft») как конститутивном признаке древнегерманского общества¹¹⁵. Более осторожные исследователи предпочитали говорить о ведущей роли знати, отмечая непринудительный характер связи между ней и остальными свободными¹¹⁶. К настоящему времени большинство специалистов отказались от точки зрения на древнегерманскую знать, как на замкнутое сословие, отделенное от массы свободных¹¹⁷. Так, уже Р. Венкус полагал, что уже в древнегерманский период существовала социальная мобильность, выражавшаяся в возвышении одних родов и упадке других¹¹⁸. При этом знатные роды и семьи находились с королем в противоречивых отношениях: знатные люди объединялись в возглавляемые вождями дружины, служили им, искали у них наград и добычи, вступали с ними в отношения личной службы и покровительства (Тас., Germ., 13—15). Однако в определённых ситуациях представители нобилитета могли вступать с королями в борьбу¹¹⁹. Пересказанная Иорданом история заговора росомонов (Get., 129) позволяет заключить, что подобные отношения складывались и в Остроготском королевстве Эрманариха.

В то же время материалы некрополей указывают на несколько иной статус представителей остроготских знатных родов, нежели в Свободной Германии. Речь идет о некоторых существенных отличиях престижных черняховских захоронений от германских «княжеских» погребений Центральной Европы. И дело не только в том, что их открыто значительно меньше, чем в Германии. Гораздо интереснее другое — дорогие сервизы для вина претерпели в черняховской культуре заметные качественные изменения в сторону сокращения и упрощения. Здесь

¹¹³Birbrauer V. Op. cit. S. 40—106.

¹¹⁴Щукин М.Б. Указ. соч. С. 47.

¹¹⁵Gebhardt O. Handbuch der deutschen Geschichte. Stuttgart, 1970. Bd. 1. S. 705.

¹¹⁶Wenskus R. Stammesbildung und Verfassung. Köln; Graz, 1961. S. 339; Laube A. Probleme germanischer Adelsentwicklung im 1. und 2. Jh. unter den Aspekt der römischen Beeinflussung // Römer und Germanen in Mitteleuropa. B., 1976. S. 189; Zotz T. Adel, Oberschicht, Freie. Zur Terminologie der frühmittelalterlichen Sozialgeschichte // Zeitschrift für die Geschichte des Oberheins. 1977. № 125. S. 2—20.

¹¹⁷Гуревич А.Я. Древние германцы // Гуревич А.Я. Избранные труды: в 4-х т. М., 1999. Т. 1. С. 48. Ср.: Oberg G. von. Die Bezeichnungen für sociale Stände, Schichten und Gruppen in den Leges Barbarorum // Arbeiten zur Frühmittelalterforschung. Münster, 1991. № 11.

¹¹⁸Wenskus R. Adel // RGA. Bd. 1. S. 60.

¹¹⁹Гуревич А.Я. Указ. соч. С. 46.

вместо дорогих серебряных в могилы клали стеклянные (рис. 20), а чаще простые глиняные кубки (рис. 14, 1), являвшиеся местным подражанием металлическим и стеклянным сосудам¹²⁰. Таким образом, в черняховском обществе налицо существование некоего общественного слоя более высокого социального статуса, нежели основная масса рядового населения. Но по археологическим материалам, очевидно, что его представители не располагали такими значительными богатствами и престижными сокровищами как знать Свободной Германии.

Недавно М.Б. Щукин дал весьма оригинальное объяснение отсутствию в черняховских могильниках «княжеских» погребений с богатыми наборами серебряной римской посуды, хорошо известными в других областях Центральной и Северной Европы. По его мнению, там римляне имели дело с разными германскими племенами, вождей которых они старались привлечь на свою сторону подарками, в первую очередь, престижными сервизами. В ареале же черняховской культуры римляне, по-видимому, столкнулись с обществом, организованным иначе, чем у других германцев — с масштабным, по его терминологии, протогосударственным образованием, где разнородные племена были объединены под властью одного, или временами, двух королей¹²¹. На юге Восточной Европы подчиненная королю знать не имела прямых выходов к римским властям, поэтому не получала от них дорогих подарков, что и нашло отражение в более скромном наборе инвентаря черняховских погребений «княжеского» ранга. К тому же, как заметил Б.В. Магомедов, большинство нерядовых черняховских погребений оказались женскими кремациями. Они могли принадлежать семьям готской знати, которую Иордан и другие латинские авторы называли “generosi” — «урожденные» и “primates” — «первейшие» (Get., 134). Но при этом для социальной характеристики черняховского общества весьма показательны, что погребения местной знати, как правило, располагались среди захоронений остальных членов социума, а не на отдельном участке могильника.

Черняховские погребения экстраординарного ранга, соответствующие статусу королей, до сих пор не известны. Это, разумеется, не означает, что на деле их не было. Возможно, остатки такого захоронения представлял клад, случайно обнаруженный между с. Грушевица и На-

¹²⁰Стрельник М.А. Кубки черняховской культуры (II—V вв.) в собрании Национального музея истории Украины // Древнейшие общности земледельцев и скотоводов Северного Причерноморья (V тыс. до н.э.—V в. н.э.). Тирасполь, 2002. С. 358—362; Варачевй К.Г. Место стеклянных и глиняных кубков в «сервизе» погребений на могильниках черняховской культуры днепро-донецкой лесостепи // Черняхівська культура. Актуальні проблеми досліджень (до 40-річчя археологічної експедиції НПУ ім. М.П. Драгоманова). К., 2010. С. 16—20.

¹²¹Щукин М.Б. Указ. соч. С. 201.

горяны в Винницкой обл.¹²² В него входили золотые кубки с красными камнями, браслеты, серьги, украшения, золотая ведерковидная подвеска, монеты, оружие. Не исключено, что память о подобных королевских сокровищах сохранилась в эпической традиции готов (Hamðismal, 20). Она же сохранила воспоминание о могиле короля Эрманариха/Хейдрека, которая называлась Архейм (“Arheimr”), где справлял тризну его сын Ангантюр (Hlödskvida, 3). Этот топоним точно соответствует названию могилы (или надмогильного памятника) у готов — “aurahjom” (Dat., Pl.), что означает «дом души». В Библии Вульфилы ему соответствует греч. “μνημεῖα” — надгробный памятник, могила¹²³. Возможно, она располагалась на Днестре, там, где «на готской земле могилы священные, камень чудесный в излучинах Данпа» (Hlödskvida, 7-8).

В археологии важным показателем социального статуса являются находки в погребениях предметов вооружения. Однако в черняховских могильниках открыто всего 44 погребения с предметами вооружения и снаряжения всадника¹²⁴. На первый взгляд, этот факт находится в вопиющем противоречии с многочисленными свидетельствами античных авторов об исключительной воинственности готов. Да и военная сфера их жизни представлена большим количеством готских имен собственных. Сейчас эта коллизия находит убедительное объяснение в особенности готской религии, которая по какой-то причине запрещала хоронить воинов при оружии¹²⁵. Отголосок этой древней традиции, возможно, сохранился в германском героическом эпосе. Так, Эрманарих/Ёрмунрекк приказывает убить своих противников не железным оружием, а камнями:

«Бросайте в них камни, —
ни копья, ни лезвия
их не разят —
отпрысков Ионакра!»

(Hamðismal, 25)

Любопытно, что в некоторых черняховских погребениях с кремациями обнаружены камни, явно положенные специально (Соснова, Ком-

¹²²Маркевич В.И., Рикман Э.А. Клад III—IV вв. из Буковины // СА. 1973. № 4. С. 260—261.

¹²³Дворецкий И.Х. Древнегреческо-русский словарь. М., 1958. Т. 2. С. 1103.

¹²⁴Гопкало О.В. К вопросу о социальном статусе погребенных с оружием, снаряжением всадника, конской упряжью в ареале черняховской культуры // Доистория Восточной Европы позднеримского времени — начала эпохи Великого переселения народов. Харьков, 2011. Вып.1. С. 18.

¹²⁵Ebert M. Südrussland im Altertum. Bonn;Leipzig, 1921. S. 359—361; Oxienstierna E.G. Die Urheimat der Goten. Leipzig, 1945; Вольфрам Х. Указ. соч. С. 26, 148, 326.

панийцы, Оселивка и др.). По мнению Г.Ф. Никтиной, камень попадал в могилу не случайно, в большинстве случаев «использование тяжелых камней можно связать с негативным отношением к погребенным (не дать им вырваться)»¹²⁶.

Для выяснения истоков этой необычной для германских культур погребальной традиции весьма показательно то, что такая же картина наблюдается в вельбарских могильниках Польши, где отсутствует не только оружие, но даже изделия из железа. До V в. воинов-готов с оружием обычно не хоронили. Безусловно, это сильно затрудняет изучение военной и социальной организации черняховского общества по данным археологии. К тому же немало находок предметов вооружения встречено в черняховских погребениях, совершенных по обряду кремации в урнах. Поэтому их не без основания связывают с проявлением пшеворской (вандальской) традиции в черняхове, для которой как раз были характерны воинские захоронения с оружием¹²⁷. В частности, в этом убеждает известное погребение 86 по обряду кремации могильника Компанийцы, содержащее полный набор наступательного и защитного вооружения: длинный железный меч, боевой топор, наконечник копья, железный умбон и рукоять щита¹²⁸ (рис. 14, 1, 3, 6-8). В могильнике Оселивка на Днепре в погребении 70 по обряду кремации найдены: согнутый в несколько оборотов меч, наконечник копья, рукоять щита типа Цилинг-Х¹²⁹. Эти и другие памятники свидетельствуют о существовании в черняховском обществе воинов-профессионалов иной этнической принадлежности, нежели основная масса населения. Но судя по всему, их было немного.

Защитное вооружение у черняховцев представлено исключительно находками щитов, от которых сохраняются только металлические детали: умбоны, оковки, рукояти (рис. 15, 7-8). Как известно, в европейском Барбарикуме щит был почти обязательным атрибутом воина. Для Тацита он являлся отличительным этнографическим признаком германцев и венетов от всадников-сарматов (Germ., 46). На погребениях конных воинов указывают немногочисленные находки шпор (рис. 15, 10-11), встреченные в Рудке, Оселивке, Гавриловке, Одае, Переяславе Хмельницком, Великой Бугаевке¹³⁰. Это характерный элемент снаряжения

¹²⁶Никтина Г.Ф. Черняховская культура Поднестровья (по результатам анализа археологических источников). М., 2008. С. 146.

¹²⁷Магомедов Б. Черняховская культура... С. 30; Никтина Г.Ф. Черняховская культура Поднестровья... С. 153.

¹²⁸Некрасова А.Н. Памятники черняховской культуры Днепровского Левобережья... С. 111—112, Рис. 71.

¹²⁹Никтина Г.Ф. Черняховская культура Поднестровья... С. 153.

¹³⁰Петраускас О. Шпоры из могильника черняховской культуры у села Велика Бугаёвка // Сто лет черняховской культуре. К., 1999. С. 135.

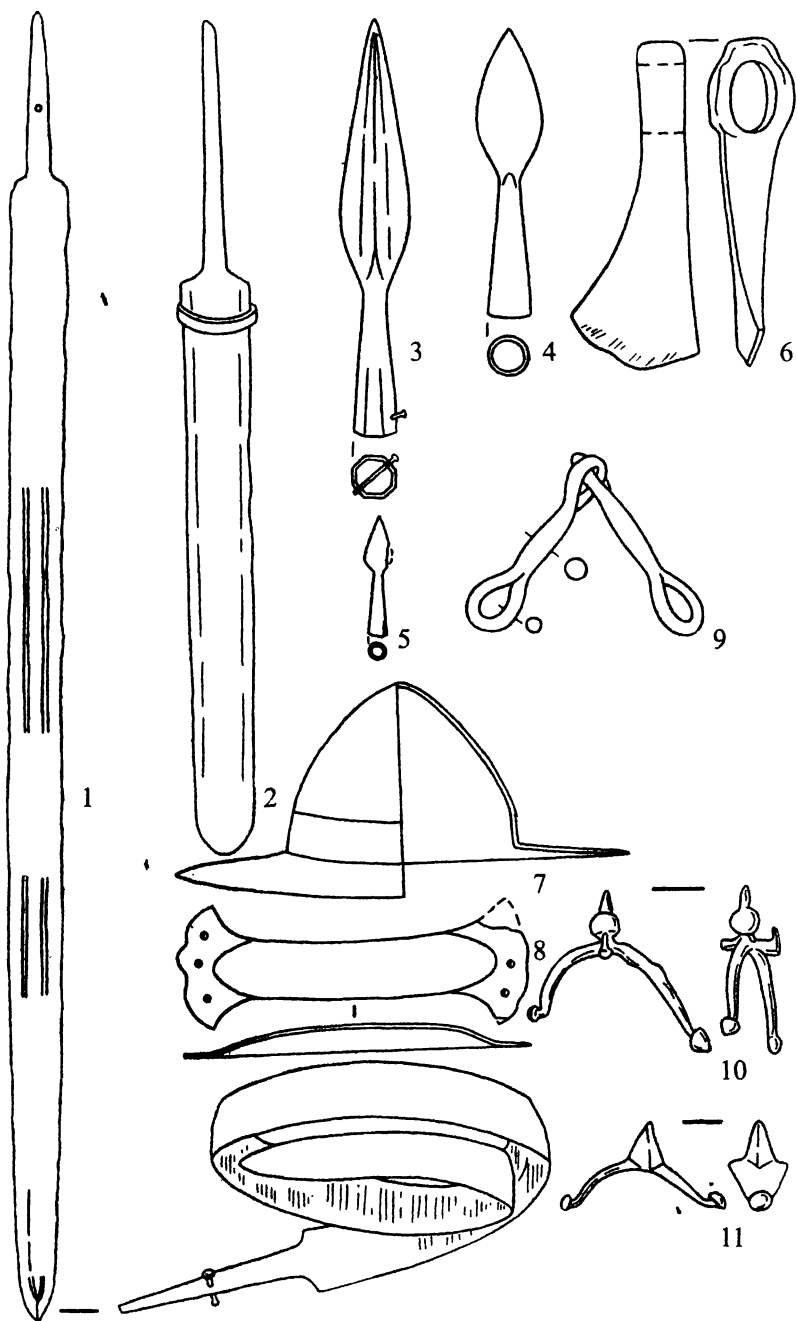
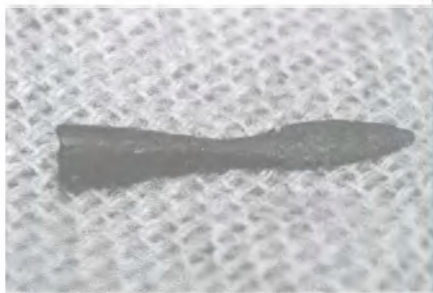

Рис. 15. Вооружение пешего воина и детали снаряжения всадника из черняховских могильников. (1 — длинный меч (спата); 2 — короткий меч; 3, 4 — наконечники копий; 5 — наконечник дротика; 6 — секира; 7 — умбон щита; 8 — рукоять щита; 9 — удила; 10, 11 — шпоры).

ния римских всадников и германской знати, никогда не встречающийся в кочевнических погребениях сарматов и алан. К сугубо германской традиции относится и редкий обычай оставлять вместе с погребенным бронзовые и серебряные наконечники стрел, служившие указанием на его высокий воинский статус¹³¹.

Типологический анализ большинства находок вооружения, найденных на черняховских памятниках (рис. 16), вполне определенно указывает на центральноевропейские и провинциально-римские его истоки. Присутствие в некоторых погребениях оружия, характерного для восточноевропейских кочевников (кинжалов с вырезами у пяты клинка, луков «гуннского» типа), свидетельствует о том, что в состав остроготской дружины могли входить не только германцы, но и ираноязычные воины — выходцы из сармато-аланского мира. Принято считать, что на организацию военного дела у готов IV в. значительное влияние оказала римская военная система. Как отметил в свое время А.Р. Корсунский, среди

слов, заимствованных ими из латыни, оказалось много терминов, связанных с военным делом и лагерной жизнью¹³². Но в лексике Библической Вульфылы уже имелось немало собственно готских слов для обозначения различных видов вооружения: оружие (“*wepna*”); доспехи (“*sarwa*”); шлем (“*hilm*”); щит (“*skildus*”); меч (“*hairus*”); длинный меч-спата (“*meki*”); стрела (“*arlwazna*”)¹³³.

1

2

3

Рис. 16. Наконечник копья (1), боевой топор (2) и удила (3) из погребений могильника Войтенки Харьковской обл. (фото М.В. Любичева)

¹³¹ Гопкало О.В. Указ. соч. С. 21.

¹³² Корсунский А.Р. Указ. соч. С. 73.

¹³³ Военная лексика готов подробно разобрана П. Скардильи. См.: Скардильи П. Указ. соч. С. 41—42, 59—60.

Как видно, они во многом соответствует рассмотренному выше набору вооружения черняховской культуры. И последнее — большинство черняховских погребений с оружием и снаряжением всадника датируется не ранее второй трети IV в., т.е. эпохой Эрманариха¹³⁴.

Кроме погребений знати и воинов, на материалах могильников исследователи пытались выделить захоронения жрецов-пиллеатов (Get., 71), ремесленников, в частности гончаров и кузнецов, а также представителей др. профессиональных групп, правда, далеко не всегда достаточно аргументировано¹³⁵. Почти во всех некрополях имеются ямные безынвентарные кремации, отличающиеся бедностью или полным отсутствием сопровождающего инвентаря¹³⁶. Открыты грунтовые погребения без т.н. «приношений». Возможно, они принадлежали зависимой части населения, например, тем, кто в Библии Вульфилы назвался термином “skalks”. В Войтенковском могильнике выделяется ряд погребений в неглубоких могилах, совершенных в скорченном положении¹³⁷. Но были ли это рабы или иные лица из низов черняховского общества, пока сказать трудно.

В связи с этим следует хотя бы кратко остановиться на вопросе о статусе погребенных в черняховских могилах с западной ориентировкой. По сравнению с преобладающими «северными» ингумациями, их примерно в три раза меньше¹³⁸. Их могилы в массе своей отличаются бедностью сопровождающего инвентаря¹³⁹. Недавно О.В. Петраускас провел детальную ревизию «западных» погребений и пришел к заключению, что они датируются не ранее начала ступени С3, т.е. примерно с 330 г.¹⁴⁰ Эта фбрядовая особенность появляется уже внутри вполне сформировавшегося черняховского социума. Западную ориентацию имели потомки лиц, предки которых ранее ничем особо не отличались от остальной массы черняховского населения. Исследователи обратили также внимание на возрастание числа западноориентированных захоронений на поздней ступени развития черняховской культуры. При этом планиграфический анализ могильников показал, что на этой стадии группы на-

¹³⁴Гончало О.В. Указ. соч. С.18.

¹³⁵Гей О.А., Сымонович Э.А. Черняховская культура... С. 161.

¹³⁶Кравченко Н.М. Указ. соч. С. 226; Гей О.А., Сымонович Э.А. Указ. соч. С. 161.

¹³⁷Устное сообщение М.В. Любичева.

¹³⁸По подсчетам О.В. Петраускаса — 31%. См.: Петраускас О.В. Час появи та деякі особливості розвитку трупокладень із західною орієнтацією в черняхівській культурі // Археологія Центральної і Восточної Європи пізнеримського времени і епохи Великого переселення народів (Ostrogothica). Харків, 2009. С. 187.

¹³⁹Сымонович Э.А. Магія і обряд погребення в черняхівську епоху // СА. 1963. № 1. С. 59; Славяне и их соседи.... С. 134—137; Магомедов Б. Черняховская культура...С. 38.

¹⁴⁰Петраускас О.В. Указ. соч. С. 195.

селения, практиковавшие северную и западную ориентацию умерших хоронили своих мертвых на разных участках кладбища¹⁴¹.

Исходя из довольно позднего времени распространения указанных особенностей и известных христианских обрядовых аналогий, Э.А. Сымонович в свое время предположил, что появление безынвентарных захоронений с западной ориентировкой могло быть связано с принятием этими носителями черняховской культуры христианства¹⁴². Главный исторический аргумент он видел в результативности проповеди Вульфилы среди везиготов около середины IV в. и «христианской» ориентировке головой на запад, лицом на восток. Дополнительным свидетельством в пользу принадлежности погребений с западной ориентировкой христианам служит наличие в них почти исключительно вещей, связанных с костюмом а также сосудов для вина как символов причащения при почти полном отсутствии сосудов-приставок. Эту гипотезу с определенными оговорками поддержали другие исследователи¹⁴³. В частности, М.Б. Шукин обратил внимание на христианские символы — кресты типа мальтийских и пальмовые ветви, проложенные на днищах некоторых черняховских мисок и Лепесовки¹⁴⁴. Г.Ф. Никитина попыталась суммировать признаки христианизации черняховцев, добавив сюда «обол» Харона¹⁴⁵. Правда, с последним аргументом трудно согласиться, т.к. в античном мире обычай класть в рот или руку погребенного медную монету для перевозчика в Аид Харона появился за много веков до начала христианства и был связан с языческими верованиями. Он известен в дохристианских германских «княжеских» погребениях, в частности в могильниках Лейна и Хаслебен¹⁴⁶. Да и сама по себе западная ориентировка погребенных не может считаться надежным маркером исключительно раннехристианских могил, т.к. она появляется у германцев гораздо раньше принятия ими христианства¹⁴⁷.

Против идеи Э.А. Сымоновича выступил Б.В. Магомедов¹⁴⁸. Он обратил внимание на то, что могил с западной ориентировкой мало на Ниж

¹⁴¹Никитина Г.Ф. Черняховская культура Поднепровья... С. 130. Gudkova A.V., Schultz E. Gfäberfeld und Siedlung Nagornoe 2. Ein Fundplatz der Santana de Mures-Černjachov Kultur an der Unteren Donau (Archäologie in Eurasien. Bd. 35). Bonn, 2017. S. 167.

¹⁴²Сымонович Э.А. Магия и обряд погребения в черняховскую эпоху... С. 49—60
Сымонович Э.А. О культовых представлениях населения юго-западных областей СССР в позднеантичный период // СА. 1978. № 2. С. 105—116..

¹⁴³Брайчевский М.Ю. Утверждение христианства на Руси. К., 1989. С. 21—23.

¹⁴⁴Шукин М.Б. Указ. соч. С. 202; Никитина Г.Ф. Анализ погребального обряда могильника Романковцы... С. 37.

¹⁴⁵Никитина Г.Ф. Анализ погребального обряда могильника Романковцы... С. 37.

¹⁴⁶Могильников В.А. Погребальный обряд культур III в. до н.э.—III в. н.э. в западной части Балтийского региона // Погребальный обряд племен Северной и Средней Европы в I тыс. до н.э.—I тыс. н.э. М., 1974. С. 184.

¹⁴⁷Die Germanen. Bd. 2... S. 279.

¹⁴⁸Магомедов Б. Черняховская культура...С. 38.

нем Дунае, т.е. там, где начиналась христианизация готов, и наоборот, концентрация памятников с таким показателем наблюдается в причерноморском регионе. На этом основании киевский исследователь попытался связать эту группу погребений с местной позднескифской традицией. Однако против этой гипотезы свидетельствует большой хронологический разрыв между нижнеднепровскими могильниками поздних скифов (они совершены до конца II в.)¹⁴⁹ и черняховскими погребениями с западной ориентировкой, которые появляются не ранее ступени С3 (330—380 гг.).

Весьма существенно то, что антропологом Т.А. Рудич было установлено, что скелеты из погребений с западной и северной ориентацией по материалам могильника Лисови Гринивци (г. Хмельницкий) морфологически не различаются¹⁵⁰. Это означает, что оставившие этот могильник люди принадлежали к одной и той же популяции.

О.В. Петраускас считает, что появление в черняховской культуре населения, практиковавшего погребальный обряд с западной ориентировкой, было вызвано внутренними причинами развития черняховского общества. На его взгляд, скорее всего, это могли быть неравноправные, зависимые группы людей, проживавшие внутри черняховских общин, где господствующее положение занимали потомки восточногерманских переселенцев, практиковавшие обряд кремации в урнах и «северные» ингумации¹⁵¹. Социальными причинами объясняет появление в черняховских могильниках ингумаций с западной ориентировкой польская исследовательница М. Мачинска¹⁵².

Как бы сейчас не решался вопрос о принадлежности западноориентированных черняховских погребений, не вызывает сомнений тот факт, что они были оставлены какой-то обособленной социальной группой. В черняховских общинах они проживали вместе с остальным населением, но, очевидно, имели иной, более низкий статус, с чем, видимо, и был связан обычай их погребения на особом участке кладбища с относительно бедным сопровождающим инвентарем. Остается надеяться, что дальнейшие исследования рано или поздно позволят уточнить их реальное социальное положение. Но само наличие такой весьма многочисленной группы еще раз свидетельствует о сложном социальном составе черняховского населения.

Основную массу черняховских захоронений составляли погребения, судя по обряду и составу инвентаря, принадлежавшие рядовым

¹⁴⁹ Археология Украинской ССР. К., 1986. Т. 2. С. 228.

¹⁵⁰ Рудич Т.О. Антропологічний матеріал з могильника черняхівської культури Лисови Гринівці // Археологія. 2014. №3. С. 91.

¹⁵¹ Петраускас О.В. Указ. соч. С. 197—199.

¹⁵² Maczynska M. West — ost orientierte Körpergräber der Černjachov-Kultur // МАИЭТ. 1996. Вып. 4. С. 340—342.

свободным общинникам — тем, кто в «Готской Библии» назывался термином “freis”, а Иордан именует “mediocres” (Get., 71). Внешним отличительным признаком свободных готв были длинные волосы. Современник описал их как «трясущих волосами племенных воинов» (Eunap., 37). Позже Кассиодор (Variae, IV. 49) и Иордан (Get., 71) именуют свободных готв латинским термином “capillati” — «волосатые». «Это имя и приняли готы в большинстве своем, и до сего дня они поминают его в своих песнопениях» (Get., 72). Весьма показательно, что в эпоху Теодориха Великого этот изначально социальный термин нередко употреблялся в этническом смысле, чтобы показать отличие варваров от римлян и провинциалов¹⁵³.

По археологическим материалам некрополей захоронения свободных различаются не столько качеством, сколько количеством весьма однотипного погребального инвентаря. О наличии среди готв людей богатых и обедневших свидетельствует лексикон «Готской Библии»: богатство (“gabei”); быть богатым (“gabignan”); нищета, бедность (“unledi”); нищенствовать, попрошайничать (“aihtron”, греч. “просаитеύ”). При этом обедневшие свободные иногда становились зависимыми людьми, наемными работниками и батраками¹⁵⁴. Но в большинстве своем черняховские могильники принадлежали лицам близкого социального статуса. Основным их занятием было сельское хозяйство. В этом смысле, показательно, что в готском, как и в других германских языках, отсутствовали термины для людей, занятых сельским трудом типа русского «крестьянин». Перефразируя слова А.Я. Гуревича о германцах, можно сказать, что свободный гот был занят сельскохозяйственным, а временами и ремесленным трудом, но в его хозяйстве или на участках, выделенных из его владения, вполне могли трудиться несвободные или зависимые люди; вместе с тем он был воином и участвовал в военных действиях и, нужно полагать, именно поэтому выступал в качестве члена народного собрания (Tas., Germ., 11-12)¹⁵⁵. Здесь он уже представлял «лицо», что нашло отражение в гот. “lutja” = греч. “λόσωλον”¹⁵⁶.

В целом крупные черняховские некрополи во многом еще демонстрируют тенденцию к сохранению традиций социального равенства у большинства членов черняховского социума, в какой-то мере отраз-

¹⁵³Скржинская Е.Ч. Указ. соч. С. 239.

¹⁵⁴Корсунский А.Р. Указ. соч. С. 63.

¹⁵⁵Там же. С. 50.

¹⁵⁶Ulfilas Moeso-Gothorum Episcopus. Die Gotische Bibel. Т. 2... S. 86; Казанцева Т.Ю. Об основных группах готских существительных со сложными основообразующими формантами и их параллелях в индоевропейских языках // Вестник ТГПУ. Сер.: Гуманит. науки. Филология. 2006. № 4. С. 21.

ившихся в представлениях об их посмертном существовании. На наш взгляд, черняховские погребальные памятники обладали признаками более простой и архаической социальной организации, нежели та, которую можно было бы ожидать при высоком уровне развития экономики, наличии денежного обращения, различиях в домостроительных традициях. По погребальным памятникам складывается впечатление, что процессы социального развития у готов в IV в. заметно отставали от их культурной и политической интеграции. Возможно, в этом нашло проявление некое нивелирующее начало, связанное с появлением сильной королевской власти.

В археологической литературе уровень социальной стратификации часто рассматривается как показатель меры сложности общественной системы¹⁵⁷. Однако в истории известны случаи, когда общество с более развитой экономической базой демонстрирует качественно более низкий уровень социальной стратификации. В марксистской науке этот казус объясняли появлением механизма эксплуатации, концентрации и перераспределения прибавочного продукта, а также способов его преобразования в престижно значимые ценности¹⁵⁸. Иначе говоря, объяснение искали в возросшей эксплуатации основной массы населения со стороны обособляющейся знати.

Однако вряд ли эта схема подходит для интерпретации интересующего нас социального феномена. В массе своей большинство черняховских погребений (за исключением ингумаций с западной ориентировкой и безурновых кремаций) по составу инвентаря никак не производят впечатления «бедных», «обездоленных». Но главное другое — в черняховских могильниках весьма слабо представлены погребения, содержащие особо престижные ценности, источником которых мог стать преобразованный прибавочный продукт. По-видимому, в IV в. у готов не было обычая помещать в могилу богатства умершего, как это делали их современники, — сарматы или аланы, и как будут поступать готы с V в. Видимо, в черняховском обществе концентрация богатства проявлялась, прежде всего, в появлении многочисленных монетных кладов, содержащих сотни и тысячи денариев.

Из нарративных источников известно, что важной частью имущества свободных готов были рабы. Как уже указывалось в «Готской Библии» имелся специальный термин для обозначения домашнего раба («*þius»)¹⁵⁹. Рабы составляли особый слой общества, ими, обычно ста-

¹⁵⁷Матвеева Н.П. Реконструкция социальной структуры древних обществ по археологическим данным. Тюмень, 2007. С. 18.

¹⁵⁸Павленко Ю.В. Раннеклассовые общества (генезис и пути развития). К., 1989. С. 238.

¹⁵⁹Скардильи П. Указ. соч. С. 38.

новились военнопленные. В экстремальных условиях в рабство могли продать и свободного общинника, и даже «сыновей старейшин» (Amm. Marc., XXXI.4.11; Get., 134-135). Но, судя по имеющимся единичным свидетельствам, в IV в. рабов у готов было еще немного, да и рабство, скорее всего, носило патриархальный характер¹⁶⁰.

Итак, анализ погребальных памятников свидетельствует о значительной социальной и имущественной дифференциации черняховского общества. В IV в. по этому показателю оно заметно превосходило не только население киевской культуры, но и более поздние образования ранних славян Восточной Европы. Судя по материалам многочисленных черняховских некрополей, оставившие их общины переживали социально-экономический подъем. Ярким свидетельством стабильной жизни и демографического взрыва являются детские захоронения, особенно на самой поздней стадии развития черняховской культуры¹⁶¹. При этом встречаются погребения детей, сопровождаемые богатым и разнообразным инвентарем. По-видимому, последние могут рассматриваться как свидетельство наследования социального статуса, который у готов передавался даже малолетним детям¹⁶².

¹⁶⁰Корсунский А.Р. Указ. соч. С. 62.

¹⁶¹Петраускас О.В. Поховання багаті дівчинки на могильнику черняхівської культури Велика Бугаївка // Археологія давніх слов'ян. К., 2004. С. 179—181.

¹⁶²Schultze E. Gefäsbeigaben in Kindergräbern der Černjachov-Kultur — zu einem Grab aus Sumy-Sad (Ostukraine) // Археологія Центральної і Східної Європи пізньоримського часу і Епохи Великого переселення народів (Ostrogothica). Харків, 2009. С. 167—169.

Глава VI

Уровень
экономического
развития

Без рассмотрения экономического базиса населения, вошедшего в IV в. в состав королевства Эрманариха, невозможно понять расцвет его «державы». Археологические материалы предоставляют возможность реконструировать палеодемографическую структуру и связанную с ней профессиональную стратификацию черняховского общества.

§ 1. Сельское хозяйство

Земледелие. Основой экономики черняховской культуры стала весьма продуктивная система пашенного земледелия. Практически весь черняховский ареал находился в зоне лесостепных и степных черноземов, а его северная граница совпадала с границей между черноземными и лесными почвами. Установлено, что ведущим признаком при выборе территории проживания для черняховцев являлось обязательное наличие черноземной равнины¹. Экологические ниши черняховских поселений были связаны в первую очередь с устойчивой системой пашенного земледелия, максимально эффективной в данных природных условиях. Здесь уместно напомнить, что в начале второй четверти I тыс. в Восточной Европе были благоприятные для занятия земледелием природно-климатические условия. С другой стороны, тесные экономические и культурные связи с римскими провинциями в немалой степени предопределили высокий уровень черняховской агрикультуры². Еще раз обратим внимание на некоторые весьма существенные инновации в сельском хозяйственном производстве, которые обусловили взлет черняховской экономики в IV в. С этой эпохой связано первое широкое использование в Восточной Европе железных наконечников для упряжных пахотных орудий типа рала³. Об этом прямо свидетельствуют находки узко- и широколопастных наральников и плужных ножей-чересел. Они были составной частью рала с полозом — орудия, способного подрезать дернину и частично разламывать ее. Возможно, использовались не только легкие, но и тяжелые плуги, способные переворачивать верхние пласты почвы⁴. Оборот пласта вспаханной земли

¹ Шишкин Р.Г. К вопросу о природных условиях киевских и черняховских памятников Среднего Поднепровья // *Stratum*. 2001—2002. № 4. С. 365.

² Славяне Юго-Восточной Европы в предгосударственный период / Отв. ред. В.Д. Баран. К., 1990. С. 89.

³ Магомедов Б. Черняховская культура. Проблема этноса (*Monumenta Studia Gothica*. Т. 1). Lublin, 2001. С. 106.

⁴ Краснов Ю.А. К вопросу о существовании плуга у племен черняховской культуры // *КСИА*. 1971. №128. С. 3—11.

способствовал ее взрыхлению и повышению урожайности. Показательно, что на некоторых черняховских сосудах имеются изображения коней или вола, запряженного в плуг (Черепин, Ромашки)⁵. Судя по остеологическому материалу, в плуг запрягались в основном волы или быки. Для обработки огородных культур применялись мотыги.

Следует указать на то, что земледелие черняховской культуры резко отличалось как от довольно примитивного подсечного хозяйства и предшественников-зарубинцев, так и их современников, населявших более северные облесенные районы. Набор черняховских сельскохозяйственных культур более разнообразен, чем в зарубинецкой культуре. В лесостепи в III—IV вв. выращивали зерновые, в первую очередь пшеницу разных сортов, ячмень, просо, рожь, гречиху, овес, а также бобовые (горох, чечевицу) и технические (лен, конопля) культуры. Отметим, что по сравнению с синхронной агрикультурой в Свободной Германии, где преобладал ячмень (до 40%), а доля пшеницы была близка просу (15%)⁶, ассортимент зерновых, встречаемых на черняховских поселениях, выглядит более совершенным. Так на поселении Войтенки 1 палеоботанический спектр выглядел следующим образом: пшеница пленчатая — 24,6%, пшеница голозерная — 22,5%, ячмень пленчатый — 21,5%, рожь — 12,9%, просо — 12,2%, овес — 6,4%. Значительный процент пшеницы голозерной указывает на внедрение капризных, но и более урожайных зерновых культур⁷.

Земледельцы убрали урожай не только обычными серпами, но железными косами длиной до 50 см. Напомним, что косы в значительном количестве впервые появляются в Восточной Европе именно на черняховском ареале. Так в составе лишь одногоклада из могильника Чернилив Русский насчитывалось девять серпов и четыре косы. Черняховские поселения демонстрируют довольно высокую культуру хранения зерна. Его сыпали в ямы, нижняя часть которых была специально обожжена, при этом они могли вместить до 5 тонн зерна. Зерно хранили также в специальных больших сосудах-зерновиках. Находки на многих черняховских поселениях ям с зерном и сосудов-зерновиков свидетельствуют об изобилии хлеба⁸.

⁵ Браичевский М.Ю. Изображения коня з с. Черепина в Среднем Пороссе // Археология. 1961. Т. 12. С. 183—184.

⁶ См.: Lange E. Botanische Beiträge zur mitteleuropäischen Siedlungsgeschichte. Ergebnisse zur Wirtschaft und Kulturlandschaft in frühgeschichtlicher Zeit // Schriften der Sektion für Vor- und Frühgeschichte der Deutschen Akademie der Wissenschaften Berlin, 1971. Bd. 27; Die Germanen. B., 1986. Bd. II. S. 101—104, Abb. 17.

Любичев М.В. Земледелие жителей поселения Войтенки 1 // Stratum: Европейская Сарматия и Херсонес. 2011. № 4. Рис. 6.

⁸ Рикман Э.А. Этническая история населения Поднестровья и прилегающей Подунавья в первых веках нашей эры. М., 1975. С. 126—127.

Важным нововведением для его переработки стало использование черняховскими земледельцами ручной мельницы с каменными ротационными жерновами. Весьма показательно, что последние воспроизводят форму и конструкцию солдатских походных жерновов, хорошо известных по находкам в лагерях римского лимеса⁹. Установлено, что производительность таких жерновов в 3—4 раза превышала размол зерна на традиционных каменных зернотерках¹⁰. Археологи нашли не только каменные детали отдельных жерновов, но также остатки целых мукомолен¹¹. Их открытие указывает на возросшее значение выпеченного хлеба (гот. “hlaifs”) в рационе питания черняховцев по сравнению с населением предшествующего времени.

По оценке специалистов, техника черняховского земледелия и технология переработки его продукции практически не отличалась существенно от агрикультуры дунайских провинций Паннонии, Мезии и Дакии, откуда вывозилось зерно¹². Некоторые исследователи даже допускают экспорт черняховского зерна в Римскую империю¹³.

Помимо археологии ценные данные по готской агрикультуре дает лексика Готской Библии. А.Р. Корсунский и Р. Гюнтер справедливо отметили, что при переводе Библии на готский язык Вульфила не нуждался в использовании греческих терминов для обозначения важнейших понятий, относящихся к земледелию и садоводству, т.к. соответствующие слова уже имелись в готской лексике¹⁴. Приведем некоторые из них: поле (“hugs”); пашня (“akrs”); пахать (“arjan”); сеять (“saian”); собирать урожай (“huhjan”); резать/жать (“sneipan”); жатва (“asans”); молот (“malan”); плуг, соха (“hoha”); серп (“gilpa”); пшеница (“hwaiteis”); зерно (“kaurno”); хлеб (“hlaifs”); мельница с ослом (“asiluqairnus”); виноград (“weinabasi”); виноградник (“weinagards”), сад (“aartigards”), садовник (“aurtja”). В этимологическом словаре готского языка З. Фейста есть и гот. “haiþi” (др.-исл. “heiðr”, двн. “heida”) «невоз-

¹ Минасян Р.С. Классификация ручного жернового постава (по материалам Восточной Европы I тыс. н.э.) // СА. 1978. № 2. С. 101—112; Шукин М.Б. Готский путь (готы, Рим и Черняховская культура). СПб., 2005. С. 167.

⁹ Федоров Г.Б. Население Прутско-Днестровского междуречья в I тыс. н.э. // МИА. 1960. № 89. С. 106;

¹¹ Винокур И.С. Опыт реконструкции мельничного сооружения III—IV вв. н.э. // СА. 1970. № 2. С. 238—244.

¹² Кропоткин В.В. К вопросу о развитии товарного производства и денежных отношений у племен черняховской культуры в II—IV вв. // Лёнинские идеи в изучении истории первобытного общества, рабовладения и феодализма. М., 1970. С. 146—160; Häusler A. Zu den sozial-ökonomischen Verhältnissen in der Černjachov-Kulture // ZfA. 1979. № 3. S. 23—65.

¹³ Рыбаков Б.А. Киевская Русь и русские княжества XII—XIII вв. М., 1982. С. 40.

¹⁴ Корсунский А.Р., Гюнтер Р. Упадок и гибель Западной Римской империи и возникновение германских королевств (до сер. VI в.). М., 1984. С. 33.

деланное поле»¹⁵. Судя по наличию различных терминов для обозначения возделанного поля (“hugs”), невозделанного поля (“haifi”), пашни (“akrs”), система земледелия у готов, по-видимому, была двупольной. Такой же она оставалась и в более поздних варварских королевствах готов в V—VII вв. на территории Западной Римской империи¹⁶.

Для современников готы — это, прежде всего, земледельцы. Оставляя под натиском гуннов свою территорию на юге Восточной Европы готы искали земли пригодные для возделывания. Имперские власти предоставляя готам места для поселения, предполагали, что они будут земледельцами. Так, Аммиан Марцеллин пишет: «Первыми были приняты Алавив и Фритигерн, император приказал выдать им пока провиант и предоставить земли для обработки» (XXX.4.8).

Довольно совершенная система пашенного земледелия создала ту надежную экономическую основу, которая позволяла черняховскому социуму содержать профессиональных ремесленников (гончаров, кузнецов и др.), во многом определивших облик черняховской культуры¹⁷.

Животноводство. Основным источником для изучения животноводства черняховской культуры является анализ массовых костных остатков из культурного слоя, жилищ и хозяйственных ям поселений. Он показал, что в разных природно-климатических зонах скотоводство имело свои особенности. В южных степных районах черняховской культуры эта отрасль сельского хозяйства, естественно, была развитее, чем в лесостепи. Так, в Причерноморье большая роль традиционно отводилась коневодству, зато в Правобережной Украине доминировало разведение крупного рогатого скота и свиноводство. В целом по остеологическим материалам лесостепных поселений отмечено преобладание в стаде домашнего быка или крупного рогатого скота (35—40%). Половой состав стада домашнего быка указывает на молочное направление скотоводства¹⁸. Потом идет мелкий рогатый скот (25—30%) затем свиньи (15—20%) и лошади (10%)¹⁹. Причем, свиней продолжали разводить даже на самых южных степных поселениях. При этом доля свиней в поголовье особенно заметно увеличивается на памятниках ярко выраженной вельбарской традицией (Коблево и др.).

¹⁵ Feist S. Vergleichendes Wörterbuch der Gotischen Sprache. Mit Einschluss der Krimgotischen und sonstiger Zerstreuter Überreste des Gotischen. Leiden, 1939.

¹⁶ Корсунский А.Р. Готская Испания (очерки социально-экономической и политической истории). М., 1969. С. 40.

¹⁷ Шишкин Р.Г. Указ. соч. С. 365—366.

¹⁸ Журавлев О.П. Животноводство и охота поселений Сокол и Лука-Каветчинска на Среднем Днестре // Stratum: Между певкинами и феннами. 2003—2004. №4 С. 397—398.

¹⁹ Цалкин В.И. К истории животноводства и охоты в Восточной Европе // МИА 1962. № 107. С. 70—71.

Близкое соотношение домашних животных было в стаде зарубинцев²⁰. Не менее интересно сравнить эти данные с составом стада у населения Свободной Германии позднеримского времени²¹. Здесь также преобладало разведение крупного рогатого скота, но на втором месте у них шли свиньи (20—30%), причем значение свиноводства возросло в эпоху Великого переселения народов, на третьем месте — мелкий рогатый скот, четвертое место занимали лошади — (от 5 до 15%). Безусловно, черняховское животноводство носило оседлый, придомный характер, на что прямо указывает высокий удельный вес свиньи — животного, неспособного к длительным перегонам²². Еще более важным археологическим свидетельством именно такого типа скотоводства являются черняховские «длинные» дома. Кроме помещения с очагом для жилья они имели вторую половину, где часто находились хлев и стойла для скота.

Об уровне развития скотоводства у готов свидетельствует весьма развитая животноводческая лексика: выгон/невозделанное поле (“*haiþi*”), пастбище (“*winja*”); скот/богатство (“*faihu*”); стадо (“*hairda*”); свинья (“*swein*”); бык (“*auhsa*”); коза (“*gaits*”); жеребенок (“*fula*”); стадо овец (“*awepi*”); овчарня (“*awistr*”); плетень/загон для скота (“*garda*”); собака (“*hunds*”); петух (“*hana*”); молоко (“*miluks*”); сено (“*haw*”); пастух (“*hairdeis*”); мясник (“*skilja*”). Среди материальных ценностей готов эпическая традиция ставит скот на второе место после золота (*Hlödskvida*, 10). Помимо домашних животных черняховцы держали также кур, гусей, уток, что полностью соответствует видовому составу домашней птицы у германцев²³. Как и у последних, кости птицы и яичная скорлупа являются нередкой находкой и в черняховских погребениях.

Судя по остеологическому материалу, продукция охоты не играла заметной роли в системе питания черняховского населения. На поселениях Правобережной Украины к диким животным относят не более 3,5% определенных по костным остаткам особей животных²⁴. Заметим, что такая же картина наблюдается в соотношении скотоводства и охоты у населения Свободной Германии — в слоях германских поселений позднеримского времени находки костей диких животных составляют от 1—2 до 10%²⁵. Для сравнения следует напомнить, что в Восточной Европе столь низкий уровень значения охоты не зафиксирован вплоть

²⁰ Максимов Е.В. Среднее Поднепровье на рубеже нашей эры. К., 1972. С. 173.

²¹ *Die Germanen*. В., 1986. Bd. II. S. 107—115.

²² Славяне Юго-Восточной Европы... С. 370.

²³ *Die Germanen*. Bd. II... S. 116.

²⁴ Славяне Юго-Восточной Европы... С. 90.

²⁵ *Die Germanen*. Bd. II... S. 119.

до времени Позднего Средневековья²⁶. Кажется, этому можно найти объяснение в античных источниках. По свидетельствам римских авторов, у древних германцев охотой занимались преимущественно дружинники, заполняя свой досуг между войнами (Caesar, IV.1; Tacitus, 15) Она была одним из проявлений их праздного образа жизни, а не представляла собой способа добывания средств к существованию²⁷.

Сравнение археологических данных о сельском хозяйстве черняховцев с синхронными германскими материалами показывает существенное различие. Если в жизни германцев к северу от римского лимеса важную, а в ряде областей определяющую роль играло скотоводство²⁸ то основой экономики черняховского общества, несомненно, было весьма развитое хлебопашество. Не в последнюю очередь это было обусловлено особенностями природных условий юга Восточной Европы: ее плодородными черноземными почвами и соседством с дунайскими провинциями, где уже несколько веков развивалась весьма продуктивная римская агрикультура.

По ряду базовых показателей, особенно в земледелии черняховцы не только не уступали другим народам центральноевропейского Барбарикума, но кое в чем даже их превосходили. По уровню агрикультуры они превосходили и последующее восточнославянское население украинской лесостепи вплоть до времени образования Древнерусского государства. Именно высокопродуктивное сельское хозяйство было той производственной базой, которая обеспечила относительное экономическое процветание черняховского населения, а также настоящий демографический взрыв IV в. По подсчётам И.С. Винокура, плотность населения черняховской культуры по материалам Днестро-Днепровского междуречья, с учётом разновременности существования поселений составляла 4—5 чел. на кв. км.²⁹ Для сравнения, плотность населения на кв. км. в эпоху Антонинов на римских Балканах составляла 6—12 чел., в Германии 6—10 чел., Восточной Европе 1—3 чел. и в Северной Европе менее 2 чел.³⁰ В Европейском Барбарикуме, начиная со II в. и до конца Великого переселения народов наблюдается постепенное сокращение населения, вызванное эпидемиями, миграциями, неблагоприятными переменаами климата³¹.

²⁶ Магомедов Б. Черняховская культура... С. 93.

²⁷ Гуревич А.Я. Древние германцы // Он же. Избранные труды. М., 1999. Т. 1. С. 4

²⁸ Lange E. Op. cit. S. 106.

²⁹ Винокур И.С. История та культура черняхівських племен Дністро-Дніпровської межиріччя II—V ст. н.е. К., 1972. С. 41.

³⁰ Pounds N.J.G. An Historical Geography of Europe 450 BC—AD 1330. Cambridge; N.Y. 1973. P. 116.

³¹ Abel W. Geschichte der deutschen Landwirtschaft vom frühen Mittelalter bis zum 19. Jahrhundert. Stuttgart, 1967. S. 12—15; Гуревич А.Я. Указ. соч. С. 42.

На наш взгляд, последнее явление во многом объясняет многочисленность варваров, покинувших причерноморскую родину в результате гуннского натиска. Переправившихся через Дунай в 376 г. везиготов было так много, что, по свидетельству Аммиана Марцеллина, организаторы переправы безуспешно пытались определить число переселенцев (XXXI.4.2). Евнапий указывает, что только способных к войне насчитывалось 200 000 (Енар., 42). Общее число везиготов, переправившихся в 376 г. в дунайские провинции под руководством Алавива и Фритигерна, могло достигать одного миллиона³². После гуннского натиска за Дунай переселялись и другие готские группировки: остроготы Алатея и Сафрака (Амм. Марс., XXXI.5.1), отряд Фарнобия (Амм. Марс., XXXI.4.12), в 381 г. — везиготская дружина Атанариха (Zosim., IV.34), в 386 г. — остроготы Одотея и др. (Zosim., IV.35). К тому же, по свидетельству Иордана, значительная часть остроготов вошла в состав Гуннской «державы» (т.н. «гуннские готы»)³³. Даже если признать конкретные цифры в сообщениях античных авторов существенно завышенными, то и в этом случае они свидетельствуют о многочисленности подданных короля Эрманариха.

§ 2. Ремесленные производства

Вопрос о специализации ремесла и отделении его от земледелия очень важен для социально-экономической характеристики любого общества. По данным археологии у черняховского населения в качестве самостоятельных ремесел выделились гончарство, металлообработка и косторезное производство, а также, возможно, и стеклоделие.

Гончарство. Для черняховской культуры главным определяющим показателем выступает гончарная посуда ремесленного производства, исполненная в едином стиле с весьма устойчивым набором форм. Кроме хозяйственных видов, она включала развитый ассортимент столовых форм, среди которых заметное место занимают сосуды для напитков³⁴. Лепная посуда была характерна в большей степени для Верхнеднестровского региона и среднеднепровского пограничья с киевской культурой, где она чаще всего является показателем местного этнического субстрата. Но и здесь она встречается вместе с характерной сероглиняной круговой посудой черняховских типов. Исследователи предполагают, что процентное соотношение гончарной и лепной

³² Сиротенко В.И. История международных отношений в Европе во второй половине IV—начале VI в. Пермь, 1975. С. 24.

³³ Вольфрам Х. Указ. соч. С. 194.

³⁴ Магомедов Б. Черняховская культура. Проблема этноса... С. 59.

керамики на поселении в той или иной мере отображает степень вовлеченности данной общины во внутрирыночные отношения.

Следы гончарного производства в виде горнов открыты почти на полусотне черняховских поселений. Установлено, что они имеют кельтское и провинциально-римское происхождение, как, впрочем, и ряд ведущих типов черняховской посуды³⁵. Черняховские горны — весьма совершенные, часто двухрусные. По заключению специалистов, они свидетельствуют о развитии у черняховцев ремесленного производства вида Р2 (со сбытом продукции на рынках не более одного дня пути) и даже Р3 (со сбытом продукции на рынках более одного дня пути)³⁶. На поселениях Леськи, Лепесовка, Журавка, Глеваха открыты настоящие гончарные мастерские, где мастер мог производить от 30 до 80 сосудов ежедневно. По подсчетам специалистов, он обеспечивал своей продукцией округу в радиусе нескольких десятков километров.

Многочисленные находки гончарных горнов являются важным археологическим показателем такого уровня разделения и производительности труда в черняховском обществе, который более свойственен ступени цивилизации, нежели варварства. Все исследователи признают, что производство черняховской гончарной керамики начинается без каких-либо переходных этапов сразу на высоком уровне, что можно объяснить прямым участием в производственном процессе провинциальных мастеров-профессионалов³⁷. Важно, что на сероглиняных горшках из поселения Лепесовка имелись греческие граффити, нанесенные по глине еще до обжига. Последние указывают на то, что гончарная посуда здесь могла изготавливаться грекоязычными мастерами — скорее всего, выходцами из балканских провинций³⁸. Использование гончарного круга и двухрусных горнов для обжига, а также некоторые характерные формы керамики, по мнению М.Б. Шукина, являются несвойственными вельбарской культуре и культурам-предшественникам черняховской. Он выводит традиции черняховской гончарной керамики из римских провинций Рейнско-дунайского лимеса, населенных потомками кельтов³⁹.

С другой стороны, черняховские мастера в некоторых типах ва (рис. 17), кувшинов (рис. 18) кружек и развивали в гончарной техни

³⁵ Бобринский А.А. Гончарные мастерские и горны Восточной Европы (по материалам II—V вв. н.э.). М., 1991; Шукин М.Б. Указ. соч. С. 165—166.

³⁶ Бобринский А.А. Гончарство Восточной Европы: источники и методы изучения. М., 1978. С. 35.

³⁷ Магомедов Б.В. Указ. соч. С. 61.

³⁸ Тиханова М.А. К вопросу о происхождении гончарной керамики черняховской культуры // Античные города Северного Причерноморья и варварский мир. Л. 1973. С. 29—31.

³⁹ Шукин М.Б. Готский путь... С. 117—129.

Рис. 17. Гончарные вазы черняховской культуры. Могильник Нагорное 2 (фото Э. Шульце)

Рис. 18. Гончарные кувшины черняховской культуры. Могильник Нагорное 2 (фото Э. Шульце)

ке традиционные формы вельбарских и иных североевропейских образцов⁴⁰. Для местной знати изготавливались особые керамические сосуды (глиняные кубки — подражания стеклянным, сосуды-«сапоги» и др.), которые не имели аналогов в провинциальной или варварских культурах позднеримского времени. В результате по сравнению с предшествующими, синхронными и последующими восточноевропейскими культурами черняховский керамический комплекс заметно выделяется по богатству набора кухонной и особенно столовой посуды: горшки, зерновики-пифосы, корчаги, керамические ведра, миски, кувшины, кружки, кубки, а также сосуды редких форм. Помимо своих носителями черняховской культуры довольно широко использовались привозные античные сосуды: амфоры различных средиземноморских и черноморских центров, краснолаковая «терра сигиллята», светильники и пр.

В «Готской Библии» Вульфилы IV в. имелись специальные термины для обозначения таких понятий, как гончар («kasja»); лепить из глины («digan»); глиняный сосуд («kas»).

⁴⁰ Магомедов Б.В. Указ. соч. С. 60; Шукин М.Б. Указ. соч. С. 121—129.

Металлургия и металлообработка. Уровень развития черняховского ремесленного производства во многом определяют археологические данные по металлургии и металлообработке⁴¹. Следы местной черной металлургии найдены на большинстве черняховских поселений. Помимо их открыты остатки нескольких десятков железоделательных горнов, в том числе довольно совершенные горны сыродутного типа и т.н. встроенные со шлаковыпуском. Последние характерны для средневропейской металлургии позднелатенского и римского времени⁴². Внушительные масштабы черной металлургии указывают на товарный характер производства железа. В черной металлургии использовались технологии, аналогичные тем, что применялись в Свентокшижских горах Южной Польши, в частности, одноразовые ямные горны. С железом, полученным с территории Свентокшижского металлургического центра, работали на Волини⁴³. Кричное железо и сталь-сырец были основными материалами черняховской металлургии. Они обрабатывались профессиональными кузнецами — “aizasmīra”, упомянутыми в «Готской Библии»⁴⁴.

Археологам известны до 60 наименований черняховских изделий из железа и стали, куда входят орудия труда сельского хозяйства и промыслов, ремесленные инструменты, оружие, снаряжение коня, предметы быта и домашняя утварь, принадлежности костюма и украшения. Следует обратить внимание на то, что этот ассортимент будет превзойден населением Восточноевропейской лесостепи лишь в древнерусское время. Специальные металографические исследования показали, что черняховские мастера обладали высоким уровнем кузнечного искусства, при этом правители не упускали возможности иногда привлекать также иноземных кузнецов, изготавливавших продукцию на римском уровне⁴⁵. Они применяли приемы цементации и пакетирования железных изделий и их переработки в стальные⁴⁶. Исследователи довольно давно обратили внимание на то, что в готском языке IV в. имелась довольно развитая кузнечная терминология: кузнец (“aizasmīra”); ковать (“gasmīron”); железо (“eisarn”); топор (“aqizi”)⁴⁷ и др.

Ювелирное дело. Цветной металл население черняховской культуры использовало в основном для изготовления ювелирных изделий — украшений и деталей одежды, прежде всего многочисленных фибул.

⁴¹ Тиханова М.А. К вопросу о развитии черной металлургии в черняховской культуре // КСИА. 1974. Вып. 140. С. 11—18.

⁴² Славяне Восточной Европы... С. 377.

⁴³ Магомедов Б.В. Указ. соч. С. 93—94.

⁴⁴ Вознесенская Г.А. Техника обработки железа и стали // МИА. 1972. № 187. С. 33.

⁴⁵ Там же. С. 94.

⁴⁶ Там же.

⁴⁷ Корсунский А.Р. О социальном строе вестготов // ВДИ. 1965. № 3. С. 57.

Установлено, что черняховский комплекс сплавов является продуктом взаимодействия двух больших зон металлообработки — прибалтийской и причерноморской⁴⁸. Возможно, это указывает не просто на главные направления торговых связей черняховцев, а отражает глубинные истоки их культуры (соответственно на прибалтийской прародине и в Причерноморье). В готском языке имелись понятия: медь (“aiz”); серебро (“silubr”); золото (“gulþ”). В ювелирных целях применялись драгоценные металлы, так, «перстень» на готском языке обозначается метафорой «золото пальца» (“figgragulþ”).

Косторезное производство стоит среди наиболее развитых ремесел в черняховском обществе. Едва ли не главной его отраслью было производство наборных гребней, составленных из нескольких подогнанных друг к другу пластинок из рога благородного оленя или кости (рис. 19). Такие гребни были характерным предметом личного обихода в германском мире и по этому показателю черняховская культура в этот мир вписывается⁴⁹. Готская военная знать могла носить особые причёски, напоминающие «свевский узел», в этой связи гребни имели и определённую социальную значимость⁵⁰.

Выделению производства гребней в отдельную ремесленную отрасль способствовал как массовый спрос на эти изделия (их находки исчисляются сотнями), так и сложность изготовления. Крупным ремесленным центром по их производству в Среднем Подноровье было поселение Великая Снитинка. Здесь исследовано пять ремесленных косторезных мастерских, в которых найдено 550 изделий из оленьего рога⁵¹. Эти мастерские работали не позднее середины IV в. Напомним, что в почти обязательных находках гребней в могилах М.Б. Щукин видел не только показатель высокого профессионализма черняховских косторезов, но и определенное «свидетельство «цивилизованности» всего черняховского населения.

Стеклоделие. Готы не только широко пользовались привозными стеклянными изделиями (рис. 20), но, скорее всего, знали секрет стеклоделия. В ареале черняховской культуры остатки стеклодельной мастерской открыты у с. Комаров в Верхнем Поднестровье⁵². Здесь про-

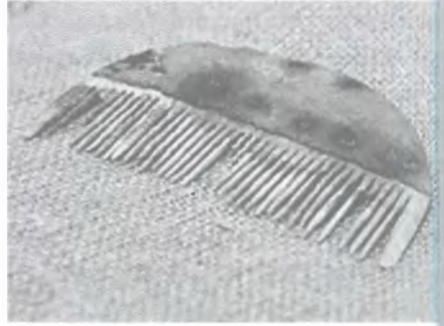
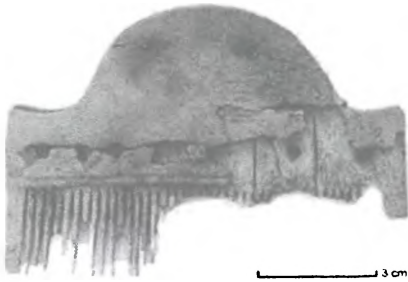
⁴⁸ Черных Е.А., Барцева Т.Б. Спектроаналитические исследования цветного металла черняховской культуры // КСИА. 1972. №121. С. 63—66.

⁴⁹ Щукин М.Б. Указ. соч. С. 173—175.

⁵⁰ Кулаков В.И. Археологические критерии социальной истории Янтарного берега в I—XI вв. н.э. // Stratum. 2003—2004. №4. С. 285.

⁵¹ Магомедов Б.В. Велика Снітинка 2 — поселення гребінників III—IV ст. н. е. // Стародавнє виробництво на території України. К., 1992. С. 94—116.

⁵² Смішко М.Ю. Поселення III—IV ст. н.е. із слідами скляного виробництва біля с. Комарів в Чернівецькій обл. // МДАПВ. 1964. Вип. 5. С. 67—80.

1

2

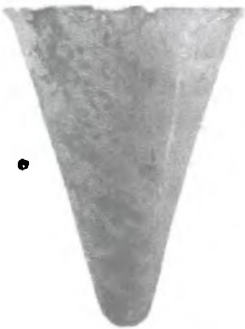
Рис. 19. Гребни черняховской культуры. (1 — могильник Нагорное 2 (фото Э. Шульце), 2 — могильник Войтенки (фото М.В. Любичева)).

1

2

3

4

5

10 cm

Рис. 20. Стекланные кубки черняховской культуры. Могильник Нагорное 2 (фото Э. Шульце)

изводилось стекло, в том числе цветное (фиолетовое, синее, зелёное), причем, по технологиям римской провинциальной школы, работающей на экспорт⁵³. М.Б. Щукин допускает, что стеклоделием занимались бродячие артели мастеров, переходившее от одного поселка к другому. В готском языке имелись специальный термин для обозначения таких понятий, как стекло/бокал/чаша/кубок (“stikls”).

Камнерезное дело. В последнее время стало известно еще одно занятие черняховцев, достигшее уровня товарного ремесленного производства. Это изготовление каменных жерновов из редкой породы — вулканического туфа, центр которого открыт у с. Лугового Винницкой обл.⁵⁴ Скорее всего их массовое производство было налажено благодаря участию мастеров-выходцев из римских провинций. Отсюда они расходились по всей территории черняховской культуры, а некоторые попали на поселения киевской культуры.

Плотничество. В ареале черняховской культуры найдено немало деревообрабатывающих инструментов, а на поселении Бовшев II даже железный резец от токарного станка⁵⁵. В «Готской Библии» плотничество выражено термином строительство (“timrjan”)⁵⁶.

Кожевенное ремесло. В.Н. Войнаровский выделяет у черняховцев кожевенное ремесло и ряд вспомогательных ремёсел (добыча извести, угля, дегтярство)⁵⁷, развивавшихся в рамках больших металлургических, кожевенных или стеклодельных производственных комплексов. Известь использовалась металлургами и стеклоделами в качестве флюса, кожевниками для золения кож. Так, ямы для гашения извести и печи для обжига найдены в кожевнях Добриновцев I и Гряды I. Это также черняховская инновация, на вельбарских памятниках оснастка для производства извести не выявлена⁵⁸.

Прядение и ткачество. В отличие от вышеперечисленных ремесел прядение и ткачество не вышло у черняховцев за уровень домашнего производства. Это были традиционные занятия женщин независимо от их социального положения. В женских погребениях находят

⁵³ Шапова Ю.Л. Мастерская по производству стекла у с. Комарово (III—IV вв.) // СА. 1978. № 3. С. 230—242.

⁵⁴ Хавлюк П.І. Про виробництво жорен на черняхівських поселеннях Побужжя // Археологія. 1980. № 18. С. 30—34.

⁵⁵ Баран В.Д. Славяне Юго-Восточной Европы... С. 403.

⁵⁶ Lehmann W.P. Op. cit. P. 345.

⁵⁷ Войнаровский В.Н. Древнее кожевенное производство на территории Украины // Археологія. 2003. № 3. С. 111—123.

⁵⁸ Войнаровский В.М. Проблеми археологічного дослідження допоміжних ремесел черняхівської культури (вапнярство, вуглярство, дегтярство) // Актуальні проблеми досліджень (До 40-річчя археологічної експедиції НПУ ім. М.П. Драгоманова). К., 2010. С. 20—24.

детали веретен — пряслица и крюковидные булавки. Пряслице из богатого погребения 36 Лецкан имеет готскую руническую надпись с именем хозяйки⁵⁹. Ткани изготавливались из льна, конопли и шерсти⁶⁰. В позднеримское время появляется более совершенный вертикальный ткацкий станок, свидетельством чего являются находки скоплений глиняных грузил на месте станка. В готском языке имелись специальные термины: прясть (“spinnan”); шерсть (“wulla”); валяльщик шерсти (“wullareis”); шить (“siujan”); полотно (“lein”); одежда/платье (“snaga”); нательная рубаша (“paida”); кожаные башмаки/обувь (“gaskohi”) и др.⁶¹

У современных исследователей нет сомнения, что единообразие массовых ремесленных изделий «черняховского типа» являлось результатом цельной экономической системы, которая формировалась на основе общего внутреннего рынка. Такой рынок может сложиться только при регулярном общении населения внутри некоей устойчивой общности⁶². Мастера-ремесленники работали, как правило, на заказ в пределах общины, получая за свой труд продукты сельского хозяйства. Однако наличие крупных специализированных мастерских — кузнечных, ювелирных, гончарных, косторезных — свидетельствует о наличии товарного производства, т.е. изготовлении продукции на рынок. Поэтому есть все основания говорить о том, что черняховское общество достигло стадии второго общественного разделения труда, когда ремесло отделялось от сельского хозяйства⁶³.

Еще раз отметим, что на развитие черняховского ремесла позитивно повлияло постоянное общение готов с античными городами Северного Причерноморья и населением Империи, а также захват ими большого количества пленных мастеров из римских провинций⁶⁴. В этом смысле во многом справедливым остается мнение П.Н. Третьякова, что черняховская культура «являлась продуктом ремесла и торговли»⁶⁵.

⁵⁹ Bloşiu C. Necropola din secolul al IV — lea e. n. de la letcani // Arheologia Moldovei 1975. № 8. С. 231.

⁶⁰ Магомедов Б. Черняховская культура... С. 104—105; Рикман Э.А. Прядение и ткачество у племен черняховской культуры Днестровско-Прутского междуречья // КСИА. 1971. Вып. 128. С. 12—14.

⁶¹ Корсунский А.Р. Указ. соч. С. 57.

⁶² Там же. С. 17.

⁶³ Брайчевский М.Ю. Біля джерел слов'янської державності... С. 204—220.

⁶⁴ Корсунский А.Р. Указ. соч. С. 58.

⁶⁵ Третьяков П.Н. У истоков древнерусской народности. Л., 1970. С. 177.

§ 3. Торговля и денежное обращение

Археологические материалы содержат яркие свидетельства развития как внешней, так и внутренней торговли в королевстве Эрманариха. Разнообразные привозные изделия античного производства глубоко вошли в материальную культуру и быт оседлого населения юга Восточной Европы III—IV вв.

Торговля с античным миром. В IV в. торговля причерноморских варваров с Античным миром достигает своего наивысшего развития. Ее надежно подтверждают находки античной амфорной и краснолаковой керамики, изделий из стекла и другие импорты, которые встречаются едва ли не на каждом черняховском памятнике. «Места, где живут готы, усеяны обломками римских амфор, большинство которых — разбитые винные сосуды»⁶⁶. Доминируют светлоглиняные узкогорлые амфоры, преимущественно малоазийского производства, а широкогорлые красноглиняные представлены только в Причерноморье, видимо, в связи с трудностью транспортировки⁶⁷. Импортная посуда также включает причерноморские краснолаковые блюда и кувшины, стеклянные кубки египетского и сирийского происхождения. Причем, следует напомнить, что римская керамическая тара доходила до самых удаленных уголков черняховского мира, например, до территории современной Курской области⁶⁸. По наблюдениям Б.В. Магомедова, динамика поступления амфор и других импортных изделий показывает, что их массовый приток в черняховский ареал приходится на IV в. Около середины этого века сюда осуществляются массовые поставки дешевого синопского вина. Помимо его в Причерноморье начал работать новый специализированный центр виноделия, направленный на сбыт продукции преимущественно среди северных варваров, причем амфорную тару для него изготавливали вывезенные из Синоп гончары⁶⁹. Этим объясняют массовое появление в черняховском регионе т.н. «псевдосинопских амфор» («тип Делакеу»).

Из письменных источников, в частности Фемистия, о торговле готов с римлянами на Дунае известно, что варвары получали из Империи вино, соль, оливковое масло, оружие, одежду, украшения (Themist. Or.10.135). Продавали они главным образом рабов, а также скот, кожи,

⁶⁶ Хизер П. Падение Римской империи. М., 2011. С. 119.

⁶⁷ Баран В.Д. Славяне Юго-Восточной Европы... С. 413.

⁶⁸ Сымонович Э.А. Находка позднеантичной амфоры из Курской области // СА. 1971. № 4. С. 231—232; Кропоткин А.В., Кропоткин В.В. Северная граница распространения амфор римского времени в Восточной Европе // Могильники черняховской культуры. М., 1988. С. 168—184.

⁶⁹ Магомедов Б.В. Римские амфоры в черняховской культуре // Готы и Рим. К., 2006. С. 52—59.

продукты лесных промыслов⁷⁰. Среди отечественных ученых получило широкое распространение мнение, что важнейшей статьей восточноевропейского экспорта в Империю мог быть хлеб, чем объяснялся массовый приток римской монеты на Украину⁷¹. Б.А. Рыбаков даже писал об экспортном земледелии в украинской лесостепи периода «траяновых веков», как он образно называл время черняховской культуры⁷². Близкую позицию в этом вопросе занял М.Ю. Брайчевский. Он писал: «Можно утверждать, что черняховскую культуру породила хлебная торговля с Империей»⁷³. Однако в современной науке эти смелые гипотезы не нашли подтверждения⁷⁴. Каких-либо археологических свидетельств товарного производства зерна в черняховское время не обнаружено, да и позднеантичные авторы, видимо, не случайно молчат о вывозе хлеба из областей черняховской культуры. Наоборот, из письменных источников мы знаем, что в европейском Барбарикуме постоянно ощущался дефицит хлеба, что и было одной из побудительных причин движения варваров в хлебоборные провинции Римской империи.

Уже Зосим сообщает о присутствии торговцев среди варваров в эпоху «Готских» («Скифских») войн (Zos., I.34.1). О весьма развитом характере внутренней торговли у готов свидетельствует наличие в их языке специальных терминов для обозначения соответствующих понятий: торговать (“kauron” от лат. “cauro”); торговая сделка (“gawaurki”); купец (“*kaura-mannz”), покупать (“bugjan”); продавать (“fra-bugjan”); деньги, монета (“skatts”); плата, воздаяние за работу (“misdo” — ср. слав. «мзда»); рынок (“garuns”, греч. “ἀγορά”); стоимость (“wairp”); пошлина (“mota”). Из эпической традиции мы знаем, что больше всего готы ценили кубки, затем скот и сокровища (Hlödskvida, 10). Интересно, что Вульфилла при переводе греч. “ἀργύριον” — «серебро», «деньги» использовал гот. “faihu” — «скот», «состояние» (букв. «передвигающееся богатство»)⁷⁵. Х. Вольфрам отметил, что гот. “kauron” — «торговать» произошло от лат. “cauro”, что объективно свидетельствует о наличии торговых отношений, которые сначала завязывались именно с римлянами. При этом лат. «торговец» играло в готском языке такую же роль, какая соответствовала в других германских идиомах работоторговцам — “mangones”⁷⁶.

⁷⁰ Кротопкин В.В. Экономические связи Восточной Европы в I тыс. н.э. М., 1967. С. 113—114.

⁷¹ Греков Б.Д. Киевская Русь. М.;Л., 1938; Брайчевский М.Ю. Римська монета на території України. К., 1959. С. 27—34.

⁷² Рыбаков Б.А. Киевская Русь и Русские княжества... С. 37, 45.

⁷³ Брайчевский М.Ю. Періодизація історичного розвитку Східної Європи... С. 15.

⁷⁴ Там же. С. 112—113.

⁷⁵ Бенвенист Э. Словарь индоевропейских социальных терминов. М., 1995. С. 49, 57.

⁷⁶ Вольфрам Х. Указ. соч. С. 167.

Судя по письменным источникам и археологии, приграничная торговля была уже не меновой, а денежной⁷⁷. Археологические данные свидетельствуют о большом объеме римского импорта вина и масла в амфорах, а также украшений. Из других видов товаров большое значение имел ввоз разнообразной стеклянной столовой посуды⁷⁸, наборов стеклянных игральные жетоны — “calculi” для игры типа шахмат⁷⁹, а также разнообразных бус⁸⁰ и предметов роскоши, в том числе, золотой парчи из Константинополя, известной по находке из «княжеского» погр. 5 в Переяславле-Хмельницком⁸¹.

В мирное время готские купцы свободно торговали на всей территории приграничной провинции Фракия, посещали любые города и торговые пункты. В годы римско-готской войны 367—369 гг. «запрет всяких торговых отношений ввергал варваров в крайний недостаток в самом необходимом» (Amm. Marc., XXVII.5.7). Поэтому в договор между Атанарихом и императором Валентом в 369 г. было включено специальное условие об эмпориях на Дунае, где готы могли бы торговать с римлянами (Themist. Or. 10.133).

Исследователи наиболее вероятным признают передвижение товаров в Восточной Европы по морю, а далее по рекам, прежде всего, вверх по Днепру и Днестру⁸². Особенно большое значение имел старый торговый путь по Днестру, верховья которого связывались с Прибалтикой. На это прямо указывает Псевдо-Арриан: «Река Тира (Днестр — И.З.) безопасна для плавания грузовых судов» (Ps.-Arrian., 88). Важными торговыми центрами оставались позднеантичные города Ольвия и Тира из которых продукция расходилась по бассейнам ближних рек, доходя до Скандинавии. Внутри черняховской территории в удобных местах возникали торжища и постоянные торговые пункты. О существовании в готском обществе торговцев прямо свидетельствует на-

⁷⁷ Корсунский А.Р. Указ. соч. С. 58; Корсунский А.Р., Гюнтер Р. Указ. соч. С. 33.

⁷⁸ Сымонович Э.А. Стеклянная посуда середины I тыс. н.э. с Нижнего Днепра // КСИИМК. 1957. № 69. С. 22—30; Он же. Стеклянные кубки из Журовки // КСИА. 1964. Вып. 102. С. 8—12.

⁷⁹ Сымонович Э.А. Игрально-счетные жетоны на памятниках черняховской культуры // СА. 1964. № 3. С. 307—312; Кропоткин В.В. Экономические связи... С. 101—102; Любичев М.В. Погребения с римским импортом на могильнике черняховской культуры Войтенки (Восточная Украина) // Древности Центральной и Восточной Европы эпохи римского влияния и переселения народов (“Germania-Sarmatia”). Калининград, 2008. С. 73—76.

⁸⁰ Бобровская О.В. Бусы и подвески в уборе населения черняховской культуры: автореф. дисс. канд. ист. наук. К., 2000.

⁸¹ Гончаров В.К., Махно Е.В. Могильник черняхівського типу біля Переяслав-Хмельницького // Археологія. 1957. Т. XI. С. 134.

⁸² Кропоткин А.В., Кропоткин В.В. Указ. соч. С. 176.

ходка весов римского типа на поселении Лепесовка⁸³. Недавно стало известно еще об одной находке гирек для римских весов на поселении Дмитриевка⁸⁴. Римские весы неоднократно находили на территории Свободной Германии, их связывают с бродячими торговцами⁸⁵. Развитие черняховского общества достигло той стадии, которая уже требовала всеобщего торгового эквивалента. Судя по массовым находкам, таковым служили, прежде всего, римские монеты.

Торговля с северными соседями. Для отдаленных восточноевропейских областей подданные короля Эрманариха выступали, прежде всего, в роли производителей ремесленной продукции. Объектами торговли была, прежде всего, гончарная керамика, изделия из металлов, кости и рога, в частности гребни, каменные жернова, производство которых было налажено в районе Умани, а также янтарные украшения. Значительное число предметов черняховского импорта (гончарная посуда, бронзовые фибулы и пряжки, гребни и даже каменные жернова) найдено на памятниках киевской культуры⁸⁶. В обмен население киевской культуры и более отдаленных районов Восточной Европы могло поставлять пушнину, воск, мед.

Картографирование вещей черняховского и римского происхождения в глубинных районах Восточной Европы выявило еще два направления экономических связей черняховцев с народами лесной зоны — в Восточную Прибалтику и в финно-угорские области Оки-Волги⁸⁷. Археологическими свидетельствами торговли с населением Прибалтики служат многочисленные находки изделий из янтаря, прежде всего бус. Судя по рассказу Иордана о покорении «северных народов» (Get., 116) Эрманарих стремился установить контроль над торговыми путями по Волге. Он сообщает, что «племя это (готы — И.З.) <...> без страха держало огромные пространства земель и столько морских заливов, столько течений рек» (Get., 89). В то же время археология не подтверждает весьма популярную гипотезу Г. Шрамма — Х. Вольфрама о «золотых народах» Приуралья, от которых готы Эрманариха якобы получали золото⁸⁸. Находки изделий из этого металла на памятниках черняховской культуры преимущественно римского происхождения. Основным бла-

⁸³ Тиханова М.А. О находке римских весов на Южной Волыни // Проблемы археологии. Л., 1978. С. 97—101.

⁸⁴ Устное сообщение А.М. Обломского.

⁸⁵ Die Germanen. Bd. II... S. 161—162, Abb. 34.

⁸⁶ Терпиловский Р.В., Абашина Н.С. Памятники киевской культуры (САИ). К., 1992. С. 71—75.

⁸⁷ Kazanski M. Les arctoi gentes et "l'empire" d'Hermanaric // Germania. 1992. Bd. 70. H.1. S. 75—122.

⁸⁸ Schramm G. Die nordöstlichen Eroberungen der Russlandgoten (Merens, Mordens und andere Völkernamen bei Jordanes, Getika. XXIII. 116) // Frühmittelalterliche Studien. 1974. Bd. 8. S. 4—5; Вольфрам Х. Указ. соч. С. 131.

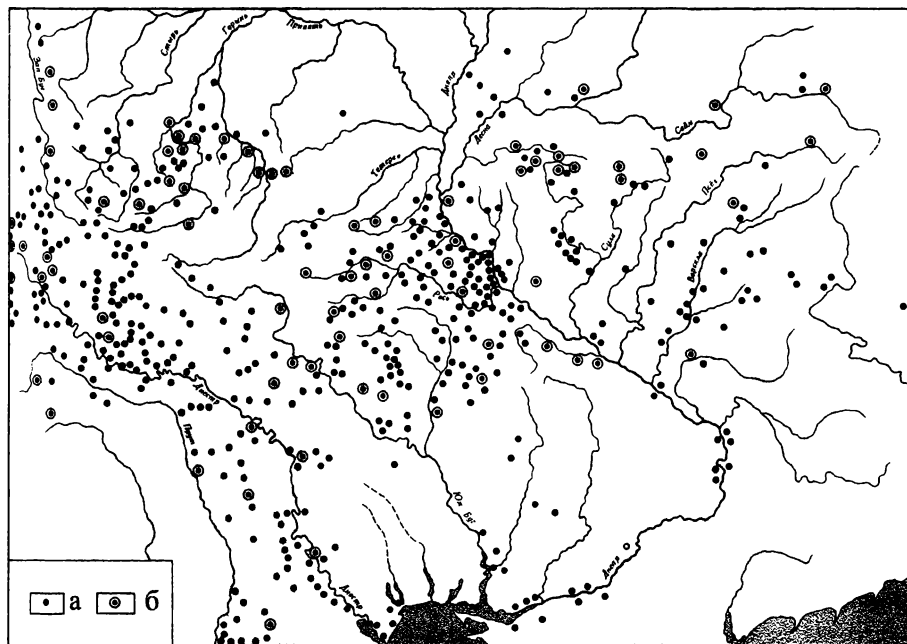

Рис. 21. Распространение монет и кладов в ареале черняховской культуры (а — монеты; б — клады. По: Гей О.А., Сымонович Э.А. Указ. соч. 1993, карта 27)

городным металлом у готов, как и у других германцев позднеантичной эпохи, было серебро.

Денежное обращение. Важным показателем уровня экономического развития того или иного общества является наличие в нем монеты и денежного обращения. По количеству монетных находок черняховская культура резко выделяется из всех предшествующих, да и последующих археологических культур Восточной Европы (рис. 21). На ее территории сейчас известен 1171 пункт находок римских монет общим числом не менее 23 тыс.⁸⁹ Из них 988 (84,7%) приходятся на единичные находки и 183 (15,3 %) на клады. Напомним, что некоторые клады отличались огромными размерами. Например, известный Борочицкий клад содержал около 2000 монет общим весом до 9 кг, а также наградной золотой медальон с изображением императора Иовиана (363—364)⁹⁰. Если формально брать эти количественные показатели, то по ним черняховская культура не имеет себе равных среди восточноевропейских культур I тыс. По числу монетных находок она намного превосходит даже Киевскую Русь. Установлено, что подавляющее число монет, найденных на

⁸⁹ Мизгін К.В. Античні монети на пам'ятках черняхівської культури: автореф. дисс. канд. ист. наук. К., 2010. С. 6—9.

⁹⁰ Тиханова М.А. Борочицкий клад // СА. 1956. Т. 25. С. 301—307.

территории черняховской культуры — римские денарии с высоким содержанием серебра, и лишь единичными экземплярами представлены золотые и бронзовые монеты. При этом их находки встречались как в слоях поселений, так и в погребениях, где их иногда находили в поясных сумках. Отмечено спорадическое использование монет в могилах в качестве «оболов Харона». Как уже указывалось, тысячи монет входили в состав кладов, для обозначения которых у готов был специальный термин “*husd*” — «сокровище», «клад».

Хотя собственного монетного чекана у черняховцев не было, с занятой ими территории происходят т.н. «варварские» подражания римским монетам — ауреям, денариям и антонинианам (всего 48 находок)⁹¹. В двух волынских кладах денариев доля таких монет составляет 12,5 и 23%, т.е., с точки зрения владельцев клада, они равноценны римским. При этом серебряные монеты имеют близкое к оригиналам содержание драгоценного металла. С памятников черняховской культуры происходит немногочисленная серия боспорских монет, указывающая на торговлю с городами Боспора⁹². Соотношение между количеством серебряных римских денариев и «варварских» подражаний им как 110:1 объективно показывает, что черняховское население не испытывало недостатка в серебряной римской монете для использования ее во внутриторговых операциях⁹³. Помимо прямого назначения, золотые и позолоченные монеты использовались в качестве ювелирных украшений, о чём говорит наличие отверстий/проушин в большинстве найденных образцов. Серебряные монеты этого признака в массе лишены, т.е. предназначались для коммерческого хождения⁹⁴.

Зоны концентрации римских монет совпадают с зонами концентрации черняховских памятников. Естественно, римские монеты чаще встречались на памятниках, расположенных ближе к лimesу. Здесь в ходу были и мелкие медные монеты, что является надежным свидетельством их использования в качестве средства денежного обращения. Но и в самых отдаленных уголках черняховского мира отмечено массовое поступление римской монеты. Так, в Днепро-Донецкой лесостепи К.В. Мызгиным учтены находки 3800 монет⁹⁵. Весьма показательно, что

⁹¹ Мызгин К.В. «Варварские» подражания римским монетам на территории черняховской культуры // Древности. Харьков, 2009. Вып. 9. С. 90.

⁹² Бейдин Г.В., Мызгин К.В. Находки боспорских монет в ареале черняховской культуры // Германия-Сарматия II. 2010. С. 135—148.

⁹³ Мызгин К.В. «Варварские» подражания римским монетам... С. 94.

⁹⁴ Анохин О.В. «Варварские» подражания римским монетам на территории Украины и Молдовы // Причерноморье. История, политика, культура. Вып. III. Сер. А. Севастополь, 2011. С. 144—151.

⁹⁵ Мызгин К.В. Некоторые аспекты политической и экономической истории населения Днепро-Донецкой лесостепи во второй четверти I тыс. н.э. по

не только отдельные находки, но и клады римских монет известны на далекой северной⁹⁶ и северо-восточной периферии черняховской культуры, в частности, на Верхнем Дону в окрестностях г. Ельца (Липецкая обл.)⁹⁷. В 2010 г. на Среднем Дону найден Верхнекарабутский клад (Подгоренский р-н Воронежской обл.), содержащий свыше 130 денариев, чеканенных императорами от Траяна до Александра Севера⁹⁸.

Исследователи указывают различные пути проникновения римской монеты к варварам-черняховцам. Значительная, если не большая часть серебряных римских денариев (до 80%) попала к ним еще во время «Готских» войн середины III в. в качестве трофеев и выкупа (Get., 91). Зосим сообщает: «Успех варваров значительно возрос, т.к. Галл (император 251—253 гг. — И.З.) не только позволил им возвратиться домой с их добычей, но и обещал выплачивать им определенную сумму в деньгах ежегодно» (Zos., I.24.1—2). «Т.к. город (Трапезунд — И.З.) был захвачен, варвары нашли в нем огромное количество денег и несметное число рабов» (Zos., I.33.3). И далее: «Вследствие этого варвары немедленно пересекли пролив и захватили Халкидон без сопротивления, получив во владение множество денег, оружия и другого добра в изобилии» (Zos., I.34.3). Свидетельствами такого рода пестрят сочинения авторов эпохи «Готских» войн.

Впоследствии часть награбленных денег была спрятана в виде сокровищ⁹⁹. Безусловно, свой вклад внесли и денежные выплаты варварам за военную службу¹⁰⁰. Иордан сообщает о готах, что после того как у них императором была отнята стипендия, они «из друзей стали врагами» (Get., 89). По мнению М.Б. Шукина, старые серебряные монеты, чеканенные во II в., — это часть выплат готам-федератам из запасов императорской казны, в которой осели вышедшие из обращения номиналы. Они предпочитали именно их как более удобные при расчетах — для варваров было важно большое содержание чистого серебра, а не портрет того или иного императора¹⁰¹. Эту гипотезу подтверждает известное свидетельство Тацита о том, что германцы принимают в

нумизматическим данным // Древности Центральной и Восточной Европы эпохи римского влияния и переселения народов (Germania-Sarmatia). Калининград, 2008. С. 73.

⁹⁶ Радюш О.А. Находки римских монет с территории Курской области // Славяно-русские древности Днепровского Левобережья. Курск, 2008. С. 140—145.

⁹⁷ Разуваев Ю.Д. Клад римских денариев из с. Казаки Липецкой области // РА. 2002. № 2. С. 165—171.

⁹⁸ Скок Н.Н. Находки римских монет и денежное обращение на территории Среднего Подонья в I—III вв. н.э. // Восточноевропейские древности скифского времени. Воронеж, 2011. С. 239—240. Рис. 1.

⁹⁹ Магомедов Б. Черняховская культура... С. 111.

¹⁰⁰ Лавров В.В. Указ. соч. С. 340.

¹⁰¹ Шукин М.Б. Указ. соч. С. 201.

уплату лишь известные с давних пор деньги старинной чеканки (Герм., 5.). Известно, что в погребении франкского короля Хильдерика (ум. в 481 г.) были найдены 200 серебряных римских монет II в.¹⁰² Какая-то часть монет попала в Восточную Европу благодаря торговле с Империей, а также как выкуп за пленных и в качестве военных контрибуций. Недавно К.В. Мызгин пришел к выводу, что основу поступления римских монет ранних выпусков и монет III в. составляла военная добыча периода «Готских войн», а основу поступления монет IV вв. активная торговля местного населения с римскими провинциями.

Встает вопрос, как оценить уровень товарно-денежных отношений в готском обществе по нумизматическим источникам. В свое время М.А. Тиханова полностью отрицала функцию римской монеты в качестве денежного средства, настаивая лишь на развитии меновой торговли у черняховцев¹⁰³. Противоположную точку зрения высказал М.Ю. Брайчевский, настаивавший на повсеместном обращении римских монет в черняховском обществе¹⁰⁴. Это мнение было оспорено В.В. Кропоткиным. Он допускал использование монет в качестве денег лишь во внешней торговле, в основном в западных пограничных областях. На его взгляд, у черняховцев денежное обращение находилось на первоначальной стадии развития, когда функция средства обращения еще не имела необходимых предпосылок для развития¹⁰⁵. В последнее время весьма осторожную позицию в решении этого вопроса занял К.В. Мызгин. На основании анализа практически всего черняховского нумизматического материала он пришел к выводу, что во внутренней жизни местного черняховского общества монеты играли довольно активную роль и лишь какая-то их часть (клады) оседала в руках племенной верхушки¹⁰⁶. Исследователь утверждает, что в черняховском обществе римская монета еще не выполняла функций денег, т.к. она принималась не по фактическому номиналу, а на счет. Это доказывается отсутствием мелкой разменной монеты — обязательного условия при существовании денежного обращения. Таким образом, по мнению харьковского ученого, следует говорить не о денежном обращении, а только о неких его зачатках¹⁰⁷. Однако еще раньше Э.А. Рикман при-

¹⁰² Там же. С. 362.

¹⁰³ Тиханова М.А. К вопросу об обмене и торговле в эпоху черняховской культуры // КСИА. 1974. Вып. 38. С. 66—73.

¹⁰⁴ Брайчевський М.Ю. Римська монета на території України... С. 27—34.

¹⁰⁵ Кропоткин В.В. Клады римских монет на территории СССР // САИ. 1961. Вып. 14—4. С. 35.

¹⁰⁶ Мызгин К.В. Некоторые аспекты политической и экономической истории... С. 71, 73.

¹⁰⁷ Там же. С. 76.

вел важные доводы в пользу внутреннего денежного обращения в среде черняховского общества: «варварские подражания», встречающиеся среди прочих монет; сильная потертость большинства монет; наличие некоторого количества бронзовых (медных) монет, которые применялись для розничных покупок на внутренних рынках¹⁰⁸.

Как следует из письменных источников, гревтунги обладали немалыми деньгами и использовали их в зависимости от обстоятельств. Так, по сообщению Аммиана, Витимир, избранный королем сразу после смерти Эрманариха, «за деньги привлек в союз с собой» другое племя гуннов (Amm. Marc., XXXI.3.3). Сообщая о переправе гревтунгов через Дунай, Зосим пишет, что лжеизменники, нанятые полководцем Промотом, «запросили непомерно большую сумму за предательство магистра и его армии, варвары сказали, что не смогут собрать такую сумму. Чтобы утвердить доверие к себе, шпионы магистра, однако не соглашались снизить цену. Наконец, стороны договорились о цене и тайне организовали измену; предатели должны были взять часть денег сразу же, а остальное — после победы...» (Zos., IV.38.3—4). В «Страстях св. Саввы Готского» о мученике говорится, что «не стремился он ни к деньгам, ни к богатству, довольствуясь лишь самым необходимым» (Passio, II.2). Здесь христианская риторика явно противопоставляет образ святого его соплеменникам, которым были свойственны эти пороки. О наличие денежного обращения прямо свидетельствует лексика «Готской Библии»: драхма (“drakna”, с лат. “drachma”); деньги, монета (“skatts”); сокровище (“huzd”); богатство (“gabei”); быть богатым (“gabignan”); платить (“us-giban”); оплачивать (“us-gildan”); заработок (“faihugawaurki”), жадный к деньгам (“faihugairns”) и др.

Довольно богатая готская «торгово-денежная» лексика не подтверждает недавно высказанное К.В. Мызгиным мнение, что германцам было не знакомо само понятие денег¹⁰⁹. Оно было знакомо готам в архаической форме “faihu” — «скот» = «богатство», но также «серебро», «деньги». Это слово, безусловно, является пережитком тех времен, когда скот у готов выполнял функцию денег. Но на этом основании не стоит архаизировать уровень обмена в готском обществе, если вспомнить лат. pecunia (от pecus — букв. «скот»), которое в Риме веками применялось к звонкой монете (“pecunia signata”). Тем более что в «Готской Библии» словом “faihu” часто переводится греч. “ἀργύριον” — «серебро» и “χρήματα” — «деньги»¹¹⁰. Показателем весьма высокого уровня экономического развития готского общества IV в., далеко ушедшего

¹⁰⁸Рикман Э.А. Этническая история... С. 229, 237.

¹⁰⁹Мызгин К.В. Указ. соч. С. 76.

¹¹⁰Бенвенист Э. Указ. соч. С. 49.

от первобытной экономики, служит то, что в готском языке существовали уже такие понятия, как: долг (“*dulgis*” — заимств. с кельт.); должник (“*faihuskula*”); кредитор (“*dulgahaitija*”); долговое обязательство (“*wadjabokos*”); залог (“*wadi*”); проценты (“*wokra*”); налог (“*gild*”); дань, пошлина (“*mota*”); сборщик податей (“*motareis*”); собственность (“*aigin*”); богатство (“*gabei*”); обогащаться (“*gabignan*”) и др.

Таким образом, распространение римских монет является свидетельством существования в среде черняховского населения денежного обращения, а наличие многочисленных и богатых кладов — показателем весьма глубоко зашедшей имущественной дифференциации. Римские монеты стали важным платежным средством, хотя еще и не были всеобщим эквивалентом. Такой уровень денежного обращения характерен для обществ, находящихся на стадии классового образования, формирования государственности и цивилизации. В то же время функция монет как средства обращения еще не имела необходимых внутренних предпосылок для развития, т.к. основная их масса попадала к черняховцам очевидно внеэкономическим путем: в виде выплат варварам-федератам, «даров» готским королям, а также в качестве военных трофеев. Лишь небольшая часть монет поступала в глубинные черняховские районы в результате торговли.

В хозяйственном отношении население, оказавшееся в составе «державы» короля Эрманариха, как впрочем, и владений судьи Атанариха, заметно отличалось от соседних варварских народов. Главным достижением черняховского общества, выделяющим его в кругу синхронных восточноевропейских культур, явились три важнейших производственных достижения: плуг с железным наральником и череслом, указывающий на агрикультуру пашенного земледелия, ручные мельницы, представленные находками ротационных каменных жерновов, а также гончарный круг, свидетельствующий о прогрессе в ремесленном производстве¹¹¹.

¹¹¹Славяне Юго-Восточной Европы... С. 154—164, 393—398; Славяне и их соседи.. С. 161.

Глава VII

Культура
и религия

Помимо материалов по экономике и социальному строю не менее ярко об уровне развития остроготов свидетельствуют данные, относящиеся к сфере духовной и интеллектуальной культуры. Прежде всего, это исторические, эпиграфические и археологические свидетельства о существовании у них письма, календаря и религии. Ниже мы рассмотрим их в контексте исследования культурной составляющей той общности, которая сложилась в королевстве Эрманариха.

§ 1. Руны и зарождение письменной традиции

Ко времени существования ранних готских королевств относятся первые случаи использования варварами Восточной Европы греческой и латинской письменности. На поселении Лепесовка найдено не менее 10 греческих граффити¹, а также 8 рунических надписей². Важно, что некоторые из них сделаны на черняховских сосудах еще до обжига, что указывает на грамотность какой-то части черняховских гончаров. На поселении Одая в Молдавии встречен фрагмент черняховского сосуда с обрывком трехстрочной надписи буквами греческого алфавита³. Большой интерес представляет граффити на черепке лепного сосуда с поселения Черепин, выполненное при помощи греческих и латинских букв⁴. В.Д. Баран прочитал его как “Lado” или “Ladoi”. Специалистами предложены и другие варианты чтения этой надписи. Но для нашей темы важен сам факт использования жителями этого поселения для своих записей букв греческого и латинского алфавитов⁵.

Приведенные выше факты не должны вызывать удивления, если вспомнить, что в состав населения черняховской культуры помимо готов и местного субстрата входили выходцы из Античного мира с его высокоразвитой письменной культурой: мастера, ремесленники, торговцы, пленные легионеры, перебежчики. Не следует забывать и того, что тысячи готов постоянно находились на службе в самых различных частях Империи, где они неизбежно должны были как-то освоить латинский и грече-

¹ Тиханова М.А. Раскопки на поселении III—IV вв. у с. Лепесовка в 1957—1959 гг. // СА. 1963. № 2. С. 189.

² Тиханова М.А. Следы рунической письменности в черняховской культуре // Средневековая Русь. М., 1976. С. 11—17; Мельникова Е.А. Старшерунические надписи // Она же. Скандинавские рунические надписи. М., 1977. С. 133—141.

³ Щукин М.Б. Указ. соч. С. 171.

⁴ Баран В.Д. Черняхівська культура... Рис. 45.

⁵ Помимо выше указанных, граффити найдены и на других черняховских поселениях Будешты, Собарь, Куркань, Каменка-Анчекрак и пр.

ский язык, а их командный состав — приобрести навыки хотя бы начальной грамотности. Эти группы населения были основными проводниками античной письменной культуры в готские земли. О том, что письмо было в обиходе готской знати прямо свидетельствует сообщение Аммиана Марцелина под 378 г., когда предводитель готов Фритигерн передал императору Валенту два письма, где «открыто требовал, чтобы ему и его людям, изгнанным из своей земли стремительным набегом диких народов, предоставлена была для обитания Фракия» (XXXI.12.8). Иоанн Златоуст (347–407), архиепископ Константинопольский, также упоминает письма некоего «князя готов, в которых последний просил послать к ним епископа»⁶.

Помимо греческих и латинских граффити важным показателем культурного уровня населения, входившего в ранние готские королевства, являются рунические надписи старшего футарка⁷. Это сугубо древнегерманский элемент культуры, один из важнейших показателей того, что среди носителей черняховской культуры были восточные германцы. При этом следует отметить, что их языковая принадлежность устанавливается лингвистами независимо от археологического контекста⁸.

Самая ранняя руническая надпись на территории Восточной Европы обнаружена на наконечнике копья, найденном в 1858 г. у с. Сушично близ г. Ковеля на Волини (рис. 22)⁹. Она нанесена по железу рунами, инкрустированными серебром. Поскольку при обнаружении артефакт явно был вырван из археологического контекста его датируют по аналогиям очень широко от конца II по IV в. Сейчас стало ясно, что ковельское копье входит в серию находок однотипных германских наконечников из Центральной и Северной Европы с руническими надписями старшего футарка¹⁰. Древнейшее из них — копье из Эвре-Стабю в Норвегии, содержащее надпись “*gaunijar*” — «Испытатель», датируется около 150 г.¹¹ В целом же вся серия германских копий с рунами и знаками относится ко времени 150/180 — 220/230 гг.¹²

Как уже отмечалось, копье из Ковеля маркирует самое начало миграции готов и других германских племен на юг Восточной Европы. На

⁶ *Иоанн Златоуст*. Творения святого отца нашего Иоанна Златоуста, архиепископа Константинопольского в рус. пер. СПб., 1897. Т. 3. Кн. 1. С. 644—645.

Мельникова Е.А. Скандинавские рунические надписи. Новые находки и интерпретации. Тексты. Перевод. Комментарий. М., 2001.

⁸ *Макаев Э.А.* Язык древнейших рунических надписей (лингвистический и историко-филологический анализ). М., 2002. С. 4

⁹ *Шумовский А.* Острие с рунической надписью, найденное в Сушично // Вестник археологии и истории. СПб., 1888. Вып. VII. С. 215—227.

¹⁰ *Леус П.М.* К истории копья из Ковеля // РА. 2008. № 4. С. 125—127.

¹¹ *Макаев Э.А.* Указ. соч. С. 105.

¹² *Шукин М.Б.* О военных контактах между сарматами и германцами // *Stratum* 2011. № 4. С. 174.

Рис. 22. Ковельское копье (по: *Altheim F.* 1944. Abb. 8)

одной стороне его пера имеются магические знаки (свастика, круг и др.), на другом — руническая надпись (рис. 22). Ее почти единодушно читают как гот. *“tilarīþs”* — букв. «Атакующий», «Нападающий» или «Мчашийся к цели»¹³. Надписи на этом и других копьях отражают язык воинов и племенной знати, предназначенный для варварски возвышенной, поэтической передачи ощущения борьбы, крови, ран, а также личных имен оружия и т.п.¹⁴ Скорее всего, появление последних на оружии отражало процесс индивидуализации именитых воинов, их выделения из семейно-родовых коллективов. Эта готская традиция нашла отражение в героическом эпосе, в частности в «Саге о Хервер и конунге Хейдреке», в развитии ее сюжета важную роль играет роковой меч, носящий «говорящее»

имя *“Tyrþing”* («Тервинг»). В более поздней «Саге о Гисли» описано изготовление наконечника копья, на который наносились магические знаки, причём в этом процессе принимал участие колдун¹⁵.

Из Лепесовки происходят несколько старшерунических надписей. На фрагменте керамики прочерчены руны, читаемые как *“u(?)wa”* (ср. двн. *“Uwo”* и *“Uo-huwo”* — «сова», «филин»¹⁶). На пряслице из той же Лепесовки нанесены руны, складывающиеся как *“h(?)u?eþe(i) kuwi (i) ng(j)”*¹⁷. К сожалению, обе надписи в силу их фрагментарности не составляют связанных текстов. На одной стороне глиняного пряслица из

Надпись *“tilarīþs”* сопоставляют с др.-англ. именем *“Tilrēd”* и с др.-исл. словом *“Tilræði”* — «нападение». См.: Макаев Э.А. Указ. соч. С. 103, 22—21; Гухман М.М. Готский язык. М., 1998. С. 15.

Хлезов А.А. Предвестники викингов: Северная Европа в I—VIII вв. СПб., 2003. С. 246.

Воронятов С.В., Мачинский Д.А. О времени, обстоятельствах и смысле появления сарматских тамг на германских копьях // *Germania-Sarmatia II*. 2010. С. 65—66.

Макаев А.А. Указ. соч. С. 80—81.

Тиханова М.А. Следы рунической письменности... С. 11—17.

погр. 36 могильника Лецкани в Румынии имеется руническая надпись “Rango” — сокращенное готское женское имя Рангхильда, на другой стороне — «Здесь ткань Идо»¹⁸.

Широко известна руническая надпись на золотой гривне из знаменитого готского клада в Петроасе (Румыния), датированного 370—380 гг. На нем отчетливо читается словосочетание “gutaniowihailag” — «священное [сокровище] готов» (“gutani” — «готов» в Gen. Pl., “hailag” — «священный»)¹⁹ или «посвящается богу готов»²⁰. По мнению П. Скардильи, “Gutan” является вариантом для имени Один, которое на «немецком» пространстве чаще встречается с “G” в начале. “Gutaniowi” может представлять собой германо-латинское имя божества Одина (“Gutan”)/Юпитера (“Jowi”)²¹. В этой гипотезе есть рациональное зерно, если вспомнить, что в «Готском календаре» месяц ноябрь также имеет двойное готско-латинское название: “Naubaimbair”/“fruma Jiuleis”²².

Но почти все руны ранее происходили из западной, везиготской части черняховского ареала²³. Для нашего исследования особый интерес представляют новые находки рунических надписей на территории, которая бесспорно входила во владения Эрманариха. В 1995 г. в Среднем Поднепровье на черняховском поселение Малополовецкое-2 в 70 км. от г. Киева Р. Г. Шишкиным найден фрагмент керамического кубка или скорее рога, возможно, с рунической надписью²⁴. По форме он подражал стеклянному кубку с черняховского могильника Ранжевое. При этом знаки были нанесены на поверхность сосуда неглубокими врезными линиями еще до его обжига. Известно, что германцы иногда вырезали руны на рогах для питья, как об этом прямо говорится в одной из более поздних саг («Сага об Эгиле», XLIV), с целью применения рунической магии для защиты от отравления на пиршествах²⁵. В этом смысле весьма показательно, что в готском языке было слово для обозначения магии (“*gandi-”), а также производные от него, например,

¹⁸ Bloşiu C. Necropola din secolul al IV — lea e. n. de la Letcani // Arheologia Moldovei. 1975 № 8. С. 231.

¹⁹ Макаев А.А. Указ. соч. С. 105. Кат. № 69.

²⁰ Бенвенист Э. Указ. соч. С. 347.

²¹ Скардильи П. Указ. соч. СПб., 2012. С. 223.

²² Bernhardt E. Vulfila oder die gotische Bibel. Halle, 1875. S. 605.

²³ Мы здесь не рассматриваем недавно опубликованную руническую надпись на камне с горы Опук в Крыму не только в силу того, что она найдена за пределами ареала черняховской культуры, но, прежде всего, потому что у исследователей есть большие сомнения в ее подлинности. См.: Ганина Н.А. Крымско-готский язык. СПб., 2011. С.18—20.

²⁴ Милашевский А.С. Керамический кубок с руническими знаками из Малополовецкого 2 // Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов. Тула, 2010. Ч. 2. С. 115—118.

²⁵ Там же. С. 116.

“*Gandi-rikaz” — «магией могучий», “*Sisja-berhtaz” — «блистающий магической песнью». За магическое использование текстов у готов позднее предусматривалось наказание тому, кто «...составит тексты во вред другому, посредством чего захочет повредить ему, либо умертвить его, либо лишить дара речи, с тем, чтобы нанести ущерб как телесный, так и имущественный...» (Вестготская правда, 6.2.5).

Остатки рунической надписи сохранились на венчике гончарной миски из Тимченков-2 и на стенке гончарного черняховского сосуда из Огульцов²⁶. Наконец, недавно открытая руническая надпись на костяном гребне, найденном на черняховском поселении у с. Мощеное в Белгородской обл., т.е. на самой восточной окраине черняховского мира, читается как “Gunta” — сокр. женское имя Гунтхильда²⁷. По-видимому, на гребне свое имя надписала его хозяйка. То же самое можно сказать и о надписи, процарапанной на пряслице из Лецкани. Эти две находки очень важны как свидетельства рунической грамотности не только среди мужской, но и женской части черняховского населения. Известно, что женская грамотность является важным показателем уровня письменной культуры в том или ином обществе.

Таким образом, какая-то часть носителей черняховской культуры, безусловно, владела старшим руническим письмом. Найденные в черняховском ареале рунические надписи были разновидностью общегерманского рунического письма-футарка. В языковом состоянии этих надписей специалисты усматривают своеобразное литературное койнэ²⁸. Семантика общегерманского слова “gūna” = греч. “μυστήριον” — «тайна», «секрет», «решение», но также «заговор» — показывает, что руны были частью духовной культуры германцев, непосредственно связанной с сокровенными тайнами магии²⁹. Они могли использоваться и как средства коммуникации для записи определенной информации и в качестве магического алфавита для фиксации магических формул, игравших немаловажную роль в германском язычестве. К изучению алфавита относились с мистическим почтением, буквы алфавита возводили в ранг космических сил, и их магические свойства использовались при изготовлении колдовских средств и амулетов³⁰.

²⁶ Дідик В.В. Герульський слід в черняхівських старожитностях Лівобережної України // Древности римского времени на Слобожанщине. Харьков, 2006. С. 165—168.

²⁷ Ерошенко В.В., Семенов А.И. Новые поселения черняховской культуры на юго-западе Белгородчины // Поселения: среда, культура, социум: мат-лы науч. конф. СПб., 1998. С. 119—122.

²⁸ Макаев А.А. Указ. соч. С. 49.

²⁹ Гуревич А.Я. Руны, руническое письмо // Словарь средневековой культуры. М., 2003. С. 415—423.

³⁰ Скардильи П. Указ. соч. С. 105.

В середине IV в. на основе греческого алфавита, но с добавлением нескольких рун епископ Вульфилла создал особый готский алфавит, которым записал «Готскую Библию» (рис. 11). О том, что последний в своей основе является производным от футарка, свидетельствует тот факт, что порядок букв в алфавите Вульфиллы такой же, как в рунах, а не в греческом или латинском алфавитах.

Помимо рун готский епископ взял ряд прописных греческих букв, а также модифицировал некоторые старые руны так, чтобы их можно было писать чернилами на пергаменте кисточкой или пером (гот. “*meljan*” = нем. “*malen*” — «писать», «рисовать»), а не вырезать на дереве или камне как ранее. Поэтому в библейском готском появилось слово “*ufarmeli*” — надпись³¹. Заметим, что этот новый готский буквенный алфавит долго использовался параллельно рунам.

Лексика «Готской Библии» также отражает сочетание в готском письме рун и букв: гот. “*gūna*” и “*boka*”. Интересно, что слово гот. “*bokareis*” = греч. “*γραττατείς*” — умеющий писать/писец не относится к изобретениям Вульфиллы, т.к. известна руническая надпись: “*Ik Merila bocareis*” — «Я Мерила — книжник» (букв. «резчик букв»)³².

В современной науке письменность, тексты рассматриваются в качестве обязательного признака цивилизации, отличающего ее от первобытных «доисторических» обществ, где абсолютно доминировала устная культура³³. Иногда цивилизацию и вовсе определяют по одному этому признаку как культуру классового общества, овладевшего письменностью. Так, В. Мак-Нейл считает, что цивилизацией можно назвать лишь тот тип общества, в котором появляется корпус авторитетных текстов, призванных регулировать возникающие социально-бытовые отношения³⁴. Далее он уточняет, что цивилизация как определенный способ социальной организации появляется в тот момент, когда корпус авторитетных текстов становится нормативным среди образованных людей (чаще всего это духовенство). В этом контексте предлагается рассмотреть факты, свидетельствующие об умении части черняховского населения пользоваться письмом: как собственно древнегерманским руническим, так и греко-латинским алфавитом. Важно, что в эпоху Эрманариха и Атанариха у готов появился первые авторитетные литературные тексты — «Готская Библия», записанная оригинальным алфавитом, изобретенным

³¹ Казанцева Т.Ю. Указ. соч. С. 22.

³² Гухман М.М. Указ. соч. С.19; Макаев Э.А. Указ. соч. С. 37—38.

³³ Гельб И.Е. Опыт изучения письма (основы грамматологии). М., 1982. С. 211; Гамкрелидзе Т.В., Иванов В.В. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Тбилиси, 1984. Т. 2. С. 885—890.

³⁴ Мак-Нейл В. Цивилизация, цивилизации и мировая система // Цивилизации. М., 1993. Вып. 2. С. 18—25.

Вульфиллой, и христианский «Готский календарь». С этого времени можно определенно говорить о появлении готской литературной традиции.

В то же время, вышеперечисленные свидетельства не стоит слишком переоценивать — носители черняховской культуры находились на самой начальной ступени усвоения письменной культуры. По данным литературной традиции, на той же стадии стояли и готы — лишь в середине IV в. Вульфиллой был разработан готский алфавит, который использовался исключительно в литургических целях. Известно, что одно из свойств письменности — быть средством социального господства³⁵. Судя по имеющимся в нашем распоряжении материалам, в черняховском обществе до этого дело еще не дошло — во всяком случае, не сохранился ни один письменный документ, исходящий от властных структур и указывающий на использование письменности именно в этом социальном смысле. Однако именно в период III—IV вв. готы первыми из германцев встали у истоков письменной культуры. Их ведущая роль в германском мире как проводников культуры возросла после принятия ими христианства³⁶.

§ 2. Языческая религия

К сожалению, из литературных источников мы немного знаем о традиционной готской религии. В основном это отрывочные сведения античных и раннехристианских авторов о верованиях и культах вестготов³⁷. Весьма ценный материал содержит «Готская Библия», т.к. до сих пор язык остается самой надежной базой реконструкции «варварского» сознания³⁸. Но Вульфила передал лишь некоторые отзвуки старых языческих воззрений, которые им были преобразованы и встроены в новое видение жизни и общества³⁹. Лингвисты выделяют в готском две основные группы религиозной лексики: исконно германскую, первоначально обозначавшую различные языческие понятия еще в дописьменный период, и заимствованную для передачи новых христианских реалий^{40*}. В последние десятилетия много нового для изучения мировоззрения населения черняховской культуры дают данные археологии, но и они не всегда отличаются желаемой определенностью.

³⁵ Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика. М., 1989. С. 304—306.

³⁶ Schmidt L. Die germanischen Reiche der Völkerwanderung. Leipzig, 1913. S. 399.

³⁷ Вольфрам Х. Указ. соч. С. 156—165.

³⁸ Мифологема женщины-судьбы у древних кельтов и германцев. М., 2005. С. 8.

³⁹ Скардильи П. Указ. соч. С.13.

⁴⁰ Бакулина А.С. Христианская и языческая лексика готского языка: краткий сравнительный анализ // Мат-лы XV богословской конф. ПСТГУ. М., 2005. С. 316.

Проявление язычества в погребальной обрядности.

Биритуальный погребальный обряд черняховского населения, в особенности трупосожжения, безусловно, свидетельствует о его языческих верованиях. Следует заметить, что биритуализм черняховской культуры — явление для Европы римского времени не уникальное, а скорее обычное. Само по себе, использование носителями одной культуры различных форм погребальной обрядности, в том числе столь различных, как ингумации и кремации, характерно для переходных постпервобытных обществ⁴¹. Могильники, содержащие как кремации, так и ингумации были известны у германцев еще до нашей эры⁴². Но тот факт что население, проживавшее на одном поселении, придерживалось разных погребальных традиций, скорее всего, указывает на существенные различия в мировоззрении отдельных, составляющих его групп.

По мнению ряда исследователей, выбор обряда захоронения — кремации или ингумации — был обусловлен дохристианскими представлениями готов о посмертном существовании⁴³. По предположению Р. Хахмана, кремации могли быть изначально связаны с культом древнего германского бога Тиу (“Tiu”/“Ziu”), а ингумации — с Одином (“Woden”/“Wodan”)⁴⁴. Правда, распространение обычая трупосожжения более поздняя скандинавская традиция связывала именно с установлениями Одина⁴⁵. Как бы то ни было, смена богов и ритуалов могла произойти только в случае глубоких социальных сдвигов в обществе, с развитием института военного предводительства и захватнических войн⁴⁶. На территории Германии со II по VI в. по неясным до конца причинам происходит постепенный переход от древнего обряда кремации к повсеместному господству ингумаций⁴⁷. Его нельзя связывать с распространением христианской традиции ингумаций, т.к. он появляется за долго до принятия религии Христа готами и другими варварами.

Подобное явление наблюдается и в черняховской культуре, где кремации чаще встречаются в ранних погребениях, тогда как ближе к финалу устанавливается господство обряда ингумации при сохранении

⁴¹ Моця А.П. Трупосожжение и трупоположение у славян Среднего Поднепровья. Причины смены погребального обряда // Славяне и Русь. К., 1979. С. 144—154.

⁴² Die Germanen. Bd. 1... S. 188—191.

⁴³ Heather P., Matthews J. The Goths in the Fourth Century. Liverpool, 2004. P. 63.

⁴⁴ Nachmann R. Die Goten und Skandinaviern. B., 1970. S. 138—140.

⁴⁵ Снорри Стурлусон. Круг Земной. М., 1980. С.15.

⁴⁶ Санников С.В. Религия на службе королевской власти в дохристианской Германии и Скандинавии // Вестник НГУ. Сер.: История, филология. Т. 4. Вып. История. Новосибирск, 2005. С. 33—42.

⁴⁷ Die Germanen. Bd. 2... S. 271.

определенной доли кремаций⁴⁸. В связи с этим напомним, что у некоторых восточногерманских народов, традиция сожжения покойника сохранялась очень долго. Так Прокопий Кесарийский при описании погребального обычая племени герулов, специально отметил, что таким он был в древности: «...Навалив большую и высотную кучу дров и положив этого человека на самый ее верх <...> поджигают всю кучу дров, начиная с самого низу. Когда костер потухнет, они, собрав кости, тотчас же предают их земле» (Проскор., Bell. Goth., II.14). Поэтому, может быть, обряд сожжения в черняховских могильниках связан не только и не столько с собственно готской — (для вельбарской культуры более характерны ингумации), а с герульской или вандальской (пшеворской) погребальной традициями. В этом плане интересно, что гот. глагол “(ga) filhan” — «погребать» имел исходное значение с глаголом «прятать», «зарывать в землю» (ср. рус. «хоронить»), что явно указывает на первичность для готов именно обряда ингумации⁴⁹.

По данным языкознания у готов, как и у многих других индо-европейских народов, реконструируется трехчастная модель мира. Мир живых людей — это “midjungards”, букв. «срединное место обитания». Для обозначения верхнего мира в языке готов практически ничего не осталось, если не считать того, что в Библии Вульфилы (при переводе 2 Кор 12:4) христианское понятие «рая» передавалось гот. “waggs” — «луг»⁵⁰. Для обозначения подземного или загробного мира готами издревле употреблялось слово “halja” — букв. «укрытие» (др.-исл. “Hel”), после принятия христианства ставшее обозначением «царства мертвых», ада⁵¹. Скорее всего, такое представление о посмертной судьбе было свойственно той части населения, которая практиковала обряд ингумации. Наоборот, в кремациях с оружием как обряде перехода в «мир иной», вероятно, находили отражение совсем другие религиозные представления, связанные с верой в пребывание умерших в верхнем, «небесном» царстве мертвых⁵². Последнее, скорее всего, представлялось райским лугом (“waggs”). Лингвистами установлено, что у готов суще-

⁴⁸ Рикман Э.А. Этническая история... С. 297, 299.

⁴⁹ Ганина Н.А. Древнегерманский погребальный обряд... С. 186.

⁵⁰ Скардильи П. Указ. соч. С. 72—73.

⁵¹ Топорова Т.В. Древнегерманские представления об ином мире // Представления о смерти и локализация Иного мира у древних кельтов и германцев. М., 2002. С. 386—388; Бакулина А.С. Указ. соч. С. 319; Скардильи П. Указ. соч. С. 227.

⁵² Мелетинский Е.М. Германо-скандинавская мифология // Мифы народов мира. М., 1991. Т. 1. С. 288; Топорова Т.В. Указ. соч. С. 409. Иную интерпретацию германского обряда сожжений см.: Березовая Н.В. Исландские поверия об «оживших покойниках» и их связь со скандинавским погребальным культом // Представления о смерти и локализация Иного мира у древних кельтов и германцев. М., 2002. С. 242.

ствоvalo представление об умирании как горении — “ga-swiltan”⁵³. Заметим, что, не смотря на довольно широко распространенный обычай трупосожжения, у древних германцев, в отличие от других индоевропейских народов, огонь никогда не почитался как божество⁵⁴. Однако в древнегерманской эсхатологии был развит образ «огня смерти»⁵⁵.

Различия в представлениях о посмертном существовании проявляются и в других обрядовых чертах черняховской культуры. В параграфе о социальном составе остроготского социума мы уже рассматривали вопрос о северо- и западноориентированных погребениях. Та часть населения, которая хоронила умерших головой на север с сопровождающими его на «тот свет» вещами, придерживалась погребальных традиций, связанных с верой в посмертное существование умершего в его земном, телесном воплощении⁵⁶. Возможно, такая ориентировка отражала соотнесенность умерших с «царством мертвых» на севере, куда, по представлениям германцев, устремлялись их души после смерти⁵⁷.

Другая часть населения с западной ориентировкой усопших явно придерживалась какой-то иной похоронной традиции, не требующей их сопровождения полными наборами инвентаря. По мнению А.В. Гудковой и Е. Шульце, трупоположения с западной ориентировкой не случайно имеют бедный или мелкий инвентарь, который традиционно ограничивался стеклянными кубками и отдельными украшениями⁵⁸. Некоторые исследователи усматривают в ней проявление признаков раннехристианской погребальной обрядности. О шаткости исторических и археологических аргументов последней гипотезы речь уже шла выше, хотя полностью исключать вероятность принятия новой веры какой-то частью остроготов, на наш взгляд, все же нельзя.

С языческими верованиями связана еще одна характерная особенность многих черняховских ингумаций — намеренное разрушение захоронений⁵⁹. При этом чаще всего разрушению подвергались погребения с

⁵³ Топорова Т.В. Указ. соч. С. 370—371.

⁵⁴ Гаврилов Д.А. НордХейм. Курс сравнительной мифологии древних германцев и славян. М., 2006.

⁵⁵ Топорова Т.В. Указ. соч. С. 377.

⁵⁶ Никитина Г.Ф. Анализ погребального обряда могильника Романковцы... С. 37. Отметим, что в указанном месте у этого автора явно перепутаны характеристики погребений с западной и северной ориентацией.

⁵⁷ Подосинов А.В. Ex oriente lux! Ориентация по странам света в архаических культурах Евразии. М., 1999.

⁵⁸ Gudkova A.V., Schultze E. Gräberfeld und Siedlung Nagornoe 2. Ein Fundplatz der Santana de Mures-Černjachov-Kultur an der Unteren Donau (Archäologie in Eurasien. Bd. 35). Bonn, 2017. S.168.

⁵⁹ Сымонович Э.А. Магия и обряд... С. 49—60; Винокур И.С. Некоторые вопросы духовной культуры черняховских племен // СА. 1968. №1. С. 58—61.

северной ориентировкой. Видимо, эта особенность находит объяснение в древней германской традиции обезвреживания «оживших покойников» с целью обезопасить от них живых людей⁶⁰. Она получила широкое распространение в погребальной обрядности большей части черняховского населения. Известно 42 могильника с неполными погребениями. Этот элемент погребального обряда расценивается как защитная магия⁶¹. О.В. Петраускас выявил и другой интересный ритуал. В могильнике Косаново из одного погребения с ингумацией была извлечена часть останков, ее подвергли сожжению и захоронили в той же могиле⁶². Этот обезвреживающий ритуал в какой-то степени нашел отражение и в раннесредневековом германском эпосе, в котором королю Эрманариху отрубают руки и ноги, а потом бросают их в огонь (Hamðismal, 24).

Об охранительной магии свидетельствуют также находки в могилах различных амулетов (ведерковидных подвесок, «молоточков Тора» и др.) и камней. Иногда камни использовались для обозначения могил (в виде пирамидок) или в качестве надгробий⁶³. Они, по-видимому, имели у готов магическое значение. В «Вестготской правде» говорится: «Если кто похитит у мертвого надгробие, желая добыть для себя исцеление, он должен будет выплатить наследникам покойного 12 солидов...» (11.2.2).

Языческие идолы и святилища

Характерной чертой древней языческой религии было идолопоклонство. Известно, что готы называли своих кумиров “galiugaguda”, причем, изначально оно употреблялось в среднем роде для обозначения одного их божков языческого пантеона⁶⁴. Однако после принятия христианства в качестве имени Бога использовалось слово с той же основой, но уже муж. рода в ед. числе, наряду с гот. “Frauja” — Господь.

По мнению Х. Вольфрама, языческие идолы символизировали божественных предков готов — «полубогов ансов». Впервые они засвидетельствованы Иорданом (Get., 78) как “anseis” в форме Асс., Pl.⁶⁵ Р. Хахман усмотрел в этом сообщении Иордана заимствованный у Кас-

⁶⁰ Березовая Н.В. Указ. соч. С. 226—252.

⁶¹ Gudkova A. V., Schultze E. Op. cit. S. 165.

⁶² Петраускас О.В. Могильники черняховской культуры Косаново и Гавриловка. Сравнительная характеристика — хронология, погребальный обряд, этнокультурные особенности // Сто років вивчення полів поховань на Україні. Київ, 1999. С. 135—143.

⁶³ Никитина Г.Ф. Черняховская культура Поднепровья... С. 148.

⁶⁴ Бакулина А.С. Указ. соч. С. 319.

⁶⁵ Bammesberger A. Gotisch “ansis” und urgermanisch “*ans(u)-” // Beiträge zur Namenforschung. 1996. № 31 (3). S. 231—249.

сиодора фрагмент подлинной готской религиозной традиции⁶⁶. Однако современные исследователи считают, что др.-герм. “ansuz/áss” совпало со значением одной из древних рун⁶⁷, так что в этом случае источником мог быть готский рунический алфавит, понятный и Иордану. Одним из ансов был Гаут, который в Скандинавии эпохи викингов считался ипостасью Одина⁶⁸. Согласно древнегерманской традиции, Один пришел в Скандинавию с территории юга России, где по представлениям скандинавов у р. Танаис жили асы и ванны⁶⁹.

Об идолопоклонстве готов свидетельствует и позднеантичная литературная традиция. Савва Готский, будучи христианином, осуждал и попрекал своих односельчан-идолопоклонников (Passio, II.1). Во время преследования христиан везиготский судья Атанарих повелел возить на повозке по всей стране «нечто подобное изображению бога» и приносить ему жертвы. Это деревянный идол мог олицетворять главного предка везиготов⁷⁰. О языческих жертвоприношениях в готской деревне в 372 г. упоминается в «Страстях св. Саввы Готского»: «В другой раз, когда время суда было передвинуто, как это обычно делается у готов, некоторые из язычников из той же самой деревни собирались при вознесении жертвоприношений богам поклясться преследователям, что в их селении нет ни одного христианина» (III.1.3). Исследователи германской языческой традиции усматривают в самой казни Саввы через утопление в реке древний ритуал жертвоприношения воде⁷¹.

Известны готские языческие праздники, которые назывались словом “*dulþs”⁷². Они начинались с жертвоприношений и включали пиры, во время которых ели священное мясо принесенных в жертву животных. Социальная функция пиршества в жизни варварского общества хорошо раскрыта А.Я. Гуревичем: «Совместное поглощение пищи и напитков имело в сознании этих людей глубокий общественный, религиозный и моральный смысл; между сотрапезниками устанавливались дружественные связи, изглаживалась вражда <...> Мир в представлении Варваров, очевидно, равноценен пиру»⁷³.

Помимо веры в языческих богов, которым ставили идолы, в готском языке сохранились свидетельства о божествах низшего уровня. Это так

⁶⁶ *Найтманн Р.* *Op. cit.* S. 46.

⁶⁷ *Мельникова Е.А.* Историческая память в германской устной традиции и ее письменная фиксация // История и память. Историческая культура Европы до начала Нового времени. М., 2006. С. 185.

⁶⁸ *Вольфрам Х.* Указ. соч. С. 163—164.

⁶⁹ *Щукин М.Б.* Указ. соч. С. 85—89.

⁷⁰ *Вольфрам Х.* Указ. соч. С. 157.

⁷¹ *Пенник Н., Пруденс Дж.* История языческой Европы. СПб., 2000.

⁷² *Бакулина А.С.* Указ. соч. С. 319.

⁷³ *Гуревич А.Я.* Категории средневековой культуры. М., 1972. С. 206.

называемые “skohsl” — «чудища»⁷⁴. Этимология этого слова не ясна, но оно употреблялось в значении «злой дух» (греч. “δαίμων” — «бес»), в отличие от “ahma” — «дух» от готской основы со значением «разум»⁷⁵. Жертвоприношения демонам позднее преследовались «Вестготской правдой»: «Колдуны, или призыватели бурь, которые какими-либо заклинаниями насылают град на виноградники и нивы, или те, кто мутит умы людей вызыванием демонов, или же те, кто творит ночные жертвоприношения демонам <...> пусть получают публично двести ударов бичом...» (6.2.4).

В Библии Вульфилы, впитавшей значительный пласт языческой лексики, алтарь обозначался словом “hunslastaps” — «жертвенное место» (от “hunsl” — «жертва»)⁷⁶. Существовало специальное выражение “hunsla saljan” — «приносить жертву». В том же источнике сохранилось исконное готское обозначение подобных культовых мест — “alhs”, которое обычно переводят как «храм»⁷⁷. Однако этимология этого слова и его параллели в других древних германских языках свидетельствуют, что изначально оно обозначало укромное, защищенное место в лесу или на горе. Поэтому позже для обозначения христианского храма в готском языке появилось слово “aikldesjo”, заимствованное из греческого литургического языка.

К сожалению, мы многого не знаем о готском язычестве, в том числе состав готского пантеона. Но имеющиеся данные позволяют считать большую часть остроготского и везиготского населения до конца IV в. язычниками. Старое язычество долго держалось среди готской знати даже после переселения на земли Империи. Так, например, король остроготов Радагайс в начале V в. оставался приверженцем культа идолов (Isidor, Hist. Goth., 14).

Институт жречества

Исследованные черняховские святилища представляли собой языческие капища, о которых заботились жрецы. Недавно готское языческое капище было открыто на вельбарском поселении Хринники на Волыни. На алтаре и вокруг него были найдены кости человека, коня, вепря и двух собак⁷⁸. В языке «Готской Библии» сохранилось гот. слово “gudja” — «жрец», позже оно стало обозначать священнослужителя вообще, в том числе, христианского священника⁷⁹. Это слово известно

⁷⁴ Meid W. Zur Etymologie von got. “skohsl” // Zeitschrift für vergl. Sprachforschung. 1963. № 78. S. 153.

⁷⁵ Ганина Н.А. К этимологической интерпретации гот. “skohsl”, // Вестник МГУ. Сер. 9. Филология. 1990. № 5. С. 45—48; Бакулина А.С. Указ. соч. С. 319.

⁷⁶ Там же.

⁷⁷ Там же. С. 316—317.

⁷⁸ Козак Д.Н. Капище готів на Волыні // Археологія. 2010. № 3. С. 34—47.

⁷⁹ Макаев Э.А. Указ. соч. С. 126.

и по руническим надписям в форме “gudija”⁸⁰. Сохранился и другой религиозный готский термин “weiha” (от гот. “weihs” — «посвященный»)⁸¹ для обозначения одного из жрецов, совершавших ритуал в языческом храме⁸². Возможно, о готских языческих жрецах свидетельствует рассказ Евнапия о переходе готов через Дунай: «Каждый род готов вывез с собой из родины отечественную святыню и служащих ей священников и священниц, <...> между тем хранили они твердо и неизменно тайны отечественной веры в глубокой непроницаемости» (Еупар., 56).

Помимо жрецов важную роль в языческом ритуале играла готская знать⁸³. Во всяком случае, из «Страстей св. Саввы Готского» видно, что все решения о религиозных мероприятиях и их исполнение принимались готскими вождями, риксами, судьями⁸⁴. В этом мы видим проявление древней германской традиции, впервые отмеченной Тацитом (Germ., 10).

Иордан сохранил уникальное свидетельство о существовании в готском обществе жриц-колдуний, которых он назвал “haliurunnae” (Get., 121—122). Согласно древнему преданию, халиурунны были среди готов уже во время переселения последних из прибалтийской прародины в Скифию. Сочтя их подозрительными, король Филимер приказал их изгнать из готского войска и принудил блуждать в пустыне. По готскому преданию именно от этих изгнанных готских колдуний-халиурунн и нечистых духов произошло свирепейшее племя гуннов. Значит, по представлениям Иордана и его информаторов, халиурунны были у готов не только в годы миграции, но и позже — накануне гуннского вторжения. У исследователей нет сомнения, что Иордан донес до нас подлинное древнее название готских жриц. К. Мюлленгоф возводил это слово к двн. “hellirunna” — нечто вроде «вопрошения мертвых». Е.Ч. Скржинская вслед за другими исследователями указала на его родство с двн. “alrūna” — «ведьма», в основе которого лежит “gūna” — «тайна»⁸⁵. П. Скардильи переводил “haliurunna” как «посланик или вестник Хель»⁸⁶. Всед за ним Н.А. Ганина усмотрела в начале этого сложного слова гот. “helja” — Хель = «страна смерти»⁸⁷.

О том, что жреческие функции у древних германцев исполняли женщины-жрицы, известно из сообщений античных авторов, начи-

⁸⁰ Бакулина А.С. Указ. соч. С. 318.

⁸¹ Бенвенист Э. Указ. соч. С. 346—347; Скардильи П. Указ. соч. С. 24.

⁸² Ганина Н.А. Готская языческая лексика. М., 2001. С. 46—47.

⁸³ Санников С.В. Указ. соч. С. 33—42.

⁸⁴ Вольфрам Х. Указ. соч. С. 158.

⁸⁵ Скржинская Е.Ч. Указ. соч. С. 270.

⁸⁶ Скардильи П. Указ. соч. С. 77.

⁸⁷ Ганина Н.А. К реконструкции семантики готских ритуальных лексем в свете древнескандинавских данных // Скандинавские языки. Диахрония и синхрония. М., 1999.

Рис. 23. Сосуды-календари черняховской культуры
(1 — Лепесовка; 2 — Ромашки; 3 — Войсковое; 4 — Каменка)

ная со Страбона. Старые седовласые жрицы смерти сопровождали войско кимров во время походов в Италию в конце II в. до н.э. (Strabo, VII. 2. 3). Они приносили в жертву пленных и по их крови совершали гадания — предсказывали соплеменникам грядущую победу. Цезарь упоминает германских матрон (“matres familiae”), которые путем бросания жребия и гадания пытались узнать, следует ли воинам выходить на битву (De bello Gal., I. 50). Тацит также свидетельствует о том, что у германцев женщины-жрицы занимались гаданием и предсказанием будущего. «Ведь германцы считают, что в женщинах есть нечто священное и что им присущ пророческий дар, и они не оставляют без внимания подаваемые ими советы и не пренебрегают их прорицаниями»

(Germ., 8). Институт германских жриц-предсказательниц специально рассмотрен в работе Н.А. Ганиной⁸⁸. По-видимому, готские халиурунны представляли реликт этой древней германской традиции. Исследователи допускают, что именно жрицы-халиурунны могли совершать магические обряды с глиняными чарами типа тех, которые обнаружены в Лепесовке⁸⁹. Они представляли собой трехручные вазы, на плоском венчике которых до обжига были прочерчены секции с неповторяющимися рисунками-пиктограммами (рис. 23, 1). Так, широкий борт одной чаши был разделен на 12 секторов-прямоугольников, соответствующих 12 месяцам солнечного года. Лепесовские трехручные чаши обнаруживают аналогии среди лепной керамики пшеворской культуры, близкие сюжетные изображения известны и на вельбарской керамике⁹⁰. В одном из погребений черняховского могильника Ромашки найден кувшин с изображениями, расположенными двумя горизонтальными поясами (рис. 23, 2). Они образуют определенную систему и, видимо, также представляют собой календарь, в котором отмечены дни языческих праздников.

§ 3. Начало христианизации готв

Готы стали первым народом европейского Барбарикума, принявшим христианскую религию, причем в форме арианства. Последнее, видимо, не случайно, т.к. именно арианство, а не католическая ортодоксия позволило им заявить о своей особой религиозной идентичности в христианском мире. Готы также стали распространителями арианства среди других германцев: вандалов, гепидов, ругиев, герулов, скиров, бургундов, свевов и лангобардов⁹¹. Христианизация Готии с 40-х гг. IV в. была связана с миссионерской деятельностью великого просветителя готв и первого собственно готского епископа Вульфилы (Phylost, Eccles. Hist., II. 5; Sozom., Hist. Eccl., IV. 37; Socr. Hist. Eccl., IV. 33; Get., 267). Его миссия, видимо, была частью той имперской программы по христианизации и евангелизации "extere gentes", живущих, как на периферии, так и внутри Империи⁹². Вульфила был назначен епископом именно готского народа, о чем свидетельствует Медиоланский епископ

⁸⁸ Ганина Н.А. Германские провидицы в эпоху Римской Империи // Мифологема женщины-судьбы у древних кельтов и германцев. М., 2005. С. 270—281.

⁸⁹ Шукин М.Б. «Готский путь», плодороднейшие земли "Oium"... С. 280.

⁹⁰ Магомедов Б.В. Черняховская культура... С. 58.

⁹¹ Копылов И.А. Арианская церковь в королевстве вестготов // Вестготская правда (Книга приговоров). Латинский текст. Перевод. Исследование. М., 2012. С. 174.

⁹² Там же. С. 176.

Авксентий: "...ut regetet <...> gentem Gothorum" (Auxent. Ep. 56). Варварские епископы были епископами «народов» ("gentes"). Варвары не имели церковных епархий, привязанных к конкретной территории⁹³. Позже император-арианин Валент прислал к готам своих христианских проповедников. Эта новая «готская вера» надолго стала важным средством сохранения их этнической идентичности среди населения Римской империи — готы последующих поколений, как правило, были арианами. При этом литургия в готской арианской церкви велась на готском языке. Первый перевод Священного Писания на язык варваров-готов, безусловно, сильно повысил их престиж среди других варваров-германцев⁹⁴.

Здесь уместно вспомнить, что у готов в IV в. был и свой христианский церковный календарь. Сохранился его фрагмент с 23 октября по 30 ноября⁹⁵. Календарь охватывает 37 дней, из которых только 7 содержат поминальные записи, а 30 остаются пустыми. В октябре отмечали готские церковные праздники, а в ноябре были памятные даты неготских христиан. Так, упоминаются 40 старцев, погибших во фракийском городе Беройи в связи с преследованием готов-христиан. По мнению ряда исследователей, текст календаря был создан еще в IV в. во Фракии и относится к фракийско-греческому периоду готской церковной истории⁹⁶. П. Скардилли считает, что календарь был составлен во Фракии после 407 г., на основании того факта, что в нем упомянуто имя арианского священника Доротеоса, который умер в 407 г. Однако Е. Бернхардт соотносит имя епископа "Dauribaiaus" с Тирским епископом Доротеусом, умершем во Фракии в 302 г.⁹⁷ П. Скардилли также отмечает, что Готский календарь был не чем иным, как несовершенным способом поддержки памяти готского "bokareis" (или также и священника), который хотел удержать в памяти только самые важные праздники. По его мнению, речь идет о попытке по памяти составить календарь будущих литургических праздников и ритуалов⁹⁸.

Но, судя по имеющимся литературным источникам, арианская проповедь Вульфилы и его преемников коснулась лишь части готского населения, проживавшего к северу от Дуная, подчинявшегося тервингским «судьям». С именем судьи Атанариха христианская тради-

⁹³ Там же. С. 177.

⁹⁴ Скардилли П. Указ. соч. С.246.

⁹⁵ Schäferdiek K. Gotische Literatur. §3 Das Kalendarfragment // RGA. 1998. Bd. 12. S. 451—453.

⁹⁶ Stutz E. Gotische Literaturdenkmäler. Stuttgart, 1966. S. 69—72; Гухман М.М. Готский язык. М., 2008. С. 16.

⁹⁷ Bernhardt E. Vulfila oder die gotische Bibel. Halle, 1875. S. 605.

⁹⁸ Скардилли П. Указ. соч. С. 165—166, 269.

ция связывала жестокие гонения на христиан-готов⁹⁹, хотя на деле годы проповеди Вульфилы им мог быть лишь другой «судья» — е предшественник. Формальной причиной религиозных преследований был отказ христиан от жертвоприношений, который расценивал Атанарихом и другими везиготскими «риксами» как отступничество от исконной этнической религиозной традиции. «Он начал жестоко преследование верующих, противопоставив себя готам, являвшимся христианами. Многие из последних стали мучениками, поскольку согласились приносить жертвы идолам» (Isidor, Hist. Goth., 6). Однако даже эти жестокие гонения не остановили процесса христианизации готов.

Из «Страстей св. Саввы Готского» видно, что новую веру сначала принимали низы везиготского общества, тогда как правящая верхушка крепко держалась за традиционное язычество. При этом христиане составляли явное меньшинство в готской деревне, где жил Савва. Правда с этого же времени становятся известными имена представителей оппозиционной Атанариху готской знати, которые принимали христианство по политическим соображениям, например, Фритигерн. При нем уже находились христианские священники. Аммиан Марцелл под 378 г. сообщает: «Пришел в лагерь императора посланный Фритигерном христианский пресвитер — как они это называют — с другими людьми невысокого ранга» (XXXI.12.8). По свидетельству Евнапия, среди готов, переправившихся через Дунай в 376 г., также были не только христианские священники, но и монахи: «Был у них и род т.н. монахов, установленных наподобие тех, которые учреждены и у римлян» (Eunap., 56). Как утверждает историк, римляне были твердо уверены, что эти варвары действительно являлись христианами. По-видимому здесь речь идет о готах-арианах, принявших новую веру в результате проповеди епископа Вульфилы. Примерно в это же время в Готии известна деятельность жены готского вождя, христианской «княгини» Ираты, которая доставила останки 26 готских мучеников, пострадавших за веру во время гонений Атанариха, в г. Кизик¹⁰⁰. Но все эти свидетельства относятся к христианизации везиготов, обитавших между Дунаем и Дунаем.

К сожалению, античная и христианская литература умалчивают том, как проповедь Вульфилы сказалась на мировоззрении острогота Эрманариха. И хотя в нашем распоряжении пока нет прямых исторических свидетельств о принятии этими готами христианства, тем не

⁹⁹ Heather P., Matthews J. The Goths in the Fourth Century... P. 102—110.

¹⁰⁰ Беликов Д. Христианство у готов. Вып. 1. Начало христианства у готов и деятельность епископа Ульфилы. Казань, 1887. Вып. 1. С. 30—32; Вольфрам Х. Указ. с. С. 124—126.

нее, косвенные данные позволяют сделать такое заключение, по крайней мере, для части подданных остроготского короля. Мы не будем здесь касаться вопросов распространения христианства в античных городах Северного Причерноморья, поскольку этой теме посвящены специальные работы антиковедов¹⁰¹.

В первой половине IV в. Восточноевропейская Готия в основном еще оставалась языческой страной. Но постепенной христианизации какой-то части ее населения способствовала миссионерская деятельность малоазийских пленников готов, особенно каппадокийцев (Phylost., Eccl. Hist., II.5)¹⁰². Василий Великий приписывает заслугу распространения среди готов христианства некоему Евтиху (Epist., 104). Здесь явно речь идет о проповеди христианства среди каких-то других готов, к которым Вульфилла не имел отношения. Известно, что в IV в. наряду с Херсонской и Боспорской епархиями, уже существовала Готская метрополия. Она находилась в ведении константинопольских патриархов, которые рукополагали туда епископов. Именно она направила своего представителя Теофила на Никейский Вселенский Собор 325 г., где он оставил подписи в важнейших церковных актах: “De Gothis Theophilus Bosporitanus”; по другому списку — “Provincia Gothia. T(h)eophilus Gothiae metropolis”. Вопрос о готском митрополите Теофиле является дискуссионным, т.к. исследователи по-разному локализуют упомянутую Готию¹⁰³. Ее соотносили с Дунайской Готией, Крымом, Боспором. Однако сам порядок подписей в акте Никейского собора, где имя Теофила стоит после епископа Херсонесского Филиппа, но перед подписью боспорского епископа Кадма, указывает на то, что искомая Готская метрополия, скорее всего, находилась где-то между Херсонесом и Боспором. При этом существенно, что Теофил, имевший в церковной иерархии сан митрополита, ведал более многочисленной паствой, нежели херсонесский и боспорский епископы¹⁰⁴.

Распространению христианства среди готов могла способствовать и деятельность «старца» Авдия, сосланного за свое еретическое

¹⁰¹Зубарь В.М., Хворостяный А.М. От язычества к христианству. Начальный этап проникновения и утверждения христианства на юге Украины (вторая половина III—первая половина VI в.). Киев, 2000; Диатропов П.Д. Распространение христианства в Северном Причерноморье: автореф. дисс. канд. ист. наук. М., 1987; Шевченко Ю.Ю., Уманец А.Н. Появление раннего христианства III—VII вв. в Северном Причерноморье // Сіверщина в історії України. Київ-Глухів, 2010. Вип. 3. С. 60—67; Шевченко Ю.Ю., Уманец А.Н. О времени учреждения и существования Готской метрополии // Сіверщина в історії України. 2011. Вип. 4. С. 78—84.

¹⁰²Болгов Н.Н. Закат античного Боспора. Белгород, 1996. С. 104.

¹⁰³Ганина Н.А. Крымско-готский язык...С. 44—45.

¹⁰⁴Шукин М.Б. Указ. соч. С.198.

учение императором Констанцием II в Готию. Из Добруджи Авдий отправился за Дунай проповедовать среди готов-язычников¹⁰⁵. Его приверженцы, «идя вперед, в самую внутренность Готии, огласили христианским учением многих готов, и с тех пор в Готии возникли монастыри, общежития, обеты девства и строгое подвижничество» (Eriph., Adv. haer., 2.1—2.15). Даже если последнее принять за обычную христианскую риторику, то все же придется признать немалый вклад адептов Авдия в христианизацию готов. Известно, что общины авдиан сохранялись в Готии до 372 г. и, видимо, прекратили свое существование здесь из-за гонений Атанариха. Позже епископом Готской епархии стал Унила, носивший типично готское имя. Он принял епископский сан от патриарха Иоанна Златоуста и придерживался не арианского, а православного символа веры. О его кончине Иоанн упоминал в одном из своих писем: «...достойный удивления епископ Унила, которого я недавно поставил и послал в Готию, совершивши много великих дел, умер. И прибыл ко мне (диакон Мадуарий) с письмами князя готов, в которых последний просил послать к ним епископа»¹⁰⁶.

Перечисленные свидетельства важны для решения вопроса о конфессиональной принадлежности причерноморских готов-христиан. Они указывают на то, что в отличие от везиготов Атанариха, среди которых благодаря проповеди Вульфилы, распространилось арианское вероучение, причерноморские готы исповедовали ортодоксальное христианство. Готская епископия на Таврическом полуострове с IV в. подчинялась Константинополю. Судя по всему, она далеко не случайно получила название Готской. Любопытно, что до времени Прокопия Кесарийского сохранилась память о том, что в Крыму возле Меотиды издавна жили готы-тетракситы, которых он называет «соблюдающими христианский закон» (Procop., Bell. Goth., VIII.4).

Первые готы-христиане, как и другие варвары, восприняли христианство весьма поверхностно. Во всяком случае, тогда оно практически еще не нашло какого-либо отражения в материальной культуре и не привело к заметным переменам в погребальной обрядности. Выше уже речь шла о некоторых чертах черняховского погребального обряда (западная ориентировка), которые возможно было бы привлечь в качестве археологического свидетельства обращения части населения в христианство¹⁰⁷. Однако этому противоречат многие другие исторические и археологические факты. Некоторые исследователи

¹⁰⁵ Вольфрам Х. Указ. соч. С. 120.

¹⁰⁶ Иоанн Златоуст. Указ. соч. С. 644—645.

¹⁰⁷ Сымонович Э.А. О культовых представлениях... С. 105—116.

интерпретируют как остатки христианской церкви руины необычной для черняховской культуры постройки в Собаре под черепичной крышей из камня и плинфы с застекленными окнами и с колонным порталом. М.Б. Шукин допускает, что именно здесь, в Среднем Поднестровье могла находиться резиденция митрополита Готии Теофила¹⁰⁸. Но эта смелая гипотеза требует дополнительной археологической аргументации. В свое время в качестве материального свидетельства христианизации черняховцев привлекалась литейная формочка для отливки крестиков, найденная на черняховском поселении близ с. Черновка¹⁰⁹. Однако ее надежная стратиграфическая связь именно с черняховским поселением не бесспорна, т.к. на этом памятнике есть слои и более поздних культур¹¹⁰.

Археологам известны находки знаков в виде равноконечных крестов на черняховских глиняных «хлебцах», напоминающих христианскую просфору¹¹¹. Изображения крестов присутствуют на черняховской столовой посуде. Любопытны трехрогие золотые лунницы из Среднего Поднепровья с изображениями, восходящими к христианским прототипам, в том числе, с библейским мотивом мучений пророка Даниила в львином рву. Они имеют близкие аналогии в кладе с о. Фюн в Дании, датированной второй половиной III—началом IV в.¹¹² Для историков христианства небезынтересны находки кусков ладана в черняховских погребениях, в том числе на востоке ареала, занятого остроготами (Войтенки). Наконец, обращает на себя внимание факт захоронения в саване женщины в черняховском могильнике Одая (погр. 21)¹¹³.

Все эти находки, в отдельности вроде бы содержащие признаки христианской обрядности или символики, пока единичны, и в настоящее время не могут служить достаточным археологическим основанием для утверждения тезиса о принятии христианства значительной частью населения восточного ареала черняховской культуры. Но они сигнализируют о том, что верующие во Христа среди черняховского населения, скорее всего, все же были.

Таким образом, христианизация готов и особенно остроготов в IV в. находилась на начальной стадии. Причину этого явления мы видим не столько в их стойкой приверженности языческой традиции, сколько в

¹⁰⁸ Шукин М.Б. Указ. соч. С.198.

¹⁰⁹ Брайчевский М.Ю. Утверждение христианства на Руси... С. 20.

¹¹⁰ Петраускас О.В. Час появи та деякі особливості розвитку трупокладень із західною орієнтацією... С. 197—199.

¹¹¹ Винокур І.С. Історія та культура черняхівських племен...С. 118—119, Рис. 43.

¹¹² Шукин М.Б. Указ. соч. С. 186, Рис. 70.

¹¹³ Никитина Г.Ф. Черняховская культура Поднестровья (по результатам анализа археологических источников). М., 2008. С. 137, 140.

том, что распространение новой веры тогда еще не нашло поддержки «сверху». Готская элита в массе своей оставалась языческой. Судя по всему, верность древней религиозной традиции сохранял и остроготский король Эрманарих, в имени которого некоторые исследователи усматривают имя древнегерманского бога Ирмина/Эрмина (гот. "Airmannareiks", др.-ск. "Jormunrek")¹¹⁴.

¹¹⁴*Burns T. A History of the Ostrogoths. Bloomington, 1984. P. 37—38.*

Глава VIII

Войны
Эрманариха

Аммиан Марцеллин предельно кратко характеризует остроготского короля Эрманариха, «которого страшились соседние народы, из-за его многочисленных и разнообразных военных подвигов» (XXXI.3.1). К сожалению, римский историк не оставил нам имен этих народов, хотя он был их современником. Зато их детально перечисляет Иордан. Среди них родственные готам воинственные герулы, многочисленные венеты и даже прибалтийские эсты (Get., 117—120). Каждому из этих трех народов готский историк посвятил небольшой пассаж, разъясняющий, каким образом они покорились Эрманариху.

§ 1. «Северные народы»

К сожалению, не так обстоит дело с «северными народами» (“arctoi gentes”) — все они идут одним списком в виде простого перечисления их имен в винительном падеже без каких-либо пояснений (Get., 116). Тем не менее, этот источник, корректируемый данными археологии, представляет немалые возможности для уточнения этнического окружения того потестарного образования, которое скрывается за названием королевство Эрманариха. Однако несмотря на многократные попытки западноевропейских и отечественных ученых правильно прочитать, интерпретировать и идентифицировать этнонимы из иорданова перечня «северных народов», его анализ пока не позволил прийти к сколь-нибудь однозначным выводам. Текст «Гетики» Иордана дошел до нас в нескольких раннесредневековых рукописях, которые, к сожалению, существенно расходятся как раз в передаче интересующего нас места. В зависимости от использования той или иной рукописи и авторского членения латинского текста § 116 «Гетики» разные исследователи предлагают свои переводы, которые подчас весьма существенно различаются между собой. Так, в Гейдельбергском кодексе VIII в., изданном Т. Моммзенем, список «северных народов» выглядит следующим образом: “Habebat si quidem quos domuerat Golthescytha, Thiudos, Inaunxis, Vasinabroncas, Merens, Mordens, Inniscaris, Rogas, Tadzans, Athaul, Navego, Bubegenas, Coldas”¹. В классическом переводе Е.Ч. Скржинской он звучит так: «Покорил же он (Эрманарих — И.З.) племена: гольтескифов, тиудов, инаунксов, васинабронков, меренс, морденс, имнискаров, рогов, тадзанс, атаул, навего, бубегенов, колдов»².

¹ *Iordanes. Getica* / Ed. Th. Mommsen // MGH. Auct. Antiquiss. B., 1882. T. V, Ps. 1.

² *Иордан. О происхождении и деяниях гетов (Getica)* / Пер. Е.Ч. Скржинской. СПб., 2000. С. 83.

А.Н. Анфертьев предложил свое членение и толкование этого параграфа, в его понимании он выглядит следующим образом: “...habebat si quidem quos domuerat Golthescytha thiudos: Inaunxis Vasinabroncas Merens Mordens Imniscaris Rogas Tadzans Athaul Navego Bubegenas Coldas” — «...т.к. он владел теми народами (thiudos), которых усмирил Гольтескиф: инаунксис, васинабронки, меренс, морденс, имнискарис, роги, тадзанс, атаул, навего, бубегенов, колдов»³. При этом “Golthescytha” переводчик усматривал имя (или титул) самого Эрманариха. Правда, авторы комментария № 180 того же издания, Л.А. Гиндина и Ф.В. Шелов-Коведяев допускали и иной перевод, в общем-то не меняющий существенно смысла конструкции А.Н. Анфертьева⁴.

В.В. Напольских также предложил реконструкцию и перевод списка «северных народов». При этом он совершенно произвольно заменил в тексте глагол «покорил» на «посетил/проехал», а существительное “Coldas” на “Gotthos”. В результате у него получилось: “thiudos: in Aunx(is) Vas, in Abronc(as) Merens, Mordens in Miscar(is), Rogas stadjans a Thual Nauezo, Bubege(nas), Gotthos”. Перевод: «Он посетил народы: в Аунксе вас, в Абронках меров, мордов в Мискарах, жителей берегов Волги до туалов, навезов, бубегеев, готов»⁵.

Для изучения вопроса о «северных народах» существенное значение имеет Палермский кодекс (“Codice Basile”), открытый в 1927 г. и опубликованный в Италии⁶. На сегодняшний день он является самой ранней и лучшей из сохранившихся рукописей «Гетики» Иордана⁷. Для нашей темы весьма существенно то, что в Палермском кодексе некоторые названия «северных народов», в других рукописях записанные слитно, разделены на два слова, как например, “Thiudos in Aunxis” (в Гейдельбергском кодексе — “Thiudos Inaunxis”). Воспроизведем латинский текст списка «северных народов» по изданию Ф. Джунта и А. Грилло-не: “Habebat siquidem quos domuerat, Golthescythas, Thiudos in Aunxis Vasinabroncas Merens Mordens, Imniscaris Rogans Tazans Athaul, Navego Bubege(nas), Coldas”. Перевод: «Ведь он (Эрманарих — И.З.) владел [теми народами], каких покорил: гольтескифов, тиудов в Аунксе, вас в Абронке, мерю, мордву в Мещере [вариант — мещеру], роганс тазанс, атаул навего, бубегенов, колдов».

³ Анфертьев А.Н. Иордан // Свод древнейших письменных известий о славянах (I—IV вв.) / Под ред. Л.А. Гиндина, Г.Г. Литаврина. М., 1994. Т. 1. С. 110—111.

⁴ Там же. С. 151.

Напольских В.В. «Список народов Германариха» — готский путь от Ладоги до Кубани // Уральский исторический вестник. 2012. №2 (35). С. 28.

⁶ Jordanis. De Origine Actibusque Getarum / Ed. F. Giunta, A. Grillone. Roma, 1991. Скржинская Е.Ч. Комментарий // Иордан. О происхождении и деяниях гетов (Getica). СПб., 2000. С. 397.

Для выявления существенных расхождений в написании этнонимов «северных народов» в Гейдельбергском и Палермском списках мы составили сравнительную таблицу.

Таблица 2

Гейдельбергский кодекс	Палермский кодекс
Golthescytha	Golthescythas
Thiudos	Thiudos
<u>Inaunxis</u>	<u>in Aunxis</u>
Vasinabroncas	Vasinabroncas
Merens	Merens
Mordens	Mordens
Imniscaris	Imniscaris
Rogas	Rogans
Tadzans	Tazans
Athaul	Athaul
Navego	Navego
Bubegenas	Bubegenas
Coldas	Coldas

Но даже после публикации Палермского кодекса, содержащего написание имен, более близкое протографу, список «северных народов» у Иордана во многом продолжает оставаться загадкой. Главное препятствие для его понимания заключается в том, что § 116 «Гетики» явно неисправен — в ряде мест он мог быть искажен, иногда до полной неузнаваемости уже в сочинениях предшественников Иордана, Аблабия и Кассиодора, или самим Иорданом, а также его позднейшими переписчиками. И все это при практически полном отсутствии сколь-нибудь близкого сравнительного этнонимического материала в синхронных или более ранних нарративных источниках, которые бы позволили предложить сколь-нибудь надежные эмендации абсолютно непрозрачным названиям вроде “Navego” или “Bubegenas”.

Во многом трудности понимания § 116 «Гетики» обусловлены проблемой источников сведений о «северных народах», которые мог использовать Иордан или его предшественник Аблабий⁸. Проведенный источниковедческий и историографический анализ показал, что ими могли быть:

а) торговый итинерарий, включавший как местные названия, так и готские экзоэтнонимы, в том числе, сложносоставные описательные⁹.

⁸ *Nachtmann R. Die Goten und Skandinavien. B., 1970. S. 43—44.*

⁹ *Скржинская Е.Ч. Указ. соч. С. 266; Вольфрам Х. Готы. От истоков до середины VI века (опыт исторической этнографии). СПб., 2003. С. 131.*

б) фрагмент готского героического эпоса, где последовательно перечислялись подданные Эрманариху народы для того, чтобы подчеркнуть величие остrogотского короля¹⁰.

в) оба вышеназванных источника¹¹.

В качестве источника Иордан мог использовать обычный итинерарий — дорожник, составленный, готскими (менее вероятно — римскими купцами), ходившими в северные земли Восточной Европы. В пользу итинерария говорит специфический греческий оборот “arcto gentes”, вклинившийся в латинский текст «Гетики»¹². Да и по форме список, на первый взгляд, действительно похож на итинерарий — краткое описание торгового пути из Прибалтики на юг, включавшее перечень народов, проживавших вдоль этой торговой магистрали. Но, не сомненно то, что анализируемый список включал и явные готицизмы просматривающиеся в некоторых латинизированных формах этнонимов (“Golthescythas”, “Thiudos in Aunxis”, “Rogas Tadsans” и др.). Их первоисточник, скорее всего, устный, был готским. Он вполне определенно свидетельствует о том, что сведения о «северных народах» попали к Иордану через его соплеменников-готов.

Иордан/Кассиодор использовал подобный итинерарий для описания скандинавских племен (Get., 19—24). Однако от последнего — это стоит подчеркнуть — список «северных народов» существенно отличается тем, что не содержит никаких, даже самых кратких этнографических характеристик, которые присутствуют в составленном им же перечне народов, населявших Скандзю. Скорее всего, сама форма подачи материала указывает на иной источник сведений Иордана о «северных народах».

Учитывая последнее обстоятельство мы не исключаем, что в основе иорданова списка «северных народов» мог лежать готский эпос, обычный для этого литературного жанра перечислением покоренных героем народов¹³. Впервые на это обратил внимание Т. Гринбергер¹⁴, Г.С. Лебедев не только усмотрел в перечне «северных народов» латинский перевод фрагмента героической готской песни, но даже попытал

¹⁰ *Grienberger T. Ermanariks Völker // ZfdA. 1895. Bd. 39. S. 151—184; Hachmann R. Op cit. S. 43; Лебедев Г.С. Эпоха викингов в Северной Европе. Л., 1985. С.165—166.*

¹¹ *Буданова В.П. Готы в эпоху Великого переселения народов. М., 1990. С. 154.*

¹² *Скржинская Е.Ч. Указ. соч. С. 265.*

¹³ В тексте «Гетики» специалисты сейчас выделяют серию ритмизированных фрагментов, в том числе рассказы и песни готов. См.: *Hansen Th. Über gewissen rhythmische Tendenzen im Codex Argenteus // Arbork for Universitäre in Bergen. Huma Serie. 1961. № 3; Шувалов П.В. К вопросу о ритмизованных фрагментах в тексте «Гетики» Иордана // Восточная Европа в Древности и Средневековье. Устная традиция в письменном тексте: мат-лы конф. М., 2010. С. 279.*

¹⁴ *Grienberger Th. Op. cit. S. 151—184.*

ся реконструировать ее форму¹⁵. Возможно, это действительно была своего рода готская сага, подчеркивающая величие короля Эрманариха. Но также не исключено, что сам перечень «северных народов» отражает институт дофеодальных «кормлений» у остроготов, подобный скандинавской вейцле или русскому полюдюю.

Как бы то ни было, кажется, этим перечнем источник очерчивал границы мира, известного остроготам подобно тому, как задолго до Иордана Геродот перечислил этносы по сторонам «скифского квадрата», для того, чтобы обозначить театр военных действий грандиозной, с точки зрения «отца истории», Скифо-Персидской войны (Herod., IV. 100, 102—110, 119, 123—125). Как в первом, так и во втором случае это, разумеется, вовсе не означает, что все названные историками народы определенно входили в состав Скифской (у Геродота) или Готской (у Иордана) державы. Но вполне вероятно, что они находились в определенных отношениях со степными владыками, среди которых могла быть и торговля, и данничество, и какие-то иные формы дистанционной эксплуатации. Во всяком случае, в этом первоисточнике «северные народы» воспринимались как подданные Эрманариха, что и воспроизвел Иордан на латыни как “habebat siquidem quos domuerat” (Get., 116).

Иордан писал свое сочинение в середине VI в., но вполне определенно связывал перечень «северных народов» с IV в., когда их, по его рассказу, покорил остроготский король Эрманарих. Поэтому невозможно согласиться с теми исследователями, которые предполагают, что список “arctoi gentes” отражает освоение готами побережья Балтийского моря еще в северный период их истории, т.е. до конца II в., или, более того, восходит к полуполюгендарному греческому путешественнику IV в. до н.э. Питею из Массалии¹⁶. Таким предположениям противоречит хотя бы тот факт, что в перечне “arctoi gentes” прямо называются меря и мордва — народы, в историческое время определенно обитавшие в Среднем Поволжье, куда Питей, конечно, не плывал. Также не подтвердилось и другое предположение о том, что в основе его лежит знакомство Аблабия или Кассиодора с «Дорожником Александра», составленным в IV в.¹⁷ Е.Ч. Скржинская полагала, что итинерарием, положенным Иорданом в основу списка, могли пользоваться и в VI в.¹⁸ Однако это крайне маловероятно, т.к. в том веке в Восточной Европе была совершенно иная этнополитическая ситуация, которая не благоприятствовала международной торговле. До минимума

¹⁵ Лебедев Г.С. Указ. соч. С. 166.

¹⁶ Буданова В.П. Указ. соч. С. 154—155.

Лавров В.В. Указ. соч. С. 337—338; Мачинский Д.А., Кулешов В.С. Северные народы середины IV—первой половины VI в. в “Getica” Иордана // Ладога и Глеб Лебедев. Восьмые чтения памяти Анны Мачинской. СПб., 2004. С. 38—39.

¹⁸ Скржинская Е.Ч. Указ. соч. С. 266.

сократилось поступление импорта и монет¹⁹. Но главное в Северном Причерноморье, за исключением Крыма, уже не было готов, язык которых нашел отражение в итинерарии. Поэтому сам перечень «северных народов» был актуален, скорее всего, для эпохи Эрманариха, т.е. для IV в., т.к. список со временем был так сильно искажен (особенно после “Athaul”), что, спустя два века, стал непонятен самому Иордану. Как уже говорилось ранее, мы не исключаем, что список покоренных Эрманарихом «северных народов» не был записан в виде итинерария, но мог «пропеваться» в форме готской героической песни, со всеми присущими фольклору искажениями племенных названий.

В контексте разбираемого раздела «Гетики» этот источник предпочтительнее датировать временем «государства» Эрманариха (IV в.), нежели современной Иордану эпохой. Во всяком случае, нам не удалось найти в нем ни одного свидетельства, сколь-нибудь определенно указывающего на составление его в более позднее время.

Уже более двух веков ученые пытаются понять иорданов список “arctoi gentes” и идентифицировать отдельные его этнонимы с конкретными этносами Древности или Раннего Средневековья на обширных пространствах Восточной Европы. Но успешной работе по расшифровке этого перечня препятствует уникальность этого источника при полном отсутствии в тексте «Гетики» какой-либо дополнительной информации о каждом из названных народов (или в других, близких по времени источниках). Поэтому по существу до сих пор исследователи были ограничены возможностью использовать лишь этимологический метод, исходя из формы этнонима, записанной в той или иной рукописи «Гетики» Иордана, а также привлекая более или менее близкие по звучанию названия народов из более ранних античных или более поздних средневековых источников. В итоге получилось множество вариантов интерпретации имен “arctoi gentes”, из которых не менее половины вообще не поддаются надежной верификации. Весьма скептический взгляд на эту проблему образно выразил О. Менчен-Хелфен. По его мнению, «сомнительные толкования и редкие формы этих этнонимов сделали их идеальной Ривьерой для охотников за именами»²⁰.

Работа по изучению и идентификации “arctoi gentes” ведется уже свыше двух столетий. Еще в 1772 г. датский ученый Петер Фридрих Сум рассмотрел имена «северных народов» и предложил их первую интерпретацию²¹. Тем самым он заложил основы всей последующей

¹⁹ Кротошкин В.В. Экономические связи Восточной Европы в I тысячелетии нашей эры. М., 1967. С. 115—117.

²⁰ Maenchen-Helfen O. Die Welt der Hunnen. Wien; Köln; Graz, 1978. S. 16—17.

²¹ Suhm P.Fr. Historie om de fra Norden Udvandrede Folk. København, 1772.

традиции изучения этнонимии иорданова списка. В начале XIX в. Каспар Цойсс разработал свой вариант интерпретации ряда народов из иорданова списка, который основывался на простом созвучии с этнонимами и топонимами, встречающимися в античной или средневековой литературной традиции. Но именно он обратил внимание на латинизированные окончания ряда этнонимов на — “ens/ans” и возвел их к готскому суффиксу — “jans”²². Этим важным наблюдением будет пользоваться не одно поколение ученых. В середине XIX в. шведский историк Й. Линдстрем сделал еще один важный шаг в понимании некоторых иордановых названий. Он усмотрел в слове “Inaunxis” предлог “in” + название местности “Aunks” и сопоставил последнее с финским названием Олонецкого края, в итоге получилась «чудь в Олонце»²³. Заметим, что это предположение шведского ученого впоследствии нашло подтверждение в Палермском кодексе «Гетики», где “Thiudos in Aunxis” записаны раздельно. В дальнейшем такой подход к сложносоставным (непрозрачным) названиям из списка «северных народов», когда первым называются этнонимы, а потом местности с предлогом “in”, получит развитие в науке XX в.

В конце XIX в. Теодор фон Гринбергер попытался прочесть по-готски весь перечень племен, якобы покоренных Эрманарихом²⁴. Как уже указывалось, он одним из первых высказал идею о том, что в основе иорданова списка «северных народов», вероятно, лежит фрагмент героического сказания о деяниях могущественного остроготского короля. На этом основании ученый попробовал перевести некоторые этнонимы из списка «северных народов» с готского языка, например, “Scytha Thiudos” — просто как «скифские народы». Он считал лингвистически невозможным широко распространенное сопоставление второй основы Thiudos с летописной «чудью» и возводил его к гот. “þiude” — «народы». При этом Т. Гринбергер видел в начальном “Golthe” искаженное переписчиком латинское слово “Gothe” в дательном падеже, поэтому всю реконструированную фразу понимал как «он [Эрманарих] правил скифскими народами, которых подчинил Готу». Тот же принцип перевода с готского он применил и к другим этнонимам, правда, на наш взгляд, не очень удачно: “Inaunxis” ← “*Inähsuggeis” — букв. «живущие в повозках»; “Vasinabroncas” ← как гот. “*Wasinabrokans” — «обитатели лугов»; “Imniscaris” ← гот. “*Ibniskans” — «равнинные жители», а не черемисы или мещера, как считалось ранее. Нужно отметить, что, несмотря на очевидную искус-

²² Zeuss K. Die Deutschen und die Nachbarstämme. Heidelberg, 1924. S. 690—691.

²³ Lindström J.A. Försök till bewis, at Rurik och hans Wareger woro af Finsk härkomst. Tawastehus, 1852. P. 9.

²⁴ Grienberger T. Op. cit. S. 151—184.

ственность некоторых готских этимологий и их явное несоответствие ландшафтам лесной полосы Восточной Европы, идеи Т. Гринберга получили развитие в историографии XX в. Однако помимо успехов в изучении иорданова списка «северных народов» со временем выявились недостатки традиционного филологического направления в изучении этого источника. Они в полной мере проявились в книге финской исследовательницы И. Коркканен, посвященной лингвистическому и этимологическому анализу “arctoi gentes” Иордана²⁵. Еще раз отметим, что к сожалению, в качестве источника ею была избрана рукопись А «Гетики» (“Codex Mediolanensis Ambrosianus”), которая сейчас считается наименее подходящей для поставленной цели. В отношении к начальному термину “Scythathiu(s)” И. Коркканен придерживалась старого подхода, предложенного Т. Гринбергером²⁶. Она считала доказанным наличие в протографе композита “*Skyþa-þiudōs” — «скифские народы»²⁷.

Развивая идею Т. Гринбергера об этнониме Inaupxis (от гот. “*Inahsuggeis” — «на оси [живущие]») она превратила их в “воцáдес”, т.е. в «кочевников», «пастухов», что вряд ли уместно в отношении народа, явно проживавшего в пределах лесной зоны. Иордановых “Rogas” финская исследовательница идентифицировала с ругами — известным восточногерманским племенем эпохи Великого переселения народов. В “Tadsans” она усмотрела имя сарматского кочевого племени языгов²⁸. Последнее сопоставление более чем произвольно и не только с филологической стороны. Напомним, что сарматы-языги уже в начале I в. откочевали далеко на запад, в степные районы Среднего Подунавья, поэтому в интересующую нас эпоху их в Восточной Европе давно уже не было. Еще более существенные отличия от традиционных толкований имеет ее версия в чтении и понимании четырех последних слов иорданова списка²⁹. На наш взгляд, слова “Athaul” и “Navego” истолкованы ею с готского более чем произвольно, в результате получился искусственный перевод вполне в библейском духе, что-то вроде «[он подчинил] род Гога, потомков Ноя». И уж совсем не понятно, каким образом в глубине Восточной Европы появились два последних народа: в ее толковании “Bubegenas” стали певкинам (“peucinas”), а “Coldas” — кельтами (“celtas”). Они хорошо известны античным авторам на юге Западной и Центральной Европы, но не в глубинных районах Европейской Ски-

²⁵ *Korkkanen I. The Peoples of Hermanaric: Jordanes, Getica 116 // Annales Academiae Scientiarum Fennicae. Ser. B. Helsinki, 1975. T. 187.*

²⁶ *Ibid. P. 33—35.*

²⁷ *Ibid. P. 69.*

²⁸ *Ibid. P. 63—66.*

²⁹ *Ibid. P. 71—73.*

фии³⁰. Это обстоятельство исследовательница даже не пытается объяснить. Представляется, что предложенные И. Коркканен новые этимологии «восточной части» “arctoi gentes” во многом являются плодом умозрительного анализа. Нам кажется, что они получены в результате явного перенапряжения текста исторического источника. В целом, книга И. Коркканен серьезно поколебала представления о возможности соотнесения «северных народов» Эрманариха с исторически засвидетельствованными группами³¹.

В.Я. Петрухин обратился к непростым эпистемологическим проблемам понимания текста «Гетики» Иордана³². По его мнению, большая часть этниконов из списка «северных народов» не поддается ясной интерпретации, но «выборочные» и, на первый взгляд, понятные этнонимы провоцируют на исторические реконструкции, раздвигающие пределы державы Эрманариха от Черного моря до Балтийского и от Средней Европы до Волги. Исследователь весьма скептически отозвался не только о возможности сближения иордановых “Thiudos” и “Vas” с летописной чудью и весью, но также “Mordens” и “Merens” — с мордвой и мерей со ссылкой на то, что последние экзоэтнонимы иранского происхождения и, скорее всего, более поздние. Однако этот аргумент представляется весьма уязвимым, т.к. не только в древности, но и сейчас мы по большей части пользуемся не самоназваниями, а иноназваниями народов, часто уже неясного происхождения. Казус с совпадением этнонима летописной чудди и иордановых “Thiudos”, а последних с гот. “þiuda(s)” — «народ(ы)» — еще не основание для отрицания такого совпадения, тем более, что «чудь» — классический экзоэтноним. Гораздо важнее другое — при таком подходе мы не получим удовлетворительного объяснения бесспорному факту совпадения почти половины этниконов из иорданова списка «северных народов» с соответствующими именами племен из «Повести временных лет».

Сомнения и возражения В.Я. Петрухина сторонникам реальности «северных народов» — концептуального порядка. Представляется, что они никак не связаны с анализом самих этнонимов иорданова списка, а по существу проистекают лишь из неприятия ученым, как, впрочем, и многими его предшественниками, тех огромных размеров Остроготской «державы», которые неизбежно получаются при признании соответствий иордановых и летописных этнонимов, вполне определенно

³⁰ Идею отождествления “Golthe” с древними кельтами впервые высказал еще финский лингвист Й. Миккола. См.: *Mikkola J. Die Namen der Völker Hermanaricus // Finnisch-Ugrischen Forschungen. 1915. № 15. S. 61—62.*

³¹ *Анфертьев А.Н. Указ. соч. С. 151.*

³² *Петрухин В.Я. Раевский Д.С. Очерки истории народов России в Древности и Раннем Средневековье. М., 2004. С. 137—138.*

локализуемых средневековыми источниками не только в центральной, но и в северной части Восточной Европы.

Среди специалистов нет единства мнений даже по вопросу о числе упомянутых Иорданом «северных народов», т.к. в рукописях «Гетики» их список идет без разделения имен. Поэтому различные исследователи выделяют в нем от 9 до 14 этнонимов. А.Н. Анфертьев усмотрел в рукописи Y «Гетики» числительное “undecim” («одиннадцать») в отношении числа весьма воинственных, но покоренных Эрманарихом «северных народов»³³. Однако другие ученые, например, Д.А. Мачинский и В.С. Кулешов не без оснований считают это числительное позднейшей вставкой средневекового переписчика, который по своему разумению подсчитал их число³⁴. В результате их анализа список «северных народов» сократился до десяти имен. Такие расхождения происходят главным образом потому, что одни ученые видят за сложносоставными этнонимами по одному народу (например, “Rogastadsans”), другие — по два (например, “Rogas Tadsans”).

Уже в отношении открывающего список «северных народов» этнонима “Golthescytha(s)” между переводчиками существуют непримиримые расхождения. При всем многообразии точек зрения, высказанных за два века изучения этого источника, их можно свести к трем основным вариантам:

1. Слово “Golthescytha(s)” понимают как общее (вводное) название всех покоренных Эрманарихом «северных» («скифских») народов, которое далее раскрывается путем перечисления их конкретных этнонимов³⁵.

2. Чаще всего в имени “Golthescytha(s)” видят один из многих покоренных Эрманарихом этносов — «гольтескифов», т.е. обычный этноним того же ранга, что и остальные, с которого начинается список народов³⁶.

3. В третьем случае “Golthescytha” трактуется переводчиком не как рядовой этноним, а в качестве имени или титула самого короля Эрманариха — «Гольтескиф»³⁷.

В толковании этнонима “Golthescytha(s)”, открывающего список «северных народов», мы склоняемся к первой точке зрения и усматриваем в нем общее название всех покоренных готами «скифских» (разумеется, в географическом смысле) народов, которое далее конкретизируются

³³ Анфертьев А.Н. Указ. соч. С. 149.

³⁴ Мачинский Д.А., Кулешов В.С. Указ. соч. С. 37.

³⁵ Grienberger T. Op. cit. S. 151—184; Korkkanen I. Op. cit. P. 33—35; Анфертьев А.Н. Указ. соч. С. 151.

³⁶ Скржинская Е.Ч. Указ. соч. С. 83; Топоров В.Н. Еще раз о “Goltescytha” у Иордана (Getica, 116) // Славянское и балканское языкознание. Проблемы языковых контактов. М., 1983. С. 38—49; Мачинский Д.А., Кулешов В.С. Указ. соч. С. 39—46.

³⁷ Анфертьев А.Н. Указ. соч. С. 111, 151.

историком до уровня отдельных этнонимов, иногда с указанием местности (хоронима). На это в Палермском кодексе определенно указывает окончание — “as” (Acc. Pl). Из факта упоминания “Golthescytha(s)” в самом начале списка вряд ли можно сделать вывод, что за этим названием мог скрываться большой народ, оставивший в центре Восточной Европы киевскую культуру, и от которого в Средневековье уцелели только его немногочисленные потомки под названием «люди голядь»³⁸. Но нельзя полностью исключить, что здесь речь идет все-таки о прибалтийских галиндах, открывающих список «северных народов», как это предполагал в свое время В.Н. Топоров³⁹. Наконец, при всех лингвистических ухищрениях в духе Й. Маркварта — Г. Шрамма и их последователей, из “Golthescytha(s)” никак не получается готское “Gulþariudōs” = «золотые народы»⁴⁰. К тому же реально к золоту arctoi gentes, проживавшие в основном в зоне восточноевропейских лесов, вряд ли имели какое-либо отношение. Во всяком случае, в культурах лесной полосы Восточной Европы середины I тыс., в том числе, в Приуралье, этот драгоценный металл практически не встречается.

Попытаемся кратко суммировать этнографическую информацию, полученную из историко-филологического анализа списка «северных народов». Не вызывает сомнений географическая привязка большинства народов этого списка к широкой лесной полосе от Восточной Прибалтики до Волги. Можно считать доказанным соответствие “Merens” и “Mordens” Иордана «мере» и «мордве» Первоначальной Русской летописи. Вполне допустимо сопоставление “Imniskaris” с древней мещерой, а скорее с местностью Мещера, с которой Иордан связывал два выше-названных племени (“Merens Mordens Imniskaris” < “in *Miskar”). Менее доказано, но вполне вероятно совпадение Thiudos с чудью в местности “Aunks” (“Thiudos in Aunxis”), а первой основы “Vasinabroncas” с летописной весью, также проживающей в определенной местности

³⁸ Мачинский Д.А., Кулешов В.С. Указ. соч. С. 39—46.

³⁹ Топоров В.Н. Указ. соч. С. 46. В последнее время на территории Калининградской обл. открыты могильники самбийско-натангийской культуры с многочисленными свидетельствами проникновения в Самбию с рубежа II—III вв. носителей вельбарской и пшеворской культурных традиций. В результате здесь рано сформировалась воинская элита с характерным всадническим набором вооружения, доминировавшая здесь до сер. V в. (ступени D1/D2). По археологическим материалам эта территория не только была хорошо известна, но и доступна готам. См.: Сворцов К.Н. Погребения с конями I тыс. н.э. на Самбийском полуострове (могильник Алейка 3) // РА. 2012. № 3. С. 36—49.

⁴⁰ Marquart J. Osteuropäische und ostasiatische Streifzüge: Ethnologische und historisch-topographische Studien zur Geschichte des 9. und 10. Jahrhunderts (840—940). Leipzig, 1903. S. 378—379; Schramm G. Die nordöstlichen Eroberungen der Russlandgoten (Merens, Mordens und andere Völkernamen bei Jordanes, Getika XXIII 116) // Frühmittelalterliche Studien. 1974. Bd. 8. S. 4—5.

(“Vas in Abroncas” — «весь в Абронке»). Недавно даже предложен конкретный гидроним на Русском Севере, близкий второй основе в слове “Vasinabroncas”⁴¹.

Встает вопрос: как удовлетворительно объяснить бесспорный факт совпадения почти половины этниконов из иорданова списка «северных народов» с соответствующими именами летописных племен? Видимо, в обоих текстах мы имеем дело с двумя пучками взаимосвязанных этнонимов, зафиксированных независимо друг от друга в разновременных источниках, имеющих различное происхождение. Уже само по себе это требует объяснения, а не только изолированного, «поштучного» анализа каждого этнонима в отдельности, как делали наши предшественники филологического направления.

Среди имен «северных народов» определенно были готские аппеллативы (“Thiudos”, “Rogas Tadsans” — но это вовсе не значит, что их носители на деле были готами), местные финно-угорские (“Vas”, “Merens”, “Mordens” — два последних, скорее всего, всходят к древним иранским основам), тюркские (“Athaul”), возможно, балтские (“Golthe” — в «гольтескифах»), а также названия неясной принадлежности (“Navego”, “Bubegenas”, “Coldas”). Но даже при современной, далеко еще не исчерпывающей их изученности, нельзя не заметить удивительного лингвистического многообразия имен народов, попавших в список “arctoi gentes” Иордана. При этом обращает на себя внимание полное отсутствие этнонимов первых веков н.э., например, известных Клавдию Птолемию.

Скорее всего, последнее обстоятельство свидетельствует о весьма радикальной перестройке этнической карты Восточной Европы к эпохе составления списка «северных народов». С другой стороны, бросается в глаза то, что этот список содержит лишь перечень этносов, в лучшем случае местностей, где они обитали, и никаких иных этнографических подробностей (ср. с этнографическим описанием народов Скандинавии в *Get.*, 21—24). То обстоятельство, что Иордан ничего конкретного не смог сказать ни об одном из этих племен, еще раз свидетельствует, что его источником, скорее всего, мог быть готский эпос с простым перечислением побежденных народов.

Двухвековой опыт историко-филологического анализа сюжета о «северных народах», несмотря на достигнутые результаты, свидетельствует о том, что решить эту проблему лишь на основе изучения единственного свидетельства Иордана, содержащего скупой перечень их имен, не представляется возможным. «На данный момент мы не видим независимых данных, которые бы послужили ключом к раскрытию секретов этого списка», — так оценил современный уровень его изучения А.Н. Анфер-

⁴¹ Мачинский Д.А., Кулешов В.С. Указ. соч. С. 52—53.

тьев⁴². Однако одновременно с публикацией столь пессимистической оценки появилась статья М.М. Казанского, впервые попытавшегося проанализировать список «северных народов» у Иордана с точки зрения археолога⁴³. В итоге он пришел к заключению, что только три народа — “Merens”, “Mordens” и “Imniscaris” могут соответствовать средневековым летописным мордве, мере и мещере. Их археологические аналоги он ищет в культурах раннего железного века лесной зоны Центральной России. Однако, на наш взгляд, далеко не все названные М.М. Казанским культуры доживают до времени иордановых «северных народов», например, городецкая прекращает свое существование до рубежа эр, да и в дьяковской культуре происходят важные структурные изменения, свидетельствующие о появлении в ее ареале балтов. Для установления этнической принадлежности других племен из этого списка, по мнению этого исследователя, нет сколь-нибудь надежных данных и еще меньше соответствий с данными археологии⁴⁴. С последним выводом следует согласиться, но, пожалуй, за одним исключением — это “Rogas Tadsans”, упоминаемые Иорданом сразу же за “Imniscaris” — мещерой.

Этот этноним встречается во второй части списка «северных народов», скорее всего, связанных с Поволжьем. Он упоминается Иорданом вслед за “Imniscaris” — «мещерой» и в различных рукописях передается в формах “Rogas Tadsans”, “Rogans Tazans”, а также “Rogastadsans”. Большинство исследователей видели в них какой-то финно-угорский народ или даже конкретно угров со ссылкой на наличие близкой по названию р. Урга в бассейне Суры⁴⁵. Другие усматривают в “Rogas” имя восточно-германского племени ругов/ругиев, иногда входивших в готскую коалицию, но чаще действовавших самостоятельно⁴⁶. Некоторые находят в них готскую форму имени робасков (Ptolem., III.5.10) или даже гибридное сложение из и-а. “*roka-” (“*rauka-”) «светлый», «белый» и гот. “stadja” — «берег» = «Белобережье»⁴⁷.

Нам представляется, сейчас появляется возможность более надежно идентифицировать “Rogas Tadsans”, исходя из известной лингвистической гипотезы Й. Маркварта⁴⁸ и данных современной археологии. Й. Маркварт и его последователи считали, что иордановы “Rogas Tadsans”, скорее

⁴² Анфертьев А.Н. Указ. соч. С. 152.

⁴³ Kazanski M. Les arctoi gentes e “l’empire” d’Ermanaric: Commentaire archéologique d’une surce écrite // Germania. 1992. Bd. 70. H.1. S. 75—122.

⁴⁴ Ibid. S. 122.

⁴⁵ Рыбаков Б.А. Язычество Древней Руси... С. 34.

⁴⁶ Korkkanen I. Op. cit. P. 63—64.

⁴⁷ Трубачев О.Н. INDOARICA в Северном Причерноморье. М., 1999. С. 57, 265.

⁴⁸ Marquart J. Op. cit. S. 378—379. Эту гипотезу поддержали другие исследователи. См.: Schramm G. Op. cit. S. 1—14; Вольфрам Х. Указ. соч. С. 131.

всего, восходят к гот. “*Raúastadians” с весьма прозрачным значением «обитатели берегов Ра», т.е. Волги⁴⁹. Важно, что этих «жителей Поволжья» почти всегда локализуют на Средней Волге. На этом основании представляется возможным идентифицировать известных Иордану “Rogastadsans” — «обитателей берегов Ра» — с этносом, оставившим в Самарской Луке группу памятников позднеримского времени типа городища Лбище. Это, как впрочем, и другие недавно открытые укрепленные и неукрепленные поселения на Средней Волге, были заселены пришлым с юго-запада населением. Судя по самым поздним хроноиндикаторам, они доживают здесь до начала V в. Самарские поселения типа Лбище содержали весьма своеобразный культурный комплекс, в котором, несомненно, присутствовали элементы не только позднезарубинецкой, но и центральноевропейских пшеворской и вельбарской культур, прежде всего, характерная посуда (рис. 24, 1—8)⁵⁰. Как известно, распространение последней в Восточной Европе, так или иначе, связывают с миграцией готов или других «восточных германцев» из Южной Прибалтики в Северное Причерноморье⁵¹. Так, на Старомайнском городище выявлены свидетельства существования германской домостроительной традиции, в том числе большой «длинный дом». Другие находки, неизвестные в предшествующих местных культурах (железные наральники от плутов, кузнечные инструменты, характерные биконические пряслица, булавки, фибулы, пряжки (рис. 24, 9—19) также вполне определенно указывают на западные и юго-западные истоки ядра культуры народа, оставившего на Самарской Луке древности IV—начала V в. Хозяйственный уклад этого населения также был близок черняховскому и пшеворскому. Недавно специалисты обратили внимание на конструктивные особенности и технологию изготовления железных орудий труда (проушных топоров, наральников, серпов), а также весьма специфический набор кузнечного инструментария именьковской культуры⁵². Они не имеют местных корней, но обнаруживают прямые аналогии в черняховской культуре. Скорее всего, те же самые истоки имеет обряд трупосожжения на стороне с

⁴⁹ Schramm G. Op. cit. S. 77.

⁵⁰ Матвеева Г.И. Этнокультурные процессы в Среднем Поволжье в I тысячелетии нашей эры // Культуры Восточной Европы I тысячелетия. Куйбышев, 1986. С. 158—171; Она же. Памятники лбищенского типа — ранний этап именьковской культуры // Культуры евразийских степей второй половины I тысячелетия н.э. (вопросы хронологии). Самара, 1998. С. 87—95; Она же. Среднее Поволжье в IV—VII вв.: именьковская культура. Самара, 2004.

⁵¹ Обломский А.М. Об одной группе сосудов эпохи Великого переселения народов // РА. 2005. № 2. С. 40—41.

⁵² Завьялов В.И., Розанова Л.С., Терехова Н.Н. Этнокультурные взаимодействия в эпоху Великого переселения народов: археометаллографические данные (по материалам памятников Волго-Камья и Поочья) // РА. 2012. № 1. С. 85.

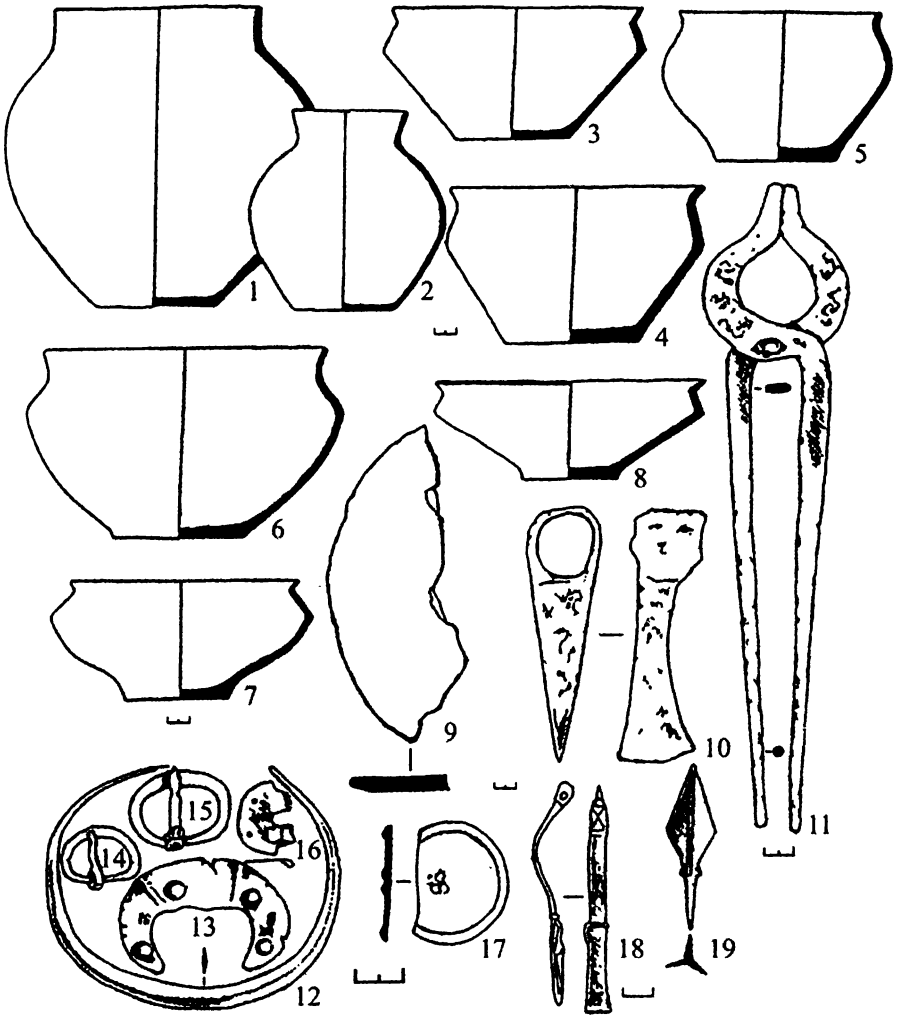

Рис. 24. Вещевой комплекс археологических памятников типа Лбище (1—8 — глиняная посуда; 9 — фрагмент зеркала; 10 — топор; 11 — клещи; 12 — браслет; 13 — подвеска; 14, 15 — пряжки; 16 — фрагмент щитка пряжки; 17 — зеркало; 18 — фибула; 19 — наконечник стрелы).

помещением остатков кремации в простую яму, характерный для именьковской культуры и не обнаруживающий каких-либо местных корней⁵³.

Г.И. Матвеева и В.В. Седов приложили немало усилий, чтобы доказать славянство пришлого населения Самарской Луки рубежа Древности и Средневековья. Но, как бы то ни было, присутствие в памятниках Самарской Луки вполне определенных вельбарских и черняховских

Матвеева Г.И. Среднее Поволжье в IV—VII вв... С. 28—33.

элементов позволяют думать, что это население входило в круг культур «полей погребений». Во всяком случае, оно не было чуждо той культурной традиции, которая появилась на юге Восточной Европы с приходом готских, и шире — восточногерманских племен.

Как самая удаленная этническая группа, она могла быть известна информаторам Иордана под описательным готским этнонимом, содержащим географическую привязку — древнее название Волги “Ravo” ← “*Rayo” ← ир. “Rangha”. Отсюда и искомое готское “*Ragostadjans” — «обитатели берегов Ра-Волги». Появление в Самарской Луке этого западного по своим культурным истокам населения могло быть связано не с завоеванием, а с переселением части подданных могущественного остроготского короля на восток с целью контроля важнейшей водной магистрали, какой с древности была Волга.

Если это так, то появляется дополнительный археологический аргумент для датировки списка «северных народов» с упоминанием “Rogas Tadsans”. Дело в том, что самарские древности типа городища Лбище ненадолго переживают «державу» Эрманариха — они прекращают свое существование на рубеже IV—V вв., когда начинается массовое проникновение в Поволжье кочевников гуннского круга⁵⁴. В таком случае “Rogas Tadsans” — это этнографическая реальность скорее позднеримского времени (IV в.), эпохи Эрманариха, но не Иордана (VI в.).

Приведенные здесь археологические аргументы для идентификации иордановых “Rogas Tadsans”, кажется, позволяют более оптимистично взглянуть на проблему “arctoi gentes” при условии, что исследователи не будут замыкаться в кругу традиционных нарративных источников. Рано или поздно постоянно увеличивающийся фонд археологических материалов позволит реконструировать этнокультурную ситуацию в Восточной Европе IV—V вв. независимо от раннесредневековой литературной традиции. В целом современная археология приносит все больше свидетельств в пользу взглядов тех исследователей, которые не ограничивали владения Эрманариха небольшой областью в степном Приазовье и Приднепровье, а распространяли их на более обширные пространства Восточной Европы. Во всяком случае, недавно группы памятников, культурно близкие черняховским, стали известны не только в Поднепровье, но также на Верхнем Дону и, как только что было продемонстрировано, в Среднем Поволжье⁵⁵. Сами по себе новейшие археологические открытия заставляют с гораздо меньшим скептицизмом относиться к свидетельствам Иордана, в том числе, к его списку «северных

⁵⁴ Сташенков Д.А. Оседлое население Самарского лесостепного Поволжья в I—V вв. н.э. Самара, 2005. С. 47.

⁵⁵ Зиньковская И.В. О новых подходах к интерпретации списка «северных народов» в «Гетике» Иордана // ЭО. 2011. № 4. С.123—133.

народов». Думается, что в контексте будущих археологических исследований этот источник со временем приобретет новое звучание.

§ 2. Герулы и вандалы

Среди подчиненных Эрманариху германских народов Иордан определенно называет только “gens Herulorum” — герулов (Get., 117—118)⁵⁶. Они появились в Северном Причерноморье веком раньше, не позже середины III в. практически одновременно с готами⁵⁷. Чуть раньше этноним “heruli” был известен епископу Ипполиту Портскому как название одного из германских племен (Lib. gen., 34). Первые сведения об участии герулов в «Скифских» войнах мы находим у Георгия Синкела (Georg. Sync., Chron., P.717) и Иоанна Зонары (Zonar., XII.24). Он характеризует герулов (“Αἰρούλοις”) как «племя скифское и готское». Оба эти автора упоминают об их участии в морских походах 267 и 270 гг.⁵⁸ Последний поход варвары совершили на 2000 судов, причем, судя по его описанию в биографии императора Клавдия, речь шла о неудачной попытке переселения целых народов вместе с домочадцами и рабами (SHA. Claud., VI.5,6). После их разгрома император «лишь несколькими из них позволил вернуться в родную землю» (SHA. Claud., VII.6). Возможно, это свидетельство объясняет, почему герулы после 269 г. не упоминаются античными авторами вплоть до времени Эрманариха.

Этот народ чаще всего называется у грекоязычных авторов “Ἐρούλοι”, у римских “heruli”, “eruli”, что точно соответствует их германскому этнониму “*erulas”⁵⁹. Авторы-современники «Готских» войн включали герулов в состав коалиции воинственных варварских племен, которых далеко не случайно называли “Maeotidae” — «меотидами» (SHA. Tac., 13.2—3). Из этого района начинались многие морские походы восточно-германских дружин на Империю в эпоху «Готских» войн. С их кратковременным пребыванием в Северо-Восточном Приазовье археологи связывают поселения Донской дельты типа Рогожкино-XII. Вполне вероятно, что среди их жителей были и герулы⁶⁰. В.В. Лавров допускает,

⁵⁶ Обзор герульской проблемы в целом см.: Neuman G. Heruler // RGA. 1998. Bd. 11. S. 468—474.

⁵⁷ Лавров В.В. Герулы в Причерноморье // Stratum plus ПАВ. 1997. С. 214—217; Он же. Восточные германцы в Приазовье // Stratum: время великих миграций. 2000. С. 331—341.

⁵⁸ Лавров В.В. Восточные германцы в Приазовье... С. 334.

⁵⁹ Ганина Н.А. Крымско-готский язык. СПб., 2011. С. 13.

⁶⁰ Безуглов С.И., Гудименко И.В. Подвеска с выемчатой эмалью из дельты Дона // РА. 1993. № 1. С. 173. Авторы дают слишком широкую дату существования этого поселения. Судя по находкам боспорских монет от Савромата II до Ининфемея

что они могли здесь обитать и позже. Действительно, нельзя не исключать возможности их проживания среди населения позднеантичного Танаиса IV—V вв.⁶¹ Иордан со ссылкой на Аблабия утверждает, что герулы жили вблизи Меотийского болота, в топких местах, которые греки называют “ele” (греч. “τά ἔλη” — «болото»)⁶². От этого названия он и производит их этноним «гелуры/элуры» (Get., 117). По этому природному ориентиру обитатели поселений в болотистой дельте Дона, как, впрочем, и позднего Танаиса, вполне могли называться у греков гелурами.

Готский историк дает герулам краткую, но яркую характеристику. Он обращает внимание на их отличительную черту — исключительную подвижность. «Не было тогда ни одного [другого] племени, которое не подбирало бы из них легковооруженных воинов. Хотя быстрота их часто позволяла им ускользать в сражении от иных противников, и она уступила твердости и размерности готам: по воле судьбы они [элуры] также, наряду с остальными племенами, покорились королю гетов Германариху» (Get., 118). По свидетельству того же Иордана ко времени столкновения с готам Эрманариха племя герулов было большей частью уже перебито. До подчинения готам у них был свой король, носящий имя Аларих (“Halaricus”). Здесь уместно заметить, что предложенное недавно датским исследователем Х. Стангом отождествление герулов с росомонами Иордана⁶³, не находит сколь-нибудь надежных подтверждений в источниках.

Быстрота герулов послужила некоторым историкам основанием считать их не германцами, а кочевниками-сарматами⁶⁴. Однако детально изучивший этот вопрос В.В. Лавров не нашел в источниках даже намек на то, что герулы имели какое-то отношение к сарматам⁶⁵. В позднеантичной и византийской традиции они всегда характеризуются не как конные, а как легковооруженные пешие воины, отсюда, видимо, и их быстрота. Известное свидетельство Иордана о вытеснении герулов данами с их прародины на территории современной Ютландии (Get., 23) дает основание у-

II, оно могло использоваться как раз в годы «Скифских» войн. На это время указывает и бронзовая подвеска круга выемчатых эмалей. См.: *Зиньковская И.В.* О находках изделий с выемчатыми эмалями на юге Восточной Европы // Пятая Кубанская археологическая конференция: мат-лы. Краснодар, 2009. С. 143—144.

⁶¹ *Лавров В.В.* Восточные германцы в Приазовье... С. 339—340.

⁶² Об этимологии имени герулов см.: *Скржинская Е.Ч.* Указ. соч. С. 267; *Ганина Н.А.* Герулы как воинская элита: к определению и этимологии термина // Восточная Европа в Древности и Средневековье: политические институты и верховная власть: мат-лы конф. М., 2007. С. 41—45.

⁶³ *Станг Х.* Наименование Руси (герульская версия) // *Stratum: неславянское в славянском мире.* 1999. № 5. С. 119—147.

⁶⁴ *Ременников А.М.* Борьба племен Северного Причерноморья с Римом в III в. н.э. М., 1954. С. 19, 95; *Скржинская Е.Ч.* Указ. соч. С. 267.

⁶⁵ *Лавров В.В.* Восточные германцы в Приазовье... С. 338—339.

верждать, что изначально они принадлежали к группе северогерманских племен, переселившихся вслед за готами (или одновременно с ними) на юг Восточной Европы⁶⁶. На то же указывает и судьба уцелевших герулов, которые, избороздив за три века практически всю Европу, в конце концов, в VI в. вынуждены были вернуться на свою историческую родину⁶⁷.

С герульской проблемой связан еще один важный вопрос — о творцах германской рунической письменности, образцы которой известны и в черняховской культуре. У лингвистов до сих пор немалой популярностью пользуется гипотеза С. Бугге о герулах как изобретателях или посредниках в распространении старшего рунического письма. Сам их этноним сопоставляется с руническим “erilaR” — «мастер рунического письма»⁶⁸ или с рунической формулой “ek erilaz” — «сделал (написал, раскрасил) руны»⁶⁹. Впервые он встречается в надписи IV в.⁷⁰ Если это так, то руны, найденные в ареале черняховской культуры, могли быть оставлены не только готами, но и герулами. В более поздней эддической традиции владение рунами было привилегией лишь высших слоев общества («Песнь о Риге», 36). Но этот вопрос требует дополнительного изучения, как и проблема фонетического совпадения этнонима герулов (эрулов) с рун. “erilaR”, а через него со скандинавским названием сословия знати — ярлов (др.-исл. “jarl”, др.-англ. “eorl”)⁷¹.

Б.В. Магомедов указал ряд элементов черняховской культуры, которые обнаруживают истоки в Южной Скандинавии, т.е. на родине герулов. По его мнению, помимо рунических надписей к ним относятся распространение «длинных» домов, особенно трехнефных, фибулы типа «монструозо», железные гребни, вазы ольвийского типа⁷². Однако

⁶⁶ Приазовье, а позже Подунавье не было единственными территориями, где античная традиция знает герулов. Практически одновременно (с 286 г.) они упоминаются и в низовьях Рейна, где часто выступали в союзе с другим германским племенем, батавами. Об этом см.: *Лавров В.В. Герулы в Причерноморье...* С. 214—217. На этом основании возникла гипотеза, согласно которой набеги герулов позволяют усматривать в них собирательное обозначение викингов эпохи переселения народов. См.: *Макаев Э.А. Язык древнейших рунических надписей (лингвистический и историко-филологический анализ)*. М., 2002. С. 38. Более правдоподобна иная версия, объясняющая появление герулов на Западе, — римские императоры могли переселить сюда часть плененных герулов после их морских походов в Понт и Эгеиду в качестве федератов.

⁶⁷ *Лавров В.В. Герулы в Причерноморье...* С. 216—217.

⁶⁸ *Макаев Э.А. Указ. соч.* С. 39—43.

⁶⁹ *Мельникова Е.А. Скандинавские рунические надписи. Новые находки и интерпретации. Тексты. Перевод. Комментарий*. М., 2001. С. 15—18.

⁷⁰ *Ганина Н.А. Крымско-готский язык...* С. 16.

⁷¹ *Гуревич А.Я. Руны, руническое письмо // Словарь средневековой культуры*. М., 2003. С. 415—423.

⁷² *Магомедов Б.В. Черняховская культура...* С. 119.

как сейчас установлено, фибулы-монстры и железные гребни концентрируются в регионах, где пребывание герулов письменными источниками не подтверждается⁷³. Поэтому вышеназванные признаки могли принадлежать и иным германским племенам, входившим в общность, оставившую черняховскую культуру. Скандинавский и шире северо-европейский «импорт» в Восточной Европе (металлические гребни, фибулы типа «монструозо», украшения в т.н. «закшувском» стиле) лишь свидетельствует о каких-то межплеменных процессах в королевстве Эрманариха, не отраженных в письменных источниках⁷⁴.

Из других восточных германцев в черняховской культуре более определенно просматривается вандалский след. В современной археологии с вандалами почти единодушно связывают пшеворскую культуру⁷⁵. По свидетельству Иордана, племя вандалов (“Vandali”) было покорено готами еще до начала их продвижения на юг при короле Бериге (Get., 26, 89). По данным археологии во второй половине II—первых десятилетиях III в., когда в Мазовии появляются могильники вельбарской культуры, здесь практически одновременно исчезают пшеворские памятники. После вынужденного переселения вандалы заняли земли к северу от Дуная по берегам р. Тисы и ее притокам. Вторично они были разбиты готами короля Гебериха в 336—337 гг., в сражении погиб и их король Визимар (Get., 113—114). По рассказу того же Иордана, какая-то их часть с разрешения императора Константина ушла в Паннонию и служила там Империи приблизительно 60 лет. О судьбе остальных вандалов из письменных источников ничего не известно. Выше речь уже шла о вероятном вандалском культурном компоненте в черняховской культуре, который ярче всего проявляется в погребениях с кремациями с намеренно испорченным оружием. Они встречаются практически по всему черняховскому ареалу (Тыршгор в Румынии, Будешты в Молдавии, Оселивка на Верхнем Днестре, Компанийцы в Днепро-Днепровском Левобережье и др.). Другим вероятным вандалским элементом служат керамические ведра, иногда использовавшиеся для помещения кремаций (например, Каборга, погр. 5). По заключению М.Е. Левады, пшеворские воинские погребения IV в. разбросаны практически по всей черняховской территории, причем на землях остроготовов они отличаются относительно богатым и разнообразным инвентарем⁷⁶. Их хронология в основном совпадает с эпохой Эрманариха.

⁷³ Левада М.Е. «Другие германцы» в Северном Причерноморье позднего римского времени // Боспорские исследования. Симферополь; Керчь, 2006. Вып. 11. С. 206

⁷⁴ Левада М.Е. Указ. соч. С. 201.

⁷⁵ Из последних работ о вандалах в контексте археологических свидетельств см. Щукин М.Б. Ранние вандалы // *Germania-Sarmatia* II. 2010. С. 15—30.

⁷⁶ Там же. С. 208.

§ 3. Венеты

По рассказу Иордана после подчинения «северных народов» и герулов король Эрманарих «двинул войско против венетов» (Get., 119). Не вызывает сомнений устный, эпический характер источника сведений историка об этом «деянии» остроготского короля, восходящий к труду Кассиодора. Исследователи единодушны в том, что таковым, скорее всего, был фрагмент готского героического эпоса, воспевавшего военные подвиги Эрманариха⁷⁷. Это обстоятельство следует учитывать при использовании свидетельства Иордана о венетах как историческом источнике. Отметим, что пассаж о венетах у Иордана неплохо изучен современной наукой, хотя и сейчас остается несколько вопросов, требующих дальнейшей разработки⁷⁸.

Иордан отмечает многочисленность венетов: “nation populosa” (Get., 34) и “numerositate pollentes” (Get., 119). В этом он видит причину их могущества. Следуя своему эпическому источнику, он утверждает, что венеты, несмотря на свою многочисленность, оказались неспособны к войне и «были достойны презрения из-за [слабости их оружия]». Вначале они сопротивлялись, но, в конце концов, подчинились власти Эрманариха. При этом Иордан отмечает, что победа над венетами была одержана не только потому, что на них наступало «множество вооруженных» — “multitudo armata”, а они были “multitudo inbellium”, но также и с «попущения господня».

Исследователи спорят о направлении похода Эрманариха против венетов, поскольку Иордан не оставил никаких свидетельств о том, где они в то время обитали. Он отметил лишь обширность занятых ими пространств, употребив характерный оборот “immensa spatia”⁷⁹. Одни полагают, что Эрманарих совершил поход на северо-запад, отталкиваясь от указания Иордана в § 34, где место обитания многолюдного племени венетов определяется где-то у верховий р. Вистулы — Вислы (Get., 34). В частности, к этому склоняется Д.Н. Козак, отождествляющий венетов, прежде всего, с населением Верхнего Поднепровья, сохранившим традиции зубрицкой культуры при явном отсутствии здесь следов готской вельбарской культуры⁸⁰. По его мнению, здесь в III—IV вв. на старой венетской основе формировалось одно из первых восточнославянских межплеменных объединений, противостоявшее готам.

⁷⁷ Schmidt L. Op. cit. S. 252—257; Анфертьев А.Н. Указ. соч. С. 129.

⁷⁸ Петрухин В.Я. Венеты/венеды: историографическая традиция и этногенез славян // Межславянские взаимоотношения и связи: Средние века — раннее Новое время. М., 1999. С. 124—128.

⁷⁹ Скржинская Е.Ч. Указ. соч. С. 203.

⁸⁰ Козак Д.Н. Указ. соч. С. 212—213, 220—221.

Большинство исследователей считают, что Эрманарих совершил поход на север, в Среднее Поднепровье или в лесостепное Днепро-Донское Левобережье, где в его время проживали многочисленные племена киевской культуры. Их не без основания отождествляют с венетами Иордана⁸¹. Сейчас археологи отмечают массовый уход киевского населения в IV в. из Левобережной лесостепи на север, в Подесенье и еще далее на северо-восток к верховьям Дона при одновременном появлении на этой территории памятников вельбарско-черняховской традиции, в носителях которой видят готов. Эти разительные перемены в жизни населения Днепро-Донского междуречья связывают с последствиями похода короля Эрманариха на венетов⁸². Другой результат готской экспансии археологически проявился в том, что на ряде поселений Среднего Поднепровья и Левобережья киевский слой оказался перекрыт более поздним черняховским слоем. При этом специалистами обращается внимание на то, что лишь часть венетов в лесостепи попала в политическую и экономическую зависимость от державы Эрманариха, следствием чего явилась культурная и этническая ассимиляция этих венетских групп. Видимо, основная масса киевского населения отступила в лесную зону и там сумела сохранить свою культурную самобытность⁸³. Об этом свидетельствуют памятники деснинского варианта киевской культуры, где не ощущается никаких контактов с населением черняховского юга⁸⁴.

В последнее время А.М. Обломский выступил с идеей о походах дружин короля Германариха против венетов на восток⁸⁵. С этими акциями он связывает гибель поселений типа Каширки-Седелок на Верхнем Дону, в обитателях которых он усматривает венетов⁸⁶. Нам представляется, что эта гипотеза противоречит этнокультурному облику названных памятников и особенно их хронологии, установленной самим первооткрывателем. Напомним, что на верхнедонских поселениях типа Каширки-Седелок присутствует вполне определенный черняховский компонент, в том числе «большие» наземные дома, которые современные исследователи связывают не с венетами, а с восточными германцами. К тому же названные верхнедонские памятники были датирова-

⁸¹ Шукин М.Б. Готский путь... С. 210.

⁸² Терпиловский Р.В. Киевская и черняховская культуры. Проблемы контактов // Stratum: время великих миграций. 2000. № 4. С. 305.

⁸³ Терпиловский Р.В. Славяне Поднепровья в первой половине I тыс. н.э. (Monumenta Studia Gothica. Т. III). Lublin, 2004. С. 94.

⁸⁴ Обломский А.М. Днепровское лесостепное Левобережье... С. 89.

⁸⁵ Обломский А.М. Некоторые соображения о походах дружин короля Германариха на восток // Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов. Тула, 2008. С. 142—162.

⁸⁶ Там же. С. 151, Рис. 6.

ны А.М. Обломским достаточно узко в пределах середины III—начала IV в.⁸⁷ Он неоднократно отмечал, что на Верхнем Дону до сих пор известны черняховские памятники ступени С3. Если это так, то не хватает как минимум полстолетия до времени похода Эрманариха — судя по всему, поселения типа Каширки уже перестали существовать к тому времени, когда король совершал поход против венетов.

Итак, судя по новейшим археологическим материалам, в IV в. разительные этнокультурные перемены наблюдаются в Среднем Поднепровье и Днепровском лесостепном Левобережье, ознаменовавшиеся распространением памятников черняховской традиции на территорию ранее занятую многочисленным киевским населением. Поэтому мы разделяем точку зрения тех исследователей, которые связывают эту археологическую ситуацию с последствиями похода Эрманариха на венетов. Однако те же данные археологии наглядно свидетельствуют, что далеко не все киевское население вошло в состав Остроготской «державы». Значительная, если не большая его часть покинула свою исконную территорию и ушла на север, к родственным племенам, оставившим деснинский вариант поздней киевской культуры.

§ 4. Гунны, аланы и анты

В середине IV в. гунны продвинулись в область между Волгой и Доном, в 370—378 гг. они оказались в Северном Причерноморье. «Этот подвижный и неукротимый народ, воспламененный дикой жадностью грабежа, двигаясь вперед среди грабежей и убийств, дошел до земли аланов, древних массагетов» (Атт. Марс., XXXI.2.12). Под руководством своего вождя Баламира/Баламбера (Get., 247) они вторглись на территорию остроготов и нанесли им поражение. «И вот гунны, пройдя через земли аланов, которые граничат с гревтунгами и обычно называются танаитами, произвели у них страшное истребление и опустошение, а с уцелевшими заключили союз и присоединили их к себе. При их содействии они смело прорвались внезапным нападением в обширные и плодородные земли Эрменриха ("Ermenrich"), весьма воинственного царя, которого страшились соседние народы, из-за его многочисленных и разнообразных военных подвигов. Пораженный силой этой внезапной бури, Эрменрих в течение долгого времени старался дать им решительный отпор и отбиться от них, но т.к. молва все более усиливала ужас надви-

⁸⁷ В последних публикациях А.М. Обломский допускает, что верхнедонские памятники типа Каширки-Седлок могли существовать до середины IV в. В связи с этим заметим, что никаких новых хроноиндикаторов для их омоложения за последние полтора десятка лет не появилось.

нувших бедствий, то он положил конец страху перед великими опасностями добровольной смертью» (Amm. Marc., XXXI.3.1—3).

Война готов с гуннами была настолько значимым событием, что воспоминания о ней сохранились в исторической памяти германских народов, нашедшей отражение в раннесредневековом эпосе. Так, в «Видсиде» говорится, что «Этла (Аттила — И.З.) правил гуннами, Эрманрик (Эрманарих — И.З.) готами» (Widsith, 18). В готском героическом сказании «Песнь о гуннской битве» решающая битва между готами и гуннами произошла в Донской степи (“Dunheiðr”), у аланских гор (“Jassarfjöll” — Ясских гор), где «готов дружины в битвах нередко победу и славу себе добывали» (Hlöðskvida, 24). По мнению Ф. Альтгейма, в «Песне» вспоминаются частые победы готов не над гуннами, а над их иранским соседом — аланами, «которые имели тесные контакты с готами, часто заключали с ними браки и даже полностью или частично были германизированы»⁸⁸.

Естественно, в героической песне готы одержали победу над гуннами, другой была историческая правда. Так, Аммиан Марцеллин пишет, что «Витимир (Vithimir), избранный после его кончины (Эрманариха — И.З.) царем (rex), оказывал некоторое время сопротивление аланам, опираясь на другое племя гуннов, которых он за деньги привлек в союз с собой. Но после многих понесенных им поражений, он пал в битве, побежденный силой оружия. От имени его малолетнего сына (Видериха — И.З.) приняли управление Алафей (Alatheus) и Сафрак (Safraх), вожди (duces) опытные и известные твердостью духа, но тяжкие обстоятельства сломили их и, потеряв надежду дать отпор, они осторожно отступили и перешли к реке Данастию (Днестр — И.З.)...» (Amm. Marc., XXXI.3.3).

Как мы видим, у Аммиана Марцеллина, вождями гревтунгов/остроготов становятся Алатей и Сафрак (Amm. Marc., XXXI.3.3), которые у Зосима названы предводителями зарейнских германцев (Zos., IV.34.2), а у Иордана — вождями везиготов (Get., 134). Исследователи почти единодушно считают Сафрака аланским вождем⁸⁹, которого Алатей «за деньги привлек в союз собой». Впоследствии руководимая ими гото-аланская конница сыграла решающую роль в битве с римской армией при Адрианополе 9 августа 378 г. (Amm. Marc., XXXI.12.17).

Отход готского народа-войска на Запад подтверждается и данными археологии. Как считает Ф. Бирбрауэр, черняховская культура прекращает свое существование на ступени С3 (370/380 гг.) с возможным заходом в D1(370/380—400/410 гг.). При этом значительная часть поселений

⁸⁸ Altheim F. Geschichte der Hunnen... S. 65.

⁸⁹ Wenskus R. Alanen // RGA. 1973. Bd. 1. S. 123; Вольфрам Х. Готы... С. 174, 607.

была сожжена. Небольшое число погребений D1 указывает на остаточные группы черняховского населения в раннегуннское время. По мнению исследователя, исчезновение черняховской культуры как культурно-исторического феномена и оставившего ее исторического образования остается непреложным фактом, и оно указывает на уход ее основных носителей — готов⁹⁰. В это же самое время на юго-восточных рубежах черняховской культуры появляются погребения кочевников — гуннов⁹¹.

По рассказу Иордана остроготы после разгрома их «державы» гуннами подчинились власти последних и оставались в той же стране, т.е. на юге Восточной Европы. При этом наследник великого остроготского короля, его внучатый племянник Амал Венетарий (внук брата Эрманариха Вульгульфа — И.З.) «удержал все знаки своего господствования». Далее Иордан подробно описывает войну Венетария с антами Боза/Божа (лат. “Boz”): «Подражая доблести деда своего Вульгульфа, он, хотя и был ниже Германариха по счастью и удачам, с горечью переносил подчинение гуннам. Понемногу освобождаясь от их власти и пробуя проявить свою силу, он двинул войско в пределы антов и, когда вступил туда, в первом сражении был побежден, но в дальнейшем стал действовать решительнее и распял короля их Божа с сыновьями его и семьдесятю старейшинами для устрашения, чтобы трупы распятых удваивали страх покоренных» (Get., 246).

Следует напомнить, что готский историк обращается к этому повествованию попутно, излагая генеалогию королевского рода Амалов после гибели Эрманариха в т.н. “Origo Gothica” (Get., 245). Латинский текст иорданова свидетельства сохранился полностью и особых трудностей для понимания у исследователей не вызывает. Но вот его интерпретация, начиная с имен главных действующих лиц и кончая оценкой этого события в истории Восточной Европы, до сих пор остается предметом острых дискуссий⁹².

У исследователей не вызывает сомнения источник сведений Кассиодора/Иордана об этом событии — таковым могла быть героическая песнь, воспевающая подвиги и гибель остроготского вождя Венетария⁹³.

⁹⁰ Bierbrauer V. Archäologie und Geschichte der Goten vom 1.—7. Jh. Versuch einer Bilanz // Frühmittelalterliche Studien. B.;N.Y., 1994. Bd. 28. S. 114—121.

⁹¹ Petrauskas O. Die Černjachov-Kultur im Schwarzmeergebiet nach dem hunnischen Einfall // Attila und die Hunnen. Stuttgart, 2007. S. 159—165.

⁹² Петрухин В.Я. Традиция и исторический факт в средневековой историографии: мотивы и числа // Древнейшие государства Восточной Европы: мат-лы и исследования 2003 г. М., 2005. С. 182—183.

⁹³ Анфертьев А.Н. Указ. соч. С. 146—147. А.Н. Анфертьев считал форму “Venethi” в § 119 «Гетики» искусственной, и на этом основании допускал, что весь рассказ Иордана о войне Винитария с антами, либо является фикцией, сочиненной Кассиодором, либо существенно переработан в сравнении с исконной готской

В его имени большинство современных исследователей видят скорее почетное готское прозвище, чем собственно личное имя. По свидетельству Аммиана, преемника Эрманариха звали Витимир (XXXI.3.3). Прозвище «Венетарий» (“Venetharius”) — букв. «Давитель венетов» он мог получить уже после победы и расправы над антами, происходившими по Иордану от «венетского» корня⁹⁴. Л. Шмидт считал, что прозвище Венетарий (“Venetharius”) в эпосе получил сам король Эрманарих, воевавший против венетов, и что из этого прозвища в эпосе потом появилась новая личность⁹⁵. Имя антского «рикса» “Boz” читается и этимологизируется исследователями по-разному, при транскрипции «Бож» иногда интерпретируется как титул «Вож», т.е. «вождь»⁹⁶. В определенной степени имя “Boz” напоминает и прозвище племянника аланского вождя Кандака — База (лат. “Baza”), у которого нотарием был Иордан (Get., 246). Поэтому не исключена и его аланская (иранская) атрибуция.

Интересующее нас событие произошло на юге Восточной Европы вскоре за разгромом гуннами «державы» Эрманариха и смертью ее престарелого правителя⁹⁷. Но, по рассказу Иордана, победа Венетария над антами и его жестокая расправа с антской знатью вызвала почти немедленную реакцию могущественного короля гуннов Баламбера, которого никак не устраивало возвышение его готского вассала. По рассказу Иордана «с такой свободой он повелевал едва в течение одного года». Далее наступила расплата. Баламбер приказал другому готскому вождю Гезимунду (внуку Эрманариха — И.3.), признавшему власть гуннов, наказать непокорного Венетария. После двух ожесточенных битв в третьем сражении на р. Эрак Венетарий был убит стрелой, выпущенной из лука самим Баламбером (Get., 248—250). После этого гуннское владычество «над всем покоренным племёнем готов» было восстановлено.

Прежде всего, нужно установить степень достоверности этого уникального свидетельства Иордана. Это необходимо потому, что в нем иногда видят плод воображения готского историка (или его предшественников — Аблабия или Кассиодора). Так, Л. Шмидт в свое время доказывал легендарный характер личности Венетария. Его появление на страницах «Гетики» он объяснял выдумкой Кассиодора. В основе рассказа о смерти Венетария, по его мнению, лежит другой истори-

редакцией. См.: *Анфертьев А.Н.* Указ. соч. С. 153. С таким гиперкритическим подходом к источнику нам трудно согласиться, поскольку претензии современного филолога к Кассиодору/Иордану во многом носят характер умозрительных построений, не подкрепленных известными прецедентами.

⁹⁴ *Вольфрам Х.* Указ. соч. С. 359—360; *Шукин М.Б.* Готский путь... С. 283.

⁹⁵ *Schmid L.* Op. cit. S. 252—257.

⁹⁶ *Скржинская Е.Ч.* Указ. соч. С. 328.

⁹⁷ *Зиньковская И.В.* Готская «держава Германариха»... С. 136—148.

ческий факт — смерть вестготского короля Теодориха. Как историческая личность ему казался сомнительным и гуннский вождь Баламбер (“Balamber”), чье имя идентично германскому “Walamer”⁹⁸. Также чистой легендой он считал подробно описанный Иорданом эпизод о борьбе остроготов Венетария с антами Боза/Божа.

Однако как представляется, некоторые подробности, сообщаемые Иорданом в этом эпизоде, в том числе, малоприятное для готов свидетельство о поражении Венетария в первом сражении с антами, скорее склоняют к мысли об отражении в рассказе Иордана, пусть и в легендарно-эпической форме, какого-то реального исторического события из истории взаимоотношений этих двух народов в начале гуннской эпохи. Несмотря на, казалось бы, полную ясность описания хода и результатов гото-антской войны в «Гетике» Иордана, у современных исследователей возникает ряд вопросов. Прежде всего, это хронология войны, направление похода и район военных действий, но особенно проблема этнической принадлежности антов Боза/Божа. Совершенно очевидно, что выступление Венетария против антов произошло вскоре после вторжения гуннов в Восточную Европу и разгрома Остроготской державы Эрманариха. Обычно его датируют в хронологическом диапазоне 369—376 гг.⁹⁹.

Недавно М.Б. Щукин еще раз исследовал этот вопрос и пришел к заключению, что, скорее всего, гунны могли разбить и покорить оставшихся в живых остроготов ранее 375 г. Но указать более точную дату в силу скудности свидетельств письменных источников невозможно — это событие могло произойти в любое время, начиная с 370 г. (во время переговоров везиготского судьи Атанариха с римским императором Валентом в 369 г. о гуннской опасности не было сказано еще ни слова) по 376 г., когда отступающие в страхе везиготы перешли р. Дунай и укрылись под защитой римского лимеса¹⁰⁰. По подсчетам того же ученого война готов с антами случилась вскоре после разгрома державы Эрманариха, но ранее осени 376 г., когда гуннская орда сражалась уже в левобережье Дуная. По мнению М.Б. Щукина, к этому времени Венетарий уже погиб. Х. Вольфрам также датирует его гибель 376 г.¹⁰¹ Другие исследователи называли и более ранние (в год смерти Эрманариха около 375 г. — Б.Д. Греков, Б.А. Рыбаков, П.Н. Третьяков) и более поздние даты похода Венетария на антов Боза/Божа. Например, М.М. Казанский отодвигает это событие к 370—380 гг.¹⁰² Но еще раньше Е.Ч. Скржинская привела ряд

⁹⁸ Schmid L. Op. cit. S. 253—255.

⁹⁹ Ibid. S. 253.

¹⁰⁰ Щукин М.Б. Готский путь... С. 233—236.

¹⁰¹ Вольфрам Х. Указ. соч. С. 361.

¹⁰² Казанский М.М. Остроготские королевства в гуннскую эпоху: рассказ Иордана и археологические данные // Stratum plus ПАВ. 1997. С. 181—193.

соображений в пользу того, что война Венетария с антами, скорее всего, была ближе к концу IV в. и даже в начале V в., т.к. Венетарий мог и не быть прямым преемником Эрманариха (в генеалогии Амалов между ними стоит король Валараванс)¹⁰³. Такая дата не менее вероятна, т.к. у Иордана не сказано, когда произошел карательный поход Венетария против Боза/Божа и его народа. Ясно только, что это случилось не сразу после трагической гибели Эрманариха и его «державы», а спустя какое-то время. Иордан пишет: «Понемногу освобождаясь от их власти и пробуя свою силу, он двинул войско в пределы антов» (Get., 246).

При решении вопроса о хронологии интересующего нас события не следует забывать и специфику источников, которые использовал готский историк для описания гото-антской войны. Это королевские генеалогии и героические саги о подвигах королей из славного рода Амалов, в том числе и Венетария¹⁰⁴. Как правило, в целом, они верно передают последовательность главных исторических событий. Однако эпическому сознанию в высшей степени было свойственно сжимать историческое время. Легендарно-эпическая традиция, как уже говорилось, весьма избирательно «впитывала» исторический материал, но главное преобразовывала его по непредсказуемым законам устного народного творчества, что, кстати, проявилось и в сочинении Иордана. Поэтому ждать от этого источника надежных данных для точной датировки интересующего нас события не приходится. Ограничимся его датировкой ближе к концу IV в.

Еще более сложен вопрос о направлении похода Винитария и местоположении «пределов антов» (“Antorum fines”). В свое время А.Т. Смиленко предположила, что антский вождь Боз/Бож и его 70 старейшин могли проживать на известном укрепленном поселении у с. Башмачка на Нижнем Днепре¹⁰⁵. Но это городище сейчас относится к числу черняховских, на нем не обнаружено каких-либо особых материалов указывающих на антское (славянское) присутствие. Г.В. Вернадский поместил антов Божа в Побужье, видимо, исходя из свидетельства проживания там антов в Get., 35. Но последнее, судя по наречию “nunc” – «ныне», определенно относится ко времени жизни Иордана, т.е. к середине VI в. Исходя из этого, более позднего свидетельства Б.А. Рыбаков также локализовал антов в степном междуречье Днестра и Днепра¹⁰⁶. Однако как уже отмечала М.В. Скржинская, прямо сблизать «пределы антов» (Get., 247), где речь идет о походе Венетария, с более точным указанием на места расселения современным Иордану антов «от Дана

¹⁰³Скржинская Е.Ч. Указ. соч. С. 325.

¹⁰⁴Schmidt L. Op. cit. S. 253—255.

¹⁰⁵Смиленко А.Т., Мизин В.А. Городище черняховской культуры // Славяне и Русь К., 1979. С. 48—66; Магомедов Б. Черняховская культура... С. 20.

¹⁰⁶Рыбаков Б.А. Язычество Древней Руси... С. 31, рис. 3.

стра до Данапра» (Get., 35), нельзя, т.к. за полтора века они могли сильно измениться, особенно если учесть характер и темпы этнических миграций в бурную эпоху Великого переселения народов¹⁰⁷.

Определенным ориентиром для локализации «пределов антов» могла бы стать р. Эрак (Егас), где, согласно свидетельству Иордана, произошло решающее сражение Венетария с гуннами. В ней чаще всего видят р. Днепр на том основании, что средневековое название этой реки “Var”, “Boroux” близко осетинскому “oræx”/“værax” с тем же значением «широкий», но особенно Егехе на итальянских картах XIV—XV в.¹⁰⁸ Но и такая идентификация не бесспорна, хотя сам Иордан, помимо устоявшегося гидронима “Danargis” указывает один раз его гуннское название Вар (“Var”)¹⁰⁹. Но дело даже не в этом. Само по себе последнее местонахождение победителя антов на берегу р. Эрак, где он встретил смерть, вовсе не означает, что Венетарий после расправы с Божем все время оставался там же до того злополучного дня, когда был смертельно ранен стрелой Баламбера, тем более что этому предшествовали еще две битвы с гуннами.

М.М. Казанский на основании археологических данных попытался локализовать Остроготские королевства эпохи гуннского владычества в Восточной Европе¹¹⁰. Он предложил искать их на территории Среднего Поднепровья и Днепровского лесостепного Левобережья, где известны находки особо престижных вещей и отдельные богатые погребения рубежа IV—V вв. Более того, исследователь точно указал даже местоположение гипотетического центра «королевства Винитария» — где-то между верхним течением р. Ворсклы и р. Псла, откуда происходит большая часть «княжеских» комплексов, в том числе знаменитые Старосуджанские клады¹¹¹. С таким расположением в Днепровском Левобережье Остроготского королевства с определенными оговорками согласился А.М. Обломский¹¹². Возможную локализацию именно здесь одного из поздних остроготских анклавов подтвердили и новые находки в Курском Посемье, где обнаружено захоронение высшего ранга с богатейшим набором вещей раннегуннского времени ступени D2, сопоставимым с самыми роскошными боспорскими погребениями¹¹³.

¹⁰⁷Скржинская Е. Ч. Указ. соч. С. 326; Буданова В.П. Варварский мир эпохи Великого переселения народов. М., 2000.

¹⁰⁸Шрамм Г. Реки Северного Причерноморья. М., 1997. С.65.

¹⁰⁹Скржинская Е. Ч. Указ. соч. С. 329.

¹¹⁰Казанский М.М. Указ. соч. С. 181—193.

¹¹¹Там же. С.184.

¹¹²Обломский А.М. Днепровское Лесостепное Левобережье... С. 92—93.

¹¹³Радюш О.А., Щёглова О.А. Волниковский «клад» и Курское Посеймье в эпоху Великого переселения народов. Курск, 2012; Стародубцев Г.Ю., Зорин А.В., Шпилев А.Г. Волниковский «клад». Комплекс снаряжения коня и всадника 1-ой половины V в. Каталог коллекции. М., 2014.

Ф. Бирбрауэр решительно отрицает связь немногочисленных восточногерманских археологических материалов ступени D2 с готами Валамира или Венетария. По его мнению, они оставлены «рассеянными готами», которые подверглись аккультурации аланами и сарматами¹¹⁴. Близких взглядов придерживается и Б.В. Магомедов, который указывает, что в Восточно-Украинском регионе в гуннское время неизбежно должны были смениться этнополитические приоритеты, иллюстрацией чего служат курганные захоронения кочевников в Кантемировка, катакомба из Дмухайловки и находки «княжеского» ранга, принадлежащие аланам¹¹⁵. С этим трудно не согласиться, т.к. этническая ситуация меняется и на крайнем северо-востоке рассматриваемого нами региона. На Верхнем Дону в гуннское время появляются могильники и одиночные погребения номадов сармато-аланского круга¹¹⁶.

В целом археологическую ситуацию начала гуннской эпохи в Днепровском лесостепном Левобережье можно охарактеризовать как пограничье немногочисленных позднечерняховских памятников ступени D1 и поздней киевской культуры, носители которой в это время, могли быть известны как анты¹¹⁷.

Судя по тому, что в первом сражении анты сумели разбить дружину Венетария, они уже тогда были довольно многочисленны и сильны, а значит, занимали немалую территорию. На это косвенно указывает помимо наличия у них своего «рикса» Боза/Божа (Иордан именует его титулом гех) большого числа (70) «приматов» — старейшин, скорее свидетельствующее о существовании не какого-то небольшого племени, а значительного потестарного объединения, владевшего немалой территорией. М.М. Казанский, недавно еще раз специально изучивший историю столкновения готов с антами, допускал даже наличие в их обще-

¹¹⁴Bierbrauer V. Archäologie und Geschichte der Goten...S. 114—121.

¹¹⁵Магомедов Б. Черняховская культура. Проблема этноса... С.144—147.

¹¹⁶Зиньковская И.В. Поселение и могильник раннегуннского времени на Животинном городище // Древности эпохи Средневековья Евразийской лесостепи. Воронеж, 2008. С. 32—51.

¹¹⁷Подробный обзор вопроса о соотношении этнонимов венеты и анты у Иордана см.: Анфертьев А.Н. Указ. соч. С. 127—132, 146—147, 153—154. На наш взгляд, текст Иордана вопреки мнению А.Н. Анфертьева, все же не позволяет считать венетов § 34—35, 119 и антов § 247 совершенно разными народами, искусственно «породненными» Кассиодором/Иорданом в результате контаминации разновременных источников. Для Иордана они «ab una stirpe» — «от одного корня» (Get., 119). Не следует сбрасывать со счетов совершенно независимые от литературной традиции данные современной археологии, объективно свидетельствующие о генетической преемственности носителей, с одной стороны, познезарубинецкой и киевской (венеты Плиния, Тацита, Птолемея), а, с другой стороны, поздней киевской и пеньковской культур (анты Иордана, Прокопия Кесарийского и др. византийских авторов).

стве «сложного вожества», в котором верховному вождю Бозу/Божу подчинялись вожди-старейшины отдельных родо-племенных подразделений¹¹⁸. Другие исследователи видят в этом раннем антском союзе раннегосударственное образование¹¹⁹, что нам представляется недостаточно обоснованным источниками. Сейчас трудно представить, каков был характер антского общества конца IV в., но специалисты полагают, что зародилось оно несколько раньше интересующего нас события, возможно, из-за военно-политического противостояния королевству Эрманариха¹²⁰.

Какая этнографическая реальность стоит за этнонимом анты в интересующем нас рассказе Иордана из самого текста «Гетики» в общем-то ясно. Вопреки мнению отдельных исследователей об иранской¹²¹, адыгской¹²², угорской¹²³ и иной принадлежности¹²⁴ антов, у самого Иордана мы не найдем и намека на то, что они хоть в чем-то отличались от его современников — антов середины VI в., о которых он писал в *Get.* 34, 35, 119. Как известно, по представлениям готского историка, последние происходили от общего «венетского» корня со склавинами, т.е. были одним из этнополитических объединений ранних славян. В антах VI в. современные исследователи видят преимущественно славянское население, частично смешавшееся с ирано-язычными номадами, прежде всего с аланами. Возможно, речь даже может идти о временном праславяно-иранском симбиозе¹²⁵. Эта точка зрения господствует в совре-

¹¹⁸Kazanski M. Les relations entre les Slaves et les Goths du IIIe au Ve siècle: l'apport de l'archéologie // *Revue des études slaves*. T. LXV/1. P., 1993. P. 12—13.

¹¹⁹Брайчевський М.Ю. Анти... С. 391—436; Кравченко Н.М. Указ. соч. С. 206—224.

¹²⁰Седов В.В. От истоков Вистулы // *Родина. Славянский мир*. 2001. № 1/2. С. 20—25.

¹²¹Olrik A. Ragnarök. Die Sagen vom Weltuntergang. B.; Leipzig, 1922. S. 464—466. Идею об иранской принадлежности «ранних» антов конца IV в. развивал Г.В. Вернадский в своем известном труде «Ancient Russia» (1943). По существу она базировалась на созвучии этнонимов «ант» и «асс», т.е. — «алан». В результате в его обобщающем труде анты превратились в алан. Правда, в более поздней специальной статье* Г.В. Вернадский уже не настаивал на иранстве антов, ограничившись лишь доказательством весьма правдоподобной иранской этимологией этнонима «анты» — «крайние», «внешние». См.: Vernadsky G. Note of the Name «Antes» // *Journall of American Oriental Society*. 1953. № 73.

¹²²Ногмов Ш.Б. История адыгейского народа, составленная по преданиям кабардинцев. Пятигорск, 1947. С. 41—44.

¹²³Федорова М.В. Славяне, мордва и анты (к вопросу о языковых связях). Воронеж, 1976.

¹²⁴В славянской принадлежности «ранних» антов сомневаются Вольфрам Х. Указ. соч. С. 360; *Struminns'kyj B.* Were the Antes Eastern Slavs? // *Harvard Ukrainian Studies*. 1979—1980. Vol. III/IV, P. 792.

¹²⁵Медведев А.П. О начальном этапе этнической истории славян в Подонье // *Исторические записки*. Воронеж, 2002. Вып. 8. С. 202.

менной науке, хотя в последнее время известны попытки ее оспорить¹²⁶. Еще раз подчеркнем, что у Иордана подобные сомнения об этногенетической преемственности венетов и антов отсутствовали.

Подробнее остановимся на археологическом аспекте проблемы, отражением которой вполне могли быть сложные процессы взаимодействия позднейшей черняховской и киевской культур. Существенна, если не определяющая, роль восточногерманского этнокультурного фактора в формировании черняховской культуры всесторонне рассмотрена выше. По мнению Р.В. Терпиловского, возникшая на рубеже IV—V вв. новая чересполосица черняховской и киевской культур в Поднепровье как раз отражает эпоху столкновения Венетария с антами Боза/Божа¹²⁷. Однако именно такие последствия его расправы верхушкой антского общества представляются нам мало правдоподобными, ведь сами готы, наиболее вероятные носители позднечерняховских традиций, вскоре были разбиты. У Иордана нет сведений о расселении готов Венетария на вновь завоеванной антской территории. Сейчас весьма надежно установлено, что остатки черняховского населения покидают Днепровское Левобережье не в конце IV в., а несколько позже, вероятнее всего, в первой четверти V в.¹²⁸ Представляется, что перемены, вызванные только что рассмотренными инцидентами, не могли не найти отражения в эволюции киевской культуры. Не исключая этнополитических ли последствий столкновения готов Венетария с гуннами Баламбера происходят радикальные перемены в позднейшей киевской культуре — отток значительной части населения на север, утрата черняховских элементов в его культуре, трансформация южного ареала в раннесредневековую пеньковскую культуру и др. И носителями уже бесспорно были родственные славянам анты, говорящие на одном с ними языке¹²⁹. По описанию современников — тоже Иордана и особенно Прокопия Кесарийского — анты происходили от одного «венетского» корня, что и славяны, пользовались одним с ними языком, у них были одинаковые обычаи и верования. Но ант

¹²⁶ Мнение А.Н. Анфертьева см.: Свод древнейших письменных известий о славянах. М., 1994. Т. 1. С. 159. Весьма показательно, что оно не получило поддержки у редакторов этого издания — Л.А. Гиндина и Г.Г. Литаврина. См.: Свод... С. 1

¹²⁷ Терпиловский Р.В. Киевская и черняховская культуры... С. 307.

¹²⁸ Обломский А.М. Указ. соч. С. 90.

¹²⁹ Большинство современных исследователей склоняются в пользу славянской принадлежности пеньковской культуры V—VII вв. См.: Седов В.В. Анты. Проблемы советской археологии. М., 1978. С. 164—173; Приходнюк О.М. Анты и пеньковская культура // Древние славяне и Киевская Русь. К., 1989. С. 58—59; Винокур І.С. Анті і склавіни у світлі нових археологічних досліджень. Етнокультурні процеси в Південно-Східній Європі в I тисячолітті н.е. К., 1999. С. 61—67; Щукин М.Б. Указ. соч. С. 230; Обломский А.М. Указ. соч. С. 92.

всё-таки чем-то сильно выделялись даже внешне, во всяком случае, византийцы могли сразу отличить анта от склавина даже среди наемников Империи. По мнению М.А. Васильева, анты составляли особую славяноязычную метаэтническую общность, родственную склавином. Но они не были частью последних, а создали отдельный военно-политический союз¹³⁰.

Весьма сложный процесс возникновения пеньковской культуры современным исследователям представляется, прежде всего, как эволюция памятников позднего этапа среднеднепровского варианта киевской культуры и поселений т.н. «киевской традиции в черняхове»¹³¹. При этом отмечается известное огрубление, упрощение пеньковской культуры даже по сравнению с киевской. Некоторое запаздывание указанных культурных сдвигов относительно даты интересующей нас войны (рубеж IV—V вв.) не должно особо удивлять. Отражение исторических событий в массовых археологических материалах, как правило, несколько отстает от времени их свершения. Но не исключено и другое. В рассказе Иордана, в основу которого, скорее всего, был положен фрагмент из готского героического сказания, локальному столкновению остроготов с антами был придан слишком большой вес. Ведь именно расправа с Божем и его «приматами» послужила поводом гуннскому царю Баламберу начать войну с готами Венетария и в свою очередь наказать его.

К сожалению, далее о судьбе антов Иордан ничего не говорит. Молчат и другие источники V в. Вероятно, трагическая гибель антской элиты на время затормозила процессы социального развития и политической консолидации этого племенного союза. Скорее всего, анты вошли в разноплеменную конфедерацию племен и народов, созданную на рубеже IV—V вв. новыми владыками причерноморских степей — гуннами. Во всяком случае, позже в первой половине VI в. анты чуть не ежегодно совершали набеги на византийские владения за Дунаем в коалиции с гуннами и склавином. Причем, почти всегда они перечисляются Прокопием и другими византийскими авторами в устойчивой формуле, где выдержана строго определенная последовательность этнонимов — «гунны, склавины и анты». Поэтому не лишено основания мнение о вхождении антов в гуннский союз племен и даже о славяно-гуннском симбиозе накануне начала процесса славянизации Балкан¹³².

¹³⁰Васильев М.А. Этногенетические и ранние этноисторические процессы в славянском мире в позднеримское и раннесредневековое время: анты и славяне // Славяно-германские исследования. М., 2000. С. 412—435.

¹³¹Обломский А.М. Указ. соч. С. 78, 91, 210.

¹³²Свод древнейших письменных известий о славянах. Т. 1... С. 209.

На наш взгляд, историческая ценность разобранного выше рассказ Иордана заключается, прежде всего, в том, что в нем содержится древнейшее бесспорное упоминание антов в письменной исторической традиции. В контексте последующих событий, в отличие от временных победителей — остроготов, этот древнейший славянский народ не только сумел сохранить свой этнос, но и удержаться в пределах родной земли. По существу в рассказе Иордана о «подвигах» Венетария содержится самое раннее свидетельство о выходе на арену истории антов — одно из этнополитических группировок ранних славян.

Хорошо известно, что для территории юга Восточной Европы середина I тыс. была эпохой великих потрясений и этносоциальных сдвигов. Сейчас становится все более очевидным, что славянский этнос рождался из хаоса эпохи Великого переселения народов и крушения Древнего мира. Нам представляется, что этому во многом способствовала та уникальная этнополитическая ситуация, которая сложилась в степи и лесостепи Восточной Европы в результате вторжения гуннов и разгрома «державы» Эрманариха. Путь славян в историю был открыт — через два-три поколения начался уже балканский этап славянской истории, в котором анты принимали самое активное участие.

Глава IX

«Заговор»
росомонов

В «Гетике» Иордана содержится рассказ о падении Остроготского королевства Эрманариха в годы гуннского нашествия. Продолжая, по его собственным словам, «сплестать историю происхождения готы», Иордан довольно подробно останавливается на заговоре росомонов (Get., 129). Судя по контексту, этот рассказ призван раскрыть читателям обстоятельства кончины могущественного короля, смертельно раненного двумя братьями-росомонами Саром и Аммием, и тем самым объяснить причину гибели его королевства. Так в истории появляется мотив роковой мести, в конечном итоге погубившей Остроготскую державу. А вместе с ним на историческую арену выходят и росомоны — одни из самых загадочных и неуловимых персонажей истории Восточной Европы на рубеже Древности и Средневековья. Вероятно, в рассказе Иордана мы наблюдаем весьма важную переходную стадию в развитии образа Эрманариха, позволяющую проследить как реальная история гибели короля и королевства остроготов, весьма скупо описанная его современником Аммианом Марцеллином (XXXI.3.1), начинает перерастать в популярный сюжет германского героического эпоса.

§ 1. Свидетельство Иордана о росомонах

Иордан дает росомонам сжатую, но крайне негативную характеристику — “Rosomonorum gens infida” («коварный род росомонов»). Братья-росомоны, замыслившие отомстить за смерть своей сестры Сунильды, подвергнутой страшной казни, поразили короля Эрманариха в бок мечом. Из-за нанесенной раны он «влачил жизнь больного». Узнав об этом недуге, король гуннов Баламбер двинулся войной на остроготов. В результате, по словам Иордана, страдающий от раны, постаревший и одряхлевший Эрманарих, не перенес гуннских набегов, скончался на сто десятом году жизни (Get., 130). Вместе с ним под ударами гуннов рухнула и его держава. По мнению большинства современных историков, это событие могло произойти в 375 или 376 г. Итак, помимо внешнего врага — гуннов, Иордан назвал конкретных виновников гибели короля среди «своих» — росомонов, положивших начало великим бедствиям его предков-остроготов. Среди исследователей практически нет расхождений в вопросе об источнике сведений Иордана (или его предшественников Аблабия и Кассиодора) о мести росомонов и гибели Эрманариха. В качестве такового они единодушно указывают на устно передаваемое героическое сказание¹. Сам Иордан оставил интересней-

¹ See K. Germanische Heldensage: Stoffe, Probleme, Methoden. Frankfurt a/M., 1971. S. 61; Вольфрам Х. Готы. От истоков до середины VI века (опыт исторической

шие свидетельства о древних готских песнях с припевами в сопровождении кифар, в которых воспевались славные деяния предков «как бы наподобие истории» (Get., 28, 43). Скорее всего, именно они, а не свидетельства историков, вроде Аммиана Марцеллина послужили Иордану главным источником рассказа о гибели Эрманариха. Несмотря на явно эпическую оболочку, в этом рассказе еще узнаваемы некоторые исторические факты (гуннское нашествие, измена в окружении короля из-за его самоуправства, сам образ одряхлевшего правителя). Однако под пером Иордана они уже прочно спаялись с эпическим вымыслом.

Иордан изложил историю гибели Эрманариха спустя почти 200 лет после описанных им событий. Здесь в «Гетике» в первый и последний раз встречается имя загадочных росомонов. Укажем, что они больше не упоминаются ни в одном из известных исторических источников. В рукописях сочинения Иордана они чаще всего читаются как “rosomonogum gens” (Gen., pl. от лат. “rosomoni”). Рукопись «Гетики» Hs. V дает “rosomonarum”, а рукопись Z — “rosimanogum”. Один раз встречающаяся форма “rosomogum” в Hs. L. вне сомнения является результатом ошибки переписчика².

Иордан именует росомонов “gens”. В зависимости от контекста это слово в поздней латыни могло означать и «народ», и «племя», и «род», и «катеорию». Суммируя мнения исследователей по этому вопросу, Х. Кастрициус допускает, что за словосочетанием “gens Rosomonarum” мог скрываться и народ, и народность, и воинский союз, и знатный род³. Однако в интересующем нас месте “gens”, скорее всего, употребляется в последнем, родовом значении, когда речь идет не о большой этнической общности, а о кровном родстве сестры и двух братьев⁴.

Помимо самого названия «росомоны» историком приведены три имени представителей этого рода: Сунильды (“Sunilda”), Сара (“Sarus”) и Аммия (“Ammius”) — основных персонажей сказания о смерти Эрманариха. Упоминается и муж Сунильды — то ли ее супруг, изменивший королю, то ли супруг, ставший жертвой ее супружеской неверности. К сожалению, Иордан не называет его имени. Исследователи допускают, что им мог быть везиготский вождь (по Иордану) Алатей (“Alatheus”), который увел часть соплеменников к Дунаю⁵. Однако в контексте древнегерман-

этнографии). СПб., 2003. С. 58—59; Жукин М.Б. Готский путь (готы, Рим и Черняховская культура). СПб., 2005. С. 225.

Neumann G. Rosomonen. § 1. Der Name // RGA. 2003. Bd. 25. S. 353.

³ Castritius H. Rosomonen. § 2. Historisches // RGA. 2003. Bd. 25. S. 356.

⁴ Анфертьев А.Н. Иордан // Свод древнейших письменных известий о славянах (I—IV вв.) / Под ред. Л.А. Гиндина, Г.Г. Литаврина. М., 1994. Т. 1. С. 103, 155. Várady L. Das letzte Jahrhundert Pannoniens (376—476). Budapest, 1969. S. 218; Буданова В.П. Готы в эпоху Великого переселения народов. М., 1990. С. 135.

ских саг, в которых получил дальнейшее развитие этот сюжет, нельзя исключать и того, что супругом Сунильды был сам король Эрманарих. Правда, этому явно противоречит фраза Иордана “*quondam mulierem*” («некую женщину»), поставленная перед именем росомонки⁶. Вряд ли так Иордан мог называть Сунильду, если бы она на самом деле была королевой. Хотя сама расправа с Сунильдой, которую разорвали кони, это типичное средневековое наказание именно за супружескую измену.

Кроме вышеназванных сведений в распоряжении исследователей нет каких-либо других независимых данных, которые послужили бы ключом к раскрытию проблемы росомонов, исходя из текста «Гетики» Иордана. Как представляется, эта проблема имеет две стороны: филологическую (происхождение и значение этнонима «росомоны») и историческую (этническая, социальная или иная принадлежность росомонов).

В отличие от историков лингвисты, исследовавшие происхождение термина и значение имени росомонов, стремятся оперировать конкретными языковыми фактами, а не общеисторическими аргументами. Однако и в их работах наблюдается удивительный разнобой в понимании имени росомонов, заставляющий еще раз вспомнить известную истину — число этимологий обратно пропорционально степени их достоверности. Название росомонов — явно сложносоставное. У исследователей, принадлежащих к различным национальным школам, не вызывает сомнений понимание второй его части — “*moni*”, поскольку она входит в состав ряда древнегерманских этнонимов: “*markomanni*”, “*alamanni*”, “*nordmanni*”. Хорошо известно, что в германском именослове в социальном плане весьма часто встречается компонент “*mann*” (муж, человек). Эту часть имени росомонов можно однозначно прочесть как «мужи», «люди». Тогда это имя значит что-то вроде «люди рос» по аналогии, например, с норманнами — «людьми севера».

Однако камнем преткновения является первая часть “*ros-*”, явно указывающая на принадлежность этих «мужей» к чему-то или к кому-то. По поводу значения этого слова в литературе можно найти широкий спектр гипотез, от в той или иной степени научно аргументированных до чисто дилетантских. Большинство из них строятся на основе т.н. смешанной системы доказательств, когда в одну корзину сваливаются и данные лингвистики, и данные истории, и данные археологии. В этническом плане в росомонах видят иранцев-роксолан (иногда просто алан), славян (русов, антов), германцев (готов, герулов, ругов, бургундов и др.). Для того чтобы попытаться выйти на наиболее продуктивный путь решения проблемы, кратко рассмотрим основные гипотезы о принадлежности росомонов, сформулированные в отечественной и зарубежной науке.

⁶ Анфертьев А.Н. Указ. соч. С. 157.

§ 2. Росомоны — «роксоланы»

Впервые в отечественной науке на рассказ Иордана о гибели Эрманариха в результате измены росомонов обратил внимание М.В. Ломоносов⁷. В споре с норманистами особый интерес у него вызвала основа «рос» в имени росомонов, подобная началу часто встречающегося в античных источниках названия сарматского племени роксоланов. Последних он считал частью народа аланов, обитавших по берегам Ра (Волга). По созвучию слов М.В. Ломоносов отождествил эти этнонимы. При этом «росомонов/роксолан» он рассматривал как предков славян. Справедливости ради надо напомнить, что М.В. Ломоносов не был первым ученым, сопоставившим античный этноним «роксоланы» со средневековой «Русью». Своими корнями эта идея восходит к еврейской географической традиции эпохи Возрождения именовать Россию Роксоланией.

Тем не менее, сформулированной М.В. Ломоносовым «роксоланской гипотезе» в отечественной науке была суждена долгая жизнь. В различных модификациях ее придерживались русские историки-антинорманисты XIX в., в частности, Д.И. Иловайский⁸. Пересказывая историю Сара и Аммия, смертельно ранивших Эрманариха, он даже заменил подлинное имя росомонов, известное только из «Гетики» Иордана, на искусственно сконструированных им «россоланов». Подобная «методика» сильно дискредитировала и затруднила⁹, но, как показала история, вовсе не остановила поиск в этом направлении. В частности Ф. Дан писал, что история о роксоланских князьях, ранивших короля в своей основе являлась героической сагой, призванной украсить тригическую кончину Эрманариха¹⁰. Г.В. Вернадский полагал, что название росомонов в описании Иордана, если оно не искажено устной традицией, является другой формой произношения имени роксоланов¹¹. По его мнению, изначально рух могло на некоторых местных диалектах звучать как рос, росс или русь. Эту весьма дилетантскую «иранскую» этимологическую версию и сопоставление основ «рос» и «рус» трудно назвать научной гипотезой. Как ее вариант можно оценить и идею О. Менчен-Хелфена о том, что росомонами могли быть и аланы

⁷ Ломоносов М.В. О происхождении и древности россов, о переселениях и делах их // Он же. Полное собрание сочинений. М.;Л. 1952. Т. VI. С. 212, 232, 235.

⁸ Иловайский Д.И. Начало Руси. М., 2003. С. 90.

⁹ Трубачев О.Н. INDOARICA в Северном Причерноморье: реконструкция реликтов языка. М., 1999. С. 57.

¹⁰ Dahn F. Urgeschichte der germanischen und romanischen Völker. B., 1881. Bd. S. 230.

¹¹ Вернадский Г.В. Древняя Русь. М., 2000. С. 170—175.

участники событий, в результате которых пала держава Эрманариха¹². Правда, он считал это предположение недоказуемым и поэтому как-либо его не аргументировал.

Вопрос о росомонах и «Руси» более семидесяти лет назад в традиционном для отечественной историографии духе был рассмотрен М.И. Артамоновым¹³. Тогда же иранист В.И. Абаев обратил внимание на осетинское слово “*mojnæ*” — «муж», допуская, что вторая часть имени росомонов может иметь не германскую, а местную иранскую, сармато-аланскую основу с тем же значением «мужи»¹⁴. В то время дальше всех пошел А.Д. Удальцов, высказавший предположение, что росомоны Иордана — это другое название «южной ветви восточных (русских) славян-антов», в которую входили и роксоланы¹⁵. Он отождествлял эти два различных этнонима до такой степени, что прямо писал об антах-росомонах. Антов и росомонов в начале 50-х гг. XX в. сближал и П.Н. Третьяков, правда, более осторожно, чем А.Д. Удальцов¹⁶. По поводу правомерности их сближения напомним, что Иордан знает и росомонов, и антов (*Get.*, 43. 246). Судя по всему, и эти последние, как и их предки-венеты (*Get.*, 119), находились в подчинении у готского короля. Но в отличие от мнения А.Д. Удальцова и ряда других российских, а также украинских историков в повествовании Иордана росомоны и анты не только не отождествляются, но никогда и нигде даже не соприкасаются. Да и свидетельства о тех и других явно восходят к различным источникам.

Иранское начало в древнейших этнонимах с корнем «рос» предполагал и В.В. Седов, правда, без какой-либо особой аргументации¹⁷. Судя по всему, он исходил из своего этнического определения черняховцев как антов, при этом считал последних изначально ираноязычным населением¹⁸. Позже он несколько изменил свою точку зрения, допуская вслед за О.Н. Трубачевым возможность происхождения интересующего нас этнонима из индоарийских языков¹⁹. Иранскую принадлежность имен трех росомонов Сунильды, Сара и Аммия попытался доказать и А.Н. Карсанов²⁰. Против иранских корней в названии «Руси» и в эт-

¹² *Maenchen-Helfen O.* Die Welt der Hunnen. Wien;Köln;Graz, 1978. S. 17.

¹³ Артамонов М.И. Спорные вопросы древнейшей истории славян и Руси // КСИИМК. 1940. Вып. VI. С. 13.

¹⁴ Абаев В.И. Осетинский язык и фольклор. М.;Л. 1949. С. 172.

¹⁵ Удальцов А.Д. Основные вопросы этногенеза славян // СЭ. 1947. Вып. VI—VII. С. 13.

¹⁶ Третьяков П.Н. Восточнославянские племена. М., 1953. С. 145—147, 207, 208, 214.

¹⁷ Седов В.В. Восточные славяне в VI—XIII вв. (Археология СССР). М., 1982. С. 111.

¹⁸ Седов В.В. Происхождение и ранняя история славян. М., 1979. С. 98—100.

¹⁹ Седов В.В. Славяне в древности. М., 1994. С. 278—279.

²⁰ Карсанов А.Н. Об этнической принадлежности росомонов // Имя — этнос — история. М., 1989. С. 25—31.

нонимах «роксоланы» и «росомоны» вполне определенно высказал лингвист О.Н. Трубачев. Он показал, что осетинское рухс в языках сарматов и аланов звучало бы как раухшна. Поэтому названия с основой русь/рос отсюда объяснить нельзя²¹. А.Г. Кузьмин в поисках истоков Руси не обделил вниманием росомонов, которых он считал остатками иранских племен Северного Причерноморья²². По его мнению, они вновь выходят на арену истории во время правления готского короля Эрманариха под именем росомонов, а также упоминаемых тем же автором рогов/ругов. В полемике с немецкими учеными исследователь подчеркнул, что само название этого племени и имена трех его представителей свидетельствуют о реальности существования росомонов. Правда, он локализовал их весьма противоречиво: то где-то на Тамани, по соседству с синдами и меотами, то предлагал искать их в рамках черняховской культуры на Украине²³. Вполне вероятно, что после падения Остроготского королевства они остались в Причерноморье. А.Г. Кузьмин допускал возвышение уцелевших росомонов Крыма и Тамани в эпоху Раннего Средневековья, что, на его взгляд и привело к распространению этого этнонима на другие племена в форме «Россия» и «росы»²⁴. В очередной раз этот исследователь попытался связать росомонов с «Русью» наших летописей, основываясь на сходстве обычаев славянской руси-полян и таких племен, как аланы и скифы. По поводу последнего аргумента следует заметить, что, к сожалению, наш единственный источник Иордан не сообщает ничего конкретного об образе жизни росомонов, а в обычаях полян, с одной стороны, и ранних кочевников, тех же алан Аммиана Марцеллина, с другой, обнаруживается больше различий, чем сходства.

Последний вариант «роксоланской гипотезы» можно найти в книге Е.С. Галкиной²⁵. В основных чертах она повторяет наработки предшественников, исходивших из иранской этимологии имени росомонов. Исследовательница полагает, что североиранская принадлежность росомонов более вероятна и связывает их потомков с т.н. причерноморскими «русами» Подонья — Приазовья, которые были известны раннесредневековым арабским авторам в форме ар-рус. Однако основанием для заключения об ираноязычии последних служит лишь предположение А.П. Новосельцева²⁶, да их созвучие с названием северо

²¹ Трубачев О.Н. Указ. соч. С. 123.

²² Кузьмин А.Г. Начало Руси: Тайны рождения русского народа. М., 2003. С. 152–162, 251.

²³ Там же. С. 162, 263.

²⁴ Там же. С. 267.

²⁵ Галкина Е.С. Тайны Русского каганата. М., 2002. С. 254—260.

²⁶ Новосельцев А.П., Пашуто В.Т. Восточные источники о восточных славянах

кавказского племени Рухсас, возводимого некоторыми историками к древним роксоланам Северного Причерноморья²⁷. По мнению Е.С. Галкиной, именно они стали основным этносом в формировании Русского каганата VIII—IX вв. в лесостепном междуречье Дона и Донца. Отметим, что концептуально точка зрения Е.С. Галкиной восходит к идеям Д.Т. Березовца, Д.Л. Талиса, О.Н. Трубачева о Причерноморской или Приазовской Руси, в которой якобы определяющую роль играл старый иранский (или индоарийский) этнический элемент.

В последние десятилетия проблеме роксолан — росомонов небольшое внимание уделили и украинские ученые. Лингвист О.С. Стрижак привел свои соображения о возможной связи предков росов и роксолан. Он высказался за возможность перехода иранского этнонима «роксоланы» в имя росомонов у Иордана, а от них к «роси»²⁸. Украинский историк Ю.В. Павленко также попытался связать сарматов-роксолан с иордановыми росомонами²⁹. По его гипотезе в первых веках н.э. в Поднепровье сложилось сильное славяно-сарматское объединение «Роксолания», которое контролировало якобы не только практически всю территорию Левобережной Украины, но и лесостепное междуречье Днестра и Дуная (заметим, в античную эпоху оно не известно ни одному из авторов и впервые появляется только в ученых сочинениях эпохи Возрождения для обозначения России). По его мнению, через черняховскую культуру III—IV вв. славянизированные (?) роксоланы могут быть увязаны с росомонами Иордана. Среднеднепровскую группу сарматов отнес к роксоланам и О.В. Комар, поддерживавший идею связи последних с росомонами³⁰. Правда, позже после более детального изучения письменных, археологических и лингвистических материалов он вынужден был отказаться от этой гипотезы в виду ее «полной научной бесперспективности»³¹. Пример современного усложненного варианта иранской гипотезы можно найти в научно-популярных работах В.А. Абакумова³². На его взгляд, росомоны сложились в этнополитическую единицу ещё в дочерняховский период (I—II вв.), в процессе взаи-

Руси VI—IX вв. // Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965. С. 408.

²⁷ Гутнов Ф.Х. Генеалогические предания осетин как исторический источник. Орджоникидзе, 1989. С. 47.

²⁸ Стрижак О.С. Етніонімія Птолемеєвої Сарматії. К., 1991. С. 78—80.

²⁹ Павленко Ю.В. Передісторія давніх русів у світовому контексті. К., 1994. С. 251—254.

³⁰ Комар О.В. Роксолани: історія та проблематика // Академія. 1994. №4. 1. С. 40—46.

³¹ Комар О.В. Сармати Поросся та «південна» гіпотеза походження Русі // Vita Antiqua. 1999. №1. С. 81—88.

Абакумов А.В. Предыстория Руси (1200 лет Руси) // Наследие предков. 2000. №4. С. 5—9.

модействия местного «савромато-поставхатского» населения и одной из пришлых групп собственно росиев — сарматов — аорсов. В «черняхолдний» же период своего существования (III—IV вв.) росомоны функционировали как окраинный, северо-восточный компонент Рейдготии (эпическое название страны остроготов). В.А. Абакумов утверждает, что росомоны сохраняли, по-видимому, свой скифо-сарматский диалект и иранские собственные имена (Сар, Амгий). Германизация носителей пограничного северско-донецкого варианта черняховской культуры в тот период была непродолжительной и весьма поверхностной. Затем оказавшись где-то во второй четверти VI в. в антском этнополитическом союзе «народ рос» (росомоны) постепенно славянизировался.

Как мы видим, если отбросить наукообразную терминологию, и эта гипотеза строится на более чем шатких, иногда откровенно фантастических основаниях. В основу ее конструкции положены этнонимы, носителей которых никогда не было в Поднепровье (что стоит только сконструированный псевдоэтнос «савромато-поставхатское население?»), связь же между остальными достоверно не прослеживается.

Итак, и российская и украинская наука к концу XX в. фактически вынуждена была вернуться к авторитетному заключению Е.Ч. Скржинской, высказанному полвека назад: «Сводить росомонов к исторически засвидетельствованным роксоланам (Страбон, Птолемей, Иордан) нет оснований»³³. Еще более жесткую оценку «роксоланская гипотеза» получила в комментариях А.Н. Анфертьева к переводу «Гетики» Иордана³⁴. Против отождествления роксоланов и росомонов, на наш взгляд явственно свидетельствует еще один, незамеченный исследователями факт. Иордан, знакомый с сочинениями Страбона (*Get.*, 12), Помпония Мелы (*Get.*, 16), Корнелия Тацита (*Get.*, 12), Помпея Трога (*Get.*, 48, 61) Клавдия Птолемея (*Get.*, 16-19) и других античных авторов первых веков н.э., не мог не обратить внимания на часто встречающийся у них этноним «роксоланы». Более того, он его знает в форме «*aroxolani*» и указывает, что последние тогда обитали к востоку от Дакии (*Get.*, 74). Из этого факта можно сделать заключение, что в отличие от современных исследователей имя роксоланов не вызывало у Иордана никаких ассоциаций с росомонами. Между тем хорошо известно, сколь важную роль в творческой «кухне» готского историка играли сопоставления основанные на созвучии, как правило, далеко не полным, различным этнонимов. Достаточно вспомнить хрестоматийный факт — подмену Иорданом (или его предшественниками) имени древнего народа гетов его соотечественниками-готами.

³³ Скржинская Е.Ч. Указ. соч. С. 281.

³⁴ Анфертьев А.Н. Указ. соч. С. 155.

§ 3. Росомоны — «славяне-росы»

В исходной части эта гипотеза близка «роксоланской», но акцентирует внимание на славянстве носителей этнонимов с начальным корнем рос. В отечественной науке уже почти два с половиной столетия доминирует точка зрения, что росомоны Иордана — это одно из самых ранних упоминаний приднепровских славян со значением «люди рóсы». Как уже указывалось, она была ясно сформулирована М.В. Ломоносовым в гл. IX его исторического сочинения «О происхождении и древности россов, о переселениях и делах их»³⁵. Справедливости ради следует напомнить, что именно он первый обратил внимание на сходство звучания основы «рос» и названия р. Рось в Правобережье Днепра, многократно повторенное его последователями в XIX—XX вв. Точка зрения основоположника российской науки оказалась наиболее привлекательной и для советских ученых. По существу она легла в основу т.н. «южной гипотезы» происхождения Руси.

Как уже указывалось, еще в начале XX в. германский востоковед Й. Маркварт обратил внимание на имя народа “Hros” у сирийского автора VI в. Псевдо-Захария Ритора³⁶. Он первый попытался научно обосновать связь этого библейского по происхождению названия с росомонами Иордана, но в них он видел германское племя. Через сорок лет идея Й. Маркварта была подхвачена Н.В. Пигулевской, сопоставившей народ “Hros” упомянутый в «Церковной истории» Псевдо-Захария, с летописной Русью³⁷. Вскоре эта гипотеза приобрела характер весьма жесткой концепции, доминировавшей в советской науке фактически до конца XX в.

Для ее утверждения много сделал Б.А. Рыбаков, придававший особое значение племени росомонов Иордана в древнерусском этногенезе³⁸. С ними он связал «ядро будущей русской народности»³⁹. Вслед за Н.В. Пигулевской Б.А. Рыбаков сопоставил этот этноним со свидетельством Псевдо-Захария о народе “Hros” и с приднепровским гидронимом Рось⁴⁰. В его понимании в готской и аланской среде слово «росомоны» означало «люди рос»⁴¹ и, скорее всего, они уже были славянами⁴².

³⁵ Ломоносов М.В. Указ. соч. С. 212.

³⁶ Marquart J. Op. cit. S. 384.

³⁷ Пигулевская Н.В. Сирийские источники по истории народов СССР. М.;Л., 1941. С. 84, 165—166.

³⁸ Рыбаков Б.А. К вопросу об образовании древнерусской народности // Тез. докладов и выступлений сотрудников ИИМК АН СССР. М., 1951. С. 15—22.

³⁹ Рыбаков Б.А. Древние русы // СА. 1953. Вып. XVII. С. 95—96, 100.

⁴⁰ Пигулевская Н.В. Указ. соч. С. 84, 166.

⁴¹ Рыбаков Б.А. Язычество Древней Руси... С. 38—39.

⁴² Рыбаков Б.А. Историзм «Слова о полку Игореве». К 800-летию «Слова о полку Игореве» // История СССР. 1985. № 5. С. 41—42.

По заключению академика, росомоны изначально обитали в киево-росском регионе, а затем заселили район Днепровской Луки и порогов. Проживая по соседству с подданными Эрманариха, росомоны в своих интересах должны были поддерживать нормальные мирные отношения с готами и, возможно, как-то оплачивали этот мир или платили им проездные пошлины, что Иордан представил читателям как подвластность готам. Так из одного имени росомонов под пером Б.А. Рыбакова родилась целая история взаимоотношений славян-росомонов и готов, с которой собственно и начиналась история Руси: роксоланы — росомоны = «народ рос» — р. Рось — народ “Hros” Псевдо-Захария Ритора — византийский этноним “ρωζ” и, наконец, летописная «Русь».

Однако нельзя не заметить, что между ее ключевыми звеньями вместо строгих научных доказательств мы находим лишь ряд допущений, на что неоднократно обращалось внимание ранее⁴³. Да и практически каждое звено указанной выше цепочки базируется не на твердо установленных фактах, а на частной гипотезе, в свою очередь нуждающейся в верификации. Достаточно напомнить хотя бы один факт — древней летописной формой написания названия р. Рось была Ръсь, а жители ее берегов назывались не росы/русы, а поршане⁴⁴. Существование особого славянского племени русов в правобережье Днепра исторически не доказуемо и не подтверждается данными каких-либо источников. Таким образом, исчезает главное основание для сопоставления имени иордановых росомонов, гипотетических росов и летописной Руси.

Известный киевский археолог и историк М.Ю. Брайчевский считал, что этническая природа росомонов остается спорной, однако контекст, в котором они упомянуты, позволяет полагать, что у Иордана имеются в виду восточные славяне⁴⁵. Исследователь исходил из того, что источник, упоминающий росомонов, датируется VI в., т.е. эпохой, когда процесс формирования славянской Приднепровской Руси уже проявил себя в достаточной степени. Однако заметим, у Иордана росомоны упоминаются в связи с событиями иной эпохи — времени гибели королевства Эрманариха, когда этнокультурная ситуация на юге Восточной Европы была совсем другой, нежели в VI в.

Не вдаваясь в подробный анализ весьма многочисленных работ российских⁴⁶ и украинских археологов-славистов, отметим лишь, что для одних из них росомоны Иордана — это одна из групп носителей черняховской культуры IV в., населявшая Среднее Поднепровье, в особенно

⁴³ Данилевский И.Н. Древняя Русь глазами современников и потомков (IX—XII вв.). М., 2001. С. 53—56.

⁴⁴ Агеева Р.А. Страны и народы: происхождение названий. М., 1990. С. 137.

⁴⁵ Брайчевский М.Ю. «Русские» названия порогов у Константина Багрянородного // Земли Южной Руси в IX—XIV вв.: История и археология. К., 1985. С. 19—30.

сти бассейн р. Рось. Другие археологи связывали носителей этнонимов с корнем «рос» с племенами пеньковской культуры VI—VII вв. Третьи предлагали, видеть в этом имени лишь другое название праславян-венетов или антов.

К настоящему времени обоснованно отвергнуты как несостоятельные попытки возвести летописное название «Русь» непосредственно к росомонам Иордана. А значит, отпал главный «ретроспективный» аргумент в пользу их славянской принадлежности. Как представляется, он носил не столько научный, сколько идеологический и политический характер — во что бы то ни стало доказать исконность и славянскую принадлежность «Руси» и этноса ее носителей. О неславянской принадлежности племени росомонов весьма аргументированно писал О. Йричек еще более ста лет назад⁴⁶. Да и, судя по звучанию имен у Иордана, росомоны — Сунильда, Сар, Амми — не были славянами. В XX в. зарубежные и отечественные филологи неоднократно обращали внимание историков на то, что чередование звуков О/У и Ъ/У, позволявшее историкам легко выводить «русь» из основы «рос», в восточнославянских диалектах практически невероятно⁴⁷. Против «росомонских» корней Руси в последнее время весьма аргументировано выступил И.Н. Данилевский, акцентировавший внимание на том, что эта гипотеза строится на омонимии вышеназванных этнонимов, имеющих разное происхождение⁴⁸. Он еще раз напомнил, что между историческими свидетельствами о роксоланах, росомонах, с одной стороны, и «Русью», с другой, зияет лакуна почти в целое полутысячелетие. Ее не удастся сколь-нибудь убедительно заполнить ни археологическим, ни лингвистическим материалом достоверно славянской принадлежности.

§ 4. Росомоны — германцы

С первых публикаций «Гетики» Иордана немецкие исследователи чаще всего видели в росомонах одно из восточногерманских племен, подчиненных Эрманариху. Расхождения касались лишь этимологии их этнонима, а также определения племенной принадлежности. Росомонов относили к готам, герулам, ругам, а также к другим германским племенам. Как уже указывалось, еще сто лет назад Й. Маркварт сопоставил имя “Hros” у Захария Ритора с иордановыми росомонами. В последних он видел германское племя, мигрировавшее вместе с готами из Скандинавии.

⁴⁶ Jiriczek O.L. Deutsche Heldensagen. Strassburg, 1898. Bd. 1. С. 61.

⁴⁷ Ковалев Г.Ф. Еще раз о происхождении этнонима «Русь» // Acta baltico-slavica. 1992. № 17. С. 131—145.

⁴⁸ Данилевский И.Н. Указ. соч. С. 55—56.

динавии и осевшее в причерноморских степях. Исследователь допускал их принадлежность к герулам⁴⁹. В зарубежной историографии XX в. эта гипотеза является едва ли не самой популярной. Ее разделяют такие современные ученые как Хервиг Вольфрам⁵⁰, Отто Гшвантлер⁵¹, Хакон Станг⁵², Бернд Бельцер⁵³ и др. Расхождения начинаются лишь при попытке установить значение самого этнонима росомонов и производную от него конкретную племенную принадлежность. Попробуем суммировать основные результаты изучения проблемы росомонов в рамках «германской» гипотезы.

Немецкие исследователи практически единодушны в том, что из контекста Иорданова рассказа нельзя установить к какой языковой группе принадлежали росомоны. Однако имя главного женского персонажа — Сунильды уверенно определяется как германское (гот. “*Swōnahildis”, др.-сканд. “Svanhildrs”)⁵⁴. Также и имена ее братьев — Сара и Аммия большинство немецких лингвистов возводят к древнегерманским основам. Они обратили внимание и на то, что Сунильда, Сар и Аммий в слегка измененной форме еще долго сохранялись в именном континууме раннесредневекового германского эпоса.

Уже более ста лет первую часть имени росомонов немецкие и австрийские ученые (Т. Гринбергер, С. Гутенбруннер, О. Гшвантлер и др.) чаще всего возводили к др.-в.нем. цветообозначению “rosamo”/“rosomo” — слову, которое употреблялось для передачи различных оттенков красного цвета. Дополнительно они ссылались на упоминание т. н. «красных германцев» у античных авторов. Исходя из этой гипотезы, О. Гшвантлер считал возможным видеть в росомонах союз германских воинов, красящих волосы в красный цвет⁵⁵. В последнее время эту гипотезу попытался всесторонне обосновать норвежский историк Х. Станг⁵⁶. Он считает, что росомоны Иордана поддаются такой же этимологизации как и герулы («быстрые»), и напоминает об обычае ритуального окрашивания волос красным цветом перед вступлением в бой. Но Х. Станг явно ошибается, приписывая Иордану несуществующее свидетельство, что росомонская жена Эрманариха Сунильда окрашивала себе волосы, за что король убил ее самым жесто-

⁴⁹ Marquart J. Op. cit. S. 384.

⁵⁰ Вольфрам Х. Указ. соч. С. 20, 59, 133.

⁵¹ Gschwantler O. Heldensage in der Historiographie des Mittelalters. Wien, 1971.

⁵² Станг Х. Указ. соч. С. 119—147.

⁵³ Belzer B. Wandel und Kontinuität: zur Entstehung der ältesten Ermanarichsage und ihrer Wanderung nach dem Norden. Regensburg, 1993. S. 43.

⁵⁴ Neumann G. Rosomonen. § 1. Der Name // RGA. 2003. Bd. 25. S. 353—355.

⁵⁵ Gschwantler O. Zum Namen der Rosomonen und an Jonakr // Die Sprache. Wiesbaden;Wien, 1971. № 17. H. 2. S. 164—176.

⁵⁶ Станг Х. Указ. соч. С. 119—147.

ким образом⁵⁷. Наконец, в 1978 г. шведский историк С. Сёзерлинд предположил, что уцелевших от гуннского нашествия готов их славянские соседи называли «русь» (др.-сл. «руд(у)», «рус(у)»), т.е. просто «русые», откуда, по его мнению, и росомоны — «русые»⁵⁸.

Недавно Г. Нойман вслед за С. Бутге склонился к иной интерпретации «красноты» росомонов, которую они считали семантически взаимосвязанной с их коварным поведением, неверностью королю Эрманариху (“Rosomonogum gens infida”). В подтверждение этой точки зрения он приводит ряд свидетельств из германской средневековой традиции о бытующем в народе недоверии к «красным» («рыжим»), собранных Е. Швентнером еще почти сто лет назад⁵⁹. По его мнению, этот цвет в различных древнегерманских языках маркировал смертельный страх и ужас. В этом смысле росомоны могло быть германским иноназванием враждебного готам племени или рода.

Другие немецкие исследователи предлагают иные этимологии начального корня в имени росомонов, например, от др.-герм. “Ross” — «конь» + “mann” — «человек». В свое время с несущественными оговорками ее принял О.Н. Трубачов, также увидевший в имени росомонов слово *gos* «конь» + аланское “*mojne*” «человек»⁶⁰. Сторонники «конской» гипотезы полагают, что росомоны могло быть эпическим именем, обозначающим «людей на конях», «конников». Реже в имени росомонов лингвисты видят «защитников лошадей» — от “(h)ros-mund”, по странной логике вспоминая, что Сунильда/Сванхильд была разорвана дикими лошадьми. У немецких филологов естественно не получила поддержки «роксоланская гипотеза». О. Гшвантлер вслед за С. Бутге отклонил идею какой-либо лингвистической связи между этнонимами росомонов и народа всадников-роксолан⁶¹.

Более чем спорной признается этимология имени росомонов у Т. Принбергера из гот. “*brusamo” — «ледовые люди» (“Eismänner”), а также у Р. Кёгеля из “*brausimuni” — «сильные духом», «храбрые». Этимология росомонов из “*rūsamuna” — «люди с буйным нравом», предложенная В. Штейнхаузером⁶², была поддержана Б. Бельцером, который

⁵⁷ Там же. С. 127.

⁵⁸ *Söderlind S.* Rysernas rike. Till frågan om det Östslaviska rikets uppkomst. Stockholm, 1978.

⁵⁹ *Schwentner E.* Eine sprachgeschichtliche Untersuchung über den Gebrauch und die Bedeutung der altgermanischen Farbenbezeichnungen (Doctoral Dissertation). Göttingen, 1915.

⁶⁰ *Трубачев О.Н.* Из славяно-иранских лексических отношений // Этимология. 1965. М., 1967. С. 11.

⁶¹ *Gschwantler O.* Op. cit. S. 165—166.

⁶² *Neumann G.* Op. cit. S. 355.

видит в них герулов⁶³. Некоторые лингвисты объясняют название росомонов гот. “gaus” — «камыш»⁶⁴.

Наконец существует гипотеза, возводящая имя росомонов к слову “rotsmenn” — «гребец», «моряк». Однако ни рассказ Иордана, ни позднейшие древнегерманские саги не содержат даже малейшего намека на связь росомонов с морем, если не считать свидетельства в *Get.*, 117, что герулы-эрулы (но не росомоны!) обитали в болотах и топких местах, откуда и получили свое имя от “(h)ele” — «болото», в связи с их местожительством у Меотиды с ее камышовыми берегами.

В поисках истоков Руси Д.А. Мачинский предложил обратиться к готскому периоду и естественно не мог пройти мимо росомонов Иордана⁶⁵. Он попытался объяснить эти два названия как варианты одного и того же скандинавского этнонима. По его предположению, прибалтийские финны уже в первые века н.э. называли скандинавов “ruotsi”, “rots” («дружина»). Однако в столь раннее время этот финский термин еще нигде достоверно не зафиксирован. К тому же, как уже отмечалось, большинство лингвистов считают, что рус и рос имеют совершенно различные корни, несопоставимые между собой⁶⁶.

К германцам недавно отнесли росомонов А.Н. Уманец и Ю.Ю. Шевченко, они даже попытались найти им археологический эквивалент, но, кажется не очень удачно⁶⁷. Они предложили связать росомонов с носителями зарубинецкой и почепской культур первой четверти I тыс.

На первый взгляд, весьма оригинальный вариант германо-славянской гипотезы предложил Л.Н. Гумилев. По его мнению, по происхождению росомоны являлись германцами-скандинавами ранней волны. Он склонялся к мысли признать росомонов за группу ругов и считал их маргинальным германским племенем⁶⁸. Росомоны-руги отличались воинственностью и кормились военной добычей, но как вандалы и анты, были не в ладах с готами. По Л.Н. Гумилеву, росомоны ушли от гуннов не на Дунай, вместе с прочими готами, а на Днепр. Их отношения со славянами были сложными и лишь постепенно они слились в единый древнерусский этнос. Но в III—IV вв. они были только союз-

⁶³ Belzer В. Op. cit. S. 41—43.

⁶⁴ *Ulfilas Moeso-Gothorum Episcopus. Die Gotische Bibel / Hrsg. von W. Streitberg.* Heidelberg, 1928. Bd. II. Gotisch-griechisches-deutsches Wörterbuch. S. 110.

⁶⁵ Мачинский Д.А. О месте Северной Руси в процессе сложения древнерусского государства и европейской культурной общности // *Археологические исследования Новгородской земли.* Л., 1984. С. 5—12.

⁶⁶ Агеева Р.А. Указ. соч. С. 118—120.

⁶⁷ Уманец А.Н., Шевченко Ю.Ю. Причерниговские памятники начала эпохи Великого переселения народов // *Архітектурні та археологічні старожитності Чернігівщини.* Чернігів, 1992. С. 30—40.

⁶⁸ Гумилев Л.Н. Ритмы Евразии: эпохи и цивилизации. М., 1993. С. 490—491.

никами, ибо их общими врагами были готы. Оценивая весьма смелую гипотезу Л.Н. Гумилева, следует признать, что кроме последнего факта (вражды с готами, а точнее — с их королем) она не имеет сколь-нибудь надежных оснований в источниках. Нам ничего не известно о происхождении росомонов, как впрочем, и об их уходе на Днепр, не говоря уж о последующем слиянии со славянами. Последние предположения ученого носят чисто умозрительный характер и приведены с целью обосновать его авторскую концепцию происхождения Руси.

Не так давно О.В. Шаров рассмотрел две гипотезы происхождения названия росомонов. Первая по существу предлагает вернуться к предположению Ф. Брауна, возводившему происхождение корня "ros-" от гот. "hrod-hrop" в греческой огласовке, когда "h" не передается, а "d/p" переходит в "s"⁶⁹. В качестве второго варианта гипотезы он приводит также весьма старую точку зрения, что за основой "ros-скрывается эпический топоним "Rosmofjoll" («Красные холмы»), упомянутый в 17-ой строфе «Песни об Атли». В этом случае этноним "rosomoni" мог означать букв. «люди местности Ros». В германском эпосе «Красные холмы» располагаются где-то на берегах Рейна, на территории бургундов. Это обстоятельство, а также совпадение функций мстителей-росомонов у Иордана и бургундов из эпического рода Гьюки позволило О.В. Шарову высказать предположение о тождестве тех и других, т.е. росомоны — это просто другое название германского племени бургундов⁷⁰.

Иногда росомонов рассматривали как один из знатных готских кланов типа королевских родов Балтов и Амалов⁷¹. Но и это предположение не находит прямого подтверждения в источниках. Поэтому Х. Вольфрам предложил даже прекратить размышления на эту тему и призвал довольствоваться лишь фактами⁷². Однако он допускал, что принадлежность упомянутых Иорданом росомонов к знати, окружавшей короля Эрманариха, весьма вероятна.

Наконец, для нашей темы особенного внимания заслуживают точка зрения К. Мюлленхофа, которую разделял и Т. Моммзен. Они считали «коварное племя росомонов» эпическим именем: «*Nomen epicum <...> et haud dubie mythicum negue historicum*»⁷³. Вслед за ними О. Иричек и крупнейший исследователь истории древних германцев Л. Шмидт по-

⁶⁹ Браун Ф.А. Разыскания в области гото-славянских отношений. СПб., 1899. Т. 1. Готы и их соседи до V в. С. 17.

⁷⁰ Шаров О.В. Гибель Эрманариха: история и эпос // Стратум: структуры и катастрофы. 1997. С. 103.

⁷¹ Grienberger Th. Op. cit. S. 154—184.

⁷² Вольфрам Х. Указ. соч. С. 59.

⁷³ Iordanes. Romana et Getica / Ed. Th. Mommsen... S. 164.

лагали, что росомоны, неизвестные ни одному из авторов, кроме Иордана, существовали лишь в эпосе: «это племя представляется эпически-фиктивным» (“episch-fiktives”)⁷⁴. Однако они допускали, что рассказ о мести росомонов можно связать с часто случавшимися восстаниями племен, подчиненных остроготскому королю и послуживших причиной его смерти, наступившей как раз в тот момент, когда готы особенно нуждались в авторитетном предводителе для борьбы с гуннами.

Таким образом, более чем столетние исследования лингвистов этнонима росомонов у Иордана не привели их к сколь-нибудь определенному и однозначному заключению о его этимологии и тем более происхождении, которое бы убедило и историков. Как уже отмечалось большинство германских ученых выводит их имя из “rosamo”/“rosomo” — «красные», «красно-коричневые», предполагая, что росомоны получили его за воинский обычай красить волосы в красный цвет. Однако при всей кажущейся убедительности «цветовая» этимология росомонов далеко не бесспорна. Забегая вперед, позволим хотя бы напомнить, что в германском героическом эпосе Хамдир, Сёрли и их сводный брат Эрп выделяются не рыжими, а черными волосами⁷⁵, а их сестра Сванхильд — светлыми. К тому же, мода на окраску волос известна и у других германских племен, имевших самые различные названия. Так, перед сражением с римлянами Юлий Цивилис из племени батавов окрасил волосы в красный цвет (Tac., Hist., IV.61). По свидетельству Аммиана Марцеллина один аламаннский воин «по своему обычаю» точно также окрасил свои волосы (Amm. Marc., XVII.2.2). Так что для германцев эта традиция была совсем не в диковинку и поэтому вряд ли она могла послужить причиной появления особого этнонима «росомоны» для обозначения какой-то их отдельной группы.

Сопоставление «роксоланской» (иранской), «росской» (славянской) и «германской» (готской, герульской, рутской, бургундской) гипотез, убеждает, что продуктивнее всего исследование проблемы росомонов можно вести на древнегерманской почве. Перефразируя Х. Станга, росомонов следует искать под «готским зонтиком». Название их «рода» отражает один из древнегерманских способов образования этнонимов. Сунильда и ее братья, вероятнее всего, также носят германские имена.

В отношении Сунильды это бесспорно. Оно точно соответствует гот. “*sōnahildi”. Напомним, что почти такое имя “Sūnigild” носила реальная женщина — жена короля Одоакра из германского племени ругов, правившего Западной Римской империей столетием позже Эрмариха. Как известно, Теодорих убил Одоакра, пронзив того мечом и

⁷⁴ Jiriczek O.L. Op. cit. S. 61; Schmidt L. Op. cit. S. 241.

⁷⁵ Гуревич А.Я. «Эдда» и сара. М., 1979. С. 17.

мотивируя убийство кровной мстью⁷⁶. В германском эпосе реальный враг Теодориха Великого — Одоакр был заменен образом Эрманариха (“Thidhreks saga af Bern”)⁷⁷, которого также ранят мечом из-за кровной мести. Поэтому исследователи не исключают, что, скорее всего эпический образ Сунильды, обязан своим происхождением именно исторически реальной женщине “Sunigild”, жене Одоакра. Позднее имя Сванхильд (“Schwanhild”, “Swanhilde”, “Swanhilda”) было весьма популярно у германских народов Раннего Средневековья⁷⁸.

Не так однозначно дело обстоит с именами братьев Сунильды. Имя Сар (“Sarus” — др.-исл. “Sǫrli”) пытались этимологизировать из разных языков, в том числе из иранского “*sar” — «голова», «глава»⁷⁹, готского “*sarws” — «оружие» и даже фракийского со ссылкой на название поселения Сар в нижнем течении Борисфена⁸⁰. Однако этническая принадлежность его обитателей достоверно неизвестна. Хорошо известно, что точно такое же имя носил знатный вестготский вождь “Sarus”, неоднократно упоминавшийся в римских источниках вскоре после 400 г. (Olimp., 3; Zosim., V.34.1, 36.2; Sozom., IX.3). Среди варваров и римлян он был широко известной личностью благодаря своей силе, ловкости и склонности к авантюрам⁸¹. Этот «исторический» Сар долго враждовал с правящим королевским родом и, в конце концов, был убит в 412 г. вестготским королем Атаульфом⁸². Нам представляется маловероятным, что у Иордана, с одной стороны, и у Олимпиодора, Зосимы, Созомена, с другой, речь идет об одном и том же персонаже по имени Сар. Более того, Иордан в § 321 “Romana” прямо упоминает и «исторического» Сара, при этом ни словом не обмолвившись, что это — тот самый Сар, совершивший нападение на Эрманариха. К тому же, слишком уж велик хронологический разрыв между «подвигами» Сара «Гетики» Иордана и византийских историков (около 40 лет). Не лишне напомнить, что «исторический» Сар начала V в. наделен чертами совсем не старого человека. Он отличался безрассудной храбростью, воинской дерзостью и исключительной мобильностью. Да, и в своей последней битве в 412 г. Сар совершал достойные удивления подвиги и был убит лишь после того как был зажат щитами воинов короля Атаульфа. Тем не менее, весьма возможно, что имя этого незаурядного вестготского вождя, как и имя жены Одоакра, было заимствовано для сюжета эпической «Песни о смерти Эрманариха».

⁷⁶ Вольфрам Х. Указ. соч. С. 401.

⁷⁷ Пфайльшифтер Г. Теодорих Великий. СПб., 2004. С. 202.

⁷⁸ Анфертьев А.Н. Указ. соч. С. 156—157.

⁷⁹ Абаев В.И. Указ. соч. С. 180—181.

⁸⁰ Щербаков В. Века Трояновы. Дорогами тысячелетий. М., 1988. С. 89—90.

⁸¹ Seeck O. Sarus // RE. 1921. Bd. 3. S. 54.

⁸² Вольфрам Х. Указ. соч. С. 59, 236—238; Castritius H. Op. cit. S. 357.

Имя “Ammius” может восходить к общегерманской форме “*Namaþegwaz” (гот. “*Namaþius”). Второй элемент двучлена принадлежит к социальной сфере. Предлагаемый германистами перевод этого готского имени как «одежда (оболочка) слуги», на первый взгляд, не очень вразумителен⁸³. Однако как мы увидим ниже, в свете более поздней традиции имя Аммиус не лишено определенного смысла. В дальнейшем оно получило развитие в др.-исл. в форме “Hamðir”, а в др.-в.нем. как “Hamadeo”. Крайнем маловероятна его связь с германским “Hammer” — «молот» и тем более с иранским “ama” — «могучий»⁸⁴. Известно имя Аммиус, которое носил, например, римский сенатор 97 г. Ammius Flaccus (Plin., Epistul., IX.13.13), но оно не имеет отношения к нашему вопросу.

Как бы то ни было, включение Сунильды, Сара и Аммиуса в германскую эпическую традицию показывает, что для готов — современников Иордана и германцев последующих поколений они казались «своими» и, весьма вероятно, были таковыми⁸⁵. По поводу последнего допущения все же следует сделать оговорку — сами по себе имена, конечно, не определяли этническую принадлежность их носителей, тем более в эпоху Великого переселения народов. Это хорошо понимал уже Иордан, обративший внимание на широко распространенное в то время явление заимствования сарматами имен германских, а готами — гуннских (Get., 58, 59).

Росомонов пытались искать в различных регионах Восточной Европы. Сторонники их славянской (антской) принадлежности локализовали это племя, как правило, в ареале черняховской культуры, к северу от территории, занятой остроготами Эрманариха, где-то в Среднем Поднепровье или Надпорожье⁸⁶. Р.А. Агеева предполагает обитание подвластного готскому королю племени росомонов в междуречье Днепра и Дона⁸⁷. Сторонники роксоланской или иранской этнической принадлежности росомонов чаще всего сдвигают их на восток в Приазовье и Прикубанье, не исключая и Крыма⁸⁸. Некоторые исследователи допускают, что росомоны могли обитать где-то по соседству с гуннами, ближе к Танаису/Дону и поэтому имели с ними, в отличие от готов, «сепаратные» союзнические отношения. Однако следует заметить,

⁸³ Solmsen F. Indogermanische Eigennamen als Spiegel der Kulturgeschichte. Heidelberg 1922. S. 117.

⁸⁴ Ibid. S. 117.

⁸⁵ Gschwantler O. Op. cit. S. 12, 114; Вольфрам Х. Указ. соч. С. 133.

⁸⁶ Рыбаков Б.А. Язычество Древней Руси... С. 38—39, рис. 3; Павленко Ю.В. Указ соч. С. 251—254.

⁸⁷ Агеева Р.А. Указ. соч. С. 133.

⁸⁸ Галкина Е.С. Указ. соч. С. 254—260; Кузьмин А.Г. Указ. соч. С. 267.

что в тексте сочинения Иордана не содержится каких-либо указаний для сколь-нибудь определенной локализации росомонов. Несомненно, одно, что братья-росомоны в самый драматический момент истории остроготов находились в окружении короля, что и позволило им, судя по всему, беспрепятственно совершить заговор против Эрманариха.

§ 5. Росомоны — придворные короля Эрманариха

Мы предлагаем изменить направление исследования проблемы росомонов и, прежде всего, отказаться от явного или скрытого этноцентризма в подходе к ней, тем более что этнических гипотез высказано предостаточно. Исключительно важным представляется то обстоятельство, что имени росомонов нет ни в одном из двух перечней покоренных Эрманарихом племен: пространном — т.н. «северных народов» (Get., 116) и кратком, где упомянуты герулы, венеты, эстии (Get., 117-120). Если в списке подданных короля Эрманариха росомоны не значатся, как впрочем, не называется место их обитания, то, может быть, и искать их надо в иной, не в этнической плоскости. К тому же их название полностью исчезло из раннесредневекового германского эпоса. Поэтому любопытно посмотреть, кем оно было в нем заменено.

Судя по древнеисландской песне «Речи Хамдира» и знаменитому изображению, высеченному на готландском камне Ардре VIII (рис. 3)⁸⁹, сага о гибели Эрманариха/Ёрмунрекка около 800 г. была известна в Восточной Скандинавии. По упомянутым в этой песне топонимам и этнонимам, ее сюжет считается очень ранним, восходящим к готскому сказанию⁹⁰. Но в ней Сванхильд (“Svanhild”) уже становится женой короля Эрманариха, которую он приказал растоптать конями из-за супружеской измены. В свою очередь, мстя за эту расправу, на Ёрмунрекка во время сна совершили покушение ее братья — Хамдир и Сёрли (“Ammius” и “Sarus” Иордана). Они отрубили спящему королю руки и ноги, но не успели отсечь голову (Hamðismál, 24). Пришедший в себя смертельно раненый Ёрмунрекк приказывает своим воинам забросать братьев камнями (Hamðismál, 25). Напомним, что побитие камнями — ритуальный способ казни у готов⁹¹.

⁸⁹ Buisson L. Der Bildstein Ardre VIII auf Gotland. Göttermythen, Heldensagen und Jenseitsglaube der Germanen im 8. Jh n. Chr. Göttingen, 1976. S. 108—112, Taf. 4.

⁹⁰ Хойслер А. Германский героический эпос и сказание о Нибелунгах. М., 1960. С. 353; Стеблин-Каменский М.И. Комментарии // Старшая Эдда: Эпос / Пер. с др.-исл. А. Корсуна. М., 2008. С. 449.

⁹¹ Wamers E. Die Völkerwanderungszeit im Spiegel der germanischen Heldensagen // Germanen, Hunnen und Awaren. Schätze der Völkerwanderungszeit. Nürnberg, 1988. S. 69—92.

Кажется, именно этот раннесредневековый эпический рассказ может пролить свет на вопрос, откуда в более раннем повествовании Иордана появились загадочные росомоны. Как уже отмечалось, в списке подданных Эрманариху племен росомоны не значатся, как впрочем, и не называется место их обитания. Давно установлено, что Иордан или автор, которому принадлежит основное оформление рассказа о росомонах, не всегда хорошо понимал текст своего источника⁹². Это обстоятельство постоянно следует иметь в виду, обращаясь к «Гетике» как к историческому источнику по интересующей нас теме. Кто же выступает в роли убийц Эрманариха в германском героическом эпосе? В «Песне о Хервер», одной из т.н. «саг древних времен», в числе главных персонажей называется король Хейдрек/Эрманарих. В ней утверждается, что «Хейдрекком будет звать его народ и станет он самым сильным на Земле» (*Hervarar saga*, 7). Еще в юности он убивает мечом Тюрвинг (“*Tyrfing*”) своего брата и за это отправляется отцом в изгнание на чужбину. Хейдрек уходит на восток, вначале в Гардарики (“*Gardariki*”), далее в Хуналанд (Страну гуннов), пока, наконец, не становится королем Рейдготланда (“*Reiðgotáland*” — эпическая прародина готов)⁹³. Вначале он проявил себя здесь как мудрый король страны «блестящих готов» (хрейдготов — гревтунгов)⁹⁴. Однако в конце жизни Хейдрек вступил в спор с Одним и, не сумев отгадать его последнюю загадку, поднял меч на бога (*Hervarar saga*, 10)⁹⁵. Но Один обернулся в сокола и улетел, так что клинок коснулся лишь перьев его хвоста. После этого неверные слуги (“*þræla*”) ночью коварно убили своего короля. Они происходили из знатных родов и были захвачены Хейдрекком в походе на Западе (*Hervarar saga*, 11).

В связи с этим сюжетом, следует вспомнить, что в лексиконе «Готской Библии», записанной Вульфиллой в IV в., есть не только слово “*manna*” (“*mans*” — pl.) — «муж», «человек»⁹⁶, но и слово “*gōhsns*” = др.-греч. “*αὐλή*”⁹⁷ — «царский двор», «царский дворец»⁹⁸. Если это так, то может быть лат. “*rosomoni*” (в рукописи Z — “*rosimani*”) восходит к

⁹² Анфертьев А.Н. Указ. соч. С.156.

⁹³ Мельникова Е.А. Древнегерманская эпическая топонимия в скандинавской литературе XII—XIV вв. (к истории топонима “*Reiðgotáland*”) // Скандинавские языки. Структурно-функциональные аспекты. М., 1990. Вып. 2. С. 264—277.

⁹⁴ Вольфрам Х. Указ. соч. С. 49.

⁹⁵ Die *Heidreksrätzel* // *Thule. Altnordische Dichtung und Prosa. Edda. Bd. II / Übert. von F. Genzmer, mit Einleitungen und Anmerkungen von A. Heusler.* Jena, 1932. S. 155—156.

⁹⁶ *Ulfilas Moeso-Gothorum Episcopus.* Die Gotische Bibel. Bd. 2... S. 90.

⁹⁷ *Ibid.* S. 112.

⁹⁸ Дворецкий И.Х. Древнегреческо-русский словарь. М., 1958. Т. 1. С. 263.

гот. “*rōhsi-manna” — pl. “*rōhsimans”. Изначально оно могло означать что-то вроде «люди царского двора», т.е. «придворные». В связи с этим возникает вопрос о времени появления соответствующего термина — обычно его происхождение связывают с эпохой Раннего Средневековья⁹⁹. Однако в грекоязычной восточной части Римской империи в IV в. слово “αὐλή” уже имело значение «двор монарха», императора или августа. Один из придворных титулов в Константинополе понимался как “those around the αὐλή”¹⁰⁰. Заметим, что этот титул был хорошо знаком и современникам Аммиана Марцеллина. Так он сообщает о том, что император Констанций повелел рассмотреть дело о незаконном отстранении от власти августа Сильвана «общей комиссии придворных и всех высших чинов» (XVI.5.12). Поэтому влияние римско-византийских традиций на становление готской политической терминологии во второй половине IV в. вполне возможно.

Но мы допускаем, что готский термин “*rōhsimans” (лат. “rosomoni”/“rosimani”), производный от гот. “rōhsns” — «царский двор/дворец», и независимо от позднеантичной политической терминологии изначально мог означать что-то вроде «люди царского двора». Можно вспомнить и тот факт, что у остготского короля Теодориха Великого (497—526) был целый штат придворных: оруженосец, управитель сокровищницей, конюший, виночерпий и др. При этом многие придворные чины сохраняли свои старые готские названия¹⁰¹.

Если наши рассуждения верны, то в таком случае коварные росомоны — это придворные, знать, дворцовые слуги из окружения Эрманариха, а не особое племя (этнос), которое так долго и безуспешно искали историки и археологи. Таковыми они стали в германском эпическом сюжете эпохи Великого переселения народов, запечатленном в «Песне о Хервер». Может быть, в контексте этой гипотезы получает логическое объяснение и имя одного из братьев-росомонов Аммий, включавшее древнюю основу “rīus” со значением «слуга». Тем более что у готов известны имена с такой же второй основой¹⁰².

Представляется, что предложенный выше подход проливает свет на событие, послужившее прелюдией к гибели Остроготской «державы»

⁹⁹ Двор и придворная культура в историческом аспекте. СПб., 1997; Шувалов П.В. У истоков Средневековья: двор Атиллы // Проблемы социально-политической истории и культуры Средних веков и раннего Нового времени. СПб., 2001. Вып. 3. С. 130—145.

¹⁰⁰ Rowland S. The Imperial Court of the Late Roman Empire // The Court and the Court Society in Ancient Monarchies / Ed. by A.I.S. Spawfordth. Cambridge, 2007. P. 196.

¹⁰¹ Вольфрам Х. Указ. соч. С. 314—315.

¹⁰² Топорова Т.В. Культура в зеркале языка: древнегерманские двучленные имена собственные. М., 1996. С. 69.

Эрманариха. Скорее всего, это был заговор среди ближайшего окружения остроготского короля:

«...сидели и ждали
Мужи, когда же
Сгинет невзгодное
Его могущество...»

(Deor, 25-26)

Эту версию косвенно подтверждают и судьбы других готских королей, которые тоже пали жертвами заговоров знати. Так, Атаульф был убит одним из «собственных людей», а Сигерих — «своими людьми» (Isid., Hist. Goth., 19-20).

Наша гипотеза снимает ряд вопросов не только в истории готов в Восточной Европе, но и в истории Древней Руси. Во всяком случае, кажется, истоки Руси следует искать, не привлекая проанализированное выше свидетельство Иордана о коварных заговорщиках-росомонах.

Глава X

Королевство
Эрманариха
как раннее
«варварское государство»

В этой главе мы попытаемся суммировать и осмыслить результаты источниковедческого, историографического, лингвистического и историко-археологического анализа феномена королевства Эрманариха, полученные в предшествующих главах, для того, чтобы составить о нем целостное представление и дать ему должную историческую оценку, прежде всего, в контексте становления ранней европейской государственности. Начнем с анализа политической лексики, сохранившейся в источниках. В языке «Готской Библии» встречается не менее 30 слов, обозначающих власть и понятия, связанные с ней. Наибольшее число составляют существительные со значением «власть/мощь» и «правитель»¹.

§ 1. “Regnum” Эрманариха

В «Римской истории» Аммиана Марцеллина и «Гетике» Иордана упоминаются владения могущественного остроготского короля Эрманариха. У Аммиана они просто называются обширными и плодородными землями — “late patentes et uberes pagos” (XXXI.3.1). В отношении его владений он не употребляет ни один из латинских политонимов позднеантичной эпохи, ограничившись вышеприведенной его краткой характеристикой. В величественном и трагическом образе воинственного короля Эрманариха, «которого страшились соседние народы, из-за его многочисленных и разнообразных военных подвигов» (Амм. Марс., XXXI.3.1), просматривается не только беспристрастный взгляд римского историка, но и явный «готский» след — использование в качестве источника если не героической саги, то, возможно, рассказа одного из готов, с которыми был знаком Аммиан.

Впервые королевство Эрманариха прямо упоминается в рассказе Иордана о наследовании им власти короля готов Гебериха: “Hermanaricus nobilissimus Amalorum in regno successit” (Get., 116). Свидетельства Аммиана и Иордана не оставляют сомнений в том, что это было весьма масштабное военно-политическое образование, включавшее при Эрманарихе значительную часть территории Восточной Европы, простиравшуюся в широтном направлении между Нижним Доном, занятым аланами-ганаитами, и Днестром, за которым начинались владения везиготов-тервингов.

Здесь следует напомнить, что исследователи по-разному понимают латинский политоним “regnum”, называя обширные владения остро-

¹ Федько М.В. Представления о власти у готов и древних ирландцев (на материале анализа лексики власти в готском и древнеисландском языках) // Духовные традиции народов. 2012. № 4. С. 149.

готского короля «королевством», «родовым королевством», «военным королевством», «державой», иногда даже «империей»². В немецком издании «Римской истории» Аммиана Марцеллина Эрманарих назван «королем» (“König”), а его владения — просто областями (“Gau”)³. Что же стоит в действительности за термином “regnum”, часто употребляемым позднеантичными авторами? Нам представляется, что это вопрос отнюдь не чисто лингвистический. Лексика власти может быть не только источником информации о представлениях, но и источником информации о самой структуре власти и ее иерархии⁴. От ответа на этот вопрос во многом зависит историческая оценка одного из ранних политических образований IV в. на юге Восточной Европы.

Как недавно установлено С.В. Санниковым, для обозначения власти короля Иордан использовал различные латинские словосочетания: “regia potestas”, “regia majestas”, “principatus”, “fastigium regali”⁵. Реальное содержание этих терминов, очевидно, можно уточнить лишь в контексте их употребления в тех или иных частях «Гетики». Многие из них содержат основу, связанную с лат. “rex”. Поэтому вначале следует остановиться на семантике этого слова и производных от него в поздней латыни. Х. Менге дает весьма широкий спектр значений лат. “rex”: король (“König”) князь (“Fürst”), регент (“Regent”), государь (“Herrscher”), глава, старейшина (“Haupt”), верховный глава (“Oberhaupt”), руководитель (“Leiter”), вождь (“Führer”), властелин, повелитель (“Beherrscher”), господин (“Herr”)⁶. Более узкий круг значений мы находим у И.Х. Дворецкого⁷.

Почти все исследователи едины во мнении, что у римских авторов, писавших о древних германцах, лат. rex является точным переводом близкого по индоевропейской основе гот. “reiks”⁸. Тем более что в эпоху Поздней Античности лат. “rex” уже произносилось как “r(h)ix”⁹

² Санников С.В. Образы королевской власти эпохи Великого переселения народов в раннесредневековой западноевропейской историографии. Новосибирск, 2009 С. 70—73.

Ammianus Marcellinus. Römische Geschichte / Lat. und deut. von W. Seyfarth. B. 1971. Teil 4. S. 251.

⁴ Федько М.В. Указ. соч. С. 146.

⁵ Санников С.В. Произведение Иордана «О происхождении и деяниях гетов» (“Getica”) как источник для изучения процесса становления королевской власти у германских народов // Вестник НГУ. Сер.: История, филология. Новосибирск 2007. Т. 6. Вып. 1. История. С. 3—9.

Menge H. Langenscheidts Großwörterbuch Lateinisch. T. I. Lateinisch-Deutsch. B. 1992. S. 663. Несколькo иное понимание соотношения лат. “rex” и гот. “reiks” см в книге: Шкаренков П.П. Римская традиция в варварском мире. Флавий Кассиодор и его эпоха. М., 2004. С.69.

Дворецкий И.Х. Латинско-русский словарь. М., 1976. С. 881.

⁸ Циркин Ю.Б. Указ. соч. С. 83.

⁹ *Wolfram H. Gotische Studien I // MIÖG. 1975. 83. S.17.*

При этом последний чаще понимался лишь как «властелин/государь», но не как более поздние средневековые «король/князь»¹⁰. Напомним, что в «Готской Библии» Вульфилы “*reiks*” соответствует греч. “ἄρχων”¹¹. Видимо, лат. политоним “*regnum*” был близок по смыслу гот. “*reiki*” — «власть» (заимств. из кельт. “*rigio*” — «принадлежность королю») ¹². На английский язык его обычно переводят как “*kingdom*”, “*power*”. Немецкие исследователи в “*reiki*” видят: королевство (“*Königtum*”), царство (“*Königreich*”), империю (“*Reich*”), господство/власть (“*Herrschaft*”), королевскую власть (“*Königherrschaft*”), единовластие/самодержавие (“*Aleinherrschaft*”), правление (“*Regierung*”), владение (“*Besitztum*”), а также тиранию (“*Tyrannie*”) и деспотию (“*Despotie*”) ¹³. На основании лингвистических и иных данных складывается впечатление о том, что Иордан оперировал в своем сочинении некоторой моделью готской королевской власти, которую он отличал от иных властных форм ¹⁴.

Отметим, что позднеантичные авторы ни разу не употребляют в отношении Эрманариха лат. «имперский» термин “*dominus*”, хотя другого варварского владыку — Аттилу Иордан иногда называет именно так “*Hunnorum omnium dominus*” (Get., 178). В германоязычной историографии к подвластной Эрманариху территории иногда применяют искусственное понятие “*Stammstaat*” — «племенное/родовое государство», сложившееся на базе дружины, сопровождавшей вождя ¹⁵. Оно не имеет точного русского эквивалента, да и вряд ли соответствует масштабам интересующего нас потестарного образования.

Если принять во внимание древнее значение гот. “*reiks*”, то при переводе этого титула на русский язык лучше было бы употреблять слово правитель/вождь ¹⁶. При этом необходимо учитывать полисемию социальных терминов в латинских текстах, где слово “*rex*” могло обозначать и «король», и «племенной вождь» ¹⁷. Поэтому лат. “*regnum*”, с учетом готских реалий IV в. следует понимать не только как «королевство», вызывающее

¹⁰ Menge H. Op. cit. S. 663.

¹¹ Ulfilas Mæso-Gothorum Episcopus. Die Gotische Bibel / Hrsg. W. Streitberg. Heidelberg, 1928. Т. II. Gotisch-griechisches-deutsches Wörterbuch. S. 110.

¹² Ibid.

¹³ Menge H. Op. cit. S. 648.

¹⁴ Санников С.В. Образы королевской власти... 74.

¹⁵ Schmidt L. Geschichte der deutschen Stämme bis zum Ausgang der Völkerwanderung. München, 1934. Bd. 1. Ostgermanen. S. 246—247.

¹⁶ Wolfram H. Gotische Studien. Das Richtertum Athanarich // MIÖG. 1978. 83. I. S.17.

¹⁷ Вслед за А.Я. Гуревичем мы допускаем перевод термина “*rex*” в применении к германскому правителю как «король». См.: Гуревич А.Я. Древние германцы // Он же. Избранные труды. М., 1999. Т. 1. С. 69. Таков перевод С.П. Моравского. См.: Древние германцы. М., 1937. С. 59, а не «царь» — как в известном переводе А.С. Бобовича. См.: Тацит. Указ. соч. 1960. Т. I. С. 356.

более поздние западноевропейские ассоциации, но и как «вождество»¹⁸. Это понятие, не так давно введенное в науку неозволюционистами¹⁹, изучавшими проблему возникновения ранней государственности, приобретает все большую популярность в российской историографии²⁰.

На основании свидетельств Аммиана Марцеллина и Иордана можно попытаться определить критерии, масштабы и характер “*regnum Hermanarici*” не только опираясь на эти источники, но, исходя из современной концепции т. н. сложных обществ.

Иордан не раз упоминает о том, что Эрманарих покорил немало племен и поэтому носил пышный титул «триумфатора над многими народами». Среди них готский историк называет и герулов, и многочисленных венетов, и прибалтийских эстов, и средневожжских “*Merens*” и “*Mordens*”, а так же других “*arctoi gentes*” (Get., 116-119). Если верить Иордану, помимо причерноморского и приазовского юга в его «державу» так или иначе, входили далекие северные области, населенные различными лесостепными и лесными племенами. Судя по перечню покоренных Эрманарихом племен, созданная им «держава» имела выраженный полиэтничный характер: готы, герулы, вандалы, венеты-славяне (или балто-славяне), балты-эстии, финно-угры (мордва, меря и др.). По данным археологии в ней определенно присутствовал и иранский компонент, хотя его удельный вес не следует преувеличивать. На основании тех же данных следует допустить формирование у остроготов надплеменных институтов еще в Северном Причерноморье. Лидерство в подобных полиэтничных образованиях принадлежало одному из наиболее сильных в военном отношении племен²¹, в нашем случае — остроготам. Историки могут еще долго спорить о размерах владений Эрманариха. Но вряд ли у объективных исследователей остаются сомнения в том, что Остроготская держава в IV в. далеко выходила за пределы территорий, населенных собственно гота-

¹⁸ Зиньковская И.В. “*Regnum*” Эрманариха: лингвистический и исторический анализ // Вестник ВГУ. Сер.: Лингвистика и межкультурная коммуникация. Воронеж, 2010. № 1. С. 215—219.

¹⁹ Carneiro R.L. The Chiefdom: Precursor of the State // *Transition to Statehood in the New World*. N.Y., 1981. P. 37—79; Claessen H.J.M., Skalnik P. *The Early State*. The Hague, 1981; Раннее государство, его альтернативы и аналоги / Под ред. Л.Е. Гринина. Волгоград, 2006.

²⁰ Дьяконов И.М. Пути истории: от древнейшего человека до наших дней. М., 1994. С. 88; Крадин Н.Н. Вождество: современное состояние и проблемы изучения // Ранние формы политической организации. М., 1995. С.11—61; Шинаков Е.А. Образование Древнерусского государства: сравнительно-исторический аспект. Брянск, 2002; Санников С.В. Структурно-компаративная типология древнегерманских обществ (по данным письменных источников) // Труды XL МНСК. Новосибирск, 2002. С. 59—66.

²¹ Лавров В.В. О характере власти у готов в IV в. н.э. // Античное общество: тез. док. науч. конф. СПб., 1996.

ми²². Остроготы сумели создать первое крупное территориальное варварское государство еще вне границ Империи. Во всяком случае, эфемерные ранние германские «королевства» вроде Маробода и Ванния, время от времени возникавшие на северных рубежах Римской империи, не идут ни в какое сравнение с Остроготской державой при Эрманарихе²³. Да и большинство «классических» варварских королевств V в. по размерам подвластной им территории намного уступали державе Эрманариха. Напомним, что на землях бывшей римской провинции Паннонии в середине V в. сосуществовали сразу три остроготских королевства²⁴. На площади современной Бельгии и приграничных районов Франции в то время располагалось два франкских королевства²⁵.

Здесь не лишне заметить, что имеющиеся в нашем распоряжении источники никак не позволяют согласиться с широко распространенной в германской науке этнокультурной оценкой “*regnum*” Эрманариха как «скифо-германской» степной империи (“*skytisch-germanische Steppenreich*”), которой местный алано-сарматский компонент придал специфическую иранскую окраску²⁶. Независимые от письменных свидетельств данные археологии не дают основания сколь-нибудь однозначно утверждать о гото-сармато-аланском синкретизме в причерноморских степях IV в. Безусловно, определенный сармато-аланский компонент входил в состав черняховской культуры, особенно в Северо-Западном Причерноморье. Однако он не оказал определяющего влияния на ее облик. Как известно, широко распространенное у греческих и римских авторов название готов «скифами» отражало, прежде всего, устойчивую античную литературную традицию — обозначать так все народы Скифии, но никак не этнические реалии кануна Великого переселения народов. Конечно, готы как-то адаптировались к местным условиям, возможно, испытали воздействие субстрата, о чем свидетельствует антропология носителей черняховской культуры, но это были не степные сармато-аланы, а, прежде всего, оседлое население лесостепи.

²² Циркин Ю.Б. Указ. соч. С. 83.

²³ О первых германских королевствах см.: Шукин М.Б. На рубеже эр. СПб., 1994. С. 187—190, 222—224.

²⁴ Корсунский А.Р., Гюнтер Р. Упадок и гибель Западной Римской империи и возникновение германских королевств (до середины VI в.). М., 1984. С. 170.

²⁵ Лебек С. Происхождение франков, V—IX вв. М., 1993. С. 39; Мاستыкова А.В. «Варварские королевства» эпохи Великого переселения народов у алан Центрального Предкавказья // ПИФК. 2008. Вып. XXI. С. 154—155.

²⁶ Altheim F. Geschichte der Hunnen. В., 1959. Bd. 1. S. 314—317; Wenskus R. Die germanische Welt am Vorabend des Hunnensturms // Handbuch der europäischen Geschichte. Stuttgart, 1976. Bd. I. Europa im Wandel von der Antike zum Mittelalter. S. 100; Вольфрам Х. Указ. соч. С. 169.

Свидетельства готского историка не дают оснований однозначно утверждать о легитимном, наследственном характере власти Эрманариха. Он принадлежал к остроготскому королевскому роду Амалов²⁷, но, как пишет Иордан, «унаследовал королевство» (“in regno successit”) через некоторое время после выдающегося короля готов Гебериха из другого королевского рода Балтов (Get., 116)²⁸. Последний был преемником двух вождей — Ариариха и Аориха, живших в эпоху Константина Великого: «Так они (готы — И.З.) прославились в империи при своих королях Ариарихе и Аорихе» (Get., 112). Таким образом, преемственность власти у готов до конца IV в., видимо, осуществлялась не по линии прямого наследования или кровного родства, но внутри двух соперничающих королевских родов Амалов и Балтов. До Гебериха и Эрманариха мы видим соправление двух вышеупомянутых готских вождей, после смерти Эрманариха, а также его преемника Витимира (“rex Vithimir”), отступлением гревтунгов-остроготов к Дунаю под давлением гуннов руководят два военных вождя (“duces”) Алатей и Сафрак, которые являлись регентами Видериха, малолетнего сына Витимира (Amm. Marc., XXXI.3.3). Аналогичный дуализм власти известен и у других германских народов, в частности, у аламаннов (Amm. Marc., XVI.12.23). У везиготов за Дунаем постоянно фигурируют вместе два вождя, Алавив и Фритигерн: «первыми были приняты Алавив и Фритигерн» (Amm. Marc., XXXI.4.7), «Луцицин пригласил на пир Алавива и Фритигерна» (Amm. Marc., XXXI.5.5) и т.д.

По хронологии, предложенной еще Т. Моммзеном, Геберих правил в 318—350 гг., Эрманарих соответственно приблизительно в 351—376 гг.²⁹ Но возможно и удревнение начала его правления. Известно, что в 332 г., после победы римлян над готами, Ариарих был взят императором Константином в заложники (Anon. Vales., 6.31). Следовательно, начало правления Гебериха следует отнести ко времени после 332 г., но, не выходя очень далеко за последние годы правления Константина (Get., 115). Скорее всего, это служило между 333 и 337 гг. Эта же «дата-срок», по нашему мнению, должна быть признана и началом “regnum” Эрманариха, который в первые годы являлся соправителем Гебериха, а единовластным владыкой стал лишь после его смерти. После кончины Гебериха остроготы как-то сумели

²⁷ Об Амалах см.: Ганина Н.А. Имя и традиция рода: к этимологии гот. “*Amal-” и генеалогии Амалов // Вестник МГУ. Сер. 9, Филология. 1999. № 6. С. 54—68.

²⁸ Весьма показательны, что у Иордана из непосредственных предшественников Эрманариха упомянут только король Острогота, а его потомки Хунуил, Атал и Агиульф — отец Эрманариха — вряд ли обладали реальной королевской властью. См.: Wenskus R. Amaler // RGA. 1973. Bd.1. S. 246—247; Циркин Ю.Б. Указ. соч. С. 80—81.

²⁹ Mommsen Th. Jordanis Romana et Getica. Prooemium // MGH. Auct. antiquiss. V, 1882. T. V. Pars. 1. P. XXI; Скржинская Е.Ч. Указ. соч. С. 374.

выйти из-под контроля Балтов, а их королем стал энергичный Амал Эрманарих. Недавно М.Е. Левада предположил, что первоначально он был лишь одним из герцогов Гебериха, воевавшим с вандалами, а то имя, под которым мы его знаем, он получил, уже став королем³⁰.

Год смерти Эрманариха также точно установить невозможно. Бесспорно одно — он умер в самом начале гуннского вторжения в Европу, т.е. в промежутке времени между 370—376 гг. Поэтому большинством ученых за дату гибели Эрманариха условно принимается 375 или 376 г.³¹ Таким образом, «эру Эрманариха» с большой долей вероятности можно определить в пределах 333—375 гг., что хорошо согласуется с археологическими данными. Это ступень С3, ознаменовавшаяся максимальным распространением черняховской культуры и настоящим демографическим взрывом. С другой стороны, кажется, не случайно, начиная с Эрманариха, поколения готских королей из рода Амалов можно надежно синхронизировать с достоверными историческими событиями в Античном мире³². Иначе говоря, именно в годы правления Эрманариха окончательно произошел прорыв готов из «доистории» в историю.

По рассказу Иордана, Эрманарих был шестым потомком легендарного Амала (Get., 79), эпонима остроготской королевской династии Амалунгов. Он приобрел статус правителя лишь после принятия власти “in regno conscendere”. Скорее всего, власть короля у остроготов уже имела наглядное воплощение, т.к. некие “insignia” сохранял даже приемник Эрманариха, Винитарий, имевший более низкий титул “regulus” — “principatus sui insignia retinente” (Get., 245). На этом интересном свидетельстве стоит остановиться особо, т.к. оно указывает на наличие у Амалов по крайней мере с IV в. вполне определенных символов власти. К последним относят предметы или явления, отличительной особенностью которых является наличие у них только одной функции — служить знаком власти³³. Эти королевские “insignia” не только служили вещественными знаками отличия остроготского владыки, но и аккумулировали в себе определенную социальную информацию об особом статусе его держателя³⁴. Они маркировали то особое место, которое король занимал в системе властных отношений, сложившихся в остроготском обществе при Эрманарихе.

³⁰ Левада М.Е. «Другие германцы» в Северном Причерноморье позднего римского времени // Боспорские исследования. Симферополь-Керчь, 2006. Вып. XI. С. 209.

³¹ Скржинская Е.Ч. Указ. соч. С. 265.

³² Вольфрай Х. Готы... С. 55.

³³ Соловьева О.А. Символы, символические знаки и знаки власти // Символы и атрибуты власти. СПб., 1996. С. 38.

³⁴ Попов В.А. Символы власти и власть символов // Символы и атрибуты власти. СПб., 1996. С. 9—14.

Однако что конкретно представляли эти “*insignia*” готских королей, сказать невозможно. В источниках не находит никакого подтверждения идея Ф. Альтгейма и его последователей, что Эрманарих принял иранское царское облачение (“*ornātus*”) как символ своей власти³⁵. Оно якобы состояло из роскошного одеяния, обрамленного мехом и украшенного драгоценными камнями, и короны на голове³⁶. Заметим, что в черняховской культуре археологам пока неизвестны археологические находки, отражающие «комплекс власти» королевского статуса. Как уже говорилось выше, сокровища королевского ранга типа Старосуджанских кладов стали попадать в могилы высшей готской аристократии лишь после распада державы Эрманариха (не ранее ступени D1). Они имеют мало общего с атрибутами высшей власти у аланских вождей.

Известно, что королевский род Амалов возводил свое происхождение к полубогам-ансам (*Get.*, 78-79). В “*Origo Gothica*” генеалогическое древо этого знатного рода начиналось с Гаута/Гапта — бога воинов и мифологического родоначальника многих народов³⁷. По Иордану Эрманарих — «самый благородный из Амалов», был готским королем уже в десятом поколении. Своими деяниями ему удалось поддержать репутацию этого рода «богов и героев». К ним относят даже факт самоубийства последнего остроготского короля: «Т.к. молва все более усиливала ужас надвинувшегося бедствия (нашествия гуннов — *И.З.*), то он положил конец страху перед великими опасностями добровольной смертью» (*Amm. Marc.*, XXXI.3.3). Х. Вольфрам в факте самоубийства Эрманариха усматривает признаки ритуального самопожертвования его покровителю, богу войны Ирмину/Эрмину в тот самый момент, когда он потерпел поражение от гуннов³⁸. Может быть, в этом акте действительно проявился отголосок древней германской традиции, зафиксированной тем же Аммианом у бургундов (*XXVIII.5.14*) — их короли-гендины в случае военной неудачи «по старинному обычаю» принимали всю вину на себя и лишались власти (“*potestate deposita*”).

С другой стороны, свидетельство историка-современника о смерти Эрманариха с определенной долей вероятности может быть интерпретировано в рамках германской традиции о древних сакральных королях³⁹. Потерпевший поражение остроготский король вынужден был совершить самоубийство, поскольку в «героическом обществе» смерть понималась лишь как момент, когда герой переходит в мир славы⁴⁰. В этом контексте смерть Эрманариха можно рассматривать как принесение

³⁵ *Altheim F.* *Goten und Finnen im dritten und vierten Jahrhundert.* B., 1944. S. 17—28.

³⁶ *Altheim F.* *Reich gegen Mitternacht Asiens. Weg nach Europa.* Hamburg, 1955. S. 40.

³⁷ *Вольфрам Х.* Указ. соч. С. 164.

³⁸ Там же. С. 49, 133—134, 169.

³⁹ *Höfler O.* *Germanisches Sakralkönigtum.* Tübingen;Münster, 1952.

⁴⁰ *Гуревич А.Я.* «Эдда» и saga. М., 1979. С. 26, 42, 45.

себя в жертву для спасения своего народа, подобное древнему римскому обычаю “*dēvōtio*” (Liv., VIII.9.2-12). Напомним, что Иордан описывает трагическую гибель Эрманариха в выражениях, которые явно навеяны ветхозаветными библейскими ассоциациями — он умирает как ветхозаветный патриарх на 110-ом году, «насытившись жизнью»⁴¹.

Огромные размеры контролируемой Эрманарихом территории и немалое число подчиненных народов прямо свидетельствуют о мере его владычества. Не исключено, что оно проявилось даже в его имени. Согласно Я. Гримму, последний остроготский король получил имя в честь германского бога войны Эрмина/Ирмина⁴², хотя у нас нет прямых данных, что этот бог входил в готский языческий пантеон. З. Фейст предлагал несколько иное толкование имени короля с гот. как “*Airmanar-geiks*”, где “*Airman*” — Великий, Знатный, Благородный, а “*geiks*” — властелин, государь, судья⁴³. Вслед за ним Н.А. Ганина реконструирует гот. форму “*Ermanariks*” из “*Erman*” — Великий/Могучий и “*riks*” — царь⁴⁴. Если это так, то “**Ermanariks*”, возможно, не личное, а почетное имя, титул, подчеркивающий владычество последнего остроготского короля, намного превосходящее власть его предшественников — племенных риксов.

Вслед за М. Вебером мы понимаем власть (потестарность) как способность навязывать свою волю другим, даже вопреки их сопротивлению⁴⁵. Текст «Гетики» в целом позволяет определить круг властных полномочий остроготского правителя. По древней германской традиции готский король, прежде всего, управлял своим народом. Поэтому Иордан, говоря о готских королях, чаще всего употребляет глагол “*regnare*” (Get., 27) и производные от него, в одном случае латинское выражение “*tenens principatum*” (Get., 121). Однако при описании деяний Эрманариха готский историк использует и другой глагол “*imperare*”, подчеркивающий абсолютный характер его королевской власти над завоеванными народами — “*propriis laboribus imperavit*” (Get., 120). На наш взгляд, это выражение отражает иной характер владычества короля Эрманариха над покоренными народами в сравнении с его же властью над соплеменниками, для которых он оставался “*rex Gothorum*” (Get. 119). В отношении некоторых побежденных народов в «Гетике» употребляется еще более сильный глагол “*servire*” — поработать:

⁴¹ Шаров О.В. Гибель Эрманариха... С. 95—106.

⁴² Grimm J. Deutsche Mythologie. Tübingen, 1953. Bd. 1. S. 291—293. Это мнение разделяет и Х. Вольфрам. См.: Wolfram H. Das Reich und die Germanen: Zwischen Antike und Mittelalter. B., 1990. S. 122.

⁴³ Feist S. Op. cit. S. 132; 396.

⁴⁴ Ганина Н.А. К интерпретации сообщения Иордана об Эрманарихе (Getica, 116—130) // Восточная Европа в Древности и Средневековье. Автор и его текст: мат-лы конф. М., 2003. С. 41.

⁴⁵ Weber M. Wirtschaft und Gesellschaft. Tübingen, 1922. S. 28; Куббель Л.Е. Очерки потестарно-политической этнографии. М., 1988. С. 28—29.

1. в рассказе о покорении герулов/эрулов и остальных племен — “Getarum regii servirent” (Get., 118);

2. в рассказе о его победе над венетами — “tamen tunc omne Hermanarici imperiis servierunt” (Get., 119).

Пассаж Иордана о заговоре росомонов проливает некоторый свет на характер власти готского правителя и его отношений с подданными. Сам факт его жестокой расправы над знатной росомонкой Сунильдой может свидетельствовать о деспотическом характере последнего остроготского владыки. Известно, что позднее преемник Эрманариха гораздо менее могущественный “regulus” Винитарий для устрашения антов распял побежденного их вождя Божа вместе с семьдесятю старейшинами-«приматами» (Get., 247).

В раннесредневековом германском эпосе Эрманариху приписывались такие черты, как жестокость, коварство, вероломство. В англо-саксонской поэме «Деор» дружинный певец-рассказчик дает весьма нелестную характеристику королю Эрманрику с «волчьей повадкой»: «Был вождь всевластен, вожатый безжалостный в державе готов» (Deor, 20-25). Со времени происходит все большая демонизация образа Эрманариха. В «Кведлинбургских Анналах» об Эрманарихе мы читаем: «В это время правил всеми готами Эрманрих (Ermanric), на козни хитрый, на казну щедрый... (Annales Quedlinburgenses, 6-29). Далее речь идет о том, как он убил своего единственного сына и двух племянников. По всей видимости, в силу своих личных неординарных качеств и побед над соперниками и соседними народами Эрманарих и стал единовластным правителем остроготов. Если следовать за рассказами Аммиана и Иордана, вплоть до гуннского вторжения его власть имела выраженный монархический характер.

Остается открытым вопрос: был ли Эрманарих монархом с титулом “*riudans*”, известным из «Готской Библии» Вульфилы? Это слово изначально означало «Правитель народа (готов)»⁴⁶. Вульфилла использовал его при переводе греч. “βασιλεύς”. При этом в «Готской Библии» слово обозначало исключительно земного царя и никогда не использовалось для обозначения правителя небесного. Большинство исследователей, отвечая на поставленный выше вопрос отрицательно⁴⁷. Скорее всего, Эрманарих, несмотря на масштабы его «державы» и единоличный характер власти, все же все принимался соплеменниками по традиции как войсковой король “*reiks*”, что, видимо, нашло отражение в его королевском имени (или титуле)⁴⁸.

В связи с этим встает другой вопрос — о соотношении королевства Эрманариха и «владений» везиготского «судьи» Атанариха: являлся

⁴⁶ Feist S. Op. cit. S. 196.

⁴⁷ Вольфрам Х. Указ. соч. С.170.

⁴⁸ Wolfram H. Das Reich und die Germanen... S. 122.

ли последний суверенным правителем или находился в зависимости от могущественного остроготского короля? Латинский термин “iudex” впервые употребляется в отношении Атанариха Аммианом Марцеллином (XXVI.5.6). Скорее всего, он точно соответствовал готскому титулу “kindins”⁴⁹. По свидетельству греческого оратора Фемистия (X, 132), Атанарих был «судьей» (“δίκαστής”) и даже отказался от предложенного ему римлянами титул “βασιλεύς”. В то же время Орозий (VII, 32, 9; 34, 6) именует Атанариха «королем», а Зосим «гегемоном» (IV.10.1) или «архонтом» (IV.34.3). Названные источники при всем разнообразии титулатуры Атанариха как правителя везиготов как будто бы дают некоторые основания говорить о его суверенитете⁵⁰.

Однако присутствие отрядов гревтунгов на везиготской территории во время войны с Валентом 369 г. (Amm. Marc., XXVII.5.6) указывает на то, что все-таки не следует преувеличивать масштабы суверенитета Атанариха, хотя Аммиан и называет его однажды “iudex potentissimus”. В рассказе Иордана об отделении везиготов от остроготов в год гуннского нашествия, возможно, содержится еще более важное свидетельство, проливающее свет на характер отношений между двумя ветвями готского народа. Готский историк прямо указывает на то, что до падения державы и гибели короля Эрманариха везиготы были «союзниками» (“socii”) остроготов (Get., 131). Попутно заметим, что в издании Е.Ч. Скржинской “socii” переведено как «сотоварищи», что затеняет смысл этого старого лат. политического термина⁵¹. Напомним, что в классической латыни он использовался для обозначения зависимого от Рима населения Италии. Не исключено, что Иордан употребил слово “socii” по отношению к везиготам именно в этом смысле. Лишь после разгрома гуннами королевства Эрманариха союзники-везиготы отделяются от остроготов и уходят за Дунай. Но при этом везиготы Атанариха не только сохраняли свою социально-политическую структуру с сильным аристократическим началом, но практически свободно проводили свою внешнюю политику, о чем в частности, свидетельствует их участие в борьбе за императорский престол в 365—366 гг. на стороне узурпатора Прокопия (Amm. Marc. XXVI.10.31).

М.Б. Шукин высказал предположение, что оба вождя могли сосуществовать, представляя как бы «две ветви власти»: «судья» Атанарих был представителем старой родовой аристократии вождей-жрецов, а Эрманарих — вождей военных⁵². Недавно близкую гипотезу предложил

⁴⁹ Heather P. *Goths and Romans 332—489*. Oxford, 1991. P. 59.

⁵⁰ Недавно они вновь были рассмотрены Ю.Б. Циркиным. См.: Циркин Ю.Б. Указ. соч. С. 85—88.

⁵¹ Скржинская Е.Ч. Указ. соч. С. 86.

⁵² Шукин М.Б. Готский путь... С. 207—208.

Ю.Б. Циркин, допуская, что «судья» Атанарих, находясь в подчинении остроготского короля, сохранил за собой ведение внутренних дел и особенно тех, что связаны с духовной жизнью племени и судом⁵³. Но оба эти любопытных предположения пока не находят достаточного подтверждения в источниках. Более того, у Аммиана Марцеллина можно найти указание на то, что «судьями» могли быть и не сакральные, а военные вожди, отличившиеся в битвах, как, например, у алан (XXXI.2.25).

Итак, острогот Эрманарих и везигот Атанарих, скорее всего, были правителями разного ранга. Свидетельство Иордана об отделении везиготов от остроготов накануне нападения гуннов (Get., 130) косвенно указывает на соподчинение везиготов остроготам в годы правления Эрманариха.

В руках короля находилась высшая военная власть⁵⁴. «После поражения герулов Германарих двинул войско (“arma commovit”) против венетов» (Get., 119). Иордан обращает внимание на два отличительных качества этого войска (Get., 118), видимо, особенно заметные в сравнении с легковооруженными герулами: твердость, устойчивость (“stabilitas”) и размеренность движений в наступлении (“tarditas”). Источники почти ничего не сообщают о характере, составе и численности остроготского племенного войска, которое на их языке называлось “harjas” (в рунических надписях — “hari”)⁵⁵. Несколько позднее Евнапий (fr. 37) и Олимпиодор (fr. 9) именуют остроготских воинов «благородными», при этом последний называет готские отряды «оптиматами». Судя по всему, они были не очень многочисленны. Недавно Х. Вольфрам привел веские аргументы в пользу того, что все готское войско насчитывало не более трех тысяч воинов⁵⁶. По данным лексики «Готской Библии», общеплеменное войско “harjas” делилось на отряды — “hansa” (соответ. греч. “ολεῖρα” — когорта), численность которых варьировала очень сильно⁵⁷.

С высокой долей вероятности можно допустить, что основу остроготского войска Эрманариха составляла королевская дружина (“drauhti”). На ее наличие указывают не только многочисленные успешные войны Эрманариха, но и свидетельства Иордана в описании войн с герулами и венетами. «Но ничего не стоит великое число негодных для войны, особенно в том случае, когда и бог попускает; и множество воо-

⁵³ Циркин Ю.Б. Указ. соч. С. 87.

⁵⁴ О военной власти германских королей см.: Wolfram H. Heerkönigtum // RGA 1999. Bd. 14. S. 115—118.

⁵⁵ Вольфрам Х. Указ. соч. С. 145—150; Казанцева Т.Ю. Об основных группах готских существительных со сложными основообразующими формантами и их параллелях в индоевропейских языках // Вестник ТГПУ. Сер.: Гуманит. науки Филология. 2006. № 4. С. 22.

⁵⁶ Вольфрам Х. Указ. соч. С. 145.

⁵⁷ Бенвенист Э. Указ. соч. С. 68.

руженных подступает» (Get., 119). Помимо этого свидетельства на существование остроготской дружины указывают и другие факты. Известно, что в 376 г. даже везиготский вождь Фритигерн пришел на пир к Лупициану с небольшой дружиной — “cum raucorum comitatum” (Get., 135). У знаменитого вестготского авантюриста Сара было не более 500 всадников, однако они отличались воинской выучкой и доблестью.

Библия Вульфила донесла до нас названия готских дружинников — “andbahtos”, “sironios” («ученик», «сообщник»)⁵⁸. В языке Вульфила довольно часто встречается и слово “ga-drauhths”, имеющее более выраженное военное значение: «солдат, воин, страж»⁵⁹. Весьма показательно, что оно начинается с префикса “ga-” со значением «совместность»⁶⁰ и используется для передачи греческого слова “στρατιώτης” — «воин». По весьма правдоподобному предположению Е.А. Сорокиной, у готов человек, возможно, мог считаться воином только в том случае, если он входил в состав особой группы людей, объединённых совместной деятельностью, в частности воинским делом⁶¹. При этом “ga-drauhths” не только являлся членом сообщества, но и имел над собой начальника, на что прямо указывает текст «Готской Библии» (Mat. 8: 9). По данным нарративных источников остроготская дружина, скорее всего, представляла сообщество молодых мужчин, сплотившихся вокруг вождя подобно “comitatus” древних германцев (Tac., Germ., 13-14).

За свою службу готский воин-дружинник получал вознаграждение — “misdo” (слав. «мзда») и “anno” (от лат. “annona” — выплаты римским войскам эпохи домината)⁶². Весьма показательно, что глава готской дружины назывался в Библии Вульфила “reiks-andbahts”. Известно, что вскоре после смерти Эрманариха опекун малолетнего короля Видериха гревтунгский вождь Алатей имел свою дружину (Amm. Marc., XXXI.4.12 и 12.14). Его отряд наряду с аланской конницей Сафрака сыграл едва ли не решающую роль в разгроме римской императорской армии при Адрианополе в 378 г.⁶³ По предположению Х. Вольфрама, власть подобных военных предводителей, “duces exerciti” (Amm. Marc., XXXI.3.3), вероятно, называлась у готов “*drauhtins”⁶⁴. Они вели готских воинов в поход (гот. “drauhtinassus”). Скорее всего, имен-

⁵⁸ Вольфрам Х. Указ. соч. С. 151.

⁵⁹ Feist S. Op. cit. S. 185.

⁶⁰ Гухман М.М. Готский язык. М., 2008. С. 207.

⁶¹ Сорокина Е.А. Кто такие прагерманские “*druht-”? // Индоевропейское языкознание и классическая филология: мат-лы XIV чтений, посвящ. памяти проф. И.М. Тронского. СПб., 2010. С. 334.

⁶² Wolfram H. Gotische Studien II // *MIÖG*. 1975. Bd. 83. S. 310.

⁶³ Castritius H. Safrax (Alatheus-Safrax-Gruppe) // *RGA*. 2004. № 2. S. 91—96.

⁶⁴ Вольфрам Х. Указ. соч. С. 170.

но таким «дуксам» на римской службе вручались золотые медальоны с портретами императоров. В Империи их изготавливали специально для награждения союзных варварских вождей⁶⁵. Весьма примечательно, что они найдены не только на территории западной тервингской части Готии, но и в Поднепровье, в частности в Киеве, т.е. на землях, которые определенно находились в центре «державы» Эрманариха⁶⁶.

Готская дружина, скорее всего, была полиэтничной. Помимо готов в нее входили покоренные Эрманарихом герулы, вандалы и другие германцы⁶⁷. Воину-вандалу, скорее всего, принадлежало погр. 86 по обряду кремации с оружием из могильника Компанийцы. Как уже отмечалось, до V в. воинов-готов с оружием обычно не хоронили. Известны черняховские ингумации, сопровождаемые оружием и удилами, характерными для сарматов (могила с подбоем и катакомба Кантемировского могильника). Не исключено, что в состав дружины Эрманариха входили ираноязычные воины — выходцы из степного сармато-аланского мира. Большинство черняховских погребений с оружием и снаряжением всадника датируется не ранее второй трети IV в. Это важный археологический аргумент в пользу появления остроготской дружины именно при этом короле. Формирование «дружинной» системы было важным шагом в постепенной переходе от традиционного родоплеменного устройства к раннеклассовому обществу⁶⁸. Более того, современные исследователи считают дружину государствообразующим институтом и главным органом зарождающегося государства⁶⁹. Они рассматривают «дружинное государство» в качестве одного из промежуточных звеньев между «вождеством» и «ранним государством»⁷⁰. Скорее всего, именно дружина, а не ополчение, как в III в., составляла основную военную силу остроготского короля. Существование постоянной дружины оправдывалось «хроническим милитаризмом» Эрманариха, направленным на покорение новых земель и народов. Вероятно, именно дружина сыграла решающую роль в превращении королевства остроготов в «двухуровневое государство»⁷¹. Его верхний

⁶⁵ Щукин М.Б. Готский путь... С. 219. Рис. 23.

⁶⁶ Яценко С.О. Костюм вельможного варвара на медальоні з Веріхвні // Археологія. 1993. № 1. С. 119.

⁶⁷ Левада М.Е. Указ. соч. С. 194—249.

⁶⁸ Schlesinger W. Randbemerkungen zu drei Aufsätzen über Sippe, Gefolgschaft und Treue // Beiträge zur Deutschen Verfassungsgeschichte des Mittelalters. Göttingen, 1963. Bd. 1. S. 296—316; Thompson R. The Early Germans. Oxford, 1965. P. 48—66.

⁶⁹ Мельникова Е.А. К типологии предгосударственных образований в Северной и Северо-Восточной Европе // Древнейшие государства Восточной Европы. 1992—1993. М., 1995. С. 22.; Шинаков Е.А. Указ. соч. С. 30.

⁷⁰ Куббель Л.Е. Очерки потестарно-политической этнографии. М., 1988. С. 52, 147.

⁷¹ Об этом понятии применительно к Древней Руси см.: Шинаков Е.А. Указ. соч.

«имперский» уровень составлял королевский род, а также его окружение и дружина, нижний — региональные вожества и старейшины входивших в него многочисленных общин.

При исторической оценке зрелости “*regnum*” Эрманариха следует обратить внимание на интересное свидетельство Иордана, который утверждал, что остроготский король заставил все покоренные народы «повиноваться своим законам» (Get., 116). Здесь готский историк употребляет обычное латинское выражение “*suisque parere legibus fecit*”, хотя ему известно подлинное название древнейших, собственно готских законов, которые, «будучи записаны, и до сих пор зовутся «белагины» (Get., 69). Еще Я. Гримм перевел гот. “*belagines*” как “*die Satzung*” — «постановление/узаконение»⁷². Только вряд ли они на самом деле были записаны в те далекие времена, о которых говорится у Иордана. Скорее всего, это были нормы обычного права, применявшиеся для судопроизводства в собственно готской среде.

В таком случае “*leges*” Эрманариха могли быть чем-то вроде “*jus gentium*” архаического римского права, использовавшегося при судопроизводстве над покоренными остроготами народами Восточной Европы⁷³. Если это так, то в правовой области “*regnum*” Эрманариха уже переросло тот рубеж, который отделял традиционные доклассовые общества от раннеклассовых, где отношения между людьми все больше определяются не обычаями, а правом⁷⁴.

Но, отдавая должное могуществу последнего остроготского короля, все же, кажется, не следует преувеличивать степень его единоличной власти. В рассказе Иордана о нашествии гуннов содержится интересное свидетельство о существовании у остроготов народного собрания вроде германского тинга: “*suoque cum rege deliberant, qualiter tali se haste subducant*” — «и стали рассуждать со своим королем, как бы уйти от такого врага» (Get., 129). Кстати, чуть позже тоже самое сделали и везиготы, которые после долгих размышлений «по общему согласию» направили послов к императору Валенту с просьбой принять их в его подданство (Get., 123). В готской лексике известно слово “*maþi*” для обозначения народного собрания, основа которого восходит к более древнему индоевропейскому глаголу со значением «встретаться», «сходиться»⁷⁵. На наш

С. 38, 151.

⁷² *Grimm J.*: Über Jornandes und die Geten // Kleine Schriften. В., 1866. Bd. III. S. 228.

⁷³ Из Библии Вульфилы мы знаем и другое гот. слово для обозначения закона — “*witof*”, восходящее к глаголу «видеть», «знать», а также “*aifþ*” — «клятва». См.: Скардильи П. Указ. соч. С. 39, 60.

⁷⁴ *Зиньковская И.В.* О “*regnum*” Эрманариха // Норция. Воронеж, 2009. Вып. 6. С. 197—207.

⁷⁵ *Скардильи П.* Указ. соч. С. 39.

взгляд, эти свидетельства являются подтверждением той важной роли, которую еще играли военно-демократические традиции в жизни готского общества в последние годы его существования на юге Восточной Европы.

§ 2. Королевство Эрманариха в свете современных концепций потестарности

На основании проведенного выше анализа следует попытаться определить тип остроготской потестарности и ее место в политогенезе Восточной Европы. Согласно рассмотренным свидетельствам Иордана, отношения между Эрманарихом и завоеванными им племенами складывались по принципу прямого «подчинения его законам», что приводило, по всей видимости, к образованию настоящей «варварской империи», с сильными центробежными тенденциями и возрастающим напряжением на периферии. Сама по себе королевская власть, как и всякая политическая власть, имеет тенденцию организовать подвластное население в нечто социально целое, новую этнополитическую общность, что мы и видим по археологическим материалам черняховской культуры. Если обратить внимание на размеры ее территории, на единство стиля ее культурного ядра, то не остается сомнения в том, что мы имеем дело с т.н. крупномасштабным обществом⁷⁶.

По современной типологии ранних варварских политий, «regnum» Эрманариха было уже суперсложным вождеством. На наш взгляд, предложенная Н.Н. Крадиным концепция суперсложного вождества⁷⁷ вполне применима к остроготскому социому, которое по данным археологии (черняховская культура) было полиэтничным и начитывало как минимум сотни тысяч человек. Но, разумеется, оно не было кочевым, а базировалось на комплексном земледельческо-скотоводческом хозяйственном укладе. В этом смысле остроготский материал, кажется, заставляет внести существенные коррективы в концепцию суперсложных вождеств Н.Н. Крадина, которые якобы всегда создавались только кочевыми народами. В Остроготском королевстве мы явно имеем случай такого масштабного вождества, созданного на ином оседлом земледельческо-скотоводческом укладе.

Здесь уместно остановиться на оценке королевства Эрманариха в исследованиях Л.Е. Гринина. Он является сторонником гипотезы аль-

⁷⁶ О понятии «крупномасштабное общество» см.: Березкин Ю.Е. Америка и Ближний Восток: формы социополитической организации в догосударственную эпоху // ВДИ. 1997. № 2. С. 3—24.

⁷⁷ Крадин Н.Н. Кочевые общества. Владивосток, 1992. С. 146—152.

тернативности путей становления постпервобытной социальной организации⁷⁸. Исходя из этой гипотезы, исследователь отнес королевство Эрманариха к «аналогам раннего государства»⁷⁹. Но если вдуматься в его характеристику, то за всей новаторской терминологией мы увидим традиционную для нашей науки точку зрения на королевство Эрманариха как на союз с достаточной сильной властью верховного вождя, состоявший из многих разноязычных, чуждых друг другу племен. Кажется, в этом случае Л.Е. Гринин оказался в плену традиционной марксистской исторической терминологии. Мы уже обращали внимание на то, что называть королевство Эрманариха «союзом племен», нет никаких оснований, т.к. в источниках не содержится ни одного свидетельства о подлинно союзнических отношениях остроготов с народами, входившими в их военно-политическое образование IV в. Наоборот, все они оказались в его составе в результате завоевания, покорения, подчинения (Get., 116-120). К тому же, как известно, союзы племен обычно недолговечны, тогда как, судя по хронологии черняховской культуры, готские политические образования в Северном Причерноморье существовали не менее 4—5 поколений. Нам представляется, что «альтернативный» подход Л.Е. Гринина мало что может дать для понимания природы Остроготского королевства на юге Восточной Европы. Для решения этого вопроса многое зависит от того, что считать государством, и чем оно принципиально отличалось от более ранних догосударственных форм организации общества⁸⁰.

Л.Е. Гринин дает свое определение «раннего государства», которое представляет интерес для нашей темы: «Раннее государство — это категория, с помощью которой описывается особая форма политической организации достаточно крупного и сложного аграрно-ремесленного общества (группы обществ, территорий), определяющая его внешнюю политику и частично социальный и общественный порядок; эта политическая форма есть в то же время отделенная от населения организация власти: а) обладающая верховностью и суверенностью; б) способная принуждать к выполнению своих требований и перераспределять ресурсы; в) построенная в основном не на принципе родства»⁸¹.

На наш взгляд, приведенные выше базовые характеристики королевства Эрманариха по данным нарративной традиции и археологии во многом (хотя и не во всем) соответствуют перечисленным критериям «раннего государства» как определенной стадии политогенеза. Оставив-

⁷⁸ Гринин Л.Е. Политогенез: генеральная и боковые линии. Волгоград, 2000.

⁷⁹ Гринин Л.Е. Раннее государство и его аналоги // Раннее государство, его альтернативы и аналогии. Волгоград, 2006. С. 94.

⁸⁰ О критериях государственности см.: Государство в истории общества к проблеме критериев государственности. М., 2001.

⁸¹ Гринин Л.Е. Раннее государство и его аналоги... С. 86—87, 112.

шее черняховскую культуру многочисленное, изначально неоднородное в этническом отношении население проживало в рамках крупномасштабного сообщества, по размерам и уровню сложности вполне сравнимого с «ранним государством». Причем, исходя из типологии Л.Е. Гринина, по последнему критерию оно скорее соответствовало «крупному раннему государству»⁸². Здесь важно не забывать, что «раннее государство» — это всегда государство неполное, какие-то очень важные его элементы еще отсутствовали или были еще недоразвиты⁸³. Часто такие «неполные» государства только надстраивались над обществом, ограничиваясь военными и перераспределительными задачами, сбором дани, повинностей и пошлин, не проникая в толщу его жизни. Естественно, на этапе становления «раннего государства» в нем сохранялось еще очень много остатков и элементов предыдущей стадии политогенеза, в нашем случае — «суперсложного вождества». Но важно то, что уже не они определяют сущность новой политики — формирующегося «раннего государства», каковым, скорее всего, и становилось Остроготское королевство при Эрманарихе.

Известно, что многие «ранние государства» появлялись на последнем этапе политогенеза, когда на первое место выдвигается война. Ее цель — не просто грабеж, а увеличение территории и населения для производства и реализации избыточного продукта. У истоков Остроготского королевства стояли более ранние «военные политики» готов III в., наложившиеся на местные потестарные образования⁸⁴. Скорее всего, они начали оформляться еще во время миграции в Скифию при короле Филимире, т.к. у переселенцев в условиях постоянной военной опасности и столкновений с коренным населением неизбежно должна была усиливаться военная власть короля⁸⁵. Результатом такого завоевания стал межэтнический симбиоз и иерархия территорий, возникновение отношений «готский центр» и «местная племенная периферия»⁸⁶. Изначально королевство остроготов несло на себе отпечатки крупных

⁸² Там же. С. 111; Л.Е. Гринин считает для «аналога раннего государства» критическим размер в несколько сот тысяч человек. По его словам, это, вероятно, тот предел, за которым такая полития или разваливается, или трансформируется в государство. На наш взгляд, даже по самым скромным подсчетам население черняховской культуры достигло, а, скорее всего, превзошло этот демографический порог.

⁸³ Гринин Л.Е. От раннего к зрелому государству // Раннее государство, его альтернативы и аналогии. Волгоград, 2006. С. 525—526.

⁸⁴ Там же. С. 106.

⁸⁵ Nordgren I. The Well Spring of the Goths: about the Gothic Peoples in the Nordic Countries and on the Continent. N.Y.;Lincoln;Shanghai, 2004. P. 555.

⁸⁶ О подобных образованиях см.: Пузанов В.В. Образование Древнерусского государства: межэтнический симбиоз и иерархия территорий // Формирование российской государственности: разнообразие взаимодействий «центр-периферия» (этнокультурный и социально-политический аспекты). Екатеринбург, 2003. С. 108.

перемен, ярче всего запечатленных в пассаже Иордана о «деяниях» Эрманариха⁸⁷. Здесь «раннее государство» образовалось на базе суперсложного вожества с сильной властью вождя-короля, опирающегося на войско-дружину в процессе завоевания и присоединения новых обширных территорий. Все это неизбежно вело к усложнению общественной жизни, вызванного как обстоятельствами переселения и завоевания, так и внутренними противоречиями этого общества. Такая схема остроготского политогенеза хорошо согласуется с современными представлениями о начале государственности, которая чаще всего рождалась в результате каких-то резких перемен.

В то же время, неуловимость и расплывчатость перехода от «сложного вожества» к «раннему государству» признают многие исследователи этого феномена. По нашему мнению, став двухуровневым и полиэтническим, оно переросло рамки «суперсложного вожества» и эволюционировало в сторону «раннего государства».

В целом, остроготы Эрманариха проявили явно большее стремление к масштабному политическому образованию, нежели везиготы, долгое время сохранявшие в Гуттиуде (“Gútpiuda”) племенное дробление с вождями — «судьями» во главе⁸⁸. Экспансию остроготов на север и северо-восток осуществляла пассионарная, воинственная, хотя, скорее всего, и не очень многочисленная группа племен, а точнее — дружин, привычных к подвижной жизни⁸⁹. Они еще не принадлежали к развитой цивилизации, не были склонны к прочной оседлой жизни, не имели устойчивых политических скреп. Основное направление готской экспансии на север, вдоль больших рек было обусловлено не только естественным стремлением овладеть главными торговыми магистралями Восточной Европы, но не в последнюю очередь — невозможностью продвижения готов на юг к границам богатых римских провинций, особенно после поражения, нанесенного им Константином Великим в 332 г.

В результате с Империей был заключен мирный договор (“foedus”), не нарушавшийся варварами до 367 г.⁹⁰ Кажется, совокупность этих предпосылок и факторов сыграла не последнюю роль в возникновении обширного “regnum” Эрманариха, хотя, конечно, не следует сбрасывать со счетов и личные заслуги этого могущественного остроготского короля. Судя по впечатляющим результатам его завоеваний, он обладал всеми качествами харизматического лидера, сумевшего создать в Восточной Европе, если верить Иордану, «державу», по масштабам

⁸⁷ О переменах в политической жизни общества как условия возникновения раннего государства см.: Гринин Л.Е. Указ. соч. С. 114—115, 125.

⁸⁸ Санников С.В. Указ. соч.

⁸⁹ Шукин М.Б. Готский путь... С. 210—215.

⁹⁰ Вольфрам Х. Указ. соч. С. 94—95.

не уступавшую Руси IX в. В этом смысле политогенез у остроготов под управлением Эрманариха вел к политической централизации огромного восточноевропейского региона и «авторитаризации» системы управления его разноэтничным населением. Как известно, укрупнение социально-исторических организмов было важным условием прогресса общества, особенно на стадии классовообразования и политогенеза⁹¹.

И хотя иные потестарные институты “*regnum*” Эрманариха, в отличие от везиготского общества эпохи Атанариха⁹², нам неизвестны, вряд ли по уровню развития они сильно уступали последним, а, если принять во внимание более внушительные масштабы Остроготской «державы», скорее всего, даже их превосходили. Судя по всему, она демонстрировала потенциальную возможность возникновения варварского королевства вне территории римских провинций, еще в восточноевропейском Барбарикуме (рис. 1). Но в отличие от более поздних варварских государств V—VI вв., сложившихся в различных частях гибнущей Империи, она не имела питательной «римской» почвы, старой цивилизации («синтезная зона»), хотя кое-что из нее готы успели воспринять.

Итак, мощь Остроготского королевства основывались, прежде всего, на авторитете и достижениях короля Эрманариха, опиравшегося на дружину. Последующую экспансию его королевства сейчас объясняют различными геополитическими, экономическими и социальными факторами: контролем важнейших торговых речных путей Восточной Европы, службой в Римской империи тысяч молодых варваров в качестве федератов, которые приносили «домой» достижения провинциально-римской культуры, иными влияниями позднеантичной цивилизации⁹³. По своему геополитическому положению, полиэтничной структуре и роли в нем речных магистралей государство Эрманариха IV в. в известной мере было предтечей Киевской Руси IX в., также возникшей на главных торговых путях Восточной Европы, связывающих север и юг. Этот вывод, впервые сделанный М.И. Ростовцевым почти сто лет назад⁹⁴, несмотря на некоторый налет модернизации, находит новые подтверждения не только в письменных, но и археологических источниках.

Известно, что одна из очевидных характеристик перехода к государственности — это «эффект снежного кома»: если он пришел в движе-

⁹¹ Семенов Ю.И. Война и мир в земледельческих предклассовых и ранних классовых обществах // Война и мир в ранней истории человечества. М., 1994. Ч. 3. С. 120.

⁹² Корсунский А.Р. О социальном строе вестготов IV в. // ВДИ. 1965. № 3. С. 64—74.

⁹³ Щукин М.Б. Указ. соч.; Schramm G. Altrusslands Anfang. Historische Schlüsse aus Namen, Wörtern und Texten zum 9. und 10. Jahrhundert. Freiburg im Bressgau, 2002. S. 48—67.

⁹⁴ Ростовцев М.И. Происхождение Киевской Руси // Современные записки. 1921. Вып. III. С. 142—149.

ние, то двигается все быстрее и быстрее⁹⁵. В современной культурной антропологии это явление описывается с помощью понятия социального ароморфоза. Действительно, по меркам того времени образование «державы» Эрманариха происходило весьма стремительно, на глазах одного-двух поколений. В результате впечатляющих военных успехов власть короля становилась все более сильной и непререкаемой⁹⁶. Все это сопровождается ростом значения принуждения и контроля, яркие примеры которых сохранил рассказ Иордана. О росте государственности говорят и те функции верховной власти Эрманариха (военная, административная, законодательная, судебная, сакральная), которые рассматривались выше. В итоге на юге Восточной Европы складывалась новая этнополитическая общность, в которую входили остроготы, везиготы и другие племена, и в отношении которой Иордан однажды употребил термин “societas” (Get., 130).

В науке давно установлена определенная связь между признаками наличия в том или ином обществе государственности и цивилизации⁹⁷. Недавно Н.Н. Крадин составил корреляционную таблицу между десятью основными критериями сложного общества⁹⁸. Мы воспользовались ею и провели корреляцию между наиболее характерными признаками черняховской культуры по тем же критериям. В результате выявилась сильная связь между такими важными признаками как «оседлость», «агрикультура», «высокие ремесленные технологии», «транспорт», «монеты», «политическая интеграция» и в меньшей степени «социальная стратификация» и «письмо». Большинство из перечисленных признаков указывают на увеличение культурной и социальной сложности черняховского общества. Как известно, такой уровень исторического развития Г. Чайлд в свое время назвал цивилизацией. В то же время в черняховском социуме отсутствовали (или находились в зачаточном состоянии) урбанистические структуры, которые обычно рассматриваются в качестве надежного признака цивилизации, хотя очень крупные черняховские поселения площадью в десятки гектар известны. Наконец, нельзя сбрасывать со счетов и причерноморские античные города Ольвию, Тиру, а может быть, даже и Боспор.

Большинство советских ученых, опиравшихся на марксистскую формационную концепцию истории, относили остроготское общество

⁹⁵ The Early State / Ed. H.J. Classen, P. Skalnik. Hague, 1978. P. 624—625.

⁹⁶ Гринин Л.Е., Указ. соч. С. 114—115.

⁹⁷ Современный взгляд на эту проблему см.: Ерасов Б.С. Государство и цивилизованное устройство общества // Государство в истории общества (к проблеме критериев государственности). М., 2001. С. 309—341.

⁹⁸ Крадин Н.Н. Археологические признаки цивилизации // Раннее государство, его альтернативы и аналогии. Волгоград, 2006. С. 192—193.

к той ступени исторического развития, которая традиционно характеризовалась как разложение родоплеменного строя (А.Р. Корсунский, Э.А. Рикман, Э.А. Симонович, В.Д. Баран и др.)⁹⁹. Б.Д. Греков, Б.А. Рыбаков, В.И. Довженок определяли черняховское общество как складывающееся раннефеодалное¹⁰⁰. Но, как известно, феодальным оно так никогда и не стало. Кажется, нельзя относить его и к «дофеодальным» обществам¹⁰¹, тем более что само это понятие подвергается обоснованной критике в современной медиевистике. Наконец, в последнее время некоторые исследователи (М.Ю. Брайчевский, О.М. Приходнюк, В.Н. Войнаровский) пришли к заключению, что черняховское общество уже значительно ушло от первобытности и находилось на пути к построению своей государственности без уточнения ее типа. Так, по оценке О.М. Приходнюка это было многоэтническое, полугосударственное общество, консолидирующееся в единый социальный организм, по уровню развития достигшее стадии «протоцивилизации»¹⁰².

Проанализированные выше данные нарративных источников и археологии позволяют охарактеризовать остроготское общество эпохи Эрманариха как многоуровневую социально-политическую организацию. В ней выделяются надплеменной («имперский»), национальный (готский), региональный и местный (общинный) уровни организации для регулирования социальных отношений в формирующемся полиэтничном обществе, разделяющемся, по крайней мере, на три сословия (страты): 1) правящий род Амалов и его окружение, включая дружину, 2) свободные готы, 3) различные группы зависимого населения и данники. При этом у остроготов прослеживается процесс развития экзополитарной системы эксплуатации, направленной на другие, покоренные этносы и ресурсы отдаленных областей. Как видно из этой характеристики, социально-политическая организация готов не обладала

⁹⁹ Корсунский А.Р. Указ. соч. С. 64; Рикман Э.А. Этническая история населения Поднестровья... С. 253—262; Симонович Е.О. «Князівські» поховання черняхівської культури // Тези доп. V Поділ. ист.-краєзнав. конф. Кам'янець-Подільський, 1980. С. 128—130; Баран В.Д. Черняхівська культура... С. 129; Винокур І.С. Історія та культура черняхівських племен... С. 154—155.

¹⁰⁰ Павленко Ю.В. Раннеклассовые общества (генезис и пути развития). К., 1989. С. 241.

¹⁰¹ Юшков С.В. К вопросу о дофеодальном («варварском») государстве // ВИ. 1946. № 7. С. 64—65; Неусыхин А.И. Дофеодальный период как переходная стадия развития от родоплеменного строя к раннефеодальному // СВ. 1968. Вып. 31. С. 45—63; Васютин С.А. Основные этапы трансформации политических структур «дофеодальных варварских обществ» в эпоху Великого переселения народов и Раннее Средневековье // СВ. 2007. Вып. 68 (4). С. 34—65.

¹⁰² Приходнюк О.М. О культурно-историческом содержании археологических общностей (к проблеме интерпретации черняховской культуры) // Stratum: время великих миграций. 2000. № 4. С. 38—39.

базовыми признаками феодального общества даже в самом зачаточном его состоянии. Да этого не могло быть и в силу еще одного, стадийного фактора — в IV в. признаков феодального общества не было нигде. Зато здесь налицо почти все характеристики формирующегося «раннеклассового общества» и «раннего государства», как оно представляется современным исследователям¹⁰³.

Возможно, если бы развитие Остроготского королевства не было насильственно прервано гуннами, оно бы трансформировалось в зрелое государство. Еще раз отметим, что по уровню развития общественного разделения труда (агрикультуры, различных ремесел), население черняховской культуры по сути уже достигло стадии ранней цивилизации¹⁰⁴. Не вызывает сомнений, что у готов существовала частная собственность, о чем свидетельствуют замки и ключи, найденные не только на поселениях, но и в могилах. Определенное развитие в обществе получило денежное обращение, на что прямо указывают многочисленные находки римских монет и клады. Весьма развитой была и внешняя торговля с римскими провинциями (массовый позднеантичный импорт, монеты) и с северными областями Восточной Европы (продукция черняховского ремесла). Принятие христианства частью готов являлось важным показателем степени зрелости их общества. Об уровне их интеллектуального и духовного развития свидетельствует не только руническая письменность, но и умение пользоваться греческим и римским алфавитом. Исследователи не без основания допускают, что, по крайней мере, какая-то их часть могла быть грамотной¹⁰⁵.

И это не удивительно, если вспомнить о многочисленных конструктивных контактах готов с Римской империей, в особенности во время службы готской молодежи в качестве римских федератов в ее провинциях. Только по договору с Константином Великим 332 г. 40 тыс. готов стали федератами Империи (Get., 111-112). Скорее всего, последние и

¹⁰³ Колесницкий Н.Ф. К вопросу о раннеклассовых общественных структурах // ПИДО. 1968. Ч. 1. С. 618—637; Павленко Ю.В. Раннеклассовые общества (генезис и пути развития). К., 1989; Классен Х.Дж.М. Было ли неизбежным появление государства? // Раннее государство, его альтернативы и аналогии. Волгоград, 2006. С. 73; The Early State... P. 640.

¹⁰⁴ Вызывает удивление оценка В.П. Будановой уровня исторического развития варварских королевств Западной Европы как не преодолевших рубеж варварства и цивилизации. Она считает, что лишь франки подошли к порогу средневековой цивилизации. См.: Буданова В.П. Варварский мир эпохи Великого переселения народов. М., 2000. С. 95. По данным археологии, все варварские королевства V—VI вв. уже обладали основными диагностическими признаками цивилизации. Об археологических признаках цивилизации см.: Крадин Н.Н. Указ. соч. С. 184—210.

¹⁰⁵ Шукин М.Б. Указ. соч. С. 171—173; Ганина Н.А. Готские языковые реликты: автореф. дисс. ... докт. фил. наук. М., 2008. С. 11—12.

были той главной «движущей силой», которая приносила и прививала соплеменникам элементы высокой античной культуры — ведь каждый варвар-федерат на годы службы был культурно и политически интегрирован в римский мир. Отсюда он возвращался на родину во многом другим человеком, познавшим римскую армейскую дисциплину и тактику, познакомившимся с иным образом жизни, вкусившим цену денег и т.п. Во многом именно через таких ветеранов-федератов постоянно осуществлялся синтез достижений античной цивилизации и варварской культуры, который мы наблюдаем в черняховских древностях.

Готы во времена Эрманариха находились между варварством и цивилизацией как в стадийном, так и в геополитическом смысле. По ряду исторических свидетельств и объективных археологических показателей они достигли начальной ступени цивилизации, хотя в их повседневной жизни и социальной организации сохранялось еще очень много архаики. Кажется, во многом это было обусловлено тем, что ростки цивилизации появились в готском обществе не всегда естественным имманентным путем, а как результат теснейшего взаимодействия, взаимопроникновения и многочисленных заимствований из высокоразвитой позднеантичной цивилизации. Как только что говорилось, значительная часть готов — носителей черняховской культуры была постоянно инкорпорирована в Римскую империю в качестве федератов. По возвращению на родину они становились активными трансляторами достижений античной цивилизации среди соотечественников. Это явление служило мощным культурным катализатором социального развития как везиготского, так и остроготского общества IV в.

Но из-за трагических событий 375—376 гг. полиэтничное «regnum» Эрманариха так и осталось где-то на пороге цивилизации и самой ранней ступени государственности. На склоне лет все деяния Эрманариха были сведены на нет гуннским нашествием 375 г., а сам король покончил жизнь самоубийством (Amm. Marc., XXXI.3.2), совершив, по-видимому, ритуальное жертвоприношение¹⁰⁶. Он был последним представителем готского могущества на юге Восточной Европы. Тем не менее, и после него у остроготов королевское достоинство прочно удерживалось в роде Амалов (Get., 79-81, 246).

Разумеется, могли быть и иные, в том числе внутренние причины ослабления и упадка остроготского социума на юге Восточной Европы к концу IV в. В числе таковых специалисты по аграрной проблематике называют антропогенный (деградация черноземов, в результате их дли-

¹⁰⁶Gschwanter O. Ermanarich, sein Selbstmord und die Hamdirsage zur Darstellung von Ermanarichs Ende in *Getica* 24, 129 f. // *Die Völker an der mittleren und unteren Donau im fünften und sechsten Jahrhundert*. Wien, 1980. S. 187—204.

тельного использования под пашни) и природно-климатический факторы (наступление около 400 г. более влажного и холодного климата)¹⁰⁷. Конечно, понижение эффективности пашенного земледелия могло привести к нарушению всей социально-экономической структуры и в конечном итоге ослабить экономический базис королевства Эрманариха. Но вряд ли эти факторы сыграли решающую роль в его судьбе, как, впрочем, и в упадке черняховской культуры.

Гуннское нашествие — это не первый и, к сожалению, далеко не последний случай проявления «кочевнического тормоза» в истории Восточной Европы¹⁰⁸. После гибели короля Эрманариха остроготами, большей частью оказавшимися под властью гуннов, долгое время управлял лишь их собственный царек (“*proprius regulus*”). На несколько десятилетий они утратили свое “*regnum*” и опять превратились в кочующее народ-войско, продвигающееся на Запад с оружием в руках среди враждебных племен и народов¹⁰⁹. История Восточноевропейской Готии как самостоятельного этнополитического образования закончилась. «Готский путь» так и не привел народы Восточной Европы к развитой цивилизации. Но память о нем в течение веков сохранялась в средневековых германских сагах, которые воспевали образ властного и жестокого Великого короля — Эрманариха/Хейдрекка/Ёрмунрекка.

•

¹⁰⁷ Шишкин Р.Г. К вопросу о природных условиях киевских и черняховских памятников Среднего Поднепровья // *Stratum*. 2001—2002. № 4. С. 366.

¹⁰⁸ Андерсон П. Указ. соч. С. 209—211.

¹⁰⁹ Уоллес-Хедрилл Дж.-М. Варварский Запад (Раннее Средневековье 400—1000 гг.). СПб., 2002. С. 37; Вольфрам Х. Указ. соч. С. 41.

Заключение

Исследование комплекса разнообразных источников о королевстве Эрманариха позволяет считать его не мифом и не выдумкой Иордана, а скорее исторической реальностью, нашедшей отражение в исторических сочинениях позднеантичных авторов, в героическом эпосе Раннего Средневековья, а также в многочисленных археологических материалах черняховской культуры. Важно, что эти источники принадлежат к различным видам, имеют разную природу и поэтому не зависят друг от друга в передаче информации об остроготах. Анализ отечественной и зарубежной историографических традиций о королевстве Эрманариха выявил не только достижения, но и заблуждения исследователей в изучении готской проблемы, в ряде случаев он помог установить их причины.

Сам факт исторического существования “regnum” Эрманариха установлен благодаря свидетельствам, сохранившимся в литературной и эпической традиции. Мы попытались выделить ядро достоверных сведений об Остроготском королевстве и последнем его правителе в различных нарративных источниках путем их перекрестного анализа. Но для решения готской проблемы нужно было выйти за пределы традиционных текстов в «вещный мир» прошлого. Современная наука накопила огромный фонд археологических источников, которые специально никак не предназначались в качестве носителей информации о прошлом и поэтому несут в себе лишь «ненамеренное» сообщение¹. При этом мы полностью разделяем исследовательский принцип, что «никакое создание культуры и искусства не исчерпывается содержанием, вложенным в него автором, в нем обнаруживается гораздо больше, чем мы думали и знали»².

Историографический анализ показал, что к концу XX в. приоритет в изучении готской проблемы перешел к археологии. При этом российское и украинское черняховедение явно переросло традиционный вещеведческий уровень исследований и вплотную приблизилось к решению ключевых вопросов истории юга Восточной Европы на рубеже Древности и Средневековья. В последние годы М.Б. Щукин, Б.В. Магомедов и другие российские и украинские ученые фактически вышли на новый уровень исторического анализа черняховской культуры — своего рода археологической презентации королевства Эрманариха.

Тексты Аммиана Марцеллина и Иордана, лексика «Готской Библии» Вульфилы, но особенно массовые археологические материалы объек-

¹ Клейн Л.С. Введение в теоретическую археологию. СПб., 2004. Кн. 1. С. 42.
Кнабе Г. Избранные труды: теория и история культуры. М., 2006. С. 154.

тивно показывают, что по ряду базовых показателей готское общество в IV в. переходило грань, отделявшую варварство от цивилизации. Есть все основания говорить о том, что носители черняховской культуры достигли уровня второго общественного разделения труда, когда ремесло отделялось от сельского хозяйства. В сфере сельскохозяйственного и ремесленного производства, особенно в элитарной субкультуре быстрыми темпами шел синтез достижений позднеантичной цивилизации и местной варварской культуры. В определенных отношениях социум, оставивший черняховскую культуру IV в., прочно входил в мир-систему позднеантичной римской цивилизации³. Однако в его социальной организации и духовной культуре сохранялось множество архаических элементов, свойственных обществам на стадии «военной демократии». Складывается впечатление, что он лишь «вступал» в эпоху цивилизации, причем, весьма быстрыми темпами. Но развить все прогрессивные зачатки ему в полной мере так и не удалось из-за страшного гуннского нашествия.

По меркам того времени образование «державы» Эрманариха происходило весьма стремительно, на глазах одного-двух поколений. В результате впечатляющих военных успехов власть короля становилась все более сильной и непререкаемой. Все это сопровождается ростом принуждения и контроля, яркие примеры которых сохранил рассказ Иордана. По существу это была военная разновидность политогенеза⁴, но без заметной роли аристократии. Он вел к централизации огромного восточноевропейского региона и «авторитаризации» системы управления его многочисленным полиэтничным населением. Отношения между королем Эрманарихом и завоеванными народами складывались по принципу прямого «подчинения его законам», что приводило, по всей видимости, к образованию настоящей «варварской империи». Однако полиэтничное объединение варваров Восточной Европы во главе с королем Эрманарихом оказалось весьма непрочным, что сразу обнаружилось при столкновении остроготов с гуннами. Преобладание в Остроготском королевстве внешних военно-политических связей между уцелевшими племенными структурами и королем привело к тому, что как только эти связи рухнули и погиб король-основатель, распалось и само его королевство. Анализ сведений Аммиана Марцеллина и Иордана не оставляет сомнений в том, что владения Эрманариха занимали обширные пространства в Причерноморье и Приазовье между Доном на востоке и Днестром на западе. Иордан представлял королевство Эрманариха как огромную державу, включавшую не

³ О современном понимании термина «мир-система» см.: *Гринин Л.А., Коротяев А.В. Социальная макроэволюция. Генезис и трансформации Мир-Системы.* М., 2008. С. 10—14.

⁴ *Куббель Л.Е. Очерки потестарно-политической этнографии.* М., 1988. С. 45, 134—136.

только приморскую полосу Причерноморья, но и внутренние районы, населенные венетами и «северными народами», проживавшими уже в лесной зоне. Оставившее черняховскую культуру многочисленное, изначально неоднородное в этническом отношении население проживало в рамках крупномасштабного сообщества, по размерам и уровню сложности вполне сравнимого с «ранним государством». Но здесь возникают трудности методологического уровня. До сих пор в российской медиевистике появление варварских королевств связывалось с синтезом позднеримских и германских потестарных начал, возможным только после переселения варваров на территорию Римской империи. Когда владения Эрманариха на юге Восточной Европы рассматривались советскими учеными как «союз племен», а Остготское королевство Теодориха Великого в Италии как «варварское государство» вроде бы все логично выстраивалось в стройную эволюционную цепочку. Но для наблюдателя со стороны и подвластные Эрманариху земли представлялись королевством — “*regnum Gothorum*”, а сам он именовался “*rex*”. Еще раз обратим внимание на огромные размеры его владений, вполне сопоставимые с самыми крупными западноевропейскими варварскими королевствами V—VII вв. В пользу варварского государства свидетельствует полиэтничность подданных Эрманариха, плохо совместимая с родоплеменным строем. Наконец, нельзя сбрасывать со счетов начавшийся синтез достижений античной цивилизации и местной варварской культуры в рамках “*regnum*” Эрманариха, которое могло включать и причерноморские античные города Ольвию, Тиру, а может быть, даже и Боспор. Уже по этим внешним критериям королевство Эрманариха следует считать государством. Поэтому назрел вопрос о разработке новой, более гибкой типологии варварских королевств, свободной от схематизма советской медиевистики 50—70-х гг. прошлого века.

В свете изученных нами источников складывается впечатление, что «держава» Эрманариха демонстрировала потенциальную возможность возникновения “*regnum barbaricum*” вне территории римских провинций, еще в восточноевропейском Барбарикуме. Представляется, что это был один из возможных путей исторического развития Восточной Европы на рубеже Древности и Средневековья. По своему геополитическому положению, полиэтничной структуре и роли в нем речных магистралей королевство Эрманариха IV в. в известной мере было предтечей Киевской Руси IX в., также возникшей на главных торговых путях Восточной Европы, связывающих север и юг. Объективно оно представляло первую попытку превращения разрозненных локальных миров Восточной Европы (степного, лесостепного и лесного) в крупномасштабное, обретающее государственность сообщество. Но в то время здесь оно так и не сложилось. Однако остался глубокий след в культуре, языке и исторической памяти о готском наследии у разных народов, в том числе у славян и русов.

Приложение

Источники,
содержащие сведения
о готах Эрманариха

1. Аммиан Марцеллин «Римская история»

XXXI.3.1-3.

И вот гунны, пройдя через земли аланов, которые граничат с гревтунгами и обычно называются танаитами, произвели у них страшное истребление и опустошение, а с уцелевшими заключили союз и присоединили их к себе. При их содействии они смело прорвались внезапным нападением в обширные и плодородные земли Эрменриха (Ermenrich), весьма воинственного царя (regis), которого страшились соседние народы, из-за его многочисленных и разнообразных военных подвигов.

Пораженный силой этой внезапной бури, Эрменрих в течение долгого времени старался дать им решительный отпор и отбиться от них, но т.к. молва все более усиливала ужас надвинувшихся бедствий, то он положил конец страху перед великими опасностями добровольной смертью.

Витимир (Vithimir), избранный после его кончины царем (rex), оказывал некоторое время сопротивление аланам, опираясь на другое племя гуннов, которых он за деньги привлек в союз с собой. Но после многих понесенных им поражений, он пал в битве, побежденный силой оружия. От имени его малолетнего сына приняли управление Алафей (Alatheus) и Сафрак (Safrax), вожди (duces) опытные и известные твердостью духа, но тяжкие обстоятельства сломили их и, потеряв надежду дать отпор, они осторожно отступили и перешли к реке Данастию, которая протекает по обширным равнинам между Истром и Борисфеном.

XXXI.4.12-13.

Между тем приблизился к берегам Истра и Витерик (Viderich), царь (rex) гревтунгов, вместе с Алафеем (Alatheo) и Сафраком (Safrace), которые были его опекунами, а также Фарнобий. Спешно отправив посольство, царь просил императора оказать ему столь же радушный прием. •

Послы получили отказ, как того, казалось, требовали государственные интересы, и гревтунги находились в тревожной нерешительности, относительного того, что им предпринять.

XXXI.5.3-4.

Этим удобным моментом воспользовались гревтунги: они заметили, что солдаты заняты были в другом месте и что переплывавшие с одного берега на другой суда, которые препятствовали их переходу, остаются в бездействии, они сколотили кое-как лодки, переправились и разбили свой лагерь вдалеке от Фритигерна.

Фритигерн с прирожденной ему предусмотрительностью старался обеспечить себя на всякий возможный случай в будущем, чтобы и императору выказать повиновение, и с могущественными царями (regibus) быть в союзе, он медленно продвигался вперед и небольшими переходами подошел, наконец, к Маркианополю.

Аммиан Марцеллин. Римская история / Пер. с лат. Ю.А. Кулаковского, А.И. Сонни. СПб., 1994.

2. «Страсти св. Саввы Готского»

От церкви Господа нашего, пребывающей в Готии, церкви Господа нашего, пребывающей в Каппадокии, и всем прочим братствам святой вселенской церкви во всех местах света — да преумножатся милость и любовь Бога Отца и Господа Иисуса Христа.

I.

1. Ныне как никогда раньше оправдываются слова святого Петра о том, что «во всяком народе боящийся Его и поступающий по правде приятен Ему». Ныне это подтверждается историей о благоверном Савве, который есть свидетель Бога и Спасителя нашего Иисуса Христа. 2. Ибо этот человек, гот по происхождению и житель Готии, сверкнул подобно молнии на небосводе, «среди строптивного и развращенного рода», в своих деяниях, будучи подобным святым и даже выделяясь среди них своим ревностным следованием заповедям Христовым. 3. Ибо с детства он стремился лишь к верности Спасителю и Господу нашему Иисусу Христу, считая наивысшей добродетелью постижение Сына Божьего. 4. И т.к. «любящим Бога, призванным по Его изволению, все содействует ко благу», он достиг «почести вышнего звания Божия во Христе Иисусе», которого желал с юности, и затем, борясь с врагом лицом к лицу, преодолевая несчастья этой жизни и всегда будучи дружелюбным ко всем ради собственной памяти и в назидание почитателям Бога после его освобождения в Господе, он велел нам не быть праздными, но писать о его победах.

II.

1. По вере своей Савва был ортодоксом, набожным и готовым к любому послушанию, добрым человеком, «невеждой в слове, но не в познании», который говорил со всеми дружелюбно во имя исти-

ны, попрекая идолопоклонников и «не превозносясь чрезвычайно», но «следуя смиренным», будучи сдержанным, спокойным, не пылким в речах и ревностным к любому доброму делу. 2. Он пел хвалу Богу в церкви, и это было его особой заботой. Не стремился он ни к деньгам, ни к богатству, довольствуясь лишь самым необходимым. Был он сдержанным во всем, не знавшим женщин, умеренным в пище и питье, соблюдавшим все посты, непреклонным в молитвах без тщеславия и подававшим всем людям добрый пример. Он делал свою работу и не вмешивался в дела, которые его не касались. В общем, он хранил незапятнанной «веру, действующую любовью» и всегда, не колеблясь, призывал преклоняться пред Господом.

III.

1. Не единожды, но много раз до своей мученической кончины совершал он благочестивые деяния, крепкий в своей вере. Первый раз случилось это, когда один из вождей в Готии стал выступать против христиан, заставляя их есть мясо жертвенных животных. Тогда кое-кто из язычников, живших в том же селении, что и Савва, предложил своим землякам-христианам открыто есть перед преследователями мясо животных, не принесенных в жертву на том же месте, чтобы таким образом сохранить невиновность своего народа и одновременно обмануть преследователей. 2. Узнав об этом, благоверный Савва не только сам отказался прикоснуться к запретному мясу, но выступил на собрании (δημοσίᾳ), говоря всем: «Тот, кто ест это мясо, не может быть христианином!» Таким образом он не дал им попасться в ловушку дьявола. За это те, кто задумал обман, изгнали его из деревни, но через некоторое время позволили вернуться. 3. В другой раз, когда время суда было передвинуто, как это обычно делается у готов, некоторые из язычников из той же самой деревни собирались при вознесении жертвоприношений богам поклясться преследователям, что в их селении нет ни одного христианина. 4. Но Савва вновь возвысил свой голос, выйдя и рядов общинников, собравшихся на совет (синедрион). Он сказал: «Пусть никто не приносит этой клятвы по поводу меня, ибо я — христианин». После этого поселяне, которые прятали своих друзей, в присутствии преследователей поклялись, что в их деревне только один христианин. 5. Услышав это, предводитель злодеев приказал привести к нему Савву. Когда он предстал перед преследователем, тот спросил у тех, кто его привел, владеет ли он каким-либо имуществом. Когда ему ответили, что Савва владеет лишь одеждой, которую носит, беззаконный подумал, что он не представляет для него опасности, и сказал: «Такой человек не может ни помочь, ни повредить нам». С этими словами он приказал вышвырнуть Савву.

IV.

1. Позднее, когда нечестивые возбудили в Готии великое преследование против церкви Господа нашего, Савва незадолго до святого дня Пасхи решил навеститься в другой город к пресвитеру Гуттикасу (Gouththikâs), чтобы встретить праздник вместе с ним. Когда Савва шел по дороге, ему явилась огромная сияющая фигура человека, который сказал: «Поворотись и возвращайся к пресвитеру Сансала (Sansalâs). Савва ответил: «Сансала нет дома». 2. На деле Сансала скрывался от преследований в Романии, но в то время только вернулся домой, чтобы отпраздновать святой день Пасхи. Савва же не знал о его возвращении, и поэтому ответил так явившейся ему фигуре, после чего продолжил свой путь к пресвитеру Гуттикасу. 3. После того, как Савва отказался последовать данному ему совету, внезапно на земле появился огромный сугроб снега (хотя погода в то время была хорошей), перегородивший дорогу так, что дальше пройти было невозможно. 4. Тогда Савва понял, что это сам Господь не хочет, чтобы он двигался дальше, и приказал ему вернуться к пресвитеру Сансале. Вознеся хвалу Богу, Савва развернулся и пошел обратно. Увидев Сансала, он возрадовался и рассказал ему и многим другим о видении, которое было ему на дороге. 5. Так они и отпраздновали Пасху. На третью же ночь после праздника по приказанию нечестивых явился Атарид, сын Ротестея, происходившего из королевского рода, с шайкой незаконных бандитов. Он напал на деревню, где нашел пресвитера спящим в своем доме и повелел связать его. Савву также вытащили нагим из его постели и тоже наложили на него узы. 6. Пресвитера посадили в повозку, а Савву же протащили нагим сквозь только что сожженные заросли, избивая его розгами и бичами в своем безжалостном безумии против служителей Божьих.

V.

1. Так жестокость врагов подтвердила терпение и веру праведника. Когда наступил день, Савва, прославляя Бога, сказал своим преследователям: «Не протащили ли вы меня через горелый пустырь, по острым шипам, нагим и босым? Смотрите, есть ли раны на моих ногах или рубцы на моем теле от всего этого или от побоев, которые вы мне учинили?» 2. Когда же они посмотрели и не увидели на его плоти ни следа от своих безжалостных деяний, они подняли ось повозки, возложили ее на его плечи, растянули его руки и привязали их к концам оси. Точно так же они растянули его ноги и привязали их к другой оси. Наконец они бросили его на оси, оставили лежать спиной на земле и до поздней ночи без жалости били его плетьюми. 3. Когда же мучители легли спать, пришла женщина и освободила Савву. Это была женщина, которая ночью готовила еду для людей, расположившихся в доме. Освобожден-

ный от пут, Савва остался на том же месте без всякого страха и присоединился к женщине в ее трудах. Когда наступил день, нечестивый Атарид повелел связать Савве руки и подвесить его на балке в доме.

VI.

1. Немного позднее от Атариды пришли люди, которые принесли мясо жертвенных животных, и сказали пресвитеру и Савве: «Атарид приказал принести это вам, и если вы это съедите, то ваши души избегнут смерти». 2. Пресвитер ответил: «Мы не будим есть это, т.к. для нас это невозможно. Скажите Атариду, чтобы он приказал распять нас или подвергнуть нас любой казни, какую он выберет». 3. Савва же сказал: «Кто отдал такой приказ?» Они ответили: «Наш господин Атарид». И Савва сказал: «Есть лишь один Господин — Бог Небесный, а Атарид — лишь человек, нечестивый и проклятый. А эта погибельная еда нечестива и богохульна, как и сам Атарид, пославший нам ее». 4. Когда Савва сказал это, один из приверженцев Атариды во внезапной вспышке гнева схватил пест и с силой метнул его, подобно дротику, прямо в грудь святого, так что видевшие это подумали, что кости Саввы сломаются от столь сильного удара, и он умрет на месте. 5. Но Савва, в своем стремлении к набожности преодолев терзавшую его боль, сказал палачу: «Вот, ты ударил меня пестом, но я скажу тебе, что я испытываю не больше боли, чем, если бы ты запустил в меня мотком шерсти». 6. И он подтвердил правоту своих слов, не издав ни крика, ни стоны боли, и на теле его не появилось никаких следов от удара.

VII.

1. Наконец, Атарид, увидев все это, приказал казнить Савву. Те, кому было предписано совершить это незаконное деяние, оставили пресвитера в путах, схватили Савву и повели его к реке Музейос, чтобы утопить. 2. Но благоверный Савва, помня заповеди Господни и любя ближнего своего как самого себя, сказал: «Чем так провинился пресвитер, что вы не казните его вместе со мной?» Они ответили ему: «Это тебя не касается». 3. Когда они сказали это, Савва в ликовании Святого Духа выкрикнул: «Благословен ты, Боже, и славно имя твое, Иисусе, на веки вечные, аминь, ибо Атарид идет к вечной смерти и разрушению, а меня посылает к жизни вечной. Доволен будешь ты своими слугами, Господь наш!» 4. И на протяжении всего пути он возносил хвалы Богу, думая о том, что «нынешние временные страдания ничего не стоят в сравнении с той славой, которая откроется в нас». Подойдя к реке, один из его стражей сказал другому: «Давай же освободим этого дурака. Атарид не узнает об этом». Но благоверный Савва сказал им: «Зачем вы тратите время, говоря ерунду, а, не делая то, что вам приказали? Ибо я вижу то, чего не видите вы: вон там, на другом берегу реки, во славе своей стоят святые, пришедшие

принять меня». 5. После этого стражи спустили все еще благодарящего и прославляющего Господа Савву вниз, бросили в воду и, приставив бревно к его шее, прижали его ко дну. Так обрел он совершенство через дерево и воду, сохранив неоскверненным символ спасения. Было ему тридцать восемь лет от роду. 6. Умер он на пятый день субботы после Пасхи или на день перед апрельскими Идами, в царствование августов Валентиниана и Валента и в консульство Модеста и Аринфея (12 апреля 372 г.).

VIII.

1. После этого палачи достали Савву из воды и ушли, бросив его непогребенным, но ни собака, ни дикий зверь не тронули тела. Позднее его подобрали и предали земле братья Саввы во Христе. Это были надежные люди, которых послал Юний Соран, славнейший предводитель (*vir clarissimus, dux*) Скифии, почитавший Господа. Они перевезли тело Саввы из варварской страны в Романию. 2. И, желая услужить своей родине, Юний отослал этот драгоценный дар и плод славной веры в Каппадокию к Вам на поклонение, выполняя волю коллегии пресвитеров, посвященных Господом, повинующихся Ему и боящихся Его. 3. Поэтому, принимая святое причастие в этот день, за который он сражался и за который нес свой венец, расскажите также своим братьям во всех странах, чтобы они могли проводить радостные празднества в каждой святой и вселенской церкви, восхваляя Господа, который избирает святых из своих преданных слуг. 4. Приветствуй же всех святых. А те, кого с тобой преследуют, приветствуют тебя. Тому, кто может собрать всех нас славой своей и благодеяниями в своем царстве, слава, честь, сила и величие, с его едиnorodным Сыном и Святым Духом навеки. Аминь.

Passio S. Sabae Gothi / Ed. H. Delehaye // Analecta Bollandiana. № 31. P., 1912. S. 216—221.

3. Вульфилла «Готская Библия» Социокультурная и хозяйственная лексика

aigin — τὰ υπάρχοντα — *Eigentum* — собственность;

aihtron — προσαιτεῖν — *betteln* — нищенствовать, попрошайничать;

alhs — ναός — *Tempel* — храм, святилище;

andbahts — Diener — слуга;

arbi — κληρονομία — *das Erbe* — наследство; *arbinumja* — κληρονομός — *der Erbe* — наследник;

arhvazna — βέλος — *Pfeil* — стрела;

arjan — ἀροτραύ — *pflügen* — пахать;

- arka — с лат. *arca* — holzerner Kasten — деревянный ящик;
asiluqairnus — μυλος — Eselmühle — мельница с ослом для жернова;
fra-atjan — ψωμίξειν — zum Essen austeilen — разделить еду;
asneis — Tagelöhner — поденщик;
augadauro — θυρίс — Fenster — окно;
aurahjom — μνημεία — Grabdenkmäler (дат., мн. ч.) — надмогильные памятники, Grab — могила;
aartigards — κήπος — Garten — сад; aurtja — γεωργος — Landmann, Winzer — садовник, виноградарь;
awepi — ποιμνή — Schafherde — стадо овец; awistr — αυλή — Schafstall — овчарня;
badi — κράββατος — Bett — кровать;
bairabagms — σικάμινος — Maulbeerbaum — тутовое дерево, шелковица;
bauains — κατοίκησις — Wohnung — жилье;
baurgs — βυργς — Burg — замок или с греч. полис — город, укрепленная палисадом резиденция «рикса»;
baurgswaddjus — τείχος — Stadtmauer — городская стена;
bibaurgeins — παρεμβολή — Lager — лагерь;
biuþs — τράπεζα — Tisch — стол;
boka — γράμμα — Buchstabe — буква, во мн. ч. Schrift, Brief, Buch — шрифт, письмо, книга;
bokareis — γραμματεус — Schriftgelehrter, Schreiber — умеющий писать, писец;
brunna — πηγή — Brunnen — колодец;
brunjo — Brustharnisch — броня;
brupfads — νυμφίος — Bräutigam — жених;
bugjan — αγοράξειν — kaufen — покупать;
fra-bugjan — πηράσκειν — verkaufen — продавать;
daila — μετοχή — Teilnahme, Gemeinschaft — участие, дружина;
drauhtins — предводитель войска, (ср. др.-слав. «дружинник»);
drauhtinassus — στρατιά — Feldzug — поход;
drauhtinorþ — Kriegsdienste tun — нести военную службу;
dals — βοθυνος — Grube, Schlucht, Tal — яма, балка, долина;
digan — aus Ton bilden — лепить из глины, kasa digana — глиняные сосуды;
drakma — лат. *drachma* — dracme — драхма;
dulgis — Schuld — долг; dulgahaitija — δανειστής — Gläubiger — кредитор;
dulþs — έορτή — Fest — праздник; dulþjan — ein Fest feiern — праздновать;
fadrein — πατριά — Abkunft, Geschlecht, Stamm — род, племя;
faihufrikei — πλεονεξία — Habsucht — алчность, жадность; faihugairns — geldgierig — жадный к деньгам;
faihugawaurki — Erwerb — заработок;
faihuskula — Schuldner — должник;

fauragaggi — οίκονομία — Verwaltung — управление;
 ferja — Aufpasser — надсмотрщик;
 fiskja — Fischer — рыбак;
 frauja — Herr — господин, хозяин дома; frauinon — herrschen —
 господствовать;
 frawaurhts — Sünde — грех;
 frijei — Freiheit — свобода;
 fula — Füllen — жеребенок;
 gabei — Reichtum — богатство; gabignan — reich sein — быть богатым;
 gadrauhts — Soldat — солдат;
 gafaúrds — Versammlung, hoher Rat — собрание, высший племенной совет;
 gairda — Gürtel — пояс;
 gaqumps — συνέριον — Versammlung, höchstes heimisches Gericht — суд;
 garaihtipa — Gerechtigkeit — справедливость, правосудие;
 garda — Hürde — плетень, загон для скота;
 gardawaldands — Hausherr — домовладелец;
 gards — Haus, Hauswesen, Familie — дом, жилище, семья, общность,
 дружинно-организованная и подвластная frauja;
 garuni — Beratung — совещание, совет;
 garuns — αγορά — Markt — площадь, рынок;
 gaskohi — Sandalen, Schuhe — туфли, сандалии;
 gasts — Σέβος — Fremdling (Gast) — чужой, пришелец, гость;
 gawi — Gau — Umgegend — округа, окрестность;
 gauja — περίχωρος — Gaubewohner — житель деревни (гауи);
 gawaleins — Erwählung — выборы, избрание;
 gawandeins — Bekehrung — обращение в другую веру;
 gawaurki — Geschäft — торговая сделка;
 us-giban — bezahlen — платить; us-gildan — vergelten — оплачивать;
 gild-форос — Steuer — налог;
 gilpa — Sichel — серп;
 godakunds — von guter, edler Abkunft — хорошего, знатного происхождения;
 Gutþiuda — Gotenvolk — народ готов;
 Guþ — Gott — бог;
 haimoþli — αγρους — Grundbesitz — земельная собственность,
 землевладение;
 haims — Dorf — деревня (ср. в «Страстях св. Саввы Готского» — weihs);
 hairda — Herde — очаг, плита;
 hairdeis — Hirt — пастух;
 hairus — Schwert — меч;
 haiti — Geheiss — приказание;
 haiþi — Heide, Steppe — степь;
 hakuls — φελόνης — Mantel — пальто;

- hana — Hahn — петух;
 harjis — Heer — армия, войско, легион;
 hilms — περικεφαλαία — Helm — шлем, футляр, оболочка;
 fra-hinþan — gefangennehmen — взять в плен;
 hlaine — Hügel — холм, курган; Hlaiw — Grab — могила, погребение;
 hlauts — Erbschaft — наследство;
 hleiþra — Zelt, Hütte — палатка, хижина;
 hlifan — stehlen — красть; Hliftus — Dieb — вор;
 hoha — αροτρον — Pflug — плуг, соха;
 hugs — Feld — поле; Huhjan — häufen, sammeln — собирать урожай;
 hunds — Hund — собака;
 hunsl — Opfer — жертва; Hunslastaps — Opferstätte — места для
 жертвоприношений;
 huzd — Hort, Schatz — сокровище;
 ivaiteis — Weizen — пшеница;
 ingardia — Hausgenosse — друг дома, дружинник; Innakunds — Hausgenosse —
 друг дома, семьи;
 inkunja — Stammesgenosse, Landsmann — соплеменник;
 kasja — Töpfer — гончар;
 kaupon — лат. caupo — торговать;
 kindins — Statthalter — наместник, так в Готской библии именуется
 прокуратор Понтий Пилат;
 kunawida — ἄλυσις — Fessel — кандалы;
 kni — Geschlecht, Stamm — род, племя, общность людей близких по
 происхождению;
 leiþu — Obstwein — фруктовое вино;
 lkeis — Arzt — врач, лекарь;
 lgrs — Bett — кровать;
 luga — Heirat, Ehe — брак;
 manna — Mensch, Mann — человек, мужчина;
 meki — Schwert — староисланд. Mæķer — меч, длинный меч, спата;
 mes — лат. mensa — Tisch — стол;
 miluks — Milch — молоко;
 milip — μελι — Honig — мед;
 mota — τελοϛ — Zoll — дань, пошлина; Motareis — Zollner — сборщик податей;
 Motastaps — Zollstätte — место сбора дани;
 paida — Leibrock, Unterkleid — нательная рубаха;
 plinsijan — tanzen — плясать;
 razn — Haus — дом;
 reiki — αρχή — Reich, Herrschaft, Obrigkeit — империя, королевство,
 господство, власть; Reiks — αρχων — Herrscher, Obrigkeit — властитель,
 государь, власть;

rūna — μυστήριον — Geheimnis, Beschluss, Anschlag — тайна, решение, заговор;
 rohsns — αὐλή — двор, царский двор, дворец;
 sarwa — Waffen — оружие, доспехи;
 sibja — Verwandtschaft — родня, род;
 sinistans — старейшие;
 siponjeis — Schüler — ученик;
 skalks — Diener — слуга;
 skatts — Geld, Geldstück — деньги, монета;
 skildus — Schild — щит;
 skilja — Fleischer — мясник;
 skip — Schiff — корабль;
 skuggwa — Spiegel — зеркало;
 skula — schuldner — должник;
 skuft — пучок волос, признак свободного общинника;
 slawan — schweigen — молчать;
 staþa — Ufer, Gestade — берег;
 staua — Gericht — суд; Staua — Richter — судья;
 stols — Stuhl, Thron — стул, трон;
 sein — Schwein — свинья;
 trja — Bauleute — строители;
 ꝑiuda — εἶνος — Volk — народ; ꝑiudangardi — βασιλεία — Königreich — королевство; ꝑiuda — βασιλεὺς — König — король; ꝑiudanon — herrschen — господствовать, властвовать;
 ꝑiudisko — heidnisch — языческий;
 ꝑiumagus — Knecht — батрак, слуга; ꝑius — Hausklave — домашний раб; ꝑiwi — Magd — служанка;
 ꝑiuþ — Gute — добро, благо;
 unledi — Armut — нищета, бедность;
 wasti — Kleid — платье;
 wato — Wasser — вода;
 waurstwa — Arbeiter — рабочий;
 wein — лат. Vinum — Wein — вино; weinabasi — Weinbeere — виноград;
 weinagards — Weingarten виноградник;
 witop — Gesetzt — закон.

Ulfilas Moeso-Gothorum Episcopus. Die Gotische Bibel / Hrsg. von W. Streitberg. Heidelberg, 1928. T. II. Gotisch-griechisches-deutsches Wörterbuch.

4. Евнапий «Продолжение истории Дексиппа»

38

(366 г.) Император Валент не вел войны ни с внутренними, ни с внешними врагами, как получил известие, что где-то близко находилось скифское войско, вызванное на помощь Прокопием от царя скифского. Говорили тогда, что приближающиеся скифы были высокомерны, что они презирали всякого, кто им встретится, были склонны к бесчинствам и обидам и со всеми вели себя заносчиво и дерзко. Валент, в короткое время отрезав им обратный путь в Скифию, поймал их как в сети и велел сдать оружие. Скифы сдали оружие, изъявляя нахальство свое потряхиванием волос. Рассеяв их по городам, царь держал их под присмотром, нескованных. Вид их тела, вытянутого в безобразную длину, слишком тяжелого для их ног, а в поясице перехваченного, как Аристотель описывает насекомых, внушал к ним презрение. Городские жители, принимая их в свои дома и испытывая их бессилие, вынуждены были смеяться над собственной ошибкой. Этих-то молодцов царь скифский требовал обратно. Дело было трудное, согласить его со справедливостью было нелегко. Скифский царь говорил, что это войско было отправлено к императору вследствие союза и клятвы. Валент отвечал, что тот, к кому то войско было отправлено, не царь, а что сам он не обязался никакой клятвой. Царь скифский приводил имя Юлиана, утверждая, что он дал войско Прокопию по причине родства его с Юлианом. Он упоминал притом о достоинстве посланников. Император возразил, что и посланники подлежат наказанию, и из них находящиеся налицо задерживаются как неприятели, когда приезжают на помощь к неприятелю. Под этим предлогом возгорелась скифская война...

43

(376 г.) Скифы, побежденные, были истребляемы унами. Множество их погибло совершенно. Одних ловили и побивали вместе с женами и детьми, и жестокости при убиении их не было меры. Толпа же собравшихся и устремившихся к бегству немногим не доходила до двухсот тысяч человек, самых способных к войне. Двинувшись и став на берегу реки, они издали простирали руки с рыданием и воплем и умоляли о позволении переправиться через реку. Они оплакивали свои бедствия и обещали отдаться римлянам как союзники. Начальствовавшие на берегу римляне объявили, что без воли императора не могут ничего сделать. Дело было представлено императору. В совете царском произошло разногласие, и много было говорено в защиту разных мнений. Наконец предложение скифов было принято царем. К этому побудила его ревность к соцарствующим, которые были дети его брата: они решили разделить царство между собой по своей воле, не испросив на такой раздел согласия дяди.

Как по этой причине, так и потому, что он думал умножить силу римлян, дополнив ее многочисленным войском, он велел впустить скифов после того, как они сложат оружие. Но до получения еще от царя позволения на переправу через реку самые смелые и дерзкие скифы решились переправиться через нее силой и в этом насильственном действии были изрублены. Однако истребившие этот отряд варваров были отрешены от должностей и опасались за жизнь свою, за то, что истребили неприятелей. Люди, имевшие при царе большое влияние и силу, смеялись над их воинственностью и храбростью и говорили, что они не государственные люди. Царь из Антиохии предписал римским военачальникам принять, прежде всего, невзрослых скифов, препроводить их в римские владения и держать бережно в залоге, потом, стоя на берегу, прочим скифам, способным носить оружие, не прежде принимать их, пока они не сложат оружия и не будут совершенно безоружны. Но из получивших такое приказание одному полюбился белый и красивый мальчик, другой был тронут жалостью к хорошенькой женщине, тот был пленен молодой девушкой, тот связан богатым подарком, льняными тканями, коврами, с обеих сторон мохнатыми. Коротко сказать, всякий думал только о том, чтобы наполнить дом рабами, поместья — пастухами и удовлетворить своему неистовству сладострастию. Постыдно и незаконно прельщенные такими предметами, военачальники приняли скифов вооруженных, как будто каких-либо старинных благотворителей и спасителей. А скифы, достигнув столь великого дела без малейшего труда и обратив бедствия в счастье для себя, променяв скифские пустыни и пропасти на римские владения, тотчас же обнаружили варварские свойства свои нарушением условий и изменой. Возраст, еще бесполезный (подростки), был прежде перевезен и очень заботливо рассеян между разными народами. Одни из них носили уже царские знаки, женщины были одеты великолепно, нежели прилично было пленницам. Дети и служители в благорастворенном климате поднялись скоро и росли не по годам. Это сильно размножающееся поколение было самое враждебное... Едва дети скифского племени были посеяны, подобно драконовым зубам, по римским владениям, преждевременно вошли в силу и могли носить оружие, как всюду распространились действия их ярости, бешенства и кровожадности. Те скифы, которые цвели силой и мужеством, вдруг восстали против тех, которые приняли их к себе, и, сражаясь против них, вместо того чтобы сразиться с изгнавшими их уннами, произвели над римлянами более жестокостей и ужасов, нежели сами претерпели от уннов. Вся Фракия и смежная с ней Македония и Фессалия так известны и так прославлены, что не осталось слов для их описания. Но эти области, столь богатые, столь многолюдные, столь цветущие сильным населением, неожиданным предательским мятежом скифов, открывшимся внезапно вместе с переправой и разлившимся с такой смелостью и си-

лой, были до того опустошены, приведены в такое разорение, что вошедшие в поговорку грабежи мисов были золото в сравнении с настоящими напастями Фракии. Варвары, решившиеся возмутиться в таком месте, где не было достаточной силы к защите народа, по числу своему показались ужасными людям безоружным и ничем не охраненным. Истребляя убийственной рукой побежденных, они лишили области их жителей. Дошло до того, что римляне столько же ужасались имени скифского, сколько скифы — уннского. Очень немногие города спаслись и еще остаются в целости по причине их стен и укреплений.

56

Сперва перешли многочисленные толпы неприятелей, а т.к. никто не препятствовал, то за ними шли другие, еще в большем количестве. Среди таких бедствий римляне считали для себя выгодой то, что допускали неприятелей подкупать себя подарками. Каждый род вывез с собой из родины отечественную святыню и служащих ей священников и священниц, но молчание их о сих предметах и хранение тайны было самое глубокое и ненарушаемое. Наружный вид и притворство их служили к обольщению их неприятелей. Облекши некоторых из них в уважаемую одежду епископов, они скрыли их под ней, придали им много лисьего и пустили их вперед. Посредством клятв, ими презираемых и в точности хранимых царями, они пробирались далее по незащищенным местам. Был у них и род т.н. монахов, установленных наподобие тех, которые учреждены и у римлян. В этом подражании нет ничего трудного, стоило им только надеть черные верхние и нижние одежды, влачащиеся по земле, и лукавством приобрести их доверенность. Варвары скоро узнали, до какой степени уважаются римлянами этот чин, и употребили его к их обольщению. Между тем хранили они твердо и неизменно тайны отечественной веры в глубокой непроницаемости. В таком положении дел безрассудство римлян дошло до того, что и люди с умом были твердо уверены, что эти варвары были христиане и исполняли все обряды христианского богослужения.

61

В первые годы царствования Феодосиева скифский народ был изгнан уннами из страны своей и вместе с начальниками племен и с теми, которые отличались родом и достоинством, переправился через реку к римлянам. Возгордившись почестями, которые оказывал им царь, видя, что все было под властью их, они начали между собой немаловажную распрю...

Евнаний. Продолжение истории Дексиппа / Пер. В.В. Латышева // Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе. СПб., 1890. Т. I. С. 725—731.

5. Зосим «Новая история»

IV.25.1.

Т.к. многие скифы, жившие по ту сторону Данубия (я имею в виду готов, тайфалов и те народы, которые до этого жили среди них), под натиском полчищ гуннов, захвативших их дома, переправились через реку и вторглись в города на территории Римской империи, император Феодосий начал подготовку к крупномасштабной войне...

IV.34.2.

В течение всего срока его командования две армии германцев, проживавших за Рейном, одна возглавлялась Фритигерном, а другая — Алатеем (Аллотейем) и Сафраксом, создали такую угрозу Галлии, что император Грациан был вынужден позволить им оставить Галлию, пересечь Данубий и занять Паннонию и Верхнюю Мезию. Этим он надеялся освободиться от их бесперывных нападений...

IV.38.1.

Примерно в то же время за Данубием появились скифы, неизвестные народам, населявшим ту территорию; варвары называли их гротфингами. Будучи очень многочисленными, хорошо вооруженными и известными своей силой, они легко победили варваров, стоявших между ними и Данубием и вышли к самому берегу реки, где попросили разрешения пересечь ее...

Зосим. Новая история / Пер., коммент., указатели Н.Н. Болгова. Белгород, 2010.

6. Кассиодор Сенатор “*Variae*”

IX.1.19.

Действительно, Амал отличался удачливостью, Острогота терпением, Атал мягкостью, Винитарий справедливостью, Унимунд красотой, Торисмут целомудрием, Валамер честностью, Теудимер благочестием, мудростью...

(“*Enituit enim Hamalus felicitate, Ostrogotha patientia, Athala mansuetudine, VVinitarius aequitate, Unimundus forma, Thorismuth castitate, VValamer fide, Theudimer pietate, sapientia...*”).

Cassiodori Senatoris Variae / Ed. Th. Mommsen // MGH. Auctorum Antiquissimorum. B., 1894. Bd. XII. P. 330.

7. Иордан «Гетика»

1. Генеалогическое древо рода Амалов

79-81

Теперь, читатель, послушай меня, без клеветы говорящего правду, об их генеалогии, которую я изложу вкратце: кто от какого отца родился или откуда пошло его начало и где свершился конец.

Первым из героев, как сами они передают в своих сказаниях, был Гапт, который родил Хулмула. Хулмул же родил Авгиса. Авгис родил того, которого называют Амал; от него-то и ведут происхождение Амалы. Этот Амал родил Хисарну; Хисарна же родил Остроготу; Острогота родил Хунуила, а Хунуил родил Агала. Агал родил Агиульфа и Одвульфа; Агиульф же родил Ансилу и Эдиульфа, Вультвульфа и Герменериха; а Вультвульф родил Валараванса; Валараванс родил Винитария; Винитарий же родил Вандилиария; Вандилиарий же родил Тиудемера и Валамира и Видимира; Тиудемер родил Теодориха; Теодорих родил Амаласвенту; Амаласвента родила Аталариха и Матесвенту от Евтариха, мужа своего, род которого соединен с ней следующим образом: вышесказанный Германарих, сын Агиульфа, родил Гунимунда, Гунимунд же родил Торисмунда, а Торисмунд родил Беримуда; Беримуд родил Ветериха, Ветерих же родил Евтариха, который, сочетавшись с Амаласвинтой, родил Аталариха и Матесвенту; Аталарих умер в отроческих годах, а с Матесвентой сочетался Витигис, от которого не восприняла она детей. Оба они были приведены Велезарием в Константинополь. Т.к. Витигис отошел от дел человеческих, Герман, патриций, племянник императора Юстиниана, взял [Матесвенту] в жены и сделал ее патрицианкой; от него и родила она сына, по имени также Герман. Когда же Герман скончался, [жена его] решила остаться вдовой.

Как и каким образом было разрушено королевство Амалов, я расскажу, если поможет господь, в своем месте.

2. Военные походы Эрманариха

116-121

После того как король готов Геберих отошел от дел человеческих, через некоторое время наследовал королевство Германарих, благороднейший из Амалов, который покорил много весьма воинственных северных племен и заставил их повиноваться своим законам. Немало древних писателей сравнивали его по достоинству с Александром Великим. Покорил же он племена: гольтес кифов, тиудов в Аункс, вас в Абронк, меренс, морденс, имнискаров, рогов, тазанс, атаул, навего, бубегенов, колдов.

Славный подчинением столь многих [племен], он не потерпел, чтобы предводительствуемое Аларихом племя герулов, в большей части перебитое, не подчинилось — в остальной своей части — его власти.

По сообщению историка Аблавия, вышеуказанное племя жило близ Мэотийского болота, в топких местах, которое греки называют “*ele*”, и поэтому и именовалось элурами.

Племя это очень подвижно и — еще более — необыкновенно высокомерно. Не было тогда ни одного [другого] племени, которое не подбирало бы из них легковооруженных воинов. Хотя быстрота их часто позволяла им ускользнуть в сражении от иных противников, однако и она уступила твердости и размерности готов: по воле судьбы они также, наряду с остальными племенами, покорились королю гетов Германариху.

После поражения герулов Германарих двинул войско против венетов, которые, хотя и были достойны презрения из-за [слабости их] оружия, были, Однако могущественны благодаря своей многочисленности и пробовали сначала сопротивляться. Но ничего не стоит великое число негодных для войны, особенно в том случае, когда и бог попускает и множество вооруженных подступает. Эти [венеты], как мы уже рассказывали в начале нашего изложения, — именно при перечислении племен, — происходят от одного корня и ныне известны под тремя именами: венетов, антов, склавенов. Хотя теперь, по грехам нашим, они свирепствуют повсеместно, но тогда все они подчинились власти Германариха.

Умом своим и доблестью он подчинил себе также племя эстов, которые населяют отдаленнейшее побережье Германского океана. Он властвовал, таким образом, над всеми племенами Скифии и Германии, как над собственностью.

Спустя немного времени, как передает Орозий, взъярилось на готов племя гуннов, самое страшное из всех своей дикостью...

3. Смерть Эрманариха

129-130

Когда геты увидели этот воинствующий род — преследователя множества племен, они испугались и стали рассуждать со своим королем, как бы уйти от такого врага. Германарих, король готов, хотя, как мы сообщили выше, и был победителем многих племен, призадумался, Однако с приходом гуннов.

Вероломному же племени росомонов, которое в те времена служило ему в числе других племен, подвернулся тут случай повредить ему. Одну женщину из вышеназванного племени [росомонов], по имени Сунильду, за изменнический уход [от короля], ее мужа, король [Германарих], движимый гневом, приказал разорвать на части, привязав ее к диким коням и пустив их вскачь. Братья же ее, Сар и Амми, мстя за смерть сестры, поразили его в бок мечом. Мучимый этой раной, король влачил жизнь больного. Узнав о несчастном его недуге, Баламбер, король гуннов, двинулся войной на ту часть [готов, которую составляли]

остроготы, от них везеготы, следуя какому-то своему намерению, уже отделились. Между тем Германарих, престарелый и одряхлевший, страдал от раны и, не перенеся гуннских набегов, скончался на сто десятом году жизни. Смерть его дала гуннам возможность осилить тех готов, которые, как мы говорили, сидели на восточной стороне и назывались остроготами.

4. Переселение готов в римские провинции

133-134

Сами же [везеготы], как уже сказано, перешли Данубий и осели, с разрешения императора, в Дакии Прибрежной, в Мезии и в обеих Фракиях.

Их постигли, — как это бывает с народом, когда он еще непрочно обосновался на месте, — оскудение и голод, тогда приматы их и вожди, которые возглавляли их вместо королей — а именно Фритигерн, Алатей и Сафрак, сострадая нуждам войска, попросили римских полководцев Лупицина и Максима открыть торжище...

141

Это вновь придало готам дерзости, и, разделив войско, Фритигерн отправился грабить Фессалию, Эпиры и Ахайю, Алатей же и Сафрак с остальными полчищами устремились в Паннонию.

5. Преемники Эрманариха

245-251

Ввиду того что, следуя сказанному старшими писателями, я, насколько сумел, развил [те события], когда оба племени, остроготы и везеготы, составляли еще одно целое, а также с достоверностью проследил историю везеготов, уже отделившихся от остроготов, придется нам вновь вернуться к древним скифским поселениям и представить так же последовательно генеалогию и деяния остроготов. Про них известно, что по смерти короля их Германариха они, отделенные от везеготов и подчиненные власти гуннов, остались в той же стране, причем Амал Винитарий удержал все знаки своего господствования. Подражая доблести деда своего Вультульфа, он, хотя и был ниже Германариха по счастью и удачам, с горечью переносил подчинение гуннам. Понемногу освобождаясь из-под их власти и пробуя проявить свою силу, он двинул войско в пределы антов и, когда вступил туда, в первом сражении был побежден, но в дальнейшем стал действовать решительнее и распял короля их Божа с сыновьями его и с семьдесятю старейшинами для устрашения, чтобы трупы распятых удвоили страх покоренных. Но с такой свободой повелевал он едва в течение одного года: [этого положения] не потерпел Баламбер, король гуннов, он призвал к себе Гезимунда, сына великого Гуннимунда, который, помня о своей клятве и верности, подчинился

гуннам со значительной частью готов, и, возобновив с ним союз, повел войско на Винитария. Долго они бились, в первом и во втором сражениях победил Винитарий. Едва ли кто в силах припомнить побоище, подобное тому, которое устроил Винитарий в войске гуннов! Но в третьем сражении, когда оба [противника] приблизились один к другому, Баламбер, подкравшись к реке Эрак, пустил стрелу и, ранив Винитария в голову, убил его, затем он взял себе в жены племянницу его Вадамерку и с тех пор властвовал в мире над всем покоренным племенем готов, но, однако так, что готским племенем всегда управлял его собственный царек, хотя и [соответственно] решению гуннов.

Вскоре после смерти Винитария стал править ими Гунимунд, сын могущественнейшего покойного короля Германариха, отважный в бою и выдающийся красотой тела. Он впоследствии успешно боролся против племени свавов. После его смерти наследовал ему сын его Торисмуд, украшенный цветом юности, на второй год своего правления он двинул войско против гепидов и одержал над ними большую победу, но убился, как рассказывают, упав с коня. Когда он умер, остроготы так оплакивали его, что в течение сорока лет никакой другой король не занимал его места, для того чтобы память о нем всегда была у них на устах и чтобы подошло время, когда Валамер обретет повадку мужа; [этот Валамер] родился от Вандалария, двоюродного брата [Торисмуда], сын же последнего Беремуд, как мы сказали выше, пренебрег племенем остроготов из-за гуннского господства [над ними] и последовал за племенем везеготов в Гесперийские страны, от него-то и родился Ветерих. У Ветериха был сын Евтарих, который, вступив в брак с Амаласвентой, дочерью Теодориха, вновь объединил разделившийся было род Амалов и родил Аталариха и Матесвенту. Аталарих умер в отроческих годах, а Матесвента, привезенная в Константинополь, родила от второго мужа, а именно от Германа (племянника императора Юстиниана), но уже после смерти мужа, сына, которого назвала Германом.

6. Остроготы в Паннонии

252

Однако чтобы соблюдался порядок, с которого мы начали, следует нам вернуться к потомству Вандалария, распустившегося тройным цветком. Это Вандаларий, племянник Германариха и двоюродный брат вышеупомянутого Торисмуда, прославился в роде Амалов, родив троих сыновей, а именно Валамира, Тиудимира и Видимира. Из них, наследуя сородичам, вступил на престол Валамир в то время, когда гунны вообще еще властвовали над ними [остроготами] в числе других племен...

268-269

Итак, возвратимся к тому племени, о котором идет речь, т.е. к [племени] остроготов, которые жили в Паннонии [под властью] короля Ва-

ламира и его братьев, Тиудимера и Видемира <...> И вот случилось, что сыновья Аттилы пошли против готов, как против бежавших из-под их господства и как бы разыскивая беглых рабов, они напали на одного Валамера, тогда как другие братья ничего не подозревали. Но он, хотя и встретил их с малыми [силами], долго изнурял их и разбил настолько, что от врагов едва осталась небольшая часть, обращенные в бегство, они направились в те области Скифии, по которым протекают воды реки Данапра, на своем языке гунны называют его Вар. В то же время он послал к брату Тиудимеру гонца с радостной вестью, гонец же, в тот самый день как прибыл, обрел в доме Тиудимера еще большую радость: в этот день родился сын Тиудимера Теодорих, правда, младенец [происходил] от конкубины Эрелиевы, но [возглавляли на него] большие надежды.

Иордан. О происхождении и деяниях гетов (Getica) / Вступ. статья, пер., коммент. Е.Ч. Скржинской. СПб., 2000.

Библиография

Источники

- Аммиан Марцеллин*. Римская история / Пер. с лат. Ю.А. Кулаковского, А.И. Сонни. СПб., 1994.
- Беовульф: эпос / Пер. с др.-англ. В.Г. Тихомирова. СПб., 2008.
- Василий Великий* (архиепископ Кесарии Каппадокийской). Письма. М., 2007.
- Вестготская правда (Книга приговоров). Латинский текст. Перевод. Исследование. М., 2012.
- Видсид // Древнеанглийская поэзия / Изд. подгот. О.А. Смирницкая, В.Г. Тихомиров. М., 1982. С. 14—22.
- Геродот*. История в 9-ти кн. / Пер. и прим. Г.А. Стратановского. Л., 1972.
- Деор // Древнеанглийская поэзия / Изд. подгот. О.А. Смирницкая, В.Г. Тихомиров. М., 1982. С. 11—14.
- Евнапий*. Продолжение истории Дексиппа // Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе / Собр. и изд. с рус. пер. В. В. Латышев. СПб., 1890. Т. 1. С. 725—731.
- Зосим*. Новая история / Пер., коммент. Н.Н. Болгова. Белгород, 2010.
- Иоанн Златоуст*. Творения святого отца нашего Иоанна Златоуста, архиепископа Константинопольского в русском переводе. СПб., 1897. Т. 3. Кн. 1.
- Иордан*. О происхождении и деяниях гетов (*Getica*) / Вступ. ст., пер. и коммент. Е.Ч. Скржинской. СПб., 2000.
- Кведлинбургские анналы // Немецкие анналы и хроники X—XI столетий / Пер. И.М. Дьяконова и В.В. Рыбакова. М., 2012. С. 15—89.
- Корвейский Видукинд*. Деяния саксов / Вступ. ст., пер. с англ., коммент. Г.Э. Санчука. М., 1975.
- Ливий Тит*. История Рима от основания города: в 3-х т. / Под ред. М.Л. Гаспарова и Г.С. Кнабе. М., 1989. Т. 1.
- Младшая Эдда / Изд. подгот. О.А. Смирницкая и М.И. Стеблин-Каменский. СПб., 2005.
- Олимпиодор Фиванский*. История / Пер. и комм. Е.Ч. Скржинской // ВВ. 1956. Т. 8. С. 223—276.
- Песнь о Хлёде // Старшая Эдда: эпос / Пер. с др.-исл. А. Корсуна. СПб., 2008. С. 384—394.
- Песнь о Нибелунгах // Песнь о Нибелунгах. Сказание о Роговом Зигфриде / Пер. со ср.-верхненем. Ю. Корнеева, сост. Л. Яковлев. М., 2004. С. 17—324.
- Подстрекательство Гудрун // Старшая Эдда: эпос / Пер. с др.-исл. А. Корсуна. СПб., 2008. С. 336—341.
- Прииск Панийский*. Готская история // *Латышев В.В.* Известия древних писателей о Скифии и Кавказе // ВДИ. 1948. № 4. С. 244—267.
- Прииск Панийский*. Сказания Прииска Панийского / Пер. с греч. Г.С. Дестуница // *Феофан Византиец*. Летопись от Диоклетиана до царей Михаила и сына его Феофилакта. Прииск Панийский. Сказания Прииска Панийского (Византийская историческая библиотека). Рязань, 2005. С. 453—533.

- Прокопий Кесарийский. Война с готами. О Постройках* / Пер. С.П. Кондратьева. М., 1996.
- Псевдо-Арриан. Объезд Эвксинского Понта* / Пер. с греч. Э.Н. Штерна, с доп. В.В. Латышева // *Латышев В.В. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе* // ВДИ. 1948. № 4. С. 226—238.
- Орозий Павел. История против язычников. Кн. 1—3* / Пер. с лат., коммент. В.М. Тюленева. СПб., 2001.
- Речи Хамдира // Старшая Эдда: эпос* / Пер. с др.-исл. А. Корсуна. СПб., 2008. С. 341—348.
- Снорри Стурлусон. Круг Земной* / Пер. А.Я. Гуревича и др. М., 2002.
- Сократ Схоластик. Церковная история* / Под ред. М.А. Тимофеева. М., 1996.
- Страбон. География: в 17 кн.* / Пер., вступ. ст. и коммент. Г.А. Стратановского. М., 1994.
- Тацит. О происхождении германцев и местоположении Германии // Тацит Корнелий. Сочинения: в 2 т.* / Пер. А.С. Бобовича, ред. М.Е. Сергеевко. М., 1993. Т. 1. С. 353—373.
- Цезарь Юлий. Записки о Галльской войне* / Пер. с лат. М.М. Покровского. СПб., 1998.
- Церковная история Эрмия Созомена Саламинского.* СПб., 1851.
- Эвнапия продолжение истории Дексипповой // Византийские историки. Дексипп, Эвнапий, Олимпиодор, Малх, Петр Патриций, Менандр, Кандид, Ноннос и Феофан Византиец* / Изд. подгот. А.И. Цепковым. Рязань, 2003. С. 75—143.
- Amnianus Marcellinus. Römische Geschichte* / Lat. und deut. von W. Seyfarth. B., 1971. Teil IV.
- Anonymus Valesii* / Ed. Th. Mommsen // MGH. Auct. Antiquiss. B., 1892. T. IX. P. 306—328.
- Antiquités russes d'après les monuments historiques des Islandais et des anciens Scandinaves* / Ed. C. Rafn. Copenhagen, 1850. Vol. I.
- Athanasius. Oratio de incarnatione verbi* // PG. P., 1857. T. XXV. Col. 95—198.
- Cassiodori Senatoris Variarum* / Ed. Th. Mommsen // MGH. Auct. Antiquiss. B., 1894. T. XII.
- Das alte Hamdirlied // Thule. Altnordische Dichtung und Prosa. Edda. Bd. I. Heldendichtung* / Übertr. von F. Genzmer, mit Einleitungen und Anmerkungen von A. Heusler. Jena, 1928. S. 53—57.
- Das Lied von der Hunnenschlacht // Thule. Altnordische Dichtung und Prosa. Edda. Bd. I. Heldendichtung* / Übertr. von F. Genzmer, mit Einleitungen und Anmerkungen von A. Heusler. Jena, 1928. S. 24—32.
- Die Heidrekrätsel // Thule. Altnordische Dichtung und Prosa. Edda. Bd. II / Übertr. von F. Genzmer, mit Einleitungen und Anmerkungen von A. Heusler. Jena, 1932. S. 155—156.*
- Deor // Anglo-Saxon Poetic Records* / Ed. G.P. Krapp, E. v. K. Dobbie. N.Y., 1936. Vol. III.
- Dexippus Atheniensis. Historia* / Ed. B.G. Niebuhr // CSHB. Bonn, 1829. P. 11—38.
- Ennodii episcopi Ticinensis panegyricus Theoderico regi Ostrogothorum dictus cum annotationibus* / Ed. J.C.F. Manso // Geschichte des Ost-Gothischen Reiches in Italien. Breslau, 1824. S. 437—487.
- Epiphanius. Adversus haereses // Die griechischen christlichen Schriftsteller der ersten drei Jahrhunderte, 37* / Hrsg. K. Holl. Leipzig, 1933.
- Herodoti historiarum libri novem* / Ed. H.R. Dietsch und H. Kallenberg. Leipzig, 1886—1887. Vol. I.
- Hervarar saga ok Heidreks konungs // Fornaldar sagur Nordrlanda* / Ed. C.C. Rafn. København, 1829. T. 1. S. 409—512.
- Hippolitus. Liber generationes* / Ed. A. Riese // GLM. 1878.
- Iordanes. Getica* / Ed. Th. Mommsen // MGH. Auct. Antiquiss. B., 1882. T. V. Ps. 1. P. 53—138.

- Iordanis*. Gotengeschichte. Auszügen aus seiner Römischen Geschichte / Übers. von W. Martens. Leipzig, 1913.
- Iordanis*. De Origine actibusque Getarum / Ed. F. Giunta, A. Grillone. Roma, 1991.
- Isidorus Hispalensis*. Historia Gothorum, Wandalorum, Sueborum / Ed. Th. Mommsen // MGH. Auct. Antiquiss. B., 1894. T. XI. P. 267—303.
- Die Annales Quedlinburgenses // MGH. SS rer. Germ., Hannover, Hahnsche Buchhandlung, 2004. T. LXXII.
- Lactantius Lucius*. De mortibus persecutorum / Ed. S. Brandt, G. Laubmann // CSEL. Wien, 1987. Vol. XXVII. Fasc. 2. P. 171—238.
- Maximus episcopus*. Dissertatio Maximini contra Ambrosium / Hrsg. F. Kaufmann. Strassburg, 1899.
- Olympiodorus*. Fragmenta // HGM. Leipzig, 1870. Vol. I. P. 450—472.
- Passio s. Sabae Gothi // *Delehaye H.* Saints de Thrace et de Mésie // *Analecta Bollandiana*. 1912. № 31. P. 216—221.
- Philostorgius*. Historia ecclesiastica // PG. P., 1858. T. LXV. Col. 459—638.
- Plinii Secundi*. Epistularum libri novem / Rec. R.C. Kukula. Lipsiae, 1908.
- Plinii Secundi*. Naturalis historia / Ed. D. Detlefsen. B., 1866—1882. T. I—VI.
- Priscus Panites*. Fragmenta / Ed. C. Müller // FHG. P., 1851. Vol. IV. P. 69—110.
- Procopius Caesariensis*. De aedificiis // *Procopius Caesariensis*. Opera omnia / Ed. J. Haury, G. Wirth. Leipzig, 1962—1965. Vol. I—IV.
- Procopius Caesariensis*. Bellum Gothicum / Ed. J. Haury. Lipsiae, 1905. Vol. II.
- Ps.-Arrianus Anonymus*. Periplus Ponti Euxini // FHG. P., 1870. Vol. V. P. 174—184.
- Ptolemaeus Claudius*. Geographia / Ed. K. Müller, C.T. Fischer. P., 1883—1901. Vol. I—II.
- Saxo Grammaticus*. Danische Geschichte. Buch. I—IX / Übertr. von H. Jantzen. B., 1900.
- Scriptores Historiae Augustae* / Hrsg. E. Hohl, Ch. Samberger, W. Seyfarth. Leipzig, 1971. Bd. I—II.
- Synkellos Georgios*. Chronographia / Hrsg. L. Dindorf. B., 1829. Vol. I.
- Socrates*. Historia ecclesiastica // PG. P., 1859. T. LXVII. Col. 28—842.
- Sozomenus*. Historia ecclesiastica // PG. P., 1859. T. LXVII. Col. 843—1630.
- Strabo*. Geographica / Ed. A. Meinecke. Leipzig, 1895—1899. T. I—III.
- Tacitus*. Germania / Hrsg. M. Winterbottom. Oxford, 1911.
- Themistius*. Orationes quae supersunt / Ed. H. Schenkl. Lipsiae, 1965. Vol. I.
- Ulfilas Moeso-Gothorum Episcopus*. Die Gotische Bibel / Hrsg. W. Streitberg. Heidelberg, 1919. T. I. Der gotische Text und seine griechische Vorlage.
- Ulfilas Moeso-Gothorum Episcopus*. Die Gotische Bibel / Hrsg. W. Streitberg. Heidelberg, 1928. T. II. Gotisch-griechisches-deutsches Wörterbuch.
- Zonaras Johannes*. Epitome historiarum / Ed. L. Dindorf. Lipsiae, 1868—1875. Vol. I.
- Zosime*. Histoire nouvelle / Texte établi et traduit par F. Paschoud. P., 1971—1979.
- Zosimos*. Neue Geschichte / Übersetzt und eingeleitet von O. Veh. Stuttgart, 1990.

Литература

- Абакумов А.В. Предыстория Руси (1200 лет Руси) // Наследие предков. 2000. № 4. С. 5—9.
- Абашина Н.С. Раскопки В.В. Хвойки в Ромашках // Сто лет черняховской культуре. К., 1999. С. 6—9.
- Абашина Н.С. Развитие и модификация идеи славянской атрибуции черняховской культуры // Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпоху римских влияний и Великого переселения народов. Тула, 2008. С. 383—394.
- Абашина Н.С., Обломский А.М., Терпиловский Р.В. К вопросу о раннеславянских

- элементах культуры на черняховских памятниках Среднего Поднепровья // РА. 1999. № 4. С. 49—50.
- Абаев В.И. Осетинский язык и фольклор. М.;Л., 1949. Т. 1.
- Агеева Р.А. Страны и народы: происхождение названий. М., 1990.
- Айбабин А.И. Готы на Боспоре. Мифы и реалии // Боспор Киммерийский на перекрестке греческого и варварского миров. Материалы I Боспорских чтений. Керчь, 2000. С. 5—7.
- Акимов Д.В., Медведев А.П. Комплекс поселений второй четверти—середины I тыс. н.э. у села Малая Трещевка // КСИА. 2008. № 222. С. 76—83.
- Алпатов В.М. История одного мифа. Марр и марризм. М., 1991.
- Анохин О.В. «Варварские» подражания римским монетам на территории Украины и Молдовы // Причерноморье. История, политика, культура. Вып. III. Сер. А. Севастополь, 2011. С. 144—151.
- Анфертьев А.Н. Иордан // Свод древнейших письменных известий о славянах (I—IV вв.) / Под ред. Л.А. Гиндина, Г.Г. Литаврина. М., 1994. Т. 1. С. 98—161.
- Артамонов М.И. Очерки древнейшей истории хазар. Л., 1937.
- Артамонов М.И. Спорные вопросы древнейшей истории славян и Руси // КСИ-ИМК. 1940. Вып. VI. С. 3—14.
- Артамонов М.И. Славяне и Русь // Тезисы докладов научной сессии ЛГУ в 1955—1956 гг. Л., 1956.
- Артамонов М.И. Вопросы расселения восточных славян и советская археология // Проблемы всеобщей истории. Л., 1967. С. 29—69.
- Артамонов М.И. Первые страницы русской истории в археологическом освещении // СА. 1990. № 3. С. 271—290.
- Археология Украинской ССР / Под ред. С.Д. Крыжицкого, А.С. Русяевой, Е.В. Черненко. К., 1986. Т. 2.
- Археология Центральной и Восточной Европы позднеримского времени и эпохи Великого переселения народов: сб. науч. трудов к 10-летию Германо-Славянской археологической экспедиции Харьковского нац. ун-та. (Ostrogothica). Харьков, 2009.
- Бакулина А.С. Христианская и языческая лексика готского языка: краткий сравнительный анализ // Мат-лы XV ежегодной богословской конференции ПСТГУ. М., 2005. С. 316—320.
- Баран В.Д. Поселення перших століть нашої ери біля села Черепин. К., 1961.
- Баран В.Д. Черняхівська культура: за матеріалами Верхнього Дністра та Західного Бугу. К., 1981.
- Баран В.Д. Сложение славянской раннесредневековой культуры и проблема расселения славян // Славяне на Днестре и Дунае. К., 1983. С. 14—24.
- Баран В.Д. Определяющие тенденции развития материальной культуры населения Юго-Восточной Европы в первой половине I тыс. н.э. // Славяне Юго-Восточной Европы в предгосударственный период. К., 1990. С. 191—201.
- Баран В.Д. Давні слов'яни. К., 1998.
- Баран В.Д. Черняхівська культура — поліетнічне утворення на території південно-східної Європи // Археологія давніх слов'ян. К., 2004. С. 91—102.
- Баран В.Д., Магомедов Б.В. Черняховская культура // Археология Украинской ССР. К., 1986. Т. 3. С. 70—99.
- Баран В.Д., Гороховский Е.Л., Магомедов Б.В. Черняховская культура и готская проблема // Славяне и Русь (в зарубежной историографии): сб. науч. трудов. К., 1990. С. 30—78.
- Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика. М., 1989.
- Барцева Т.Б., Вознесенская Г.А., Черных Е.Н. Металл черняховской культуры // МИА. 1972. № 187.

- Безуглов С.И. Аланы-танаиты: экскурс Аммиана Марцеллина и археологические реалии // Историко-археологические исследования в г. Азове и на Нижнем Дону в 1989 г. Азов, 1990. Вып. 9. С. 80—87.
- Безуглов С.И., Гудименко И.В. Подвеска с выемчатой эмалью из дельты Дона // РА. 1993. № 1. С. 169—174.
- Бейдин Г.В., Мызгин К.В. Находки боспорских монет в ареале черняховской культуры // Германия-Сарматия II. 2010. С. 135—148.
- Беликов Д. Христианство у готов. Вып.1. Начало христианства у готов и деятельность епископа Ульфила. Казань, 1887.
- Беляшевский Н.Ф. Ближайшие задачи археологии Юга России // Археологическая летопись Южной Росии. 1903. № 1. С. 12—18.
- Бенвенист Э. Словарь индоевропейских социальных терминов: в 2-х т. М., 1995.
- Березкин Ю.Е. Америка и Ближний Восток: формы социополитической организации в догосударственную эпоху // ВДИ. 1997. № 2. С. 3—24.
- Березовая Н.В. Исландские поверья об «оживших покойниках» и их связь со скандинавским погребальным культом // Представления о смерти и локализация Иного мира у древних кельтов и германцев. М., 2002. С. 226—252.
- Бестужев-Рюмин К.Н. Русская история. СПб., 1872. Т. 1.
- Бибиков М.В. Историческая литература Византии. СПб., 1998.
- Бибиков М.В. Рец. на кн.: В.П. Буданова. Варварский мир эпохи Великого переселения народов. М., 2000 // Вестник РГНФ. 2001. № 4. С. 181—184.
- Бірбрауер Ф. Готи в I—VII ст.: територія розселення та просування за археологічними джерелами // Археологія. 1995. № 2. С. 32—51.
- Бобринский А.А. Гончарство Восточной Европы: Источники и методы изучения. М., 1978.
- Бобринский А.А. Гончарные мастерские и горны Восточной Европы: по материалам II—V вв. н.э. М., 1991.
- Бобровская О.В. Бусы и подвески в уборе населения черняховской культуры: автореф. дисс. канд. ист. наук. К., 2000.
- Болгов Н.Н. Закат античного Боспора. Белгород, 1996.
- Болгов Н.Н. Зосим — последний античный историк // ВИ. 2006. № 8. С. 157—166.
- Болгов Н.Н. К истории гонений на христиан у готов в 370-х гг. // Государство и его подданные: века сотрудничества и противостояния: мат.-лы Третьей региональной конференции. Воронеж, 2009. С. 192—195.
- Болгов Н.Н. Зосим — последний античный историк // Зосим. Новая история / Пер., коммент. Н.Н. Болгова. Белгород, 2010. С. 4—46.
- Брайчевський М.Ю. Римська монета на території України. К., 1959.
- Брайчевський М.Ю. Изображення коня з с. Черепина в Середньому Пороссі // Археологія. 1961. Т. 12. С. 183—184.
- Брайчевський М.Ю. Біля джерел слов'янської державності: соціально-економічний розвиток черняхівських племен. К., 1964.
- Брайчевський М.Ю. Походження Русі. К., 1968.
- Брайчевский М.Ю. «Русские» названия порогов у Константина Багрянородного // Земли Южной Руси в IX—XIV вв.: История и археология / Под ред. П.П. Толочко. К., 1985. С. 19—30.
- Брайчевский М.Ю. Утверждение христианства на Руси. К., 1989.
- Брайчевський М.Ю. Антське царство. Конспект історії України // Старожитності. К., 1991. Ч. 5.
- Брайчевський М.Ю. Періодизація історичного розвитку Східної Європи в I тис. н.э. // Археологія. 1994. №3. С. 13—18.
- Брайчевський М.Ю. Анти // Брайчевський М.Ю. Вибрані твори. К., 1999. С. 391—436.

- Браун Ф.А. Гипотеза профессора Будиловича о готском происхождении названия «Русь» // ЗНО. СПб., 1892. Вып. II. № 1. С. 45—58.
- Браун Ф.А. Готы // Энциклопедический словарь Брокгауза-Ефрона. СПб., 1893. Т. 9. С. 442—444.
- Браун Ф.А. Разыскания в области гото-славянских отношений. СПб., 1899. Т.1. Готы и их соседи до V в.
- Буданова В.П. Этническая структура «государства Германариха»: По данным письменных источников // Тезисы докладов симпозиума «Позднейшие судьбы черняховской культуры». Каменец-Подольский, 1981. С. 8—10.
- Буданова В.П. Готы в Северном Причерноморье и на Балканах в III—IV вв.: автореф. дисс. канд. ист. наук. М., 1983.
- Буданова В.П. Готская проблема // Современная зарубежная немарксистская историография. М., 1989. С. 247—268.
- Буданова В.П. Готы в эпоху Великого переселения народов. М., 1990.
- Буданова В.П. Новые подходы к исследованию «Гетики» Иордана // Традиции и новации в изучении западноевропейского феодализма. М., 1994. С. 119—130.
- Буданова В.П. «Ойум» в судьбе германских племенных элит // Элита и этнос Средневековья. М., 1995. С. 19—27.
- Буданова В.П. «Государство Эрманариха» в античной и средневековой традиции // Феномены истории: сб. статей. М., 1996. С. 31—45.
- Буданова В.П. О трансформации «готицизма» // Славяне и их соседи. Средние века — раннее Новое время. М., 1999. Вып. 9. Славяне и немцы. С. 13—33.
- Буданова В.П. Варварский мир эпохи Великого переселения народов. М., 2000.
- Буданова В.П. «Матрица цивилизации» Иордана // Восточная Европа в Древности и Средневековье. Автор и его текст: мат-лы конф. М., 2003. С. 31—36.
- Будилович А.С. К вопросу о происхождении слова Русь // Труды VIII Археологического съезда в Москве 1890 г. М., 1897. Т. IV. С. 118—119.
- Буйских С.Б. Фортификация Ольвийского государства (первые века нашей эры). К., 1991.
- Варачева К.Г. Место стеклянных и глиняных кубков в «сервизе» погребений на могильниках черняховской культуры Днепро-Донецкой лесостепи // Черняхівська культура. Актуальні проблеми досліджень (до 40-річчя археологічної експедиції НПУ ім. М.П. Драгоманова). К., 2010. С. 16—20.
- Васильев А.А. Готы в Крыму. Т.1. Ранняя пора христианства и эпоха переселения народов // Известия РАИМК. 1921. Т. 1. № 26. С. 265—344.
- Васильев А.А. Сарматы и черняховское население Буджака во второй половине III—начала V вв. н.э.: автореф. дисс. канд. ист. наук. К., 2008.
- Васильев А.А. Погребения в ямах с уступами в черняховской культуре // Варварский мир северопонтийских земель в сарматскую эпоху. Сб. статей к 60-летию А.Н. Дзиговского. Киев, 2013. С. 96—109.
- Васильев М.А. Этногенетические и ранние этноисторические процессы в славянском мире в позднеримское и раннесредневековое время: анты и славяне // Славяно-германские исследования. М., 2000. С. 412—435.
- Васильевский В.Г. Житие Иоанна Готского // Он же. Труды. СПб., 1912. Т. II. Вып. 2.
- Васильевский В.Г. Русско-византийские отрывки // Он же. Труды. СПб., 1912. Т. II. Вып. 2. С. 359—362.
- Васильевский В.Г. Введение в Житие св. Стефана Сурожского // Он же. Труды. Пг., 1915. Т. III.
- Васютин С.А. Основные этапы трансформации политических структур «дофеодальных варварских обществ» в эпоху Великого переселения народов и Раннее Средневековье // СВ. 2007. Вып. 68 (4). С. 34—65.

- Великанова М.С.* Палеоантропология Прутско-Днестровского междуречья. М., 1975.
- Вернадский Г.В.* Древняя Русь / Пер. с англ. Б.Л. Губман. Тверь; Москва, 2000.
- Веселовский А.Н.* Киев — град Днепра // Записки РГОФО. СПб., 1888. Вып. 1. С. 294—301.
- Веселовский А.Н.* Мелкие заметки к былинам. VII. Готы и гунны и русская местность "Hervararsaga" // ЖМНП. 1888. № 5. С. 78—90.
- Веселовский А.Н.* Из истории древних германских и славянских передвижений. СПб., 1900.
- Винокур И.С.* Некоторые вопросы духовной культуры черняховских племен // СА. 1968. № 1. С. 58—61.
- Винокур И.С.* Опыт реконструкции мельничного сооружения III—IV вв. н.э. // СА. 1970. № 2. С. 238—244.
- Винокур І.С.* Історія та культура черняхівських племен Дністро-Дніпровського межиріччя II—V ст. н.е. К., 1972.
- Винокур И.С.* Симпозиум «Позднейшие судьбы черняховской культуры» // КСИА. 1984. № 178. С. 92—97.
- Винокур І. С.* Анти і склавіни у світлі нових археологічних досліджень // Етнокультурні процеси в Південно-Східній Європі в I тисячолітті н.е. К., 1999. С. 61—67.
- Вознесенская Г.А.* Техника обработки железа и стали // МИА. 1972. №187.
- Войнаровский В.Н.* Древнее кожевенное производство на территории Украины // Археология. 2003. №3. С. 111—123.
- Войнаровский В.М.* Проблемы археологического исследования дополнительных ремесел черняхівської культури (вапнярство, вуглярство, дігтярство) // Актуальні проблеми досліджень (До 40-річчя археологічної експедиції НПУ ім. М.П. Драгоманова). К., 2010. С. 20—24.
- Войнаровский В.Н.* Проблема культурной атрибуции памятников типа Черепин III—V вв. н.э. (производственный комплекс Гряда I около Львова) // Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов. Тула, 2010. Ч. 2. С. 63—94.
- Войтович Л.* Готи на території України: результати досліджень на початок ХХІ століття // Ахеол. досл. Львів. ун-ту. 2008. Вип. 11. С. 35—64.
- Володин Е.В.* История готов в изображении Иордана // Историческая мысль и историография на рубеже Античности и Средних веков: мат-лы коллоквиума. Иваново, 2000. С. 13—17.
- Вольфрам Х.* Готы. От истоков до середины VI века (опыт исторической этнографии). СПб., 2003.
- Воронятов С.В., Мачинский Д.А.* О времени, обстоятельствах и смысле появления сарматских тамг на германских копьях // Germania-Sarmatia II. 2010. С. 57—75.
- Высотская Т.Н.* Неаполь — столица государства поздних скифов. К., 1979.
- Вульпе Р.* Верхний вал Бессарабии и проблема гревтунгов к западу от Днестра // МИА по археологии Юго-Запада СССР и РНР. Кишинев, 1960. С. 259—270.
- Гаврилов Д.А.* НордХейм. Курс сравнительной мифологии древних германцев и славян. М., 2006.
- Гавритухин И.О.* Актуальные проблемы изучения ранней истории славян и славянского расселения на юг и запад (пражская культура) // Труды II (XVII) Всероссийского археологического съезда в Суздале. М., 2008. Т. II. С. 205—208.
- Гавритухин И.О.* Поздне- и постчерняховские традиции в «Большом Киевском треугольнике» // Черняхівська культура. Актуальні проблеми досліджень (до

- 40-річчя археологічної експедиції НПУ ім. М.П. Драгоманова) 15—17 жовтня 2010 р. Зб. тез. допов. на конф. К., 2010. С. 28—32.
- Галкина Е.С. Тайны Русского каганата. М., 2002.
- Гамкрелідзе Т.В., Иванов В.В. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Тбилиси, 1984. Т. 2.
- Ганина Н.А. К этимологической интерпретации гот. "skohsl" // Вестник МГУ. Сер. 9. Филология. 1990. № 5. С. 45—48.
- Ганина Н.А. Имя и традиция рода: к этимологии гот. "*Amal-" и генеалогии Ама-лов // Там же. 1999. № 6. С. 54—68.
- Ганина Н.А. К реконструкции семантики готских ритуальных лексем в свете древнескандинавских данных // Скандинавские языки. Диахрония и синхрония. М., 1999. С. 198—201.
- Ганина Н.А. Готская языческая лексика. М., 2001.
- Ганина Н.А. Древнегерманский погребальный обряд: слова, понятия, реалии // Представления о смерти и локализации иного мира у древних кельтов и германцев. М., 2002. С. 183—201.
- Ганина Н.А. К интерпретации сообщения Иордана об Эрманарихе (Getica, 116-130) // Восточная Европа в Древности и Средневековье. Автор и его текст: мат-лы конф. М., 2003. С. 41—45.
- Ганина Н.А. Росомоны, Йонакр: этимологические соотнесения в свете древнескандинавских данных // Тез. XV конференции по изучению истории, экономики, литературы и языка Скандинавских стран и Финляндии. М., 2004. С. 416—418.
- Ганина Н.А. Германские провидицы в эпоху Римской Империи // Мифологема женщины-судьбы у древних кельтов и германцев. М., 2005. С. 270—281.
- Ганина Н.А. Герулы как воинская элита: к определению и этимологии термина // Восточная Европа в Древности и Средневековье: политические институты и верховная власть: мат-лы конф. М., 2007. С. 41—45.
- Ганина Н.А. Готские языковые реликты: автореф. дисс. ... докт. фил. наук. М., 2008.
- Ганина Н.А. Крымско-готский язык. СПб., 2011.
- Гей О.А. Черняховская культура и скифо-сарматский мир: автореф. дисс. канд. ист. наук. М., 1985.
- Гей О.А., Сымонович Э.А. Черняховская культура // Славяне и их соседи в конце I тысячелетия до н.э.—первой половине I тысячелетия н.э. (Археология СССР). М., 1993. С. 123—130.
- Гельб И.Е. Опыт изучения письма (Основы грамматики). М., 1982.
- Гене Б. История и историческая культура средневекового Запада. М., 2002.
- Гимбутас М. Славяне. Сыны Перуна. М., 2007.
- Глазырина Г.В. География Восточной Европы в сагах о древних временах // Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исследования: 1986 г. М., 1988. С. 229—235.
- Голубева Л.А. Сопоставление, посвященное проблемам черняховской культуры и ее роли в ранней истории славян // СА. 1957. № 4. С. 13—19.
- Гончаров В.К., Махно Е.В. Могильник черняхівського типу біля Переяслава-Хмельницького // Археологія. 1957. Т. XI. С. 127—143.
- Гонкало О.В. Бусы и подвески черняховской культуры. К., 2008.
- Гонкало О.В. К вопросу о социальном статусе погребенных с оружием, снаряжением всадника, конской упряжкой в ареале черняховской культуры // Доистория Восточной Европы позднеримского времени — начала эпохи Великого переселения народов. Харьков, 2011. Вып. 1. С. 15—21.
- Городцов В.А. Бытовая археология. М., 1910.
- Городцов В.А. Археология. Пг., 1925. Т. 1. Каменный период.

- Гороховский Е.Л. Хронология ювелирных изделий первой половины I тыс. н.э. Лесостепного Поднепровья и Южного Побужья. К., 1988.
- Гороховский Е.Л., Гонкало О.В. Варвары на медальоне Валентиниана из Сербии // Археология Центральной и Восточной Европы позднеимперского времени и Эпохи Великого переселения народов: сб. науч. трудов к 10-летию Германно-Славянской археологической экспедиции Харьковского нац. ун-та. (Ostrogothica). Харьков, 2009. С. 237—251.
- Государство в истории общества: к проблеме критериев государственности: сб. статей / Под ред. Д.Н. Лелюхина, Ю.В. Любимова. М., 2001.
- Готы и Рим: сб. науч. статей, посвящ. памяти И.С. Пиоро. К., 2006.
- Готье Ю.В. Железный век в Восточной Европе. М.;Л., 1930.
- Гринин Л.Е. Политогенез: генеральная и боковые линии. Волгоград, 2000.
- Гринин Л.Е. Раннее государство и его аналоги // Раннее государство, его альтернативы и аналогии: сб. статей / Под ред. Л.Е. Гринина. Волгоград, 2006. С. 85—163.
- Гринин Л.Е. От раннего к зрелому государству // Раннее государство, его альтернативы и аналогии: сб. статей. Волгоград, 2006. С. 523—556.
- Гринин Л.Е., Коротаев А.В. Социальная макроэволюция и исторический процесс (к постановке проблемы) // Философия и общество. 2007. № 2. С. 19—66.
- Гринин Л.Е., Коротаев А.В. Социальная макроэволюция. Генезис и трансформации Мир-Системы. М., 2008.
- Грот Л.П. Гносеологические корни норманизма // ВИ. 2008. № 8. С. 111—117.
- Грушевский М.С. Киевская Русь. СПб., 1911. Т. 1.
- Гудкова А.В. Каменное домостроительство на черняховских поселениях Причерноморья // Днестро-Дунайское междуречье в I—начале II тыс. н.э. К., 1987. С. 6—15.
- Гудкова А.В. I—IV вв. в Северо-Западном Причерноморье // Stratum plus. 1999. № 4. С. 235—404.
- Гудкова А.В. Защитная магия в ингумациях черняховского могильника Нагорное II // Черняхівська культура. Актуальні проблеми досліджень (до 40-річчя археологічної експедиції НПУ ім. М.П. Драгоманова). Зб. тез. допов. на конф. К., 2010. С. 36—40.
- Гудкова А.В., Фокеев М.В. Земледельцы и кочевники в низовьях Дуная I—IV вв. н.э. К., 1984.
- Гумилев Л.Н. Ритмы Евразии: эпохи и цивилизации. М., 1993.
- Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера земли. М., 1994.
- Гуревич А.Я. Англосаксонский фолклэнд и древненорвежский одаль // СВ. 1967. Вып. 30. С. 61—83.
- Гуревич А.Я. Категории средневековой культуры. М., 1972.
- Гуревич А.Я. «Эдда» и сага. М., 1979.
- Гуревич А.Я. Аграрный строй варваров // История крестьянства в Европе: эпоха феодализма: в 3-х т. / Под ред. З.В. Удальцовой. М., 1985. Т. I. С. 90—136.
- Гуревич А.Я. Еще несколько замечаний к дискуссии о личности и индивидуальности в истории культуры // Одиссей. Человек в истории. М., 1990. С. 76—89.
- Гуревич А.Я. Древние германцы // Он же. Избранные труды: в 4-х т. М., 1999. Т. I. С. 25—78.
- Гуревич А.Я. Руны, руническое письмо // Словарь средневековой культуры / Под ред. А.Я. Гуревича. М., 2003. С. 415—423.
- Гуревич А.Я. «Феодальное Средневековье»: что это такое? Размышления медиевиста на грани веков // История — нескончаемый спор. М., 2005.
- Гуревич А.Я. Средневековый героический эпос германских народов // Старшая Эдда: эпос / Пер. с др.-исл. А. Корсуна. СПб., 2008. С. 5—20.

- Гутнов Ф.Х. Генеалогические предания осетин как исторический источник. Орджоникидзе, 1989.
- Гутова Е.В. Историография истории Средних веков. М., 1985.
- Гухман М.М. Происхождение строя готского глагола // Труды института языка и мышления им. Н.Я. Марра. Серия Romano-Germanica. М.;Л., 1940. Вып. 14. Гухман М.М. Готский язык. М., 2008.
- Гюнтер Р. Социальные проблемы перехода от Античности к Средневековью // ВДИ. 1992. № 3. С. 112—118.
- Данилевский И.Н. Древняя Русь глазами современников и потомков (IX—XII вв.). М., 2001.
- Данилов А.С. “Skörjargr” «темные волосы», “Jargrskamtr” «темный заморыш»: цветные атрибуты инородцев в контексте эдических «Речей Хамдира» // Именослов: История языка и культуры. СПб., 2010. С. 99—109.
- Дашкевич Н.П. Приднепровье и Киев по некоторым памятникам древне-северной литературы // Известия Киевского университета. К., 1886.
- Двор и придворная культура в историческом аспекте. СПб., 1997.
- Дворецкая И.А. Западная Европа V—IX веков: Раннее Средневековье. М., 1990.
- Дворецкий И.Х. Древнегреческо-русский словарь в 2-х т. М., 1958. Т. II.
- Державин Н.С. Происхождение русского народа. Великорусского, украинского, белорусского. М., 1944.
- Джаксон Т.Н. К методике анализа русских известий исландских королевских саг // Методика изучения древнейших источников по истории народов СССР. М., 1978. С. 126—141.
- Джаксон Т.Н. Исландские королевские саги о Восточной Европе. М., 1993.
- Дзиговский А.Н., Лисецкий Ф.Н. Палеохронологические аспекты датировки Нижнего Траянова вала // Археология и этнология Восточной Европы. Одесса, 1997. С. 229—238.
- Дзиговский А.Н. Очерки истории сарматов Карпато-Днепровских земель. Одесса, 2003.
- Диатропов П.Д. Распространение христианства в Северном Причерноморье: автореф. дисс. канд. ист. наук. М., 1987.
- Дідик В.В. Герульський слід в черняхівських старожитностях Лівобережної України // Древности римского времени на Слобожанщине. Харьков, 2006. С. 165—168.
- Дмитриев М.В. Проблематика исследовательского проекта «Confessiones et nationes. Конфессиональные традиции и протонациональные дискурсы в истории Европы» // Религиозные и этнические традиции в формировании национальных идентичностей в Европе. Средние века — Новое время. М., 2008. С. 15—42.
- Древности Центральной и Восточной Европы эпохи римского влияния и переселения народов (Germania-Sarmatia). Калининград, 2008.
- Дьяконов И.М. Пути истории: от древнейшего человека до наших дней. М., 1994.
- Ерасов Б.С. Государство и цивилизованное устройство общества // Государство в истории общества (к проблеме критериев государственности) / Отв. ред. Д.Н. Лелюхин, Ю.В. Любимов. М., 2001. С. 309—341.
- Ермолова И.Е. Федераты и союзники Рима // Античность: общество и идеи. Казань, 2001. С. 151—159.
- Ермолова И.Е. Аммиан Марцеллин о современности: проблемы восприятия // Восточная Европа в Древности и Средневековье. Автор и его источник: восприятие, отношение, интерпретация: мат-лы конф. М., 2009. С. 113—116.
- Ермолова И.Е. Источники «Деяний» Аммиана Марцеллина // Восточная Европа в Древности и Средневековье. М., 2010. С. 106—110.

- Ерошенко В.В., Семенов А.И. Новые поселения черняховской культуры на юго-западе Белгородчины // Поселения: среда, культура, социум: мат.-лы конф. СПб., 1998. С. 119—122.
- Ефимова С.Г. Население Восточной Европы в эпоху железа и позднеримское время // Восточные славяне. Антропология и этническая история. М., 1999. С. 304—305.
- Жирмунский В.М. Примечания редактора // Хойслер А. Германский героический эпос и сказание о Нибелунгах. М., 1960.
- Жуков К.В. Падение Римской империи (Зосим и его североамериканские интерпретаторы): автореф. дисс. канд. ист. наук. Великий Новгород, 2000.
- Журавлев О.П. Животноводство и охота поселений Сокол и Лука-Каветчинская на Среднем Днепре // Стратум: Между певкинами и феннами. 2003—2004. №4. С. 397—413.
- Журко А.И. Жилые сооружения племен черняховской культуры: автореф. дисс. канд. ист. наук. К., 1983.
- Забелин И.Е. История русской жизни с древнейших времен. М., 1908. Ч. 1. Доисторическое время Руси.
- Завьялов В.И., Розанова Л.С., Терехова Н.Н. Этнокультурные взаимодействия в эпоху Великого переселения народов: археометаллографические данные (по материалам памятников Волго-Камья и Поочья) // РА. 2012. № 1. С. 82—89.
- Заморяхин А.В. Готы Северного Причерноморья в III—IV вв. в дореволюционной отечественной историографии // Исседон. Екатеринбург, 2003. Т. II. С. 171—183.
- Заморяхин А.В. Готы-тетракситы в дореволюционной отечественной историографии // Новый Гиперборей. Пермь, 2004. С. 71—73.
- Завьялов В.И., Розанова Л.С., Терехова Н.Н. Этнокультурные взаимодействия в эпоху Великого переселения народов: археометаллографические данные (по материалам памятников Волго-Камья и Поочья) // РА. 2012. № 1. С. 82—89.
- Засецкая И.П. Культура кочевников южнорусских степей в гуннскую эпоху (конец IV—V вв.). СПб., 1994.
- Здоров А.А. Откуда пришли исполины? // Донская археология. 2000. №3—4. С. 136—141.
- Зинько А.В. «Готы» в Восточном Крыму // Боспорские исследования. Керчь, 2008. Вып. XIX. С. 129—137.
- Зиньковская И.В. Анты и готы в Днепро-Донской лесостепи. Воронеж, 2000.
- Зиньковская И.В. Верхний Дон и позднеантичный Танаис в IV—V вв. // Донская археология. 2002. № 3/4. С. 67—70.
- Зиньковская И.В. Фундаментальное исследование по истории готов (Вольфрам Х. Готы) СПб.: Ювента, 2003) // Вестник ВГУ. 2006. № 1. С. 101—103.
- Зиньковская И.В. «Гетика» Иордана как источник по истории готов в Восточной Европе // Проблемы всеобщей и отечественной истории: сб. статей. Воронеж, 2006. С. 99—114.
- Зиньковская И.В. Остроготское государство Эрманариха в оценке германских исследователей 1910-е—1940-е гг. // Германия и Россия: события, образы, люди: сб. российско-германских исследований. Воронеж, 2007. Вып. 5. С. 146—159.
- Зиньковская И.В. Материалы к хозяйственной и социокультурной истории готов IV в. в Библии Вульфилы // Вопросы истории славян: сб. науч. трудов. Воронеж, 2007. Вып. 18. С. 56—69.
- Зиньковская И.В. Поселение и могильник раннегуннского времени на Животинном городище // Древности эпохи Средневековья Евразийской лесостепи. Воронеж, 2008. С. 32—51.
- Зиньковская И.В. О находках изделий с выемчатыми эмальями на юге Восточной

- Европы // Пятая Кубанская археологическая конференция: мат-лы. Краснодар, 2009. С. 143—144.
- Зиньковская И.В. Готский король Эрманарих // ВИ. 2010. № 3. С. 124—130.
- Зиньковская И.В. Готы и черняховская культура в современной украинской историографии // Вестник ВГУ. 2010. № 1. С. 23—31.
- Зиньковская И.В. “Regnum” Эрманариха: лингвистический и исторический анализ // Вестник ВГУ. Сер.: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2010. № 1. С. 215—219.
- Зиньковская И.В. Королевство Эрманариха: источники и историография. Воронеж, 2010.
- Зиньковская И.В. О новых подходах к интерпретации списка «северных народов» в «Гетике» Иордана // ЭО. 2011. №4. С. 123—133.
- Зубарь В.М., Хворостяный А.М. От язычества к христианству. Начальный этап проникновения и утверждения христианства на юге Украины (вторая половина III—первая половина VI в.). К., 2000.
- Зубарь В.М., Сон Н.А. Северо-Западное Причерноморье в античную эпоху // МА-ИЭТ. Симферополь, 2007. Вып. 3.
- Иловайский Д.И. Разыскания о начале Руси. Вместо введения в русскую историю. М., 1876.
- Иловайский Д.И. Начало Руси. М., 2003.
- Историография античной истории / Под ред. В.И. Кузищина. М., 1980.
- Казанский М.М. Остроготские королевства в гуннскую эпоху: рассказ Иордана и археологические данные // Stratum plus ПАВ. 1997. С. 181—193.
- Казанский М.М. Готы на Боспоре Киммерийском // Сто лет черняховской культуры. К., 1999. С. 277—297.
- Казанский М.М. Германцы в Юго-Западном Крыму в позднеримское время и эпоху Великого переселения народов // Готы и Рим: сб. науч. статей, посвящ. И.С. Пироро. К., 2006. С. 26—41.
- Казанский М.М. О постчерняховском горизонте на территории черняховской культуры // Черняхівська культура. Актуальні проблеми досліджень (до 40-річчя археологічної експедиції НПУ ім. М.П. Драгоманова). Зб. тез. допов. на конф. К., 2010. С. 41—45.
- Казанский М.М. Скандинавская меховая торговля и «Восточный путь» в эпоху переселения народов // Stratum. Рим и варвары: от Августа до Августа. 2010. С. 17—127.
- Казанцева Т.Ю. Об основных группах готских существительных со сложными основообразующими формантами и их параллелях в индоевропейских языках // Вестник ТГПУ. 2006. № 4. С. 17—25.
- Карамзин Н.М. История государства Российского. СПб., 1816. Т. 1.
- Карамзин Н.М. История государства Российского: в 3-х кн. СПб., 2003. Кн. 1.
- Кардини Ф. Истоки средневекового рыцарства. М., 1987.
- Карнейро Р. Процесс или стадия: ложная дихотомия в исследовании истории возникновения государства // Альтернативные пути к цивилизации. М., 2000. С. 84—94.
- Карсанов А.Н. Об этнической принадлежности росомонов // Имя — этнос — история. М., 1989. С. 25—31.
- Кейдан А. «Калькированный архаизм» готского языка // Индоевропейское языковедение и классическая филология: мат-лы X чтений, посвящ. памяти И.М. Тронского. СПб., 2006. С. 149—156.
- Кияшко А.Г. Поруйновані поховання в ареалі черняхівської культури // Актуальні проблеми археології України. К., 2010. Вип. 4. С. 98—102.

- Классен Х. Дж. М.* Было ли неизбежным появление государства? // Раннее государство, его альтернативы и аналогии. Волгоград, 2006. С. 71—84.
- Клауде Д.* История вестготов. СПб., 2002.
- Клейн Л. С.* Введение в теоретическую археологию. СПб., 2004. Кн. 1. Метаархеология.
- Ключевский В. О.* Курс русской истории. М., 1906. Ч. 1.
- Кнабе Г.* Избранные труды: теория и история культуры. М., 2006.
- Ковалев Г. Ф.* Еще раз о происхождении этнонима «Русь» // Acta baltico-slavica. 1992. №17. С. 131—145.
- Козак Д. Н.* Етнокультурна історія Волині (I ст. до н.е.— IV ст. н.е.). К., 1992.
- Козак Д. Н.* До проблеми співіснування слов'ян і германців в Україні у другій чверті I тис. н.е. // Старожитності Русі — України. К., 1994. С. 31—36.
- Козак Д. Н.* Поселення готів на Хрінницькому водоймищі (с. Хрінники, ур. Шанків Яр) // Археологія давніх слов'ян. К., 2004. С. 49—90.
- Козак Д. Н.* Вenedi. К., 2008.
- Козак Д. Н.* Капище готів на Волині // Археологія. 2010. № 3. С. 34—47.
- Козлов А. С.* Некоторые аспекты «проблемы варваров» в «Новой истории» Зосима // Античная Древность и Средние века. Свердловск, 1977. Вып. 14. С. 52—59.
- Козлов А. С.* Социальные симпатии и антипатии Зосима // Античная Древность и Средние века. Свердловск, 1978. Вып. 15. С. 23—42.
- Колесницкий Н. Ф.* К вопросу о раннеклассовых общественных структурах // ПИДО. М., 1968. Ч. 1. С. 618—637.
- Колесницкий Н. Ф.* Этнические общности и политические образования у германцев I—V вв. // СВ. 1985. Вып. 48. С. 5—26.
- Комар О. В.* Роксолани: історія та проблематика // Академія. 1994. № 4. С. 32—46.
- Комар О. В.* Сармати Поросся та «південна» гіпотеза походження Русі // Vita Antiqua. 1999. № 1. С. 81—88.
- Копылов И. А.* Арианская церковь в королевстве вестготов // Вестготская правда (Книга приговоров). Латинский текст. Перевод. Исследование. М., 2012. С. 173—187.
- Коростелин В. А.* Федератство в Позднем Риме как система: к проблеме варваров-федератов // МАИЭТ. Симферополь, 2007. Вып. XIII. С. 421—429.
- Корсунский А. Р.* О социальном строе вестготов в IV в. // ВДИ. 1965. № 3. С. 54—74.
- Корсунский А. Р.* Готская Испания (очерки социально-экономической и политической истории). М., 1969.
- Корсунский А. Р., Гюнтер Р.* Упадок и гибель Западной Римской империи и возникновение германских королевств (до середины VI в.). М., 1984.
- Косвен М. О.* Семейная община и патронимия. М., 1963.
- Косминский Е. А.* Историография Средних веков V в.—сер. XIX в. М., 1963.
- Кравченко Н. М.* О методике социологического анализа погребального обряда черняховской культуры // Исследование социально-политических проблем в археологии. К., 1979. С. 209—227.
- Кравченко Н. М.* Анти — на зламі віків. Ранньоантський період у світлі історико-археологічних аналогій // Вісник Київського інституту «Слов'янський Університет». 2001. Вип. 11. С. 206—224.
- Крадин Н. Н.* Кочевые общества. Владивосток, 1992. С. 146—152.
- Крадин Н. Н.* Вождество: современное состояние и проблемы изучения // Ранние формы политической организации. М., 1995. С. 11—61.
- Крадин Н. Н.* Политическая антропология. М., 2001.
- Крадин Н. Н.* Археологические признаки цивилизации // Раннее государство, его альтернативы и аналогии: сб. статей. Волгоград, 2006. С. 184—210.
- Крапивина В. В.* Ольвия. Материальная культура I—IV вв. н.э. К., 1993.

- Крапивина В.В. Позднеантичный период в истории Ольвии // ВДИ. 2013. № 1. С. 77—94.
- Краснов Ю.А. К вопросу о существовании плуга у племен черняховской культуры // КСИА. 1971. №128. С. 3—11.
- Кропоткин В.В. Могильник Суук-Су и его историко-археологическое значение // СА. 1959. № 1. С. 181—194.
- Кропоткин А.В. К вопросу о племенных центрах черняховской культуры // СА. 1984. №3. С. 35—47.
- Кропоткин А.В., Кропоткин В.В. Северная граница распространения амфор римского времени в Восточной Европе // Могильники черняховской культуры. М., 1988. С. 168—184.
- Кропоткин В.В. Клады римских монет на территории СССР // САИ. М., 1961. Вып. Г4—4.
- Кропоткин В.В. Экономические связи Восточной Европы в I тыс. н.э. М., 1967.
- Кропоткин В.В. Римские импортные изделия в Восточной Европе (II в. до н.э.—V в. н.э.) // САИ. М., 1970. Вып. Д. 1—27.
- Кропоткин В.В. К вопросу о развитии товарного производства и денежных отношений у племен черняховской культуры в II—IV вв. // Ленинские идеи в изучении истории первобытного общества, рабовладения и феодализма. М., 1970. С. 146—160.
- Куббель Л.Е. Очерки потестарно-политической этнографии. М., 1988.
- Кузьменко Ю.К. Самоназвание германцев и исконное значение этнонима “SUĒBĪ” «свевы» // Индоевропейское языкознание и классическая филология: мат-лы XIII чтений памяти И.М. Тронского. СПб., 2009. С. 337—358.
- Кузьмин А.Г. Начало Руси: Тайны рождения русского народа. М., 2003.
- Кулаковский Ю.А. Карта Европейской Сарматии по Птолемею. К., 1899.
- Кулаковский Ю.А. Прошлое Тавриды. К., 1914.
- Кулаковский Ю.А. История Византии. К., 1910. Т. 1. 395—518 гг.
- Культура Византии, IV—первая половина VII в. / Ред. З.В. Удальцова и др. М., 1984.
- Куник А.А. Русский источник о походе 1043 года. Дополнения к статье Б. Дорна «Каспий. О походах древних русских в Табаристан» // Записки ИАН. СПб., 1875. Т. 26. Приложение.
- Куник А.А. Открытое письмо к сухопутным морякам // Куник А.А., Розен В.Г. Известия ал-Бекри и других авторов о Руси и славянах. СПб., 1903. Ч. 2.
- Кухаренко Ю.В. К вопросу о славяно-скифских и славяно-сарматских отношениях: по данным погребального обряда // СА. 1954. № XIX. С. 111—120.
- Кухаренко Ю.В. Могильник Брест-Тришин. М., 1980.
- Лавров В.В. О характере власти у готов в IV в. н.э. // Античное общество: тез. докладов науч. конф. 29—30 октября 1996 г. СПб., 1996.
- Лавров В.В. Германские племена в этнической истории Северного Причерноморья III—IV вв. н.э.: автореф. дисс. канд. ист. наук. СПб., 1997.
- Лавров В.В. Герулы в Причерноморье // Stratum plus ПАВ. 1997. С. 214—217.
- Лавров В.В. Готское общество в IV в. н.э. // Античный мир. Проблемы истории и культуры: сб. статей, посвящ. Э.Д. Фролову. СПб., 1998. С. 399—413.
- Лавров В.В. Переселение готов в Причерноморье // ВДИ. 1999. № 3. С. 170—182.
- Лавров В.В. Восточные германцы в Приазовье // Stratum: время великих миграций. 2000. С. 331—341.
- Лавров В.В. Готские войны III в. н.э.: римское культурное влияние на восточногерманские племена Северного Причерноморья // Проблемы античной истории: сб. статей к 70-летию проф. Э.Д. Фролова. СПб., 2003. С. 332—352.
- Лебедев Г.С. Эпоха викингов в Северной Европе: историко-археологические очерки. Л., 1985.

- Лебедев Г.С. Русь и чужь, варяги и готы (итоги и перспективы историко-археологического изучения славяно-скандинавских отношений в I тыс. н.э.) // Историко-археологическое изучение Древней Руси. Итоги и основные проблемы. Л., 1988. Вып. 1. С. 79—99.
- Лебек С. Происхождение франков, V—IX вв. М., 1993.
- Левада М.Е. «Другие германцы» в Северном Причерноморье позднего римского времени // Боспорские исследования. Симферополь; Керчь, 2006. Вып. 11. С. 194—249.
- Левада М.Е. Миф о черняховских городищах // Готы и Рим: сб. науч. статей, посвящ. И.С. Пиоро. К., 2006. С. 60—72.
- Лейпунская Н.А. Детское погребение III—IV вв. из Ольвии // Северное Причерноморье в эпоху Античности и Средневековья (Труды ГИМ. Вып. 159). М., 2006. С. 183—188.
- Леус П.М. Археология Третьего Рейха на оккупированных восточных территориях // Germania-Sarmatia. Древности Центральной и Восточной Европы эпохи римского влияния и переселения народов. Калининград, 2008. С. 220—231.
- Леус П.М. К истории копья из Ковеля // РА. 2008. № 4. С. 125—127.
- Либерман А. Примечания // Беовульф: эпос / Пер. с др.-англ. В. Тихомирова. СПб., 2008. С. 232—282.
- Ломоносов М.В. Древняя российская история от начала российского народа до кончины великого князя Ярослава Первого или до 1054 г. СПб., 1766.
- Ломоносов М.В. О происхождении и древности россов, о переселениях и делах их // Древняя российская история от начала российского народа до кончины великого князя Ярослава Первого или до 1054 г. // Он же. Полное собрание сочинений. М.; Л., 1952. Т. VI.
- Луконин В.Г. Культура сасанидского Ирана. Иран в III—V вв.: очерки по истории культуры. М., 1969.
- Любичев М.В. Черняховская культура Днепро-Донецкой лесостепи: история исследования и основные проблемы изучения. Харьков, 2000.
- Любичев М.В. К вопросу о времени появления памятников черняховской культуры на Днепро-Донецком водоразделе // РА. 2003. № 3. С. 71—81.
- Любичев М.В. Этнокультурный подтекст распространения фибул типа Альмгрена VII восточнее Днепра // Древности 2006—2008. Харьков, 2008. С. 36—47.
- Любичев М.В. Погребения с римским импортом на могильнике черняховской культуры Войтенки (Восточная Украина) // Археология Центральной и Восточной Европы позднеримского времени и эпохи Великого переселения народов (Ostrogothica). Харьков, 2009. С. 68—79.
- Любичев М.В. Сарматские элементы на могильниках черняховской культуры Днепро-Донской лесостепи // Черняхівська культура. Актуальні проблеми досліджень (до 40-річчя археологічної експедиції НПУ ім. М.П. Драгоманова) 15-17 жовтня 2010 р. Зб. тез. допов. на конф. К., 2010. С. 45—48.
- Любичев М.В. «Горизонт Боромля» как область «праславянской» культурной провинции середины III—начала IV в. (ступени C1b-C2) // Germania-Sarmatia II. 2010. С. 149—176.
- Любичев М.В., Горбаненко С.А. Земледелие жителей поселения Войтенки I // Stratum: Европейская Сарматия и Херсонес. 2011. № 4. С. 309—316.
- Любичев М.В. Позднескифский/сарматский компонент в черняховской культуре лесостепи между Днепром и Северским Донцом: особенности проявления // Варварский мир северопонтийских земель в сарматскую эпоху. Сб. статей к 60-летию А.Н. Дзигверского. К., 2013. С. 64—77.
- Любичев М.В. Етнокультурна історія дніпро-донецького лісостепу I—V ст. н. е. Автореф. дисс. ... докт. ист. наук. К., 2013.

- Магомедов Б.В.* Могильник и городище Городок на Южном Буге // Памятники древних культур Северного Причерноморья. К., 1979. С. 105—114.
- Магомедов Б.В.* Городища черняховской культуры (к постановке проблемы) // Археологические исследования на Украине в 1978—1979 гг. Днепропетровск, 1980. С. 133—134.
- Магомедов Б.В.* Черняховская культура Северо-Западного Причерноморья. К., 1987.
- Магомедов Б.В.* Черняховское городище у с. Александровка // Днепро-Дунайское междуречье в I—начале II тыс. н.э. К., 1987. С. 26—41.
- Магомедов Б.В.* Велика Снітинка 2 — поселення гребінників III—IV ст. н.е. // Стародавнє виробництво на території України. К., 1992. С. 94—116.
- Магомедов Б.В.* К истории финального этапа черняховской культуры // Сто лет черняховской культуре. К., 1999. С. 39—47.
- Магомедов Б.В.* Черняховская культура. Проблема этноса (Monumenta Studia Gothica. T. 1). Lublin, 2001.
- Магомедов Б.В.* Черняховская культура и Боспор // Боспорские исследования. Симферополь, 2001. Вып. 1. С. 246—249.
- Магомедов Б.В.* Городища-крепости Ольвийской округи в позднееримское время // *Voyuzhenika* — 2004: мат.-лы. междунар. науч. конф. к 100-летию начала исследований острова Березань Э.Р. фон Штерном. Николаев, 2004. С. 112—118.
- Магомедов Б.В.* Римские амфоры в черняховской культуре // Готы и Рим. К., 2006. С. 52—59.
- Магомедов Б.В., Левада М.Е.* Оружие черняховской культуры // МАИЭТ. Симферополь, 1996. Вып. 5. С. 304—323.
- Макаев Э.А.* Язык древнейших рунических надписей. Лингвистический и историко-филологический анализ. М., 1965.
- Макарий, митрополит Московский.* История Русской церкви. М., 1994. Кн. 1.
- Максимов Е.В.* Среднее Поднепровье на рубеже нашей эры. К., 1972.
- Манчинска М.* Страх перед умершими и культ мертвых у германцев в IV—VII вв. (на основании так называемых погребений специфического обряда) // *Stratum plus* ПАВ. 1997. С. 207—213.
- Маркс К.* Хронологические выписки // Архив К. Маркса и Ф. Энгельса. М., 1938. Т. V.
- Март Н.Я.* Готское слово “guta” «муж» // Известия АН СССР. Отделение гуманитарных наук. 1930. С. 445—453.
- Мак-Нейл В.* Цивилизация, цивилизации и мировая система // Цивилизации. М., 1993. Вып. 2. С. 18—25.
- Маркевич В.И., Рикман Э.А.* Клад III—IV вв. из Буковины // СА. 1973. № 4. С. 260—261.
- Мастыкова А.В.* О распространении янтарных грибовидных бус-подвесок позднееримского времени на Юге Восточной Европы и в Закавказье // Сто лет черняховской культуре. К., 1999. С. 171—202.
- Мастыкова А.В.* «Варварские королевства» эпохи Великого переселения народов у алан Центрального Предкавказья // ПИФК. Вып. XXI. Магнитогорск, 2008. С. 149—159.
- Мастыкова А.В.* Женский костюм Центрального и Западного Предкавказья в конце IV—VI в. н.э. М., 2009.
- Мастыкова А.В.* Женский черняховский костюм с двупластинчатыми фибулами // Черняхівська культура. Актуальні проблеми досліджень (до 40-річчя археологічної експедиції НПУ ім. М.П. Драгоманова) 15-17 жовтня 2010 р. 36. тез. допов. на конф. К., 2010. С. 50—52.

- Матвеева Г.И.* Этнокультурные процессы в Среднем Поволжье в I тысячелетии нашей эры // *Культуры Восточной Европы I тысячелетия*. Куйбышев, 1986. С. 158—171.
- Матвеева Г.И.* Памятники лбищенского типа — ранний этап именьковской культуры // *Культуры евразийских степей второй половины I тысячелетия н.э.* (вопросы хронологии). Самара, 1998. С. 87—95.
- Матвеева Г.И.* Среднее Поволжье в IV—VII вв.: именьковская культура. Самара, 2004.
- Матвеева Н.П.* Реконструкция социальной структуры древних обществ по археологическим данным. Тюмень, 2007.
- Махно Е.В.* Ягнятинська археологічна експедиція // *АП УССР*. 1952. Т. III. С. 154—164.
- Махно Е.В.* Памятники черняховской культуры на территории УССР // *МИА*. 1960. № 82. С. 9—83.
- Мачинский Д.А.* О месте Северной Руси в процессе сложения древнерусского государства и европейской культурной общности // *Археологические исследования Новгородской земли* / Под ред. Г.С. Лебедева. Л., 1984. С. 5—12.
- Мачинский Д.А., Кулешов В.С.* Северные народы середины IV—первой половины VI в. в “Getica” Иордана // *Ладога и Глеб Лебедев. Восьмые чтения памяти Анны Мачинской*. СПб., 2004. С. 26—72.
- Мацулевич Л.А.* Погребение варварского князя в Восточной Европе. Новые находки в верховьях реки Суджи // *Известия ГАИМК*. 1934. Вып. 112.
- Медведев А.П.* III Чертовичское городище (материалы 1-ой половины I тыс. н.э.) // *Археологические памятники Верхнего Подонья в первой половине I тысячелетия н.э.* Воронеж, 1998. С. 50—84.
- Медведев А.П.* О начальном этапе этнической истории славян в Подонье // *Исторические записки*. Воронеж, 2002. Вып. 8. С. 195—207.
- Медведев А.П.* О возникновении иерархических социальных структур в обществах эпохи бронзы и раннего железного века на юге Восточной Европы (диахронный анализ) // *Фундаментальные исследования в области гуманитарных наук*. Екатеринбург, 2003. С. 45—48.
- Мелетинский Е.М.* «Эдда» и ранние формы эпоса. М., 1968.
- Мелетинский Е.М.* Германо-скандинавская мифология // *Мифы народов мира*. М., 1991. Т.1. С. 284—290.
- Мельникова Е.А.* Меч и лира: Англосаксонское общество в истории и эпосе. М., 1987.
- Мельникова Е.А.* Героико-эпическая и практическая системы географических представлений в средневековой Скандинавии: формы взаимодействия // *СВ*. 1989. Вып. 52. С. 146—156.
- Мельникова Е.А.* Древнегерманская эпическая топонимия в скандинавской литературе XII—XIV вв. (к истории топонима “Reiðgotaland”) // *Скандинавские языки. Структурно-функциональные аспекты*. М., 1990. Вып. 2. С. 264—277.
- Мельникова Е.А.* К типологии предгосударственных и раннегосударственных образований в Северной и Северо-Восточной Европе (постановка проблемы) // *Древнейшие государства Восточной Европы за 1992—1993 гг.* М., 1995. С. 16—33.
- Мельникова Е.А.* Скандинавские рунические надписи. Новые находки и интерпретации. Тексты. Перевод. Комментарий. М., 2001.
- Мельникова Е.А.* Предисловие // *Древнейшие государства Восточной Европы: 2001 год: Историческая память и формы ее воплощения* / Отв. ред. Е.А. Мельникова. М., 2003. С. 3—8.
- Мельникова Е.А.* Историческая память в германской устной традиции и ее пись-

- менная фиксация // История и память: Историческая культура Европы до начала Нового времени / Под ред. Л.П. Репиной. М., 2006. С. 180—222.
- Мельникова Е.А. Название Днестра в актуальной и эпической географической номенклатуре древних скандинавов // *Gaudeamus igitur*: сб. статей к 60-летию А.В. Подосинова. М., 2010. С. 260—267.
- Мельникова Е.А. Актуализация устной традиции: германский героический эпос в средневековой Скандинавии // *Восточная Европа в Древности и Средневековье*. 2010. Т. 22. С. 193—198.
- Менгин В. Эпоха Меровингов — Европа без границ. Вводный обзор к теме выставки // *Эпоха Меровингов — Европа без границ*. Археология и история V—VIII вв. Мюнхен, 2007. С. 26—54.
- Мецгер Б.М. Ранние переводы Нового Завета: Их источники, передача, ограничения. М., 2004.
- Милашевский А.С. Керамический кубок с руническими знаками из Малополовецкого — 2 // *Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов*. Тула, 2010. Ч. 2. С. 115—118.
- Милашевский О.С. Похоронення черняхівської культури з двошаровими фібулами (етнічний аспект) // *Археологія*. 2014. № 3. С. 45—52.
- Минасян Р.С. Классификация ручного жернового постава (по материалам Восточной Европы I тыс. н.э.) // *СА*. 1978. № 2. С. 101—112.
- Мифологема женщины-судьбы у древних кельтов и германцев / Под ред. Т.А. Михайловой. М., 2005.
- Могильников В.А. Погребальный обряд культур III в. до н.э.—III в. н.э. в западной части Балтийского региона // *Погребальный обряд племен Северной и Средней Европы в I тысячелетии до н.э.—I тысячелетии н.э.* М., 1974. С. 133—217.
- Монгайт А.Л. Археология Западной Европы. Каменный век. М., 1973.
- Монгайт А.Л. Археология Западной Европы. Бронзовый и железный века. М., 1973.
- Моця А.П. Трупосожжение и труположение у славян Среднего Поднепровья. Причины смены погребального обряда // *Славяне и Русь*. К., 1979. С. 144—154.
- Мизгін К.В. Античні монети на пам'ятках черняхівської культури: автореф. дисс. канд. ист. наук. К., 2010.
- Мызгин К.В. Некоторые аспекты политической и экономической истории населения днепро-донецкой лесостепи во второй четверти I тыс. н.э. по нумизматическим данным // *Древности Центральной и Восточной Европы эпохи римского влияния и переселения народов (Germania-Sarmatia)*. Калининград, 2008. С. 68—79.
- Мызгин К.В. «Варварские» подражания римским монетам на территории черняховской культуры // *Древности*. Харьков, 2009. Вып. 9. С. 90—106.
- Мюссе Л. Варварские нашествия на Европу: германский натиск. СПб., 2006.
- Надеждин Н.И. Опыт исторической географии русского мира // *Библиотека для чтения*. 1837. Т. 22. Кн. 3.
- Напольских В.В. «Список народов Германариха» — готский путь от Ладрги до Кубани // *Уральский исторический вестник*. 2012. №2 (35). С. 20—30.
- Некрасова А.Н. Хронология распространения черняховской культуры в Днепровском лесостепном Левобережье // *Археологические исследования в Центральном Черноземье*. Белгород, 1990. С. 59—60.
- Некрасова А.Н. Памятники черняховской культуры Днепровского Левобережья // *Готы и Рим*. К., 2006. С. 87—200.
- Неронова В.Д. Аммиан о варварах // *Уч. зап. ПермГУ*. 1966. С. 65—69.
- Неусыхин А.И. Рец. на кн.: Иордан. О происхождении и деяниях гетов (*Getica*)

- / Вступ. ст., пер. и коммент. Е.Ч. Скржинской. М., 1960 // ВВ. 1963. Т. XXII. С. 304—319.
- Неусыхин А.И. Дофеодальный период как переходная стадия развития от родоплеменного строя к раннефеодальному // СВ. 1968. Вып. 31. С. 45—63.
- Неусыхин А.И. Дофеодальный период // ПИДО. М., 1968. Кн.1. С. 596—617.
- Нидерле Л. Славянские древности. М., 1956.
- Никитина Г.Ф. Систематика погребального обряда племен черняховской культуры. М., 1985.
- Никитина Г.Ф. Анализ погребального обряда могильника Романковцы // Теоретические и методические подходы к изучению погребального обряда в современной археологии: тез. докл. всеросс. конф. М., 2005. С. 37—38.
- Никитина Г.Ф. Черняховская культура Поднестровья (по результатам анализа археологических источников). М., 2008.
- Новаковский В. Проблема присутствия славян на землях в бассейне Одера и Вислы в римский период и в эпоху Великого переселения народов (на основании античных письменных источников и археологических находок) // Germania-Sarmatia II. Калининград; Курск, 2010. С. 33—42.
- Новосельцев А.П., Пашуто В.Т. Восточные источники о восточных славянах и Руси VI—IX вв. // Древнерусское государство и его международное значение / Отв. ред. В.Т. Пашуто. М., 1965. С. 355—452.
- Нозмов Ш.Б. История адыгейского народа, составленная по преданиям кабардинцев. Пятигорск, 1891.
- Обломский А.М. Этнические процессы на водоразделе Днепра и Дона в I—V вв. н.э. М.; Сумы, 1991.
- Обломский А.М. Этническая ситуация в лесостепном Подонье в позднееримское время // Проблемы славянской археологии: Труды VI Международного конгресса славянской археологии. М., 1997. Т. 1. С. 235—246.
- Обломский А.М. О времени появления черняховского населения на территории Днепровского Левобережья // Сто лет черняховской культуре. К., 1999. С. 26—38.
- Обломский А.М. О памятниках лесостепного Подонья позднееримского времени // Верхнедонской археологический сборник. Липецк, 2001. Вып. 2. С. 122—140.
- Обломский А.М. Днепровское лесостепное Левобережье в позднееримское и гуннское время (сер. III—перв. пол. V в. н.э.). М., 2002.
- Обломский А.М. Острая Лука Дона в Древности. Замятинский археологический комплекс гуннского времени. М., 2004.
- Обломский А.М. Об одной группе сосудов эпохи Великого переселения народов // РА. 2005. № 2. С. 32—45.
- Обломский А.М. Киевская культура на фоне этнокультурных процессов в лесостепной зоне в III—V вв. // Памятники киевской культуры в лесостепной зоне России (III—начало V в. н.э.) (Раннеславянский мир. Вып. 10). М., 2007. С. 45—53.
- Обломский А.М. Некоторые соображения о походах дружин короля Германариха на восток // Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов. Тула, 2008. С. 142—162.
- Обломский А.М. О времени и характере распространения черняховской культуры на территории Днепровского Левобережья // Археология Центральной и Восточной Европы позднееримского времени и Эпохи Великого переселения народов: сб. науч. трудов к 10-летию Германо-Славянской археологической экспедиции Харьковского нац. ун-та. (Ostrogothica). Харьков, 2009. С. 264—287.
- Обломский А.М. Танаис и Верхнее Подонье в гуннскую эпоху // Дивногорский

- сборник. Воронеж, 2009. Вып. 1. С. 252—269.
- Обломский А.М. Материалы поселения Журавка Ольшанская // Археология Восточной Европы в I тыс. н.э. Проблемы и материалы (Раннеславянский мир. Вып.10). М., 2010. С. 144—260.
- Обломский А.М., Терпиловский Р.В. О происхождении восточной ветви ранних славян // Труды II (XVII) Всероссийского археологического съезда в Суздале. М., 2008. Т. II. С. 257—262.
- Обломский А.М., Усачук А.Н. Технология изготовления гребней в Замятино-5 и Замятино-8 и местерские гребенщиков // Острая Лука в древности. Замятинский археологический комплекс гуннского времени (Раннеславянский мир. Вып. 6). М., 2004. С. 69—83.
- Орбини М. Книга историографія початія имене, славы и разширення народа славянского. СПб., 1722.
- Острая Лука Дона в древности. Замятинский археологический комплекс гуннского времени / Сост. А.М. Обломский. М., 2004.
- Павленко Ю.В. Раннеклассовые общества (генезис и пути развития). К., 1989.
- Павленко Ю.В. Передісторія давніх русів у світовому контексті. К., 1994.
- Памятники киевской культуры в лесостепной зоне России (III—начало V в. н.э.). (Раннеславянский мир. Вып.10). М., 2007.
- Пенник Н., Пруденс Дж. История языческой Европы / Пер. с англ. Р.В. Котенко. СПб., 2000.
- Перевалов С.М. Рец. на кн.: В.П. Буданова. Варварский мир эпохи Великого переселения народов. М., 2000 // ВДИ. 2002. № 4. С. 185—188.
- Петраускас О.В. Шпоры из могильника черняховской культуры у с. Великая Бугаївка // Сто лет черняховской культуре. К., 1999. С. 135—143.
- Петраускас О.В. Могильники черняховской культуры Косаново и Гавриловка. Сравнительная характеристика — хронология, погребальный обряд, этнокультурные особенности // Сто років вивчення полів поховань на Україні. К., 1999. С. 135—143.
- Петраускас О.В. Поховання багатой дівчинки на могильнику черняхівської культури Велика Бугаївка // Археологія давніх слов'ян. К., 2004. С. 165—184.
- Петраускас О.В. Час появи та деякі особливості розвитку трупокладень із західною орієнтацією в черняхівській культурі // Археологія Центральної і Восточної Європи позднееримського часу і Епохи Великого переселення народів (Ostrogothica). Харків, 2009. С. 186—215.
- Петров В.П. Черняховский могильник (по материалам раскопок В.В. Хвойки в 1900-1901 гг.) // МИА. 1964. № 116. С. 53—117.
- Петров В.П. Етногенез слов'ян. К., 1972.
- Петрухин В.Я., Раевский Д.С. Очерки истории народов России в Древности и Раннем Средневековье. М., 1998.
- Петрухин В.Я. Венеты/венеды: историографическая традиция и этногенез славян // Межславянские взаимоотношения и связи: Средние века — раннее Новое время. М., 1999. С. 124—128.
- Петрухин В.Я. Традиция и исторический факт в средневековой историографии: мотивы и числа // Древнейшие государства Восточной Европы: материалы и исследования 2003 г. М., 2005. С. 181—191.
- Пигулевская Н.В. Сирийские источники по истории народов СССР. М.;Л., 1941.
- Пиоро И.С. Крымская Готия. К., 1990.
- Пиоро И.С. Черняховская культура и Крым // Сто лет черняховской культуре. К., 1999. С. 231—241.
- Пиоро И.С. Рец. на кн.: Магомедов Б.В. Черняховская культура. Проблемы этноса

- (Monumenta Studia Gothica. Т. 1). Lublin, 2001 // Археология. 2003. № 1. С. 145—149.
- Платонова Н.И. Панорама отечественной археологии на великом переломе // АВ. 2002. № 9. С. 261—278.
- Плетнева С.А. Очерки хазарской археологии. Москва; Иерусалим, 2000.
- Погодин А.Л. Из истории славянских передвижений. СПб., 1901.
- Погорілець О. Давньоримський військовий диплом з Поділля // Нумизматика і фалеристика. 2007. № 2. С. 32—35.
- Подосинов А.В. Ex oriente lux! Ориентация по странам света в архаических культурах Евразии. М., 1999.
- Поляков Л. Арийский миф: Исследование истоков расизма. СПб., 1996.
- Попов В.А. Символы власти и власть символов // Символы и атрибуты власти. СПб., 1996. С. 9—14.
- Прицак О. Походження Русі. Стародавні скандинавські джерела (крім ісландських саг). К., 1997. Т. 1.
- Приходнюк О.М. Анты и пеньковская культура // Древние славяне и Киевская Русь. К., 1989. С. 58—59.
- Приходнюк О.М. Про форми та зміст етнокультурних археологічних структур (фінальна стадія первісно-общинного ладу) // Старожитності Русі-України. К., 1994. С. 65—67.
- Приходнюк О.М. Анты и пеньковская культура // Древние славяне и Киевская Русь. К., 1989. С. 58—69.
- Приходнюк О.М. Про культурно-історичний зміст черняхівської спільності // Сто років вивчення культур полів поховань на Україні. Тези доповідей семінару. К., 1999. С. 34—35.
- Приходнюк О.М. О культурно-историческом содержании археологических общностей (к проблеме интерпретации черняховской культуры) // Stratum: время великих миграций. 2000. № 4. С. 36—51.
- Приходнюк О.М. Археологические общности периода перехода к раннеклассовым образованиям // Древнейшие общности земледельцев и скотоводов Северного Причерноморья (V тыс. до н.э.—V в. н.э.). Тирасполь, 2002. С. 319—322.
- Пространство культуры в археолого-этнографическом измерении (Западная Сибирь и сопредельные территории) / Отв. ред. Л.А. Чиндина. Томск, 2001.
- Пузанов В.В. Образование Древнерусского государства: межэтнический симбиоз и иерархия территорий // Формирование российской государственности: разнообразие взаимодействий «центр—периферия» (этнокультурный и социально-политический аспекты). Екатеринбург, 2003.
- Пузанов В.В. Древнерусская государственность: генезис, этнокультурная среда, идеологические конструкты. Ижевск, 2007.
- Путилов Б.Н. Героический эпос и действительность. Л., 1988.
- Пфайльшифтер Г. Теодорих Великий. СПб., 2004.
- Пыпин А.Н. Древний период русской литературы и образованности. Сравнительно-исторические очерки // Вестник Европы. 1875. № 11. С. 9—141.
- Равдоникас В.И. Пещерный город Эски-Кермен. Готская проблема // Вестник знания. 1929. № 7. С. 290—295.
- Равдоникас В.И. Пещерные города Крыма и готская проблема в связи со стадильным развитием Северного Причерноморья // Известия ГАИМК. 1932. Т. XII. Вып. 1—8. С. 5—105.
- Радюш О.А. Находки римских монет с территории Курской области // Славянорусские древности Днепровского Левобережья. Курск, 2008. С. 140—145.
- Радюш О.А., Щеглова О.А. Волниковский «клад» и Курское Посеймье в эпоху Вели-

- кого переселения народов. Курск, 2012.
- Радюш О.А. «Княжеская» и «вождеская» культура начала V в. в Верхнем Поднепровье: новые исследования и находки // КСИА. 2014. Вып. 234. С. 234—251.
- Разуваев Ю.Д. Клад римских денариев из с. Казаки Липецкой области // РА. 2002. № 2. С. 165—171.
- Раннее государство, его альтернативы и аналоги / Под ред. Л. Е. Гринина. Волгоград, 2006.
- Ранние формы политической организации: от первобытности к государственности / Под ред. В.А. Попова. М., 1995.
- Рафалович И.А. Данчены. Могильник черняховской культуры III—IV вв. н.э. Кишинев, 1986.
- Ременников А.М. Борьба племен Северного Причерноморья с Римом в III в. н.э. М., 1954.
- Рерих Н.К. Сказки. Л., 1991.
- Рикман Э.А. Жилища Будештского селища (о домостроительстве в черняховскую эпоху) // МИА. 1960. № 82. С. 302—328.
- Рикман Э.А. К вопросу о «больших домах» на селищах черняховского типа // СА. 1962. № 3. С. 121—138.
- Рикман Э.А. Некоторые черты общественного строя племен низовьев Днестра и Дуная в первые века нашей эры // СЭ. 1970. № 6. С. 27—35.
- Рикман Э.А. Прядение и ткачество у племен черняховской культуры Днестровско-Прутского междуречья // КСИА. 1971. Вып. 128. С. 12—14.
- Рикман Э.А. Этническая история населения Поднепровья и прилегающего Подунавья в первых веках нашей эры. М., 1975.
- Розенталь Н.Н. Религиозно-политическая идеология Зосима // Древний мир. М., 1962. С. 611—617.
- Ростовцев М.И. Эллинизм и иранство на юге России. Пг., 1918.
- Ростовцев М.И. Происхождение Киевской Руси // Современные записки. 1921. Вып. III. С. 142—149.
- Рубцова М.В. Аммиан Марцеллин и античная географическая традиция о Европе // Европа. Международный альманах. Тюмень, 2002. Ч. 2. С. 5—10.
- Рудич Т.А. К вопросу об ориентации погребенных на могильниках черняховской культуры // Сто лет черняховской культуре. К., 1999. С. 126—134.
- Рудич Т.А. Сарматы в составе черняховской культуры (по материалам антропологии) // Готы и Рим. К., 2006. С. 73—86.
- Рудич Т.А. Антропологічний склад населення черняхівської культури. Питання його походження та генетичні зв'язки // Зап. наук. товариства ім Т.Г. Шевченка. Львів, 2007. № ССLIII. С. 386—413.
- Рудич Т.А. Центральноевропейское влияние в погребальном обряде черняховской культуры // Археология Центральной и Восточной Европы позднеимперского времени и Эпохи Великого переселения народов (Ostrogothica). Харьков, 2009. С. 216—221.
- Рудич Т.А. Антропологічний матеріал з могильника черняхівської культури Лісові Гринівці // Археологія. 2014. № 3. С. 79—91.
- Рыбаков Б.А. Анты и Киевская Русь // ВДИ. 1939. № 1. С. 319—337.
- Рыбаков Б.А. Ранняя культура восточных славян // ИЖ. 1943. № 11/12. С. 73—80.
- Рыбаков Б.А. Ремесло Древней Руси. М., 1948.
- Рыбаков Б.А. К вопросу об образовании древнерусской народности // Тезисы докладов и выступлений сотрудников ИИМК АН СССР. М., 1951. С.15—22.
- Рыбаков Б.А. Древние русы // СА. 1953. Т. 17. С. 23—104.
- Рыбаков Б.А. Календарь IV в. из земли полян // СА. 1962. №4. С. 66—82.

- Рыбаков Б.А. Язычество древних славян. М., 1981.
- Рыбаков Б.А. Киевская Русь и русские княжества XII—XIII вв. М., 1982.
- Рыбаков Б.А. Историзм «Слова о полку Игореве». К 800-летию «Слова о полку Игореве» // История СССР. 1985. № 5. С. 36—51.
- Рыбаков Б.А. Язычество Древней Руси. М., 1987.
- Салмина М.А. Время Бусово // Энциклопедия «Слова о полку Игореве»: в 5 т. СПб., 1995. Т. 1. С. 242—245.
- Санников С.В. Структурно-компаративная типология древнегерманских обществ (по данным письменных источников) // Труды XL МНСК. Новосибирск, 2002. С. 59—66.
- Санников С.В. Религия на службе королевской власти в дохристианской Германии и Скандинавии // Вестник НГУ. Т. 4, Вып. 1. История. Новосибирск, 2005. С. 33—42.
- Санников С.В. Произведение Иордана «О происхождении и деянии гетов» ("Getica") как источник для изучения процесса становления королевской власти у германских народов: автореф. дисс. канд. ист. наук. Кемерово, 2007.
- Санников С.В. Образы королевской власти эпохи Великого переселения народов в раннесредневековой западноевропейской историографии. Новосибирск, 2009.
- Седов В.В. Анты // Проблемы советской археологии. М., 1978. С. 164—173.
- Седов В.В. Скифо-сарматские элементы в погребальной обрядности черняховской культуры // Вопросы древней и средневековой археологии Восточной Европы. М., 1978. С. 93—99.
- Седов В.В. Происхождение и ранняя история славян. М., 1979.
- Седов В.В. Восточные славяне в VI—XIII вв. (Археология СССР). М., 1982.
- Седов В.В. Славяне в древности. М., 1994.
- Седов В.В. От истоков Вистулы // Родина. Славянский мир. 2001. № 1/2. С. 20—25.
- Седов В.В. Славяне. Историко-археологическое исследование. М., 2002.
- Седов В.В. Славяне в римское время. М., 2003.
- Семенов Ю.И. Война и мир в земледельческих предклассовых и ранних классовых обществах // Война и мир в ранней истории человечества. М., 1994. Ч. 3. С. 5—127.
- Середонин С.М. Историческая география. Пг., 1916.
- Сидоров А.И. Отзвук настоящего. Историческая мысль в эпоху каролингского возрождения. СПб., 2006.
- Симоненко А.В. Европейские аланы и аланы-танаиты // РА. 2001. № 4. С. 77—91.
- Сиротенко В.Т. История международных отношений в Европе во второй половине IV—начале VI в. Пермь, 1975.
- Скардилы П. Готы: язык и культура. СПб., 2012.
- Скворцов К.Н. Погребения с конями I тыс. н.э. на Самбийском полуострове (могильник Аллейка 3) // РА. 2012. № 3. С. 36—49.
- Скок Н.Н. Находки римских монет и денежное обращение на территории Среднего Подонья в I—III вв. н.э. // Восточноевропейские древности скифского времени. Воронеж, 2011. С. 236—245.
- Скржинская Е.Ч. Иордан и его "Getica" // Иордан. О происхождении и деяниях гетов (Getica). СПб., 2000. С. 9—58.
- Скржинская Е.Ч. Комментарий // Иордан. О происхождении и деяниях гетов (Getica). СПб., 2000. С. 175—375.
- Славяне Юго-Восточной Европы в предгосударственный период / Отв. ред. В.Д. Баран. К., 1990.
- Славяне и их соседи в конце I тысячелетия до н.э.—первой половине I тысячелетия н.э. (Археология СССР) / Отв. ред. И.П. Русанова, Э.А. Сымонович. М., 1993.

- Смиленко А.Т., Мизин В.А. Городище черняховской культуры // Славяне и Русь (на материалах восточнославянских племен и Древней Руси). К., 1979. С. 48—66.
- Смиленко А.Т. Погребения у с. Башмачка // Могильники черняховской культуры. М., 1979. С. 13—23.
- Смиленко А.Т. Городище Башмачка III—IV в. н.э. К., 1992.
- Смирнов В.В. «Гетика» Иордана как памятник поздней латыни (фонетика и грамматика): автореф. дисс. канд. ист. наук. М., 1956.
- Смирнов В.В. Готский историк Иордан // Уч. зап. КГПИ. 1956. Вып. XI. С. 149—161.
- Смирнов А.П. Рец. на кн.: Артамонов М.И. Очерки древнейшей истории хазар. М.;Л., 1937 // ВДИ. 1938. № 3. С. 218—220.
- Смирнова О.В. Евнапий и Зосим в “Excerpta de sententiis и Excerpta de legationibus” Константина Багрянородного: [Texts of Eunapios and Zosimos in Excerpta de Sententiis and Excerpta de Legationibus of Constantinus Porphyrogenitus] // ВВ. 2005. № 64. С. 61—76.
- Смишко М.Ю. Поселення III—IVст. н. е. із слідами скляного виробництва біля с. Комарів в Чернівецької обл. // МДАПВ. 1964. Вип. 5. С. 67—80.
- Соколов В.С. Аммиан Марцеллин как последний представитель античной историографии // ВДИ. 1959. № 4. С. 43—62.
- Соловьёв С.М. История России с древнейших времен. М., 1851. Т. 1.
- Соловьёв С.М. История России с древнейших времен: Избранные главы. М., 2004.
- Соловьёва О.А. Символы, символические знаки и знаки власти // Символы и атрибуты власти. СПб., 1996. С. 38—45.
- Сорокина Е.А. Обозначение человека по признаку «свободный-несвободный» у древних германцев (на материале готских текстов) // Человек в коммуникации: аспекты исследований. Волгоград, 2005. С. 90—96.
- Сорокина Е.А. К реконструкции прагерманского “*skalko-z” // Альманах современной науки и образования. Языкознание и литературоведение в синхронии и диахронии: сб. науч. трудов. Тамбов, 2007. Ч. 1. С. 264—267.
- Сорокина Е.А. Древнегерманский «длинный дом» (к проблеме семантической реконструкции) // Вестник ЧГУ. Сер. Филология. Искусствоведение. 2008. Вып. 22. С. 126—135.
- Сорокина Е.А. К реконструкции древнегерманского института «свободный» ~ «зависимый» // ВЯ. 2008. № 5. С. 103—115.
- Сорокина Е.А. К реконструкции прагерманского “*haima-” // Концепт и культура: мат-лы III Междун. науч. конф., посвящ. Н.В. Феоктистовой. Кемерово, 2008. С. 119—125.
- Сорокина Е.А. К вопросу о семантической реконструкции наименований древнегерманских поселений // Известия ВГПУ. Сер. Филол. науки. 2008. № 7 (31). С. 44—49.
- Сорокина Е.А. Статус семьи у древних германцев (к проблеме семантической реконструкции) // Индоевропейское языкознание и классическая филология: мат-лы XIII чтений памяти И.М. Тронского. СПб., 2009. С. 483—492.
- Сорокина Е.А. Семантическая реконструкция древнегерманской социальной лексики. Волгоград, 2009.
- Сорокина Е.А. Кто такие прагерманские “*druht-”? // Индоевропейское языкознание и классическая филология — XIV. Мат-лы чтений посвящ. памяти И.М. Тронского 21—23 июня 2010 г. СПб., 2010. С. 329—340.
- Спицын А.А. К вопросу о происхождении так называемых готских фибул // ЗПАО. Новая серия. 1899. Т. XI, 1—2. С. 385—387.
- Спицын А.А. Памятники латенской культуры в России // Известия ИАК. 1904. Вып. 12. С. 85—86.

- Спицын А.А. Поля погребальных урн // СА. 1948. Т. X. С. 53—72.
- Станг Х. Наименование Руси (герульская версия) // *Stratum: неславянское в славянском мире*. 1999. № 5. С. 119—147.
- Стародубцев Г.Ю., Зорин А.В., Шпилев А.Г. Волникоковский «клад». Комплекс снаряжения коня и всадника 1-ой половины V в. Каталог коллекции. М., 2014.
- Сташенков Д.А. Оседлое население Самарского лесостепного Поволжья в I—V вв. н.э. (Раннеславянский мир. Вып. 7). М., 2005.
- Стеблин-Каменский М.И. Примечания // Младшая Эдда / Подгот. О.А. Смирницкая и М.И. Стеблин-Каменский. СПб., 2005. С.121—127.
- Стеблин-Каменский М.И. Комментарии // Старшая Эдда: эпос. СПб., 2008. С. 395—460.
- Стрельник М.А. Кубки черняховской культуры (II—V вв.) в собрании Национального музея истории Украины // Древнейшие общности земледельцев и скотоводов Северного Причерноморья (V тыс. до н.э.—V в. н.э.). Тирасполь, 2002. С. 358—362.
- Стрижак О.С. Етніонімія Птолемеєвої Сарматії. К., 1991.
- Сымонович Э.А. Стеклянная посуда середины I тысячелетия н.э. с Нижнего Днепра // КСИИМК. 1957. № 69. С. 22—30.
- Сымонович Э.А. Стеклянные кубки из Журовки // КСИА. 1964. Вып. 102. С. 8—12.
- Сымонович Э.А. Магия и обряд погребения в черняховскую эпоху // СА. 1963. № 1. С. 49—60.
- Сымонович Э.А. Игрально-счетные жетоны на памятниках черняховской культуры // СА. 1964. № 3. С. 307—312.
- Сымонович Э.А. Находка позднеантичной амфоры из Курской области // СА. 1971. № 4. С. 231—232.
- Сымонович Е.О. Хірургія в черняхівську епоху // Середні віки на Україні. К., 1971. Вып. 1. С. 83—87.
- Сымонович Э.А. О культовых представлениях населения юго-западных областей СССР в позднеантичный период // СА. 1978. № 2. С. 105—116.
- Сымонович Е.О. «Князівськи» поховання черняхівської культури // Тез. док. V Поділ. ист.-краевед. конф. Кам'янець-Подільський, 1980. С. 128—130.
- Сымонович Э.А. Про соціальну структуру черняхівського суспільства за матеріалами поховального обряду // Археологія. 1995. № 4. С. 37—49.
- Сымонович Э.А., Кравченко Н.М. Погребальные обряды племен черняховской культуры // САИ. М., 1983. Вып. Д. 1—22.
- Терпиловский Р.В. Киевская и черняховская культуры. Проблемы контактов // *Stratum: время великих миграций*. 2000. № 4. С. 303—311.
- Терпиловский Р.В. Славяне Поднепровья в первой половине I тыс. н.э. (*Monumenta Studia Gothica*. Т. III). Lublin, 2004.
- Терпиловский Р.В., Абашина Н.С. Памятники киевской культуры (САИ). К., 1992. С. 71—75.
- Тиханова М.А. Борочицкий клад // СА. 1956. Т. 25. С. 301—307.
- Тиханова М.А. О локальных вариантах черняховской культуры // СА. 1957. № 4. С. 168—194.
- Тиханова М.А. Раскопки поселения III—IV вв. н.э. у с. Лепесовка в 1957—1959 гг. // СА. 1963. № 2. С. 178—191.
- Тиханова М.А. Еще раз к вопросу о происхождении черняховской культуры // КСИА. 1970. Вып. 121. С. 89—94.
- Тиханова М.А. К вопросу о происхождении гончарной керамики черняховской культуры // Античные города Северного Причерноморья и варварский мир: тез. докл. науч. конф. Л., 1973. С. 29—31.

- Тиханова М.А. К вопросу об обмене и торговле в эпоху черняховской культуры // КСИА. 1974. Вып. 138. С. 66—73.
- Тиханова М.А. К вопросу о развитии черной металлургии в черняховской культуре // КСИА. 1974. Вып. 140. С. 11—18.
- Тиханова М.А. Следы рунической письменности в черняховской культуре // Средневековая Русь. М., 1976. С. 11—17.
- Тиханова М.А. Старшерунические надписи // Мельникова Е.А. Скандинавские рунические надписи. М., 1977. С. 133—141.
- Тиханова М.А. О находке римских весов на Южной Волини // Проблемы археологии. Л., 1978. Вып. 2. С. 97—101.
- Todd M. Варвары. Древние германцы. Быт, религия, культура. М., 2005.
- Толстиков А.В. «Шведскость» как «готскость» (шведский готицизм XV—XVII вв.) // Межд. конференция «Сущность и метаморфозы шведской идентичности» 16 марта 2006 г. М., 2006.
- Толстиков А.В. Анатомия истории Улофа Рюдбека // Одиссей. 2007. С. 169—189.
- Толстой И.И., Кондаков Н.П. Русские древности в памятниках искусства. СПб., 1890. Вып. 3. Древности времен переселения народов.
- Томпсон Э.А. Римляне и варвары. Падение Западной империи. СПб., 2003.
- Топоров В.Н. Еще раз о "Goltescytha" у Иордана (Getica, 116): к вопросу северо-западных границ древнеиранского ареала // Славянское и балканское языкознание. Проблемы языковых контактов. М., 1983. С. 38—49.
- Топоров В.Н. Древние германцы в Причерноморье: результаты и перспективы // Балто-славянские исследования 1982. М., 1983. С. 227—263.
- Топоров В.Н. "Oium" Иордана (Getica, 27-28) и гото-скандинавские связи в Северо-Западном Причерноморье // Этногенез народов Балкан и Северного Причерноморья. М., 1984. С. 128—142.
- Топорова Т.В. Культура в зеркале языка: древнегерманские двучленные имена собственные. М., 1996.
- Топорова Т.В. О древнеисландских космологических загадках как феномене языка и культуры. М., 2002.
- Топорова Т.В. Древнегерманские представления об Ином мире // Представления о смерти и локализация Иного мира у древних кельтов и германцев. М., 2002. С. 340—433.
- Третьяков П.Н. Восточнославянские племена. М., 1953.
- Третьяков П.Н. Итоги археологического изучения восточнославянских племен. М., 1958.
- Третьяков П.Н. У истоков древнерусской народности // МИА. 1970. №179.
- Третьяков П.Н. По следам древних славянских племен. Л., 1982.
- Трубачев О.Н. Из славяно-иранских лексических отношений // Этимология 1965. Материалы и исследования по индоевропейским и др. языкам / Под ред. О.Н. Трубачева. М., 1967. С. 3—81.
- Трубачев О.Н. INDOARICA в Северном Причерноморье: реконструкция реликтов языка. М., 1999.
- Трубачев О.Н. Этногенез и культура древнейших славян. М., 2003.
- Тункина И.В. Несколько штрихов к портрету В.И. Равдоникаса в 1920-е гг. // Невский археолого-историографический сборник. СПб., 2004. С. 193—215.
- Тункина И.В. К истории изучения «готской проблемы» в советской археологии 1920-х-начала 1930-х гг. // Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале 2008 г. М., 2008. Т. III. С. 249—251.
- Удальцов А.Д. Начальный период восточнославянского этногенеза // ИЖ. 1943. № 11/12. С. 67—72.

- Удальцов А.Д. Основные вопросы этногенеза славян // СЭ. 1947. Вып. VI—VII. С. 3—13.
- Удальцова З.В. Мироззрение Аммиана Марцеллина // ВВ. 1968. Вып. XXVIII. С. 38—59.
- Удальцова З.В. Из истории византийской культуры Раннего Средневековья (миро-воззрение византийских историков IV—VII вв.) // Европа в Средние века: экономика, политика, культура. М., 1972. С. 260—293.
- Удальцова З.В. Евнапий из Сард — идеолог угасающего язычества // Античная Древность и Средние века. Свердловск, 1973. Вып. 10. С. 70—75.
- Удальцова З.В. Идеино-политическая борьба в ранней Византии (по данным историков IV—VII вв.). М., 1974.
- Уколова В.И. Флавий Кассиодор // ВИ. 1982. № 2. С. 185—189.
- Уманец А.Н., Шевченко Ю.Ю. Причерниговские памятники начала эпохи Великого переселения народов // Архітектурні та археологічні старожитності Чернігівщини. Чернігів, 1992. С. 30—40.
- Уоллес-Хедрилл Дж.-М. Варварский Запад (Раннее Средневековье 400-1000 гг.). СПб., 2002.
- Успенский Ф.И. Вопрос о готах // Труды IX Археологического съезда в Вильно 1893 г. М., 1897. Т. II. С. 96—97.
- Успенский Ф.И. История Византийской империи. СПб., 1913. Т. 1.
- Федоров Г.Б. Население Прутско-Днестровского междуречья в I тыс. н.э. // МИА. 1960. № 89.
- Федорова М.В. Славяне, мордва и анты. Воронеж, 1976.
- Федько М.В. Представления о власти у готов и древних ирландцев (на материале анализа лексики власти в готском и древнеисландском языках) // Духовные традиции народов. 2012. № 4. С. 139—146.
- Хавлюк П.І. Про виробництво жорен на черняхівських поселеннях Побужжя // Археологія. 1980. № 18. С. 30—34.
- Хавлюк П.И. Вельбарские памятники на Южном Буге // KW. 1988. №1. С. 137—144.
- Хазанов А.М. Очерки военного дела сарматов. М., 1971.
- Хвойка В.В. Поля погребений в Среднем Приднепровье // Записки ИАО. СПб., 1901. Т. XII. Вып. 1/2. С. 172—190.
- Хвойка В.В. Древние обитатели Среднего Приднепровья и их культура в доисторические времена. К., 1913.
- Хизер П. Падение Римской империи. М., 2011.
- Хлевов А.А. Предвестники викингов: Северная Европа в I—VIII вв. СПб., 2003.
- Хойслер А. Германский героический эпос и сказание о Нибелунгах. М., 1960.
- Цалкин В.И. К истории животноводства и охоты в Восточной Европе // МИА. 1962. № 107. С. 70—71.
- Циркин Ю.Б. Испания от Античности к Средневековью. СПб., 2010.
- Чекалова А.А. Эволюция представлений о знатности в Византии 2-ой пол. V—VI вв. // ВВ. 1991. Т. 52. С. 57—69.
- Черных Е.А., Барцева Т.Б. Спектроаналитические исследования цветного металла черняховской культуры // КСИА. 1972. Вып. 121. С. 63—66.
- Черняхівська культура. Актуальні проблеми досліджень (до 40-річчя археологічної експедиції НПУ ім. М.П. Драгоманова) 15-17 жовтня 2010 р. Зб. тез. допов. на конф. К., 2010.
- Шаров О.В. Гибель Эрманариха: история и эпос // Стратум: структуры и катастрофы. 1997. С. 95—106.
- Шаров О.В. О времени появления Т-образных шарнирных фибул в Северном Причерноморье // Stratum: Скифский квадрат. 1999. № 3. С. 189—206.

- Шаров О.В., Бажан И.А. Черняховские этюды // *Stratum: время «Ч»*. 1999. № 4. С. 19—65.
- Шаров О.В. Боспор и варварский мир Центральной и Восточной Европы в поздне-римскую эпоху (середина II—середина IV вв. н.э.): автореф. дисс. ... докт. ист. наук. СПб., 2009.
- Шаров О.В. Данные письменных и археологических источников о появлении германцев на Боспоре (проблема выделения «германских древностей» на Боспоре) // *Stratum: Рим и варвары: от Августа до Августодула*. 2010. № 4. С. 251—285.
- Шаров О.В. В поисках страны Ойум: эпос или реальность? // *Древности Западного Кавказа*. Краснодар, 2013. Вып. I. С. 118—155.
- Шаровольский И. Древнескандинавское сказание о битве готов с гуннами и его историческая основа // *Известия Киевского университета*. 1904. № 7. С. 1—37.
- Шафарик П.И. Славянские древности. Часть историческая / Пер. с чеш. О. Бодянского. М., 1837. Т. I. Кн. 2
- Шахматов А.А. Споли исконные соседи славян // *Живая старина*. СПб., 1911. Т. 20. С. 21—26.
- Шевченко Ю.Ю., Уманец А.Н. О времени учреждения и существования Готской митрополии // *Сіверщина в історії України*. 2011. Вып. 4. С. 78—84.
- Шинаков Е.А. Образование древнерусского государства: сравнительно- исторический аспект. Брянск, 2002.
- Шишкин Р.Г. Господарство та екологія населення Середнього Подніпров'я кінця I-V ст. н.е: автореф. дисс. ... канд. ист. наук. К., 1996.
- Шишкин Р.Г. Система заселения Среднего Поднепровья в I—V вв. // *Тези доповідній української делегації на VI Міжнародному конгресі слов'янської археології (Новгород, Росія, 1996 р.)*. К., 1996. С. 58—60.
- Шишкин Р.Г. К вопросу о природных условиях киевских и черняховских памятников Среднего Поднепровья // *Stratum*. 2001—2002. № 4. С. 360—369.
- Шкаренков П.П. Римская традиция в варварском мире. Флавий Кассиодор и его эпоха. М., 2004.
- Шкаренков П.П. Мифология исторической памяти на рубеже Античности и Средневековья // *История и память. Историческая культура Европы до начала Нового времени*. М., 2006. С. 138—179.
- Шкаренков П.П. Образ прошлого и концепция «национальной» королевской власти в Остготской Италии (“Casus Ennodii”) // *Образы времени и исторические представления: Россия — Восток — Запад / Под ред. Л.П. Репиной*. М., 2010. С. 476—501.
- Шмурло Е.Ф. Восьмой Археологический съезд (январь 1890 г.) // *ЖМНП*. 1890. Ч. 269. С. 25—29.
- Шрамм Г. Реки Северного Причерноморья. М., 1997.
- Шувалов П.В. У истоков Средневековья: двор Аттилы // *Двор и придворная культура в историческом аспекте / Ред. Г.Е. Лебедев*. СПб., 2007. С. 129—140.
- Шувалов П.В. Фундаментальный труд по истории готов // *Мнемон. Исследования и публикации по истории античного мира*. 2003. Вып. 2. С. 374—377.
- Шувалов П.В. К вопросу о ритмизованных фрагментах в тексте «Гетики» Иордана // *Восточная Европа в Древности и Средневековье. Устная традиция в письменном тексте: мат. конф.* М., 2010. С. 277—283.
- Шумовский А. Острие с рунической надписью, найденное в Сушично // *Вестник археологии и истории*. СПб., 1888. Вып. VII. С. 215—227.
- Щапова Ю.Л. Мастерская по производству стекла у с. Комарово (III—IV вв.) // *СА*. 1978. №3. С. 230—242.
- Щукин М.Б. О трех датировках черняховской культуры // *КСИА*. 1967. Вып. 112. С. 8—13.

- Шукин М.Б. Вопросы хронологи черняховской культуры и находки амфор // СА. 1968. № 2. С. 41—51.
- Шукин М.Б. Черняховская культура и явление кельтского ренессанса (к постановке проблемы) // КСИА. 1973. Вып. 133. С. 17—23.
- Шукин М.Б. К предыстории черняховской культуры. Тринадцать секвенций // АСГЭ. 1976. Вып. 20. С. 66—89.
- Шукин М.Б. Современное состояние готской проблемы и черняховская культура // АСГЭ. 1977. Вып. 18. С. 79—91.
- Шукин М.Б. К вопросу о верхней хронологической границе черняховской культуры // КСИА. 1979. Вып. 158. С. 17—22.
- Шукин М.Б. На рубеже эр: опыт историко-археологической реконструкции политических событий I в. до н.э.—I в. н.э. в Восточной и Центральной Европе. СПб., 1994.
- Шукин М.Б. Время «Ч» — рубеж тысячелетий // Stratum: время «Ч». 1999. № 3. С. 5—7.
- Шукин М.Б. Феномен черняховской культуры эпохи Константина — Констанция, или что такое черняховская культура? // Stratum: время «Ч». 1999. № 3. С. 66—101.
- Шукин М.Б. Готский путь (готы, Рим и Черняховская культура). СПб., 2005.
- Шукин М.Б. Готы и черняховская культура // Эпоха Меровингов — Европа без границ. Археология и история V—VIII вв. Мюнхен, 2007. С. 56—60.
- Шукин М.Б. Ранние вандалы // Germania-Sarmatia II. 2010. С. 15—30.
- Шукин М.Б. О военных контактах между сарматами и германцами (по материалам вооружения) // Stratum. 2011. № 4. С. 167—178.
- Шукин М.Б., Мачинский Д.А., Воронятов С.В. «Готский путь», плодороднейшие земли «Oium» и вельбарско-черняховское поселение Лепесовка // Европейская Сарматия: сб., посвящ. М.Б. Шукину. СПб., 2011. С. 246—291.
- Юрочкин В.Ю. Готия // Колтухов С.Г., Юрочкин В.Ю. От Скифии к Готии. Симферополь, 2004. С. 100—201.
- Юрочкин В.Ю. «Готский» и «славянский» вопросы в послевоенном Крыму // Нартекс. Byzantina Ucrainensis. Харьков, 2013. Т. II. Сборник статей к 60-летию проф. С.Б. Сорочана. С. 392—412.
- Юшков С.В. К вопросу о дофеодальном («варварском») государстве // ВИ. 1946. № 7. С. 64—65.
- Яйленко В.П. Тервинги и гревтунги в этногенезе Восточной Европы // XI всесоюзная конференция по изучению истории, экономики, литературы и языка скандинавских стран и Финляндии. М., 1989. С. 99—101.
- Яйленко В.П. Готы в этногенезе славян Киевского Поднепровья // VI Международный конгресс славянской археологии: тез. и докл. советской делегации. М., 1990. С. 15—118.
- Ярцев С.В. Северное Причерноморье в римский период и проблема готской экспансии. Тула, 2014.
- Ярцев С.В. Античная цивилизация и варвары Северного Причерноморья в условиях этнических миграций. Автореф. дисс. ... докт. ист. наук. Белгород, 2016.
- Ярхо Б.И. Сага о Волсунгах. М.;Л., 1934.
- Яценко С.О. Костюм вельможного варвара на медальони з Верхівні // Археологія. 1993. № 1. С. 79—82.
- Abel W. Geschichte der deutschen Landwirtschaft vom frühen Mittelalter bis zum 19. Jahrhundert. Stuttgart, 1967.
- Albert G. Goten in Konstantinopel: Untersuchungen zur oströmischen Geschichte um das Jahr 400 n. Chr. Paderborn, 1984.

- Altheim F.* Attila und die Hunnen. Baden-Baden, 1951.
- Altheim F.* Geschichte der Hunnen. B., 1959.
- Altheim F.* Goten und Finnen im dritten und vierten Jahrhundert. B., 1944.
- Altheim F.* Reich gegen Mitternacht Asiens. Weg nach Europa. Hamburg, 1955.
- Amory P.* People and Identity in Ostrogothic Italy, 489—554 // Cambridge Study in Medieval Life and Thought. 1997. № 4/33. P. 292—306.
- Andersson Th., Scardigli P., Schmitt R.* Goten § 1. Philologisches // RGA. 1998. Bd. 12. S. 402—407.
- Antoniewicz W.* Archeologia Polski. Warszawa, 1928.
- Antoniewicz W.* Slady kultury gockiej na ziemiach slowianskich do najazdu Hunow // Słownik starożytności slowianskich. Zeszyt próbny. Warszawa, 1934. P. 19—40.
- Antoniu S., Onofrei M.* Studiul antropologic al scheletelor din necropola din secolul al IV — lea e.n. de la Letcani // Arheologia Moldovei. 1975. № 8. S. 281—285.
- Arsen'eva T.M., Böttger B.* Die Grabungen in Tanais 1999 mit einem Beitrag von M. Ullrich // Eurasia Antiqua. 2000. Bd. 6. S. 487—528.
- Arsen'eva T.M., Böttger B., Fornasier J.* Griechen am Don. Die Grabungen in Tanais 2000 mit einem Beitrag von M. Ullrich. Die spätantike Periode // Eurasia Antiqua. 2001. Bd. 7. S. 356—365.
- Attila und die Hunnen. Stuttgart, 2007.
- Bailey H.W.* A Parthian Reference to the Goths // English and Germany Studies University of Birmingham. Cambridge, 1961. Vol. 7. P. 82—83.
- Bammesberger A.* Gotisch "ansis" und urgermanisch "*ans(u)" // Beiträge zur Namenforschung. Heidelberg, 1996. № 31 (3). S. 231—249.
- Barnes D.T.* Ammianus Marcellinus and the Representation of Historical Reality. N.Y., 1998.
- Beck H.* Ermanarich § 2. Sagengeschichtliches // RGA. 1989. Bd. 7. S. 512—515.
- Beck H., Tiefenbach H., Reichert H.* Held, Heldendichtung und Heldensage // RGA. 1999. Bd. 14. S. 260—282.
- Belzer B.* Wandel und Kontinuität. Zur Entstehung der ältesten Ermanarichsage und ihrer Wanderung nach dem Norden. Regensburg, 1993.
- Bernhardt E.* Vulfila oder die gotische Bibel. Halle, 1875.
- Bierbrauer V.* Ostgermanische Oberschichtgräber der römischen Kaiserzeit und des frühen Mittelalters // Peregrinatio Gothica II. Archaeologia Baltica. Łódź, 1989. VIII. S. 40—106.
- Bierbrauer V.* Archäologie und Geschichte der Goten vom 1.—7. Jh. Versuch einer Bilanz // Frühmittelalterliche Studien. B.;N.Y., 1994. Bd. 28. S. 51—171.
- Bierbrauer V.* Goten § 2. Archäologisches // RGA. 1998. Bd. 12. S. 407—427.
- Bierbrauer V.* Die ethnische Interpretation der Sîntana de Mureş-Černjachov-Kulture // Sîntana de Mureş-Černjachov-Kulture / Hrsg. G. Gomolka-Fuchs. Bonn, 1999. S. 211—238.
- Blockly R.S.* Ammianus Marcellinus. A Study of His Historiography and Political Thought // Collection Lätomus. Brüssel, 1975. Vol. 141.
- Bloşiu C.* Necropola din secolul al IV— lea e. n. de la letcani // Arheologia Moldovei. 1975. № 8.
- Blüme E.* Die germanische Stämme und die Kulturen zwischen Oder und Passarge zur römischer Kaiserzeit (Mannus. Bd. 8). Leipzig, 1912. S. 42—50.
- Bradley H.* The Goths, from the Earliest Times to the End of the Gothic Dominion in Spain. L., 1987.
- Brady C.* The Legends of Ermanaric. Berkley; Los Angeles, 1943.
- Brather S.* Ethnische Identitäten als Konstrukte der frühgeschichtlichen Archäologie // Germania. 2000. № 78. S. 139—177.

- Brather S.* Ethnische Interpretationen in der frühgeschichtlichen Archäologie. B.;N.Y., 2004.
- Brather S.* Kleidung, Bestattung, Identität. Die Präsentation sozialer Rollen im frühen Mittelalter Zwischen Spatantike und Fruhmittelalter // RGA-E. 2008. Bd. 57. S. 237—273.
- Bremer O.* Ethnographie der germanischen Stämme // Gründriss der germanischen Philologie / Hrsg. H. Paul. Strassburg, 1904.
- Brenner E.* Der Stand der Forschung über die Kultur der Merowingerzeit // Berichte der RGK. 1912. Bd. VII. S. 262—267.
- Brinker C.* Harlungen // RGA. 1999. Bd. XIV. S. 15—16.
- Buisson L.* Der Bildstein Ardre VIII auf Gotland. Göttermythen, Heldensagen und Jenseitsglaube der Germanen im 8. Jh. n. Chr. Göttingen, 1976.
- Burgess J.* Bhagwānlāl Indrāji. Inscriptions from the Cave Temples of Western India. Bombay, 1881.
- Burns T.* The Ostrogoths. Kingship and Society. Wiesbaden, 1980.
- Burns T.* A History of the Ostrogoths. Bloomington, 1984.
- Busse B.* Sagengeschichtliches zum Hildebrandslied // Beiträge zur Geschichte der deutschen Sprache. 1901. Bd. XXVI. S. 79—96.
- Callies H.* Cassiodor // RGA. 1981. Bd. 4. S. 347—350.
- Camus P.-M.* Témoin des courants culturels et religieux a la fin du IV siècle. P., 1967.
- Carneiro R.L.* The Chiefdom: Precursor of the State // Transition to Statehood in the New World. N.Y., 1981. P. 37—79.
- Castritius H.* Rosomonen § 2. Historisches // RGA. 2003. Bd. XXV. S. 355—358.
- Castritius H.* Safrax (Alatheus-Safrax-Gruppe) // RGA. 2004. Bd. XXVI. S. 91—96.
- Chalmers W.R.* Eunapius, Ammianus Marcellinus and Zosimus on Julians Persian Expedition // Classical Quarterly. 1960. № X. P. 157—159.
- Christensen A.S.* Cassiodorus, Jordanes and the History of the Gots: Studies in a Migration Myth. Copenhagen, 2002.
- Claessen H.J.M., Skalnik P.* The Early State. The Hague, 1981.
- Croke B.* Cassiodorus and the “Getica” of Jordanes // Classical Philology. 1987. № 82. P. 117—134.
- Dahn F.* Urgeschichte der germanischen und romanischen Völker. B., 1881. Bd. 1.
- Dahn F.* Die Könige der Germanen. Leipzig, 1911. Bd. II. Die kleineren gotischen Völker. Die äussere Geschichte der Ostgoten.
- Delehaye H.* Saints de Thrace et de Mésie // Analecta Bollandiana. 1912. Vol. XXXI. P. 116—300.
- Demand A.* Zeitkritik und Geschichtsbild im Werk Ammians (Habelts. Diss. Reihe Alte Geschichte, Heft 5). Bonn, 1965.
- Die Germanen.* Geschichte und Kultur der germanischen Stämmen in Mitteleuropa. B., 1988. Bd. I. Von den Anfängen bis zum 2. Jahrhundert unserer Zeitrechnung.
- Die Germanen.* Geschichte und Kultur der germanischen Stämmen in Mitteleuropa. B., 1986. Bd. II. Die Stämme und Stammesverbände in der Zeit vom 3. Jahrhundert bis zur Herausbildung der politischen Vorherrschaft der Franken.
- Diesner H.-J.* Die Völkerwanderung. Leipzig, 1976.
- Dittrich U.-B.* Die Beziehungen Roms zu den Sarmaten und Quaden im vierten Jahrhundert n. Chr. (Habelts. Diss. Reihe Alte Geschichte, Heft 21). Bonn, 1984.
- Donat P.* Stallgrösse und Viehbesitz nach Befunden germanischer Wohnstallhäuser // Schriften der Sektion für Vor- und Frühgeschichte der Deutschen Akademie der Wissenschaften zu Berlin. B., 1977. Bd. 30. S. 251—263.
- Ebert M.* Ausgrabungen bei dem “Gorodok Nikolaewka” am Dnjepr // PZ. 1913. H. 1/2. S. 80—113.

- Ebert M. Südrusland im Altertum. Bonn; Leipzig, 1921.
- Eggers H.-J. Das Problem der ethnischen Deutung // Ur- und Frühgeschichte. Wahle-Festschrifts. Heidelberg, 1950. S. 49—59.
- Eggers H.-J. Einführung in die Vorgeschichte. München, 1959.
- Eggers M. Myrkvíðr // RGA. 2002. Bd. 20. S. 460—461.
- Ensslin W. Zur Geschichtsschreibung und Weltanschauung des Ammianus Marcellinus. Wiesbaden, 1963.
- Erckert V. Wanderungen und Siedlungen der germanischen Stämme in Mittel-Europa von der ältesten Zeit bis auf Karl den Grossen. B., 1901.
- Eunapios // PW RE. Stuttgart, 1907. Bd. VI. Coll. 1121—1127.
- Feist S. Vergleichendes Wörterbuch der Gotischen Sprache. Mit Einschluss des Krimgotischen und sonstiger Zerstreuter Überreste des Gotischen. Leiden, 1939.
- Fridh A. Die Bekehrung der Westgoten zum Christentum // Studia Gothica. Stockholm, 1972. S. 130—143.
- Friedrich J. Über die kontroversen Fragen im Leben des gotischen Geschichtsschreibers Jordanes // Sitzungsberichte der philosophisch-philologischen und historischen Klasse der Akademie der Wissenschaft zu München. Jg. 1907. München, 1908. S. 379—442.
- Fritze W. Untersuchungen zur frühslawischen und frühfränkischen Geschichte bis ins 7. Jahrhundert. Frankfurt a /M., 1994.
- Gamber K. Liturgie der Goten und der Armenier: Versuch einer Darstellung und Hinführung. Regensburg, 1988.
- Gärtner H. Ablabius // RGA. 1973. Bd. 1. S. 10.
- Gärtner H. Ammianus Marcellinus // RGA. 1973. Bd. 1. S. 253—256.
- Geary P. Frühmittelalterliche Historiographie // Historiographie im Frühen Mittelalter. Wien, München, 1994. S. 539—542.
- Geary P. Die Merowinger. Europa vor Karl dem Grossen. München, 1996.
- Geary P. The Myth of Nations: the Medieval origins of Europe. Princeton, 2002.
- Gebhardt O. Handbuch der deutschen Geschichte. Stuttgart, 1970. Bd. I.
- Gebuhr M. Fürstengräber. Romische Kaiserzeit // RGA. 1996. Bd. 10. S. 191.
- Giese W. Die Goten. Stuttgart, 2004.
- Gillett A. Jordanes and Ablabius // Studies in Latin Literature and Roman History / Ed. X.C. Deroux. Brussels, 2000. № 10. P. 479—500.
- Gillett A. Was Ethnicity Politicized in the Early Middle Ages // On Barbarian Identity: Critical Approaches to Ethnicity in the Early Middle Ages. Turnhout, 2002. P. 85—121.
- Gimbutas M. The Slaves. L., 1971.
- Giunta F. Jordanes e la cultura dell'alto Medioevo. Contributo allo studio del problema gotico. Palermo, 1952.
- Gloger K. Germanen in Osteuropa (Mannus. Bd. 71). Leipzig, 1943.
- Godlowski K. Germanische Wanderungen im 3 Jh. v. Chr.—6 Jh. n. Chr. und ihre Widerspiegelung in den historischen und archäologischen Quellen // Peregrinatio Gothica. 1992. №1. S. 53—76.
- Goffart W. Zosimus, the First Historian of Rome's Fall // American Historical Review. 1971. Vol. 86. P. 412—441.
- Goffart W. The Narrators of Barbarian History (A.D. 550—800). Jordanes, Gregory of Tours, Bede and Paul the Diakon. Princeton, 1988.
- Greule A. Ostgoten. § 1. Sprachliches // RGA. 2003. Bd. XXIII. S. 344.
- Grienberger Th. Ermanariks Völker // ZfdA. 1895. Bd. XXXIX. S. 151—184.
- Grienberger Th. Die Vorfahren des Jordanes // Germania. Vierteljahresschrift für deutsche Altertumskunde (Neue Reihe 22). Stuttgart; Wien, 1889. Bd. XXXIV. S. 406—409.
- Grimm J. Deutsche Mythologie. Tübingen, 1953. Bd. I.
- Gruchmann L. Nationalsozialistische Grossraumordnung (Schriftenreihe der Viertel-

- jahrshefte für Zeitgeschichte). Stuttgart, 1962. № 4.
- Gschwantler O.* Zum Namen der Rosomonen und an Jonakr // Die Sprache. Wiesbaden; Wien, 1971. № 17. H. 2. S. 164—176.
- Gschwantler O.* Heldensage in der Historiographie des Mittelalters. Wien, 1971.
- Gschwantler O.* Ermanarich, sein Selbstmord und die Hamdirsage zur Darstellung von Ermanarichs Ende in *Getica* 24, 129 f. // Die Völker an der mittleren und unteren Donau im fünften und sechsten Jahrhundert. Wien, 1980. S. 187—204.
- Guenée B.* Histoire et culture historique dans l'Occident médiéval. P., 1980.
- Gudkova A. V., Schultze E.* Gräberfeld und Siedlung Nagornoe 2. Ein Fundplatz der Santana de Mures-Černjachov-Kultur an der Unteren Donau (Archäologie in Eurasien. Bd. 35). Bonn, 2017.
- Güntert H.* Geschichte der germanischen Völkernschaften. Leipzig, 1943.
- Haidle M. N.* Interdisziplinarität in der Archäologie: eine Notwendigkeit? // Archäologische Informationen. 1998. № 21/1.
- Hachmann R.* Die Goten und Skandinavien. B., 1970.
- Hachmann R., Kossack G., Kühn H.* Völker zwischen Germanen und Kelten. Schriftquellen, Bodenfunde und Namengute zur Geschichte des nördlichen Westdeutschlands um Christi Geburt. Neumünster, 1962.
- Hansen Th.* Über gewissen rhythmische Tendenzen im Codex Argenteus // Arbork for Universitæte in Bergen. Human Serie. 1961. № 3.
- Hansen Th.* Die gotische Bibel / Ed. W. Streitberg. Heidelberg, 1965.
- Hartke W.* Römische Kinderkaiser. Eine Strukturanalyse römischen Denkens und Daseins. B., 1951.
- Häusler A.* Zu den sozial-ökonomischen Verhältnissen in der Černjachov-Kultur // ZfA. 1979. № 3. S. 23—65.
- Heather P.* The Crossing of the Danube and the Gothic Conversion // Greek, Roman, and Byzantine Studies. Duke University. 1986. № 27.
- Heather P.* Goths and Romans 332—489. Oxford, 1991.
- Heather P.* The Goths. Oxford, 1996.
- Heather P.* The Visigoths. Woodbrige, 1999.
- Heather P.* Gens and Regnum among the Ostrogoths // Regna et Gentes. The Relationship between Late Antique and Early Medieval Peoples and Kingdoms in the Transformation of the Roman World / Ed. H.-W. Goetz, J. Jarnut and W. Pohl. Leiden; Boston, 2003. P. 85—133.
- Heather P., Matthews J.* The Goths in the Fourth Century. Liverpool, 2004.
- Heinzel R.* Über die Hervararsaga // Sitzungsberichte der philos.- histor. Classe der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften. Wien, 1887. Bd. 114.
- Heusler A.* Ermenrich // RGA von J. Hoops. Strassburg, 1911—1913. Bd. I. S. 627—629.
- Heusler A.* Historisches und Mythisches in der germanischen Heldensage // Sitzungsberichte der Preußischen Akademie der Wiessenschaften. B., 1909. S. 920—945.
- Heusler A.* Das Lied von der Hunnenschlacht // Thule. Altnordische Dichtung und Prosa. Edda. Jena, 1928. S. 24—25. Bd. I. Heldendichtung. Übertragen von F. Genzmer, mit Einleitungen und Anmerkungen von A. Heusler.
- Hillebrecht F.* Skandinavien — die Heimat der Goten? Der Gotizismus als Gerüst eines nordisch-schwedischen Identitätsbewusstseins. B., 1997.
- Höfler O.* Germanisches Sakralkönigtum. Tübingen; Münster, 1952.
- Humbach H.* Die geographischen Namen des altislandischen Hunnenschlachtliedes // Germania. 1969. Bd. 47. S. 145—162.
- Jahn M.* Die Abgrenzung von Kulturgruppen und Völkern in der Vorgeschichte // Berichte über die Verhandlung der Sächsischen Philologisch-historische Klasse. Bd. 99, Heft. 3. B., 1952.

- Jiriczek O.L.* Deutsche Heldensagen. Strassburg, 1898. Bd. 1.
- Kappelmacher A.* Jordanis // PW RE. Stuttgart, 1916. Bd. IX. Col. 1908—1929.
- Kauffmann F.* Deutsche Altertumskunde. München, 1923. Bd. V. Von der Völkerwanderung bis zur Reichsgründung.
- Kazanski M.* Les Goths (Ier—VIIe siècles après J.- C.). P., 1991.
- Kazanski M.* Les arctoi gentes et “l’empire” d’Hermanaric: Commentaire archéologique d’une source écrite // Germania. 1992. Bd. 70. Heft 1. S. 75—122.
- Kazanski M.* Les relations entre les Slaves et les Goths du IIIe au Ve siècle: l’apport de l’archéologie // Revue des études slaves. T. LXV/1. P., 1993. P. 12—13.
- Kazanski M., Shchukin M., Sharov O.* Des Goths aux Huns. Le Nord de la mer Noire au Bas-Empire et à l’époque des Grandes Migrations. Oxford, 2006.
- Kiekebusch A.* Germanische Geschichte und Kultur der Urzeit. Leipzig, 1935.
- King S.* The Veracity of Ammianus Marcellinus’ Description of the Huns // AJAH. 1987. № 12. P. 77—98.
- Klein K.* Gotenprimas Wulfila als Bischof und Missionar // Festschrift für Bischof F. Müller. Stuttgart, 1967. S. 87—107.
- Kokowski A.* Die Maslomecz-Gruppe: Ihre Chronologie und Beziehungen innerhalb des gotischen Kulturkreises. Ein Beispiel für den kulturellen Wandel der Goten im Verlauf ihre Wanderungen // Berichte der RGK. 1998. Bd. 78. S. 641—833.
- Kokowski A.* Archäologie der Goten. Goten im Hrubieszow-Becken. Lublin, 1999.
- Kokowski A.* Goci — od Skandzy do Campi Gothorum. Lublin, 2007.
- Konow St.* Goths in Ancient India // Journal of the Royal Asiatic Society. 1912. P. 379—385.
- Korkkanen I.* The Peoples of Hermanaric: Jordanes, Getica 116. Helsinki, 1975.
- Kossina G.* Das Weichselland. Ein uralter Heimatboden der Germanen. Danzig, 1919.
- Kossina G.* Germanische Kultur im I. Jahrtausend nach Christus. Leipzig, 1932. Bd. 1.
- Kostrzewski J.* Zagadnienie t. zw. kultury gockiej na ziemiach dawnej Polski // Tydzien o Pomorzu. 1934.
- Kozłowski L.* Zarys pradziejow Polski poludniowo-wschodniej. Lwow, 1939.
- Köpke R.* Die Anfänge des Königtums bei den Goten. B., 1859.
- Krause A.* Die Geschichte der Germanen. Frankfurt a/M, 2002.
- Kulikowski M.* Rome’s Gothic Wars. From the Third Century to Alaric. Cambridge, 2007.
- Kulikowski M.* Die Goten vor Rom. Darmstadt, 2009.
- Lacroix B.* L’historien au Moyen Âge. Montréal, 1971.
- Lange E.* Botanische Beiträge zur mitteleuropäischen Siedlungsgeschichte. Ergebnisse zur Wirtschaft und Kulturlandschaft in frühgeschichtlicher Zeit // Schriften der Sektion für Vor- und Frühgeschichte der Deutschen Akademie der Wissenschaften zu Berlin. B., 1971. Bd. 27.
- Landolt Ch.* Harvaðafjöll // RGA. 1999. Bd. XIV. S. 22.
- Laube A.* Probleme germanischer Adelsentwicklung im 1. und 2. Jh. unter den Aspekt der römischen Beeinflusung // Römer und Germanen in Mitteleuropa. B., 1976.
- Lindström J.A.* Försök till bewis, att Rurik och hans Wareger woro af Finsk härkomst. Tawastehus, 1852.
- Lippold A.* Wulfila // PW RE. 1961. Bd. IX. S. 512—531.
- Łowmiański H.* Początki Polski. Warszawa, 1963. T. I.
- Magomedov B.* La stratification sociale de la population de la culture Černjahov // La noblesse Romaine et les chefs barbares du IIIe au VIIe siècles. Association Française d’Archéologie Mérovingienne. 1995. T. IX. P. 133—137.
- Maczynska M.* Die Völkerwanderung. Geschichte einer ruhelosen Epoche im 4. und 5. Jahrhundert. Zürich, 1993.
- Maczynska M.* West-ost orientierte Körpergraber der Černjachov-Kultur // МАИЭТ. Симферополь, 1996. Вып. 4. С. 340—342.

- Maenchen-Helfen O.J.* The Date of Ammianus Marcellinus' Last Books // *AJPh.* 1955. № 76.
- Maenchen-Helfen O.* The World of the Huns. Berkeley; Los Angeles, 1973.
- Maenchen-Helfen O.* Die Welt der Hunnen. Wien; Köln; Graz, 1978.
- Marquart J.* Osteuropäische und ostasiatische Streifzüge: Ethnologische und historisch-topographische Studien zur Geschichte des 9. und 10. Jahrhunderts (840—940). Leipzig, 1903.
- Marschand J.* Hatten die Goten vor Wulfila eine Schrift? // Beiträge zur Geschichte der deutschen Sprache und Literatur. 1959. Bd. 81. S. 259—302.
- Marchand J.* The Sounds and Phenomena of Wulfila's Gothic. The Hague, 1973.
- Matthews J.* The Roman Empire of Ammianus Marcellinus. L., 1989.
- Menge H.* Langenscheidts Grosswörterbuch Lateinisch. B., 1992. T. I. Lateinisch-deutsch.
- Meid W.* Zur Etymologie von got. "skohs" // Zeitschrift für vergl. Sprachforschung. 1963. № 78.
- Mikkola J.* Die Namen der Völker Hermanarichs // Finnisch-ugrischen Forschungen. 1915. Bd. 15. S. 56—91.
- Modzelewski K.* Barbarzyńska Europa. Warszawa, 2004.
- Mommsen Th.* Ammians Geographica // Gesammelte Schriften. B., 1909. Bd. VII. S. 402—408.
- Much R.* Goten // RGA von J. Hoops. Strassburg, 1913—1915. Bd. II. S. 304—306.
- Müllenhoff K.* Deutsche Altertumskunde. B., 1882. Bd. II; B., 1887. Bd. III.
- Nack E.* Germanien. Länder und Völker der Germanen. Wien; Heidelberg, 1958.
- Naudé C.P.T.* The Date of the Lather Books of Ammianus Marcellinus // *AJAH.* 1984. № 9. P. 70—94.
- Neuman G.* Heruler // RGA. 1998. Bd. 11. S. 468—474.
- Neuman G.* Rosomonen § 1. Der Name // RGA. 2003. Bd. XXV. S. 353—355.
- Niederle L.* Slovanske starozitnosti. Život starych slovanu. Praha, 1913.
- Nordgren I.* The Well Spring of the Goths: About the Gothic Peoples in the Nordic Countries and on the Continent. N.Y., 2004.
- Oberg G. von.* Die Bezeichnungen für sociale Stände, Schichten und Gruppen in den Leges Barbarorum // Arbeiten zur Frühmittelalterforschung. Münster, 1991. № 11.
- Ollrik A.* Ragnarök. Die Sagen vom Weltuntergang. B.; Leipzig, 1922.
- Orbini M.* Origine de gli Slavi. Pesaro, 1601.
- Oxienstierna E.G.* Die Urheimat der Goten. Leipzig, 1945.
- Paul F.* Gotizismus // RGA. 1998. Bd. XII. S. 461—466.
- Paschoud F.* Cinq etudes sur Zosime // Coll. d'etudes anciennes. VI. P., 1975.
- Pfahler G.* Handbuch deutscher Alterthümer. Frankfurt a/M., 1868.
- Pfeilschifter G.* Theodorich der Grosse. Mainz, 1910.
- Petrauskas O.* Die Černjachov-Kultur im Schwarzmeergebiet nach dem hunnischen Einfall // Attila und die Hunnen. Stuttgart, 2007. S. 159—165.
- Pohl W.* Conceptions of Ethnicity in Early Medieval Studies // Debating the Middle Ages: Issues and Readings. New Jersey, 1998. P. 13—24.
- Pohl W.* Goten § 3. Historisches // RGA. 1998. Bd. XII. S. 427—443.
- Pohl W.* Der Gebrauch der Vergangenheit in der Ideologie der Regna // Ideologie e pratiche del reimpiego (Settimana di Studio del Centro Italiano di Studi sull'alto Medioevo 46). Spoleto, 1999. S. 149—175.
- Pohl W.* Die Völkerwanderung. Eroberung und Integration. B.; Köln, 2002.
- Pohl W.* Die Namen der Barbaren. Fremdbezeichnung und Identität in Spätantike und Frühmittelalter // Zentrum und Peripherie. Gesellschaftliche Phänomene in der Frühgeschichte / Hrsg. H. Friesinger, A. Stuppner (Mitteilungen der Prähistorischen Kommission). Wien, 2004. № 57. S. 95—104.

- Pounds N.J.G.* An Historical Geography of Europe 450 BC—AD 1330. Cambridge; N.Y., 1973.
- Prähistorie und National-Sozialismus. Die mittel- und osteuropäische Ur- und Frühforschung in den Jahren 1933—1945 / Hrsg. A. Leube. Heidelberg, 2002.
- Pritsak O.* The Origin of Ruß. Cambridge, 1981.
- Ranke L.* Weltgeschichte. Leipzig, 1883. Bd. IV. Teil. 1. Das altrömische Kaisertum. Regna et Gentes. The Relationship Between Late Antique and Early Medieval Peoples and Kingdoms in the Transformation of the Roman World / Ed. by H.-W. Goetz, J. Jarnut, W. Pohl. Leiden; Boston, 2003.
- Reifegerste E.M.* Hervarar saga // RGA. 1999. Bd. XIV. S. 474—477.
- Reifegerste E.M.* Hervörlied // RGA. 1999. Bd. XIV. S. 477—478.
- Reifegerste E.M.* Heiðreks gatur // RGA. 1999. Bd. XIV. S. 158—161.
- Reifegerste E.M.* Hunnenschlachtlied // RGA. 1999. Bd. XIV. S. 262—264.
- Reinecke P.* Aus der russischen archäologischen Literatur // Mainzer Zeitschrift. 1906. Jg. 1. S. 42—50.
- Reinerth H.* Vorgeschichte der deutschen Stämme. Leipzig; B., 1940. Bd. III. Ostgermanen und Nordgermanen.
- Reyman T.* Problem ceramiki siwej na kole toczonej na tle odkryc w gornym dorzeczu Wisly // WA. 1936. № 14. P. 147—175.
- Richter W.* Die Darstellung der Hunnen bei Ammianus Marcellinus // Historia. 1974. № 23. S. 343—377.
- Ridley R.T.* Eunapius and Zosimus // Helicon. 1969—1970. Vol. 9—10. P. 574—592.
- Rosen K.* Ammianus Marcellinus. Darmstadt, 1982.
- Rosenfeld H.* Wielandslied, Lied von Frau Helchen Söhnen und Hunnenschlachtlied // Beiträge zur Geschichte der deutschen Sprache und Literatur. 1955. Bd. 77. S. 204—248.
- Rosenfeld H.* Dietrich von Bern // RGA. 1984. Bd. V. S. 425—430.
- Rostovtzeff M.* Iranians and Greeks in South Russia. Oxford, 1922.
- Rowland S.* The Imperial Court of the Late Roman Empire // The Court and the Court Society in Ancient Monarchies / Ed. by A.I.S. Spawfordth. Cambridge, 2007.
- Rubin Z.* The Conversion of the Visigoths to Christianity // Museum Helveticum. 1981. № 38.
- Rudbek O.* Atland eller Manheim. Uppsala, 1937.
- Sabbah G.* Ammianus Marcellinus // Greek and Roman Historiography in Late Antiquity: Fourth to Sixth Century A.D. Leiden, 2003. P. 43—84.
- Sabbah G.* La méthode d'Ammien Marcellin. P., 1978.
- Sanz Serrano R.* Historia de Los Godos: una Epopea Historica de Escandianavia a Toledo. Madrid, 2009.
- Scardigli P.* Greutungen // RGA. 1999. Bd. XIII. S. 18—23.
- Scardigli P.* Die Goten. Sprache und Kultur. München, 1973.
- Schäferdieck K.* Wulfila. Vom Bischof der Goten zum Gotenbischof // ZfK. 1979. Bd. 90. S. 253—292.
- Schäferdieck K.* Germanenmission // RAC. 1978. № 10.
- Schäferdieck K.* Gotische Literatur § 3 Das Kalenderfragment // RGA. 1998. Bd. XII. S. 451—453.
- Schilling H.* Germanische Geschichte. Von den Kimbern und Teutonen bis zu Wittekind. Leipzig, 1934.
- Schlesinger W.* Randbemerkungen zu drei Aufsätzen über Sippe, Gefolgschaft und Treue // Beiträge zur Deutschen Verfassungsgeschichte des Mittelalters. Göttingen, 1963. Bd. I. S. 296—316.
- Schlüter B.W.* Versuch einer sozialen Differenzierung der jungkaiserzeitlichen Körpergräbergruppe von Hassleben — Leuna anhand einer Analyse der Grabfunde // Neue

- Ausgr. und Forsch. in Niedersachsen. 1970. № 6. S. 117—145.
- Schmidt A. V. Kaška. Beiträge zur Erforschung der Kulturen Ostußlands in der Zeit der Völkerwanderung (3.—4. Jh.) // ESA. 1927. № 1. S. 18—50.
- Schmidt L. Allgemeine Geschichte der germanischen Völker bis zur Mitte des sechsten Jahrhunderts: Handbuch der Mittelalterlichen und der Neueren Geschichte. München;B., 1909.
- Schmidt L. Die germanischen Reiche der Völkerwanderung. Leipzig, 1913.
- Schmidt L. Geschichte der deutschen Stämme bis zum Ausgang der Völkerwanderung. München, 1934. Bd. I. Ostgermanen.
- Schmidt L. Geschichte der deutschen Stämme bis zum Ausgang der Völkerwanderung. München, 1969. Bd. I. Ostgermanen.
- Schmitt R. Goten in Indien // RGA. 1998. Bd. XII. S. 406—407.
- Schneider H. Germanische Altertumskunde. München, 1938.
- Schramm G. Die nordöstlichen Eroberungen der Russlandgoten (Merens, Mordens und andere Völkernamen bei Jordanes, Getika. XXIII. 116) // Frühmittelalterliche Studien. 1974. Bd. VIII. S. 1—14.
- Schramm G. Altrusslands Anfang. Historische Schlüsse aus Namen, Wörtern und Texten zum 9. und 10. Jahrhundert. Freiburg im Breigau, 2002.
- Schreiber H. Auf den Spuren der Goten. München, 1977.
- Schultze E. Zur Waffenbeigabe bei den germanischen Stämmen in der späten Kaiserzeit und der frühen Völkerwanderungszeit // Jahrbuch der Bodendenkmalpflege in Mecklenburg. 1989. № 37. S. 19—36.
- Schultze E. Gefäßbeigaben in Kindergräbern der Černjachov-Kultur — zu einem Grab aus Sumy-Sad (Ostukraine) // Археология Центральной и Восточной Европы позднеримского времени и Эпохи Великого переселения народов ("Ostrogothica"). Харьков, 2009. С. 165—169.
- Schütte G. Gotthiod. Die Welt der Germanen. Jena, 1939.
- Schwarz A. Reichsangehörige Personen gotischer Herkunft. Prosopographische Studien. Wien, 1984.
- Schwarz E. Germanische Stammeskunde. Heidelberg, 1956.
- Schwentner E. Eine sprachgeschichtliche Untersuchung über den Gebrauch und die Bedeutung der altgermanischen Farbenbezeichnungen (Doctoral Dissertation). Göttingen, 1915.
- Shchukin M., Kazanski M., Sharov O. Des Goths aux Huns. Le Nord de la mer Noire au Bas-Empire et à l'époque des Grandes Migrations. (BAR International Ser. № 1535). Oxford, 2006.
- See K. von. Germanische Heldensage: Stoffe, Probleme, Methoden. Frankfurt a/M., 1971.
- Sède de G. Das Geheimnis der Goten: von den Runen zu den Kathedralen. Olten, 1980.
- Seeck O. Ablabius // PW RE. Stuttgart, 1893. Bd. I. Col. 103—104.
- Seeck O. Ammianus Marcellinus // PW RE. Stuttgart, 1894. Bd. I, 2. Col. 1845—1852.
- Settlement and Society: Aspects of West European Prehistory in the First Millennium B.C. Leichester, 1985.
- Seyfarth W. Ammianus Marcellinus // Seyfarth W. Ammianus Marcellinus. Römische Geschichte, lat. und deut. und mit einem Kommentar versehen. B., 1971. Teil I. S. 10—27.
- Söderlind S. Rysernas rike. Till frågan om det Östslaviska rikets uppkomst. Stockholm, 1978.
- Solmsen F. Indogermanische Eigennamen als Spiegel der Kulturgeschichte. Heidelberg, 1922.
- Spiegel G. The Past as Text. The Theory and Practice of Medieval Historiography. Baltimore;L., 1997.
- Stampfus R. Die Germanen in Ukraine. B., 1942.
- Stenroth I. Myten om goterna: Från antiken till romantiken. Stockholm, 2002.
- Steuer H. Frühgeschichtliche Sozialstrukturen in Mitteleuropa. Eine Analyse der

- Auswertungsmethoden des archäologischen Quellenmaterials // Abhandlungen der Akademie der Wissenschaften Göttingen. Phil.-hist. Kl. 3, Folge 128. Göttingen, 1982. S. 474—494.
- Stolzenburg H. Die Übersetzungstechnik des Wulfila untersucht auf Grund der Bibelfragmente des Codex Argenteus // *ZfdPh.* 1905. № VII. S. 352—392.
- Struminn's'kyj B. Were the Antes Eastern Slavs? // *Harvard ukrainian studies.* 1979—1980. Vol. III/IV. Part 2.
- Strzelczyk J. Goci — rzeczywistość i legenda. Warszawa, 1984.
- Strzelczyk J. La société des Wisigoths au IVe siècle à la lumière du "Martyre de saint Sabas" // *Questiones Medii Aevi.* 1991. Vol. IV. P. 7—28.
- Stutz E. Gotische Literaturdenkmäler. Stuttgart, 1966.
- Strategies of Distinctions. The Construction of Ethnic Communities, 300—800* / Ed. W. Pohl, H. Reimitz. Leiden; Boston; Köln, 1998. P. 300—301.
- Suhm P. Historie om de fra Norden Udvandrede Folk. København, 1772.
- Svennung J. Jordanes und gotische Stammsage* // *Studia Gothica.* Stockholm, 1972. S. 20—56.
- Svennung J. Jordanes und Scandia.* Stockholm, 1967.
- Svennung J. Zur Geschichte des Goticismus.* Stockholm, 1967.
- Szidad J. Historischer Kommentar zu Ammianus Marcellinus. Buch XX—XXI. (Historia: Einzelschriften. H. 31). Wiesbaden, 1977. Teil I; 1981. Teil II; 1996. Teil III.
- Tackenberg K. Zu den Wanderungen der Ostgermanen // *Mannus.* 1930. Bd. 22. S. 269—292.
- Teillet S. Des Goths a la Nation Gothique. Les Origines de l'idée de nation en Occident du Ve au VIIe siècle. P., 1984.
- Tejral J. Einige Bemerkungen zur Chronologie der späten römischen Kaiserzeit in Mitteleuropa // Probleme der relativen und absoluten Chronologie ab Latenezeit bis zum Frühmittelalter. Krakow, 1992. S. 227—248.
- The Early State* / Ed. H.J. Classen, P. Skalnik. Hague, 1978.
- Thompson E.A. *The Historical Work of Ammianus Marcellinus.* Cambridge, 1947.
- Thompson E.A. *A History Attila and the Huns.* Oxford, 1948.
- Thompson E.A. The Pasio s. Sabae and Early Visigothic Society // *Historia.* 1955. № 4. P. 331—338.
- Thompson E.A. *The Early Germans.* Oxford, 1965.
- Thompson E.A. *The Visigoths in the Time of Ulfila.* Oxford, 1966.
- Thompson E.A. *Romans and Barbarian. The Decline of the Western Empire.* L., 1982.
- Tomaschek W. *Die Goten in Taurien.* Wien, 1881.
- Tomaschek W. Kritik der ältesten Nachrichten über den skythischen Norden // Sitzungsberichte der philos.-histor. Classe der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften. Wien, 1889. Bd. 117.
- Tonnies B. Die Amalertradition in den Quellen zur Geschichte der Ostgoten: Untersuchungen zu Cassiodor, Jordanes, Ennodius und den Excerpta Valesiana. Hildesheim, 1989.
- Ullrich M. Untersuchungen zur römischen handgemachten Keramik von Tanais im Bau 4, Raum 3 (Abschnitt XIX) // *Eurasia Antiqua.* 1998. Bd. IV. S. 411—416.
- Várady L. *Das letzte Jahrhundert Pannoniens (376—476).* Budapest, 1969.
- Vasiliev A.A. *The Goths in the Crimea.* Cambridge, 1936.
- Velkov V. Wulfila und die Gothi minores in Moesien // *Klio.* B., 1989. Bd. 71. H. 2. S. 525—527.
- Vernadsky G. *Ancient Russia.* New Haven, 1942.
- Vernadsky G. Note of the Name "Antes" // *Journall of American Oriental Society.* 1953. № 73.
- Vigfusson G. IV Essay: Place of the Hamtheow Lay // F.Y. Powell. *Grimm Centenary. Sigfred-Arminius and Other Papers.* Oxford; L., 1886.
- Wagner N. *Getica: Untersuchungen zum Leben des Jordanes und zur frühen Geschichte*

- der Goten. B., 1967.
- Wahle E. Tradition und Auftrag prähistorischer Forschung. B., 1964.
- Wamers E. Die Völkerwanderungszeit im Spiegel der germanischen Heldensagen // Germanen, Hunnen und Awaren. Schätze der Völkerwanderungszeit. Nürnberg, 1988. S. 69—92.
- Weber M. Wirtschaft und Gessellschaft. Tübingen, 1922.
- Weissensteiner J. Cassiodor/Jordan als Geschichtsschreiber // Historiographie im frühen Mittelalter. Wien;München,1994. S. 308—325.
- Weissensteiner J. Jordanes §2. Historisches // RGA. 2000. Bd. XVI. S. 77—80.
- Wenskus R. Stammesbildung und Verfassung: Das Werden der frühmittel-alterlichen gentes. Köln;Graz, 1961.
- Wenskus R. Adel // RGA. 1973. Bd. I. S. 60—63.
- Wenskus R. Alanen // RGA. 1973. Bd. I. S. 122—124.
- Wenskus R. Amaler // RGA. 1973. Bd. I. S. 246—247.
- Wenskus R. Die germanische Welt am Vorabend des Hunnensturms // Handbuch der europäischen Geschichte Bd.1. Europa im Wandel von der Antike zum Mittelalter / Hrsg. T. Schieder. Stuttgart, 1976. S. 94—106.
- Wiedemann T. E. J. Between Men and Beasts: Barbarians in Ammianus Marcellinus // Past Perspectives. Studies in the Greeck and Roman Historical Writhing. Cambridge, 1986. P. 189—201.
- Wolfflin Ed. Zur Latinität des Jordanes // Archiv für lateinische Lexicographice und Grammatik. Leipzig, 1900. Bd. XI. S. 361—368.
- Wolfram H. Gotische Studien I. Das Richtertum Athanarichs // MIÖG. 1975. Bd. 83.
- Wolfram H. Gotische Studien II. Die terwingische Stammesverfassung und das Bibelgotische // MIÖG. 1975. Bd. 83.
- Wolfram H. Geschichte der Goten. Von den Anfängen bis zur Mitte des sechsten Jahrhunderts. Entwurf einer historischen Ethnographie. München, 1979.
- Wolfram H. Ermanarich § 1. Historisches // RGA. 1989. Bd. VII. S. 510—512.
- Wolfram H. Das Reich und die Germanen: Zwischen Antike und Mittelalter. B., 1990.
- Wolfram H. Die Goten. Von den Anfängen bis zur Mitte des sechsten Jahrhunderts. Entwurf einer historischen Ethnographie. München, 1990.
- Wolfram H. Die Germanen. München, 2005.
- Wolfram H. Heerkönigtum // RGA. 1999. Bd. XIV. S. 115—118.
- Wolfram H. Ostgoten § 2. Historisches // RGA. 2003. Bd. XXIII. S. 344—349.
- Wolfram H. Gotische Studien. Volk und Herrschaft im frühen Mittelalter. München, 2005.
- Wormald P. The Leges Barbarorum: Law and Ethnicity in the Postromen West // Regna et Gentes. The Relationship Between Late Antique and Early Medieval Peoples and Kingdoms in the Transformation of the Roman World. Boston, 2003. P. 21—53.
- Wüst W. Goten in Indien? Ein Forschungsbericht zur mittelindoarischen Epigraphik // Altheim F. Geschichte der Hunnen. B., 1961. Bd. III. S. 141—189.
- Zeuss K. Die Deutsche und die Nachbarstämme. München, 1837.
- Zeuss K. Die Deutschen und die Nachbarstämme. Heidelberg, 1925.
- Zin'kovskaja I. Das Gotenreich Ermanarichs im Lichte aktueller historisch-archäologischer Forschungen im Süden Osteuropas // EAZ. 2003. № 44. S. 369—386.
- Zin'kovskaya I. The Hermanarich Kingdom: Between Barbarity and Civilization // Third International Conference. Hierarchy and Power in the History of Civilizations. Abstracts. M., 2004. P. 84—85.
- Zotz T. Adel, Oberschicht, Freie. Zur Terminologie der frühmittelalterlichen Sozialgeschichte // Zeitschrift für die Geschichte des Oberheins. 1977. № 125. S. 2—20.

Список сокращений

- АВ — Археологические вести
АДСВ — Античная древность и Средние века
АН ОГН — Академия наук. Отделение гуманитарных наук
АП УССР — Археологические памятники УССР
АСГЭ — Археологический сборник Государственного Эрмитажа
БФ — Боспорский феномен
ВВ — Византийский временник
ВДИ — Вестник древней истории
ВИ — Вопросы истории
ВЯ — Вопросы языкознания
ВУАК — Всеукраїнська Археологічна комісія
ГАИМК — Государственная академия истории материальной культуры
ЖМНП — Журнал Министерства народного просвещения
ЗНО — Записки Неофилологического общества при Императорском СПб. Университете
ЗООИД — Записки Одесского общества истории и древностей
ЗПАО — Записки Петербургского Археологического общества
ЗС — Знание — сила
ИАК — Императорская Археологическая комиссия
ИАН — Императорская Академия наук
ИАО — Императорское Археологическое общество
ИЖ — Исторический журнал
ИОРЯС — Известия Общества русского языка и словесности
КСИА — Краткие сообщения Института археологии АН СССР (РАН)
КСИА АН УССР — Краткие сообщения Института археологии АН УССР
КСИИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры
МАИЭТ — Материалы по археологии, истории и этнографии Таврики
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР
МДАПВ — Матеріали і дослідження з археології Прикарпаття і Волині
ПАВ — Петербургский археологический вестник
ПИДО — Проблемы истории докапиталистических обществ
ПИФК — Проблемы истории, филологии, культуры
ПСТГУ — Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет
РА — Российская археология
РАИМК — Российская академия истории материальной культуры
РГНФ — Российский гуманитарный научный фонд
РГОФО — Романо-германское отделение филологического общества при Императорском СПб. Университете
СА — Советская археология
САИ — Свод археологических источников
СВ — Средние века
СО РАН — Сибирское отделение Российской академии наук

- СЭ — Советская этнография
 AJAH — American Journal of Ancient History
 AJPh — American Journal of Philology
 CSEL — Corpus scriptorum ecclesiasticorum latinorum
 CSHB — Corpus scriptorium historiae byzantinae
 EAZ — Ethnografisch-Archäologische Zeitschrift
 ESA — Eurasia Septentrionalis Antiqua
 FHG — Fragmenta Historicorum Graecorum
 GB — Gotische Bibel / Ed. W. Streiberg
 GLM — Geographi latini minores
 HGM — Historici graeci minores / Ed. L. Dindorf
 KW — Kultura wielbarska w miodszym okresie rzymskim
 MGH — Monumenta Germaniae historica
 MGH. AA — Monumenta Germaniae historica, Auctores Antiquissimi
 MGH. SS — Monumenta Germaniae historica, Scriptores rerum Merovingicarum
 MIÖG — Mitteilungen des Instituts für österreichische Geschichtsforschung
 PG — Patrologiae cursus completus. Series graeca / Ed. J.-P. Migne
 PL — Patrologiae cursus completus. Series latina / Ed. J.-P. Migne
 PP — Parola del Passato
 PW RE — Pauli's-Wissowa Realencyclopädie der classischen Altertums-wissenschaft
 PZ — Prähistorische Zeitschrift
 RAC — Reallexikon für Antike und Christentum
 RGA — Reallexikon der germanischen Altertumskunde
 RGA von J. Hoops — Reallexikon der germanischen Altertumskunde von J. Hoops
 RGK — Römisch-Germanische Kommission
 SHA — Scriptores Historiae Augustae
 WA — Wiadomosci Archeologiczne
 ZfA — Zeitschrift für Archäologie
 ZfdA — Zeitschrift für deutsches Altertum und deutsche Literatur
 ZfdPh — Zeitschrift für deutsche Philologie
 ZfK — Zeitschrift für Kulturgeschichte

Указатель имен

- Аблабий – 18, 37, 38, 189, 194, 301, 303, 316, 324, 335
Авдий – 293, 294
Авксентий – 45, 291
Алавив – 252, 255, 364
Аларих – 29
Алатей – 30, 75, 76, 173, 177, 255, 322, 364, 371
Александр Македонский (Александр Великий) – 41, 67, 68, 303
Александр Север – 269
Амал – 194
Амвросий Медиоланский – 17
Аммиан Марцеллин – 5, 11, 12, 14, 18–22, 24, 25, 28, 30, 36, 38, 53, 72, 76, 84, 110, 115, 125, 126, 137, 141, 149, 174–178, 186, 188, 198, 212, 252, 255, 271, 276, 292, 299, 322, 324–336, 340, 350, 355, 359, 360, 362, 368–370, 384, 385
Аммий – 53, 70, 74, 335, 336, 338, 339, 342, 345, 346, 352, 355
Ангантюр I – 53, 55, 57, 59
Ангантюр III – 55, 56, 74, 75, 232, 237
Аорих – 168, 364
Ариарих – 44, 364
Арий – 44
Аринфей – 24
Аристотель – 26
Арментрикен – 66, 73
Аталарих – 36, 37
Атанарих – 43, 49, 50, 103, 171, 175–177, 184, 212, 255, 265, 272, 280, 286, 291, 292, 294, 325, 369, 370, 378
Атарид – 214, 216
Атаульф – 351, 356
Атли – 349 *
Аттила – 58, 67, 68, 70, 72, 88, 173, 361
Афанасий Великий – 169
Аэций – 58
База – 324
Баламир (Баламбер) – 120, 321, 324, 325, 330, 331
Бальдр – 54
Беовульф – 69
Бикки (Бикко) – 65, 71
Бож (Боз) – 41, 75, 120, 323–331
Ботерих – 24
Браги – 62
Бродер – 71
Бросинг – 69
Валамир – 32
Валент – 19, 22, 30, 156, 171, 177, 184, 220, 265, 291, 369
Валентиниан I – 29, 184
Ванния – 363
Василий Великий – 45, 293
Видерих – 75, 364, 371
Видсид – 60, 67–69, 322
Виктор – 24
Винитарий (Венетарий) – 40, 41, 74, 75, 94, 120, 172, 324–328, 330, 331, 332, 365, 368
Витимир – 74, 75, 173, 271, 322, 324, 364
Вульфилла – 5, 12, 18, 38, 43–50, 88, 91, 167, 181, 187, 217, 218, 224, 225, 229, 237, 240, 242, 251, 257, 264, 271, 280, 281, 283, 287, 290, 293, 294, 354, 361, 368, 371
Вульгульф – 323
Гайна – 24
Галл – 269
Гаут – 286, 366
Геберих – 168, 318, 364, 365
Гезимунд – 75, 173, 324
Георгий Синкела – 315
Герман – 34
Геродот – 23, 303
Гестумблинди – 54
Гидаций – 216
Гильдебранд – 66
Гисли – 277
Гицур Грютингалиди – 57
Гудрун – 61, 65, 71
Гунимунд – 40, 74
Гунтигис База – 33
Гунтхильда – 279
Густав Адольф – 81
Гьюки – 65
Дексипп – 25, 26, 29, 167, 187
Деор – 68, 69, 368
Дитрих Бернский – 53, 66, 71, 72
Доротеос (Доротеус) – 291

- Дрибал – 166
 Евнапий – 5, 18, 21, 25–29, 216, 255, 288, 292, 370
 Евсевий – 44
 Евтих – 293
 Евтихий – 45
 Ёрмунрек – 41, 53, 61–63, 65, 71, 73, 74, 237, 353, 383
 Захар Ритор – 132
 Зосим – 5, 18, 25, 27–30, 165–167, 184, 187, 264, 351, 369
 Илья – 44
 Иоанн Златоуст – 276, 294
 Иоанн Зонара – 315
 Иовиан – 267
 Ионакр – 62, 65
 Иордан – 5, 11, 12, 18, 30–42, 45, 47, 51–53, 63–64, 67, 72, 76, 80, 81, 84, 85, 87, 90, 98, 103, 105, 106, 108–110, 115, 120, 121, 124–126, 129, 132, 133, 136–138, 141, 144, 147–151, 162, 165, 168, 172, 174, 178, 182, 183, 187, 189–194, 212, 216, 235, 236, 244–266, 269, 285, 286, 288–302, 304, 307, 308, 310–312, 314–316, 318, 319, 322–332, 335, 336–370, 373, 374, 377, 379, 384
 Ипполит Портский – 315
 Ирмин (Эрмин) – 296, 366, 367
 Исидор Севильский – 18, 164
 Исмар – 70
 Кандак – 32, 324
 Каракалла – 166
 Кассиодор – 18, 34–37, 39, 41, 52, 53, 76, 84, 106, 162, 193, 244, 301–303, 319, 323, 324, 335
 Касталий – 33, 35
 Кирилл – 44
 Клавдий – 165, 186, 315
 Клавдий II Готский – 26
 Клавдий Птолемей – 23, 186, 310
 Книва – 165
 Константин (Константин Великий) – 43, 44, 149, 168, 188, 318, 364, 381
 Константин II – 19
 Констанций II – 294, 355
 Лициний – 168
 Лупициан – 364, 371
 Мадуарий – 294
 Максимиан – 168
 Максимин – 168
 Марк, св. – 48
 Маробод – 363
 Марцеллин Комит – 39
 Матесвента – 34
 Мерила – 280
 Мефодий – 44
 Модар – 30
 Моисей – 44
 Мундерих – 24
 Нерва – 19
 Нибелунги (Нифлунги) – 53, 65
 Ной – 306
 Один – 55, 81, 278, 282, 286, 354
 Одоакр (Адаккар) – 66, 70, 72, 350, 351
 Оדותей – 30, 255
 Олимпиодор – 29, 351, 370
 Орозий Павел – 37, 39, 182, 369
 Острогота – 194
 Питей из Массалии – 303
 Плиний Старший – 23, 181, 191, 205, 227
 Полибий – 29
 Поликарп, св. – 49
 Помпей Трога – 342
 Помпоний Мела – 23, 342
 Приск Панийский – 39, 173
 Прокопий Кесарийский – 132, 182, 186, 192, 212, 283, 294, 330, 331
 Прокопий узурпатор – 24, 26, 369
 Промот – 271
 Псевдо-Арриан – 265
 Псевдо-Захарий Ритор – 343
 Птолемей – 342
 Радагайс – 287
 Рандвер – 65
 Рискупорид VI – 170
 Ротестей – 216
 Руиморид – 24
 Савва Готский – 5, 18, 49, 50, 213–217, 229, 271, 286, 288, 292
 Саксон Грамматик – 70
 Сар – 53, 70, 74, 335, 336, 338, 339, 342, 345, 346, 351, 352, 371
 Сафрак – 30, 75, 76, 173, 177, 255, 322, 364, 371
 Сванхильд – 53, 61–63, 65, 66, 71, 350, 351, 353
 Септимий Север – 166
 Серила – 70
 Сёрли – 62, 63, 65, 70, 74, 350, 353
 Сигерих – 356
 Сигурд – 61, 65
 Сильван – 355

- Сифка – 56, 66
 Созомен – 351
 Сократ – 38
 Страбон – 289, 342
 Сунильда – 53, 74, 88, 335–337, 339, 345–347, 350–352
 Тацит – 19, 51, 91, 152, 153, 181, 205, 226, 227, 238, 269, 288, 289, 342
 Теодорих Великий – 33, 41, 45, 66, 70, 72, 92, 244, 325, 350, 351, 355, 386
 Теофил – 293, 295
 Тиу – 282
 Тор – 285
 Тотила – 34
 Траян – 269
 Тюрвинг – 54, 55, 57
 Унила – 294
 Фарнобий – 255
 Фемистий – 263, 369
 Феодосий – 21, 26, 29, 30
 Филимер – 40, 156, 189–191, 193, 288, 376
 Филипп – 293
 Филосторгий – 43, 44
 Фотий – 29
 Фравитта – 24
 Фридерик – 70
 Фритела (Фритла) – 65, 70
 Фритигерн – 30, 40, 171, 252, 255, 276, 292, 364, 371
 Хама – 69
 Хамдир – 53, 61, 62, 63, 65, 70, 74, 350, 353
 Ханала – 40
 Харон – 242, 268
 Харлунги – 65
 Хейдрек – 53–57, 59, 71, 73, 232, 237, 277, 354, 383
 Хемида – 70
 Хервер – 53–55, 57, 122, 277, 354, 355
 Херменрик – 70
 Хильдерик – 270
 Хлёд – 55–57, 59, 74, 75, 220
 Христос – 46, 49, 282, 295
 Хумли – 51
 Цезарь – 21, 153, 289
 Шапур – 181
 Эвтарих – 40
 Эгил – 278
 Эмбрика – 70
 Эмерка – 65
 Эорманарик (Эрменериг) – 53, 73
 Эрманарих (Эрменрих, Германарих) – 3–386
 Эриульф – 24
 Эрп – 62, 65
 Этерпамара – 40
 Этла – 67, 68, 72, 322
 Юлиан (Юлиан Отступник) – 19, 24, 26
 Юлий Цивилис – 350
 Юний Соран – 49
 Юпитер – 278
 Юстиниан – 34
 Ярмерик – 53, 70, 71, 73

Summary

One of the most actively developing subjects of contemporary historical studies is the research of statehood formation in various regions of Europe. Study of its ancient roots, various types of early states may shed light on origins of historical and cultural peculiarity, which worked at ground zero of European peoples' history, including that on the territory of Russia and Ukraine. At the turn of Antiquity and Middle Ages Eastern Europe saw the rise of one of the largest potestary formations known as the Ostrogothic kingdom of Ermanaric. For archaeologists this time in the south of Eastern Europe is marked with a phenomenon of Chernyakhov culture, which crossed the border separating barbarity from civilization.

Historiography of Goths in Eastern Europe is very extensive and diverse. However, up to date there are no monographic studies containing an integral analysis of Ostrogothic potestarity in IVth century AD. Meanwhile, history of Ermanaric's kingdom appeals not only to classicists but also to mediaevalists studying the origins of West-European statehood as if with 'clean sheet' and generally without regard to the heritage of the Black-Sea period in the history of Goths. The age of Ermanaric is just as well important for those who study the history of Russia, since it was exactly that time, when Eastern Europe saw the rise of the largest ethnopolitical formation before Kievan Rus'.

In Russian historiography this subject was ill-starred until the recent time due to several reasons quite far removed from the science. The official Soviet science of 1930—70s could mention Goths and Ermanaric only with latent understatement of scale and role of his kingdom. The level of historical development of Ostrogoths in IVth century AD was estimated as being not higher than a primitive 'alliance of tribes'. Depending on beliefs and sometimes nationalistic, political, personal, etc. favours, narrative sources let the scholars draw directly opposed conclusions about the Ostrogothic kingdom and its role in political and cultural life of the south of Eastern Europe.

Situation in the Gothic studies started to change cardinally in 1980—90s, first of all — owing to the change of ideological directives and the progress in studying of Chernyakhov culture. By the end of XXth century a weighty contribution in development of the Gothic studies has been made by European scholars, such as R. Hachmann, H. Wolfram, V. Bierbrauer, P. Heather, J. Tejral, A. Kokowski, M. Maczynska, etc. It seems that for today's generation of scholars the above-mentioned publications together with a fundamental book of Austrian scholar H. Wolfram drew a certain line in study of Goths. But the phenomenon of the Ermanaric's kingdom still remains largely

unexplored. It appears that it requires a different approach and, first of all, a higher level of historical analysis of the whole body of sources and historiographic heritage accumulated within two centuries.

Chronological framework of our study covers the IVth century AD, when the south of Eastern Europe saw formation and heyday of Ermanaric's kingdom. They correspond to Phases C2, C3, D1 of archaeological chronology of European Barbaricum. The Ostrogothic kingdom appeared at remote North-Western boundaries of Late Ancient oecumene in the beginning of the period, which may be defined as the turn of Antiquity and Middle Ages (IV—VIth centuries AD). Its geographical framework include not only the main territory of Ermanaric's domain between the Dniester and the Severski Donets (within the area of Chernyakhov culture), but also the whole sothern half of Eastern Europe, where Goths interacted with other peoples of this extensive region.

Our study has an interdisciplinary nature. In terms of age and several sources used (the work of Ammianus Marcellinus, etc.) it belongs to the problematics of contemporary classical studies. But in terms of subject ('barbarian kingdom') and other sources (Jordanes' *Getica*, early medieval heroic epos, etc.) it enters the area of medieval studies. Our work is based on the analysis of various types of sources — written, linguistic, archaeological, as well as that of epic tradition with further correlation of obtained results. In order to extract authentic information we had to perform a repeated verification of the basic narrative sources. While studying archaeological materials we used not only traditional methods (comparative-typological, cartographic, stratigraphic, etc.), but also a civilization approach, which allowed us to define the development level of Chernyakhov culture creators without any prejudice. The obtained results were interpreted with the use of a historical-comparative method, as well as with regard to the latest achievements of historical politology.

Chapter I "Narrative sources about Goths of Ermanaric" is dedicated to analysis of literary evidences. Paragraph 1 is related to *Res Gestae* by Ammianus Marcellinus — the last outstanding Roman historian, for whom the kingdom of Ermanaric was a political reality, Paragraph 2 — to works of early Byzantine historians Eunapius and Zosimus, who described the final events of Ostrogothic history in Eastern Europe, Paragraph 3 — to Jordanes' *Getica* containing the most complete information about the Ostrogothic kingdom, Paragraph 4 — to the Bible of Ulfila, Paragraph 5 — to a Christian hagiographic work *Passio s. Sabae Gothi* (these two sources reflected many fundamentals of Gothic society in the IVth century AD allowing to estimate the level of its historical development), Paragraph 6 — to analysis of Germanic epic tradition, which saved the memory about the mighty Ostrogothic king Ermanaric, and Paragraph 7 to early medieval historical chronicles. The indicated sources cover the history of Ostrogoths and their kingdom in Eastern Europe in varying degrees. But notwithstanding the incompleteness of each

of them, as a whole they create a quite certain information field allowing to cover the key issues of the Gothic history in IVth century AD.

Chapter II “Kingdom of Ermanaric in European and American historiography” comprises the analysis of reach historiographic heritage concerning this kingdom. Within two centuries scholars have collected and analyzed virtually the whole corpus of written evidence about Goths (P.F. Suhm, K. Zeuss, Th. Mommsen, K. Müllenhoff, W. Tomaschek, Th. Grienberger, J. Marquart, W. Streitberg, etc.). Studying of this problem showed a basic range of issues connected with territorial and chronological framework of the Ostrogothic state and its polyethnicity. In the first third of XXth century the German concept of the Gothic history found its logical end in numerous works of L. Schmidt. In 1930—40s studying of the concerned problematics was heavily influenced by national-socialist ideas, which became an ideological basis for justification of the German aggression to the East (F. Altheim, H. Jankuhn, K. Gloger, etc.). The last paragraph of the chapter includes the historiographic analysis of studying of Ermanaric’s ‘empire’ in West-European and American science in the 2nd half of XX—early XXIst centuries: ethnological studies of R. Wenskus about Traditionskern, N. Wagner’s monographs about Jordanes’ *Getica*, works of R. Hachmann, which were of great methodological importance for studying of sources about Gothic ethnogenesis, G. Schramm’s studies of Ermanaric’s ‘empire’ as a predecessor of Kievan Rus’. The modern level of West-European Gothic studies is reflected in numerous publications by H. Wolfram. In terms of coverage and insight in the most difficult issues of the Gothic history his final work is unprecedented. Works of a German archaeologist V. Bierbrauer made an important contribution in understanding of those complex ethnocultural processes, which occurred in Central and East European Barbaricum in IV—Vth centuries AD.

In the 2nd half of XXth century the Gothic issues were also studied by scholars from Scandinavian countries: a Swedish linguist and historian J. Svennung, a Finnish explorer I. Korkkanen, a Danish scholar A.S. Christensen, etc. Since the middle of the century monographic works concerning the Gothic problematics have been appearing in UK and US: these are works by C. Brady, E.A. Thompson, D.T. Barnes, H. Bradley, P. Heather, J. Matthews, O.J. Maenchen-Helfen, etc. We also have to note a considerable contribution made by Polish scholars, especially M. Maczynska and A. Kowowski. At the same time, an evident drawback of West-European studies of East European Goths is a poor use of archaeological sources, which serve as more objective evidence of ethnopolitical situation in the south of East Europe than traditional narrative texts.

In Chapter III “Kingdom of Ermanaric in Russian historiography” we distinguish four stages in studying of the Gothic issues in Russian and Ukrainian science. Paragraph 1 is dedicated to the analysis of works of Russian scholars of XIX—early XXth centuries: A.A. Kunik, A.S. Budilovich, F.A. Braun, A.N.

Veselovsky, F.I. Uspensky, N.P. Dashkevich, I.V. Sharovolsky, Y.A. Kulakovsky, etc. Some of them considered Goths as some kind of Normans of the Great migrations age and the Ermanaric's 'empire' as a predecessor of Kievan Rus'. But most of Russian scholars thought that Goths played much more modest role in Russian history. When V.V. Khvoiko discovered Chernyakhov antiquities, the Gothic problematics acquired a new, archaeological aspect, which resulted in a stormy discussion with German scholars (P. Reinecke, etc.).

Paragraph 2 considers development of Gothic studies in Russia in a period of establishing of Soviet Marxist history. Works of V.I. Ravdonikas and a 'Gothic group' in GAIMK established a notion of Ermanaric's Goths as a quite primitive tribal alliance, which persisted in the Soviet science until 1970—80s.

Paragraph 3 contains the analysis of works by Soviet archaeologists and historians of the 2nd half of 1950s—1980s, who touched upon the Gothic problematics anyway. Mitigation of ideological pressing with the beginning of a 'thaw period' altogether had a positive influence upon studying of Gothic problematics in Russia (discussion concerning problems of Chernyakhov culture in 1957 and further numerous archaeological studies of antiquities dating back to the second quarter of the 1st millennium AD, publishing of Jordanes' "Getica" by E.C. Skrzinskaya, etc.). It was that time when the accent in studying of the subject of our interest started to shift to the area of archaeological research (works of M.A. Tikhanova, P.N. Tretyakov, E.A. Rikman, V.V. Kropotkin, V.D. Baran, Y.V. Kukharenko, etc.). By 1980s, under pressure of continuously multiplying archaeological facts, the number of advocates of the Gothic attribution of Chernyakhov culture has increased (M.A. Tikhanova, M.B. Shchukin, Y.V. Kukharenko). This idea was developed by the most prominent Russian linguist V.N. Toporov. His work immediately induced an incisive criticism on the part of academic B.A. Rybakov and V.P. Budanova. Some years later Budanova's own book was published — it was the first monographic work concerning the Gothic problematics in Soviet historical studies. The final conclusion of the author was that a traditional concept of 'Ermanaric state' could not be considered as adequate to a set of ancient written evidence about this 'state'. The book by V.P. Budanova showed that it was impossible to study the Gothic problematics further being limited only to analysis of traditional literary sources. By that time it was evident that information allowing scholars to have a new look on the old problem was confined not in written, but in archaeological sources.

Paragraphs 4 analyze results achieved by contemporary Russian scholars in studying of Ermanaric's kingdom. At the turn of XX—XXIst centuries there appeared new approaches to historical estimation of ancient societies, including Chernyakhov, which had been previously considered as late primitive one. At this time fundamental monographic studies concerning the history of Goths and Chernyakhov culture were created by M.B. Shchukin, A.M. Oblomski, M.M. Kazanski. They testify that priority in studying of Ermanar-

ic's kingdom and its culture has transferred to archaeologists. Meanwhile, all the enormous corpus of archaeological sources is still far from being completely used for studying of the phenomenon of our interest.

Chapter IV "Goths and Chernyakhov culture" is dedicated to studying of historical, geographical, socio-economical and cultural aspects of the problem in the light of comparative analysis of data from narrative, linguistic and archaeological sources. Paragraph 1 considers stages of the Ostrogothic history in context of Chernyakhov culture evolution. Special attention is paid to the 'age of Ermanaric' (333—375 AD), which was marked with a heyday of classic Chernyakhov culture in Phase C3. Paragraph 2 defines the territory of Ermanaric's kingdom. In IVth century AD the enormous area occupied by Chernyakhov culture was a scene of complex processes marked by spreading of uniform items, homebuilding traditions, funeral rituals, and also information, experience and innovations. The Ostrogothic society of IVth century AD was characterized by the quick synthesis of achievements of late ancient civilization and local barbarian culture.

Paragraph 3 throws light on a contemporary approach to the problem of Goths in the south of Eastern Europe. Today no one of the scholars is doubtful that linguistically Goths belong to East German group (vocabulary of Ulfila's Bible, runic inscriptions, etc.). But all that complex conglomerate united under the reign of Gothic kings was perceived by Greeks and Romans as 'Scythians called Goths' (Dexipp., Chron., 16). It is not impossible that such a definition masks a wish of Greek and Roman authors to emphasize some special, non-Germanic features of Goths, which had to emerge in the process of 'finding of native land' in Black-Sea Scythia.

Paragraph 4 deals with a question about the area of Oium and a pre-Gothic substrate in connection with the problem of Spali. Paragraph 5 analyzes the basic ethnic components of Chernyakhov culture to the east from the Dniester. Now we reveal more and more distinctive archaeological ethnic indicators of the presence of Eastern Germans in the south of Eastern Europe in III—IVth centuries AD: long houses, inhumations with northern orientation and cremations in urns, hand-made ceramics of Wielbar-type, arms, many details of clothing, first of all fibulae, decorations, as well as horn combs. Certainly, one of the most definitive Germanic elements was represented by the runic script. Anthropological research testifies that Chernyakhov population also included ethnic groups close to the population of Northern and Central Europe of the Roman age. A late Scythian tradition in Chernyakhov culture shows itself in stone homebuilding in the Black sea region, some pottery shapes, partly — in anthropology; Sarmatian elements are perceptible in the spread of circular yurt-shaped dwellings, in some types of burial structures (pits with fillets, cuttings, catacombs), as well as in a custom of artificial deformation of skulls. 'Sarmatian' features serve not as a heritage of the pre-Gothic

substrate, but as an evidence of the presence of scattered groups of Sarmatians and Alans among the population of already formed Chernyakhov culture.

Despite the intense search performed by several generations of Russian and Ukrainian scholars, a Slavic component in Chernyakhov culture is feeble. It finds its most distinct manifestation in a Trans-Dniester group of Cherepin-Teremci sites. It is represented by dwellings deepened in the ground — predecessors of early Slavic half-dugouts with stone stoves, some shapes of plastic pottery finding analogs in Praga culture of V—VIIth centuries AD, etc. Another, eastern group of sites, which was probably connected with a Slavic ethnos within Chernyakhov culture, is known in a forest-steppe area between the Dnieper and the Don rivers — these are the settlements of so-called Kiev tradition in Chernyakhov culture. Recently, a new type of sites has been discovered on the left bank of the Dnieper — it is so-called ‘Boromlya horizon’. They are associated with a forced migration of some population (Venetae) from Middle and Upper Dniester region under the pressure of Goths.

Chapter V “Social organization” analyzes the data of narrative and archaeological sources about the level of social development of Chernyakhov culture carriers. Types of settlements, absence of any testimonies for their growth into urban structures is completely consistent with traditional Gothic lifestyle, which remained mainly rural (Goth. haims, weihs) during the whole their history. Traces of fences around some Chernyakhov manors, findings of keys and locks may be considered as the evidence for emergence of village community and private ownership among Ostrogoths. Presence of a term ‘land ownership’ (Goth. haimopli) in the Gothic Bible allows us to consider it as an institute close to a Germanic ódal. Coexistence of different homebuilding traditions (long above-ground houses, half dugouts, etc.) in the same settlements denotes the development of social inequality among their dwellers. Materials from Chernyakhov burial sites and numerous hoards of Roman coins may be considered as markers of considerable property differentiation among the population of Ostrogothic kingdom. A question about its social stratification is more difficult. According to the archaeological data, in IVth century AD its main body was represented by free people (Goth. freis), there is also a small series of burials being close to Central European ‘princely’ tombs as well as warrior cremations in urns and inhumations. A special group of population was represented by persons, who left western-oriented burials. However, in general Chernyakhovo necropolises of IVth century AD still demonstrate a social equality of most society members.

Chapter VI “Level of economic development” comprises materials allowing us to specify a level of economic development of Chernyakhov culture in its heyday. Its economy was based on plough agriculture, which ensured certain prosperity of the Chernyakhov society and caused a real demographic explosion in IVth century AD. Presence of specialized workshops (potter’s, blacksmith’s,

jeweller's, bone-cutter's) testifies the generation of commodity production, which is well consistent with the linguistic material of the Gothic Bible, where artisanal and other specialties are mentioned. From works of ancient authors we know that Ostrogoths had considerable monetary resources (Amm. Marc., XXXI.3.3; Zos., IV.38.3-4). The presence of currency circulation is testified by vocabulary of the Gothic Bible, as well as by widespread occurrence of Roman coins (more than 20,000 pcs. are found) in the territory of Chernyakhov culture. Most likely, the major part of this money found its way to the south of Eastern Europe in IVth century AD in noneconomic way: in the form of payments to barbarian federates, 'gifts' to Gothic kings, as well as prizes of war.

Chapter VII "Culture and religion" deals with a problem of spiritual and intellectual development of people living in Ermanaric's kingdom. The Chernyakhov phenomenon showed itself in literacy of some people, who used Greek and Latin alphabets, in the use of a runic script, in emergence of complex calendar systems impressed on ritual vessels and, finally, in the spread of Christianity, though en masse Goths in IVth century AD remained pagans. Archaeological sources testify that during Ermanaric's rule Ostrogothic society was already crossing the edge separating barbarity from civilization.

Chapter VIII "Ermanaric's wars" contains detailed analysis of Jordanes' list of arctoi gentes (Get., 116). The author offers an archaeological identification of one of them — Rogas Tadzans (Goth. *Raúastadians — 'those living on the banks of Ra' = Volga) with the population, which left the sites like Lbishche near Samara. This and other latest archaeological discoveries compel us to be much less skeptical to Jordanes' data, including his list of 'northern peoples'. Paragraph 2 throws light on Ermanaric's wars with Heruli and Vandali. Paragraph 3 is dedicated to Ermanaric's campaigns against Venetae. Analysis of all versions of their localization showed that the Ostrogothic king could lead a military expedition to the North to the Dnieper left-bank forest-steppe area, which was then inhabited by numerous tribes of Kiev culture. Paragraph 4 describes the war of Ermanaric's successor — king Vinitarius — with Boz's Antes (Get., 246—247). Entrance of Antes into historical arena was promoted by a unique ethnopolitical situation, which developed in East-European forest-steppe as a result of Hunnic invasion and destruction not only of Ermanaric's 'empire', but also of Ostrogothic potestary formations, which emerged on its ruins (like Vinitarius' 'kingdom').

Chapter IX is dedicated to a "conspiracy of Rosomoni" against Ermanaric. In this chapter, the author reviews various versions of Rosomones' ethnicity: Slavic, Iranian and Germanic. According to comparative analysis of Jordanes' evidence (Get., 129), Germanic epic tradition (Hervarar saga, 10-11) and an image on a Gottland stone of Ardre VIII, Rosomoni may initially mean 'those around the αὐλή'. Most likely, they were courtiers, servants of Ermanaric and not a special tribe (ethnos), which had been unsuccessfully looked for by lots of historians and archaeologists.

Chapter X “Ermanaric’s kingdom — an early ‘barbarian state’” contains the reconstruction of Ostrogothic statehood formation based on the analysis of the whole set of narrative, linguistic and archaeological sources. Paragraph 1 contains the analysis of Ermanaric’s regnum. According to Jordanes’ account, Ermanaric was the sixth descendant of legendary Amalus and obtained a royal status by inheritance (in regno successit). Time of Ermanaric’s reign most likely fell on the period of 333—375 AD. Evidence of Ammianus and Jordanes leave no doubt that Ermanaric created a very large politico-military formation, which included a considerable part of Eastern Europe between the Lower Don region occupied by Alani-Tanaitae and the Dniester marking the boundary with the domain of Visigoths. Judging by a list of tribes conquered by Ermanaric (Get., 116-119), his ‘empire’ was very polyethnic (Goths, Heruli, Vandali, pre-Slavs — Venetiae, Aestiorum natio, Galindi). Perhaps, arctoi gentes also depended on Ermanaric’s kingdom. Therefore there is no cause to call Ermanaric’s domain as an ‘alliance of tribes’, as was traditionally accepted in Soviet science, since sources do not offer any evidence of their alliance relations with Ostrogoths. Vice versa, virtually all these peoples (excluding Aesti) turned out to be included in Ermanaric’s kingdom as a result of conquest. Huge extent of the territory controlled by Ermanaric and a great deal of dependant peoples serve as a direct evidence of the measure of his rule. Probably, it is also testified by his name, which could be a title (Erman — ‘great’ and riks — ‘king’) emphasizing the might of the last Ostrogothic ruler.

According to ancient Germanic tradition, Ostrogothic king ruled his people as a rex Gothorum (Getarum) (Get., 118). But when describing Ermanaric’s deeds Jordanes uses Latin verbs imperare (Get., 120) and servire (Get., 118-119) denoting absolute character of his royal power over the conquered peoples. The king wielded a supreme military authority. It is interesting that Jordanes wrote that the last Ostrogothic ruler forced all the conquered peoples *suisque parere legibus fecit* (Get., 116). He knew the genuine Gothic name of these legibus — *belagines* (Get., 69). Most probably, these were conventional rules used for legal proceedings within Goths themselves. However, it is also necessary to pay attention to the fact that Ostrogoths had a popular assembly like Germanic thing (Get., 129).

In Paragraph 2 Ermanaric’s kingdom is considered in the light of modern theories of potestarity. According to the typology of early polities, Ermanaric’s regnum had several features of an early state, but not those of a complex chiefdom. Numerous archaeological data denote the increase of cultural and social complexity of Ostrogothic society in IVth century AD, which is more characteristic for a stage of civilization. Probably, this explains the fact that Chernyakhov culture turned out to be the most developed among all the barbarian cultures of Late antiquity. Ermanaric’s ‘empire’ demonstrated a historical possibility for formation of a ‘barbaric kingdom’ beyond the territory of Roman provinces, in East-European Barbaricum. But, unlike classical bar-

barian states of V—VIth centuries AD, it did not have a nutrient Roman medium, towns and other institutions of old civilization, though the IVth century Goths managed to assimilate a lot from that.

Most of Soviet scholars who rested upon the Marxist concept of history a priori assigned the Ostrogothic society to a stage known as a breakdown of tribal society (A.R. Korsunsky, E.A. Rikman, E.A. Symonovich, V.D. Baran, etc.). B.D. Grekov, B.A. Rybakov, V.I. Dovzhenok defined the Chernyakhov society as a forming early-feudal one. Recently some scholars started to lean towards a conclusion that this society was already at the stage of 'proto-civilization' (M.Y. Braychevsky, O. M. Prikhodnyuk). In our opinion, formation of an integrated archaeological culture occupying a vast territory and having several significant features characteristic for a stage of civilization is very indicative. In this regard classic Chernyakhov culture of IVth century AD may be considered as some kind of a 'state' culture of Ermanaric's kingdom being a result and a material reflection of complex consolidation of various tribes and peoples within the framework of forming Gothic potestarity with preservation of certain local peculiarity in the provinces.

The analyzed data of narrative sources and archaeology allow us to conclude that Ostrogothic society of Ermanarich's age appeared as a multilevel sociopolitical organization (over-tribal 'imperial', 'national' Gothic, regional and local communal levels) for regulation of social and interethnic relations in the forming stratified society. It was already divided into at least some estates (strata): a ruling family of Amali and its company, including king's retinue; free Goths; various groups of dependent population, as well as tributaries from the remote periphery. Social organization of Goths did not have any features of feudal society but had a lot of attributes of forming 'early state'.

Our research showed that in IVth century AD the south of Eastern Europe was occupied by the vast Ostrogothic kingdom, which found its archaeological equivalent in the classic Chernyakhov culture. It cannot be defined by traditional categories used in Soviet historical studies, such as 'alliance of tribes', 'federation', etc. The best name for that is an authentic 'kingdom' (regnum). By the end of Ermanaric's reign it overgrew the scale of a 'super-complex chiefdom' and was becoming an 'early state' demonstrating the development of exopolitary system of exploitation focused on conquered ethnic groups and resources of remote areas (Jordanes' 'northern peoples'). Probably, if the development of Ostrogothic kingdom had not been forcibly interrupted by Huns, it would have transformed into a really mature state. But due to tragic events of 375—376 AD the polyethnic Ermanaric's regnum remained somewhere at the edge of civilization and the earliest stage of statehood. But memory about that was preserved for centuries in early medieval Germanic sagas praising the image of tyrannical king Ermanaric/Heiðrek/Jormunrekk.

Contents

Introduction	7
Chapter I. Narrative sources about Ermanaric's Goths	
§ 1. Ammianus Marcellinus' "Res Gestae"	19
§ 2. Early Byzantine historians Eunapius and Zosimus	25
§ 3. Jordanes' "Getica"	31
§ 4. Ulfilas' Gothic Bible	43
§ 5. The Passion of St. Saba the Goth	48
§ 6. Germanic epic tradition	51
§ 7. Early medieval historic chronicles	70
Chapter II. Ermanaric's kingdom in European and American historiography	
§ 1. Gothicism in the XVI–XVII th centuries	80
§ 2. Ermanaric's Ostrogothic state in studies of European scholars of the XIX th –early XX th century	83
§ 3. Gothic issue in Germany before and during the World War II	92
§ 4. History and archaeology of Ermanaric's "empire" in studies of the second half of the XX th –early XXI st century	95
Chapter III. Ermanaric's kingdom in Russian historiography	
§ 1. Historical works of the XIX th –early XX th century	120
§ 2. Consideration of the Gothic problem in Soviet archaeology in the 1920s–middle 1950s	128
§ 3. Gothic studies in the USSR in the second half of 1950s–1980s	133
§ 4. Studies of contemporary Russian scholars	144
Chapter IV. Goths and Chernyakhov culture	
§ 1. Milestones of Ostrogothic history in the light of the Chernyakhov culture studies	161
§ 2. Ostrogothic territory	174
§ 3. Ethnic aspect of the Gothic problem	181
§ 4. Migration of Goths and substrate issue	189
§ 5. Main ethnic components of the Chernyakhov culture	194

Chapter V. Social organization

§ 1. Settlement structures..... 211
 § 2. Towns..... 219
 § 3. Household and family 222
 § 4. Burials..... 229

Chapter VI. Economic development

§ 1. Agriculture..... 249
 § 2. Handicrafts 255
 § 3. Trade and currency circulation..... 263

Chapter VII. Culture and religion

§ 1. Runes and origins of written tradition..... 275
 § 2. Pagan religion..... 281
 § 3. Early Christianization of Goths 290

Chapter VIII. Ermanaric’s wars

§ 1. “Northern peoples”..... 299
 § 2. Herules and Vandals..... 315
 § 3. Veneti..... 319
 § 4. Huns, Alans and Antes..... 321

Chapter IX. Conspiracy of Rosomoni

§ 1. Jordanes’ evidence about Rosomoni..... 335
 § 2. Rosomoni – Roxolani..... 338
 § 3. Rosomoni – Slavs..... 343
 § 4. Rosomoni – Germans 345
 § 5. Rosomoni – Ermanaric’s courtiers 353

Chapter X. Ermanaric’s kingdom as early “barbarian state”

§ 1. Ermanaric’s regnum..... 359
 § 2. Ermanaric’s kingdom in the light of modern theories
 of potestarity 374

Conclusion..... 384
 Attachment..... 387
 Bibliography 408
 List of abbreviations..... 447
 Index of names..... 449
 Summary 452
 Contents..... 461

Научное издание

Ирина Владимировна Зиньковская
Готланд Эрманариха:
остроготы в Восточной Европе на рубеже Древности
и Средневековья

Макет и оформление Ю.В. Балабанов
Издательский редактор И.В. Румянцева
Корректор Н.С. Головин

Предложения и вопросы можно присылать на электронный адрес серии:
medieval.books@mail.com

Подписано в печать 18.08.2018 Формат 70×100/16. Заказ № 287.
Тираж 500 экз. 29,0 п.л. 33,5 уч.-изд. л.

Отпечатано в Акционерном обществе
«Т8 Издательские Технологии»
109316 Москва, Волгоградский проспект, дом 42, корпус 5
Тел.: 8 (495) 221-89-80

По издательским вопросам обращаться:
«Центр гуманитарных инициатив»
e-mail: unikniga@yandex.ru. Руководитель центра П.В. Соснов

•

И.В. Зиньковская

Готланд Эрманариха: остроготы в Восточной Европе на рубеже Древности и Средневековья

Книга является первым монографическим исследованием королевства Эрманариха IV в. На основе анализа всего корпуса нарративных, лингвистических и археологических источников, а также изучения богатого историографического наследия впервые реконструируется процесс формирования остроготской государственности, уточняется ее место во всемирной и отечественной истории. Выявлены и осмыслены глубокие изменения в жизни населения юга Восточной Европы в эпоху Великого переселения народов. Исследование проливает свет на истоки европейской цивилизации, когда на рубеже Древности и Средневековья формировались этническая карта современной Европы, «варварская» государственность, письменность и право.

9 785987 128664